

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тюменский государственный нефтегазовый университет»

РОССИЯ – ТЮМЕНЬ:

ВЕКТОРЫ ЕВРАЗИЙСКОГО РАЗВИТИЯ

Тюмень
ТюмГНГУ
2015

УДК 323/316(470+5710)
ББК 66.3
Р76

Рецензенты:

Рязанцев С. В., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН,
руководитель Центра демографии и экономической социологии
Института социально-политических исследований РАН;
Докторов Б. З., доктор философских наук, профессор,
Почетный доктор Института социологии РАН (Москва),
почетный член Санкт-Петербургской ассоциации социологов,
действительный член Российской Академии социальных наук (США).

Р76 **Россия – Тюмень: векторы евразийского развития** / Под редакцией В.К. Левашова, Н.Г. Хайруллиной. —
Тюмень: Издательство ТюмГНГУ, 2015. — 324 с.
ISBN 978-59961-1039-1

Коллективная монография Тюменского государственного нефтегазового университета посвящена анализу ситуации и перспективам развития России в целом, Тюменской области в частности в начале XXI века. Авторы рассматривают широкий круг социально-экономических, социополитических и этнокультурных проблем европейских и азиатских регионов России. Монография построена на базе фундаментальных и прикладных исследований, проводимых учеными Казахстана, Москвы, Казани, Краснодара, Пензы, Горно-Алтайска, Элисты, Новосибирска, Тюмени, Сургута.

В работе широко использованы исторические данные, материалы отечественных и зарубежных научных центров, статистические данные.

Тенденции, выводы, прогнозы, изложенные в настоящей монографии, могут быть использованы политиками, учеными, специалистами, чьей областью деятельности является выработка конкретных управленческих решений. Книга также рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся перспективами развития Тюменской области, а также европейских и азиатских регионов России.

УДК 323/316(470+5710)
ББК 66.3

ISBN 978-59961-1039-1

© Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Тюменский государственный
нефтегазовый университет», 2015

Содержание

К читателю	5
------------------	---

Раздел I.

ЕВРАЗИЯ – РОССИЯ – ТЮМЕНЬ

Шалин В. В.

Евразия — люди во времени: интересы, борьба, выживание	12
---	----

Левашов В. К.

Генезис и динамика устойчивого развития гражданского общества в России	19
---	----

Хамзина Г. Р., Исламшина Т. Г.

Постсоветское российское общество: провинциологический контекст изменений	35
--	----

Грошева И. А., Грошев И. Л.

Индексная оценка системы государственного и муниципального управления	45
--	----

Киричук С. М.

Генезис местного самоуправления, проблемы оценки его состояния на современном этапе	66
--	----

Ткачева Н. А.

Миграционные процессы как фактор взаимозависимости Европы и Азии	78
---	----

Малькова В. К.

Полиэтническое пространство города как фактор улучшения межэтнических отношений	88
--	----

Дорошин Б. А.

Мифоархетипическое в этнокультурах народов Поволжья как фактор общественного консенсуса в регионе	98
--	----

Ламажаа Ч. К., Хайруллина Н. Г.

Проявления неотрадиционализма в регионах УрФО: результаты исследований	111
---	-----

Устинова О. В.

Управление репродуктивным поведением населения в условиях демографического кризиса	114
---	-----

Троцук И. В.

Ценностные приоритеты китайской молодежи: общая характеристика и оценка влияния семейно-демографической политики КНР	130
---	-----

Темербекова А. А., Байгонакова Г. А.

Развитие образовательной среды малого региона (на примере республики Алтай)	140
--	-----

Намруева Л. В.

Работники сельской культурной сферы: статус, функции (на материале Республики Калмыкия)	150
--	-----

Мусина Р. Н.

Особенности этноконфессиональной ситуации в постсоветском Татарстане	154
---	-----

Раздел II.**ЕВРАЗИЯ – ТЮМЕНЬ – РОССИЯ***Мельников В. П.*

Арктический вектор развития Восточной Сибири: мерзлота и антропогенные риски	160
---	-----

Силин А. Н.

Социально-экономическое освоение российской Арктики и Субарктики: проблемы и механизмы их решения	164
--	-----

Хайруллина Н. Г.

Современное этнокультурное пространство Тюмени	182
--	-----

Попков Ю. В.

Актуальные проблемы национальной политики в федеральном и региональном измерении	190
---	-----

Мархинин В. В., Удалова И. В.

Межэтническое сообщество Югры	202
-------------------------------------	-----

Максимова О. А.

Динамика поколений в полиэтничном и поликонфессиональном обществе	221
--	-----

Садыкова Х. Н.

Социологическая диагностика межпоколенных отношений в социокультурном пространстве региона	232
---	-----

Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д.

Сообщество наёмных работников в России: специфика социального развития	246
---	-----

Шеломенцева В. П., Игнатова Е. В.

Обеспечение конкурентоспособности вузов Евразийского союза на основе стратегического менеджмента	252
---	-----

Гаврилюк В. В.

Развитие системы образования в Тюменском регионе	261
--	-----

Гаврилюк Т. В.

Художественное образование в городском культурном пространстве	274
---	-----

Ильдарханова Ф. А.

Стратегии развития сельского социума (региональный аспект)	285
---	-----

Конев Ю. М., Белоножко М. Л., Барбаков О. М.

Социальное самочувствие сельских жителей как основной фактор развития агропромышленного комплекса	291
--	-----

Список литературы	306
-------------------------	-----

*Стоит только попристальнее
вглядеться в настоящее,
будущее вдруг выступит
само собой.*

Н. В. Гоголь

К ЧИТАТЕЛЮ

Выход в свет представленной коллективной научной монографии связан с несколькими обстоятельствами. В определенном смысле она является продолжением проекта «Тюменская область: наука и общество (социально-экономическое и этнокультурное развитие)», который в качестве гранта Губернатора Тюменской области был поддержан на конкурсе научно-исследовательских проектов, посвященном 60-летию области в 2005 г. Нынешняя работа направлена на исследование социальных и материальных условий и предпосылок будущего развития Российской Федерации и Тюменской области.

За прошедшие годы удалось сделать многое, главное — преодолеть тенденцию к распаду России, заложенную бездумной неолиберальной практикой реформ в 2000-е гг. Нарушены планы геополитического развала России, которые практически легально осуществлялись извне и внутри страны. Улучшилась моральная атмосфера и общественная ситуация в стране. Существующая в государстве система власти создала условия для положительных результатов в социально-экономическом развитии и в социально-политической консолидации общества. Осуществляется программа перевооружения российской армии и повышения обороноспособности страны. Изменилось в лучшую сторону отношение общества к армии и военной службе. Для многих граждан и семей появилась позитивная трудовая мотивация деятельности для создания лучшего будущего для себя и своих детей. В стране удалось создать условия для перелома негативного демографического тренда. За последние шесть лет темпы рождаемости значительно возросли благодаря улучшению социально-экономических условий в стране и введению стимулирующих программ материнского капитала. В настоящее время Россия стала одним из мировых экономических лидеров, а уровень жизни населения по сравнению с девяностыми годами заметно повысился. Индекс развития человеческого потенциала в России увеличился с 0,691 в 2000 г. до 0,788 в 2013 г. При этом Россия поднялась в рейтинге с 62-го места до 55-го. За последние десять лет Россия стала шестой экономикой

мира после США, Китая, Японии, Индии и Германии по объему внутреннего валового продукта и паритету покупательной способности. Несмотря на объявленную Западом политику санкций страна и ее экономика успешно развиваются, привлекая иностранные инвестиции и технологии. На данный момент Россия является одним из крупнейших держателей международных резервов, уступая лишь Китаю, Японии и Саудовской Аравии. России стала независимой державой, которая проводит политику в интересах своих граждан.

Важное стратегическое положение среди российских регионов занимает Тюменская область, находясь вблизи от географического центра страны и на сравнительно небольшом удалении от экономически развитых регионов Центральной России, Урала, Поволжья. Главная особенность Тюменской области состоит в том, что она была и до сих пор является ведущим производителем нефти в России в течение достаточного длительного времени. На Тюменскую область приходится добыча около двух третей от всей общероссийской нефти. В области в течение длительного времени отмечается постоянный рост числа проживающих за счет естественного и миграционного прироста, что в последнем случае было связано с ростом потребности в рабочей силе при освоении нефтяных и газовых месторождений. За период формирования и развития нефтегазового комплекса севера Западной Сибири население ЯНАО увеличилось в 6,7 раз (с 80 тыс. чел. в 1970 г. — до 542,2 тыс. чел. в 2013 г.), ХМАО — почти в 6 раз (с 271 тыс. чел. до 1583,9 тыс. чел.). Тюменская область относится к регионам, которые вносят наибольший вклад в экономику страны. На нее в среднем приходится 8–12 % общего объема ВРП Российской Федерации.

В 2015 г. исполняется тридцать лет с начала реформ в нашей стране. За прошедшие годы совокупность вызвавших их проблем не потеряла социальной остроты и политической злободневности, особенно в области определения и реализации стратегических целей развития уже постсоветской России. В 1985 г. перестройка

стала общим названием реформ и новой идеологии советского руководства для обозначения фундаментальных изменений в экономическом базисе и политической надстройке государства. Точкой отсчета послужил апрельский пленум ЦК КПСС, который заявил программу широких реформ под лозунгом «ускорения социально-экономического развития страны». Природа этих изменений имела объективный характер. «С начала 70-х годов мы все больше отстаем от развитых стран. А падение темпов роста осложняет ситуацию в экономике социальной сфере, решение оборонных задач. ...Привлечение новых природных ресурсов севера Сибири, Дальнего Востока становится все более трудным. Обострились демографические проблемы. СССР явно отстает от развитых стран в сфере научно-технического прогресса»¹. Стратегически перестройка диктовалась необходимостью перехода от автаркической к открытой рыночной форме экономических отношений, отказа от мобилизационной модели социально-политического развития на тех направлениях, где это позволяли сделать стратегические интересы страны, развития гражданского общества и правового государства.

Такое видение проблем разделяли, а также неоднократно высказывали свои тревоги по поводу торможения технического прогресса и обновления экономических отношений многие отечественные ученые. Академик Г. И. Марчук, заместитель Председателя Совета Министров СССР и председатель Государственного комитета по науке и технике, позднее в своих мемуарах напишет: «Но, как это часто бывает, темпы проведения в жизнь решений оказались более медленными, чем предполагалось, а инерция старого «затратного» механизма оказалась слишком сильной. Постепенно начала складываться идея о том, что сделать сдвиг в научно-техническом прогрессе, а следовательно в экономике, можно только включив в этот процесс всех людей страны, то есть нужны политические преобразования, которые действительно захватили бы весь народ»². В конечном итоге научная и управленческая работа по поиску и внедрению в жизнь новых рыночных форм экономических отношений, повышения трудовой мотивации и на этой основе устойчивости второй на планете экономики была заменена на слепое внедрение модели либерального периферийного развития, что и привело к разрушению целых отраслей

промышленности и аграрно-промышленного комплекса страны.

После 1991 г., по мере того как эти практики все чаще приводили к отрицательным эффектам в экономике и социуме, у сторонников либеральных методов складывалось убеждение, что в стратегическом плане доставшаяся им в управление социалистическая экономика и государство не реформируемы. Провалы неолиберальных планов все дальше уводили их от интересов общества и порождали тревогу ответственности. В среде сторонников радикальных либералов вызрело убеждение в необходимости зачистить всю систему социально-политических отношений, снести политическую надстройку и систему общественных идеалов, которые выстраивались не одно десятилетие на фундаменте российского исторического опыта, традиций и ценностей, и построить либеральное общество западного образца. Три десятка лет прошло под знаком неолиберальных реформ в постоянной череде социально-экономических и политических кризисов, каждый из которых являлся результатом не столько экономической конъюнктуры, сколько результатом системных просчетов и неадекватных действий руководства страны. Уроки реформ и кризисов становятся научно значимыми в новых геополитических условиях развития страны.

Кризис 1991–1992 гг. был спровоцирован развалом СССР и макроэкономической политикой правительства Гайдара. К началу 1992 г. усилиями реформаторов практически полностью была разрушена система государственного планирования и снабжения, потребительский рынок и финансово-банковская система. Возникла угроза финансового краха и развала формирования государственного бюджета. В результате галопирующей инфляции производители перестали отгружать продукцию покупателям. Соотношение государственных и рыночных цен установилось на уровне 1:50. Во всех звеньях хозяйственного механизма были созданы условия и инициированы предпосылки для саботажа и искусственной закупорки каналов товарно-денежного обращения. И тогда, и сейчас сторонники радикальных либеральных реформ приводят аргументы о «крахе советской экономики», наступлении «угрозы голода» и «экономическом коллапсе».

На самом деле академик РАН О. Т. Богомолов писал, что первые месяцы реформы Е. Гайдар вооружил пропаганду несколькими экономическими мифами, служившими оправданием его политики. «Один из них он не устал повторять на протяжении ряда лет. Новое правительство де унаследовало полностью разрушенную

¹ Горбачев М. С. Наедине с собой. — М.: Грин Стрит, 2012, стр. 419–420.

² Марчук Г. И. Встречи и размышления. — М.: Мир, 1995, стр. 81.

и разграбленную экономику, в магазинах хоть шаром покати, от золотого запаса практически остались крохи. Внешторгбанк — банкрот, валютных резервов нет, проели даже часть стратегических запасов. И только предпринятые радикальные реформы спасли страну и позволили избежать голода. Если гайдаровское правительство пришло на развалины экономики, то как объяснить, что при неуклонно продолжающемся дальнейшем спаде производства, особенно в сельском хозяйстве, легкой и пищевой промышленности, удалось накормить страну и удержать ее на плаву? Ответ может быть только один — либо за счет огромных заимствований на Западе, либо в результате проедания несметных природных и других богатств, доставшихся реформаторам в наследство от предшествующего режима. И то, и другое имело место, и именно за счет этого, а не шоковых реформ, удалось выжить»³.

Программа реформ разрабатывалась в сотрудничестве с экспертами МВФ и западными экономистами. Главные идеи и практики гайдаровских экономических реформ сводились к следующим мерам:

- дерегулированию экономики, розничной торговли и внешнеэкономической деятельности;
- стабилизации финансов и денежной системы, укреплению рубля;
- приватизации, развитию предпринимательства и рыночного хозяйства;
- структурной перестройке экономики, ее демилитаризации, интеграции в мировое хозяйство;
- созданию конкурентной рыночной среды для снижения издержек и цен.

Однако ни одной социальной созидательной задачи Гайдару и его правительству в полной мере решить не удалось. Сломав систему плановой экономики, они не смогли обеспечить запуск новой модели хозяйствования, допустили ряд серьезных системных ошибок:

- цена экономических реформ оказалась непомерно велика, произошло значительное снижение жизненного уровня населения, усилился спад производства;
- активно разрушался научно-технический потенциал страны, начались процессы деиндустриализации экономики;
- не удалось достичь макроэкономической стабилизации и социально-политической консолидации государства и общества;
- цинично переступив через интересы общества, Гайдар разрушил на многие годы вперед

социальную базу реформ и доверие населения к политике государства;

- неолибералы допустили неуправляемость в народном хозяйстве, не сумели направить реформу в последовательное русло системных преобразований;
- произошло частичное разрушение ВПК и ослабление обороноспособности страны;
- созданная банковская система не смогла обеспечить социально эффективную кредитную политику в стране и поставила отечественную экономику в зависимость от мировой экономической конъюнктуры и банковской системы США;
- жесткая налоговая политика серьезно ослабила стимулы к развитию предпринимательства, образовалась тенденция к вывозу российского капитала за границу и сдерживанию иностранных инвестиций в хозяйство страны;
- было недооценено развитие малого и среднего бизнеса. Его появлению на свет сопутствовали неоправданные бюрократические, налоговые и иные ограничения;
- правительство допустило разгул криминала в стране, коррупцию, создание организованной преступности.

Системные просчеты гайдаровско-ельцинских неолиберальных реформ затормозили государство и общество в устойчивом развитии на многие годы и ощущаются до сих пор. Они не позволяют эффективно реагировать на вызовы и угрозы современного мира, поскольку стали причинами всех последующих политических и экономических кризисов.

Кризис 1992–1993 гг. — первый и наиболее тяжелый и глубокий политический кризис постсоветской России. Это был общий конституционный кризис власти. Политическая элита России раскололась на два лагеря. Президент и его сторонники выступали за сильную президентскую республику. Концентрация власти в руках президента, по их мнению, должна была обеспечить необратимость реформ в России. Сторонники Верховного Совета полагали, что Россия должна стать парламентской республикой. Масштабы и сложность предстоящих реформ, по их мнению, требовали от общества осуществления эффективного парламентского контроля за их ходом. Кризис власти разогревался негативными результатами «шоковой терапии». Пиком кризиса стали события октября 1993 г., когда конфликт между сторонами закончился по приказу Б.Н. Ельцина танковым расстрелом Съезда народных депутатов и Верховного Совета. Новая Конституция РФ зафиксировала ликвидацию советской политической системы и придала

³ Богомолов О.Т. Новая газета, № 72 от 02 октября 2000 г.

государственному устройству России форму президентской республики при одновременной минимизации идеологических функций государства и демократических практик на местах.

Кризис 1994 г. был вызван ошибками, допущенными неolibеральным Правительством России при формировании валютного рынка, которые привели страну к обвалу рубля 11 октября. Одной из первых жертв финансового кризиса, помимо российского рубля, стала отечественная банковская система. Небольшие кредитные организации, занимавшиеся валютно-обменными операциями, оказались разорены из-за резких скачков курса валют. Не оказал должной поддержки банковскому сектору и Центральный банк, сосредоточившийся в те месяцы на покрытии дефицита государственного бюджета. Основным виновником обвала рубля было признано тогдашнее руководство Центробанка во главе с его председателем Виктором Геращенко, который был вынужден уйти в отставку.

Кризис 1995 г. спровоцировали события октября 1994 г. Крупные банковские структуры стали неохотно выдавать кредиты своим более мелким банкам, опасаясь их ненадежности в условиях экономической нестабильности. В результате на рынке межбанковского кредитования возник так называемый «эффект домино». Один банк не заплатил другому, в связи с чем тот не смог вернуть долг третьему и так далее. В результате возникло недоверие, а следом за ним — паника среди клиентов, что побудило многих срочно изымать средства из банков. 24 августа 1995 г. обвал рынка межбанковских кредитов стал реальностью. Это событие стало одним из крупнейших потрясений Российского финансового рынка. Кризис повлек за собой волну массовых банкротств коммерческих банков в стране.

Кризис 1998 г. произошел на фоне тяжелой экономической ситуации в стране, усугублявшейся неэффективной макроэкономической политикой, проводившейся властями в середине 1990-х гг. Жесткая денежная политика сочеталась с мягкой бюджетной политикой. Толчок к возникновению кризиса дали два внешних фактора: резкое снижение мировых цен на товары топливно-энергетического комплекса и кризис в Юго-Восточной Азии, вспыхнувший в середине 1997 г. 17 августа 1998 г. Правительством РФ был объявлен технический дефолт по основным видам государственных долговых обязательств. Курс рубля упал за полгода более чем в 3 раза — с 6 до 21 рубля за доллар, что подорвало доверие населения и иностранных инвесторов к российским банкам и государству, а также к национальной валюте. Разорилось большое количество малых предприятий. Вкладчики разорившихся банков

потеряли вклады, сбережения населения обесценились в пересчете на твердую валюту, упал уровень жизни, количество получающих пособие по безработице удвоилось. Одновременно произошел политический кризис: вскоре после дефолта ушли в отставку премьер-министр Сергей Кириенко и глава ЦБ РФ Сергей Дубинин. Новым премьером был утвержден Евгений Примаков, а руководителем ЦБ — Виктор Геращенко.

Кризис 2008 г. начался как ипотечный и финансово-экономический кризис в США, который впоследствии перерос в глобальную рецессию экономики. Возникновение кризиса связывают с общей цикличностью экономического развития, перегревом кредитного рынка и высокими ценами на нефть. За два года кризиса сгорели крупнейшие инвестиционные банки со столетней историей. Bank of America поглотил Merrill Lynch, а Salomon Brothers и Morgan Stanley изменили свой статус: инвестиционная деятельность была заменена на коммерческую. Жертвами кризиса среди российских банков в сентябре 2008 г. стали «КИТ Финанс» и Связь-банк. Банк ВТБ и ряд других российских банков получили господдержку. Кризис быстро перекинулся в реальный сектор экономики. Капитализация российских компаний снизилась за сентябрь–ноябрь 2008 г. на три четверти; золотовалютные резервы сократились на 25 %. Финансовый кризис снизил доверие населения к банкам и привел к оттоку вкладов.

Кризис 2014–2015 гг. вызван резким спадом мировых цен на энергоресурсы, продажа которых составляет значительную часть в доходах бюджета России, а также введением санкций в отношении России в связи с событиями в Крыму и на востоке Украины. К концу 2013 г. Президент Российской Федерации Владимир Путин признал стагнацию в экономике. После тридцати тридцать лет реформ российская экономика опять столкнулась с системными сбоями в своем развитии, а страна начала испытывать симптомы старой болезни периода «холодной войны»: падение темпов промышленного производства, недобросовестная конкуренция на внешних рынках, политика санкций, изоляции и открытой дискриминации.

И хотя зарубежные и отечественные аналитики отмечают постоянный десятилетний рост экономики России, сопоставление индексов производства по видам экономической деятельности показывают уже не столь оптимистическую картину динамики объемов добычи полезных ископаемых и промышленного производства по отраслям.

Статистические данные показывают, что наша страна в последние годы медленно наращивает

темпы добычи полезных ископаемых, производства продукции промышленности и сельского хозяйства. Существенно возрос за период 2000–2008 гг. внешнеторговый оборот и улучшилось сальдо внешнеторгового баланса. Но по остальным показателям промышленного и сельскохозяйственного производства Россия еще не «дотянулась» до России 1990 г., по некоторым позициям — в разы. Основываясь на данных социальной статистики и результатов опросов общественного мнения, можно отметить, что благоприятная конъюнктура цен на углеводороды в «тучные годы» экономики вряд ли кардинально изменила качество жизни всех российских граждан и кардинально улучшила положение общества. Большая часть населения России живет в весьма скромном достатке, граничащем с нуждой. Разрыв в денежных доходах между децильными группами «богатых» и «бедных» растет и становится критически опасным в условиях обострения системного кризиса. Такие результаты экономической политики не могут не сказываться на отношениях между обществом и государством.

Российское гражданское общество по-прежнему в устойчивых пропорциях не видит в лице государства последовательного защитника своих интересов⁴. В декабре 2014 г. 47% россиян считали, что государство защищает в первую очередь интересы богатых. По мнению 39% граждан, государство выражает интересы государственной бюрократии, 18% респондентов убеждены в защите государством интересов всех граждан России, 10% — средних слоев. Затруднились ответить 18% россиян. Количество россиян, считавших, что «российское государство выражает и защищает интересы государственной бюрократии», с декабря 2013 г. снизилось с 45 до 39%.

⁴ Здесь и далее приводятся данные, полученные в рамках социологического мониторинга «Как живешь, Россия», проводимого Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН с 1992 г. Научный руководитель мониторинга — д.соц.н. В.К. Левашов. Исследовательский коллектив: к.соц.н. И.С. Шушпанова, с.н.с. В.А. Афанасьев, с.н.с. О.П. Новоженина. Руководитель полевого этапа исследований в Тюменском регионе — д.соц.н. Н.Г. Хайрулина. В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Объем выборочной совокупности составлял на различных этапах 1312–1866 респондентов. Эмпирическим объектом исследования выступало взрослое население России.

Показательно, что ответы на эти вопросы повторяют мнения людей о том, кто выиграл от гайдаровской приватизации. По мнению общества, власть и собственность сосредоточились в руках бюрократов, богатых и криминала. Умалчивать или стараться не замечать эту ситуацию вряд ли политически продуктивно. Вопросы праведно и неправедно нажитой собственности лежат в фундаменте исторического сознания российского общества. Для социально и классово детерминированного общества, в котором нам всем выпало счастье жить, они являются неизбежными и определяющими всю систему общественных отношений. Обойти и забыть о них не удавалось никому. Назрела необходимость продуманно консолидировать страну на основе растущих интересов массового гражданского общества и возможностей развитого правового государства.

Отметим, что за 14 лет мониторинга по показателю «российское государство выражает и защищает интересы всех граждан России» достигнуто наибольшее значение (18%). С большой долей вероятности на этот индикатор оказал влияние рост патриотических настроений, который наблюдается в стране в связи с воссоединением Крыма и РФ. В сложившейся конкретно-исторической ситуации стал еще более очевидным концептуальный изъян гайдаровской модели периферийной неолиберальной экономики — ее генетическая несовместимость с материальной геополитической сущностью социальной и политической природы России. На протяжении многих веков она развивалась как суверенная евразийская держава, консолидированная политической волей и национальными интересами проживающих на ее территории народов. Такая социально-политическая стратегия вывела страну в XX веке в разряд сильнейших мировых держав и сформировала в глобальной цивилизации особый тип российской политической культуры — опора на собственные силы и духовные традиции. Такой фундамент и сегодня в условиях санкций позволяет российским гражданам трезво и уверенно смотреть в будущее.

Результаты социологических исследований показывают, что подавляющее большинство российских граждан осознают антироссийскую направленность целей политики западных стран в отношениях с Россией. Но считают, что наша страна должна активно развивать отношения с остальным миром. В российском обществе на всем протяжении постсоветского периода преобладала точка зрения, что Россия не капитулировала в холодной войне. Ее высшее политическое руководство осознано пошло на социальные и экономические реформы, стремясь

придать большую устойчивость в мирном развитии не только своей стране, но и всей системе международных отношений. В основе всех соглашений о конце конфронтации и мирной перспективе отношений с Западом лежал ядерный паритет. К сожалению, гайдаровская парадигма и практика реформ создала у наших западных партнеров и конкурентов представление, что Россия согласна с навязываемой ей ролью страны «проигравшей в войне», которая теперь всегда будет следовать правилу «горе побежденному». Системные концептуальные просчеты и провальная практика проведения реформ Е.Т.Гайдаром, а затем Б.Н.Ельциным создала у части западного политического истеблишмента впечатление о скором крахе России. Западное экспертное сообщество в своих открытых и закрытых оценках поддерживало такое видение положения дел в стране, которая проиграла, не способна справиться с внутренними проблемами и рано или поздно должна распасться. Исходя из этих стратегических оценок, на протяжении всего постсоветского периода в отношении нашей страны проводилась политика двойных стандартов. На словах провозглашалось и декларировалось равноправие, а на деле закрывался доступ на рынки, выставались дискриминационные условия в сделках или объявлялся отказ в сотрудничестве.

В череде постсоветских событий возвращение Крыма в состав России весной 2014 года стало для российского общества и государства моментом геополитической истины. Высшее политическое руководство страны в своих усилиях разрешения кризиса на Украине в очередной раз признало истинную цену принципам международного права и вероломству политики транatlантизма. События в Крыму и на Донбассе стали переломными в понимании стратегических целей и возможностей развития России. Общество продолжает поддерживать государство, несмотря на то, что санкции Запада начинают негативно влиять на рост ВВП и качество жизни. Спустя тридцать лет после начала реформ в нашей стране гражданское общество и государство вновь испытывают острую потребность в ускорении социально-экономического и политического развития, укреплении оборонного потенциала и авторитета в сфере международных отношений. Крымская весна совпала с тридцатилетием начала реформ в нашей стране и ускорила процесс возвращения российского общества и государства к пониманию своих канонических ценностей и национальных интересов. Разбудив и вызвав к жизни патриотические качества политической культуры российских граждан, она подготовила рациональное и морально-политическое

обоснование для дистанцирования от неолиберальных практик реформ, для устойчивого развития нашей страны.

Особый вклад в позитивные результаты социально-экономического, политического и культурного развития не только России, но и всей Евразии принадлежит Тюменской области — уникальному территориально-экономическому комплексу, являющемуся на сегодняшний день одним из самых динамично развивающихся регионов Российской Федерации. Рыночная модернизация и инновационное развитие российского государства и общества, определенные российской властью в качестве парадигмы развития, критические характеристики социально-политических, социокультурных и экономических процессов заставляют все уровни власти становиться честными перед собой и социумом, социально ответственными и транспарентными.

Сегодня мы являемся свидетелями значительной трансформации места и роли западной цивилизации в мировом политическом и гражданском сообществе. Устойчивость глобальной жизнедеятельности социума во все больших пропорциях начинает определяться симфонией биологических, гуманитарных и социальных форм жизнeсуществования, многообразия материальных и духовных культур, хозяйственных укладов жизни, традиций, мировоззрений, религий, а не субъективно продуцируемыми извне правилами нового глобального неолиберального порядка. В этих динамично изменяющихся условиях Евразия становится объектом повышенного внимания и растущей озабоченности со стороны государственных деятелей, партий и общественных организаций, ученых и специалистов. Под воздействием объективных обстоятельств формируется понимание особой евразийской роли Сибири и Дальнего Востока в судьбе России XXI века. Это связано с необходимостью обеспечения геополитических интересов России в азиатско-тихоокеанском регионе и мире, с укреплением национальной безопасности, структурной модернизацией экономики, международным политическим сотрудничеством и перспективой реализации крупных экономических проектов. Эти проблемы в последние годы находятся в центре внимания российского государства, от адекватного их решения зависит настоящее и будущее нашего государства.

Роль и особенности развития евразийского региона определили направления исследований российских ученых, которые на протяжении последних лет волей логики научного познания вовлекались в наше научное сотрудничество. Так определился и коллектив авторов — это исследователи из Казахстана, Москвы, Казани, Краснодара,

Пензы, Горно-Алтайска, Элисты, Новосибирска, Тюмени, Сургута, и название коллективной монографии «Россия –Тюмень: векторы евразийского развития», которая посвящена анализу ситуации перспективам развития России в целом и Тюменской области в частности в начале XXI века.

Содержание и структура данной работы определялись на основании результатов теоретических и эмпирических исследований, которые проводились в России в последние годы. Наука всегда старалась обращаться к самым проблемным сторонам жизни общества и государства. В конкретном случае исследовались социально-экономические, социально-политические и этнокультурные проблемы развития европейских и азиатских регионов России.

Сложный характер современной жизни российских регионов требует углубления и расширения системных научных исследований, которые должны быть увязаны со стратегией развития европейских и азиатских регионов. В этом направлении будет задаваться вектор научных поисков и практик жизнедеятельности нашей страны в будущем, что потребует объединения усилий политиков и ученых, специалистов разных отраслей знаний и практической деятельности. Будем надеяться, что интеграция этих усилий поможет вывести мировое сообщество, Евразию, Россию и Тюменскую область на более высокую ступень устойчивого развития. Пожелаем друг другу удачи и новых научных открытий на этом пути!

*В. К. Левашов
Н. Г. Хайруллина*

• Раздел I •

ЕВРАЗИЯ – РОССИЯ – ТЮМЕНЬ

Шалин В. В.

ЕВРАЗИЯ — ЛЮДИ ВО ВРЕМЕНИ: ИНТЕРЕСЫ, БОРЬБА, ВЫЖИВАНИЕ

*Что роздано тобой — твое,
Что нет — потеряно.*

Шота Руставели

События последних лет показывают жесткую спрессованность времени, скоротечность событий явлений и контактов, вызывают определенную зависимость человека от технологических интерпретаций исторических реалий. Парадоксально, но наряду с процессами глобализации, обещающими единство в многообразии планетарного масштаба, все большую силу набирают процессы деглобализации. Здесь мы обнаруживаем две равновеликие опасности: «Закат общественной жизни предполагает, что в будущем мы рискуем стать безмятежными и самопоглощенными последними людьми, лишенными тимотических стремлений к высшим целям и жаждущими только личного комфорта. Но существует и обратная опасность, а именно, что мы снова станем первыми людьми, ввязывающимися в кровавые и бессмысленные войны за престиж, только на этот раз — с современным оружием. И действительно, эти проблемы взаимосвязаны, поскольку отсутствие регулярных и конструктивных выходов для мегалотимии могут привести к ее выбросу на поверхность в экстремальной и патологической норме» [384].

Как видим, Фукуяма употребляет термин, обозначающий стремление человека быть существом более высокого порядка, чем окружающие. Происходит это при высокой, раздутой тщеславной самооценке, той, что мы называем «гордыней». В противоположность Фукуяма использует и другой термин — «изотимия» — желание получить признание в качестве равного другим людям.

Выводы Фукуямы о том, что доминантами будут только капитал и корпорации, а границы и национальные интересы исчезнут, показали, что почти все страны и их элиты не готовы подчиниться во имя рациональности забвению и демонтажу национальных приоритетов. Тем самым можно выйти к старому, к противостоянию идеологий, связанных с имперскими составляющими и путями выбора культурного своеобразия.

Таковым является культур историсофское понимание «евразийства». Оно не возникло на пустом месте. Это извечное противостояние интересов, борьбы за выживание и торжества приоритетов мифологем и идеологем, рождающихся в сознании людей и правящих элит. Корни «евразийства» лежат не только в истории географических ориентиров, где различали два материка «Европу» и «Азию», а между ними срединный материк «Евразию». В исторической ретроспективе данным термином принято обозначать Россию через категориально-смысловой концепт «Русская земля».

Данный подход подчеркивает не только мысль о том, что Россия занимает практически все пространство «Евразии», но осуществляет единение различных культур народов, населяющих это пространство. Поэтому, говоря о русской культуре, уместно ее характеризовать как «евразийскую», тем самым постулируя связь русской культуры, а не доминанту, с миром иных культур, равных среди равных. Такая констатация не присуща европоцентризму, предполагающему «дикий» и отсталым

народам универсалистское восприятие культуры, которое присуще «европейскому» пониманию, по образу и подобию Западной цивилизации.

Подобная трактовка через определенные идеологии позволяет и сегодня делить народы на «культурные» и «некультурные». Несомненно, российская историография во многом подвержена подобным восприятиям.

В нашем наследии мы наблюдаем великий спор по выбору путей и базисных оснований для эволюционных и революционных преобразований: «Москва — Третий Рим», «Западники», «Славянофилы» и «Евразийцы». Это, действительно, история людей во времени, ибо новое поколение людей, «новых» людей, уже во многом разделяет огромная пропасть, как линия разлома между виртуальной и реальной действительностью.

С уверенностью можно сказать, что «киборги» не могут видеть иной мир через призму исторического, где связь с любым человеком была не в виртуальном пространстве, через «клик», а на расстоянии физического общения. Это другая действительность с новыми (своими) нормами, законами, этическими предпочтениями, иной моралью или отсутствием таковой.

Мы рассматриваем понятие «Евразия» не с точки зрения приоритетов, а с точки зрения особой субстанциональной составляющей. В свое время замечательный философ Александр Зиновьев очень точно подметил, характеризуя понятие «западнизм»: «Западнизм не есть всего лишь множество отдельных общих свойств западных стран. Это есть особое целостное образование в теле западных стран. Это, грубо говоря, есть общество второго уровня по отношению к тому обществу, которое существует в этих странах испокон веков. Трудность понимания этого соотношения различных социальных феноменов состоит в том, что западнизм существует в том же пространственно-временном объеме, что и народы конкретных стран, и с тем же человеческим материалом. Одни и те же граждане этих стран одновременно участвуют как в жизни своей человеческой общности вообще, так и в жизни западнизма. Полного совпадения тут нет. Народ данной конкретной страны имеет свою историю, которая не сводится к истории западнизма. И в современной жизни людей не все есть их жизнь в качестве кирпичников западнизма. Но западнизм, став доминирующим явлением в жизни западных народов, превратил их в среду и средство своего бытия. Западнизм сросся с западными странами настолько, что слово «Запад» теперь обозначает не просто определенное множество стран, но стран являющихся воплощением западнизма. Реальность западнизма и есть современный Запад» [118].

Аналогичный подход следует применить и к понятию «Евразийство». Лучше, чем это выразил

Александр Блок в своей поэме «Скифы», сделать невозможно.

Панмонголизм! Хоть имя дико,

Но нам ласкает слух оно...

Владимир Соловьев

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.

Попробуйте, сразитесь с нами!

Да, Скифы — мы! Да, азиаты — мы, —

С раскосыми и жадными очами!

Для вас — века, для нас — единый час.

Мы, как послушные холопы,

Держали щит меж двух враждебных рас —

Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал

И заглушал грома лавины,

И дикой сказкой был для вас провал

И Лиссабона и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,

Копя и плавя наши перлы,

И вы, глумясь, считали только срок,

Когда наставить пушек жерла! [51]

Евразийство как политическое течение возникло в период становления культуры во время первой русской эмиграции в начале XX века. Именно тогда оно формируется как общественно-политическое и идейно-культурное движение, пытающееся соединить идеи Владимира Соловьева и Николая Данилевского как цивилизационный синтез Востока и Запада в русской культуре.

Для евразийцев характерно то, что, говоря словами А. Зиновьева, «граждане этих стран одновременно участвуют как в жизни своей человеческой общности вообще, так и в жизни Евразийства». В связи с этим мы не только по ментальности унаследовали византийские приоритеты, но и империю Чингисхана и православного государства, а также Советского союза. Это единое целое в своей истории и духовной составляющей.

В краткой ретроспекции это выглядит как постоянная борьба интересов и выживания на огромном пространстве геополитических приоритетов. Еще в «Посланиях Великому князю Василию о содомском блуде, старца Филофея» подчеркивается значимость Руси: «Да аще добро устроиши свое царство — будеши сынъ света и гражданинъ вышняго Иерусалима, якоже выше писахти и ныне глаголю: блюда и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царства снидошася въ твое единое, яко два Рима падоша, а третьей стоит, а четвертому не быти. Уже твое христианское царство инем не останется...» [245].

Существуют различные трактовки понимания смысла этой концепции. Для нас же важен аспект интерпретации переноса «ромейского» царства на просторы «росского» или «россейского». Это не только политический концепт (имперская власть),

но и духовный аспект выбора (учение о Церкви). В «Посланиях о неблагоприятных днях и часах» говорится: «Воистину людие буи, а не мудри, аще убо великаго Рима стены и столпове, и трекровныя полаты не пленены, но душа их от диавола пленены быша опрѣнок ради. Повеле Иисус надвое сътворити: едину по обычаю законному, еже опрѣнокъ, другую же тайную, иже хлѣб съвершен квасную. Да въси, христороубче и боголюбче, яко вся християнская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, но пророческим книгам, то есть Ромеиское царство» [245]. Тем самым подчеркивается значимость перехода духовных ценностей от папской составляющей к православному московской.

Подобные подходы не могли быть не замечены последующими поколениями. В спорах Нила Сорского и Иосифа Волоцкого был продуцирован союз государства и церкви, а русское благочестие признано самым непорочным в мире. Как результат утверждалась идея святости и требования к православному христианину «жить в Боге», а государство получило ареал Святой Руси.

Заметим, что Европа в это время – еще не система государств. Интеграция народов под римской эгидой фактически была завершена после краха римской державности. Для этого периода характерен дуализм общественного бытия, обусловленный существованием церкви как тела Христова — особого мира внутри наличного социополитического мира. Дуализм выступает в двух плоскостях: как противопоставление Папы и Императора; как противоборство религиозной и секулярной тенденций.

После краха Западной Римской империи становление политической культуры Запада складывалось в качестве целостного католического мира. Церковь формировала общую нормативно-ценностную культуру, единое целостное пространство. В этом смысле очень важно понять, что древняя римская культура, в том числе и ранний католицизм, стала базовой основой, универсалией для ареала Европы в целом и «...церковь в обновленной Европе после выхода из древнего мира стала не только источником духовного образования, но и главою устройства политического. Она была первым звеном того феодального порядка, который связал в одну систему все различные государства Европы» [143].

Однако ранее упоминавшийся дуализм задал единство противоположностей и возможность их конструктивного «снятия», определил допустимую меру легитимизации, остроты и разрушительности социальных и политических конфликтов. Поэтому в первом приближении можно считать, что идеальный тип конфликта в рамках европейской цивилизации соответствует гегелевской теории

противоречия. Его обратная сторона — договорной характер европейского общества, содержащий в себе формулу Э. Дюркгейма: консенсус стоит за спиной контракта [401].

Формы, в которых выступал нормативно-ценностный порядок и реализовывал функцию опосредования, в европейской истории менялись. В XIV веке началась «национализация» церкви государством, и в этом процессе участвовали многие страны. Протестантско-католическое противоборство XVI–XVII вв. впервые серьезно поставило под вопрос существование европейского нормативно-ценностного порядка. Данные процессы привели к тому, что он утратил жесткую и эксплицитную религиозную обусловленность и выступил в обобщенном, не столько секуляризованном, сколько религиозно-индифферентном виде [277]. Вестфальский мир 1648 г., заключенный между протестантами и католиками, был символом и политическим выражением «...рискованного вывода о том, что религия, от разделенного и спорного имени которой протестанты и католики вели неубедительную и братоубийственную столетнюю войну, становилась неактуальным элементом их культурного наследия. Почему бы молчаливо не согласиться устранить религиозные войны устранением самой религии и не сконцентрироваться на применении естественной науки к практическим делам?» [458].

Не антирелигиозный и не неорелигиозный, а иррелигиозный и арелигиозный характер компромисса придал новый облик и значение европейскому нормативно-ценностному порядку. Он создал идейно-политическое пространство для появления и легитимного существования центра между противоположностями, возникавшими в лоне европейской цивилизации. Речь идет о религиозном фундаментализме и национализме, капитале и труде и множестве других мировоззренческих и политических противоположностей. Таким центром становился либерализм в его прикладном, социально-функциональном, а не идейно-доктринальном значении.

Либеральный центр стал выражением нового облика европейского нормативно-ценностного порядка, функционально обусловил содержательное развитие и практическое применение конкурирующих с ним идейно-политических систем консерватизма и социализма. В этом смысле можно говорить о либеральной природе европейской политики и цивилизации в целом. Компромисс католиков с протестантами был первым практическим опытом установления равновесия частных сил. Данный опыт имеет всемирное значение, поскольку он формировался не на основе предшествующих конфликту норм и ценностей, а в условиях изменения старого порядка и создания нового.

В то же время этот опыт не дает готовых моделей свободного развития многообразия, которые подлежат тиражированию в других сферах жизни. Он задает лишь схему противоречивого компромисса принципов и идей. Эффективность Вестфальского компромисса состояла в том, что он смешал два смысла: как безразличия и как заинтересованного взаимопонимания. Первый смысл строится на том, что «Я допускаю сосуществование с Другим, поскольку мне безразличны его ценности и нормы». Но такое безразличие возможно лишь тогда, когда «Я сомневаюсь в собственных нормах и ценностях, не считаю их общеобязательными и дистанцируюсь от них». Второе значение предполагает приверженность собственным нормам и ценностям наряду с осознанием того, что их обогащенное и углубленное понимание требует осмысления, учета и использования духовного, политического и иного опыта Другого в его самобытности и отличиях от моего собственного опыта.

В дальнейшем развитии специфика компромисса заключалась в том, что он не соответствовал ни тому, ни другому смыслу и причудливо смешивал их.

В этом смысле прецедент идейного компромисса между католиками и протестантами не был торжеством безразличного отношения к нормам и ценностям. В нем, скорее, выражалось согласие на политическое сосуществование двух субъективированных нормативно-оценочных систем, не способных осилить друг друга. Это сосуществование сыграло значительную роль в становлении политического механизма, претендующего на универсальность.

Что касается России, то следует заметить, что она как транслятор и преемник идеологием Древнего Рима дополнила свой ареал идеологиемами единения и соборности.

Политическая культура единения базируется на жизнедеятельности крестьянской общины, игравшей огромную роль на протяжении всей российской истории. Изолированность общины, ее предоставленность самой себе делали единогласие и единодушие необходимыми атрибутами выживания. После принятия общего решения отклонения от него не допускались. Само решение принималось не на основе формального права, а на базе местных традиций и установлений. Формального голосования обычно не проводилось, а основную роль играли наиболее уважаемые и авторитетные члены общины.

Крестьянский идеал единения нашел отражение и в российской религиозной мысли середины XIX века в понятии *соборности*. Согласно этому представлению, формальные церковные вероучения лишь тогда признаются законными, когда они разделяются большинством верующих.

Соборность ставится выше формальных учреждений и процедур.

Идею единогласия и соборности удалось согласовать как с самодержавием, так и с неограниченной властью советских руководителей: вождь нации объявлял себя носителем и выразителем единого общественного идеала, а общество соглашалось с ним. Сочетание принципа единения с принципом неограниченной власти показало высокую эффективность, особенно в экстремальных условиях войн и кризисов [409].

Идеал единения не мог в полной мере воплотиться на практике, поскольку приходил в противоречие с наличием реальных конфликтов и разногласий. Углубление конфликтов вело к расколам и социальной фрагментации. С середины XVII века значительная часть населения («староверы») отказалась следовать предписанной сверху церковной реформе, люди были фактически исключены из общества. В свою очередь, радикальные группы староверов воспринимали царя как Антихриста, которому не только не следовало повиноваться, но и надо было оказывать сопротивление [409].

В дальнейшем появились знаменитые «Философические письма» Петра Яковлевича Чаадаева, которые вызвали споры среди славянофилов и западников по вопросам выбора пути России.

В первом «Философическом письме» П. Чаадаев писал: «Где наши мудрецы, наши мыслители? Кто когда-либо мыслили за нас, кто теперь мыслит? А ведь стоя между главными частями мира, Востоком и Западом, упираясь одним локтем в Китай, другим в Германию, мы должны были бы соединить в себе оба начала духовной природы» [405].

Россия — великая держава. Именно она смогла принять не только многие народы, представителей различных этносов, но и бережно относиться к конфессиональным различиям.

Евразийство в конце XX века и сегодня в начале XXI века вызывает интерес и приобретает сторонников. Значимой работой в этом плане является лекция Юрия Андреевича Жданова «Солнечное сплетение Евразии», где автор стремится донести «geni us locis» Кавказа, дух этого края земли. Для нас очень важно, что Ю.А. Жданов подчеркивал значение моста евразийского, погружаясь в историю благодатного края.

Ученик Аристотеля Александр Великий установил лишь горную ось Восток — Запад как стержень, опору ойкумены от Гиндукуша до Европы, назвав эту ось Кавказом. Но в античной географии существовало представление и об оси Север — Юг. В ее основе лежали Рифейские горы, наш Урал, который в те времена, на удивление, также назывался Кавказом [108].

Рассуждая о природе многоцветия и содружества народов, вычленяется проблема XX века: единства

взаимопонимания и содружества, которая актуальна и в 2015 году: «Страсти национализма бушуют на планете. Недаром главный идеолог нацизма, выходец из Прибалтики Альфред Розенберг считал, что миф XX столетия — это раса, кровь. А облачаться он может во что угодно: в шовинизм, национал-сепаратизм. И разрушать с его помощью можно что угодно: Индию, Югославию, Чехословакию, Советский Союз, Россию. Универсальная отмычка. Инъекция суверенидазы в живой организм быстро разрушает его при отсутствии иммунитета. Впрочем, так же, как инъекция приватидазы. У них единая природа: обособление единичного от всеобщего. Кавказ не избежал влияния этих ферментов деструкции. И с горечью вспоминаем о прошлых и нынешних конфликтах и конфронтациях. Но Кавказ хранит в себе и ныне мощные исторические традиции. На планете не существует региона, где жили бы длительно и совместно сотни народов. Армяне и грузины, азербайджанцы и кабардинцы, курды и таты, балкарцы и адыги, русские и евреи, аварцы и лезгины, кумыки и даргинцы, греки и украинцы, карачевцы и осетины, чеченцы и ингуши; в одном Дагестане свыше сорока народов» [108].

Более того, именно Кавказ обеспечивал и обеспечивает религиозную толерантность, здесь представлен практически весь спектр религиозных конфессий: христианство и ислам, иудаизм и буддизм. Мы видим удивительные метаморфозы. Адыги: «Проповедь христианства в Черкесии насчитывает более, чем тысячу лет. Проповедь ислама — четыреста лет. И тем не менее язычество сохранило за собой статус общеадыгейской религии вплоть до самых последних лет существования страны — Черкесии» [401].

Возникает вопрос: почему мы обращаем взоры на Кавказ. Это не принцип географического детерминизма или органические теории. Это своеобразный пример «евразийского подхода, переноса системных взаимоотношений на всей территории «Евразийского пространства»».

Сегодня многие средства массовой информации, политические деятели указывают на проблемы, связанные с исчезновением в понятийном аппарате культуры и политической культуры такого понятия, как толерантность. Для «евразийского пространства» данный концепт становится наиболее актуален, и уже не Европа как родоначальник его, а Россия становится законодателем и носителем толерантных отношений.

Толерантность выражается в человеческом стремлении достичь взаимного понимания и согласования самых разных мотивов, установок, ориентаций, не прибегая к насилию, подавлению человеческого достоинства, а используя гуманитарные возможности — диалог, разъяснение, сотрудничество.

При рассмотрении философских оснований принципа толерантности и демократической политической культуры в целом целесообразно обратиться к творчеству И. Канта. Идеальное общество, по Канту, описывается категорическим императивом — высшим нравственным законом: «поступай Например, чтобы твоя максима в то же время должна была служить всеобщим законом (всех разумных существ)» [142].

Постулируя подобные утверждения, не следует допускать понятие «безбрежная толерантность», особенно к радикальным антиобщественным группировкам. Что наглядно сегодня демонстрирует «европейское содружество». Проявления фашизма и воинствующего национализма также требуют решительного пресечения безо ссылок на «терпимость». Эта точка зрения также подтверждается авторитетом крупнейших философов. К. Поппер считает терпимость важнейшим принципом гуманистической и эгалитаристской этики, но аккурратно формулирует этот принцип следующим образом: «Терпимость ко всем, кто сам терпим и не пропагандирует нетерпимость... Из этого принципа вытекает, в частности, что следует относиться с уважением к моральному выбору других людей, если этот выбор не противоречит принципу терпимости» [244].

Эти идеи находим у Платона, сформулировавшему так называемый «парадокс терпимости»: неограниченная терпимость должна привести к исчезновению терпимости. Ведь если быть безгранично терпимым даже к нетерпимым и не быть готовым защищать терпимое общество от нетерпимых, то терпимые будут разгромлены. Как считает К. Поппер, в этой формулировке не подразумевается неременного запрета нетерпимых направлений, но следует предусмотреть такую возможность. «Мы должны провозгласить право подавлять их в случае необходимости даже силой: ведь вполне может оказаться, что они не готовы общаться с нами на уровне доводов и разума и начнут с того, что отвергнут всякие доводы... Таким образом, во имя терпимости следует провозгласить право не быть терпимыми к нетерпимым. Мы должны объявить вне закона все движения, исповедующие нетерпимость, и признать подстрекательство к нетерпимости и гонениям таким же преступлением, как подстрекательство к убийству, похищению детей или возрождению работорговли» [244].

Как видим, терпимость вовсе не отождествляется с бесхребетностью: «добро должно быть с кулаками». Говоря более точно, у терпимости существуют пределы, обусловленные необходимостью сохранения демократической системы в целом.

На проблему «терпимости к нетерпимым» обращает внимание философ — Джон Роулз. По его мнению, «хотя сама нетерпимая секта не имеет

права жаловаться на нетерпимость, ее свобода должна ограничиваться только когда терпимые искренне и с достаточным основанием полагают, что существует угроза их собственной безопасности и безопасности институтов свободы. Терпимые должны ограничивать нетерпимых лишь в этих случаях» [265].

Возвращаясь к идеям Канта, отметим, что гражданский мир возникает там и тогда, где и когда социальное принуждение охраняет право каждого на собственное счастье и в то же время способствует нравственному совершенствованию всех членов общества, когда «в своих возможных действиях человек рассматривает себя и другого не только как средство, но и как цель — высшее ограничивающее условие любого возможного поступка, налагающее категорический запрет на поступок, наносящий вред человеку» [244].

Обратим внимание, что эти утверждения во многом носят теоретический характер. Российский или «евразийский» подход исходит из сочетания мысли и действия. Это выражается в удивительном сочленении религиозного и светского (практического) начала. Причем индивидуальной (личной) веры недостаточно. Верующий человек у «евразийцев» — соборен.

Вспомним, что Церковь у нас — свобода и согласие, а в делах мирских — суровая власть. Мы всегда исходили из допустимости проблемы зла в себе, в других, в реальной действительности: «мир во зле лежит». В этом смысле мы — эмпирики. Никакая цель не оправдывает средства, в противовес утверждениям Н. Макиавелли. Зло всегда остается злом. С точки зрения евразийцев, зло заключается в том, чтобы мерзость и преступление не превратить в «святость», иначе это еще большее преступление [265].

Выразим солидарность с А.С. Панариным и другими авторами, видящими национально-государственную идею в том, что Россия должна стать ведущей державой-созидательницей цивилизации нового типа, отвечающей требованиям постиндустриальной эпохи [230].

Отсутствие терпимости, в свою очередь, ведет к крайне нежелательным социально-политическим последствиям. Расслоение общества на враждующие группы, категорически не приемлющие ценностей и идеалов «противника», есть не что иное, как социокультурный раскол. Согласно теории одного из наиболее глубоких исследователей в области российской философии истории А. Ахиезера, именно этот раскол на протяжении вот уже нескольких столетий мешает нормальному развитию России, то и дело ввергая ее в сокрушительные социальные катастрофы. Толерантность сама по себе не является достаточным условием преодоления раскола. Но она выступает важным

необходимым условием общественного согласия и поиска выхода из сложившейся ситуации.

Несмотря на важность принципа терпимости, его существенные детали часто выпадают из поля зрения исследователей и тем более широкой публики. Например, при отсутствии неприятия мнений и убеждений одних людей другими не приходится говорить о терпимости или нетерпимости. Не возникает вопрос о терпимости и при отсутствии возможности воздействия на своих идейных противников, так как в этом случае нет выбора. Наконец, речь не может идти о терпимости и тогда, когда отдельные индивиды и социальные группы не имеют четко сформулированных взглядов и убеждений, а следовательно, не могут и критически относиться к иным ценностям и взглядам. Терпимость и безразличие — совершенно разные и даже взаимоисключающие понятия, поскольку терпимость в точном смысле этого понятия означает активное признание иной точки зрения именно как оппонирующей: индивид не согласен с другой точкой зрения, но признает ее право на существование. В то же время, как отмечалось выше, существуют пределы, за которыми терпимость недопустима и должна смениться решительной борьбой с общественно недопустимыми явлениями.

Трагический опыт XX и начала XXI веков вынуждает признать, что дальнейшее распространение интолерантности в сфере международных отношений ставит под вопрос существование нынешнего человечества, а значит, обесценивает ценности всех наличных цивилизаций. Этот ход мысли зафиксировала и Декларация ООН о толерантности (1993), подчеркнув, что современный мир «несовершенен, и есть основание опасаться, что он никогда совершенным не станет. Насилие, смерть, интолерантность могут его сделать лишь еще более жестоким и мрачным. Нет альтернативы толерантности, которая хотя и не решает всех проблем, но позволяет подходить к ним в духе открытости, прогресса и мира» [409].

Терпимость россиян к чужому опыту во многом основывается на понимании того, что «получаемый в ходе диалога (культур, цивилизаций, политических партнеров) ответ в принципе нельзя получить никаким другим путем, и опыт этот обогащает сферу не только полезного, но и духовного, ибо в ходе диалога возделывается поле взаимного согласия людей, растет копилка общечеловеческих ценностей» [409].

Процессы глобализации, ведущие к невиданному прежде уровню взаимозависимости культур, народов и цивилизаций, вызывают к жизни необходимость перехода от иерархической системы международных отношений, построенных на принципах господства, монизма и подчинения, к системе

международных отношений, основанных на принципах демократии, плюрализма и толерантности. Идея выживания человечества является той идеей, которая может реально объединить нынешнее мировое сообщество.

Вместе с тем глобализация современного мира создает условия, затрудняющие диалог культур и цивилизаций. К ним мы относим нарастающее многообразие мира, ощутимую социальную поляризацию в мире, высвобождение энергии социального хаоса вследствие упразднения биополярной структуры человеческого сообщества, рост религиозного фундаментализма и воинствующего национализма, стремление Запада доминировать (деятельность США), неспособность старых международных институтов обеспечить надежную и гарантированную защиту любой культуры и цивилизации в новых условиях существования человечества и др.

Особо следует выделить нежелание США установить диалог на равных с другими цивилизациями (концепции вестернизации, «конца истории» и «столкновения цивилизаций»). Однако усиление незападных культур и цивилизаций вынуждает Запад имитировать возможность отказа от вмешательства в дела первых, перейти с внутрицивилизационного на межкультурный уровень.

Для евразийцев всегда была характерна повышенная восприимчивость и толерантность к инокультурному «авангардному» опыту. Однако именно указанная специфика российской культуры может позволить России успешно выступить в роли одного из создателей новой системы международных отношений, в основание которой будут положены принципы плюрализма, терпимости, диалога, сотрудничества культур и цивилизаций.

Взращивание культуры толерантности в сфере взаимодействия культур, народов, цивилизаций в условиях глобализации не имеет альтернативы. Терпимость к Чужому перестает носить характер этического требования, превращаясь в социально-политический императив современного человеческого сообщества.

Напомним, что дореволюционная Россия являлась поликонфессиональным государством, а во времена правления Екатерины II Святейшим синодом был выпущен эдикт «О терпимости всех вероисповеданий...» (1773). Характерно, что и до революции 1917 года, и сейчас о межрелигиозных отношениях можно судить по ситуации, складывающейся в Казани, где наблюдаются процессы, связанные с установлением дружественных отношений между православными и мусульманами. Это подтверждает взгляды тех исследователей, которые отмечают их культурную и духовную близость. В свое время такие взгляды высказывали Л. Гумилев, Н. Моисеев и др., сегодня Р. Мусина.

По мнению Л. Воронцовой и С. Филатова, формирование консервативно-демократического союза православных и мусульман стало возможным из-за «европеизации» современного татарского ислама и аналогичного процесса в местной православной общине, в «евроислам» и «европравославие».

«Евроислам» исповедует социальную доктрину, включающую следующие принципиальные положения: невмешательство в государственные дела; строгое следование Конституции республики; поощрение индивидуализма; развитие творческого начала в человеке; объявление всякой общественной деятельности в качестве богоугодной; признание ценности рыночной экономики. Таким образом, «евроислам» представляет собой попытку синтеза ценностей ислама с демократическими идеями.

Трудно сказать, получит ли татарский опыт содружества двух крупнейших российских конфессий распространение в масштабах всей страны. В этом случае союз ограничивается рамками двух религий и терпимость не распространяется на другие конфессии, например, протестанского толка.

Реальность российской политической жизни показывает, что склонность к дихотомическому мышлению, созданию «образа врага», непримиримости и ожесточенности еще отнюдь не преодолена. Корни этой непримиримости следует искать как в истории дореволюционной России, так и в тоталитарном наследии большевизма.

История старой России сформировала культуру «русского бунта». В свою очередь, как верно заметил Н. Бердяев, большевизм соединил Маркса со Стенькой Разиным, а в ленинизм вошли в преобразованном виде элементы революционного народничества и бунтарства [34]. До чудовищных масштабов ожесточенности и непримиримости довел сталинизм; сохранился дух нетерпимости и в последующие эпохи развития СССР, хотя и в несколько смягченной форме. При этом не следует думать, что нетерпимость и прямое «хамство» были свойственны только руководству страны. Как отмечает Ю. Денисов, «в народе насаждался дух презрения и высокомерия ко всему тому, что не соответствовало идеологии. Постепенно этот настрой перерос в настороженное отношение ко всякой неординарной мысли» [95].

Постперестроечное расслоение, образование слоя «новых русских» с их кричащим богатством на фоне резкого ухудшения условий жизни большинства населения, рост преступности и терроризма создали новую почву для неприязни и ненависти.

В состоянии российской нравственности есть и светлые тона. К числу факторов умеренно-цен-

тристской природы Ю. Денисов относит, например, следующие:

- 1) духовная свобода, которая постепенно позволяет преодолеть дихотомическое восприятие действительности;
- 2) политическая свобода и плюрализм, позволяющие массам на собственном опыте разобраться в различиях между партиями и найти верный путь выхода из кризиса;
- 3) развитие мелкого и среднего предпринимательства, постепенное формирование среднего класса как главного носителя умеренно-либеральной идеологии [95].

Главную роль в преодолении нетерпимости должно сыграть духовное перерождение россиян. Как отмечал в свое время Н. Бердяев, «нельзя излечить Россию одними политическими средствами. Необходимо обратиться к большей глубине. Русскому народу предстоит духовное

перерождение... Целое столетие русская интеллигенция жила отрицанием и подрывала основы существования в России. Теперь она должна обратиться к положительным началам, к абсолютным святыням, чтобы возродить Россию. Но это предполагает перевоспитание русского характера» [34].

Эти мысли явно перекликаются с «евразийским проектом» модернизации России как духовного лидера значительной части нового постиндустриального мира, отстаивающего именно духовные ценности терпимости, творчества и созидания. На смену озлоблению и конфронтации должны прийти идеалы сотрудничества и согласия, развивающие идеологию «нового политического мышления» на значительно более высоком уровне. Менталитет российского народа представляется вполне пригодным к осуществлению этой миссии, тем более что возможные альтернативы общественного развития для России весьма безрадостны.

Леваишов В. К.

ГЕНЕЗИС И ДИНАМИКА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

*Возникла обща власть в народе
Соборный всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единодушно;
Для пользы общей нет препон.*

А. Н. Радищев

В череде постсоветских лет 2014 год стал для российского общества и государства годом геополитического момента истины. Высшее политическое руководство страны в своих усилиях разрешения кризиса на Украине вновь в который раз узнало истинную цену теоретическим принципам международного права и вероломству политики трансатлантизма. Глобальная социально-политическая тенденция развития социума заключается в том, что объективные процессы обобществления производства и научно-технического прогресса детерминируют социализацию государства и этатизацию общества. Но это не означает, что старый «мир насилия» не оказывает искусного и солидарного сопротивления зарождающимся практикам и институциям глобального гражданского мироустройства. К сожалению, в нашей стране сначала в атмосфере догматического марксизма, а затем ортодоксального либерализма не могли не возник-

нуть облегченные и вульгарные взгляды на природу и диалектику социального государства, историю становления которого начинают отсчитывать, как правило, с середины XX века. Это не совсем соответствует историческим фактам. Практика и теория социального государства в единстве гражданского общества и правового государства складывалась из многих составляющих социальной реальности и отражает сущность и логику развития социально-политических процессов, происходивших в мире на протяжении многих веков. Социализация государства и этатизация общества resultируются в эффектах проявления социального государства, протекают как медленный, сквозь века идущий процесс солидаризации и практической реализации жизненных интересов членов общества — граждан — посредством совершенствования правовых институтов собственности и механизмов демократического управления.

Научное осознание и практическое следование законам диалектики глобальных и национальных интересов, принципам устойчивости современного гражданского мироустройства требуют ясного понимания социально-политической природы возникновения, традиций и институционального генезиса российского правового государства и гражданского общества. Знания о генетической совместимости социальных и политических культур России и современных мировых цивилизаций дает возможность создания систем социальной безопасности от различных вирусов «цветных революций». Поиск и отладка стратегии мембранного типа, защищающей социально-политический гено-тип России, требует фундаментального историко-социологического знания о природе гражданского общества и мониторинговых социологических наблюдений его динамики.

Российский гражданский мир

Государство с развивающейся системой гражданских, политических и правовых институций появилось в глубокой древности (Древний Египет, государства древней Месопотамии, Шумер и Аккад, Ассирия, Вавилон, государства долин Инда и Ганга, Древний Китай, древнегреческие полисы, Древний Рим, государства автохтонных народов Северной Америки) как результат общественного разделения труда, выделения из простого собирательства земледелия, скотоводства, ремесла, торговли. «Первый, кто напал на мысль, огорожив участок земли, сказать: «Это мое,» — и нашел людей, достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн и убийств, от скольких бедствий и ужасов избавил бы род человеческий тот, кто, выдернув колья и засыпав ров, крикнул бы своим ближним: «Не слушайте лучше этого обманщика, вы погибли, если способны забыть, что плоды земные принадлежат всем, а земля — никому!» [268]. Общественный прогресс неумолимо следует объективным законам человеческой природы, общественного развития и лишен возможности прислушиваться даже к самым благим романтическим пожеланиям мыслителей, политиков и ученых. Возникновение производительной экономики положило начало процессу дифференциации общинной, родоплеменной и семейной собственности, появлению частной собственности — защищенного законом права гражданина или юридического лица на конкретное имущество, включая средства производства. В Европе процессы согласования интересов и действий в социуме — этатизация общества и социализация государства начались среди узкого круга свободных граждан, ставших такими в силу имущественных или сословных критериев, например, как, в рабовладельческих

древнегреческих городах-полисах или Римской республике. Как правовой институт собственность и частная собственность сложились в римском праве во II веке н.э. Многообразие форм собственности, а вместе с этим изобретением цивилизации многообразие гражданских и государственно-правовых отношений прорастает сквозь века и уходит в своем развитии в будущее. По признаку субъектов собственности выделяют собственность отдельных граждан, коллективов, семьи, государства, международных объединений. По форме присвоения — индивидуальную, коллективную и государственную собственность. По признаку объектов социализации собственность можно дифференцировать на индивидуальную, групповую и общественную. На практике эти формы переплетаются и накладываются друг на друга, отражаясь в гражданских традициях, национальных законодательствах и международном праве. В целом институт собственности развивается по законам устойчивости социального мира — единство в многообразии и актуальном балансе социально-экономических форм собственности. Еще одним этапом становления социального государства в единстве гражданского общества и правового государства стало развитие сословной демократии в средние века. В 1215 г. английские бароны заставили короля Иоанна Безземельного подписать Хартию вольностей, которая стала Декларацией политических свобод зарождающейся буржуазии в недрах сходящего с исторической сцены феодального общества на Британских островах. Великая Французская революция сделала возможным принятие Учредительным собранием Декларации прав человека и гражданина, в которой были выражены социальные и политические интересы буржуазии, крестьянства и городского плебейства: свободы личности, слова, совести, равенства граждан перед законом, права на сопротивление угнетению. Это были первые шаги европейцев на пути к социальному государству.

Фундаментальные противоречия между провозглашенными лозунгами и неравноправными социальными отношениями, утвердившиеся после победы буржуазных революций в Европе, увидели и вынесли на суд общества социалисты-утописты и просвещенные мыслители XVIII века. Детальный анализ ограниченного характера социального государства буржуазной демократии дали в своих работах К. Маркс и Ф. Энгельс.

Американский экономист Дж. Гэлбрейт считает, что начало процессу становления государства всеобщего благоденствия было положено в Германии в 1870 г. и явилось следствием революционных настроений германского рабочего класса [94]. Противоречивый характер социальных реформ О. Бисмарка дал повод Ф. Энгельсу назвать их «прусским

социализмом». Тем не менее буржуазные государства защиты интересов меньшинства под давлением широких социальных слоев снизу в Германии и Великобритании были вынуждены принимать законы о социальном страховании. В Европе продолжался медленный процесс трансформации государства насилия над большинством в социальное государство защиты интересов большинства.

По мере того, как в XIX и XX вв. социально-политические конфликты и глобальные проблемы стали приобретать планетарные масштабы, процессы социализации государства, его структур и институтов стали захватывать современные индустриальные страны. Мощнейшим импульсом, резко ускорившим эти процессы в XX веке, стала Великая российская революция 1917 г. Она дала новый толчок развитию новых механизмов и инструментов социального государства посредством возникновения советской формы демократии и впечатляющих результатов социальной политики советского государства.

В 1930-е гг. не только в России, но в других странах, в первую очередь промышленно-развитых, начались интенсивные поиски новых социально-политических технологий. Историческая, национальная, социокультурная специфика в каждой конкретной стране по-своему отражалась в социальных инновациях, формах, механизмах взаимодействия общества и государственных институтов. Но сутью и направлением этих процессов было общее стремление – избежать крупномасштабных социальных конфликтов путем согласования интересов, раздела ресурсов и создания эффективных социально-политических механизмов на национальном и международном уровнях.

В США правительство президента Ф. Рузвельта в 1933–1938 гг. для ликвидации мирового экономического кризиса и смягчения противоречий американского капитализма проводило политику «Нового курса», которая сочетала методы по усилению государственного регулирования национальной экономики и активной социальной политики. В основе этой политики лежали идеи Дж. Кейнса, основоположника теории государственного регулирования экономического цикла. Он считал, что рост крупных корпораций и массового производства значительно опередил массовый спрос, что и привело к усилению неустойчивости экономики и стало одной из важнейших причин Великой депрессии 30-х гг. Ф. Рузвельт полагал, что для ликвидации этого положения государство должно взять на себя ответственность за развитие экономики, сменить роль «ночного сторожа» на роль «совета управляющих», побуждающих общество зарабатывать деньги и правильно их расходовать. Закон о социальном страховании 1935 г. стал успешной попыткой ослабления антагонизма в сфере отно-

шений труда и капитала и концентрации внимания государства на недостатках в таких сферах, как жилищное строительство, медицинское обслуживание и образование.

В первой половине XX в., еще во времена господства национал-социализма, идеи социального рыночного хозяйства получили развитие в школе неолибералов в Германии. В 1932 г. Александр Люстов сформулировал принципы неолиберализма. В 1937 г. профессора Франц Бель, Вальтер Ойкен и Ганс Гросман-Дерт начали публикацию серии работ, в которых показывали, что основная задача государства заключается в осознанной необходимости формулирования социально ориентированного политического и экономического порядка. А. Гитлер использовал эту потребность в своих целях. Пообещав немцам рай за счет других наций, он стал добиваться мирового господства на основе антигуманной национал-социалистской идеологии.

Очевидно, что ни И. Сталин, ни А. Гитлер, ни Ф. Рузвельт не абсолютизировали методы тотального администрирования в политической и экономической жизни своих стран. Это были вынужденные политические мобилизационные социальные технологии, вызванные задачами концентрации военной и экономической мощи в период II мировой войны. Как только задачи чрезвычайного периода оказывались выполненными, глобальная тенденция возникновения и функционирования социального государства пробивала себе дорогу к жизни на разных континентах, в разных странах с учетом национальной, исторической, политической, экономической, социокультурной специфики.

Во второй половине XX в. теоретические и практические поиски путей строительства социального государства как средства, позволяющего избегать новых глобальных конфликтов, начались почти во всех идейно-политических течениях общественной мысли – от консервативных либералов до ортодоксальных и левых коммунистов. Именно это обстоятельство позволило известному политологу либеральной ориентации Ральфу Дарендорфу констатировать: история последнего столетия, особенно последних тридцати лет, показывает, что сопротивление правящих групп заканчивалось признанием тех ценностей, которые они раньше отвергали. «В своих лучших возможностях XX век был социал-демократическим. Таким его сделали не одни социал-демократы. В конце концов мы (почти) все стали социал-демократами» [312].

Заслуга практической реализации социально-рыночного хозяйства в ФРГ принадлежит Людвигу Эрхарду и статс-секретарю Федерального министерства экономики профессору Альфреду Мюллер-Армаку. Именно они создали организационные предпосылки возникновения феномена «германского чуда». Используя ресурсы плана

Маршалла, К. Аденауэр и Л. Эрхард сумели создать в разрушенной Германии такой социальный и экономический порядок, который обеспечил высокую мотивацию труда, впечатляющие темпы производства, технологическое обновление и эффективно действующую систему социальной защиты. Западная Германия прошла период ускоренной социально-политической реабилитации и начала устойчиво развиваться на базе традиционных немецких ценностей, в фундаменте которых лежала этика протестантизма.

Социально ориентированное рыночное хозяйство возникло и успешно развивается в Японии. Факторы производства: труд, земля и капитал в оккупированной Японии были удачно наложены на систему национальной корпоративной ответственности и этики. Такая комбинация дала удивительные результаты. Японская система управления персоналом на крупных и мелких фирмах в своей основе использует современные и традиционные для японского общества принципы и методы социального управления. Освобожденная, материально и духовно мотивированная национальным образом социальная энергия японского общества позволила обойти своих учителей – США и Европу в производстве конкурентоспособной продукции и продвижении товаров на рынки.

Свою особую траекторию в мировом социальном движении нашла шведская модель развития, основные узлы и конструкции которой были заложены У. Пальме в 1975 г. Он критиковал экономические системы как в капиталистических, так и в коммунистических странах и считал, что для них характерны недемократическая концепция власти, неравноправное распределение ресурсов, культ потребления, максимизация прибыли и хищническое отношение к природным ресурсам и экосфере. Основная цель шведских социал-демократов сформулирована Э. Вигфоресом и отражает идеи функционального демократического социализма – «изменить экономическую организацию буржуазного общества таким образом, чтобы право принятия решения на производстве находилось в руках всего народа, чтобы большинство освободилось от власти меньшинства, владеющего капиталом, и на основе нового типа экономики создало общество, основанное на сотрудничестве граждан на принципах свободы и равноправия» [253].

Второе дыхание получила китайская социалистическая модель развития после того, как традиционные формы социальной организации общества, регулируемый государством рынок и созданный в мобилизационный период развития индустриальный потенциал были задействованы в балансе интересов общества, государства и личности. Китайское государство нашло механизмы социального развития, которые позволяют

обеспечивать в обществе устойчивый консенсус интересов и высокую мотивацию труда. В условиях глобального экономического кризиса китайское государство, взяв на себя роль регулятора внутреннего рынка, обеспечило на нем высокий спрос, что позволило сохранить высокие темпы развития экономики, в отличие от ОЭСР.

История убедительно показывает, что **эффективное социальное государство возникает при условии взаимодействия членов общества, свободно организованных в исторически сложившемся социально-национальном пространстве, с политикой государства, направленной на согласование интересов, создание материальных условий, трудовой мотивации и духовных факторов реализации потребностей.** В каждой отдельной стране социальное государство проходит свой исторический путь развития и принимает свои особые национальные формы.

Абстрагируясь от национальной специфики, **социальное государство необходимо рассматривать как общественный феномен, который возникает в процессе становления социально-ориентированной системы ценностей и трудовой мотивации деятельности в интересах большинства членов общества и устойчивого развития цивилизации на планете.**

Российское общество имеет традиции, уходящие вглубь веков, и масштабные заделы в социально-политической реальности, работающие на социальное государство. В фундаменте развития государственности в нашей стране лежала община как форма организации жизнедеятельности славянских и русских племен. Для того чтобы оградить свою территорию от набегов извне, земледельцы-славяне были вынуждены пойти на создание предшественников институтов государства — дружин во главе с князьями, которые и стали на русской земле прообразами государственных структур и институтов. Однако с самого начала община, создав для своей защиты государственную власть, не позволяла ей вмешиваться в дела «земли – мира», то есть общинно-семейные отношения. Идея социального и производственного самоуправления проходит через общину, вече, земские соборы, институты земства к Советам народных депутатов, органам местного самоуправления и является основой политики и практики социального государства в России. **Сердцевиной этой социальной традиции – технологии, развивавшейся через века – является служение народу и Отечеству, контроль за исполнительной властью – чиновничеством, бюрократией, чрезмерным обогащением в ущерб интересам общества.**

Если на Западе реализация прав и свобод человека, как правило, шла на принципах индивидуализма сверху, через институты государства или

церкви в интересах растущего богатого меньшинства, то в России на протяжении веков она осуществлялась через коллективизм русской общины, которая в лучшие времена на самом нижнем социальном горизонте традиционно обладала такими демократическими инструментами и правами, о которых не могла и мечтать любая средневековая европейская демократия: полное самоуправление, невмешательство центральной власти, гласное единодушное решение дел на сходке, совместное владение землей. Еще в VI в. византийский летописец Прокопий Кесарийский писал, что славянские племена «не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим» [145]. Уникальный продуктивный духовный потенциал, работающий на идею социального государства, всегда несло в себе православие, которое сумело сохранить и пронести через века адекватное христианское понимание свободы и равенства, на почве русской общинной реальности, развив их в идею соборности – свободного коллективного единения людей разных социальных сословий в любви к общим ценностям и идеалам.

Попытки подменить соборно-коллективистский принцип самоуправления русского российского общества, как правило, всегда приводили к насилию, падению нравственности, войнам и массовым репрессиям. Тирания Ивана Грозного, отвергнувшего традиции Боярской Думы и Земских Соборов, коллективных советов с боярами и народом, привела к Смутному времени. Авторитаризм Петра I и Сталина, осуществлявших ускоренную материальную и духовную модернизацию, также не могло не привести к массовым человеческим жертвам. Но и в первом, и во втором, и в третьем случаях духовное ядро российского общества оказалось не затронуто. Здоровые общинно-коллективистские закономерности социального уклада брали верх и позволяли сохранять единство русского и ищущих у него защиты братских народов.

Принципиальное отличие Российского государства от всех существовавших ранее империй (Римской, Византийской, Британской, Германской) состояло в том, что оно в первую очередь выполняло защитную функцию по отношению к объединившимся народам, а нерусским предоставляло помощь и не препятствовало в самобытном политическом, экономическом, культурном развитии. Русский народ и государство в процессе экспансии способствовали социально-политическому и социокультурному развитию присоединяемых территорий. Российская империя и СССР были в большей степени не колониальными, а социальными империями, защищавшими составлявшие их народы, особенно по границам, от уничтожения

и вымирания. В стратегическом плане русский национальный политический и хозяйственный генотип всегда опирался на систему этики мирного сосуществования и сотрудничества гуманистических культур, идеологий и религий.

В 50–80 гг. XX столетия после длительного периода мобилизационного выживания в нашей стране начали возникать предпосылки ускоренного развития социальной экономики и государства, проводившего политику в интересах большинства. Обратимся только к одному показателю, объему общественных (социальных) фондов потребления, который дает обобщенное представление о социальной направленности и содержании политики советского государства (табл. 1).

Таблица 1

Выплаты и льготы, полученные населением СССР из общественных фондов потребления

Год	Всего (млрд руб.)	На душу населения в год (руб.)
1940	4,6	24
1950	13,0	72
1960	27,3	127
1965	41,9	182
1970	63,9	263
1977	99,8	385
1978	105,5	404
1979	110,2	418
1980	116,5	438

Источник: [212, С.173]

Однако именно в этот период идеологи и сторонники элитаризма и материального обогащения ради обогащения в нашей стране и за рубежом, используя целую цепь стратегических социально-политических и экономико-технологических просчетов советских политиков, подвели российское общество к той роковой черте, за которой под демократическими лозунгами в нашей стране произошла криминально-буржуазная революция меньшинства. Искусственно вызванным системным материальным и духовным кризисом не замедлили воспользоваться те силы, которые всегда выступали против идеи социального государства в пользу элитарного потребительства и максимизации прибыли. Создав в России и постсоветском пространстве колоссальный социальный, материальный и информационный диспаритет, они ослабили человеческий потенциал и пытаются перевести российское общество в режим неэквивалентного обмена с «золотым миллиардом», превратить Россию в страну-донора периферийного капитализма. На практике, как показывают демографические данные, это будет означать сокращение численности населения и неизбежное «сжатие» территории страны (табл. 2).

Таблица 2

Изменение численности населения России в 2010–2030 гг. по оценкам Концепции демографической политики России, Росстата, Отдела народонаселения ООН и Бюро цензов США

Источники	Год				
	2010	2015	2020	2025	2030
Концепция	143,0	143,0	-	145,0	-
Росстат	141,9	142,2	141,9	140,9	139,4
Росстат (без миграции)	141,9	140,7	138,9	136,1	132,8
Отдел народонаселения ООН	142,9	142,2	141,0	139,0	136,4
Бюро цензов США	139,4	136,0	132,2	128,2	124,1

Примечание: Росстат — оценки на 1 января; ООН и Бюро цензов — оценки на 1 июля.

Источник: [218, С. 296–297; 271]

Эмпирическое моделирование потенциала гражданского общества.

Степень развития гражданского общества в той или иной стране проявляется как социальная реальность в многообразии социально-политических признаков. Среди них выделяют базисные фундаментальные признаки, без проявления и наличия которых гражданское общество не может возникнуть. Во-первых, в социальном государстве, которым согласно Конституции РФ является Россия, потенциал гражданского общества определяется совокупностью мнений граждан, считающих, что государство проводит экономическую политику в интересах большинства граждан, то есть в интересах демократического общества. С этим признаком соотносится второй признак — совокупность мнений респондентов о том, что государство выражает интересы большинства граждан в стране. Третий актуальный признак, по которому в обществе не прекращаются острые дискуссии — в чьих интересах в стране проведена приватизация? Четвертый признак — самоидентификация среднего класса по семи признакам: образование, профессия квалификация, работа, доход, качество жизни, участие в политике. Пятый признак — прямая самоидентификация среднего класса. Шестой признак — самооценка денежных доходов населения. Седьмой признак — выполнение государством своих обязательств по охране прав и свобод граждан. В графическом виде величина измеренного с помощью семи социологических индикаторов гражданского потенциала общества⁵

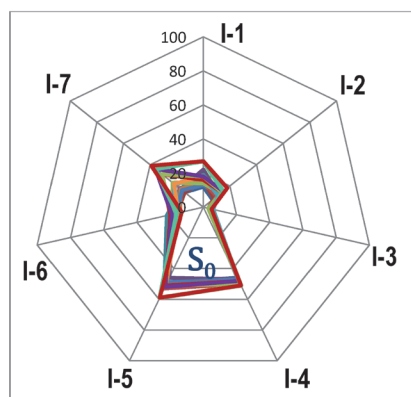
отобразится на графике индексом — площадью многоугольника (рис. 1).

В совокупности своих базисных фундаментальных признаков этот индекс показывает величину сущностного ядра функционирующего в настоящее время в стране гражданского общества. В целом динамика индекса положительна, резкое увеличение его значения наблюдалось по сравнению с концом 2013 года (с 7,7 до 8,8). Средняя величина индекса гражданского потенциала общества за весь период измерений составляет 6,6 процентных пунктов.

Вокруг этого ядра образуются оболочки гражданского общества, которые в своих измеренных значениях отражают проявления других признаков жизнедеятельности гражданского общества. В своей совокупности измерений ядро и оболочка составляют эмпирическую модель гражданского общества в России (рис. 2).

всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, место жительства, национального и социально-профессионального состава. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Объем выборочной совокупности составлял на различных этапах 1312–1866 респондентов. Эмпирическим объектом исследования выступало взрослое население России. Исследования 2014 г. проведены при финансовой поддержке РФФИ — проект № 13-06-00166 «Социологический мониторинг «Социально-политические риски устойчивого развития российского общества в условиях мирового экономического кризиса 2013–2015 гг.», проект № 14-06-10004 «Научный проект проведения полевого этапа социологического исследования на тему: Социально-политические риски устойчивого развития российского общества в условиях мирового экономического кризиса 2013–2015 гг.» и РГНФ, проект № 14-03-00321 «Развитие гражданского общества и институтов демократии в России: социологический мониторинг».

⁵ В статье приводятся данные, полученные в рамках социологического мониторинга «Как живешь, Россия», проводимого Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН с 1992 г. Научный руководитель мониторинга — д.соц.н. В.К. Левашов. Исследовательский коллектив: к.соц.н. И.С. Шушпанова, с.н.с. В.А. Афанасьев, с.н.с. О.П. Новоженкина. В исследовании использована квотно-пропорциональная

- I-1 — Экономические преобразования соответствуют интересам большинства населения
 I-2 — Российское государство выражает интересы всех граждан
 I-3 — Приватизация проведена в интересах всего общества
 I-4 — Индикатор социальной самоидентификации по 7 признакам (образование, профессия, квалификация, работа, доход, качество жизни, участие в политике)
 I-5 — Индикатор классовой самоидентификации (средний класс)
 I-6 — Самооценка денежных доходов населения
 I-7 — Государство выполняет свои обязательства по охране прав и свобод граждан

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН

Рис. 1. Индекс гражданского потенциала общества в России (S_0)

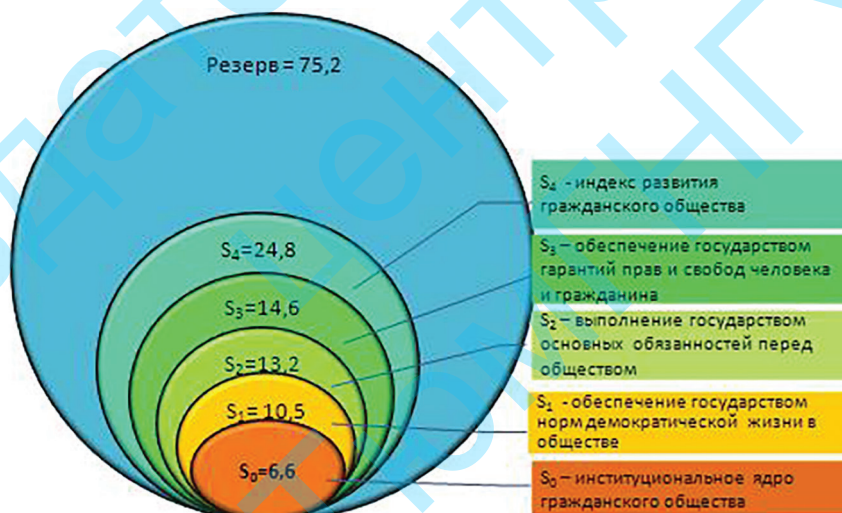

Рис. 2. Эмпирическая модель гражданского общества в России — декабрь 2014 г.

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН

Первая оболочка эмпирической модели показывает обеспечение государством норм демократической жизни в обществе. Индекс обеспечения государством норм демократической жизни в обществе составлен из семи признаков — совокупности мнений граждан о соблюдении: равенства всех граждан перед законом, соблюдения личной безопасности, прав человека, социальных гарантий, свободы политического выбора, терпимости к чужому мнению, свободы слова. Российские граждане достаточно критически оценивают деятельность государства на этом поприще.

Наибольшие оценки на всем протяжении измерений респонденты выставляют усилиям властей на трех направлениях деятельности: обеспечение свободы политического выбора (60), свободы слова (59), терпимости к чужому мнению (50). Причем все три индикатора заметно потеряли в своих значениях за период с начала экономического кризиса, а затем «подросли» к июню 2014 г. Динамика изменения всех трех признаков за прошедшее пятнадцатилетие незначительна. В большей мере выросла оценка усилий государства по поводу обеспечения условий проявления терпимости

к чужому мнению. Парадоксальность социополитической ситуации заключается в том, что именно на этих направлениях деятельность государства критикуется в большей степени как со стороны левых, так и со стороны правых партий.

Остальные четыре простых индикатора имеют меньшие значения, но большую динамику изменений: социальные гарантии (рост с 3 до 47), соблюдение прав человека (рост с 4 до 38), личная безопасность (рост с 3 до 34), равенство всех граждан перед законом (рост с 8 до 25). Показательно, что граждане выше оценивают те направления деятельности государства, которые связаны с отменой политических, идеологических, информационных запретов. Здесь потребовались радикальные директивные действия политиков. Формирование условий для реализации социальных гарантий, соблюдения прав человека, безопасности и равенства граждан перед законом требует не только политической воли, но и значительных объемов материальных, интеллектуальных, организационных, временных усилий и ресурсов. Индекс имеет растущую положительную динамику, за последние полгода его значение выросло с 16,9 до 20,2. Среднее значение индекса за весь период наблюдений составило — 10,5, что и определило площадь первой оболочки гражданского общества.

Вторая оболочка эмпирической модели гражданского общества определяется величиной индекса выполнения государством своих основных обязанностей перед обществом, который составлен из индикаторов: регулирование производства и распределения товаров и услуг, обеспечение достойной жизни и всестороннего развития граждан, развитие науки, культуры и образования, охрана природы и использование ресурсов, налогообложение и взимание налогов, охрана прав и свобод граждан, прав собственности, правопорядка, оборона страны, обеспечение мира и поддержание мирового порядка, сотрудничество и укрепление связей с СНГ, защита жизни и прав соотечественников за границей, интеграция в мировую экономику, международное сотрудничество в решении глобальных проблем. Динамика индекса положительная. Средняя величина индекса выполнения своих обязанностей перед обществом за весь период наблюдений составила 13,2.

Третья оболочка эмпирической модели гражданского общества определяется величиной индекса обеспечения государством гарантий прав и свобод человека гражданина: равенство перед законом и судом, свобода мысли и слова, право на выбор профессии, право на получение информации, право на отдых, защита государством материнства и детства, право на социальное обеспечение и пенсию, право на жилье, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на благо-

приятную окружающую среду, право на бесплатное образование, право на судебную защиту прав и свобод гражданина.

Динамика индекса положительна, уверенный рост наблюдался с конца 2011 г. Средняя величина индекса обеспечения государством гарантий прав и свобод человека и гражданина составила за весь период наблюдений — 14,6.

Наконец, **четвертая оболочка эмпирической модели** гражданского общества определяется с помощью индекса мнений граждан о развитии гражданского общества как оценка гражданами восьми существенных критериев развития гражданского общества: правовое государство — господство закона, перед которым все равны, и который защищает права, свободы и безопасность граждан; право собственности — владение, пользование и распоряжение имуществом; политическое и идеологическое разнообразие политических партий; общественные организации, представляющие и защищающие интересы граждан; открытость и доступность информации о положении дел в стране и за рубежом; свобода слова — право граждан без ограничений выражать свое мнение; демократия, свобода политического выбора; самоуправление — инициативное участие граждан в управлении делами по месту жительства, работы, учебы и т.д. Средняя величина индекса развития гражданского общества составила за весь период наблюдений 24,8.

Эмпирическую модель развития гражданского общества в нашей стране можно представить в форме концентрических окружностей, каждая из которых величиной своей площади выражает среднее за период наблюдений числовое значение индекса.

Как отмечалось выше, индекс ядра модели агрегирован из индикаторов, которые отражают мнение граждан по поводу существенных сторон своей жизни в российском обществе, но без смысловой увязки в вопросе с проблематикой гражданского общества. Площадь каждой предыдущей окружности учитывается в последующей.

Как видно из динамики представленных индексов (рис. 3), все они имеют тенденцию к росту, то есть российское гражданское общество расширяет свои социальные границы. Более того, последние значения каждого индекса превышают значения трендов на тот же период, что говорит об усилении положительной динамики. Резервы строительства гражданского общества значительны — 75,2. К современному историческому моменту развития российское гражданское общество в конкретных социально-политических формах своего бытия оказалось приблизительно на четверти вечного пути к идеальному гражданскому обществу.

Рис. 3. Динамика индексов и модель развития гражданского общества в России

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН

Социально-политическая устойчивость гражданского общества

Понятие «устойчивость» в приложении к гражданскому обществу («социальная устойчивость») существует в диалектической связи с понятием «неустойчивость», экстремумом которой является кризис общества вплоть до распада. Социальная устойчивость в соответствии со структурой областей общественной жизни складывается из социально-экономической, социально-политической, социально-идеологической, социально-психологической устойчивости. Все эти сферы общественной жизни при их несомненной связи являются относительно самостоятельными. В работах о развитии российского общества конца XX– начала XXI вв. разрабатывается проблематика «социально-политической устойчивости» и проводится сравнение ее динамики с динамикой социально-экономической устойчивости. Рассмотрим результаты социологического мониторинга социально-политической устойчивости российского общества «Как живешь, Россия?», проводимого коллективом исследователей под руководством автора в Институте социально-политических исследований РАН в 1992–2014 гг. Перспективы устойчивого развития российского общества во все возрастающей степени зависят от внешних условий, от процессов, которые происходят в формирующемся планетарном социуме и трансформирующейся системе мирового хозяйства.

В период перестройки и радикальных реформ проблемы достоверного научного отражения отношения населения к происходящим социальным изменениям приобрели особое значение. Глубина, масштабность и неоднозначность результатов социальных и политических преобразований

поставили вопрос о теоретическом обосновании и создании адекватной российским условиям социологической измерительной системы устойчивости общества, ее количественных показателей.

Социально-политическая реальность в каждый конкретный момент отражается в массовом сознании в виде суждений, мнений, оценок, ориентаций, ожиданий, прогнозов, которые могут быть исследованы методами эмпирической социологии. При этом, конечно, нужно учитывать, что каждый конкретный индивид со своим сознанием как бы «вмонтирован» в общую систему социально-политических связей. Социально-политические отношения выражаются через интересы и изменяются в процессе деятельности, имеющей целью удовлетворение потребностей и интересов различных классов, групп, слоев общества и отдельных индивидов.

Перевод вербальных определений в квантифицируемые показатели предполагает создание системы социальных индикаторов, которые измеряются эмпирическими методами, в том числе с помощью репрезентативных опросов общественного мнения, поэтому могут служить свидетельством выражения интересов тех или иных субъектов социально-политических отношений и общества в целом. Эта система строится из шести отдельных социологических индикаторов, каждому из которых придается своя шкала значений, в своей совокупности они использованы автором для построения интегрального индекса социально-политической устойчивости общества (ИСПУ). Обобщенное выражение динамики индикаторов социально-политической сферы представлено в сконструированном континууме за весь период наблюдений (рис. 4).

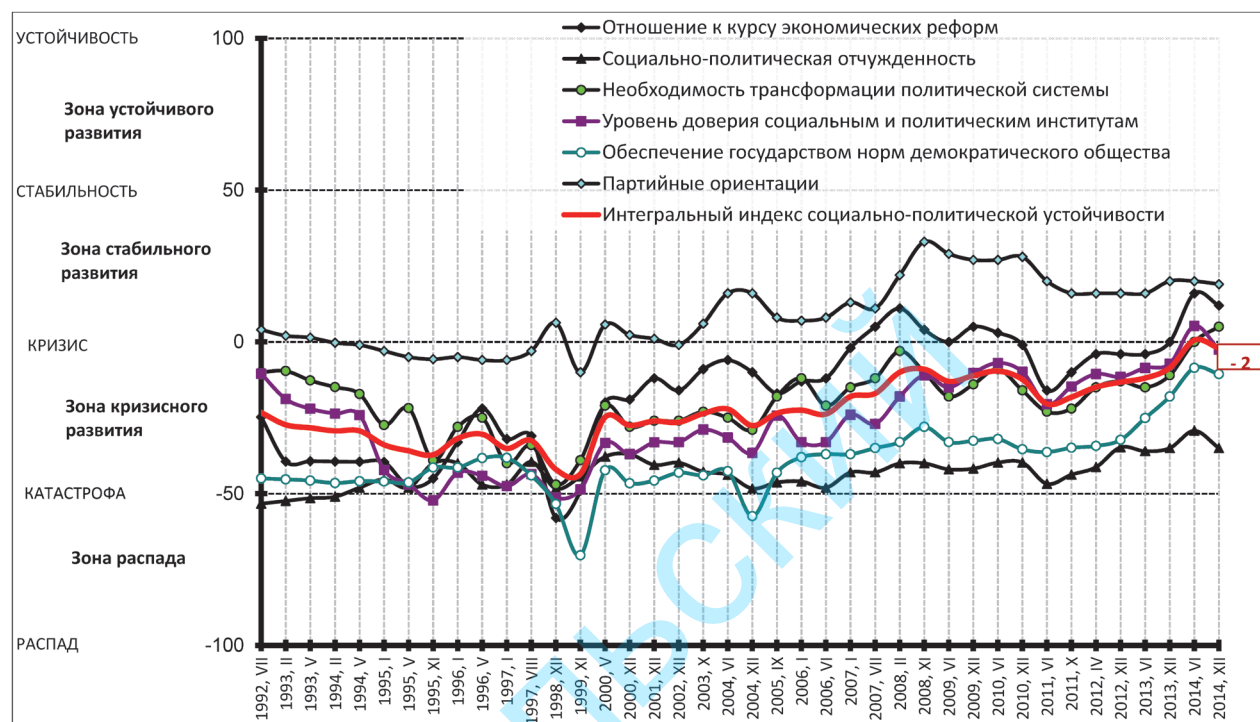

Рис. 4. Динамика интегрального индекса и индикаторов социально-политической устойчивости

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН

Из графика видно, что большинство индексов имеют отрицательное значение и находятся в зоне, которая обозначена как зона кризисного развития. В целом, начиная с июня 2011 г., социально-политическая устойчивость российского общества стала повышаться. В июне 2014 г. интегральный индекс социополитической устойчивости достиг положительного значения (0,57) и оказался в зоне стабильного развития. К концу 2014 г. его величина несколько уменьшилась, и он вернулся в зону кризисного развития (-2). Испытав резкий подъем в период «Крымской весны», потенциал устойчивого развития общества несколько снизился к концу года. Многие фундаментальные социальные, экологические, политические и другие проблемы не нашли еще своего разрешения, хотя постепенно отчуждение между обществом и государством уменьшалось, многие решения и действия политиков встречали одобрение граждан. В процессе консолидации наметились положительные тенденции в оздоровлении социально-политической атмосферы в обществе.

Каждый из показателей как бы «высвечивает» определенную сторону социально-политической жизни российского общества со своими особенностями проявления. Общая тенденция массового отчуждения населения от проводимых реформ выразилась в том, что большая часть российского общества определенно осознала для себя проигрыш от их осуществления. Будучи отстраненной от управления собственностью и практически только на выборах участвуя в демократических проце-

дурах, подавляющая часть населения не доверяет новым группам элиты: банкирам, крупным предпринимателям, олигархам, коррумпированной верхушке бюрократического аппарата. Низко доверие к должностным лицам госаппарата, полиции, всех правоохранительных органов. Время от времени обостряется фундаментальное социально-политическое противоречие: государство своей политической радикальных либеральных реформ противопоставляет себя обществу, а общество, исчерпав внутренние резервы выживания, не поддерживает асоциальную направленность проводимых преобразований.

Защита своей гражданской позиции является проявлением активности гражданского общества. Индикаторы протестной активности в июне 2014 г. не показывали резкого изменения (табл. 3). Активно защищать свои интересы с применением оружия готовы 10 % граждан. Участвовать в забастовках и акциях протеста для защиты своих социальных интересов будут 8 % россиян, выйдут на митинг и демонстрацию 14 %. Более мягкие методы борьбы за свои интересы путем подписания обращения к властям выбрали 13 % респондентов. Интересы 19 % респондентов, по их мнению, достаточно защищены. Еще 19 % россиян ничего из перечисленного не будут делать, 17 % затруднились ответить. Отметим, что за год выросло число россиян, чьи интересы достаточно защищены (рост на 8 п.п.), достигнув максимума. Значения остальных показателей существенно не изменились.

Таблица 3

Динамика поддержки различных форм защиты социальных интересов, (РФ, % от числа опрошенных)

Год, месяц опроса	«Мои интересы достаточно защищены»	«Подпишу обращение к властям»	«Выйду на митинг, демонстрацию»	«Буду участвовать в забастовках, акциях протеста»	«Если надо, возьму оружие»	«Ничего из перечисленного не буду делать»	Затруднились ответить
1994, II	3	13	9	11	13	19	31
1995, XI	1	13	7	6	9	28	35
1997, I	5	10	10	10	15	17	32
1998, XII	3	10	11	13	15	21	26
1999, XI	4	14	16	13	12	18	22
2000, XII	8	13	12	8	11	24	23
2001, XII	7	18	9	11	13	16	26
2002, XII	10	9	7	12	13	29	18
2003, X	9	11	9	8	13	27	21
2004, VI	5	12	11	11	15	25	20
2005, IX	7	9	9	11	13	27	22
2006, VI	7	13	10	13	13	26	19
2007, I	6	20	16	12	11	18	17
2007, VII	7	20	16	11	10	21	15
2008, II	9	14	11	12	10	27	17
2008, VII	9	14	12	11	11	27	15
2009, VI	10	15	12	12	13	23	14
2009, XII	9	13	11	11	12	26	17
2010, VI	12	10	12	9	11	27	18
2010, XII	11	13	14	11	10	27	14
2011, VI	10	11	13	12	12	27	15
2011, XI	14	10	12	11	13	24	16
2012, IV	11	12	15	12	11	21	16
2012, XII	14	12	12	12	12	22	16
2013, VI	11	13	14	12	12	23	15
2013, XII	16	13	11	12	11	22	14
2014, VI	19	12	13	9	12	19	16
2014, XII	19	13	14	8	10	19	17

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН

Распределение ответов на вопрос о том, в каком обществе хотели бы жить респонденты, на протяжении последних десяти лет остается приблизительно одинаковым (табл. 4, рис. 5). В июне 2014 г. 33 граждан предпочли бы жить в социалистическом обществе. Капиталистический строй общества привлекал 16 респондентов, затруднились с ответом 44, а 7 выбрали какое-то другое общество. Полученное распределение ответов не только представляет баланс мнений и представлений о социализме и капитализме, сложившийся в массовом и общественном сознании, но и отражает многолетний опыт жизни граждан в условиях либеральных реформ, ощущение их результатов.

Представления о социализме и капитализме формируются в процессе социальной практики

граждан и испытывают воздействие СМИ, большая часть которых в этой области продолжает оперировать в основном пропагандистскими и идеологическими стереотипами и штампами. С другой стороны, за прошедшие годы либеральных реформ строящийся в нашей стране капитализм демонстрировал представителям всех возрастных когорт далеко не лучшие свои стороны. В настоящее время большая часть общества успела пожить при социализме и капитализме. Получив жизненный опыт, граждане сегодня обладают собственным, основанным на практике, уникальным взглядом на их практическое и смысловое содержание. Динамика мнений граждан о том, что означает для них «социализм» и «капитализм» выглядит следующим образом (табл. 5 и табл. 6).

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос о том, в каком обществе хотели бы жить респонденты
(РФ, % от числа опрошенных)**

Вариант ответа	В социалистическом	В капиталистическом	В каком-то другом	Затруднились ответить
1998, XII	38	22	10	30
2000, V	31	21	12	36
2000, XII	31	21	18	31
2002, XII	29	19	14	38
2003, X	31	23	11	35
2004, VI	34	22	8	36
2006, I	32	19	10	39
2008, II	33	18	10	39
2009, VI	34	20	10	36
2011, VI	36	19	8	37
2012, IV	39	18	7	36
2014, VI	33	16	7	44

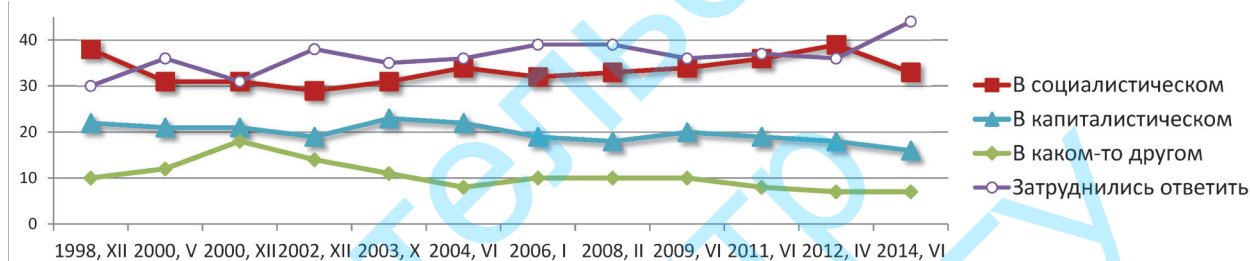

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос о том, в каком обществе хотели бы жить респонденты

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН

Таблица 5

**Динамика мнений респондентов о том, что означает для них понятие «социализм»
(РФ, % от числа опрошенных)**

	Коллективизм	Порядок	Патриотизм	Справедливость	Права человека	Взаимопомощь	Народовластие	Свобода	Нравственность	Духовность	Бедность	Подавление личности	Гуманизм	Технический прогресс	Власть узкой группы людей	Экономическая отсталость	Высокий уровень жизни	Социальная незащищенность	Коррупция	Преступность	Частная собственность	Конкуренция
1998, XII	58	43	40	29	13	-	23	10	23	16	18	23	12	15	25	21	11	9	-	5	2	-
1999, XI	58	44	38	28	16	-	28	12	*	21	19	22	16	17	19	19	10	8	-	5	4	-
2000, V	55	39	40	25	13	-	22	8	20	14	25	23	11	13	19	20	10	10	-	6	3	-
2000, XII	52	48	47	28	10	-	18	5	16	14	28	23	7	13	20	15	9	13	-	5	2	-
2002, XII	56	42	47	25	12	-	15	8	16	17	23	24	11	14	21	18	12	9	-	4	5	-
2003, X	53	45	48	30	17	-	21	12	21	13	18	22	11	10	22	16	11	10	-	3	1	-
2004, VI	53	41	38	34	20	-	18	14	21	17	18	20	9	15	19	14	13	12	-	3	1	-
2006, I	42	37	39	26	17	-	15	8	16	12	17	21	9	14	16	13	11	7	-	3	2	-
2008, II	44	38	36	34	18	-	20	15	25	17	14	13	10	15	10	10	11	6	-	3	3	-
2009, VI	50	38	45	32	18	-	18	10	24	16	15	18	13	11	16	13	12	9	-	2	2	-
2011, VI	47	43	45	36	22	-	20	15	23	17	13	13	12	19	13	12	11	8	-	3	3	-
2012, IV	45	40	36	34	19	24	19	15	21	11	17	16	12	13	10	10	10	6	4	2	1	1
2014, VI	43	42	40	34	23	19	19	19	18	14	13	13	13	11	9	9	9	7	6	3	3	3

Примечание: (-) — альтернатива не входила в шкалу индикатора; сумма ответов превышает 100, так как респонденты могли отметить до пяти понятий.

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН

Таблица 6

**Динамика мнений респондентов о том, что означает для них понятие «капитализм»
(РФ, % от числа опрошенных)**

	Частная собственность	Коррупция	Конкуренция	Власть узкой группы людей	Социальная незащищенность	Преступность	Технический прогресс	Бедность	Свобода	Подавление личности	Высокий уровень жизни	Права человека	Порядок	Коллективизм	Экономическая отсталость	Справедливость	Народовластие	Патриотизм	Гуманизм	Нравственность	Духовность	Взаимопомощь
1998, XII	62	-	-	36	40	48	37	32	30	17	35	19	17	0	7	7	2	2	2	1	3	-
1999, XI	64	-	-	31	32	40	30	25	29	20	27	16	15	1	9	4	3	3	2	-	2	-
2000, V	68	-	-	32	36	44	33	28	28	20	31	17	13	2	7	4	3	4	2	2	2	-
2000, XII	65	-	-	36	38	52	30	32	28	18	28	16	11	1	7	3	2	2	2	1	2	-
2002, XII	68	-	-	39	44	48	26	31	24	19	23	14	9	1	11	4	2	3	2	1	1	-
2003, X	63	-	-	41	41	42	29	33	26	19	23	16	11	1	9	5	2	3	2	2	3	-
2004, VI	67	-	-	42	37	39	29	31	29	23	24	17	13	2	7	4	2	2	3	1	3	-
2006, I	52	-	-	38	40	37	25	28	22	18	19	11	7	2	8	4	2	2	2	1	2	-
2008, II	57	-	-	37	37	36	23	34	24	18	15	13	7	2	7	3	3	2	4	3	3	-
2009, VI	61	-	-	37	40	34	26	29	25	19	18	12	7	4	8	5	3	3	3	3	3	-
2011, VI	63	-	-	41	39	33	29	30	27	22	18	14	10	4	6	4	4	4	3	2	3	-
2012, IV	58	41	44	29	34	28	21	25	20	15	13	8	7	4	5	3	2	1	2	1	2	1
2014, VI	55	45	43	30	25	24	24	20	20	15	13	10	9	5	4	4	4	3	3	3	2	1

Примечание: (-) — альтернатива не входила в шкалу индикатора; сумма ответов превышает 100, так как респонденты могли отметить до пяти понятий.

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН

Таблица 7

**Мнение населения о том, кто в первую очередь выиграл в результате приватизации государственной
собственности (РФ, % от числа опрошенных, допускалось выбрать до трех вариантов ответа)**

	1992, VIII	1995, I	1997, VIII	1999, XI	2000, V	2000, XII	2002, XII	2003, X	2006, I	2007, I	2008, II	2008, VI	2011, XI	2012, IV	2014, VI
Чиновники, управленцы	16	15	36	42	33	39	42	41	37	50	44	43	45	43	35
Теневые дельцы	35	53	53	68	52	40	51	48	41	38	44	42	29	32	26
Затруднились ответить	18	19	14	9	18	17	12	13	19	17	11	16	23	20	26
Предприниматели	-	14	22	32	18	19	19	21	20	24	23	23	16	25	24
Новая номенклатура	23	21	42	41	27	25	29	24	18	20	21	20	14	13	13
Старая номенклатура	15	10	22	32	23	17	19	18	18	18	16	16	12	13	11
Мафия вне России	14	11	20	33	16	16	16	16	12	9	12	10	8	10	9
Я и моя семья	-	1	2	4	4	4	3	4	4	8	6	7	5	6	8
Работники торговли	12	2	10	20	9	10	10	5	6	5	7	6	6	10	7
Иностранный капитал	7	5	22	37	15	19	18	12	12	7	8	8	6	8	6
Выиграло все общество	9	1	3	2	2	4	3	3	5	3	5	3	6	5	5
Интеллигенция, служащие	1	0	1	2	1	1	1	1	1	1	1	2	3	2	3
Рабочие, крестьяне	1	0	1	0,5	1	0	1	0	1	1	1	2	1	1	3
Представители стран СНГ	1	1	5	5	1	1	1	1	2	1	2	1	1	1	3
Трудовые коллективы	3	1	2	4	2	2	2	1	1	2	1	2	1	2	2

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН

Результаты исследования показали, что от половины до одной пятой респондентов в июне 2014 г. характерными для социализма по-прежнему считали следующие понятия: «коллективизм» (43), «порядок» (42), «патриотизм» (40), «справедливость» (34), «права человека» (23), взаимопомощь (19), «народовластие» (19), «свобода» (19), «нравственность» (18). В меньшей степени с социализмом у респондентов ассоциируются понятия «духовность» (14), «бедность» (13), «подавление личности» (13), «гуманизм» (13), «технический прогресс» (11), «власть узкой группы людей» (9), «экономическая отсталость» (9), «высокий уровень жизни» (9), «социальная незащищенность» (7), «коррупция» (6). Наконец, минимальное число респондентов (по 3) соотносят с социализмом понятия «преступность», «частная собственность», «конкуренция».

Приоритетные представления о сущности капитализма распределились следующим образом: «частная собственность» (55), «коррупция» (45), «конкуренция» (44), «власть узкой группы людей» (30), «социальная незащищенность» (25), «преступность» (24), «технический прогресс» (24), «бедность» (20), «свобода» (20).

Не столь характерными для капитализма, по мнению респондентов, являлись понятия «подавление личности» (15), «высокий уровень жизни» (13), «права человека» (10), «порядок» (9), «коллективизм» (5). В наименьшей степени капитализм ассоциируется с понятиями «экономическая отсталость», «справедливость», «народовластие» (по 4), «патриотизм», «гуманизм», «нравственность» (по 3), «духовность» (2) и «взаимопомощь» (1).

Российское общество сформировало свои уже

достаточно устоявшиеся представления о том, какие социальные группы выиграли от приватизации (табл. 7). В глазах общества приватизация имеет криминально-бюрократический характер. Наибольшее число респондентов считали, что в результате приватизации государственной собственности выиграли чиновники и управленцы (35). Далее следуют теневые дельцы (26), предприниматели (24), новая номенклатура (13), старая номенклатура (11), мафия вне России (9), «я и моя семья» (8), работники торговли (7), иностранный капитал (6), «выиграло все общество» (5), «интеллигенция, служащие» (3), «рабочие, крестьяне» (3), представители стран СНГ (3) и «трудовые коллективы» (2). Затруднились ответить 26 респондентов. За два года число граждан, считающих, что в результате приватизации государственной собственности выиграли чиновники и теневые дельцы, снизилось на 8 п.п. и 6 п.п. соответственно. Постепенно эта тема утрачивает для россиян свою остроту, отступает перед более насущными проблемами.

Распределение ответов респондентов о необходимости национализации ранее приватизированных предприятий в июне 2014 г. представлено на рис. 6. Мнения о необходимости национализации всех ранее приватизированных предприятий придерживались 15 респондентов. Большинство респондентов (37) считали, что необходимо национализировать некоторые предприятия из ранее приватизированных, 18 — что их национализировать не надо, 30 затруднились ответить.

Демократические основы жизни гражданского общества, по мнению россиян, постепенно находят свое проявление в политике государства.

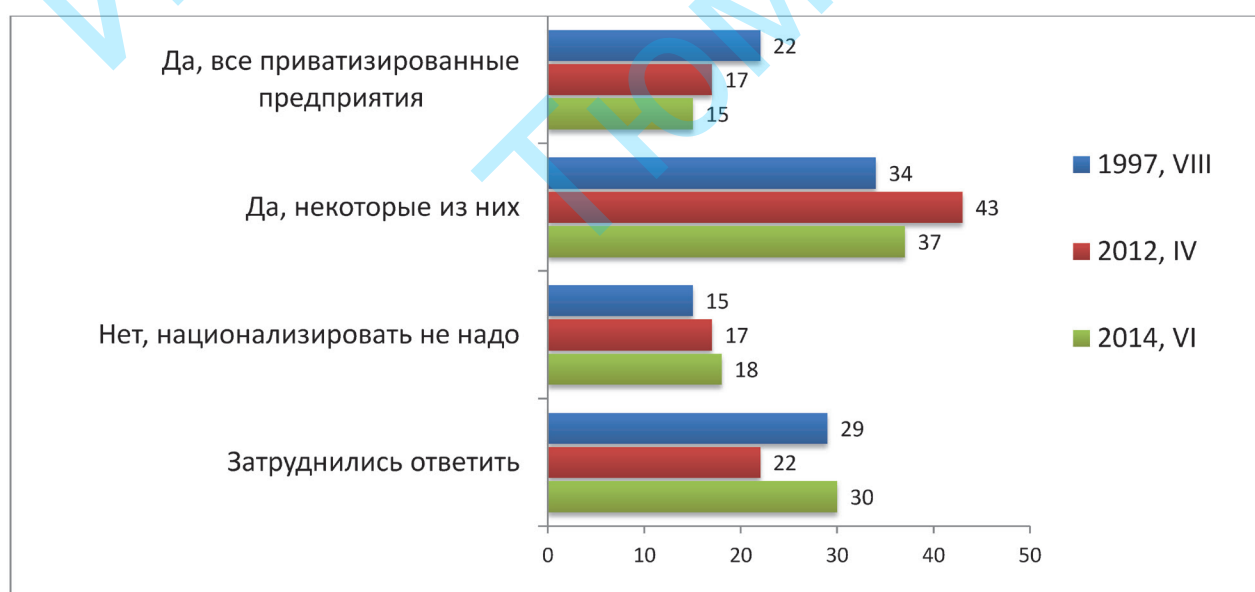

Рис. 6. Мнение населения о необходимости национализации ранее приватизированных предприятий (РФ, % от числа опрошенных)

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН

Точка зрения об изменении политической системы в России с помощью реформ набирает популярность в гражданском обществе. Развитие демократических основ напрямую связано с формированием устойчивости гражданского общества.

Мониторинг общественного мнения, безусловно, является зеркалом социальных изменений. Но это зеркало не дает точного знания динамики общественного сознания, взятого в целом. Используемые в социологии эмпирические

методы опроса населения дают возможность оценить изменения в материальных условиях жизни, потребностях населения лишь косвенным образом, через их отражение в сознании людей. Сопоставление динамики интегрального индекса социально-политической устойчивости (субъективного показателя) с основными объективными показателями, характеризующими изменение состояния экономики, представлено на рис. 7.

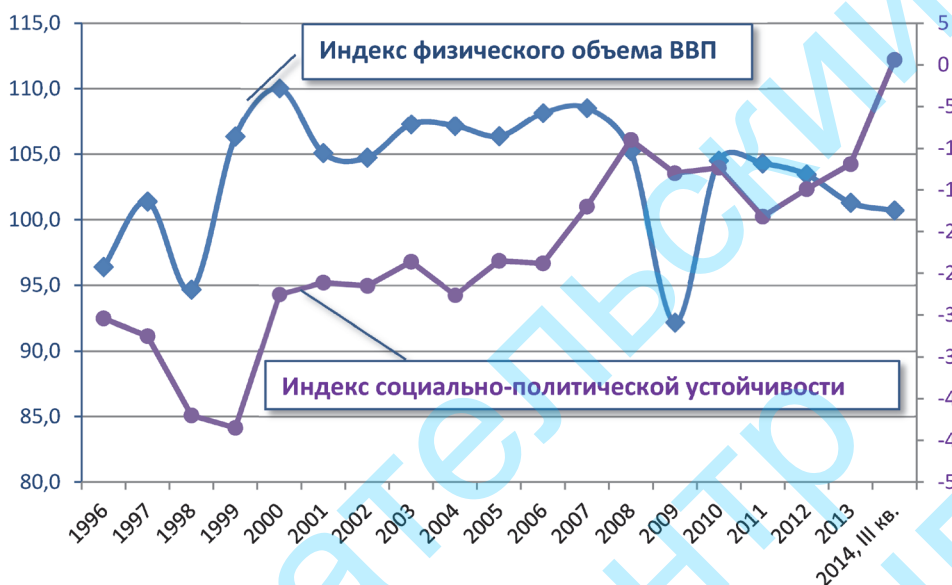

Рис. 7.
Динамика
экономического
и социально-
политического
развития
российского
общества
в 1996–2014 гг.

Источник:
Центр стратегических
социальных и социально-
политических
исследований
ИСПИ РАН

Показательно, что, несмотря на падение индекса физического объема ВВП и снижение уровня жизни населения, индекс социально-политической устойчивости общества продолжал расти. Общество продолжает поддерживать государство, несмотря на то, что санкции Запада начинают негативно влиять на рост ВВП и качество жизни. «Крымская весна» мультиплицировала эффект «момента истины», показала уровень политической культуры российских граждан и степень свободы мнений западного неоллиберального политикума. В конкретной социально-политической ситуации давления на российское общество и государство созрели условия для выработки и принятия первоочередных контрсанкционных мер, которые будут благоприятно восприняты гражданами:

- Компетентным государственным органам проработать вопрос о возможностях и формах создания международного трибунала и международного следственного комитета по преступлениям против человечности на Украине.
- Внести в Совет Безопасности ООН резолюцию о необходимости разработки на основе положений международного права процедуры и механизмов проведения референдумов по

вопросам государственного и национально-культурного суверенитета и автономии.

- Академическим научным сообществам выступить инициаторами и организаторами международных научных конференций по проблемам правомерности и легитимности действий США по введению санкций в практику международной политики.
- Министерству образования и науки, РАН в сотрудничестве с ЮНЕСКО проработать вопрос о проведении в Москве международной конференции «Социокультурное многообразие и устойчивое развитие мировой цивилизации».
- Правительству РФ, РАН и компетентным органам государственного управления приступить к научной разработке с последующим общероссийским обсуждением и принятием ФС РФ «Стратегии и основных направлений устойчивого развития РФ до 2050 года».
- Органам государственного управления начать подготовку к реформе системы гражданского самоуправления, положив в ее основу критерии социальной эффективности управления

отношениями собственности. Создать Комитет гражданского контроля при Федеральном Собрании РФ с полномочиями проверки работы органов исполнительной власти в центре и на местах.

- Обсудить целесообразность формирования Правительства устойчивого развития России. При формировании государственного бюджета, прогнозе параметров внутреннего потребительского рынка, промышленной политики и внешней торговли отказаться от сложившейся практики стратегической зависимости от зарубежных кредитов.
- Провести реформу банковской системы РФ, определить место и роль Центробанка в соответствии с принципами государственного суверенитета и независимости. Выстроить национальную финансовую систему на принципах стратегической устойчивости и независимости от мировой конъюнктуры финансовых рынков и цен на энергоносители.
- При формировании государственного бюджета РФ руководствоваться стратегическими целями и приоритетами промышленной и аграрной политики, принципами устойчивого развития общества и государства.
- Правительству РФ сформировать доктрину национальной технологической инициативы с конкретизацией фундаментальных и отраслевых исследований и НИОКР. Использовать успешный исторический опыт работы Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС), Совета по изучению производительных сил АН СССР и Госплана.
- Правительству РФ сформировать, обсудить в профессиональном сообществе и довести до гражданского общества государственные стандарты здравоохранения на принципах бесплатной страховой медицины, доступности базовых медикаментов и услуг.
- Российской академии образования, Министерству образования и науки, РАН разработать и представить на рассмотрение Правительству РФ и для всенародного обсуждения концепцию и программы непрерывного образования для граждан всех возрастов, от дошкольного до пенсионного включительно, имея в виду императивы и вызовы общества знаний.
- Оказать помощь Республике Крым в воссоздании общественных и научно-просветительских

организаций и организовать работу по легитимации в массовом сознании ценностей и убеждений о канонических территориях исторической России.

В российском обществе и государстве идет медленный процесс осознания приоритетов и целей устойчивого развития — движения в будущее в интересах будущих поколений, продолжается процесс социализации государства и этатизации общества — формирования социального государства. Сегодня в условиях санкционного давления Запада важнейшей стратегической задачей является завоевание социальной и политической инициативы в системе международных отношений и в мировом общественном мнении. Противостояние новых и старых идей, нового и старого способов жизнедеятельности проявляется как на национальном, так и на глобальном уровнях.

Современное социальное государство развивается как сплав материальных и духовных достижений индустриальной и постиндустриальной цивилизаций, технологий глобальной цифровой коммуникационной революции, возникновения электронной демократии на основе социального развития глобального гражданского общества. Все эти компоненты присутствуют в политике и практиках российского государства и общества. Российское гражданское самосознание впитало в себя ценности и традиции тысячелетнего исторического опыта социокультурной коммуникации, сформировало социополитическое ядро культуры самого большого в мире государства эпохи модерна и постмодерна. Российское сознание на протяжении многих веков формировалось в условиях сменяющих друг друга военных побед и поражений. Многократное чередование социальных и экономических подъемов и спадов в развитии, периодическое прохождение общества и государства через кризисы и катастрофы, социополитические «оттепели» и «зимы» создали сущностное своеобразие великой российской политической культуры, привели к закалке и стойкости духа: знаний, памяти, ценностных ориентаций, убеждений, веры и воли. Время и интенсивный исторический опыт выковали русский и российский гражданский характер и его стратегию жизни: довольствоваться малым и собирать ресурсы для великого — во имя правды и социальной справедливости. Эта жизненная патриотическая гражданская стратегия продолжает работать и сегодня в обстановке «радостей» и «ужасов» современного русского российского капитализма, в условиях разворачивающихся процессов цивилизационной глобализации.

Хамзина Г. Р., Исламшина Т. Г.

ПОСТСОВЕТСКОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПРОВИНЦИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ИЗМЕНЕНИЙ

Население России представляет собой пространственно отдаленные друг от друга локальные сообщества с их исторически сложившимися культурными традициями, объективно неравнозначными хозяйственно-экономическими ресурсами и социокультурными возможностями. Это наглядно иллюстрируется данными Всероссийской переписи населения 2010 года. В стране имеется 1 100 городов, 1 286 поселков городского типа, 134 тысячи сельских населенных пунктов. Из общего числа городов 13 имеют население в пределах одного и более миллиона человек, что составляет 28,6 всего населения страны (среди них самые крупные — Москва и Санкт-Петербург, где проживает соответственно 11,5 и 4,9 млн. человек); в 20 городах население составляет от 500 тыс. до 1 млн. человек (12,9 всего населения); в 42 — от 250 до 500 тыс. человек (15,2), в 92 — от 100 до 250 тыс. человек (14,4), в 163 — от 50 до 100 тыс. человек (11,6); в 768 городах проживает до 50 тыс. человек, или 17,3 всего населения страны. Численность населения поселков городского типа незначительна по сравнению с населением городов: поселков городского типа вдвое больше, чем городов, но в них проживает лишь 7 городского населения (по данным переписи жители поселков городского типа отнесены к городскому населению).

Имеется 153,1 тысячи сельских населенных пунктов. Из них 19,4 не имеют населения (безлюдные, заброшенные), то есть в каждой пятой деревне больше никто не живет), хотя они значатся в административно-территориальной структуре страны. Численность живущих в 36,2 сельских населенных пунктов не превышает 10 человек; в 32,8 — от 10 до 50 человек, в 13,8 — от 51 до 100 человек. Лишь в половине из всех сельских населенных пунктов (50,9) проживает более 100 человек [250, С. 8–10].

Территориальная отдаленность городов местного значения и сел от столичных городов, городов — административных центров субъектов РФ, а также от других крупнейших городов детерминирует их социальную периферийность. Под социальной периферийностью мы имеем в виду существенные различия в условиях труда и быта, и в целом — в качестве жизни населения, в социокультурных возможностях получения образования, конструирования личной жизненной стратегии, зависимость от территориального фактора. Социальная депривация периферии

в значительной мере обусловлена тем, что в крупных центрах сосредоточены трудоемкие предприятия, финансово-банковский капитал, крупный и средний бизнес-структуры, университеты, ведущие культурно-зрелищные учреждения и т.д.

Регионологический подход к исследованию сложного по своему территориальному устройству российского общества научно продуктивен в экономических, экономико-географических, политико-географических исследованиях. В исследованиях изменений российского общества не только в политической и экономической сферах, но и в структуре доминирующих социальных ценностей более предпочтителен провинциологический подход. Если в регионологических исследованиях базовой дихотомической парой является «центр — регионы», то провинциологический подход к исследованию изменений российского общества требует оперирования парой «столица — провинция». Данная пара родственна паре «центр — периферия», но их нельзя рассматривать как синонимы: вторая пара имеет контекст территориальной отдаленности социальных общностей от «центра», тогда как первая — их социальной дистанционности. В то же время дихотомическая пара «столица — провинция» вписывается и в центрографическую методологию, где пара «центр — периферия» является базовой.

«Центр — периферия», «столица — провинция» имеют определенное смысловое сходство, но используются в разных контекстах. Например, «центр» в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля интерпретируется как «приблизительная середина плоскости» («губернский город находится в центре губернии» [85, С. 572]. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой приведено 8 его значений, из которых в рассматриваемый контекст вписываются такие как: главная часть чего-то; место сосредоточения чего-то; важный пункт чего-то («промышленные центры страны», областной, районный, административный центры) [221, С. 874]. «Периферия» в первом словаре определена как «окружность, окраина, вообще все части или полоса, более удаленные от середины»; во втором словаре — как местность, удаленная от центра («работать на периферии», «приехать с периферии» [221, С. 513].

Понятие «регион» в словарь В. Даля не вошло, поскольку в то время оно отсутствовало в обороте

русского языка. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой регион определяется как большая область, группа стран или территорий, районы, объединенные каким-либо общим признаком (экономический регион, географический регион) [221, С. 672].

В «Большой советской энциклопедии» провинция определяется как административно-территориальная единица и фактически не соотносится с советским периодом развития страны. Как отмечается в ней, провинция означает: 1) в Древнем Риме — подвластные Риму внеиталийские территории, управлявшиеся римскими наместниками; 2) в России в 1719–1775-е гг. — административно-территориальная единица; 3) в ряде зарубежных государств (Италия, Испания и др. — административно-территориальные единицы) [4, с. 962]. В словаре В. Даля приводится третье значение термина провинция, как синонима губернии, области, округа, волости. («Жить в провинции — значит жить не в столице»; «провинциал» живущий не в столице, а житель губернии, уезда, захолустья» [85, С. 472].

Таким образом, в словаре В. Даля провинция и провинциальность соотносятся не только с административно-территориальной единицей, но и с окраинностью, дистанцированностью от столичной жизни, то есть имеют и социальный контекст.

Еще более наглядно социальная дистанцированность провинции от столицы (центра) охарактеризована в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, где провинция интерпретируется следующим образом: 1) область, административно-территориальная граница в некоторых странах; 2) местность, территория страны, удаленная от крупных центров. «Провинциальный» означает отсталый, наивный, простоватый. Соответственно «провинциал» по словарю — это: 1) житель провинции; 2) человек провинциальных взглядов [221, С. 606]. Из этого следует, что в указанном словаре понятия «провинция», «провинциальность» связываются не только с расселением по территории, но и с типом личности.

В классической литературе (и в русской, и в зарубежной) такая дифференциация значений термина «провинция» всегда присутствовала. Например, И. С. Тургенев помимо Москвы, Петербурга, Парижа, проживавший и в своем поместье в Орловской губернии, о силе влияния провинциального образа жизни писал: «Ничто так не портит человека, как жизнь в провинции» [361]. Скванность, комплексованность, неуверенность в себе, отсутствие «чувства одежды» приписывали героям своих произведений, — выходцам из провинции О. Бальзак, Г. Мопассан, О. Генри и др.

Центрографическая методология имеет российские научные корни. Первым в научный оборот российской науки термин «центральное

место» (равнозначный, в сущности, термину «центр») ввел Д. И. Менделеев. Его последователями были Б. П. Вайнберг, Е. Е. Святловский [50] и др.

Интерес к проблеме центра и периферии возобновился в 1920-е гг. В 1980-е гг. она стала изучаться в социологии расселения. На необходимости относительной самостоятельности социологии расселения настаивали, как прослеживается по их работам, Н. А. Аитов, Ю. В. Арутюнян, А. В. Дмитриев, Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина, Б. С. Хорев и др. В постсоветский период регион как социотерриториальная общность стал объектом теоретико-методологического анализа с позиций политологического (Д. В. Доленко), эконом-географического (Ю. А. Симагин и др.), экономического (И. П. Рязанцев и др.) подходов.

Термин «провинция» стал использоваться в научных публикациях ряда авторов (С. И. Барзилов, А. В. Дахин, Н. М. Инюшкин, М. С. Каган, С. Ю. Наумов, А. А. Пелипенко, Ю. М. Плюснин и др.) [28] лишь с начала 2000-х гг.

Социологический смысл данного термина впервые в постсоветской российской социологии дал Л. Н. Коган: провинция в его интерпретации — это не только территория, но и определенный образ и стиль жизни. Как отмечал Л. Н. Коган, провинциалом может быть по стилю и образу своей повседневной жизни и житель столицы, как и не каждый житель провинции может быть носителем провинциального стиля жизни [152, С. 122].

В отечественной социологической литературе провинциальность преимущественно употребляется в контексте «не-город» (А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко) [233], что мы находим неточным, исходя из того, что города местного значения, особенно малые, также соотносятся с провинцией. Иначе говоря, провинциальность имеет отношение не только к территории, но и к феномену сознания, ментальности и поведения.

С момента введения понятия «провинция» в предметную область социологии определились два полярных подхода к его характеристике: 1) признание оригинальности, самодостаточности провинциальной культуры и даже ее идеализация; 2) восприятие провинции, провинциальности как синдрома культурной отсталости, статусной и территориальной маргинальности (С. В. Пирогов) [238, С. 132]. Согласно первому подходу, провинция олицетворяет самодостаточную, самобытную культуру и не заслуживает пренебрежительной оценки ее значимости. «Столичность» же не обязательно означает лучшее, прогрессивное в сравнении с провинциальностью (А. В. Дахин, Н. М. Инюшкин, В. Л. Каганский) [16].

В советской социологии проблемы периферии (термин «провинция» в научном обороте отсутствовал) рассматривались в терминах существенных

различий между городом и деревней, ликвидации этих различий, образования в перспективе социально однородного общества с однотипным образом жизни городского и сельского населения. Такова предыстория вхождения в научный оборот отечественных наук дихотомических пар «центр — периферия», «столица — провинция».

Подвергнем анализу социологической интерпретации понятия «центр», «периферия», «провинция». Всякое общество, как отмечал Э. Шилз, «может быть представлено как центр и периферия. Центр состоит из тех институтов, которые осуществляют власть (экономическую, правительственную, политическую, военную, культурную (в области религии, литературы, образования)). Периферия воспринимает распоряжения и убеждения, вырабатываемые и назначаемые к распространению центром. Периферия охватывает обширную сферу вокруг центра. Одни секторы общества более периферийны, другие — менее. Чем периферийнее их положение, тем менее они влиятельны, менее созидательны, менее проникнуты культурой, исходящей из центра [412, С. 348].

В отношениях между центром и периферией возможно воздействие классических конфликтных факторов, вызванных отношениями по типу «господство — подчинение», столкновением интересов, несовместимостью целей, неравенством шансов при дефиците ресурсов и др.

В западных исследованиях «центр — периферия» имеет отношение или к политической власти, или к «центральной» системе ценностей, на основе которых осуществляется интеграция общества.

Политический (властный) акцент в исследованиях территориальной организации общества советского периода отсутствовал, а сама концепция «центр — периферия» признавалась буржуазной и подвергалась критике. Дихотомическая пара «столица — провинция» в советских исследованиях также не использовалась, поскольку считалось, что «в СССР больше нет отсталых окраин».

В соответствии с провинциологическим подходом социальные различия в столичных и нестоличных сообществах существенны. Они особенно значительны в структуре доминирующих социальных ценностей и, по нашему мнению, имеют некоторое сходство с различиями между индустриальными и постиндустриальными обществами, описанными Дж. Масионисом [190, С. 728–729].

Согласно концепции индустриальных и постиндустриальных обществ Дж. Масиониса, основные различия в структуре ценностей и менталитете населения в трех типах территориальных структур: первый тип составляют столицы, второй — другие крупнейшие города, кроме столичных, третий тип — средние и малые города, село (субъекты третьей группы, в свою очередь,

очень разнородны). Они сводятся к следующему:

- в первых двух высок уровень социального расслоения, социальной и территориальной мобильности, имеются большие шансы для восходящей социальной мобильности в стратификационном пространстве, тогда как в третьей группе признаки социальной дифференциации слабее; в них высока социальная и территориальная иммобильность. Особенно это соотносится с агропромышленными малыми городами и селом;
- из-за различий в уровнях реальных доходов высшее образование как важнейший канал восходящей социальной мобильности в первых двух группах доступно для значительной части населения, в сообществах третьего типа для основной части населения, особенно сельского, доступ к высшему образованию ограничен;
- в первых двух типах сообществ «настоящее связано с будущим, в третьей группе — с прошлым»;
- культурное пространство в первых двух типах сообществ более многообразно, чем в остальных сообществах третьего типа;
- в первых двух сильна толерантность к различиям, в других — нетерпимость к различиям;
- менталитету населения первых двух типов свойственна независимость от воздействия групповой (коллективной) морали, тогда как в третьей группе сообществ (особенно в сообществах малых городов и села) сильна роль коллективной морали;
- взаимоотношения людей в первых двух сообществах отличаются высокой степенью анонимности; в остальных отношения непосредственны, сильны родственные связи;
- в первых двух религиозность в большей степени демонстративна, в других религия становится (после длительного периода массового атеизма) частью общественного сознания.

Как результат воздействия вышеназванных факторов — социальные изменения в первых двух типах сообществ происходят быстрее, обновление социума в них возможно в течение жизни одного поколения, тогда как в сообществах последней группы изменения будут заметны лишь вследствие смены нескольких поколений в этих сообществах.

Использованная нами типологизация сообществ постсоветского российского общества несколько условна, требует детализации социальных процессов в пределах каждой из обозначенных трех групп сообществ. В частности вторая группа сообществ, население крупнейших городов — разнородна, и нужен учет своеобразия их географического положения, их неравного промышленного и культурного потенциала.

Третья группа (население городов местного значения, село) крайне неоднородна и по статусу, и по политическому, экономическому и культурному потенциалу. Тем не менее такая типологизация сообществ может выполнять определенную формальную функцию при описании роли территориального фактора изменений российского общества.

Классические теории зависимости, базирующиеся на дихотомии «центр – периферия» (А. Г. Франк, Р. Пребишч, Ф. Кардозо, Е. Фалетто, И. Валлерстайн) [440], разрабатывались применительно к взаимоотношениям экономически высокоразвитых и развивающихся стран. В них под центром понимаются доминирующие западные страны, а под периферией — зависимые от них слаборазвитые страны. Свои отношения с периферией, согласно этим теориям, центр строит таким образом, что еще более закрепляет зависимое положение периферии, которая становится сырьевым придатком центра [1, С. 91–92, 355].

В таком контексте концепция «центр-периферия» устарела для оперирования при исследовании постсовременной социальной практики как в глобальном, так и в национальном масштабе. В то же время нельзя игнорировать тот факт, что в сложных обществах не остается базы для признания наличия центра и периферии и их неравновесных отношений как социотерриториальных общностей.

Для аргументации данного суждения из всех имеющихся вариантов теории «центр – периферия» обратимся к концепции центра и периферии Ш. Эйзенштадта, близкой, по нашему мнению, к провинциологической. В соответствии с данной концепцией центра и периферии:

- центр представляет собой особое символическое и организационное образование, стремится к перестройке духовно-символических принципов периферии, заинтересован в мобилизации периферии центром для своих целей;
- социополитические и культурные традиции в центре существенно отличаются от аналогичных на периферии;
- центральные органы власти контролируют функционирование местных политических элит;
- центр формирует политические институты и кадры по своим критериям;
- отношения центра и периферии построены таким образом, что они обеспечивают проникновение центра в периферию и одновременно поддерживают слабое воздействие периферии на центр;
- сохраняется социальная и культурная закрытость и самодостаточность периферии, ее изолированность;
- центр оказывает свое влияние на периферию с помощью средств массовой информации,

поддерживающих коллективную идентичность;

- в центре и на периферии неодинаково течение социального времени [416, С. 134–142, 324–329].

Эти положения Ш. Эйзенштадта можно применять и сейчас при анализе конкретных сложных постиндустриальных обществ, расположенных на обширных территориях и состоящих из сообществ, различающихся по своему географическому положению, экономическому потенциалу, историческому прошлому, традициям. К таким сложным обществам относится и российское, к исследованию которого мы находим целесообразным использование провинциологического подхода.

Проблемы провинции продолжают находиться на окраине научных интересов российских исследователей, поскольку к исследованию российского общества преобладает подход с позиций высокой теории: имеющиеся социальные проблемы значатся как присущие в целом всему обществу, без акцента на локальный контекст, тогда как внутритерриториальные различия в политическом, экономическом, культурном пространстве страны существенны.

Необходимость провинциологического контекста в исследовании изменений российского общества нами обосновывается следующим образом.

Отношения между центром и периферией страны исторически сформировались под влиянием географического и геополитического факторов. Обширная территория страны, удаленность от основных транспортных коммуникаций объективно способствовали значительному отставанию периферии от центра по темпам экономического роста, по инфраструктурному и социокультурному развитию. На дальнейшее удлинение дистанции между центром и периферией страны значительное влияние оказала советская политическая практика командно-административного управления, когда административный центр страны был доминирующей стороной во взаимоотношениях с периферией.

Поскольку российское территориальное пространство имеет свои «центральные, полупериферийные и периферийные места», то и социальное пространство дифференцировано на столичные, полупровинциальные сообщества. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года [440], в «настоящей провинции» суммарно проживает 61 (в поселках городского типа, приравняемых к городам — 7 населения страны, в городах с численностью населения до 50 тыс. человек — 16,9, от 50 тыс. до 100 тыс. человек — 11,1, в селе — 26).

В отечественной социологии констатируется социальная дистанцированность провинции от центра. В частности, В. Л. Каганский характеризует провинцию как «относительно самодостаточную»,

«живущую сама по себе и для себя», как «особый слой и аспект центра»: «Она туда не стремится, она фактически существует независимо от центра, и в то же время она является базой социальной системы» [139, С. 78]. В.Л. Каганский произвел оригинальную, до него никем не выявленную, дифференциацию терминов «провинция», «периферия», «центр»: провинцию можно определять в качественных и смысловых категориях, центр — во властно-универсализирующих категориях. Понятия «провинция» и «периферия» В.Л. Каганский не отождествляет [139, С. 81].

Общепринятыми с позиций большой теории считаются три основных фактора образования общества: 1) общая территория, 2) общая власть, осуществляемая на этой территории, 3) более или менее общая культура, насаждаемая и поддерживаемая властью на общей территории. Все эти факторы соотносятся с властно-универсализирующими категориями. Качественно-смысловыми категориями можно описать своеобразие культур в рамках «более или менее общей культуры, насаждаемой общей властью» на общей территории. Это своеобразие культур (традиций, менталитета населения, структура доминирующих ценностей и др.) в столичных, полупровинциальных и провинциальных сообществах. Между указанными культурами лежит такая дистанция, что позволяет констатировать сосуществование одновременно нескольких типов сообществ-культур. Особенно разительны различия в структуре доминирующих ценностей. В частности, политические свободы, демократию, свободу передвижений и экономической деятельности, ориентацию на достижение успеха при социологических опросах относят к «ценности» жители столичных и в несколько меньшей мере — полупровинциальных городов. У жителей других городов и особенно села эти ценности в иерархии социальных ценностей находятся на периферии ценностного пространства, то есть не являются доминирующими ценностями.

Вместе с тем провинциальную культуру не следует считать, как отмечает Н.М. Инюшкин, отсталой, профанической [131, С. 49]. Это другая культура, отличающаяся значительно от столичной, такое отличие имеет под собой традиционно-историческую почву.

Социальные процессы в столицах и провинции имеют разный ритм течения социального времени и неравнозначные социальные последствия.

В социологии социальных изменений используются дискурсы постмодерна [414]. Однако перевод языка методологического подхода к исследованию социальных изменений на уровне эпох на исследование изменений в конкретных обществах, и тем более в локальных сообществах российского

общества, неправилен ввиду того, что указанные дискурсы представляют собой социальную теорию, тогда как проблемы локальных сообществ подлежат концептуализации в рамках социологической теории. Именно совмещением социальной и социологической теорий можно объяснить нецелесообразность применения дискурсов модерна — постмодерна к конкретной социальной ситуации. За такой постановкой скрывается, возможно, одна из важнейших проблем социологии — определение ее предметной границы. Методологически центрографические и постмодерные интерпретации физического пространства являются несовместимыми, поскольку предметную область постмодерновых дискурсов составляет постсовременная эпоха, а не конкретное общество. Дискурсы модерна и постмодерна, таким образом, при всей их привлекательности все же приемлемы характеристике эпох, а не отдельных обществ и тем более — локальных сообществ. Они не имеют территориально-временного контекста, хотя теоретическая задача определения последнего и ставится И. Валлерстайном [48, С. 127–128], Э. Гидденсом [69, С. 15]. В этом отношении мы разделяем мнение тех исследователей (в частности, Дж. Ритцер) [257, С. 521–522], которые относят дискурсы модерна-постмодерна к сфере социальной, а не социологической теории.

Произведем экскурс-анализ происходящих в постсоветском российском обществе изменений согласно представленной нами типологизации его локальных сообществ.

Чтобы определить, в какой степени и каким образом система подвержена процессу изменений, необходимо выяснить степень модификации основных социальных институтов в течение определенного времени, выделить, что остается стабильным, а что подверглось существенным изменениям [414].

В социологической литературе описаны следующие модели изменений:

- трансмутации: модификация, реформация, вызывающие лишь количественные изменения. Общество, меняющееся по такой модели, называется реформирующимся обществом;
- трансформация: переход количественных изменений в качественные изменения. Она предполагает преобразование политической, экономической основ общества, изменения в иерархизации доминирующих социальных ценностей. Такое общество можно обозначить как транзитное, переходное, трансформирующееся общество;
- морфогенетические изменения: возникновение нового состояния общества, становление общества принципиально новым, Другим. Для морфогенетических изменений недостаточно политических, экономических, культурных

преобразований, а требуется утверждение новой структуры социальных ценностей.

Изменения постсоветского российского общества первоначально были декларированы как реформы, но фактически превратились в «революцию в мирной форме»: возникла новая политическая система (новая система межгосударственных связей, новые институты представительной, исполнительной, судебной власти, новый политический режим и т.д.), новая экономическая система (ваучеризация, большая приватизация, акционирование предприятий, система полиформической собственности, новая стратификационная система и др.), стала меняться социокультурная сфера (введение платных услуг в сферах образования и здравоохранения, возвращение религии в общественную жизнь, переход от массового атеизма к массовой теологизации общественного сознания; новые тенденции в иерархизации доминирующих социальных ценностей и т.п.).

Российское общество в 1990-е годы было переходным, транзитным, трансформирующимся, но к настоящему времени переходное состояние пройдено, а термин «трансформирующееся общество» выведен из научного оборота. Есть все основания констатировать, что мы живем в «почти новом» обществе, принципиально отличающемся от прежнего советского общества, но оно еще не стало «Другим» обществом — для становления общества Другим, как отмечает Р. Дарендорф, необходимо становление новой структуры доминирующих социальных ценностей [87].

Изменения шли разными темпами — скоротечно в сфере политики, интенсивно — в экономической сфере и замедленно — в структуре доминирующих ценностей. Течение социального времени перемен в постсоветском российском обществе, таким образом, вполне вписывается в хронологическое предписание перемен Р. Дарендорфа: требуется шесть месяцев на смену политики, шесть лет — на смену экономики и шестьдесят лет — на смену социума [87]. Согласно такому видению темпов социальных изменений полное изменение социума следует ожидать лишь к середине XXI века.

Представим оценку изменений, происходящих в обществе постсоветского периода, выраженную в материалах углубленного интервью, проведенного нами (Т.Г. Исламшина, Л.Г. Гарипова, Л.К. Нагматуллина, Г.Р. Хамзина, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева, 2012–2014 гг.).

В выборку интервью вошли города Казань, Набережные Челны, Нижнекамск, Лениногорск, Зеленодольск и ряд сельских поселений Республики Татарстан. Из 420 информантов возрастную группу 60 лет и старше (по нашему определению — в «возрасте социума») составили 240 человек, группу

40–45-летних, чья уже взрослая жизнь пришлось на 1990-е годы (период постсоветских преобразований) — 180 человек.

Социальный состав информантов разнороден и по образованию, и по профессиональному статусу (последний определялся по профессиональному статусу информантов «в возрасте социума» на момент достижения ими пенсионного возраста, а 40–45-летних — по виду занятости).

Отбор по возрастному признаку был не случаен. Информанты «в возрасте социума» пережили политические и экономические потрясения переходного периода 1990-х годов, испытали затруднения в адаптации к жизни в новых условиях, а большинство из них в связи с этим подверглись социальному стрессу. Их молодость прошла в советском обществе, значительная часть из них испытывает в настоящее время ностальгию по советскому прошлому (судя по их суждениям, это еще и ностальгия по своей молодости).

В отличие от первой возрастной когорты, возрастная группа 40–45-летних сравнительно легко пережила неожиданность социальных потрясений 1990-х годов, быстро адаптировалась к жизни в новых социальных условиях.

В гайде интервью предлагалось оценить изменения в качестве жизни (качество образования, медицинского обслуживания, жилищных условий, охраны личной безопасности и др.). Обращает на себя внимание то, что подавляющее большинство информантов 60 лет и старше (215 из 240) в той или иной форме высказались в пользу прежних, советских, социальных ценностей, являвшихся доминирующими, таких как бесплатное образование, бесплатное медицинское обслуживание, высокая степень личной безопасности, а также идеологически внедрявшихся тогда принципов справедливости и равенства, дружбы и братства народов, коллективизма и взаимопомощи, уважения социального опыта старшего поколения, высокой семейно-брачной морали.

Обратимся к некоторым фрагментам интервью.

«Раньше люди были добры друг к другу. Все были на равных, жили бедно, но умели радоваться малому. Ответственно подходили к работе. Свободного времени не было ни у молодежи, ни у взрослых. Все или работали, или учились. Тунейцев привлекали к ответственности и подвергали моральному осуждению. Поддерживали друг друга, помогали чем могли и были сплоченнее. Очень сильно поменяло людей время...» (*Женщина, 64 года, до ухода на пенсию работала учительницей, село, Лениногорский район РТ*).

«У всех была определенность в жизни, уверенность в завтрашнем дне. Я знал, что завтра будет и через год, и через пять лет. Товаров, продуктов

в магазинах было мало, только нам и того хватало. А сейчас всего полно, да только денег на все это негде взять. Все дорого. Люди раньше лучше были. Сейчас этого нет. Сейчас каждый сам за себя» (*Мужчина, 73 года, образование — высшее, окончил химико-технологический институт, до ухода на пенсию был инженером на нефтехимическом предприятии, г. Нижнекамск*).

«Современное общество очень изменилось, если сравнивать его с тем обществом, в котором мы жили до этого. Все сейчас изменилось — и образ жизни, и общество. Сейчас даже в деревне везде компьютеры, а в наше время мы все делали своими руками и были счастливы» (*Мужчина, 73 года, образование — незаконченное высшее, до выхода на пенсию работал учителем сельской школы, Высокогорский район РТ*).

«Я считаю, что современное общество по сравнению с советским стало намного хуже! Многие моральные принципы позабыты, утрачены. Лишь старики помнят, что такое доброта, жизнелюбие. Им свойственно и пошутить, и посмеяться и посочувствовать. Отсутствие товаров заставляло людей двигаться, изобретать и фантазировать. Сегодня можно получить все, не прилагая никаких усилий к этому. Это скучно» (*Женщина, 66 лет, образование — среднее техническое, к моменту достижения пенсионного возраста работала бухгалтером, г. Набережные Челны*).

«По отношению друг к другу раньше люди были добрее и всячески старались помогать друг другу, а сейчас я наблюдаю черствость. лежит на платформе вокзала человек, никто не подойдет, не поинтересуется, что с ним, пока или милиция его не заберет, или скорая помощь не увезет в больницу. А ведь именно человечность, доброта и желание помочь другому человеку делает нас человеком» (*Женщина, 77 лет, образование — среднее, к моменту достижения пенсионного возраста работала заместителем начальника вокзала ст. Зеленый Дол*).

«В советском обществе было большое стремление к знаниям, к духовному и физическому оздоровлению. Человек человеку был друг и брат. Сегодня теплотой вспоминаются дни нашей молодости» (*Мужчина, 62 года, образование — среднее, к моменту достижения пенсионного возраста работал водителем автоколонны, г. Набережные Челны*).

«У нас вся жизнь проходила не в погоне за достатком и материальным благополучием. Перспективы жизни у всех были примерно одинаковы безотносительно профессии, звания или чина. Жили дружно, терпеливо стояли в километровых очередях, но общались, заводили знакомства, друг другу помогали. Когда появились первые телевизоры, мы целым пятиэтажным домом собирались в квартире у кого-то, где был телевизор, смотрели первые

в стране телепередачи. Сейчас общество другое. Молодое поколение все свободное время у компьютеров и телевизоров просиживает. Мы раньше в футбол во дворах гоняли, а сейчас там и детей то не вижу. Мы всегда читали книги. Наркотиков раньше вообще не было» (*Мужчина, 60 лет, образование высшее, работающий пенсионер (преподаватель техникума, г. Казань)*).

«Раньше люди были проще, лучше, а сейчас — зависть, жадность у людей. И все это стало с распадом СССР. Раньше во двор выходили с гармошкой, песни пели, там же дети играли, никто их не караулил («как бы чего не вышло»). Все соседи собирались вместе — и дети, и молодежь, и старики, по праздникам. Сейчас даже не знаешь, кто напротив на лестничной площадке живет» (*Женщина, 74 года, образование — 5 классов, к моменту достижения пенсионного возраста работала на заводе, г. Казань*).

«Молодежь сейчас ленивая и нецелеустремленная. Многие молодые люди надеются на материальную помощь своих родителей и ничего не делают для себя и для своего будущего. Хотят жить на готовом. Родители, конечно, все сделают для своего любимого чада, но ведь у них есть свой «срок годности», а многие не ценят труда и сил своих родителей» (*Женщина, 71 год, образование — средне-профессиональное, к моменту достижения пенсионного возраста работала бухгалтером, село, Камко-Устьинский район РТ*).

«Люди стали более прагматичными. Если говорить о любви детей к родителям и родителей к детям, то раньше было более уважительное отношение к пожилым людям. Преступность молодеет. Преступность есть даже в школах. Ученики издеваются над преподавателем, школьники избивают свою одноклассницу, снимают это на мобильные телефоны и выставляют все это в Интернет. Когда такое раньше могло быть?» (*Мужчина, 73 года, образование — средне-специальное, к моменту достижения пенсионного возраста работал механиком по буровым установкам, г. Лениногорск*).

«За все эти годы произошло много изменений. Распад Советского Союза был для меня трагедией. Меня вполне устраивала тогдашняя жизнь. Она была совсем другой, не то, что сейчас. Народ за это время сильно изменился. Люди не знают, что такое дружба. За эти годы появилось деление людей на богатых и бедных. Раньше были близкие родственные контакты. Сейчас даже отношения между родственниками зависят от того, где и кем работаешь, сколько зарабатываешь, можно ли рассчитывать на твою материальную помощь» (*Мужчина, 67 лет, образование — высшее, к моменту достижения пенсионного возраста работал прорабом на стройке, село, Высокогорский район РТ*).

«Что-то хорошее ушло вместе с распадом страны, что-то, что уже никогда не вернется. Ушла

стоцентная уверенность в том, что всегда найдешь работу, что тебя обеспечат жильем — хоть каким-нибудь. После института тебя «распределят», пусть не всегда туда, куда ты хочешь, но по профессии будешь востребован. И не было в то время объявлений о том, что требуются работники не моложе 35 лет, или не старше 45 лет, или славянской национальности, или содержащие еще какие-либо дискриминационные и унижительные ограничения. Если ты заболел, то знал, что тебя будут лечить бесплатно и путевку дадут в санаторий, дом отдыха. И на пенсию тоже можно было прожить, не то, что сейчас. Равных возможностей, как было раньше, нет. Тогда можно было, если есть способности, поступить в институт, учиться бесплатно. Я как раз из тех: поступил в институт, жил в общежитии. Получал повышенную стипендию, на нее и жил без чьей-либо помощи, так как родители умерли рано. Стипендии хватало и в кино сходить (не пропускали ни одного нового фильма), и в театр, и на концерты. Когда кончались деньги до стипендии, можно было всей комнатой жить на картошке с хлебом, варить супы из кильки в томате. Не пропали же. Сейчас, если у семьи нет денег, в институт не пойдешь учиться — платить надо за обучение, а бюджетных мест мало. А на одну стипендию, если у кого она есть, сейчас, ясно, не прожить (лишь бы на проезд на общественном транспорте ее хватило). Так что, как ни крути, социальное неравенство в чистом виде сейчас налицо» (*Мужчина, 70 лет, до ухода на пенсию работал инженером на предприятии, г. Казань*).

Не все информанты этой возрастной группы разделяют такие взгляды. Среди них (преимущественно жители Казани, Набережных Челнов, Нижнекамска) есть и те, хотя их меньшинство (из 240–33 человек), которые считают, что в постсоветский период появились новые возможности для повышения качества жизни и самореализации.

«Качество жизни во многом улучшилось именно сейчас. Это проявляется в жилищных условиях, других удобствах, начиная с работы городского транспорта и до качества бытовой техникой. При этом цены приемлемы, имея средний достаток, я могу купить хороший телевизор, стиральную машину-автомат, приличную мебель, пользоваться сотовым телефоном. Времена меняются, меняются и люди, их взгляды на жизнь. Ни в коем случае не хочу сказать, что во времена моей молодости все было так уж хорошо. Сейчас появилось много возможностей, которыми всю пользуется нынешнее поколение, и многие из молодых людей даже не подозревают, что несколькими десятилетиями лет ранее об этом было невозможно даже мечтать» (*Женщина, 60 лет, образование — высшее, до выхода на пенсию работала главным бухгалтером, г. Казань*).

«Главное, что было в советский период — возможность учиться бесплатно, но для самореализации, достижения материального достатка условия сейчас несравненно лучше, чем были раньше. Я вполне довольна тем, что сейчас имею: не богатство, но достаток, возможность поехать в другую страну (дважды семьей отдыхали в Турции). Я хорошо одеваюсь — есть где и на что купить. Просто надо на самих надеяться. Вначале с подружкой выкупили контейнер на рынке, стали ездить в Казань за товаром, открыли свой бизнес. Сначала стеснялась такой работы, но потом деньги пошли, я открыла еще одну точку, торговые точки начали приносить доход. Было много трудностей, конкурентов, но сейчас мы держимся, у нас есть свои клиенты. Наш бизнес успешен. Есть все — машина хорошая, квартира. Дети пристроены в жизни» (*Женщина, 61 год, имеет высшее образование, частный предприниматель, г. Нижнекамск*).

«Есть свои плюсы и минусы жизни в советское время и сейчас. Раньше даже если и накопил на машину, а купить ее было негде. Сейчас не проблема, можно купить и недорогую машину, если средства ограничены. В советское время после окончания учебного заведения молодым специалистам предлагали работу на предприятиях и в учреждениях, где они обязательно должны были отработать два года. После этого было легко устроиться на по специальности, где хочешь. Молодым специалистам предоставлялось общежитие от предприятий, давали квартиру, но сейчас можно вполне подрабатывать на нескольких местах и купить квартиру. В советское время постройки на дачных участках были ограничены, нельзя было построить большую двухэтажную дачу, баню. Сейчас все эти ограничения сняты, обеспеченные люди строят большие красивые дома. Я имею некоторые накопления на жизнь, и мы с женой можем себе позволить ежегодно поездку в санаторий в Карловы Вары, ездить с внуками в Египет и Турцию. О такой жизни пенсионеры в советский период и мечтать не могли» (*Мужчина, 70 лет, имеет высшее техническое образование, г. Казань*).

«Я родилась в семье обычных рабочих. Окончила медицинский институт в советское время. В настоящее время я владею стоматологической клиникой. С одной стороны, я скучаю по советскому периоду, по тому времени, когда все, казалось бы, были равны. Хотя всегда были люди, которые жили лучше, но не намного. Сейчас, при большом социальном неравенстве, у молодежи больше шансов добиться успеха в жизни. Это очень трудно, но если ты не глуп и старателен, у тебя все получится. Общество всеобщего равенства, каким считали советское, не давало таких возможностей добиваться чего-то. Считаю, в советском обществе социального равенства я бы никогда не смогла построить

свой бизнес» (*Женщина, 60 лет, имеет высшее медицинское образование, собственный бизнес, г. Казань*).

«Говорят, что раньше не было коррупции, но она была! Помню, как в течение трех лет, когда я не могла поступить в университет, один и тот же член экзаменационной комиссии «заваливал» экзамен, а потом предлагал за 1 000 рублей уладить ситуацию. В семье таких денег не было. Поэтому поступила только через три года. В университете вела большую общественную работу, потом, где бы ни работала, всегда была очень активной. Работала после университета и в школе, и в университете в вычислительном центре, а потом проявился интерес к сетевому маркетингу. Занималась распространением продукции фирмы «Рэйнбоу». Развитие этого бизнеса для семьи продолжалось бы и дальше, но дефолт 1998 года вновь заставил искать новые источники существования. Я довольна материальным положением своей семьи. В 1999 году по программе ветхого жилья наша семья получила трехкомнатную квартиру в новом микрорайоне, в которой по настоящее время мы и живем. Сторонники марксистской теории, которую нам пичкали всю советскую жизнь, считают неравенство проявлением социальной несправедливости. На мой взгляд, это, напротив, очень положительное явление. Социальное неравенство подразумевает неравномерное удовлетворение потребностей людей, оно побуждает их к действиям, строить свои личные перспективы» (*Женщина, 62 года, имеет высшее образование, г. Казань*).

Существенно различаются оценки изменений в семейно-брачных отношениях указанных двух возрастных групп информантов и прежде всего их мнения о практиках гражданского брака, о внебрачной рождаемости о возможном добрачном опыте супругов и супружеской неверности — они категорично-неодобрительны у 215 из 240 информантов в возрастной группе 60 лет и старше, но вполне терпимы у информантов в возрасте 40–45 лет.

«Современную молодежь я считаю вульгарной. Как раньше красиво строились отношения! Писали друг другу письма, стихи, ходили в театры, кино. Вздохи на скамейке и прогулки по луне: дальше скромных, целомудренных поцелуев отношения между юношей и девушкой не заходили. А сейчас? Опошлено понятие «любовь». Понимаю, время изменилось, люди живут уже по другим законам и правилам, но внушку свою воспитываю по своим понятиям» (*Женщина, 65 лет, имеет среднее образование, замужем*):

«Безнравственно жить молодым людям до свадьбы. Дочь рассказывает про подруг, которые, переехав в Казань или Москву, живут гражданским браком.

Своей дочери и племянницам такого не позволю» (*Женщина, 61 год, имеет высшее образование, замужем*).

«К гражданскому браку я отношусь двояко. С одной стороны, это размывание семейных отношений, простое сожительство, в котором никто никому ничего не должен, и если рождается ребенок, то у него нет никаких прав. С другой стороны, это хороший способ проверить крепость отношений перед браком, или просто вынужденная мера, например, как в случае с моей дочерью. Моя дочь состояла в зарегистрированном браке, но развелась и осталась одна с дочерью. Сейчас живет в гражданском браке. Мы относимся к этому снисходительно — понимаем, что женщине в 35 лет и с ребенком на руках в наше время сложно найти мужа. Более того, мы даже не хотели бы, чтобы она вновь вышла замуж: боимся, что отчим не будет любить внушку. Например, как нам того хочется. Но такие отношения не защищены ничем: ни государством, ни церковью, они непрочны» (*Женщина, 65 лет, имеет среднее образование, замужем*).

«Может, это мой возраст, но я против того, чтобы молодые люди до замужества жили половой жизнью. Уж если встретились парень с девушкой, полюбили друг друга, то пронесите свою любовь до старости. Но теперь молодежь другая, и у нее свое мнение по этому поводу» (*Женщина, 75 лет, образование среднее, пенсионерка, вдова, имеет четырех детей*).

«Понятие «гражданский брак» появилось недавно, раньше это называлось по-другому. Неплохо называлось. Сторонники гражданского брака убеждают нас в том, что это проба испытать себя в браке. Следовательно, это может повторяться бесконечное количество раз. Может ли в гражданском браке идти речь о любви? Психологи утверждают, что любовь человеку дается как бы в «ограниченном» количестве. Есть случаи, когда человек, ведя беспорядочные отношения, растрачивал себя, и в последующий период жизни не мог уже полюбить, так как истратил свои «любовные ресурсы». Гражданский брак ни к чему не обязывает. Если человека начинает что-либо обременять, он выбирает легкий способ прекратить отношения и в последующем вступает в новый гражданский брак. Настоящие супружеские отношения основаны на любви, предполагают ответственность за себя и за другого человека, детей, родителей. Это нелегко, но это дает уверенность в спутнике жизни, надежность в отношениях, смысл жизни. Добрачные связи сейчас так же, как и гражданский брак, популярны. Эти связи по-настоящему опасны в нежном (очень молодом возрасте), так как они образуются бездумно, из любопытства. Особенно печально, когда от таких связей рождаются никому не нужные дети. У нас в стране их тысячи. А это трагедия. С точки

зрения демографии это увеличивает показатели рождаемости, но не свидетельствует о качественном улучшении демографической ситуации. К тому же добрачные отношения небезобидны: возможны венерические заболевания, аборт. Если отношения людей основаны на любви и уважении друг к другу, то должны закончиться законным браком» (*Женщина, 64 года, имеет высшее образование, замужем*).

То, что подавляющее большинство информантов «возраста социума» (из 240 в этом возрасте — 215) выразило однозначно неодобрительное отношение к гражданскому браку, объясняется не только свойственным для людей старшего поколения «возрастным консерватизмом». Данная возрастная когорта социализировалась в советском обществе, где осуществлялась массированная пропаганда принципов «Морального кодекса строителя коммунизма». Были сильны коллективное давление на личность, вмешательство общества в личную жизнь граждан, ограничивались права на свободу, личный выбор.

Темпы перемен и в структуре доминирующих социальных ценностей в настоящее время возрастают, и формирование нового социума, то есть становления российского общества «Другим», следует ожидать значительно раньше, чем это можно было предполагать к середине XXI века согласно формуле Р. Дарендорфа.

Ускорение технологических и социальных изменений, или трансценция, — вызов постиндустриальной эпохи. Термин «трансценция» ввел в научный оборот А. Тоффлер. Основные признаки и социальные последствия трансценции Тоффлер описывает как:

- стремительное ускорение социальных и технологических изменений,
- усложнение физической и социальной среды,
- футурошок (страх перед будущим), вызываемый давлением быстро меняющихся событий, потоком информации, все более ускоряющимся развитием науки и техники;
- возрастание темпа жизни, непрерывно обновляющееся знание, требующие от человека повышенной способности к адаптации к жизни в меняющемся обществе [24, С. 331].

То, что казалось фантастикой (сотовая телефония, Интернет, всеобщая компьютеризация, применение высоких технологий не только на промышленном производстве, но и в сферах услуг, образования, медицины, повседневной жизни людей) стало реальностью в России менее чем за два десятилетия, принципиально изменив менталитет, образ и стиль жизни людей.

Перемены, краткосрочные социальные контакты и стремительное развитие технологий, по предположению А. Тоффлера, приводят

к изменениям, которые увеличивают скорость изменений общества. В российском обществе 2010-х годов эти ускоряющиеся изменения можно иллюстрировать рядом примеров далеко не полного перечня [396]:

- в политической сфере: реструктуризация власти, электронное правительство;
- в сфере экономики: виртуальная занятость, виртуальная торговля и обслуживание, виртуальные деньги, виртуальная заработная плата, виртуальные банковские услуги т.п.;
- в сфере культуры: дистанционное образование, виртуальные театры, музеи, библиотеки, СД-кинотеатры и др.;
- в сфере личной жизни: возникновение разнообразных форм брака (пробные, однополые, виртуальные, бездетные, временные, серийные); изменение технологии рождения (экскорпоральная беременность, суррогатное материнство, программирование пола и генов будущего ребенка); новая система воспитания и др.
- в сфере коммуникаций: виртуальные одно-разовые друзья в социальных сетях; «лайки», «комменты», «перепосты» взамен реальных межличностных непосредственных связей и др.

Социальные последствия этих ускоряющихся изменений могут быть не только положительными, но и негативными. В их числе можно обозначить: рост технологической безработицы, информационное и экологическое загрязнение, нерациональное использование природных ресурсов, небезопасность для здоровья электронного смога и др.

Вызовы времени, определяемые трансценцией, требуют изменений всех сфер общественной жизни (экономика, политика, рынок труда, средства массовой информации и массовой индивидуальной коммуникации, образование, наука, охрана здоровья, семья.), а также основательных научных прогнозов относительно будущих событий, новых профессий, которые могут быть востребованы в обозримой перспективе, новых моделей человеческих отношений.

В настоящее время прослеживаются тенденции к сокращению социальной дистанции между центром и периферией, чему способствуют новый уровень рыночных отношений, развитие новых коммуникационных связей (Интернет, сотовая телефония, развитие внешнего туризма и др.). Периферийность малых городов сохранится и в обозримой перспективе (до тех пор, пока не будут решены на новом качественном уровне инфраструктурные проблемы, бизнес-деятельность в малых городах). Сельское население останется предельно-провинциальным локальным сообществом еще длительное время — до тех пор, пока село не перестанет

быть не только территориальной периферией, но и провинцией в социокультурном контексте.

Соответственно такой дифференциации актуализируются социальные проблемы провинции, связанные с территориальным фактором поляри-

зации общества (неравные возможности образовательной стратегии, карьеры, социального восхождения и в целом — жизненных перспектив населения, составляющего разнотипные локальные сообщества).

Грошева И. А., Грошев И. Л.

ИНДЕКСНАЯ ОЦЕНКА СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Контроль в целом является составной частью системы управления и будет являться эффективным лишь в случае согласованности действий всех компонентов управления, начиная с целеполагания и заканчивая реализацией управленческого решения. В государственном управлении это, прежде всего, способность субъекта управления четко формулировать цели и эффективно реализовывать социальную политику, формировать уважение не только со стороны граждан, но и со стороны правительства к институтам, которые регулируют экономические и социальные взаимодействия между ними.

На международном уровне, согласно методике Всемирного банка, эффективность государственного управления (governance) включает в себя оценку деятельности институтов и традиций, на основе которых в стране осуществляется власть. Сюда можно отнести процесс, посредством которого выбираются правительства, мониторинг его деятельности и способы ротации кадров; способность правительства эффективно разрабатывать и осуществлять разумную политику; уважение граждан к государству и к институтам, которые регулируют экономические и социальные взаимодействия между ними.

Показатели эффективности государственного управления (WGI) позволяют обобщить ряд совокупных и индивидуальных показателей для 215 стран за период 1996–2012 гг., по шести аспектам: 1) право голоса и подотчетность, 2) политическая стабильность и отсутствие насилия, 3) эффективность работы правительства, 4) качество регулирования, 5) верховенство закона, 6) борьба с коррупцией.

В ходе исследовательской работы была собрана, обобщена и проанализирована информация из 30 источников данных, которые отражают мнение о качестве различных аспектов управления. Изучался социальный опыт населения,

предпринимателей и специалистов в государственных, частных и негосударственных секторах по всему миру. Эти данные собраны из целого ряда источников, включающих обследования, осуществленные различными исследовательскими институтами, аналитическими центрами, неправительственными организациями, международными организациями и частными фирмами.

За основу взяты источники информации, которые классифицируются по четырем типам:

- во-первых, это государственный сектор, включающий 8 источников данных (Всемирный банк, региональные банки развития, Институциональная база данных профилей и др.);
- во-вторых, коммерческий деловой сектор, в который входило 4 источника (включая Economist Intelligence Unit, Global Insight и др.);
- в-третьих, неправительственные организации (9 источников данных, включая Global Integrity, Freedom House, Bertelsmann Transformation Index, Репортеры без границ и др.);
- в-четвертых, материалы обследования домашних хозяйств и фирм, на основе 9 источников данных (Afrobarometer, Gallup World Poll, Всемирный экономический форум «Отчет о глобальной конкурентоспособности» и др.). Каждый из шести индикаторов измеряется путем выявления средневзвешенного значения из субиндексов (от 8 до 22) и расчета компонента. Шесть агрегированных индексов путем расчетных процедур и выявления стандартного нормального распределения с нулевым средним значением, представляются в интервале от –2,5 до 2,5. Показатель лучшего управления оказывается с более высоким цифровым значением [469].

Процесс измерения эффективности управления на государственном уровне условно можно представить в виде следующей схемы (рис. 8).

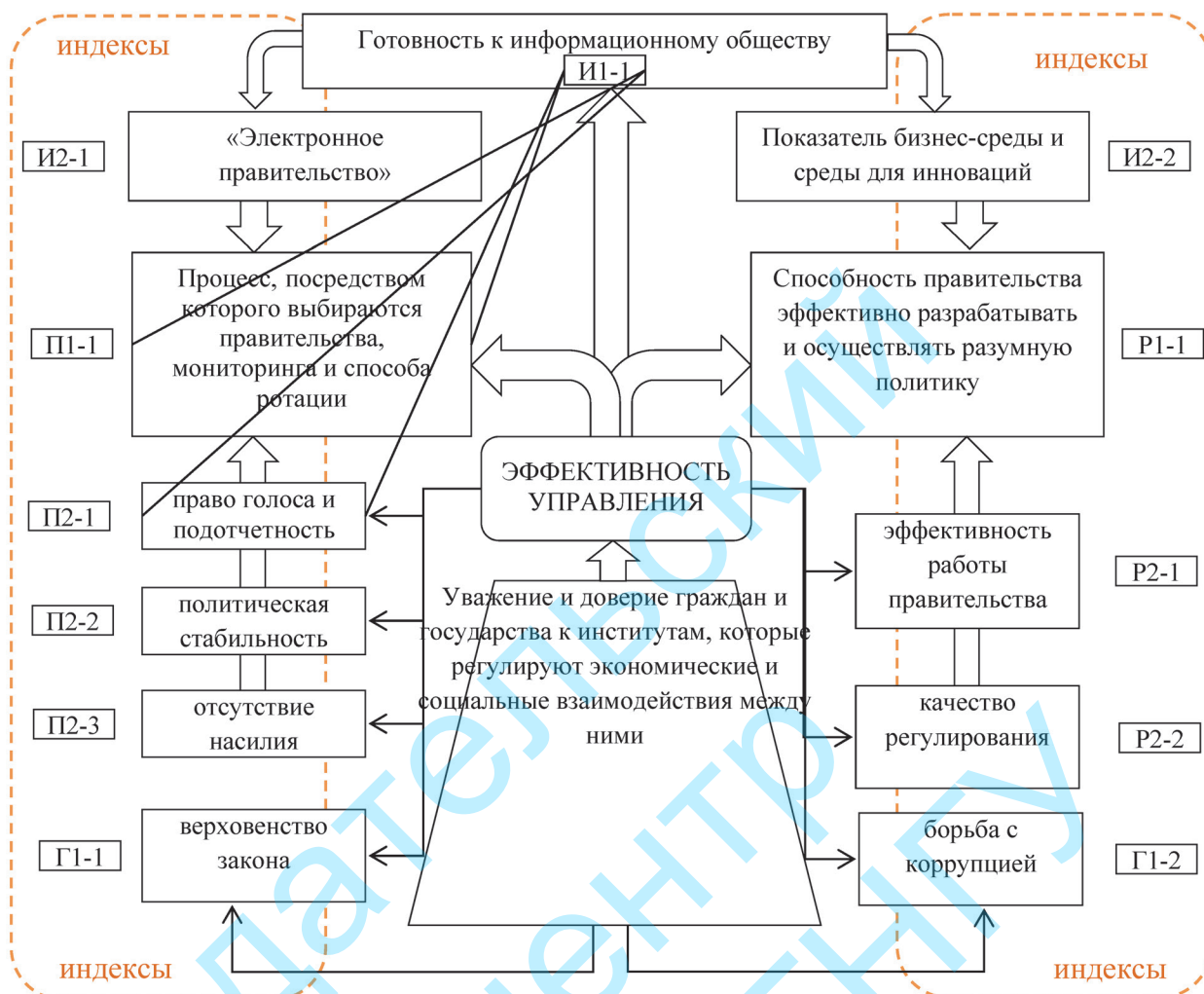

Рис. 8. Измерение эффективности управления (индексный подход)

В первой области концентрируются следующие параметры: «право голоса и подотчетность», «политическая стабильность и отсутствие насилия». Согласно методике Всемирного банка, индекс «Право голоса и подотчетность» (табл. 8) показывает, в какой степени граждане страны имеют возможность участвовать в выборе своего правительства, а также отражает степень свободы выражения мнения, свободу ассоциации и наличие свободных средств

массовой информации. Концепция измерения основывается на данных из двадцати источников, на основании которых можно проводить анализ эффективности управления в различных странах. Обращается внимание на соблюдение прав человека, наличие гражданских свобод, наличие организаций гражданского общества и гражданской активности, выявляется степень доверия к парламенту, прозрачность и подотчетность действий политиков.

Таблица 8

Позиционирование индекса «Право голоса и подотчетность» по различным сферам [470]

№	Название источника	Сфера исследования, индикаторы
	Индекс: «Право голоса и подотчетность»	
	<i>Репрезентативные</i>	
1.	Economist Intelligence Unit Risk-wire & Democracy Index (EIU), коммерческий	Индекс демократии, капиталовложения, подотчетность государственных должностных лиц, права человека, свобода ассоциаций
2.	Freedom House (FRH), негосударственный	Политические права, гражданские свободы, индекс свободы прессы, СМИ, гражданское общество, избирательный процесс
3.	World Economic Forum Global Competitiveness Report (GCS)	Прозрачность государственной политики, свобода прессы, наличие фаворитизма в решениях правительственных должностных лиц, эффективность законодательных органов

№	Название источника	Сфера исследования, индикаторы
	Индекс: «Право голоса и подотчетность»	
4.	Gallup World Poll (GWP)	Уверенность в честности выборов
5.	Cingranelli Richards Human Rights Database and Political Terror Scale (HUM), государственный	Ограничение мобильности (поездки внутри страны и вне ее); свобода политического участия; нарушения свободы из-за национальных, расовых, политических, религиозных убеждений; свобода слова
6.	Institutional Profiles Database (IPD)	Политические права и функционирование политических институтов, свобода печати, свобода объединений, свобода собраний и демонстраций, уважение меньшинств (этнических, религиозных, языковых и т.д.), прозрачность государственных мер в сфере экономики, прозрачность экономической политики (финансовой, налоговой, денежно-кредитной, валютной), размер вознаграждения государственным служащим при заключении договоров о государственных закупках, свободное передвижение людей и информации и т.д.
7.	Political Risk Services International Country Risk Guide (PRS), коммерческий	Милитаризация политики, демократическая подотчетность
8.	Reporters Without Borders Press Freedom Index (RSF), негосударственный	Индекс свободы прессы
9.	Global Insight Business Conditions and Risk Indicators (WMO), коммерческий	Институциональное постоянство (оценка того, насколько является сформировавшейся политической система; также это оценка работы политической оппозиции: работает ли она совместно с системой или пытается подорвать его извне); представительность (насколько хорошо голос населения и групп интересов может быть услышан в политической системе; представление интересов осуществляется справедливо и эффективно, что обеспечивает большую стабильность и лучшую структуру политики)
<i>Нерепрезентативные</i>		
10.	Afrobarometer (AFR)	Вопросы: Насколько Вы доверяете парламенту? В целом, насколько Вы удовлетворены тем, как работает демократия в вашей стране? Насколько свободные и справедливые выборы?
11.	Bertelsmann Transformation Index (BTI), негосударственный	Участие в политической жизни, стабильность демократических институтов, политическая и социальная интеграция
12.	Freedom House Countries at the Crossroads (CCR), негосударственный	Гражданские свободы, подотчетность и голос общественности
13.	Global Integrity Index (GII), негосударственный	Организации гражданского общества, СМИ, доступ общественности к информации, голосование и гражданское участие, честность выборов, финансирование политики
14.	IFAD Rural Sector Performance Assessments (IFD), государственный	Политические и правовые основания деятельности для сельских организаций, диалог между государством и сельскими организациями
15.	African Electoral Index (IRP)	Избирательный индекс Африки
16.	Latino-barometro (LBO)	Удовлетворенность демократией, доверие парламенту
17.	International Research and Exchanges Board Media Sustainability Index (MSI), негосударственный	Индекс устойчивости СМИ
18.	International Budget Project Open Budget Index (OBI), негосударственный	Индекс открытости бюджета
19.	Vanderbilt University Americas Barometer (VAB)	Доверие парламенту, удовлетворенность демократией
20.	Institute for Management and Development World Competitiveness Yearbook (WCY)	Прозрачность политики правительства

Индекс «Политическая стабильность и отсутствие насилия» (табл. 9) дает представление о вероятности того, что правительство будет дестабилизировано или свергнуто неконституционными методами или с применением насилия. В том числе имеется в виду политически мотивированное насилие и крайнее его

проявление — терроризм. Используются данные восьми источников, раскрывающих степень риска проживания в конкретной стране: частота похищения людей, политических убийств, применения пыток, количество конфликтов на различной почве, возникновение беспорядков и стабильность правительства в целом.

Таблица 9

Позиционирование индекса «Политическая стабильность и отсутствие насилия» по различным сферам [471]

№	Название источника	Сфера исследования, индикаторы
	Индекс: «Политическая стабильность и отсутствие насилия»	
	Репрезентативные	
1.	Economist Intelligence Unit Risk-wire & Democracy Index (EIU), коммерческий	Регулярные перемещения, вооруженные конфликты, демонстрации насилия, социальные беспорядки, международная напряженность / террористическая угроза
2.	World Economic Forum Global Competitiveness Report (GCS)	Потери от терроризма
3.	Cingranelli Richards Human Rights Database and Political Terror Scale (HUM), государственный	Частота политических убийств, частота похищений людей, частота применения пыток, политические масштабы террора
4.	IJET Country Security Risk Ratings (IJT), коммерческий	Оценка рисков безопасности
5.	Institutional Profiles Database (IPD), государственный	Наличие конфликтов этнической, религиозной, региональной природы; насильственные действия подпольных политических организаций; социальные конфликты с применением насилия; общественная безопасность от внешних угроз
6.	Political Risk Services International Country Risk Guide (PRS), коммерческий	Устойчивость правительства, наличие внутренних конфликтов, наличие внешних конфликтов, этническая напряженность
7.	Global Insight Business Conditions and Risk Indicators (WMO), коммерческий	Насколько распространены гражданские беспорядки, политические волнения и насколько большую угрозу они представляют для инвесторов. Демонстрации сами по себе не могут быть причиной для беспокойства, но они могут вызвать серьезные нарушения в случае применения насилия. В крайнем случае это может быть главным фактором начала гражданской войны. Страдает ли страна от террористической угрозы и как много источников терроризма. Степень локализации угроз оценивают исходя из того, будет ли являться деятельность активных групп целевой и влиять на бизнес
	Нерепрезентативные	
8.	Institute for Management and Development World Competitiveness Yearbook (WCY)	Риск политической нестабильности очень высок

Во второй области рассматриваются такие параметры, как «эффективность работы правительства» и «качество регулирования». Индекс «Эффективность работы правительства» (табл. 10) опирается на данные пятнадцати источников и отражает восприятие качества государственных услуг, качества государственной службы и степень ее независимости от политического давления,

качество политики в целом, разработка и ее осуществление, доверие к выбранному политическому курсу. Кроме того, этот индекс призван выявить степень удовлетворенности населения качеством инфраструктуры и предоставляемых благ и услуг. Основной упор делается на исследовании качества государственного управления и кадров, его составляющих.

Таблица 10

Позиционирование индекса «Эффективность работы правительства» по различным сферам [472]

№	Название источника	Сфера исследования, индикаторы
	Индекс: «Эффективность работы правительства»	
	Репрезентативные	
1.	Economist Intelligence Unit Risk-wire & Democracy Index (EIU), коммерческий	Качество бюрократии / институциональной эффективности, чрезмерная бюрократизация / бюрократические барьеры
2.	World Economic Forum Global Competitiveness Report (GCS)	Инфраструктура, качество начального образования
3.	Gallup World Poll (GWP)	Удовлетворенность системой общественного транспорта, удовлетворенность качеством дорог и магистралей, удовлетворенность системой образования
4.	Institutional Profiles Database (IPD), государственный	Качество предоставления общественных благ: образование и базовое здравоохранение, ресурс политической власти для реализации реформ
5.	Political Risk Services International Country Risk Guide (PRS), коммерческий	Качество управления
6.	Global Insight Business Conditions and Risk Indicators (WMO), коммерческий	Бюрократия: оценка качества бюрократии в стране. Чем лучше бюрократии, тем быстрее принимаются решения и более легко иностранные инвесторы могут заниматься своими делами. Последовательность политики и перспективного планирования. Насколько предприятия уверены в стабильности политического курса в случае смены правительства, будет ли новая власть проводить последовательную стратегию. Этот фактор показывает также, насколько политики являются дальновидными или они ориентированы на краткосрочные экономические преимущества
	Нерепрезентативные	
7.	African Development Bank Country Policy and Institutional Assessments (ADB), государственный	Качество государственного управления, эффективность мобилизации денежных поступлений, качество бюджетного и финансового управления
8.	Asian Development Bank Country Policy and Institutional Assessments (ASD), государственный	Качество государственного управления, эффективность мобилизации денежных поступлений, качество бюджетного и финансового управления
9.	Afrobarometer (AFR)	Поддержка правительством общественных услуг (здравоохранение, образование)
10.	Business Enterprise Environment Survey (BPS)	Вопросы: Насколько проблематичными являются телекоммуникации для роста вашего бизнеса? Насколько проблемной является электроэнергия для роста вашего бизнеса? В какой степени проблематичным является транспорт для роста вашего бизнеса?
11.	Bertelsmann Transformation Index (BTI), негосударственный	Достижение консенсуса, возможности управления, эффективность использования ресурсов
12.	IFAD Rural Sector Performance Assessments (IFD), государственный	Распределение и управление государственными ресурсами для развития сельских районов
13.	Latino-barometro (LBO)	Доверие к правительству
14.	World Bank Country Policy and Institutional Assessments (PIA), государственный	Качество государственного управления, качество бюджетного и финансового управления, эффективность мобилизации денежных поступлений
15.	Institute for Management and Development World Competitiveness Yearbook (WCY)	Экономическая политика правительства медленно адаптируется к изменениям в экономике, государственная служба не является независимой от политического вмешательства, решения правительства реализуются неэффективно, бюрократия мешает деловой активности; распределение инфраструктуры товаров и услуг, как правило, неэффективно; направление политики несогласованно

Индекс «Качество регулирования» (табл. 11) показывает восприятие способности правительства формулировать и реализовывать рациональную политику и правила, разрешать и поощрять развитие частного сектора. Включает в себя данные четырнадцати источников и призван также

отразить наличие практик недобросовестной конкуренции, степень вмешательства государства в рыночную экономику, наличие благоприятного (неблагоприятного) инвестиционного климата, простоту открытия собственного дела, торговую политику в целом.

Таблица 11

Позиционирование индекса «Качество регулирования» по различным сферам [473]

№	Название источника	Сфера исследования, индикаторы
	Индекс: «Качество регулирования»	
	Репрезентативные	
1.	Economist Intelligence Unit Risk-wire & Democracy Index (EIU), коммерческий	Наличие практик недобросовестной конкуренции, ценовой контроль, дискриминационные тарифы, чрезмерное покровительство, дискриминационные налоги
2.	World Economic Forum Global Competitiveness Report (GCS)	Бремя государственного регулирования, искажение налоговой системы, торговые барьеры, локальная конкуренция, простота начала нового бизнеса, антимонопольная политика, качество экологического законодательства
3.	Heritage Foundation Index of Economic Freedom (HER), негосударственный	Иностранные инвестиции, банки/финансы
4.	Institutional Profiles Database (IPD), государственный	Простота открытия собственного бизнеса; административное регулирование и рыночные цены; конкурс; производственный сектор, легкость входа на рынок новых фирм; конкуренция между предприятиями, механизмы регулирования конкуренции
5.	Political Risk Services International Country Risk Guide (PRS), коммерческий	Инвестиционный профиль
6.	Global Insight Business Conditions and Risk Indicators (WMO), коммерческий	Налоговая эффективность, то есть насколько эффективна система сборов налогов в стране; насколько правила могут быть ясными и прозрачными; насколько соблюдаются права бизнеса, есть ли какие-либо пробелы в законодательстве
	Нерепрезентативные	
7.	African Development Bank Country Policy and Institutional Assessments (ADB), государственный	Торговая политика, регулирование бизнес-среды
8.	Asian Development Bank Country Policy and Institutional Assessments (ASD), государственный	Торговая политика, регулирование бизнес-среды
9.	Business Enterprise Environment Survey (BPS)	Вопросы: Насколько проблематичными является трудовой распорядок для роста вашего бизнеса? Насколько проблематичными являются налоговые правила для роста вашего бизнеса? Насколько проблематичными являются таможенные и торговые правила для роста вашего бизнеса?
10.	Bertelsmann Transformation Index (BTI), негосударственный	Проблемы организации рынка и конкуренции
11.	European Bank for Reconstruction and Development Transition Report (EBR), государственный	Уровень свободы цен, торговля и валютная система, политика в области конкуренции
12.	IFAD Rural Sector Performance Assessments (IFD), государственный	Наличие благоприятных условий для развития финансовых услуг для села, инвестиционный климат для сельского бизнеса, доступ сельскохозяйственного производства к товарным рынкам
13.	World Bank Country Policy and Institutional Assessments (PIA), государственный	Нормативно-правовая база для бизнеса, торговая политика

№	Название источника	Сфера исследования, индикаторы
	Индекс: «Качество регулирования»	
14.	Institute for Management and Development World Competitiveness Yearbook (WCY)	Негативное влияние протекционизма на ведение в стране бизнеса, законодательство в стране не препятствует недобросовестной конкуренции, контроль над ценами влияет на стоимость продукции в большинстве отраслей промышленности, доступ к рынкам капитала (внешнего и внутреннего) открыт, простота ведения бизнеса не является конкурентным преимуществом для вашей страны, прозрачность финансовых учреждений в вашей стране не развита, таможенные органы не способствуют эффективному транзиту товаров. Существующая правовая база отрицательно сказывается на конкурентоспособности в вашей стране, иностранные инвесторы могут свободно приобретать контроль над отечественными компаниями, государственные контракты открыты для иностранных участников, реальные подоходные налоги не искажаются, реальные корпоративные налоги невысоки, банковское регулирование не препятствует конкурентоспособности, трудовое законодательство препятствует предпринимательской деятельности, субсидии ухудшают экономическое развитие, легко начать бизнес

Третья область, характеризующая уважение и доверие граждан к основным социальным институтам раскрывается через такие параметры, как «верховенство закона» и «борьба с коррупцией». Индекс «Верховенство закона» (табл. 12) отражает представления о степени, в которой агенты доверяют полиции и судам. Также показывает уровень преступности и насилия, соблюдение

общественных норм, прав собственности и, в частности, эффективности принудительного исполнения договоров. Это самый большой агрегированный показатель, включающий в себя данные из двадцати двух источников. Выявляет этот индекс и уровень потерь от роста преступности, степень независимости судебной системы. Особое внимание уделяется соблюдению прав собственности.

Таблица 12

Позиционирование индекса «Верховенство закона» по различным сферам [474]

№	Название источника	Сфера исследования, индикаторы
	Индекс: «Верховенство закона»	
Репрезентативные		
1.	Economist Intelligence Unit Risk-wire & Democracy Index (EIU), коммерческий	Насильственные преступления, организованная преступность, справедливость судебного процесса, приведение в исполнение решений, быстрота судебного процесса, конфискация / экспроприация, защита прав интеллектуальной собственности, защита частной собственности
2.	World Economic Forum Global Competitiveness Report (GCS)	Потери от преступности/насилия, потери от организованной преступности, надежность полицейской службы, независимость судебной власти; эффективность правовой основы для сложных правил, защита прав интеллектуальной собственности, соблюдение прав собственности, неформальный сектор
3.	Gallup World Poll (GWP)	Доверие к полиции, доверие к судебной системе. Вопросы: Подвергались ли вы или члены вашей семьи краже денег, собственности? Подверглись ли Вы нападению или ограблению?
4.	Heritage Foundation Index of Economic Freedom (HER), негосударственный	Права собственности
5.	Cingranelli Richards Human Rights Database and Political Terror Scale (HUM), государственный	Независимость судебной системы

№	Название источника	Сфера исследования, индикаторы
	Индекс: «Верховенство закона»	
6.	Institutional Profiles Database (IPD), государственный	Уважение права в отношениях между гражданами и руководством, безопасность людей и имущества, организованная преступная деятельность (торговля наркотиками, оружием и т.д.), эффективность фискальной системы (уклонение от уплаты налогов, неформальная экономика, таможня и т.д.), эффективность судебной системы, защита прав собственности, безопасность договоров между частными агентами, уважение правительства к контрактам, урегулирование хозяйственных споров: справедливость в торговых делах, защита интеллектуальной собственности, эффективность мер по защите интеллектуальной собственности, сельское хозяйство: безопасность прав и сделок с недвижимостью
7.	Political Risk Services International Country Risk Guide (PRS), коммерческий	Правопорядок
8.	US State Department Trafficking in People report (TPR), государственный	Торговля людьми
9.	Global Insight Business Conditions and Risk Indicators (WMO), коммерческий	Независимость судебной оценки от влияния государства и других внешних субъектов, которые могут фальсифицировать правовую систему. Это позволит определить уровень правовой беспристрастности, ожидаемой инвесторами. Преступность: Как часто бизнес сталкивается с угрозой таких преступлений, как похищение людей, вымогательство, насилие на улицах, кражи со взломом и так далее
Нерепрезентативные		
10.	African Development Bank Country Policy and Institutional Assessments (ADB), государственный	Правила управления основываются на правах собственности
11.	Afrobarometer (AFR)	Вопросы: За прошедший год, как часто вы или кто-нибудь в вашей семье боялись преступности в вашем собственном доме? Как часто у вас или кого-либо из вашей семьи что-либо украли из дома в течение прошедшего года? За прошедшие годы как часто вы или кто-нибудь в вашей семье подвергались физическому нападению? Насколько вы доверяете судам? Доверяете ли вы полиции?
12.	Asian Development Bank Country Policy and Institutional Assessments (ASD), государственный	Правила управления основываются на правах собственности
13.	Business Enterprise Environment Survey (BPS)	Вопросы: Как часто ассоциируются у вас с судебной системой следующие характеристики: справедливость и честность? Как часто ассоциируется у вас с судебной системой следующая характеристика: нормативная? Как часто ассоциируется у вас с судебной системой следующая характеристика: быстрота? Создает ли проблемы преступность для роста вашего бизнеса? Создает ли проблемы судебная система для роста вашего бизнеса?
14.	Bertelsmann Transformation Index (BTI), негосударственный	Разделение властей, независимая судебная система, гражданские права
15.	Freedom House Countries at the Crossroads (CCR), негосударственный	Правопорядок
16.	Freedom House (FRH), негосударственный	Независимость судебной системы
17.	Global Integrity Index (GII), негосударственный	Подотчетность исполнительной власти, судебная ответственность, верховенство права, правоприменение
18.	IFAD Rural Sector Performance Assessments (IFD), государственный	Доступ к земельным ресурсам, доступ к водоснабжению для сельского хозяйства

№	Название источника	Сфера исследования, индикаторы
	Индекс: «Верховенство закона»	
19.	Latino-barometro (LBO)	Доверие к судебной системе, доверие к полиции. Вы когда-нибудь были жертвой преступления?
20.	World Bank Country Policy and Institutional Assessments (PIA), государственный	Правила управления основываются на правах собственности
21.	Vanderbilt University Americas Barometer (VAB)	Доверие к Верховному суду, Доверие к системе правосудия, Доверие к полиции, Вы когда-нибудь были жертвой преступления?
22.	Institute for Management and Development World Competitiveness Yearbook (WCY)	Уклонение от уплаты налогов является обычной практикой в вашей стране. Правосудие недостаточно внедрено в общество. Личная безопасность и частная собственность не защищены должным образом. Параллельная экономика ухудшает экономическое развитие в вашей стране. Патенты и защита авторских прав неадекватно применяются в вашей стране

«Борьба с коррупцией» (табл. 13) отражает представления о том, в какой степени осуществление государственной власти используется в целях получения личной выгоды. Учитываются, в том числе, мелкие и крупные формы коррупции, а также «захват» государства элитой и частными интересами. Индекс основывается на данных, полученных из двадцати одного источника, призванных показать в какой степени коррупция влияет на политику, насколько коррупция распространена в бизнес-среде и других сферах общества, количество и объем неофициальных платежей со стороны бизнеса в различные инстанции, какие антикоррупционные меры принимаются.

Таблица 13

Позиционирование индекса «Борьба с коррупцией» по различным сферам [475]

№	Название источника	Сфера исследования, индикаторы
	Индекс: «Борьба с коррупцией»	
	Репрезентативные	
1.	Economist Intelligence Unit Risk-wire & Democracy Index (EIU), коммерческий	Коррупция среди государственных служащих
2.	World Economic Forum Global Competitiveness Report (GCS)	Общественное доверие к политикам. Утечка государственных средств. Взятничество: Торговля. Взятничество: Коммунальные услуги. Взятничество: Налоги. Взятничество: Закупки. Взятничество: судебная система. Захват государства
3.	Gallup World Poll (GWP)	Вопрос: Является ли коррупция в правительстве широко распространенным явлением?
4.	Institutional Profiles Database (IPD), государственный	Уровень мелкой, крупномасштабной и политической коррупции
5.	Political Risk Services International Country Risk Guide (PRS), коммерческий	Коррупция
6.	Global Insight Business Conditions and Risk Indicators (WMO), коммерческий	Коррупция: оценка вмешательства бюрократии в стране. Количество бюрократических барьеров оценивается как вероятность столкновения с коррумпированными чиновниками и другими группами
	Нерепрезентативные	
7.	African Development Bank Country Policy and Institutional Assessments (ADB), государственный	Прозрачность, подотчетность и коррупция в государственном секторе
8.	Afrobarometer (AFR)	Вопросы: Как вы думаете, сколько избранных руководителей (парламентариев) участвуют в коррупции? Как вы думаете, сколько судей и магистратов, участвующих в коррупции? Как вы думаете, сколько чиновников участвуют в коррупции? Как вы думаете, сколько представителей налоговых органов участвующих в коррупции?

№	Название источника	Сфера исследования, индикаторы
	Индекс: «Борьба с коррупцией»	
9.	Asian Development Bank Country Policy and Institutional Assessments (ASD), государственный	Прозрачность, подотчетность и коррупция в государственном секторе
10.	Business Enterprise Environment Survey (BPS)	Вопросы: Насколько распространенной является для фирмы практика дополнительных платежей, чтобы добиться цели? Каков процент от общего годового объема продаж, выплачиваемый фирмами в виде неофициальных платежей государственным должностным лицам? Как часто фирмы осуществляют дополнительные выплаты в налоговые, таможенные органы и органы судебной власти? Насколько проблематична коррупция и как она влияет на рост вашего бизнеса?
11.	Bertelsmann Transformation Index (BTI), негосударственный	Антикоррупционная политика. Преследование злоупотреблений служебным положением
12.	Freedom House Countries at the Crossroads (CCR), негосударственный	Борьба с коррупцией и прозрачность
13.	Freedom House (FRH), негосударственный	Коррупция
14.	Transparency International Global Corruption Barometer Survey (GCB)	Частота бытового взяточничества. Частота коррупции среди государственных институтов: политические партии. Частота коррупции среди государственных институтов: парламент / законодательная власть. Частота коррупции среди государственных учреждений: СМИ. Частота коррупции среди государственных учреждений: правовая система / судебная власть. Частота коррупции среди государственных учреждений: государственные служащие
15.	Global Integrity Index (GII), егосударственный	Антикоррупционные агентства
16.	IFAD Rural Sector Performance Assessments (IFD), государственный	Подотчетность, прозрачность и коррупция в сельской местности
17.	Latino-barometro (LBO)	Распространенность коррупции
18.	World Bank Country Policy and Institutional Assessments (PIA), государственный	Прозрачность, подотчетность и коррупция в государственном секторе
19.	Political Risk Services International Country Risk Guide (PRS), коммерческий	В какой степени коррупция отвлекает от бизнес-среды иностранные компании?
20.	Vanderbilt University Americas Barometer (VAB)	Распространенность коррупции среди государственных служащих
21.	Institute for Management and Development World Competitiveness Yearbook (WCY)	Существование взяточничества и коррупции в экономике

Обращает на себя внимание тот факт, что разработчики с особой тщательностью подходят к измерению таких индексов как «право голоса и подотчетность» (см. табл. 9), «верховенство закона» (см. табл. 12), «борьба с коррупцией» (табл. 13), подтверждая тем самым особую значимость этих направлений для нормального функционирования общества. Несмотря на некоторую субъективность показателей, обоснование выборки и подсчет этих индексов, появляется хотя бы примерный инструмент выявления институциональных отклонений в управлении, выявление тех сфер, где имеется необходимость применения гражданского контроля.

Всемирный проект Правосудие (WJP) — независимая, некоммерческая организация, работа которой основана на двух основополагающих принципах: верховенство закона как основа для общества возможностей и равенства и междисциплинарное сотрудничество как наиболее эффективный способ продвижения верховенства закона.

Индекс верховенства закона является инструментом оценки, разработанной WJP как возможность детализированной и всесторонней картины, отражающей уровень соблюдения в различных странах/регионах верховенства закона на практике. Индекс позволяет получить детализированную информацию и оригинальные данные, благодаря

разнообразию измерителей верховенства закона, что позволяет заинтересованным сторонам оценить соблюдение в стране верховенства закона на практике, идентифицировать сильные и слабые стороны по сравнению с аналогичными странами и отслеживать изменения во времени.

Применение индекса стало возможным благодаря финансовой поддержке семьи Neukom, Фонда Билла и Мелинды Гейтс, LexisNexis и других. Статистическая точность и надежность анализа данных индекса были подтверждены Эконометрической организацией Объединенного исследовательского центра Европейской комиссии (*Econometrics Unit of the European Commission's Joint Research Centre*) [476]. В настоящее время опрошено 66 000 человек и 2 000 экспертов в 66 странах мира. Результатом этой работы стал полный набор измерений, дающий с высокой степенью достоверности данные о степени верховенства закона не в теории, а на практике. Степень верховенства закона измеряется, исходя из девяти параметров.

1. Ограничение властных полномочий (*Limited Government Powers TOP*). Этот фактор определяет степень, в которой те, кто управляют, имеют на это право. Он включает в себя средства как конституционные, так и институциональные, в ситуации, когда полномочия правительства и его должностных лиц и агентов ограничены, и с помощью которых они несут ответственность в соответствии с законом. Сюда входят также неправительственные проверки деятельности органов власти, например, со стороны свободной и независимой прессы. Включает в себя шестьдесят одну переменную, объединенную в следующие семь субфакторов.
 - 1.1. Полномочия правительства определены в основном законе.
 - 1.2. Полномочия правительства эффективно ограничены существующим законодательством.
 - 1.3. Полномочия правительства эффективно ограничиваются судебной властью.
 - 1.4. Полномочия правительства эффективно ограничены независимым аудитом и анализом.
 - 1.5. Правительственные чиновники наказываются за должностные преступления.
 - 1.6. Властные полномочия подлежат неправительственному контролю.
 - 1.7. Передача власти происходит в соответствии с законом
2. Отсутствие коррупции (*Absence of Corruption TOP*). Этот фактор измеряет три формы коррупции: взяточничество, незаконное влияние на государственные или частные интересы и хищение государственных средств или других ресурсов. Эти три формы коррупции

рассматриваются в отношении государственных служащих в органах исполнительной власти, судебных органах, законодательной власти, полиции и военных. Он состоит из шестидесяти восьми переменных, объединенных в следующие четыре подгруппы факторов:

- 2.1. Правительственные чиновники в исполнительной власти не используют должностные полномочия в личных целях.
- 2.2. Правительственные чиновники в судебной ветви власти не используют должностные полномочия в личных целях.
- 2.3. Правительственные полицейские и военные чиновники не используют должностные полномочия в личных целях.
- 2.4. Правительственные чиновники в законодательной власти не используют должностные полномочия в личных целях.
3. Порядок и безопасность (*Order and Security TOP*). Этот фактор определяет, насколько хорошо общество обеспечивает безопасность людей и собственности. Он включает в себя три аспекта: отсутствие преступности; отсутствие гражданских конфликтов, в том числе терроризма и вооруженных конфликтов; отсутствие насилия как социально приемлемого средства для возмещения личных претензий. Он состоит из семнадцати переменных, объединенных в следующие три субфактора:
 - 3.1. Преступность находится под эффективным контролем.
 - 3.2. Гражданский конфликт существенно ограничен.
 - 3.3. Люди не прибегают к насилию для возмещения личных претензий.
4. Основные права (*Fundamental Rights TOP*). Этот фактор показывает эффективность применения законов, обеспечивающих равную защиту; свободу мысли, религии и самовыражения; свободу собраний и ассоциаций; основополагающих трудовых прав (включая право на ведение коллективных переговоров, запрещение принудительного и детского труда и ликвидация дискриминации); право на неприкосновенность частной жизни и религии; право на жизнь и личную неприкосновенность, а также обеспечение надлежащей правовой процедуры и прав подсудимых. Он состоит из ста пятинадцати переменных, объединенных в следующие восемь субфакторов:
 - 4.1. Гарантировано равное обращение и отсутствие дискриминации.
 - 4.2. Гарантировано право на жизнь и личную неприкосновенность.
 - 4.3. Эффективные гарантии должного соблюдения процессуальных норм и прав обвиняемого.

- 4.4. Эффективные гарантии свободы выражения мнений.
- 4.5. Эффективные гарантии свободы веры и религии.
- 4.6. Эффективные гарантии права на неприкосновенность частной жизни.
- 4.7. Эффективные гарантии свободы собраний и объединений.
- 4.8. Эффективные гарантии основополагающих трудовых прав.
5. Открытое правительство (*Open Government TOP*). Этот фактор дает возможность узнать: какое поведение, с точки зрения закона, является дозволенным или запрещенным. Это требует, чтобы право было понятным, а его значение достаточно ясным для объяснения широкой публике на понятном языке, для того чтобы быть в состоянии соблюдать его. Это одна из самых основных предпосылок для достижения и поддержания верховенства права в обществе, способного гарантировать общественный порядок, личную безопасность и основные права. Он состоит из тридцати шести переменных, объединенных в следующие шесть субфакторов:
 - 5.1. Законы являются понятными для общественности.
 - 5.2. Законы публикуются и находятся в широком доступе.
 - 5.3. Законы являются стабильными.
 - 5.4. Гарантировано право на обращение в правительство и публичное участие.
 - 5.5. Официальные проекты законов и нормативных актов доступны для общественности.
 - 5.6. Официальная информация предоставляется по запросу.
6. Эффективное правоприменение нормативных актов (*Effective Regulatory Enforcement TOP*). Этот фактор касается четкости и эффективности усилий по применению административного регулирования. Индекс измеряет не наличие или отсутствие тех или иных форм регулирования, а дает возможность проверить, насколько регулирование данной деятельности является целесообразным. Скорее всего, он стремится оценить, насколько хорошо осуществляется регулирование, и какое приходится для этого применять усилие. Включает в себя отсутствие неправомерного влияния должностных лиц или частных интересов; соблюдение административных процедур, которые являются справедливыми, последовательными и предсказуемыми; свобода от государственного овладения частной собственностью без надлежащей компенсации. Он состоит из 84 переменных, объединенных в следующие пять субфакторов:
 - 6.1. Эффективность усилий государственного регулирования.
 - 6.2. Государственное регулирование осуществляется без неправомерного влияния.
 - 6.3. Административное судопроизводство осуществляется без необоснованных задержек.
 - 6.4. Надлежащее соблюдение процессуальных процедур в административных судебных делах (*Due process is respected in administrative proceedings*).
 - 6.5. Правительство не занимается экспроприацией собственности без адекватной компенсации.
7. Эффективность гражданского правосудия (*Effective Civil Justice TOP*). Этот фактор требует, чтобы система была доступной, эффективной, беспристрастной и культурно компетентной. Беспристрастность включает в себя отсутствие произвольных или иррациональных различий, основанных на социальном или экономическом положении, и других форм предвзятости, а также решения, которые свободны от неправомерного влияния государственных должностных лиц или частных интересов. Доступность включает в себя общую осведомленность об имеющихся средствах правовой защиты, наличии и доступности юридической консультации и представительства и отсутствии чрезмерных или необоснованных сборов, процедурных препятствий и других препятствий для доступа к формальной системе разрешения споров. Этот фактор также измеряет, обеспечивает ли система справедливость и эффективность применения. Он состоит из пятидесяти семи переменных, объединенных в следующие девять субфакторов:
 - 7.1. Люди осознают имеющиеся средства правовой защиты.
 - 7.2. Люди могут получить доступ и позволить себе юридические консультации и представительство.
 - 7.3. Люди могут получить доступ и возможность гражданских судов (*People can access and afford civil courts*).
 - 7.4. Гражданское правосудие свободно от дискриминации.
 - 7.5. Гражданское правосудие свободно от коррупции.
 - 7.6. Гражданское правосудие свободно от неуместного влияния правительства.
 - 7.7. Гражданское правосудие не подвергается необоснованным задержкам.
 - 7.8. Гражданское правосудие осуществляется эффективно.
 - 7.9. ADR-системы доступны, беспристрастны и эффективны.

8. Эффективность уголовного правосудия (*Effective Criminal Justice TOP*). Этот фактор измеряет беспристрастность и эффективность системы в расследовании и рассмотрении уголовных преступлений, обеспечивая при этом соблюдение и защиту прав подозреваемых и потерпевших. Он состоит из девяти семи переменных, объединенных в следующие семь субфакторов:

- 8.1. Эффективность расследования преступлений.
- 8.2. Преступления эффективно и своевременно расследуются.
- 8.3. Эффективность исправительной системы в снижении преступного поведения.
- 8.4. Уголовное правосудие является беспристрастным.
- 8.5. Уголовное правосудие является свободным от ненадлежащего влияния.
- 8.6. Уголовное правосудие является свободным от неуместного влияния правительства.
- 8.7. Система уголовного правосудия обеспечивает обвиняемых надлежащей правовой процедурой согласно закону.

9. Неофициальное правосудие (*Informal justice TOP*). Этот фактор касается роли во многих странах «неформальной» системы права — в том числе традиционных, племенных и религиозных судов, а также общинных систем в разрешении споров. Эти системы часто играют большую роль в культуре, в которой формальные правовые институты не в состоянии обеспечить эффективные средства правовой защиты для широких слоев населения. Фактор состоит из трех субфакторов:

- 9.1. Неофициальное правосудие является своевременным и эффективным.
- 9.2. Неофициальное правосудие является беспристрастным и свободным от неправомерного влияния.
- 9.3. Неофициальное правосудие обеспечивает и защищает основные права.

Начиная с 2002 г., Всемирным экономическим форумом и международной школой бизнеса INSEAD издается «Индекс готовности к сетевому обществу». Он строится на основе трех индекс-компонентов (среда, готовность, использование), которые, в свою очередь, включают по три составляющих, характеризующих, соответственно: рыночную, политическую и инфраструктурную среду; готовность населения, предприятий и органов власти к применению сетевых технологий; использование ИКТ населением, предприятиями и органами управления. В последних выпусках для расчета индекса используется 71 показатель, часть из которых берется из международной статистики,

а часть получается на основе экспертных опросов менеджеров предприятий в оцениваемых странах. Этот индекс является одним из контрольных показателей Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации и государственной программы «Информационное общество (2011–2020 годы)».

Субиндекс окружающей среды складывается из $\frac{1}{2}$ показателя степени готовности регулятивных норм и политической обстановки и $\frac{1}{2}$ показателя бизнес-среды и среды для инноваций. В свою очередь, первый показатель состоит из значений таких составляющих, как эффективность правотворческих органов (шкала измерения от 1 до 7); законы, касающиеся ИКТ (от 1 до 7); независимость судей (от 1 до 7); эффективность правовой системы при разрешении споров (от 1 до 7); эффективность правовой системы в оспаривании нормативных актов (от 1 до 7); защита интеллектуальной собственности (от 1 до 7); процент установленного пиратского программного обеспечения; количество процедур для обеспечения исполнения контракта; количество дней для обеспечения исполнения контракта. Следует отметить, что Россия по показателю «эффективность правовой системы в оспаривании нормативных актов» находится на 120 месте (из 148 мест). Второе место с конца в рейтинге занимает независимость судей (119), третье — эффективность правовой системы при разрешении споров (118). Немного отстают от них защита интеллектуальной собственности — 113 место. Лучшее же дело с количеством дней для обеспечения исполнения контрактов (8 место) [478, р. 238].

Показатель бизнес-среды и среды для инноваций включает в себя совокупность следующих показателей: наличие новейших технологий (от 1 до 7); наличие венчурного капитала (от 1 до 7); общая ставка налога, % от прибыли; количество дней, чтобы начать бизнес; количество процедур, чтобы начать бизнес; интенсивность конкуренции на местном уровне (от 1 до 7); процент людей с высшим образованием; качество школ менеджмента (от 1 до 7); государственные закупки продукции передовых технологий (от 1 до 7). Лишь на 124 месте находится наличие новейших технологий. На 120 оказалась налоговая ставка, на 113-м расположились наличие конкуренции и качество управленческой школы. 108-е место получили закупки передовых технологий. Самым лучшим из всех оказался подындекс, отражающий процент людей с высшим образованием — 16 место.

Субиндекс готовности складывается из $\frac{1}{3}$ показателя «развитие инфраструктуры и цифровой контент», $\frac{1}{3}$ — доступность сетевых сервисов и $\frac{1}{3}$ — навыки пользователей. В свою очередь, развитие инфраструктуры и цифрового контента включает в себя: производство электроэнергии,

кВтч/чел.; покрытие мобильной сети, % населения; международный интернет-трафик, кб/с на одного пользователя; защищенные интернет-серверы на миллион населения; доступность цифрового контента (от 1 до 7). Несмотря на тот факт, что мобильная связь достаточно распространена в России, по показателю охвата населения наша страна находится лишь на 101 месте.

Показатель доступности сетевых сервисов включает в себя: тарифы сотовой связи PPP, \$ / мин.; фиксированные тарифы широкополосного доступа в Интернет, PPP \$ / месяц; индекс конкуренции в секторе Интернета и телефонии, 0–2 (лучше). Если по тарифам наша страна занимает 17 место, то по индексу конкуренции всего лишь 98.

Показатель навыков пользователей состоит из таких подындеков, как: качество системы образования (от 1 до 7); качество математического и естественно-научного образования (от 1 до 7); процент охвата средним образованием, %; показатель уровня грамотности среди взрослых, %. Если по показателю грамотности среди взрослого населения Россия занимает 10 место в мире, то по качеству образования находится на 85.

Субиндекс использования сетевых технологий по аналогии с предыдущим состоит из суммы долей в 1/3 показателей индивидуального использования сетевых технологий, использования сетевых технологий в бизнесе и использование сетевых технологий в правительстве. Первый показатель включает в себя: количество абонентов мобильных телефонов на 100 человек населения; процент лиц, использующих Интернет, %; процент домохозяйств, имеющих компьютер, %; процент домохозяйств, имеющих доступ в Интернет, %; количество абонентов фиксированного широкополосного интернета на 100 человек; беспроводной мобильный интернет на 100 человек; использование виртуальных социальных сетей (от 1 до 7). По количеству абонентов мобильных телефонов на 100 человек Россия находится на 4 месте. Представляет интерес тот факт, что, несмотря на достаточно высокую популярность социальных сетей, наша страна не поднялась выше 89-го места в общемировом рейтинге.

Использование сетевых технологий в бизнесе включает: освоение технологий на уровне компаний (от 1 до 7); возможности для инноваций (от 1 до 7); РСТ патентные заявки на миллион населения; использование Интернета «бизнес для бизнеса» (от 1 до 7); использование Интернета «бизнес для потребителя» (от 1 до 7); уровень профессиональной подготовки персонала (от 1 до 7). Поскольку бизнес в России ориентирован в основном на развитие торговли и оказание посреднических услуг, этот факт отражается и на рейтингах по этим показателям. Например, использование новых технологий в компаниях занимает 126 место,

что отражает незаинтересованность бизнес-структур во вложении средств в развитие высокотехнологичного производства. В то же самое время использование сетевых технологий для работы бизнеса с потребителями оказалось на 49 месте. По количеству патентных заявок Россия находится на 39-й позиции. Но, судя по тому, что разработки новейших технологий оказались на 124 месте, по всей вероятности, патенты не связаны с технологиями. Несмотря на тот факт, что возможности для инноваций имеются (64 место), уровень профессиональной подготовки персонала оставляет желать лучшего (88) [478, р. 238]. Этот субиндекс непосредственно связан с субиндексом бизнес-среды и среды для инноваций.

Использование сетевых технологий в правительстве состоит из таких подындеков, как: важность ИКТ-технологий для представления информации о правительстве (от 1 до 7); индекс государственных услуг, предоставляемых онлайн 0–1 (лучше); успешность правительства в продвижении посредством ИКТ (от 1 до 7). Первый показатель занял 102 строчку в международном рейтинге, третий позиционирует Россию на 100 позиции. По количеству государственных услуг, предоставляемых в электронном виде, наша страна занимает 37 место. Этот субиндекс характеризует низкий уровень раскрываемости информации о деятельности правительства.

По результатам 2014 г. в рейтинге по готовности к сетевому обществу из 148 стран тройку лидеров составили Финляндия (6,04), Сингапур (5,97), Швеция (5,93). Причем их лидирующее положение с 2013 г. не изменилось. Россия улучшила свои позиции и с 54 места в 2013 г. поднялась на 50 в 2014 г. Обращает на себя внимание тот факт, что ее обошли такие страны из постсоветского пространства, как Азербайджан (56 место в 2013 г. и 49 место в 2014 г.), Казахстан (43 место в 2013 г. и 38 место в 2014 г.), Латвия (41 место в 2013 г. и 39 место в 2014 г.), Литва (32 место в 2013 г. и 31 место в 2014 г.), Эстония (22 место в 2013 г. и 21 место в 2014 г.). Свои позиции потеряли в 2014 г. по сравнению с 2014 г. Италия (8 пунктов с 50 на 58 место) и Греция (10 пунктов с 64 на 74 место). В то же самое время значительное продвижение наблюдается в Армении с 82 на 65 место (17 пунктов) [478, р. 23]. При этом по субиндексу окружающей среды Россия заняла 87 место, а по составляющим этого субиндекса, а именно: по степени готовности регулятивных норм и политической обстановке — 100 место (из 148), по бизнес-среде и среде для инноваций — 73. Для сравнения: Казахстан занимает 57 место (степень готовности регулятивных норм и политическая обстановка 61, бизнес-среда и среда для инноваций 57 место); Армения — 83 место (по составляющим показателям 104 и 67 соответственно) [478, р. 35] (табл. 14).

Таблица 14

Субиндексы окружающей среды [478, р. 35]

Ранг	Страна	Баллы	Степень готовности регулятивных норм и политическая обстановка (ранг)	Баллы	Бизнес-среда и среда для инноваций (ранг)	Баллы
1	Сингапур	5,87	1	5,87	1	5,90
2	Новая Зеландия	5,63	2	5,88	8	5,37
3	Финляндия	5,52	3	5,86	9	5,37
4	Гонконг	5,56	11	5,40	2	5,72
5	Великобритания	5,50	5	5,66	10	5,33
8	Швеция	5,45	6	5,63	15	5,26
15	США	5,19	22	5,00	7	5,38
20	Исландия	5,01	27	4,81	19	5,21
21	Япония	4,99	16	5,23	40	4,75
26	Эстония	4,88	26	4,83	28	4,9
34	Республика Корея	4,68	42	4,18	20	5,19
42	Латвия	4,44	53	4,01	32	4,86
43	Литва	4,41	52	4,02	37	4,79
57	Казахстан	4,11	61	3,80	58	4,42
70	Азербайджан	3,94	66	3,75	77	4,13
78	Китай	3,87	56	3,97	115	3,76
83	Армения	3,80	104	3,32	67	4,28
87	Российская Федерация	3,78	100	3,39	73	4,17
88	Италия	3,77	99	3,39	76	4,15
89	Греция	3,76	114	3,20	64	4,32
148	Чад	2,40	147	2,43	148	2,36

Из представленных стран с бизнес-средой в Китае дела обстоят намного хуже, чем в Сингапуре, Гонконге и Японии, а также Казахстане. По политической обстановке и степени готовности регулятивных норм Россия значительно уступает европейским и азиатским странам. По своим показателям она близка к Италии, Армении и Греции, а в рейтинге оказалась между Ираном и Италией.

По субиндексу готовности к внедрению информационных технологий Россия находится на 37 месте, что выглядит более оптимистично, чем в предыдущем случае. При этом по составляющим субиндекса: развитие инфраструктуры и цифровой контент — 47 место, доступность сетевых сервисов — 14 место, навыки пользователей — 64 место [478, р. 36] (табл. 15).

Таблица 15

Субиндекс готовности к внедрению информационных технологий [478, р. 36]

Ранг	Страна	Баллы	Развитие инфраструктуры и цифровой контент (ранг)	Баллы	Доступность сетевых сервисов (ранг)	Баллы	Навыки пользователей (ранг)	Баллы
1	Финляндия	6,61	1	6,88	18	6,41	1	6,55
2	Исландия	6,44	2	6,88	13	6,44	13	5,99
3	Швеция	6,39	3	6,85	10	6,48	21	5,83
4	Норвегия	6,28	6	6,80	28	6,18	17	5,86
5	США	6,27	4	6,83	21	6,36	32	5,62
6	Сингапур	6,20	16	6,30	46	5,88	2	6,42
12	Гонконг	6,11	26	5,88	22	6,36	10	6,08
17	Республика Корея	5,93	13	6,42	57	5,72	31	5,66
19	Япония	5,84	21	6,09	54	5,73	29	5,69
21	Великобритания	5,74	15	6,36	79	5,16	28	5,69
22	Эстония	5,73	25	5,94	61	5,51	25	5,76
24	Литва	5,69	45	4,85	12	6,45	23	5,78

Ранг	Страна	Баллы	Развитие инфраструктуры и цифровой контент (ранг)	Баллы	Доступность сетевых сервисов (ранг)	Баллы	Навыки пользователей (ранг)	Баллы
29	Латвия	5,60	41	5,03	26	6,21	35	5,56
31	Казахстан	5,57	58	4,50	2	6,88	51	5,32
33	Италия	5,49	42	4,91	32	6,09	43	5,47
37	Российская Федерация	5,46	47	4,81	14	6,44	64	5,13
45	Новая Зеландия	5,27	12	6,42	127	3,24	6	6,14
49	Азербайджан	5,21	55	4,55	40	5,99	66	5,09
51	Армения	5,13	53	4,58	63	5,45	47	5,37
62	Греция	4,97	40	5,04	102	4,59	53	5,29
73	Китай	4,76	86	3,53	60	5,57	59	5,18
148	Мьянма	2,16	136	1,88	146	1,00	115	3,60

На последнем 148 месте оказалась Мьянма, а Чад передвинулся на 146 позицию. По такой составляющей субиндекса, как «Развитие инфраструктуры и цифровой контент», безусловно, лидируют европейские страны. В этом отношении в России дела обстоят намного лучше, чем в Китае. Несколько выше ее позиции по сравнению с Арменией, Азербайджаном и Казахстаном. По своим показателям

страна приблизилась к таким европейским странам постсоветского пространства, как Литва и Латвия. В целом Россия находится в рейтинге между Катаром и Объединенными Арабскими Эмиратами.

Представляет интерес субиндекс использования сетевых технологий, в том числе в правительстве, бизнес-структурах и на индивидуальном уровне (табл. 16).

Таблица 16

Субиндекс использования сетевых технологий [478, р. 37]

Ранг	Страна	Баллы	Индивидуальное использование (ранг)	Баллы	Использование сетевых технологий в бизнесе (ранг)	Баллы	Использование сетевых технологий в правительстве (ранг)	Баллы
1	Швеция	6,06	1	6,59	3	5,99	7	5,60
2	Финляндия	6,01	6	6,42	2	6,02	8	5,57
3	Республика Корея	5,89	9	6,32	10	5,48	3	5,85
4	Сингапур	5,87	10	6,13	15	5,21	1	6,26
6	Норвегия	5,79	2	6,57	12	5,44	15	5,36
9	Япония	5,69	16	5,92	4	5,99	22	5,15
11	США	5,60	18	5,76	9	5,56	11	5,47
12	Великобритания	5,58	8	6,33	17	5,06	17	5,35
15	Гонконг	5,41	12	6,03	16	5,13	24	5,07
16	Новая Зеландия	5,37	13	5,98	21	4,81	18	5,34
22	Эстония	5,22	17	5,84	28	4,38	12	5,45
24	Исландия	5,16	7	6,39	22	4,80	53	4,28
34	Литва	4,51	41	4,83	33	4,09	37	4,60
38	Казахстан	4,39	51	4,42	66	3,61	23	5,12
42	Латвия	4,35	31	5,25	48	3,81	78	3,97
44	Азербайджан	4,24	61	4,19	52	3,78	34	4,77
51	Италия	4,07	37	5,05	61	3,68	112	3,49
53	Российская Федерация	4,06	46	4,61	84	3,45	61	4,13
61	Китай	3,91	80	3,27	44	3,89	38	4,58
67	Греция	3,83	43	4,74	102	3,30	117	3,45
73	Армения	3,65	74	3,52	82	3,45	76	3,98
148	Бурунди	2,12	148	1,30	148	2,42	144	2,64

Обращает на себя внимание тот факт, что Россия по уровню использования сетевых техноло-

гий в бизнесе находится на 84 месте, пропустив вперед большинство европейских и азиатских

стран, разместившись между Польшей и Монтенегро. Финляндия уже второй год (2013–2014 гг.) занимает ведущие места в информационных рейтингах. Большую роль сыграли активные инвестиции в строительство экосистемы ИКТ в середине 1990–х гг. в ответ на финансово-экономический кризис в то время. Взаимодействие всех заинтересованных сторон, а именно: правительства, бизнеса и физических лиц привело к положительному результату. Как следует из представленных рейтингов, в Сингапуре имеется одна из самых наукоемких экономик в глобальном масштабе. По сравнению со странами Северной Европы, там имеется очень большое количество интернет-пользователей или домашних хозяйств с персональным компьютером и доступом в интернет. А в сочетании с небольшой стоимостью доступа к фиксированному широкополосному интернету этот фактор позволит Сингапuru улучшить в будущем свои показатели.

В России наблюдаются небольшие улучшения в ИКТ-инфраструктуре страны, которая стала более доступной, наряду с более высокими темпами индивидуального использования сетевых технологий (46), что, несомненно, приводит к положительному результату. Однако, несмотря на очевидный прогресс, страна по-прежнему страдает от довольно неэффективной политической и правовой среды (100) и слабой инновационной системы, в том числе системы образования, что тормозит способность в полной мере использовать ИКТ для инноваций, либо за счет новых продуктов и услуг или новых организационных моделей. Стоит также отметить, что, хотя индивидуальное внедрение ИКТ имеет весьма неплохой рейтинг (46), оставляет желать лучшего использование сетевых технологий в правительстве (61) и бизнесе (84). Эти направления по-прежнему нуждаются во внимании.

Индекс готовности к электронному правительству впервые подготовлен ООН в 2001 году (United Nations e-Government Readiness Index). В дальнейшем он раз в два года публикуется Департаментом по экономическим и социальным вопросам ООН. Индекс состоит из трех подындексов, характеризующих состояние человеческого капитала, ИКТ-инфраструктуры и веб-присутствия органов государственной власти. Первые два основываются на официальных статистических данных, а последний строится на основе результатов обследования веб-сайтов правительства и пяти министерств: финансов, здравоохранения, образования, труда, социального обеспечения. По результатам 2014 года Россия занимала 27 место по готовности к электронному правительству. Место России в рейтинге стран по этому индексу входит в число контрольных показателей

Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации и государственной программы «Информационное общество (2011–2020 годы)» [261].

Важную роль в обеспечении права граждан на доступ к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления должна была играть федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)», утвержденная Постановлением Правительства РФ от 28 января 2002 года № 65 [498]. Ее выполнение было рассчитано на три этапа с четко определенными функциями и финансированием. Однако в результате ее реализации к решению задач третьего этапа так и не удалось перейти: не создана основа единой информационной и телекоммуникационной инфраструктуры для органов государственной власти и органов местного самоуправления, не обеспечено массовое внедрение и распространение тиражируемых решений по организации электронного взаимодействия. Кроме того, в ходе проверки эффективности расходования бюджетных средств, выделенных на реализацию этой программы Генеральной прокуратурой в 2011 г., были выявлены хищения со стороны основного поставщика оборудования «Ростелеком».

На смену федеральной целевой программе, срок реализации которой закончился в 2010 г., пришла Государственная программа «Информационное общество», состоящая из четырех подпрограмм: «Информационно-телекоммуникационная инфраструктура информационного общества и услуги, оказываемые на ее основе»; «Информационная среда»; «Безопасность в информационном обществе»; «Информационное государство». Ее выполнение рассчитано на период с 2011 до 2020 г. Первый вариант этой программы был рассмотрен 30 сентября 2010 г. (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р).

Среди ожидаемых результатов реализации программы наибольший социальный эффект мог быть получен в ходе выполнения таких пунктов, как «обеспечение прав и основных свобод человека, в том числе права каждого человека на информацию»; «развитие социальной самоорганизации и социального партнерства власти, бизнеса и общественности на основе использования информационных технологий» [80]. Однако главным недостатком принятой программы выступало то, что в ней акцент был сделан на чисто технической стороне дела без учета социальных последствий и социального эффекта. В этом плане существенные отличия имеются в зарубежных программах. Например, в отношении оптимизации работы транспортной системы российский подход заключается

в автоматизации системы управления движением автобусов, что для обычного гражданина остается незаметным. В зарубежной социальной практике основное внимание уделяется предоставлению людям оперативных данных о расписании движения, автобусных маршрутах, точном времени прибытия на конкретные остановки [261]. В современном варианте программы, принятом в апреле 2014 г., разработчики от Минкомсвязи России постарались учесть выявленные недостатки. Проекты, выделенные в программе, можно разделить на внутренние и внешние. Внутренние должны были автоматизировать работу чиновников, которые создавали возможность обеспечения доступа граждан к современным ИТ-сервисам.

Первая оценка эффективности реализации программы должна быть осуществлена в 2015 г. Минкомсвязи уже утверждены перечень показателей и контрольные значения по каждому из них. Из 15 показателей было названо предоставление к 2015 г. основных федеральных услуг (около 200) в электронном виде, увеличение удельного веса ИКТ в ВВП России до 6%, рост экспорта товаров, связанных с ИКТ до 6 млрд. долл. в год, увеличение доли отечественных товаров и услуг в объеме внутреннего рынка ИКТ до 15%. Также в 2015 г. будут оценены успехи в проникновении широкополосного доступа в интернет, количество компьютеров на домохозяйство, сокращение цифрового разрыва в регионах, доля населения, способного принимать цифровой телевизионный сигнал, рост объема инвестиций, доля товаров и услуг, размещенных в электронном виде.

В настоящее время значимые результаты были достигнуты в рамках реализации Федеральной целевой программы «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009–2015 годы» (100% составила доля населения, имеющего возможность принимать обязательные телерадиоканалы). Однако доля государственных услуг, результаты которых могут быть получены в электронном виде на Едином портале государственных услуг, по-прежнему остается низкой [261].

В зарубежной социальной практике существуют еще несколько способов оценки эффективности управления с опорой на индексный подход. Обращает на себя внимание тщательный подход к сбору и обработке данных по каждому показателю. Вызывает некоторые вопросы методика проведения межстранового сравнения, так как Всемирный банк опирается на данные различных источников, применительно к различным странам. Не представляется возможным, на взгляд авторов, провести полноценное сравнение, когда применительно к так называемым странам «золотого миллиарда» (США, Норвегия и др.) используется один набор источников данных,

а для иных стран (в том числе и России) индексы берут из других источников. Более того, количество источников может различаться. Например, для Норвегии или Финляндии их количество может составлять восемь, а для России их насчитывается от двенадцати до четырнадцати. Однако рейтинг выстраивается для всех стран один. Тем не менее такой подробный анализ позволяет учесть, несмотря на некоторую субъективность, более тонкие отличия стран. Опираясь на различные источники данных, применительно к России, можно увидеть недостатки в одних и тех же сферах. Причем индексы, полученные из одних структур, коррелируют с данными других.

В России самым распространенным методом составления индексов является подсчет среднего арифметического, то есть по каждому вопросу строится индивидуальный индекс как разность долей положительных и отрицательных ответов. Например, Индекс социальных настроений (ИСН) рассчитывается в Левада-Центре с начала 90-х гг. двадцатого века. При построении ИСН выделяются частные индексы, которые объединяют группу индивидуальных индексов, описывающих основные характеристики общественного сознания. Выделяется Индекс текущего положения семьи (ИС), отражающий субъективные оценки материального положения семей респондентов; Индекс текущего положения страны (ИР), объединяющий оценки экономического и политического положения страны в целом; Индекс ожиданий (ИО), отражающий представления людей о своем личном ближайшем будущем и о будущем страны; Индекс оценки власти (ИВ), отражающий уровень одобрения деятельности государственной власти в стране [128].

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) проводит ежемесячные построения индексов социального самочувствия. Эмпирической базой для расчета служат данные ежемесячных экспресс-опросов, проводимых ВЦИОМ по репрезентативной общероссийской выборке (с учетом квот по полу, возрасту, образованию и территориальному районированию Госкомстата) в 42 областях, краях и республиках России в 130 населенных пунктах (количество респондентов 1 600 человек). Расчет индексов производится по аналогичной методике [129].

Изучение состояния и перспектив развития местного территориального самоуправления в субъектах федерации имеет большую эмпирическую значимость в рамках формирования гражданского общества в нашей стране. В настоящее время информационно-аналитические службы, центры, занимающиеся сбором информации для руководства регионов, имеются во всех субъектах РФ. Тюменская область представляет быстро

развивающим субъект федерации, руководство которого стремится принимать решения на основе обратной связи с населением и органами местного самоуправления. Степень удовлетворенности населения работой органов местного самоуправления (МСУ) является необходимым показателем оценки эффективности деятельности этих органов, определенным в Указе Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» и в распоряжении правительства РФ от 11 сентября 2008 г. № 1313-р [15], Постановлении Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» [497], в связи с чем возникла необходимость выявления пороговых значений критериев эффективности управления на муниципальном уровне.

Методологические и методические подходы к региональным измерениям были выбраны при содействии Института социально-политических исследований РАН и непосредственном участии академика Г.В. Осипова. Как уже было отмечено ранее, в ходе обработки и интерпретации результатов региональных исследований для расчета индексов используют упрощенный вариант. Чаще всего из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, после чего во избежание появления отрицательных величин к полученному значению прибавляется 100. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные — 200, равновесие первых и вторых — индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой.

Исследования эффективности деятельности органов местного самоуправления и подобные им являются весьма востребованными в современной России и проводятся как по заказу органов государственной власти и местного самоуправления, так и независимыми научными и общественными организациями.

Теоретические исследования в указанной области чаще всего осуществляются с позиций юридической науки либо с позиций государственного и муниципального управления и концентрируются на управленческих аспектах, проблеме эффективности местного управления в целом.

Среди всероссийских исследовательских центров на эмпирическом уровне так или иначе затрагивали тему эффективности деятельности органов местного самоуправления Фонд Общественного мнения (ФОМ) [150], Аналитический Центр Юрия Левады (АНО «Левада-Центр»), Центр

интеллектуальных ресурсов и кооперации в области общественных наук (ЦИРКОН) и другие. Принятие в 2003 г. новой редакции Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» вызвало серьезные дискуссии в обществе и повлекло за собой проведение ряда социологических исследований. Например, в 2003–2004 гг. исследовательской группой ЦИРКОН было проведено исследование «Граждане оценивают местное самоуправление» по заказу Фонда «Института экономики города» в рамках программы «Социально-экономическое развитие на местном уровне: новое качество роста», осуществляемой при поддержке Агентства США по международному развитию. Им были охвачены 9 городов, в которых проводятся различные мероприятия реформы муниципального управления, в том числе в области ЖКХ (основная группа), а также 5 городов, выбранных в качестве контрольной группы по принципу аналогии с городами основной группы [81].

Исследование показало, что предоставление коммунальных услуг (вода, тепло, свет и т.п.) рассматривается населением как приоритетная задача местного самоуправления (это упомянули более половины респондентов во всех без исключения городах). Далее по частоте упоминания следуют «благоустройство дворов и территории города» и «социальная поддержка населения: предоставление льгот, выплата субсидий, пособий».

В материалах всероссийского исследования «Демократия и местное самоуправление», проводившегося учеными из Института социологии РАН в рамках международного проекта, реализуемого с 1968 г. и охватившего 28 стран мира (руководители Ж. Т. Тощенко (1995 г.), Г. Галиев (2005 г.)), было отмечено, что на разных уровнях власти отсутствует четкое понимание сущности идеи местного самоуправления. Особенностью является и то, что за десять лет все проблемы так и остались связанными с удовлетворением витальных потребностей. По-прежнему современные заботы населения преимущественно связаны с развитием экономики отражает и количественное соотношение их актуальности [357].

Нужно отметить, что сегодня исследования, как правило, реализуются в устойчивом списке регионов, власти которых заинтересованы в развитии местного самоуправления и территориального общественного самоуправления. Заказчиками исследований выступают либо органы государственной власти, либо общественные объединения. В 2012 г. основными заказчиками из числа органов государственной власти были следующие: Управление внутренней политики Приморского края (социологическое исследование на тему: «Население и муниципальная власть»); Комитет

по печати и связям с общественностью Ленинградской области (социологический опрос жителей 17 районов и городского округа Ленинградской области в рамках оценки эффективности деятельности органов государственной исполнительной власти Ленинградской области, органов местного самоуправления городского округа и муниципальных районов); аппарат губернатора и правительства Волгоградской области (социологическое исследование «Оценка восприятия населением проявлений коррупции в органах власти и органах местного самоуправления на территории Волгоградской области») и др.

В 2013 году научно-исследовательская группа в составе С.Г. Симонов и И.Л. Грошева провела исследование по заказу ГАУ «Информационно-аналитический центр Тюменской области» по теме «Экспертная оценка пороговых значений критериев эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления, унитарных предприятий и учреждений, действующих на региональном и муниципальном уровнях, акционерных обществ, контрольный пакет акций которых находится в собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности, осуществляющих оказание услуг населению муниципальных образований, утвержденных

постановлением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. № 1317». Цель исследования: внедрение в практику муниципального управления типовой методики получения пороговых значений критериев оценки населением эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления, унитарных предприятий и учреждений, действующих на региональном и муниципальном уровнях, акционерных обществ, контрольный пакет акций которых находится в собственности субъектов российской федерации или в муниципальной собственности, осуществляющих оказание услуг населению муниципальных образований.

Ввиду специфики осуществляемого исследования и требований технического задания отсутствует необходимость определения параметров генеральной совокупности, поскольку требования к отбору кандидатов в экспертную группу позволяют варьировать качественный и функциональный состав экспертной группы, ее текущую корректировку структурный и пропорциональный состав.

Объем выборочной совокупности по техническому заданию составил 30 экспертов, требования к качественному составу были уточнены исследователями следующим образом (табл. 17).

Таблица 17

Качественная характеристика экспертных групп

Условное обозначение	Качественный состав группы	Количественный состав группы	Базовые требования	Детализированные требования исследовательской группы
А	Научные работники	7	доктора социологических наук	руководители научных школ г. Тюмени, представляющие ведущие вузы города
В	Специалисты с ученой степенью	10	кандидаты социологических наук	из подразделений, имеющих прямое отношение к маркетинговым, управленческим и социологическим измерениям
С	Практические исследователи	13	трудовая деятельность связана с изучением общественного мнения	непосредственное участие в социологических исследованиях, в работе исследовательских центров, руководители научных проектов по управленческим и социологическим направлениям

Полный цикл социологического исследования содержал три основных этапа, результативность и эффективность каждого определялась уровнем объективности исследования в целом. Соответственно каждому этапу определены ключевые требования:

1. Формирование группы экспертов (уровень компетентности не вызывает сомнений).
2. Расчет степени согласованности мнений экспертов (коэффициент Кендалла (конкордации) не менее 0,5).

3. Определение пороговых значений по исследуемым параметрам методом шкалированных оценок (дисперсия оценок не превышает 5).

Центральным критерием отбора экспертов выступает их компетентность. Для ее определения применяют методы самооценки экспертов и коллективной оценки авторитетности экспертов. В проведенном исследовании базовые параметры выборки определены техническим заданием, в качестве дополнительных критериев отбора описаны ограничения по роду занятий, стажу работы по профилю и уровню квалификации (табл. 18).

Таблица 18

Логическая схема технологии экспертного опроса

Критерии отбора экспертов	Род занятий	Научная деятельность, практика проведения социологических исследований, управленческая практика
	Стаж работы по профилю	Не менее 1 года для научной деятельности, не менее 3 лет для всех остальных
	Уровень квалификации	Наличие ученой степени по социологии и смежным научным отраслям
Оценка компетентности эксперта	Самооценка компетентности	Бланки самооценки кандидата в экспертную группу (прилагаются)
	Коллективная оценка авторитетности эксперта	Коллективная оценка авторитетности определена статусом привлекаемых к исследованию экспертов – базовые вузы города, ведущие социологические центры, Тюменская областная Дума
Цели экспертного опроса	Оценка состояния объекта исследования	Априорное ранжирование представленных направлений городского жилищного хозяйства
	Оценка причин социального явления, процесса	Не подвергается исследованию
	Прогноз тенденций развития социального процесса	Результаты будут использованы в качестве технического инструментария в процессе комплексной оценки деятельности чиновников в указанных сферах
	Выработка форм и методов решения социальной проблемы	Не определена в статусе решаемых задач

Наиболее простая и удобная форма самооценки — совокупный индекс, рассчитанный на основании оценки экспертами своих знаний, опыта и способностей по ранговой шкале с позициями «хорошо знаком с проблемой», «мало знаком», «не знаком».

В результате выполнения всего комплекса работ исследователям представилась возможность сформировать оценочные шкалы по заданным критериям (индексы), характеризующим эффективность деятельности чиновников муниципального уровня (рис. 9–13).

Линейные решения пороговых значений

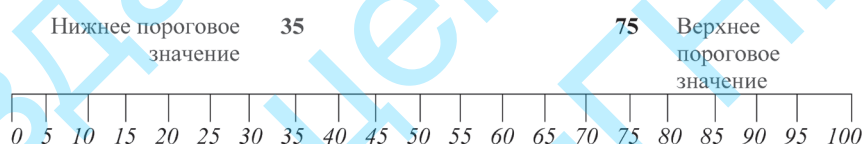

Рис. 9. Шкала по критерию «Удовлетворенность населения организацией транспортного обслуживания в муниципальном образовании»

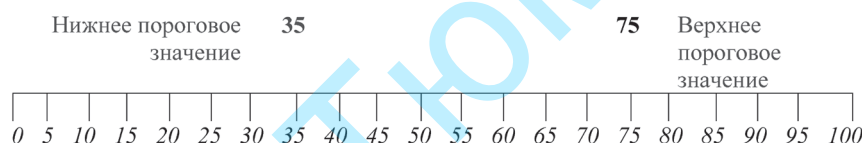

Рис. 10. Шкала по критерию «Удовлетворенности населения качеством автомобильных дорог в муниципальном образовании»

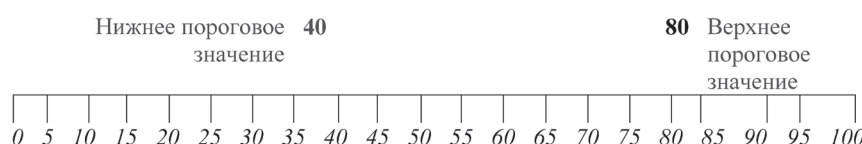

Рис. 11. Шкала по критерию «Удовлетворенность населения уровнем организации теплоснабжения (снабжения населения топливом)»

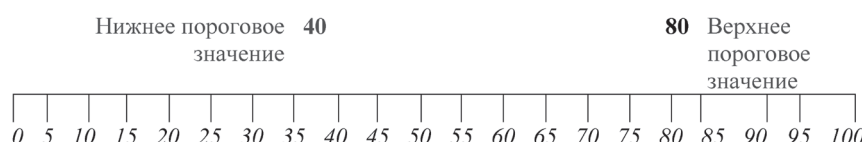

Рис. 12. Шкала по критерию «Удовлетворенность населения уровнем организации водоснабжения (водоотведения)»

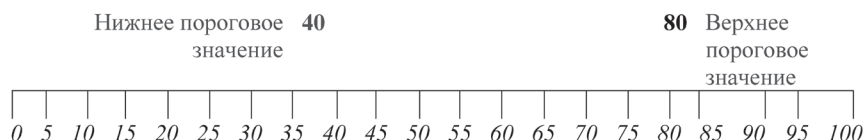

Рис. 13. Шкала по критерию «Удовлетворенность населения уровнем организации электроснабжения»

Использование вышеуказанных шкал основывается на мониторинге общественного мнения по следующим проблемам: организация транспортного обслуживания, качество автомобильных дорог, организация теплоснабжения (снабжения населения топливом), организацией водоснабжения (водоотведения), организация электроснабжения. В том случае, когда процент удовлетворенных данным параметром респондентов оказывается в диапазоне «нижнего порогового значения» — следует выносить негативное суждение о деятельности чиновника (подразделения) с последующим анализом причин, обуславливающих такое настроение местного населения.

Оценки удовлетворенности, оказавшиеся в «верхнем пороговом значении» демонстрируют не только высокое качество муниципального управления, но и должны обратить внимание контролирующих органов на детальное изучение опыта работы чиновника (подразделения) с целью его трансляции на другие муниципальные образования.

Наибольший эффект проявляется при динамичном подходе, когда контролирующие органы отслеживают качество работы в течение длительного времени (желательно за весь период деятельности чиновника) с целью фиксации латентных факторов в работе объекта наблюдения. Однако такой подход, скорее всего, будет использоваться в ближайшей перспективе.

В целом следует отметить тот факт, что во всех проведенных на сегодняшний день исследованиях использовался в качестве приоритетного метода выборочный опрос населения, причем анализировались ключевые аспекты удовлетворенности деятельностью органов местного самоуправления, исходя из позиций «лучше-хуже», при этом представляет повышенную сложность определение насколько низкие или высокие значения получены в ходе опроса. В настоящее время конкретных показателей, характеризующих некий предельный уровень низкой или высокой степени удовлетворенности, не имеется.

Киричук С. М.

ГЕНЕЗИС МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ЕГО СОСТОЯНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Принципы местной демократии

Российское общество вступило в XXI век с политическими, экономическими, культурными, социальными проблемами, перенесены методы, формы, механизмы их решения, исходя из прошлого накопленного опыта. Но этого уже недостаточно, необходим поиск новых нетрадиционных способов решения возникающих проблем. Современные российские органы управления продолжают рассматривать человеческий фактор в качестве элемента производительных сил, а утерянные в прошлом длительном периоде такие ориентиры, как благосостояние личности и социальных общностей, восстанавливаются очень медленно.

Следует отметить, что цели личностного развития являются приоритетными в политическом аспекте. Более того, участие населения в принятии решений местного и даже государственного значения все больше востребовано на всех уровнях властных структур.

«Сейчас мы видим, насколько активно и конструктивно проявляют себя граждане. Они не только ставят перед властью вопросы, но и сами участвуют в их решении, в решении проблем. Понимают, что от их личных усилий многое зависит. Воля, поступки и великодушие этих людей формируют бесценный социальный гражданский потенциал страны.

Каждый, кто готов брать на себя ответственность, должен быть вовлечен в реализацию планов развития страны, конкретных регионов и муниципалитетов. Если государство и общество действуют в одной повестке, в атмосфере сотрудничества и доверия, — это гарантия достижения успеха» — из Послания Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию 4 декабря 2014 года⁶.

Экономический детерминизм, как правило, базируется на приоритетах экономических процессов без учета их воздействия на социальные сферы жизнедеятельности общества [145].

Особую роль в развитии личности, территории страны играет местное самоуправление, в силу того, что оно непосредственно связано с интересами, потребностями личности, различных групп муниципального сообщества. Именно на местном уровне может решаться до 80 вопросов, которые ставятся жителями перед властью [76].

При трансформации политической системы всегда уделяется должное внимание совершенствованию системы местного самоуправления. Этапы развития российского государства различны, обусловлены разными историческими событиями, но всегда осуществлялись планы по строительству правового государства, эффективному государственному управлению, соблюдению прав человека. Противовесом государственному авторитаризму, а также фактором более полного удовлетворения реальных потребностей населения становилась развитая местная демократия.

Развитая реальная местная демократия должна пониматься жителями и представителями органов власти одинаково и предполагает исполнение следующих требований и условий.

Это, прежде всего, эффективное руководство местным сообществом; совместная работа над проектами развития территорий в экономическом и социальном плане, творчестве, самореализации членов сообщества; обеспечении публичных услуг, соответствующих ожиданиям жителей.

Реальная местная демократия — это не только участие в выборах (выборы на муниципальном уровне — это истина при всех обстоятельствах-догма), но и определение приоритетов, нормативов услуг, участие в формировании бюджетов, контроле их исполнения. Особая роль отводится муниципальным служащим как профессионалам, стремящимся к завоеванию авторитета и признания у жителей.

Подготовка кадров и повышение их квалификации — основополагающая часть повышения эффективности работы органов местного

самоуправления на принципах местной демократии. Если специалисты не обладают реальными полномочиями, ресурсами для качественного оказания услуг населению, то любое обучение не будет приносить пользу. Избранные лица (главы, мэры, депутаты) не должны работать от выборов до выборов и ради очередной победы на них. Они должны иметь правовую защиту и не бояться потери работы. Необходимо трудиться по реализации приоритетов, определенных жителями, тогда и обучение будет полезным, а значит, и работа будет эффективной.

Важно, чтобы представители органов государственной власти (особенно в регионах) разделяли такие взгляды на местную демократию. Они должны закреплять эти взгляды в законодательстве, использовать при взаимодействии, помнить, что местная власть — это не подчиненная государственному служащим структура, а паритетный служитель народу — единственному носителю власти.

Внедрение и соблюдение этих принципов — залог развития эффективного местного самоуправления. Демократия, местное самоуправление, управление, концепции, стратегии, законодательство — это необходимые условия для концентрации усилий на достижении результатов по улучшению качества жизни, которое объективно может быть оценено только самим населением.

Опрос жителей города Тюмени в январе 2013 года, проведенный Центром стратегических исследований компании Росгосстрах [524], показал: 96 тюменцев назвали свой город комфортным для проживания. В пятерке лучших городов — Пенза, Набережные Челны, Кемерово, Томск. А условиями жизни в Новокузнецке довольны только 56 жителей, Кургане — 57. Оценка работы органов местного самоуправления пяти лучших городов очень высока, но это оценка работы всех уровней власти, взаимодействия с населением, а главное — это оценка самих себя.

Эффективное местное самоуправление — это качественное оказание публичных услуг, участие жителей в принятии общественных решений, возможность контроля качества работы избранных органов местного самоуправления, подотчетность муниципальных органов власти жителям территории в большей степени, чем органам государственной власти. При этом сохраняется приоритет создания условий для решения вопросов местного значения, органы местного самоуправления должны строить свою работу, укрепляя основы государства во благо защиты интересов населения страны в целом.

Местное самоуправление (МСУ) в России имеет большую историю: народное вече, реформы Екатерины II, Александра I, Александра II, советский период.

⁶ Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию 4 декабря 2014 года.

Концепции местного самоуправления

Современная управленческая и законодательная практика рассматривает местное самоуправление как один из видов политических процессов, свойственный городскому муниципальному уровню организации жизнедеятельности конкретного типа населения. Теоретические концепции разделяют местное управление и местное самоуправление, считая их разными этапами управленческой деятельности властных структур. Э. Г. Соловьев пишет о том, что местное управление представляет собой местный уровень управления территориями в составе государства, а также управление государственной собственностью, подведомственной этим территориям. Раскрывая генезис местного управления, Э. Г. Соловьев отмечает, что в древности, в Средние века функции местного управления осуществляли наместники царей и императоров при помощи определенного штата чиновников и военного персонала. Несколько по-иному складывалась система местного управления в раннегосударственных образованиях Древнего Египта, империи Александра Македонского, где оно обязано было обеспечить целостность государства и перераспределение ресурсов завоеванной периферии к ее историческому центру. Римская империя, а также первые абсолютистские государства Европы превратили местное управление в проводников общегосударственной политики с задачей обеспечения мобилизации людских и материальных ресурсов для выполнения государственных функций [308].

Характеризуя местное самоуправление, Э. Г. Соловьев отмечает, что оно представляет собой управление всей совокупностью дел, отнесенных к компетенции местных органов власти. В первую очередь это административно-хозяйственные вопросы, которые затрагивают проблемы жизнеобеспечения соответствующих территорий, решение социальных, экономических, экологических, политических и иных проблем. Экономическую основу местного самоуправления составляют налоговые отчисления, которые определяются законом, и муниципальная собственность. Местное самоуправление является обязательным законодательно установленным элементом государственного управления [16].

Представляется, что такие принципы различия местного управления и местного самоуправления являются нечеткими. В данной трактовке местное самоуправление есть не что иное, как низший уровень государственных форм управления, отличающийся от федерального и регионального только лишь отсутствием законодательных полномочий. Структура местного самоуправления, выборы его субъектов (управленческий аппарат), права и обязанности, взаимодействие с населением

идентичны первым двум уровням. Федеральный Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ от 06.10.2003 г. утвердил новые формы местного управления, которые можно назвать элементами самоуправления.

Муниципальные реформы XIX века основывались на фундаменте, который закладывался для них уже в Средние века. Средневековые города с их административным, финансовым и судебным управлением, купленным или отвоёванным у феодальных властей, в панцире сословного городского самоуправления несли зародыш буржуазного муниципализма. В России примером сословного самоуправления является Новгород с его «вече».

Взаимоотношения личности и государства, местных обществ и центра в условиях демократического, правового государства принципиально иные, нежели в абсолютистском государстве. Поэтому вполне естественно, что местное самоуправление, предполагающее известную автономию, обособленность в системе государственной власти, становится лозунгом политических движений и правовых реформ прошлого века.

Земская и городская реформы

Развитию местного самоуправления в России дали толчок земская и городская реформы Александра II, хотя зачатки земского и городского самоуправления просматриваются и на более ранних этапах исторического развития российской государственности. Земская реформа Ивана IV, призванная уничтожить опустошавшую страну систему кормлений, предоставила широкие полномочия «земским» и «губным» старостам, избираемым населением. В задачу земских и губных властей входило преимущественно выполнение поручений центрального правительства по управлению (прежде всего сбор налогов). Решение ими местных проблем считалось второстепенным делом. Однако несомненным прогрессивным элементом реформы было внедрение выборного начала во всех сферах управления.

Начала земской системы местного управления наряду с бюрократической и сословной существовали и при Петре I. В 1708 году Петром I было создано восемь губерний, а к концу царствования число их дошло до двенадцати. Все управление губернией находилось в руках коронных чиновников — местное общество не принимало в нем никакого участия [145]. Для обеспечения эффективности и стабильности финансовых поступлений в казну в каждой губернии выбирался совет ландратов (ландратские коллегии были перенесены Петром из Остзейских провинций), которые вместе с губернатором обсуждали и решали также и губернские дела. То или другое

решение принималось большинством голосов, причем должен был подчиняться этому большинству и губернатор.

На практике петровский указ о выборности ландратов остался реформой на бумаге: оставаясь выборными по закону, ландраты фактически превратились в собрания чиновников, назначаемых губернатором и подчиненных ему.

С 1719 г. Петр предпринял новую реформу, которая привела к еще большей бюрократизации страны и централизации административной системы. Ландратские коллегии были упразднены, а вместо них в центре введены центральные коллегии. Губернии разделены на провинции, провинции на дистрикты. Во главе провинций и дистриктов поставлены коронные чиновники, назначаемые из центра и подчиненные только центру. Перед бюрократией были поставлены самые широкие задачи: не только правосудие и безопасность жителей, но и образование, благотворительность, медицина, поощрение торговли и промышленности — все это возлагалось на администрацию. Такая задача ввиду ее сложности и разнообразия оказалась не по плечу полицейско-приказной структуре управления. Попытки Петра регламентировать и упорядочить русскую жизнь, подчинив окраины крепкой центральной власти, потерпели крушение. Не будучи в состоянии дисциплинировать администрацию и справиться с многочисленными правонарушениями, допускаемыми чиновниками на каждом шагу, Петр обращается к местному самоуправлению, но и тут его реформы терпят неудачу. С 1714 г. он учреждает выборную должность земского комиссара для сбора нового налога — подушной подати. Земский комиссар выбирался местным дворянским обществом сроком на 1 год, был ответственен перед своими избирателями и даже подлежал суду за упущения по службе. Но скоро и эта должность утратила свою независимость от коронной администрации и всецело подчинилась ее влиянию.

К Петру же восходят и первые попытки устройства на новый лад, по западноевропейскому образцу, городской жизни. В 1699 году им были изданы Указы об учреждении Бурмистерской Палаты в Москве и об открытии Земских изб в остальных городах, а в 1718–1724 гг. они были заменены магистратами. Эти меры имели своей целью устранение местных приказных властей от вмешательства в дела посадских общин. Как и земские избы, магистраты являются почти исключительно учреждениями судебными и административно-финансовыми. На них возлагалась обязанность наблюдения как за раскладкой государственных сборов и пошлин, так и за их сбором. Кроме того, на магистраты предполагалось возложить наблюдение за внутренним порядком и благоустройством в городе, однако в действительности это осуществлено не было.

Права, предоставленные магистратам, были очень скромны. Главным из них было право раскладки податей и повинностей, осуществляемое через старост и старшин с согласия всех граждан. Но права самообложения и самостоятельного расходования собранных сумм магистраты не получили. Число членов магистрата зависело от того, к какому разряду принадлежал данный город. В городах первого разряда магистраты состояли из четырех бурмистров и одного президента, стоявшего во главе их, а в городах последнего (пятого) разряда коллегиальное учреждение заменялось единоличной должностью бурмистра. Выбираемые населением члены коллегиальных присутствий поступали в полное распоряжение центральной правительственной власти, и все значение выборов сводилось лишь к тому, что население должно было поставлять для правительства из своей среды исполнительных агентов с ручательством за их исполнительность.

«Приказ общественного призрения»

Новая коренная реформа в области земского и городского управления последовала затем в конце XVIII века при Екатерине II; эта реформа оставила гораздо более глубокие следы, чем попытки Петра I, как в российском законодательстве, так и в последующей практической деятельности городских и земских учреждений.

Обратить внимание на эту сторону русской общественной жизни Екатерину II заставили бесчисленные злоупотребления администрации и широко распространившееся недовольство населения. В 1766 г. Екатерина издает манифест об избрании в комиссию депутатов от всех местностей и должностей для обсуждения местных нужд. Дворяне высылали от каждого уезда по депутату; городские обыватели по одному от города; прочие сословия и звания — по одному от своей провинции.

Наиболее важные реформы нашли свое отражение в первой части «Учреждения для управления Губерний Всероссийской Империи», изданной 7 ноября 1775 г. Империя делится Учреждением о губерниях на крупные местные единицы губернии, а те, в свою очередь, на более мелкие — уезды. Учреждение касается также городов и посадов. Екатерина хотела дать особый устав и крестьянству, но не успела этого сделать, так что волости и сельские общества не затрагиваются ее законодательством. Для заведования местным благоустройством законодательство Екатерины создало всесословный «Приказ общественного призрения» [145]. Дворянство было признано местным обществом — корпорацией, причем территориальными пределами этого общества были признаны границы губернии. Оно получило право периодических собраний, выбирало из своей среды: губернского

и уездного предводителей дворянства, секретаря дворянства, десять заседателей верхнего земского суда, уездного судью и заседателей, земского исправника и заседателей нижнего земского суда. Подобным образом Екатерина II стремилась создать из всех сословий ряд местных организаций («сословных обществ»), предоставив им известные права «по внутреннему управлению сих обществ», а также возложив на эти организации осуществление большинства задач местного управления. Разделив империю на губернии и уезды, поставив во главе губерний наместников и создав органы местного самоуправления, где заседали наряду с коренными чиновниками и местные выборные люди, Екатерина стремилась провести принцип децентрализации власти и создать отдельные самоуправляющиеся единицы на местах. В статьях Жалованной грамоты городам впервые устанавливалось в русском городе всесословное «общество градское», которое должно было включать в себя всю совокупность постоянного населения города и принадлежность к которому обуславливалась не сословным положением, а известным имущественным цензом. «Общество градское» должно было избирать из своего состава всесословную думу, которой вверялось заведование городским хозяйством. Общая дума избирала затем из своей среды так называемую шестигласную думу, на долю которой выпадала наиболее интенсивная деятельность по заведованию текущими городскими делами. В состав этого учреждения входили городской голова и шесть гласных, по одному от каждого из шести разрядов городского общества. В ведении шестигласной думы был тот же круг дел, что и для общей думы; разница состояла лишь в том, что последняя собиралась для рассмотрения более сложных и трудных вопросов, а первая учреждалась для повседневного отправления текущих дел.

Кроме указанных органов Положением 1785 г. устанавливается также еще так называемое «собрание градского общества», на котором могли присутствовать все члены градского общества, но право голоса, как и пассивное избирательное право, имели только горожане, достигшие 25-летнего возраста и обладавшие капиталом, проценты с которого приносили не менее 50 рублей, то есть в сущности лишь купцы первой и второй гильдии. В компетенцию этого собрания входило: выборы городского головы, бургомистров и ратманов, заседателей губернского магистрата и «совестного» суда (посословные суды, существовавшие до 1828 г.), старост и депутатов; представление губернатору своих соображений «о пользах и нуждах общественных»; издание постановлений; подача ответов на предложения губернатора; исключение из городского общества гражданина, опороченно-

го по суду или запятнавшего себя «всем известными пороками» и некоторые другие вопросы.

В начале 1786 г. новые учреждения были введены в Москве и Петербурге, а затем — и в остальных городах империи. Однако в большинстве уездных городов вскоре было введено упрощенное самоуправление: непосредственное собрание всех членов градского общества и при нем небольшой выборный совет из представителей разных групп городского населения для отправления текущих дел. В небольших городских поселениях коллегиальное начало совсем уничтожалось, и все самоуправление было представлено в лице так называемых «городовых старост».

На первый взгляд Жалованная грамота городам производит впечатление широко задуманной реформы, однако в действительности результаты ее, как и реформы, заложенной в Учреждении о губерниях, оказались довольно скромными. Местное самоуправление времен Екатерины постигла та же участь, какой подверглись петровские ландтаги и земские комиссары. Вместо того, чтобы подчинить администрацию контролю местных выборных органов, Учреждение о губерниях, наоборот, предоставляет привыкшей к власти и произволу бюрократии право контроля и руководства над молодыми, вновь созданными учреждениями, в связи с чем роль новых органов самоуправления оставалась крайне незначительной вплоть до реформы 1864 года, когда были введены земские и новые городские учреждения.

Несмотря на это, значение реформ Екатерины трудно переоценить: если реформы Петра при отдельных попытках вызвать общество к проявлению самостоятельности в общем сводились к централизации и насаждению бюрократизма, то законодательные акты Екатерины были направлены на децентрализацию власти и создание местного общественного управления, с которым приходилось разделять свою власть коронным чиновникам.

Именно законодательство Екатерины II можно считать первой попыткой формирования российского муниципального права.

Реформы городского самоуправления конца XIX века

Несколько лучшая судьба сложилась у наиболее прогрессивной реформы городского самоуправления, объявленной с утверждением Александром II 16 июня 1870 г. Городового положения [145].

Городовым положением 1870 г. избирательное право, как активное, так и пассивное, предоставлено было каждому городскому обывателю к какому бы состоянию он ни принадлежал, если он был русским подданным, имел не менее 25 лет от роду и владел в пределах города какой-нибудь

недвижимой собственностью или же уплачивал в пользу города сбор со свидетельств: купеческого, промыслового на мелочной торговле (лицензию на право мелкой торговли) и т.п. Таким образом, каждый, кто владел хоть крошечным домиком, кто в качестве торговца или ремесленника платил в казну города, пользовался правом не только избирать, но и самому быть избранным в гласные.

К недостаткам Городового положения 1870 г. можно отнести заимствование прусской трехклассной избирательной системы. Согласно закону, все лица, имеющие право участия в выборах, вносились в списки в том порядке, в каком они следуют по сумме причитающихся с каждого из них сборов в доход города; затем они делятся на три разряда. К первому разряду причислялись те горожане из показанных в начале списка, которые уплачивали вместе одну треть общей суммы сборов со всех избирателей; ко второму — следующие за ними по списку, уплачивающие также треть сборов; к третьему — все остальные. Каждый разряд составлял особое избирательное собрание под председательством городского головы и выбирал одну треть гласных в городскую думу.

Что же касается внутренней организации городского управления, то она была достаточно рациональной. Распорядительные функции были предоставлены городской думе; исполнительным органом, действующим в рамках, отведенных ей думой, стала управа. Распределение занятий и порядок действий управы и подчиненных ей органов устанавливались инструкцией, издаваемой думой. Члены управы избирались думой и не нуждались в утверждении администрацией. Постановлением думы члены управы могли быть отстранены от должности и преданы суду. Городской голова также избирался думой, но утверждался в должности губернатором или министром внутренних дел (в зависимости от ранга города). Городской голова, как правило, занимал руководящее место не только в управе, но и являлся также председателем думы.

Лучшей стороной реформы 1870 г. было предоставление городскому общественному управлению сравнительно широкой самостоятельности в ведении городского хозяйства и решении местных дел. Утверждению губернской администрацией или в некоторых случаях Министерством внутренних дел подлежали лишь наиболее важные постановления думы (как правило, финансовые). Огромное же большинство дел, в том числе и годовые сметы, решались думой окончательно и не нуждались ни в чем утверждении. На губернатора возлагался надзор лишь за законностью действий органов городского самоуправления. Судебную защиту городского самоуправления должны были обеспечивать губернские по городским делам

присутствия. В состав губернского по городским делам присутствия входили: губернатор, вице-губернатор, председатель казенной палаты, прокурор окружного суда, председатель губернской земской управы, городской голова губернского совета и председатель мирового съезда.

Но при всех своих недостатках Городовое положение 1870 г. все же являлось крупным шагом вперед по сравнению с предшествующим периодом и с той ситуацией, в которой оказалось городское самоуправление в конце XIX — начале XX веков.

Идеи централизма и укрепления самодержавия

Годы царствования Александра III выдвинули на политическую арену идеи централизации и укрепления принципа бюрократического самодержавия. 12 июня 1890 г. было опубликовано новое Положение о земских учреждениях, утвержденное Александром III, восстановившее сословность избирательных групп и, благодаря изменению ценза, еще более усилившее представительство от дворян. По новому Положению в первую избирательную группу входили дворяне потомственные и личные, во вторую — прочие избиратели и юридические лица, в третью — крестьяне. Губернские гласные, как и прежде, избирались на уездных земских собраниях, в губернское собрание обязательно включались все уездные предводители дворянства и председатели уездных земских управ (с 1890 г.). Благодаря реформе 1890 г. дворяне получили абсолютное превосходство. Состав губернских гласных в 1897 г. например, по условиям складывался так: дворяне и чиновники — 89,5, разночинцы — 8,7, крестьяне — 1,8.

Новое Положение фактически отрицало всякую связь с идеей местного самоуправления. По Положению 1890 г. были лишены избирательных прав: духовенство, церковный причт, крестьянские товарищества, крестьяне, владеющие в уезде частной землей, лица, имеющие купеческие свидетельства, владельцы торговых и промышленных заведений, а также евреи. Сельские избирательные съезды были упразднены, гласные назначались губернатором из числа кандидатов, избранных волостными сходами. Был по существу уничтожен принцип выборности управ, вводился порядок утверждения не только для председателя управы, но и для всех членов управы, причем земские собрания лишались права обжаловать неутверждение. Председатели и члены управ числились состоящими на государственной службе, в председатели управ не могли избирать лиц, не имеющих права на государственную службу. Последнее обстоятельство особенно отозвалось на окраинах, где председателями управ были, как правило, крестьяне или купцы.

Из положительных приобретений, привнесенных Положением 1890 г., необходимо отметить:

- расширение круга лиц, подлежавших избранию в председатели и члены управ (ими могли быть не только гласные, но и вообще лица, имеющие избирательный ценз);
- некоторое увеличение компетенции земств, перечня предметов, по которым земства могли издавать обязательные постановления;
- восстановление почти в полном объеме права земств на бесплатную пересылку корреспонденции.

К ограничительным же мерам, направленным на уменьшение самостоятельности земских органов, относится лишение уездных собраний права непосредственных, помимо губернского земства, ходатайств перед правительством. Прежний порядок возбуждения ходатайств был восстановлен только законом от 2 февраля 1904 г.

Участь земских учреждений в 1892 г. постигла и городское самоуправление. Городовое положение 1892 г. значительно урезало избирательное право для горожан, что привело к уменьшению числа избирателей в 6–8 раз (до 0,5–2 всего городского населения). Вместе с тем сокращено было и число гласных (примерно в 2 раза). Произошли также изменения и во внутреннем устройстве органов городского управления: управа была поставлена в более независимое от думы положение, права городского головы как председателя думы значительно расширены за счет прав гласных, дума лишена была права отдавать под суд членов управы. Вместе с тем новое Городовое положение приравнивало выборных должностных лиц городского управления к правительственным чиновникам и ставило их в дисциплинарную зависимость от администрации. Городские головы и члены управы считались состоящими на государственной службе, губернатор получил право делать им предписания и указания, а губернское по городским делам присутствие могло устранять их от должности, дума же этого права была лишена.

Реформа 1890–1892 гг. отбросила устройство местной власти в России далеко назад. Если Городовое Положение 1870 г. во многом напоминало тот порядок, который существовал в городах Западной Европы, то законы 1890–1892 гг. внесли такое ограничение избирательного права и такое вмешательство в местные дела со стороны администрации, каких не знало в то время ни одно цивилизованное государство.

Реально действующее земство не продержалось и 25 лет. Однако нельзя не признать, что к концу 70-х гг. наступил кризис земских учреждений. Лишенные инициативы, задушенные произволом администрации земства работали как бы по инерции. Многие из гласных настолько утратили

интерес к своей общественной обязанности, к тому же довольно обременительной, что перестали посещать заседания земских собраний. Исполнение земских дел в управах, при отсутствии должного контроля со стороны гласных, принимало все более формальные формы, не связанные с решением реальных проблем населения. Земства быстро превращались в еще одну «начальственную» надстройку, существующую за счет дополнительных поборов с населения.

Неожиданный для властей общественный подъем 1904–1905 гг. поставил вопрос о преобразовании всего государственного строя на конституционных началах. 6 августа 1905 г. было издано положение о законосовещательной Государственной думе, а 17 октября Высочайшим манифестом Николая II на правительство была возложена задача «установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы, и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей».

С открытием деятельности новых законодательных органов вопрос о реформе земского и городского самоуправления был выдвинут на первый план. Однако ни первая, ни вторая Государственная дума не успела дойти до рассмотрения вопроса о земской и городской реформе вследствие преждевременного роспуска, хотя во вторую Думу был внесен правительством проект положения о поселковом и волостном управлении, кадетами — о выборах (омских гласных), а министерством внутренних дел готовился к внесению в Думу также проект общей земской реформы.

От «Особого совещания» до Советов как органов общегосударственной власти

Последняя в дореволюционное время попытка повысить роль самоуправления в государстве, реформировать систему земского и городского самоуправления, расширив право их учреждений, была предпринята Временным правительством.

3 марта 1917 г. Временное правительство приняло декларацию, где во главу предстоящих преобразований ставилась реформа местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права. Было созвано Особое совещание по реформе местного самоуправления при Министерстве внутренних дел под председательством С.М. Леонтьева. Начав работу 26 марта, совещание за 6 месяцев выработало основной пакет документов, большинство из которых получило утверждение Временного правительства [145].

Грандиозная работа по созданию муниципального законодательства была проведена в кратчайшие сроки. Необходимо все же заметить, что

решение задачи создания такого законодательства вряд ли было бы осуществлено в столь короткие сроки, если бы не огромный опыт и многочисленные проекты, накопленные земцами в ходе бесконечных попыток реформировать устройство российской местной жизни в последние десятилетия существования Российской империи.

Октябрьская революция положила начало новому этапу развития местных органов власти. По мере распространения революции на территории страны происходил слом старых и создание новых местных органов власти.

В первую очередь были упразднены представители буржуазного временного правительства; власть комиссаров Временного правительства юридически была ликвидирована актами 11 Всероссийского съезда Советов; сословные органы также были упразднены.

Уездные и волостные земства действовали в период установления советской власти параллельно с Советами вплоть до 1920–1921 гг. Вызвано это было тем обстоятельством, что до революции в их руках сосредоточилось управление коммунальным хозяйством, обеспечение продовольствием, местным транспортом, просвещение, здравоохранение. Советы не могли сразу взять на себя эти сложные и жизненно необходимые функции, они овладевали ими постепенно. Для организации передачи местного хозяйства был создан специальный комиссариат по местному самоуправлению.

24 декабря 1917 г. последовало обращение народного комиссариата по внутренним делам ко всем советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов «Об организации местного самоуправления», где Советы призывались смелее и решительнее брать решение местных вопросов в свои руки. В условиях установления единообразной структуры и компетенции местных Советов НКВД издает в декабре 1917 года инструкцию «О правах и обязанностях советов». В ней определялись основные полномочия местных Советов. В инструкции определялись не только полномочия Советов, но и порядок формирования их исполнительных органов.

С момента принятия вышеупомянутой инструкции начинается ликвидация земских и старых городских органов и передача их функций Советам. Уже к 1 апреля 1918 г. было распущено более 77 городских дум.

Анализ Конституции РСФСР 1918 года позволил сделать вывод о том, что в ходе разработки и принятия Конституции было отброшено представление о местных Советах как об органах местного самоуправления. Конституционное закрепление получил принцип, согласно которому местные Советы являются органами общегосударственной

власти на местах, обеспечивающими выполнение решений центральных органов и обладающие полномочиями решать все вопросы местного значения.

Краткое изложение этапов развития в России местного управления с признаками местного самоуправления позволяет сделать вывод, что все реформы, касающиеся укрепления основ самоуправления в местных сообществах (городах, волостях, уездах) имели перспективные (благие) цели, однако ни одна из них не была доведена до состояния, когда «поворот» назад уже невозможен. Где-то наблюдался недостаток политической воли, где-то ощущался страх потери власти, где-то присутствовали объективные причины (войны, революции, экономические спады).

Пример строительства местного самоуправления в Европе показывает, что этот институт в обществе востребован. Конец XX и начало XXI вв. в России насыщен политической, организационной работой по поиску лучших путей организации местного самоуправления. Через свои ошибки, через опыт свой и других стран Российская Федерация настойчиво движется по вектору развития местной демократии, а на ее основе — к эффективному местному самоуправлению.

Реформы местного самоуправления на современном этапе

Реформы продолжаются и в современной России. С 1991 года издано более 6 тысяч нормативных актов, касающихся проблем местного самоуправления. Юридическая не останавливается и, выявляя некоторые коллизии в законодательстве, вновь и вновь «уточняет» основы МСУ. Что, впрочем, улучшает законодательство, но не дает эффекта укрепления МСУ в целом. Очередная «забота» о главном (высшем) должностном лице в муниципалитете отвлекает жителей и чиновников от действительно важных проблем экономико-финансовой несбалансированности с возложенными обязанностями, отсутствием эффективной системы подготовки кадров для МСУ. Как устроено местное самоуправление в России? Факты из российской истории МСУ, нынешние «западные», из современных отечественных реалий заставляют задавать вопрос, почему оно устроено так, а не иначе.

Новые российские власти начала 90-х гг. XX века увидели, как много значения придается местному самоуправлению в Европе.

Еще в 1957 году была создана Постоянная конференция местных и региональных властей Европы, а с 1994 года Конгресс этих властей (КМРВСЕ) [223], куда входят практически все европейские государства.

1997 год — год внедрения важных документов и структур в самоуправлении: Совет по местному

самоуправлению Российской Федерации, Указ № 568 «Об основных направлениях реформы местного самоуправления в Российской Федерации», создано Управление Президента РФ по вопросам местного самоуправления.

Активно начали работать общероссийские, межрегиональные, региональные и отраслевые союзы и ассоциации местных властей. В апреле 1998 года ратифицирована Европейская хартия местного самоуправления.

Европейская хартия местного самоуправления ратифицирована, то есть Россия приняла на себя все обязательства, изложенные в Хартии МСУ. Очевидно, что законодательство Российской Федерации отвечает требованиям Хартии МСУ. Более того, не все государства — члены Совета Европы, подписавшие Хартию, закрепили в Конституции своих государств столь обширно и так четко принципы местного самоуправления, как Россия [103].

Исследуя возможность исполнения статьи 3 Хартии «Понятие местного самоуправления», можно сделать вывод, что *реальная способность органов местного самоуправления регламентировать и управлять значительной частью государственных дел, действуя в рамках закона и в интересах местного населения*, не может быть исполнена из-за недостаточности ресурсов: финансовых, кадровых, организационных. Эти проблемы испытывают большинство муниципалитетов, в меньшей степени это касается *городских округов*.

Статья 6 Хартии МСУ предполагает консультации при принятии любых решений, непосредственно касающихся органов МСУ. Однако формы и порядок этих консультаций в РФ не определены. Можно предположить, что законодатель, внося в Федеральный закон от 06.10.2006 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», положения об образовании Советов муниципальных образований (СМО), полагал, что эти институты станут инструментом диалога, взаимодействия, равноправного сотрудничества органов местного самоуправления и органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов.

Такие СМО действуют в субъектах РФ с 2007 года, образован ими и единый орган — ОКМО — Общероссийский Конгресс муниципальных образований. Однако утверждать, что диалог и взаимодействие между государством и муниципалитетами паритетный рано. Для решения этого вопроса нужны настойчивость и терпение, тем более что во многих субъектах РФ действуют законы, закрепляющие права СМО, а в 2014 году Правительство РФ приняло решение о методах взаимодействия с Конгрессом [253].

Анализ исполнения Хартии МСУ в России показывает необходимость более тщательного

исполнения законодательства уже принятого, без попыток что-то все время менять, уточнять.

Конституцией РФ гарантировано местное самоуправление на всей территории, определено, что органы местного самоуправления самостоятельны в решении вопросов местного значения. Статья 130 и другие развивают и усиливают положения об институте местного самоуправления.

Владимир Владимирович Путин Указом от 10.06.2012 № 805 установил День местного самоуправления, который отмечается 21 апреля. В то же время следует признать, что институт местного самоуправления в современной России не имеет однозначного понимания. Период советской власти (1917–1990 гг.) сформировал свое представление о местной власти, которая работала исходя из принципа демократического централизма и «вертикали» власти.

Местные Советы депутатов, исполнительные органы были подчинены «сверху» «донизу». Это не плохо и не хорошо — это было в тот исторический период. Одно ясно — это было не местное самоуправление. И вчера, и сегодня в органах местного самоуправления работали и работают в большинстве своем специалисты, «впитавшие» дух подчиненных, умение выполнять команды «сверху» и выполнять хорошо. Но вот роль «слуги народа» в прямом смысле в большинстве своем они так и не освоили.

Конституция Российской Федерации (Ст. 3) определяет источник власти — народ. Одной из форм осуществления власти народом (народовластия) выступает местное самоуправление. Чем больше участвует народ (жители) в решении вопросов местного значения, тем лучше. Так ли это? А может быть так, что все участвуют, а муниципальное образование не развивается? Как взаимодействуют местные и государственные органы власти.

Позитивным является расширение полномочий субъектов Федерации в сфере институциональных вопросов местного самоуправления — Федеральный закон Российской Федерации от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 263 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Это компетенции в организации, вопросах местного значения, финансах, территории. Но учитывая большую зависимость в финансово-бюджетной сфере регионов от Российской Федерации, возникает озабоченность возможностью регионов принимать положительные решения в местном самоуправлении.

Надо признать, что многие из российских жителей толком не понимают, почему самоуправлению в Европе придается такое непомерно большое значение. Ну, демократия — да, рынок — ладно, права человека — как же без них. Но почему в этот ряд европейцы ставят муниципальное самоуправление?

Такое недопонимание происходит потому, что самоуправление у нас в России стойко ассоциируется с подметанием подъездов и озеленением дворов — то есть с той свободой, которую оставляла человеку советская власть.

Самоуправление настолько прочно ассоциируется в массовом сознании с собраниями жильцов, что даже неприлично подумать о том, чтобы передать собраниям власть в городе. Хороший, солидный мэр воспринимается именно как городская власть, а не какое-то там самоуправление.

В Европе муниципальная общность людей это и соседская община, и объединение единомышленников, и генератор общественного мнения, и коллективный воспитатель, и коллективный социальный педагог, и — не в последнюю очередь — коллективный менеджер, способный распорядиться собственными делами.

Иначе говоря, западное самоуправление, которому несколько веков, начинается с престижа твоего района или поселка. У него есть собственное лицо. Им гордятся жители. И всегда готовы что-то сделать для своего «муниципального образования». Муниципальный депутат — это уважение, ответственность. Это барометр политического состояния территории.

Можно ли скопировать такой образ жизни в России? Скопировать нельзя. Но заимствовать можно многое — для пользы дела. Нам не следует повторять или копировать западный мир, но и не надо двигаться самобытным образом, заново изобретая все уже опробованное. Скопировать образ жизни какого-либо европейского народа невозможно, не отказываясь от собственной истории, культуры и менталитета, поскольку так называемое «самоуправление» — это именно образ жизни народа у себя дома, соответствующий его образу мысли и условиям, в которых он живет.

Есть авторы, которые считают, что надо вернуться к идее земств. Другие — что надо воспроизвести систему местных советов, существовавшую в СССР. И то, и другое кажется патристическим — ведь земства и советы представляются как сугубо отечественные изобретения. Но сторонники возрождения земств всячески превозносят их достижения, деликатно умалчивая о недостатках, которые сводят на нет всю затею. Если и что-то брать из советской системы власти, так это подготовку, подбор и расстановку кадров. Можно взять отдельные приемы из опыта земств, особенно в образовании и здравоохранении.

Проблемы оценки состояния местного самоуправления

Выше изложенное только в общих чертах характеризует период и ситуацию, в которых развивается местное самоуправление в современной России.

Но даже эта характеристика позволяет сделать вывод: оценить объективно состояние местного самоуправления в стране очень сложно. Об этом говорит анализ предложений Советов муниципальных образований об организации работы по оценке состояния местного самоуправления, проведенный Общероссийским Конгрессом муниципальных образований (ОКМО).

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации Конгрессу (ОКМО) поручено готовить и представлять доклад о состоянии местного самоуправления в стране.

Для подготовки доклада ОКМО в Правительство РФ в качестве одного из возможных вариантов получения необходимой информации рассматривается возможность проведения экспертного опроса в субъектах РФ. Могут ли Советы муниципальных образований организовать качественное проведение такой работы. С этой целью проведен опрос советов муниципальных образований субъектов РФ. В анкете ставились вопросы с целью получения:

- 1) информации о наличии у них возможностей для формирования группы экспертов разной профессиональной принадлежности (представители органов государственной власти, органов МСУ, научных организаций, вузов, политических партий, общественных организаций, региональных и муниципальных СМИ и пр.), обладающих компетенцией, необходимой для оценки состояния МСУ в соответствующем регионе;
- 2) предложений о том, какие показатели следует оценивать в ходе экспертного опроса для получения объективной картины о состоянии МСУ в регионах России.

Получены ответы от 50 советов муниципальных образований субъектов РФ (более 60)⁷. Большинство Советов сообщило о возможности формирования экспертной группы разной профессиональной принадлежности. Более того, 17 региональных советов уже подготовили списки экспертов.

Анализ списков экспертов, представленных перечисленными советами показывает, что в их состав включены эксперты следующих категорий:

- 1) представители органов местного самоуправления;
- 2) представители органов государственной власти субъектов РФ;

⁷ Анализ предложений СМО об организации работы в целях подготовки доклада ОКМО

- 3) преподаватели и руководители региональных вузов;
- 4) общественники (члены региональных общественных палат, функционеры ВСМС, представители ТОС);
- 5) представители региональных СМИ.

При этом в предложенных списках преобладают эксперты первых двух категорий, в связи с чем, для получения репрезентативных результатов опроса целесообразно при его подготовке установить для СМО квоты для экспертов разных категорий (например, по 3 представителя от государственной власти и от органов МСУ, по 2 от высшей школы, СМИ, общественников и бизнеса).

В качестве показателей, которые следует использовать в ходе экспертного опроса для получения объективной картины о состоянии МСУ в регионах России, советы предложили:

- 1) показатели, закрепленные в Указе Президента Российской Федерации от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов»;
- 2) статистические показатели, позволяющие оценить уровень развитости (обеспеченности) муниципальных образований. Например, СМО Пензенской области предложил перечень из 43 показателей, разделенных на 9 категорий.
- 3) качественные показатели, на основе которых эксперты могли оценить состояние местного самоуправления.

Например, СМО Республики Дагестан предлагает такие критерии, как:

- удовлетворенность населения решением земельных вопросов;
- удовлетворенность населения по вопросам жилищно-коммунального хозяйства;
- состояние дорожной сети и качество транспортного обслуживания населения;
- качество предоставления муниципальных и государственных услуг по принципу «единого окна» через многофункциональные центры (МФЦ).

СМО Ленинградской области обращает внимание на то, что «показатели должны носить оценочный характер (лучше, хуже, без изменений)». В частности, этим Советом предлагаются следующие критерии оценки:

- оценка территориальной структуры местного самоуправления;
- оценка компетентности, эффективности и качества работы муниципальных служащих представительных и исполнительных органов местного самоуправления;
- оценка ресурсов (материальных и финансовых) местного самоуправления для решения вопросов местного значения;

- оценка отраслевой деятельности органов местного самоуправления (ЖКХ, благоустройство, образование, здравоохранение, культура, физическая культура и спорт, молодежная политика и т.д.);
- оценка взаимодействия органов местного самоуправления со структурами гражданского общества.

В ответе СМО Ульяновской области отмечается: «В целом система оценки эффективности деятельности органов власти должна отражать реальное соотношение затраченных ресурсов к полученным результатам. Формализация показателей, позволяющих сделать такой вывод, является трудоемкой задачей, которая не может быть решена без привлечения к совместной работе представителей органов управления отраслями, подлежащими оценке, и представителей научных организаций, специализирующихся на создании систем оценки эффективности».

А что же понимать под состоянием местного самоуправления? Если под состоянием местного самоуправления, подлежащим экспертной оценке, понимается исключительно социально-экономическое развитие территорий муниципальных образований субъекта РФ, такую оценку целесообразно осуществлять на основании данных государственной статистики, однако такой подход не позволит оценить вклад именно органов местного самоуправления в социально-экономическое развитие территории.

Кроме того, необходимо отметить, что, как показала практика работы по оценке эффективности деятельности власти всех уровней, релевантной и репрезентативной оценкой такой деятельности по-прежнему остаются опросы общественного мнения, проводимые непосредственно на территориях, подведомственных оцениваемым органам власти.

В заключение сформулированы следующие выводы и предложения:

- местное самоуправление, в целом состоявшееся в Европе, в России было востребовано на всех этапах развития страны;
- развитие местного самоуправления в России зависит от политических решений, политического состояния общества, качества внедрения принимаемых законов и нормативных актов;
- оценки состояния местного самоуправления как в историческом плане, так и на современном этапе во многом субъективны и требуют продолжения анализа.

Обобщая предложения советов, можно отметить:

- а) у советов есть возможности для организации экспертного опроса в регионе;

б) предложения советов по содержанию опросов в основном сводятся либо к необходимости оценки эффективности работы органов МСУ, либо к оценке уровня развитости (обеспеченности) муниципальных образований.

Данные подходы не отвечают на главный вопрос и не могут быть положены в основу доклада о состоянии МСУ в России. Кроме чисто организационной сложности проведения таких исследований на общероссийском уровне (так как придется обследовать порядка 20 000 муниципалитетов), их итоги будут изначально вторичны по отношению к той работе, которая уже ведется органами исполнительной власти субъектов РФ и федеральными органами статистики. Имеются опасения, что на практике Советы и Конгресс не смогут получить оригинальных количественных данных для осуществления соответствующих оценок.

Главное возражение связано с тем, что оценка состояния МСУ, как формы народовластия, предусматривающей максимально возможную включенность населения в решение вопросов местного значения, не тождественна оценке эффективности муниципального менеджмента.

Советы муниципальных образований могут быть задействованы при проведении самого исследования, организуя сбор и первичную обработку необходимых материалов.

В связи с этим возможной представляется подготовка доклада ОКМО по итогам полуформализованного опроса экспертов, проводимого в субъектах РФ силами региональных советов и направленного на получение оценки состояния (степени развитости) местного самоуправления в регионах РФ.

При этом закрытые вопросы экспертных интервью должны предусматривать возможность оценки по 5 или 10-балльной шкале или по шкале Лайкерта (позволяет оценивать степень согласия или несогласия с каждым суждением, от «полностью согласен» до «полностью не согласен») ряда показателей, позволяющих сделать вывод о состоянии местного самоуправления и качестве муниципального управления в регионе (в первом случае речь идет об общей оценке состояния местного самоуправления, проблемности его развития, а во втором — о более частных вопросах, о том как обстоят дела с муниципальной экономикой, транспортной сферой и т.д.).

Открытые вопросы должны позволить выявить, что повлияло на ответы экспертов на закрытые вопросы (Закрытые вопросы фиксируют позицию эксперта — считает ли он, что МСУ в регионе развито или не развито. Открытые вопросы позволяют понять, на чем основана позиция эксперта). Либо экспертам может быть предложено оценить по 5 или 10 балльной шкале состояние развитости

в соответствующем регионе ключевых сфер муниципального управления, таких как:

- 1) Местная демократия (непосредственное участие населения в местном самоуправлении).
- 2) Территориальные основы местного самоуправления.
- 3) Организационные основы местного самоуправления.
- 4) Кадровые основы местного самоуправления. Муниципальная служба.
- 5) Экономика муниципальных образований.
- 6) Муниципальные финансы:
 - местные бюджеты и межбюджетные отношения,
 - бюджетный процесс,
 - местные налоги и сборы.
- 7) Инфраструктура муниципальных образований.
- 8) Жилищно-коммунальная сфера муниципальных образований.
- 9) Социальная сфера муниципальных образований.
- 10) Коммерческая (торговая), производственная и аграрная сфера муниципальных образований.

Например, в докладе «Cities of Opportunity», выпускаемом международной консалтинговой компанией PricewaterhouseCoopers [525], для анализа траекторий развития 30 мировых городов используются 10 следующих индикаторов: интеллектуальный капитал и инновации; технологическая готовность; точки доступа (аэропорты, вокзалы и т.д.); транспорт и инфраструктура; здоровье и безопасность; устойчивое развитие и природная среда; демография и благоустроенность; экономическое влияние; простота ведения бизнеса; расходы.

В докладе ОКМО может содержаться аналитическая часть, в которой будет оцениваться местное самоуправление в отчетный период (во введении) и делаться общие выводы об основных (общих) проблемах, успехах, неудачах в муниципальном развитии (в итоговой, заключительной части). В качестве приложений к докладу могут также включаться данные федеральной статистической отчетности, результаты оценки эффективности деятельности глав муниципальных районов и городских округов и иные информационно-статистические материалы федеральных, окружных и региональных органов государственной власти, содержащие количественные данные о состоянии местного самоуправления в отчетный период.

Предлагаемая статья публикуется с целью ознакомления специалистов с существующей проблемой оценки, а также получения предложений для их учета при подготовке материалов доклада о реальной ситуации с положением дел в российском современном местном самоуправлении.

Главная цель доклада — это поиск и реализация шагов по укреплению муниципальной власти как инициативной, определяющей себе задачи в интересах жителей, заботящейся об их благе и обеспечивающей это благо посредством организации деятельности самих жителей.

Используя исторический опыт, накапливая его в современных реалиях, Российское государство

развивается демократическим путем, где развитию местного самоуправления отведено значительное место. Государство готово помочь созданию на местах продуманной системы, нацеленной на постоянный диалог, на поиск оптимальных решений, на взаимоконтроль и взаимодействие, а в конечном итоге — на улучшение жизни всех россиян.

Ткачева Н. А.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ФАКТОР ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ ЕВРОПЫ И АЗИИ

Экономическая и политическая интеграция и транспарентность, став атрибутивной чертой современных обществ, вступивших в постиндустриальную фазу своего развития, многократно усилили значение и противоречивость миграционных процессов. В последние десятилетия XX века проблемы миграции вышли из чисто научной сферы, закрепились в массовом сознании и, быстро мифологизируясь, заняли там достаточно прочные позиции. Миграция сегодня — это политически нагруженное явление, имеющее как своих сторонников, так и непримиримых противников.

Несмотря на многообразие подходов к данному феномену, необходимо отметить, что различные аспекты миграции изучаются весьма неравномерно. Если экономические, политические, правовые и, отчасти, адаптационные проблемы, возникающие в странах принятия мигрирующего населения, исследованы достаточно глубоко, то о связующей роли миграции между Европой и Азией этого пока сказать нельзя. В то же время трудовая миграция является одним из важнейших ресурсов региональной интеграции и развития не только в Европейском союзе, но и в Содружестве Независимых Государств.

В развитых странах, в том числе и в России, растет спрос на труд мигрантов. Демографические тенденции и старение рабочей силы приводят к тому, что иммиграция становится исключительно важным ресурсом, не только обеспечивая спрос на рынке труда, но гарантируя будущее экономическое развитие и социальное обеспечение.

В результате, с одной стороны, усиливается конкуренция за высокообразованные кадры, расширяется масштаб трудовой миграции квалифицированных работников. С другой стороны, по всему миру растет спрос на вакансии так называемых

работ «3-D» (dirty, dangerous, degrading, то есть грязных, опасных, унижительных), что стимулирует миграцию неквалифицированных и низкоквалифицированных кадров. Использование дешевого труда таких мигрантов позволяет работодателям сохранять конкурентоспособность за счет низких издержек производства. Следует признать, что в ближайшие десятилетия миграция будет оставаться важнейшим ресурсом экономического развития как Европы, так и Азии. Миграция маркирует взаимозависимость Европы и Азии, ярко проявляя эту особенность в миграционных процессах на территории СНГ.

С 1990 года Россия стала одним из лидеров «принимающих» стран не только на постсоветском пространстве, но и в Европе. Хотя за это время иммиграция на Запад и увеличилась, ее рост был относительно ограниченным и представлял собой менее значимое явление для страны, чем перемещения по территории бывшего СССР, а также иммиграция в Россию из стран Ближнего и Среднего Востока, Азии и Африки. Россия превратилась в своего рода буферную зону на пути мигрантов в Европу. Как отмечают М. Ф. Федотова и И. С. Шойко, за годы реформ страна выдвинулась в тройку ведущих мировых центров иммиграции (после США и Германии) [382].

Однако оценка количества принимаемых мигрантов в Российской Федерации весьма неоднозначна и, как справедливо отмечает А. Г. Вишневский, мифологизирована [59]. Согласно переписи населения 2002 года, в стране проживало 12 млн. уроженцев других государств, они и рассматривались экспертами ООН как международные мигранты. При этом речь шла о людях, которые были внутренними мигрантами в период существования Советского Союза и превратились

в международных, никуда не выезжая, только в результате появления новых границ. По мнению ученого, 12 млн. мигрантов, упоминающихся в обзорах ООН и основанных на них документах Всемирного Банка, которые потом цитируются российскими авторами, — не такое большое число. Поскольку, считает А.Г. Вишневский, надо сравнивать не абсолютные, а относительные числа. По абсолютному числу мигрантов Россия опережает все европейские страны, но если учесть численность населения, то доля иммигрантов, оцениваемая в 8,5, указывает на средние показатели среди европейских стран (Швеция — 13,8, Германия — 11,6, Франция — 11). Конечно, следует учитывать, что помимо зарегистрированных мигрантов в стране имеется большое количество «нелегальных» мигрантов, что оказывает существенное влияние на экономическую и социальную обстановку в стране, на ситуацию на рынке труда. К.О. Ромодановский, глава Федеральной миграционной службы, в интервью Российской газете назвал примерное число мигрантов, находящихся в РФ на декабрь 2014 г. По его мнению, в стране находится 9,5 млн. иностранцев, из них 1,3 млн. — находятся законно, 3,8 млн. — приехали в гости, на лечение или учебу, а 4,4 млн. — относятся к группе риска, причем 3,5 млн. человек, находясь более трех месяцев на территории России, попадают в разряд нелегальных [260].

Например, произошедшие политические и социально-экономические изменения, упрощение порядка въезда в Россию, «прозрачность» государственных границ привели к резкому увеличению масштабов иммиграции, прежде всего нелегальной. Основная масса незаконных мигрантов прибывала в Россию из Афганистана, Ирана, Пакистана, Китая, Шри-Ланки, стран Африки, а также государств — участников СНГ, прежде всего Закавказья и Средней Азии. Обращает на себя внимание и довольно непростая ситуация, сложившаяся с незаконными мигрантами из Китая и Вьетнама. Тем не менее среди незаконных мигрантов на территории Российской Федерации наиболее велико число выходцев из стран СНГ. В качестве каналов незаконной миграции обычно используются российско-китайский, российско-монгольский и российско-казахстанский участки государственной границы для въезда и российско-финляндская граница, граница с государствами Балтии, российско-украинская граница для выезда в страны Западной Европы.

Кроме того Российская Федерация, по данным Международного фонда сельскохозяйственного развития и Межамериканского банка развития, является европейским лидером и по масштабам трудовой миграции: на долю РФ приходится 48 общего числа мигрантов [25].

Важные закономерности формирования современных миграционных потоков выделяют Д. Массей и П. Стокер. Анализируя развитие мировых рынков, трудовых и финансовых ресурсов, международных социальных и экономических связей, которое осуществлялось неравномерно, волнами, ученые выявили такую закономерность миграционных процессов, как цикличность, что приводит к увеличению и уменьшению интенсивности миграций. Например, в годы подъема наблюдается увеличение потока мигрантов, а в годы кризиса и депрессии — его уменьшение или резмиграция [191, С. 170–172; 325, С. 29–31].

Несомненно, факторы социально-политической и социально-экономической жизни последних десятилетий нашей страны оказали и оказывают глубокое воздействие на современное миграционное поведение населения. К началу XXI века в условиях реформирования российского общества и государства сложилась обстановка, характерная для переходного периода общественно-политического и социально-экономического развития. Затянувшийся процесс реконструкции российской государственности, противоречивые социально-экономические преобразования, сопровождаемые поляризацией российского общества, появление регионального сепаратизма, рост организованной преступности, обострение межнациональных отношений, возросшая интенсивность внешней миграции и хаотичность внутренних перемещений создали широкий спектр угроз безопасности личности, общества и государства. При этом процессы демократизации в России выразились и в утрате прежней унификации и определенности в развитии миграционных процессов, вследствие чего возникло противоречие между расширяющимися свободами перемещения значительных масс людей и возрастающей ответственностью самих мигрантов за свой выбор в условиях трансформации общества и государства.

Ведущие исследователи проблем в области миграций — А.Г. Вишневский, А.В. Дмитриев, Ж.А. Зайончковская, В.А. Ионцев, В.И. Мукомель, Л.Л. Рыбаковский и другие, описывая дискурсивную природу этого явления, отмечают, что в 90-е гг. XX в. в России возникли новые тенденции миграционных процессов: возрастание роли политических факторов, определяющих миграционные потоки; резкий рост международной иммиграции и эмиграции; сокращение миграции сельского населения в города, изменение направлений и объемов внутренних межрегиональных перемещений; произошло нарушение параллельности между прямыми и обратными миграционными потоками, возросло их этническое однообразие [58, 97, 111, 133, 204, 358].

Более того, с распадом СССР изменился не только характер межреспубликанских миграций,

превратившихся в международные, но и причины миграционного движения на постсоветском пространстве. Среди последних можно выделить переезды в связи с национальными конфликтами, ухудшением экономической ситуации в странах выбытия, негативным отношением к русскоязычному населению в СНГ и странах Балтии. Деструктивные тенденции во взаимоотношениях народов, населявших постсоветское пространство, детерминировали появление миграционных потоков, представленных вынужденными переселенцами, беженцами, нелегальными мигрантами. В то же время интеграция России в мировую систему рыночного хозяйства способствовала усилению экономического фактора миграций.

Для понимания динамики и закономерностей миграционных процессов на постсоветском пространстве целесообразно выделить периоды, определяемые трансформацией общества, государства и международных отношений и отражающие основные тенденции развития миграции.

Как уже отмечалось, величина и направленность миграционных потоков в значительной степени определяются характером социально-экономических и социально-политических перемен, происходивших на постсоветском пространстве. Основываясь на хронологических рамках этих явлений, в развитии миграционных процессов можно выделить два основных периода, подразделяемые на этапы.

Первый период (1991–1998 гг.) включает два этапа:

Первый этап (1991–1994 гг.). В это время происходит сокращение оттока населения из России в страны СНГ и Балтии и стремительное увеличение числа переселенцев, прежде всего, русскоговорящих в Российскую Федерацию. Появляются первые беженцы и вынужденные переселенцы, основной поток которых на этом этапе прибывает из Таджикистана, Азербайджана и Грузии (около 80 от числа всех беженцев). В дальнейшем, замечает В.Б. Супян, география вынужденных миграций, во-первых, расширилась, во-вторых, непрерывно менялась, «как бы отмечая перемещение болевых точек на постсоветском пространстве» [326, С. 53]. В 1994 г. впервые фиксируется резкое увеличение потока переселенцев из ближнего зарубежья, в результате чего в Россию прибыли 1,1 млн. человек.

Второй этап (1995–1998 гг.). Миграционный процесс носит колебательный характер: миграционные потоки то сокращаются (1995–1996 гг.), то усиливаются (1997 г.), но колебание численности мигрантов незначительно. Даже когда в 1998 г. под воздействием финансового кризиса произошел новый всплеск миграции, он

не вышел за ранее установленные рамки. Происходит некоторая стабилизация ситуации при положительном сальдо межгосударственной миграции. Однако наблюдается качественное ухудшение миграционного потока: снижается уровень материальной обеспеченности переселенцев, растет число пенсионеров. В этот период поток беженцев и вынужденных переселенцев детерминирован не только и не столько вооруженными конфликтами, сколько социально-политическими, социокультурными, этнонациональными изменениями в бывших республиках СССР, а также определенными социально-экономическими успехами России. Например, в 1997 г. почти половина (48,9) всех вынужденных мигрантов приходилась на долю переселенцев из Казахстана, где не наблюдалось острых конфликтов на национальной почве.

Второй период (1999 г. — по настоящее время) можно условно разделить на четыре этапа:

Первый этап (1999–2001 гг.), характеризуется дальнейшим уменьшением миграционного оборота. Количество людей, прибывших на новое место жительства из других населенных пунктов России и из-за рубежа, сократилось на 21; на 55 — переехавших в пределах России; и на 18,6 — выбывших за рубеж. Число вынужденных переселенцев и беженцев также сократилось с 59 196 до 8 914 человек [314, С. 57–58]. На этом этапе обозначились новые тенденции в миграционном движении: с одной стороны, наблюдалось постепенное увеличение трудовой сезонной миграции; с другой стороны, началось ужесточение государственной миграционной политики. В то же время существующие и вновь сформированные сети социальных связей, соединяющие уже переехавших в Россию с их родственниками в ближнем зарубежье, способствовали воссоединению семей и близких, значительная часть которых обладала низкой адаптивной способностью к самостоятельному обустройству на новом месте.

Второй этап (2002–2007 гг.) характеризуется стабилизацией миграционных потоков. Стремление мигрантов в Россию начинает сдерживаться улучшением ситуации в постсоветских странах: ускорением социально-экономического развития, спадом националистических настроений, постепенной адаптацией русскоязычного населения к новым условиям. При этом существенно возрастает число временных мигрантов, занимающихся сезонными работами. Среди них стали преобладать представители титульных наций, отличающиеся слабым

знанием русского языка и культуры, нередко низким профессиональным уровнем. Этот факт, а также рост нелегальных мигрантов в условиях «прозрачных» границ, осознание угрозы неконтролируемой миграции национальной безопасности России представителями органов власти способствовало разработке и принятию важных и более жестких законодательных проектов. Это, прежде всего, ФЗ № 115 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г.; «Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации» от 1 марта 2003 г. № 256-р. В этот период в регулировании миграции преобладают запретительные меры, стремление государства поставить миграционные процессы под жесткий контроль через систему регистрации, проверок, выдворения из страны.

В то же время начата работа по привлечению в страну соотечественников на основе принятой в 2006 г. государственной программы «По оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». На принятие данной программы, по мнению В.Г. Глушкова и А.Г. Вишневого, повлияло снижение в этот период коэффициента механического прироста населения, вызванное и ужесточением законодательной системы [94, С. 393]. Представляется, что и усложнение социально-политических связей, укрепление экономических отношений на постсоветском пространстве и стремление людей вернуться на свою историческую Родину способствовали принятию данной программы.

Исследователи отмечают рост валовой международной миграции, в том числе заметное усиление потоков сезонных трудовых мигрантов, временных внешних, вызванных развитием туризма и отдыха, ростом числа деловых поездок и поездок по частным приглашениям [132, С. 54; 349, С. 100]. Вместе с тем, как справедливо замечает А.Г. Вишневский, тренды регистрируемой миграции, скорее, отражают резкое сужение пространства для законной миграции, чем сокращение реальных потоков [22, С. 315]. Согласно оценкам, основанным на выборочных исследованиях, в России в этот период находится 3–4 млн. мигрантов из СНГ. Значительная их часть проживает в стране в течение нескольких лет, не имея вида на жительство.

Третий этап (2008–2011 гг.). Его хронологические рамки достаточно условны, поскольку во многом в миграционной политике сохраняются прежние тенденции, в то же время общественные структуры, правозащитные организации,

экспертное сообщество, представители органов власти все более осознают устойчивую необходимость создания эффективного миграционного контроля. Они предлагают, основываясь на заявительном принципе, разработать механизмы перераспределения потоков мигрантов, создать условия для привлечения в страну специалистов высокого уровня и тем самым обеспечить национальную безопасность государства. Дальнейшее развитие миграционной политики приобретает особую актуальность в условиях экономического кризиса, который лишь незначительно снизил приток мигрантов на территорию Российской Федерации. Например, по данным ФМС, общая численность иностранных граждан, работающих в России в первом полугодии 2009 г., составила 1 770,1 тыс. человек и уменьшилась по сравнению с показателями первого полугодия 2008 г. лишь на 82,8 тыс. человек, то есть на 4,5. При этом иностранная рабочая сила поступала на территорию РФ из 145 стран мира [378]. В связи с этим необходимость реализации стратегически выверенной миграционной политики на федеральном и региональном уровнях в свете кризиса и усиления конкуренции на отечественном рынке труда приобрела особую актуальность.

Четвертый этап (2012 г. по настоящее время).

В этот период произошло не только на теоретическом, но и на практическом уровне осознание ведущей роли трудовой миграции, обусловленной экономическими тенденциями. Хотя в 2013–2014 гг. наблюдался некоторый рост репатриации русскоговорящего населения, в том числе и из таких экономически и политически стабильных государств, как Казахстан. Кризис в Украине 2014–2015 гг. спровоцировал всплеск «стрессовой» иммиграции в Россию. Но число трудовых мигрантов, в том числе «нелегальных», особенно из стран Средней Азии существенно выше и, вероятно, будет превалировать. По мнению экспертов, в ближайшие 15 лет Россия не сможет обойтись без привлечения в экономику трудовых иммигрантов. Исследователи прогнозируют два сценария. Первый связан с наращиванием массы неквалифицированных временных мигрантов и сопутствующих проблем. Второй предполагает интенсивную модернизацию экономики на инновационной основе с тем, чтобы в 2–3 раза поднять производительность труда. В первом случае число трудовых мигрантов может возрасти еще как минимум на 10 млн. человек и составить примерно 1/3 занятого населения страны [377]. Соответствует мнению исследователей и прогноз

Федеральной службы государственной статистики, согласно которому миграционный прирост в 2012–2030 гг. по инерционному «среднему» варианту составит около 7,2 млн. человек [264].

Таким образом, особенностями первого периода в развитии миграции населения являются: 1) возвратная миграция русских и представителей других народов России в места традиционного проживания их предков из ряда регионов Севера и Сибири и из государств ближнего зарубежья. При этом Ж.А. Зайончковская подчеркивает, что если центростремительность миграций обусловлена усилившимся продолжением прошлой тенденции, то отток населения с Дальнего Востока произошел впервые со времени освоения его русскими [111, С. 22–27]; 2) свертывание внутренних миграций (в 2002 г. мигрировало около 2 млн. человек, что составило 1,4 населения страны); 3) появление значительного количества вынужденных мигрантов в Россию.

Для второго периода миграционного движения характерно: 1) увеличение в составе мигрантов представителей титульных народов бывших союзных республик; 2) интенсивное вовлечение России в орбиту мировых миграций и, как следствие, рост нелегальной миграции и ужесточение контроля за ней на государственном уровне; 3) разнообразие видов миграционного перемещения; 4) масштабность трудовой миграции.

Важной не только количественной, но и качественной характеристикой миграционных процессов является тот факт, что во втором периоде миграционных перемещений увеличилось число коренного населения из стран СНГ. Например, в 2002 г. по сравнению с 1989 г., согласно переписи, число таджиков в России стало больше на 82 тыс. человек, тогда как по учету их прибыло 35,5 тыс.; соответствующие показатели по азербайджанцам — 286 и 89 тыс. человек, по армянам — 598 и 359 тыс. человек. Перепись 2010 года показала незначительный рост миграционных перемещений коренного населения из стран содружества. В сравнении с переписью 2002 года только численность узбеков, таджиков и киргизов существенно выросла (узбеков — с 122,9 до 289,9 тыс. чел.; таджиков — со 120,1 до 200,3 тыс. чел.; киргизов — с 31,8 до 103,4 тыс. чел.). Приведенные цифры указывают на возрастающую взаимозависимость России и азиатских государств. Состав других представителей стран СНГ остался на прежнем уровне или изменился незначительно [480].

Под влиянием социально-политических и социально-экономических перемен происходит и трансформация возрастно-половой структуры

мигрантов. Миграционные потоки, несмотря на преобладание населения в трудоспособном возрасте, сильно постарели. В 1990 г. 67,6 мигрантов, прибывших в страну или переехавших внутри нее, были моложе 30 лет, к 2004 г. их доля упала до 54,8, к 2009 г. — до 50,3. Уменьшились доли детей 0–15 лет — с 19,7 до 10,8 и 16–19-летних — с 15,2 до 9,0. Сильно возрос удельный вес тех, кому за 40 — с 16,9 в 1990 г. до 34 в 2009 г. Мобильность упала во всех возрастных группах, но особенно резко (в 3–4 раза) в группе молодого возраста от 16 до 24 лет, и меньше всего у тех, кому за 50. При этом небольшое количество детей и молодежи, приехавших из стран СНГ, не возмещает выезд в другие страны молодых людей из России. Анализ переписи 2010 года показывает, что обозначенные тенденции сохраняются: заметно уменьшилась доля молодых (до 20 лет) людей, несколько сократился удельный вес лиц старшего возраста (60 лет и старше) и значительно выросла доля переселенцев в возрасте 40–59 лет.

Анализируя качественный состав иммигрантов из стран СНГ, следует заметить, что в первый период мигрировало население, чей образовательный уровень был выше, чем у жителей стран выбытия и в России (особенно по ряду регионов). Среди беженцев и вынужденных переселенцев доля лиц с высшим образованием составляла около 19, тогда как во всем населении России она, по данным переписи 1989 г., не превышала 11, а в сельской местности — 5 [56, С. 38]. И.Г. Ушкалов объясняет такую ситуацию в первую очередь тем, что в советский период из России в другие республики СССР (особенно азиатские) направлялось по распределению значительное число выпускников вузов, а также научных работников. Они и их дети, также ориентированные на получение образования, составляли весомую часть иммиграции в Россию [372, С. 73]. Снижение в последние годы образовательного и профессионального уровня мигрантов значительно влияет на социально-экономическую ситуацию в России, ухудшает качество жизни населения.

Вместе с тем на масштабы, направленность и качественный состав миграционных потоков все большее влияние оказывает миграционная политика. В узком смысле миграционная политика понимается как государственное воздействие на регулирование миграционных процессов. В широком смысле миграционная политика, выступая частью социальной политики государства, включает вопросы демографической политики, сферы труда и производства, обеспечения и защиты прав человека и гражданина.

Анализ миграционной политики как системы принципов, целей и действий, с помощью которых государство и иные политические институты

регулируют потоки переселенцев, позволяет определить данную категорию не только как совокупность политических и идеологических установок, но и как систему законодательных и подзаконных актов, направленную на решение правовых, организационных, экономических и социальных проблем, связанных с пересечением внутренних и внешних границ. Правовые аспекты миграции в данном контексте выступают одним из системообразующих факторов миграционной политики [348, С. 8].

Одним из наиболее значимых документов, определяющих формирование современной системы государственного регулирования миграции в Российской Федерации являются «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденная 13 июня 2013 года [160].

По мнению В.А. Волох и В.А. Суворова, Концепция представляет собой целостную систему взглядов на цели, приоритетные направления, принципы, основные задачи, механизмы, этапы и ожидаемые результаты реализации государственной политики в сфере миграции. К ее несомненным достоинствам можно отнести конкретизацию и определение основных этапов реализации государственной миграционной политики Российской Федерации [272]. Более того, С. Рязанцев считает, что Концепция содержит довольно много прогрессивных идей, которые помогут России регулировать миграцию в своих национальных интересах. Впервые миграция рассматривается не только как угроза для страны, но и как ресурс для ее развития [272]. Важно подчеркнуть, что взаимодействие федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления при регулировании миграционных процессов, предусмотренное Концепцией, позволит более адекватно реагировать на изменение миграционной ситуации в стране [160].

Концепция, с одной стороны, ориентирует на задачу привлечения в страну значительного количества мигрантов для восполнения населения, рабочей силы и развития инновационного потенциала, с другой стороны, акцентирует внимание на такие важные элементы миграционной политики как создание систем адаптации и интеграции мигрантов, защиты их прав и свобод, решения их социальных проблем. В связи с этим актуальным становится урегулирование правового статуса определенных групп мигрантов. Кроме того, в контексте последних событий — ухудшения международной обстановки, военных действий на территории Украины — требуется содействие в обустройстве вынужденных переселенцев, совершенствование процедуры предоставления

статуса беженца и временного убежища по гуманитарным обстоятельствам.

Признавая возрастающее значение миграции как важной составляющей экономического и социального развития страны, как ресурса региональной интеграции, когда именно преимущества объединения трудовых потенциалов позволяют выстоять в условиях нарастающей конкуренции глобализирующегося мира, следует осознать необходимость адекватного регулирования миграционных процессов. Иммиграция становится важнейшим элементом экономического развития, сохранения стабильности в регионах, обеспечения национальной безопасности тогда, когда и принимающая сторона, и приезжающие ориентированы на взаимную адаптацию и интеграцию. В противном случае миграция несет в себе высокий риск нарушения прав участвующих в ней людей, социального напряжения и утраченных возможностей экономического роста и развития.

В.И. Мукомель справедливо отмечает имеющиеся в настоящее время социокультурные ограничения политики интеграции: традиции межкультурного взаимодействия, особенности и стереотипы общественного сознания россиян, а также интеграционный потенциал принимающего общества, адаптивные возможности мигрантов, социальные практики взаимодействия принимающего населения с мигрантами [204, С. 35].

Не вызывает сомнений и необходимость ориентации на разную степень интеграции. Для одних групп мигрантов достаточно преодоления языкового барьера и начальных правовых знаний, то есть достаточно первичной адаптации, для других (репатрианты-соотечественники, мигранты, переезжающие на постоянное место жительства, приезжающие на учебу или имеющие опыт регулярной трудовой деятельности) целесообразна интеграция.

Как отмечалось выше, миграционные процессы оказывают значительное влияние на самые различные стороны общественных отношений — социальные, политические, экономические, этнокультурные. Для смягчения негативных и стимулирования позитивных последствий данного воздействия в современном мире получила распространение практика государственного регулирования внешней и внутренней миграции населения. И.Г. Ушкалов выделяет три основные концепции государственной миграционной политики, нашедшие применение в зарубежной и российской практике [372, С. 83]:

1. Концепция активного регулирования предусматривает целесообразность вмешательства государства в миграционные процессы как важнейший компонент их регулирования. При этом приоритетное место отводится

правовым механизмам, прежде всего, сочетанию внутригосударственных и международных правовых актов и соглашений, направленных на регулирование миграционных потоков.

2. Концепция невмешательства в своей основе содержит положение о принципиальной несовместимости государственного регулирования миграции и эмиграции, особенно высококвалифицированных кадров с неотъемлемым правом человека на свободу перемещения в мире, где растут тенденции к интеграции в различных сферах.
3. Концепция ориентации на перспективу исходит из того, что проблемы регулирования миграции могут быть решены лишь в перспективе на международном уровне, что позволит соблюсти интересы личности и государства.

В России наблюдается усиление роли государства в управлении миграционными процессами. При этом большинство исследователей (Ю. П. Дусь, Г. С. Витковская, С. Е. Метелев, А. Н. Сухов и др.) считают приоритетной первую концепцию государственной миграционной политики [8; 18; 33]. В то же время подход к миграционной политике лишь как к целенаправленному воздействию государства на миграционные процессы в рамках правового поля малоэффективен, поскольку исключает ответственность государственных органов за деятельность в области миграционной политики, а также различные социальные институты из сферы регулирования миграций. Современная миграционная политика должна включать в себя, во-первых, систему идей и принципов, которыми руководствуются государственные структуры и общественные институты при выборе мер по достижению поставленных целей; во-вторых, основанные на этих принципах программные документы, определенные соответствующие мероприятия; в-третьих, финансовое, кадровое, организационное обеспечение намеченных мероприятий; в-четвертых, ответственность за полученные результаты.

Особая сложность реализации миграционной политики связана с необходимостью учета и согласования интересов разных уровней: индивидуальных, семейных, групповых и общественных; локальных, региональных и общегосударственных; социально-экономических, социально-политических, конфессиональных, этнокультурных; ближайших, среднесрочных и долгосрочных [348, С. 96–103].

Можно выделить три основных направления, связанных с осуществлением миграционной политики в современной России: социально-экономическое и демографическое развитие страны; регулирование миграционных потоков; обеспечение прав мигрантов и коренного населения.

На взгляд диссертанта, взаимодействие выделенных направлений возможно только в рамках социально ориентированной миграционной политики, которая способна обеспечить социально-политическую, социально-экономическую и социокультурную регуляцию миграционных процессов и достижение безопасности личности, общества и государства.

Для устойчивого и эффективного развития России нужна дифференцированная по субъектам Федерации, социально ориентированная, сочетающая интересы органов власти, работодателей, мигрантов и местного сообщества миграционная политика, основанная на новых концептуальных подходах к ее развитию, учитывающих стратегические интересы России, обеспечивающих безопасность личности, общества и государства.

Именно миграционная политика региона способна регулировать миграционные потоки, способствовать развитию системы адаптации и интеграции мигрантов. Это особенно актуально для Тюменской области, что обусловлено не только экономической и социокультурной спецификой, но также и ее стратегическим значением в обеспечении национальной безопасности России. Ее бюджетная самостоятельность, активные внешнеэкономические связи, высокий социально-экономический уровень определили общественно-политическую стабильность региона, что сделало его привлекательным как для внутренней, так и для внешней миграции.

Действительно, активный приток мигрантов в Тюменскую область имеет объективные причины. Во-первых, регион отличается социально-экономической стабильностью, возможностями социальной мобильности, профессионального роста, привлекательностью рынка труда. На территории региона действует около 140 предприятий с иностранным капиталом, 27 представительств зарубежных компаний, осуществляется деловое сотрудничество с предприятиями-партнерами и с организациями 67 стран мирового сообщества. Во-вторых, значительную роль в привлечении мигрантов сыграли структурные диспропорции в спросе и предложении рабочей силы в регионе. При всей остроте проблемы занятости, особенно в сельской местности, спаде объемов производства, в отдельных секторах экономики ощущалась относительная нехватка трудовых ресурсов — секторах с низкооплачиваемым и непривлекательным трудом, с производством, далеко удаленным от обжитых мест. Увеличение емкости рынка труда стимулировала и «теневая» экономика. В-третьих, активному притоку мигрантов способствовала и стратегия ряда работодателей, которые предпочитали трудоустраивать более трудолюбивых и дисциплинированных, но в то же время низкооплачиваемых

и социально незащищенных иностранных рабочих. В-четвертых, наличие устойчивых общин и землячеств, представители которых участвовали в освоении Севера еще в советский период, обеспечивающих поддержку мигрантов на начальном этапе их пребывания в общине.

Кризисные явления не стали существенным сдерживающим фактором для иммиграции в регион. В то же время анализ статистических материалов, публикаций, интервьюирование экспертов позволили выделить новые тенденции в поведении мигрантов: переход мигрантов от стратегии дисперсного канклавного проживания; привлечение иностранной рабочей силы самими мигрантами, в том числе нелегальными; преимущественная занятость мигрантов в теневой экономике на нелегальной основе; рост преступности в среде мигрантов (материальные хищения, кражи продовольствия, грабежи, торговля несертифицированным товаром, более жесткий контроль за влиянием в сфере услуг, торговле). Указанные тенденции способствуют усилению социального неблагополучия, что приводит к таким неблагоприятным последствиям, как конкуренция за рабочие места, возникновение «неконтролируемых этнических анклавов», что, в свою очередь, усиливает скрытую напряженность в сфере межнациональных отношений.

Современные миграционные потоки сказались на изменении соотношения численности этнических групп региона: несколько сократилась доля славянской группы, заметное в абсолютном исчислении представительство в составе населения утратили этнические группы немцев, евреев, в то же время существенно возросла доля тюркской группы, увеличилось число представителей народов Кавказа. На сегодняшний день на территории области проживает свыше 40 этносов и субэтносов народов Кавказа. Особенно неблагоприятна ситуация с коренными малочисленными народами Севера, их численность значительно уменьшилась, и эта тенденция сохраняется, например, численность ханты стала сопоставимой с численностью молдаван и азербайджанцев, а численность манси — с численностью немцев и мордвы. Небольшая доля населения титульных национальностей становится полем борьбы между этническими элитами за перехват и использование титула национально-территориальных автономий.

Таким образом, миграционные процессы, несомненно, серьезным образом влияют на социокультурное разнообразие региона. Дифференциация возможна и необходима при стремлении к различной степени интеграции социальных групп, их ценностей, потребностей, интересов. Однако этот положительный фактор стремительно перерастает в дестабилизирующий, когда прибывающие

ведут замкнутый образ жизни, не признают традиций и норм принимающего общества.

Иноэтнические мигранты и принимающее их общество находятся в сложном взаимодействии, отражающем противоречивость интеграции представителей различных национальностей в структуру регионального сообщества. Конечно, в общей картине региона доли отдельных этносов невелики, но на локальном уровне в силу компактного расселения их представительство становится значительным. Если в крупных городах, в Тюмени например сложные социальные взаимоотношения прибывающих и принимающей стороны не столь очевидны, поскольку социальное и этнокультурное значение русского населения, его численная доля в общем составе жителей остается почти неизменными, то в малых северных городах и в сельской местности происходят существенные изменения в этнодемографической структуре населения. Это нередко сопровождается ростом социальной напряженности и детерминирует конфликтное противостояние, особенно в молодежной среде.

Не менее важно учитывать и формирование в регионе этносоциальной стратификации. В современных социально-экономических условиях, включающих не только рыночные отношения, но и развитие теневой экономики, а также влияние нефтегазового комплекса на сохранение традиционного способа жизнедеятельности, наличие огромных неравномерно заселенных территорий, наблюдается социально-экономическая и пространственная локализация, определяющая во многом комплекс этнокультурных черт, а иногда и культурную закрытость общности. Это выступает основанием для формирования системы дихотомических отношений «мы — они». Данная бинарная оппозиция нередко вызывает социальное сравнение и инициирует стратификацию этносоциального пространства.

Этнокультурная стратификация способствует возникновению общин мигрантов, в том числе по сферам приложения труда, местам и условиям проживания. Появляются наиболее ущемленные в социальном плане мигранты, в среде которых распространяются девиантные формы поведения, включая «этническую преступность». С другой стороны, в ситуации, когда мигрантские группы сплочены, демонстрируют чувство превосходства по отношению к «местным», не стремятся интегрироваться в принимающую среду, коренные жители могут ощущать свою ущемленность, особенно в небольших населенных пунктах. Именно на этой стадии конфликт между мигрантами и коренными жителями переходит из потенциальной стадии в реальную.

Можно выделить преобладание двух основных подходов к оценке проблемного взаимодействия

мигрантов и принимающего сообщества. Одни исследователи, например В.А. Ионцев, Л.С. Перепелкин, считают, что проблемы создает, в значительной мере, принимающее общество, члены которого, ориентируясь на замкнутость, защищают свои ресурсы и права коренного населения [196; 197]. Другие, например Н.М. Лебедева и В.Н. Павленко, акцентируя внимание на теориях «культурного шока» и «аккультурации», выделяют проблемы, возникающие вследствие неадекватных реакций мигрантов на ожидания и требования принимающего общества [169; 212]. В данном контексте, подчеркивает В.Н. Петров, особое значение приобретает учет личностных стратегий и тактик поведения мигрантов, которые могут быть направлены на ассимиляцию; уважительное отношение к культурным нормам и ценностям принимающего общества (вариант мультикультуризма); поддержание этнокультурной обособленности; могут проявляться в попытках, ведущих к сепаратизму, навязыванию принимающему обществу своих правил и ценностей; курсе на замкнутость, культурный изоляционизм [234, С. 76]. Следует заметить, что перечисленные варианты находятся во взаимном переплетении и актуализируются в зависимости от конкретной ситуации социального взаимодействия. При этом замкнутость не препятствует стремлению мигрантов, организованных по типу землячества, всемерно расширять свои позиции в принимающем обществе, максимально полно используя его слабые стороны. Поэтому закономерен вывод А.Ю. Майничевой об усилении стремлений к четкой артикуляции своей этничности как старожилов Сибири, так и вновь прибывших переселенцев [171, С. 68].

Поиски «собственных корней» оформляются в социальных движениях, получив название «национального возрождения», в образовании национально-культурных автономий, в стремлении поддерживать социокультурные традиции через сохранение и развитие родного языка. В Тюменской области действует 24 национальных общественных объединений и 5 национальных некоммерческих организаций, зарегистрировано 29 местных и 5 региональных национально-культурных автономий. Все большее значение приобретает диаспорализация — формирование мигрантами сообществ с развитыми и эффективно действующими экономическими и социальными сетями, механизмами взаимной поддержки и кооперации. Эти факты позволяют говорить о том, что диаспоральность, общинность, сети и отношения, выстроенные на основе формальных и неформальных связей, основанных на общности исхода с «исторической родины», становятся важнейшим ресурсом адаптации и экономического успеха мигрантов.

Диаспоры, начав с простого рассеяния этнических групп населения среди иноэтнического окружения, все более приобретают черты институализации и структурализации, носят устойчивый характер, их представители присутствуют в важных для населения и региона отраслях экономики. Этнокультурные объединения решают не только социокультурные или конфессиональные вопросы, но и экономические или политические проблемы мигрантов. Существующие диаспоры обретают политический смысл для членов миграционных меньшинств, принимающего населения, для российских и региональных властей, а также для государств на «исторической родине».

Более того, настороженное отношение населения региона к мигрантам способствует консолидации диаспоральных сообществ. В результате стали более заметными культурные барьеры между коренными жителями и переселенцами последнего десятилетия. Этому способствуют интенсивность миграционных процессов, существенные изменения этнического и конфессионального состава населения ряда городов и поселков, этносоциальная дифференциация, политизация этничности, непрофессионализм отражения этнокультурной ситуации СМИ, что, в свою очередь, провоцирует нарастание ксенофобии среди жителей области.

Таким образом, миграционные процессы имеют неоднозначные последствия для социально-политического, социально-экономического и социокультурного развития региона. Посредством миграций осуществляется процесс обогащения культур новыми элементами, стимулируется развитие этносов. В то же время неконтролируемые, интенсивные миграционные процессы вызывают ряд негативных социальных последствий, являясь тем самым источником роста межэтнической напряженности в регионе. Устойчивое развитие региона во многом зависит от того, как сложатся взаимоотношения и взаимодействие мигрантов и членов принимающего сообщества, регулируемые как государственной политико-правовой, так и региональной системами.

Сегодня изменение геополитических и экономических условий вносит существенные коррективы в подходы к освоению территории региона, к определению не только основных направлений и масштабов развития, но и новой концепции формирования его населения, а значит, к разработке миграционных программ в рамках миграционной политики. При этом возросшее значение этнической идентификации, усиление этничности миграционных потоков в регион детерминирует необходимость при формировании миграционной политики региона учитывать распространение ксенофобии и мигрантофобии, всплески интолерантности и агрессивности по отношению

к мигрантам и особенно иноэтничным, а также определять возможные трансформации социокультурной сферы региона.

Учет разнообразия региональных условий, несомненно, сделает миграционную политику более гибкой, а модели качественного отбора и интеграции мигрантов — более эффективными. Миграционная политика региона будет способствовать, прежде всего, качественному регулированию миграционных потоков. Именно на региональном уровне возможно осуществление политики интеграции иммигрантов в принимающее сообщество, учет потребностей регионального рынка труда, возможностей социальной сферы и решение социальных проблем в области миграций, развитие социального потенциала мигрантов и членов принимающего общества, что позволит обеспечить безопасность региона, а следовательно, и национальную безопасность государства. В данном контексте регион в социально-политической плоскости предстает в качестве субъекта государственной миграционной политики.

В результате в соответствии с новыми подходами к миграционной политике, заявленными в Концепции, определяются особенности взаимодействия федерального и регионального уровней формирования и реализации миграционной политики: во-первых, взаимообусловленность федерального и регионального уровней формирования миграционной политики, что является обязательным условием эффективности данного процесса; во-вторых, разграничение полномочий центральных, региональных и местных органов власти, определение приоритетов, перспектив развития миграционных процессов, учет специфики региона, что способствует успешной реализации миграционной политики; в-третьих, определение круга приоритетных направлений миграционной политики, нуждающихся в общегосударственной политической, материальной, финансовой поддержке и отражающих интересы регионов; в-четвертых, создание социально-политических и социально-экономических условий для формирования привлекательности регионов с целью перераспределения миграционных потоков и повышения их качественного уровня, что усиливает экзогенный и эндогенный аспекты региональной политики регулирования миграций.

Исходя из выделенных особенностей взаимодействия федеральных и региональных органов власти, регулирование миграционных процессов на уровне региона будет направлено, прежде всего, на создание условий, удерживающих миграцию в социально приемлемом русле. Все это обусловит приоритетность решения социальных проблем мигрантов и членов принимающего сообщества как важнейшего условия эффективности миграционной

политики. В противном случае негативные социальные процессы в сфере миграции становятся необратимыми, что в конечном итоге приводит к утрате человеческого капитала мигрантов и возможностей социально-экономического, социокультурного развития принимающего общества. В свою очередь, это вызывает все большую изолированность мигрантов и членов принимающего сообщества друг от друга, снижение общественной солидарности и взаимопонимания, маргинализации переселенцев.

Необходимость изменения подходов к управлению миграционными процессами связана с тем обстоятельством, что мигранты сегодня рассматриваются и используются только в качестве объекта и необходимого рабочего ресурса, а не в качестве субъекта и бенефицианта социально-экономического и социально-культурного развития государства и общества. В концептуальном аспекте переход от восприятия мигрантов как источника дешевой рабочей силы к углубленному исследованию и повышению их социального потенциала и означает принципиально новый подход к формированию социально ориентированной миграционной политики.

Предлагаемый социальный подход к регулированию миграционных процессов позволит увидеть главное в миграционной политике — состояние носителей миграционных проблем: личностей, групп, социальных организаций. Именно социальная ориентированность миграционной политики региона может способствовать учету, оценке и использованию качественных характеристик мигрантов во взаимосвязи с окружающим их обществом; расширению правового поля работы с иммигрантами и, как следствие, формированию системы налогообложения в государственный бюджет как работодателей, использующих труд мигрантов, так и самих мигрантов; становлению уважительного отношения к стране-реципиенту; более эффективной интеграции в принимающее сообщество.

В то же время неперенным условием высокой социальной эффективности миграционной политики региона выступает учет не только возможностей и особенностей рынка труда, но также уровня образования, профессиональной подготовки мигрантов, их социокультурной и лингвистической коммуникативности. Определяя основные характеристики потенциала прибывающих мигрантов, необходимо выделить и их социальные составляющие. К ним относятся ценности, установки и ожидания, мотивация и цели переселения, профессиональные качества, принадлежность к этнокультурной среде и социальному слою, уровень владения русским языком. Из всех социальных характеристик особое значение приобретает уровень владения мигрантами русским языком,

так как именно знание языка способствует адаптации мигрантов и их интеграции в принимающее сообщество.

Значительным препятствием воспроизводства и развития социального и человеческого потенциала мигрантов является также и культурный шок от чужого окружения, когда язык, социальная структура, нормы поведения, ожидания и ценности существенно отличаются от привычных. При этом если одни мигранты обладают способностью адаптироваться к новым условиям и нормам поведения, то другие становятся дезориентированными. Именно поэтому государство, допуская мигрантов

в свою страну, должно оказывать им поддержку в переходный период адаптации. Следовательно, миграционная политика не может быть успешно реализована без социальной защиты и социальной работы с мигрантами, внимание к ним на ранней стадии через эти социальные институты будет способствовать ускорению процесса их вхождения в принимающее общество как вкладчиков человеческого капитала.

Таким образом, переход к социально ориентированной миграционной политике позволит России перейти от миграционного обмена к миграционному взаимодействию со странами Азии.

Малькова В. К.

ПОЛИЭТНИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА КАК ФАКТОР УЛУЧШЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ⁸

Историческое значение Москвы велико и неоспоримо для развития России и для русского национально-этнического самосознания. Однако Москва — не только русский, но и полиэтничный город. Говоря о полиэтничности того или иного поселения обычно имеют в виду этнически смешанный состав населения. И это относится не только к Москве XX и XXI вв., но и к более ранним периодам. Вместе с русскими москвичами здесь издавна жили и представители многих других национальностей. Но именно на рубеже XX и XXI вв. в городе особенно заметно увеличивается этническое разнообразие населения. Многие эксперты считают это явление еще одним неоспоримым украшением российской столицы, однако далеко не все так называемые «коренные» москвичи с этим согласны.

Современные исследователи московской реальности задаются вопросами: насколько из-за притока мигрантов со временем меняется этнический и конфессиональный состав населения Москвы [344], грозит ли городу в результате интенсивной миграции населения анклализация, «инкапсуляция» [346], «этническая сегрегация и геттоизация» [52]. Обсуждается и вопрос о том, как конкретно в будущем может меняться этнический

ландшафт российской столицы [112], как он уже изменился в последние годы [182]. На некоторые вопросы можно найти условные ответы в результатах переписей населения, проводившихся в нашей стране в разные времена.

Последняя и предыдущие переписи населения показывают, что московское полиэтничное пространство не является стабильным, и тенденция к дальнейшему росту этнического многообразия населения уже очевидна и бесспорна. Аналитики — московеды беспокоятся — не приведут ли интенсивные миграционные процессы к появлению в российской столице этнических кварталов или районов компактного проживания представителей разных этнических групп? Одни из них утверждают, что это вряд ли произойдет [344]. Однако другие считают, что это уже произошло и показывают на схемах, что в Москве уже совершенно отчетливо выделяются ареалы повышенной концентрации этнических меньшинств и зоны их преимущественного проживания.

Москва, как и другие современные мегаполисы, испытывают на рубеже XX и XXI вв. «сильнейшее давление миграции». Хотя доля русского населения в городе несколько сокращается, по замечаниям некоторых ученых (с которыми далеко не все москвичи согласны), миграция пока мало меняет «русскую физиономию» города [52]. Аналитики подчеркивают, что определенное снижение доли русских в населении Москвы — это тенденция, связанная в том числе с нарастающим

⁸ Статья подготовлена в рамках проекта Российского Научного Фонда «Измерение рисков межэтнических отношений в регионах Российской Федерации. Разработка теории и междисциплинарного подхода», грант РНФ № 14-18-03090.

дефицитом трудовых ресурсов и с сокращением демографического потенциала русских. Поэтому долговременный источник пополнения рабочей силы Москвы и всей России необходим [112].

Этнический состав населения и процентное соотношение разных этнических групп населения — это реальные показатели полиэтничности, многокультурности любого поселения. Но полиэтничность города — это все же не только само население. В значительной степени это еще и вся **городская инфраструктура** (этнокультурная, социальная, психологическая и даже экономическая и политическая), которую в процессе расселения привносят в город или создают на месте ее новые инокультурные обитатели. Это **этническая топонимика** — названия городских районов и улиц (в московском случае — Татарская, Грузинская, Немецкая и др. слободы, улицы, переулки), это **разные архитектурные стили и модели** в строительстве жилых и общественных зданий, культовых (религиозных) сооружений. Это различные **культурные традиции, обычаи, ритуалы и обряды**, иногда проявляющиеся публично, особенно в последние годы (например, массовые молитвы на площадях, лезгинка и свадебная стрельба на улицах города...). Но чаще это и национальные особенности, не всегда афишируемые открыто (**язык, религия, одежда, музыка**). Кроме того, полиэтничность в городе — это и элементы разнорасовости **гастрономии или кулинарии**, которые постепенно смешиваются с местными привычками и вкусами и становятся интернациональными. Это, наконец, **появление и бурное развитие сравнительно новых для Москвы этнических институтов** — формирование на новых местах молодых и активных **этнических элит**, возникновение **национально-культурных обществ и ассоциаций, средств массовой информации**. Это и организация образовательных и других этнических культурно-бытовых объектов — **детских садов и школ с этническим уклоном, специальных магазинов и рынков, парикмахерских, а также больниц и кладбищ «для своих»** — земляков, сородичей и единоверцев. Все это и многое другое составляет полиэтничную социальную, культурно-психологическую и политико-экономическую инфраструктуру современного города, где большие группы представителей разных национальностей приспособляются теперь жить вместе.

Однако и проблем такое совместное проживание создает немало. Одна из них важная и всегда актуальная — это взаимодействие местного населения, издавна считавшего себя «коренным» (и как бы «хозяином положения»), и «пришлого», то есть поселившегося на данной территории лишь в последние годы. Современный мировой опыт показывает, что практически везде в Старом

Свете большие группы инокультурных приезжих вступают в противостояние с местным населением и создают для него немало проблем. Особенно это проявляется в тех случаях, когда приезжие (в основном трудовые мигранты), ограждая и сохраняя свои собственные особенности, начинают претендовать как отдельная группа на равные права с местным населением в экономике, в культурно-психологической сфере и даже в политике. Массовые выступления мигрантской молодежи во Франции, Германии, Великобритании, Румынии, Португалии и других странах в конце XX — начале XXI вв., многочисленные громкие (а иногда и замалчиваемые) столкновения местных и приезжих в регионах России свидетельствуют о появлении серьезных проблем в развитии новых полиэтничных поселений. Однако быстрое развитие человеческой цивилизации, новые технологические и инновационные ресурсы, глобализация, свободная и нелегальная миграция — все это приводит к выводу о неизбежности и необратимости обсуждаемых тенденций и их результатов. Правда, до сих пор непонятно, как замечает академик В. А. Тишков, в какую сторону движется мир — в сторону унификации или в сторону воспроизводства многообразия [342]. В любом случае, растущие человеческие сообщества теперь, независимо от национальной (и социальной) принадлежности, обречены жить вместе и должны согласиться с этим, двигаясь навстречу друг другу.

Рассмотрим пространство Московского мегаполиса, бывшего в недавнем прошлом практически мононациональным. В формировании нового полиэтничного облика Москвы важно увидеть реальные социокультурные изменения, появление в городе новых этнических инфраструктурных объектов и явлений, выявить толерантные и конфликтные элементы в их функционировании, рассмотреть их интегрирующий общественный потенциал. Результаты исследования и полученные выводы могут дать новое научное знание процессов изменения городского пространства, связанных с приходом инокультурных переселенцев, увидеть процесс взаимной адаптации разных этнических культур на одной территории. Они также позволят обратить внимание градостроителей и городских властей на сферы быстрого (или медленного) освоения мигрантами городских ниш, на их актуальные потребности при переселении и адаптации в мегаполисе.

Стремление приехавших на новое место людей любой национальности сохранить себя вполне понятно. Они хотят сохранять и развивать дальше свою культуру, свой этнический язык, свое самосознание, привычную жизнь, сберечь (или усилить) в новых условиях свою этническую популяцию. И в конечном счете часть приезжих хотела бы

стать равноправными гражданами в новом для них регионе и в стране. Но, как показывает мировой опыт, у большей части принимающего населения — почти всегда противоположная позиция. Конечно, многие местные жители — москвичи понимают трудности жизненных условий приезжих, которых всех вместе пресса называет «мигранты» или «гастарбайтеры». Москвичи в целом до определенного времени довольно терпимо относились к первым переселенцам, среди которых на рубеже 1980–1990-х гг. были беженцы из Армении, из Карабаха, из Абхазии и из других тревожных южных регионов бывшего СССР. Но за ними последовали потоки трудовых мигрантов. И теперь речь идет уже не только о тысячных, но о миллионных (!) массах инокультурных приезжих. Русские и другие москвичи-старожилы ощущают опасность раствориться в составе приехавшего в родные места нового, активного населения, боятся постепенно перенять другие, чуждые для них элементы культуры, чуждый образ жизни и религию в ущерб своим. Все это, включая непонимание расплывчатых намерений властей, разрешающих «вольное» переселение «иных приезжих» в обжитые города, вызывает недовольство, противостояние и протест немалой части принимающего сообщества.

Несмотря на очевидные трудности, новые поселенцы — легальные и нелегалы — всеми силами стремятся улучшить свою жизнь на новом месте, стихийно и осознанно создавая в городе свою этническую инфраструктуру. Для организации жизни и обустройства приезжих в столице власти создают различные организационные и регулирующие учреждения. С начала 90-х годов это были в основном общественные, а затем государственные структуры. Солидный **список организаций, помогающих обустройству приезжих в Москве**, показывает, насколько серьезное внимание уделяется в принимающем сообществе миграции и вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений. Этими проблемами занимаются в Госдуме, в Совете Федерации, в Администрации Президента РФ, в различных государственных министерствах, в правительстве Москвы и во многих других структурах (в том числе и научных учреждениях). Власть видит и реально оценивает серьезность складывающейся межэтнической ситуации, старается контролировать и регулировать ее развитие, что не всегда замечают обычные жители. Тем не менее, очевидно, что современная Москва, несмотря на многочисленные трудности, старается цивилизованно принимать новых горожан и сохранять в городе межэтнический мир.

Появление новых этнических или земляческих групп в мегаполисе привело и к возникновению собственных **организационных и иерархических структур в самих «мигрантских сообществах»**.

И это понятно, поскольку этническая или земляческая солидарность — одна из естественных форм их организации, их совместной безопасности и защиты. За сравнительно короткий период в столице (как и в других регионах) появились новые этнические активисты, функционеры и лидеры, отстаивающие права своих соплеменников в мало-знакомом для них пространстве. В конечном счете, теперь на новых местах формируются новые молодые этнические элиты, заявляющие от имени своих соплеменников о своих коллективных интересах.

Как показывает наш анализ «диаспорной» прессы, новые этнические лидеры формируют у своих соплеменников особое видение ситуации и страстно выступают за групповые этнические (земляческие) интересы, за сохранение и развитие своих этнических общин на новых местах, за сохранение кровных этнонациональных связей со своим «этническим ядром», за равенство своих групп с местным сообществом и за соблюдение их человеческих и этнических прав [174]. Таким образом, новая конфигурация полиэтнической реальности нередко связана с этнополитическими, а в некоторых случаях — и с этноконфликтными, процессами и явлениями.

Одна из важных и распространенных форм этнических объединений и инфраструктурных этнических организаций в столичном пространстве — это **национально-культурные сообщества или объединения**, состоящие в основном из приезжих. Еще в 1996 году был принят известный закон о национально-культурных автономиях, который лишний раз подчеркнул протекционистский характер российской культурной политики [343]. И он до сих пор вызывает определенные споры [380].

Национально-культурные объединения в современной Москве, функционирующие согласно этому закону⁹, включает: культурные автономии, этнические ассоциации, благотворительные этнические фонды, общественные центры и организации, культурно-просветительские общества, культурные центры, этнические общественные объединения, интеграционные центры мигрантских организаций, землячества, литературно-культурные общества и общества сохранения культурных традиций, творческие союзы этнических художников, «общество содействия единению приднестровцев» и «общество содействия реализации прав курдских женщин», «общества этнического возрождения», этнические союзы, «общественные фонды поддержки этнической молодежи». Зарегистрирована даже общероссийская общественная организация «Федерация исконных забав и этноспорта России»,

⁹ Огромный список национально-культурных сообществ представлен на сайте Московского Дома Национальностей (МДН).

а также ряд конгрессов этнических диаспор. Всего около сотни «мигрантских» или этнических организаций и сообществ разного уровня, зарегистрированных официально в Москве.

Таким образом, можно видеть, что власти способствуют созданию в Московском регионе новой полиэтнической реальности. На протяжении двух последних десятилетий они практически не препятствуют расселению в российских городах масс инокультурных мигрантов, поощряют организацию их в сплоченные этнические (и земляческие) сообщества и юридически закрепляют статус этих сообществ в конкретных российских регионах. Новые этнические сообщества официально поддерживаются морально и финансово за счет местных бюджетов. Нормативные документы свидетельствуют о том, что этим объединениям оказывается помощь в проведении различных массовых мероприятий в области национальной культуры; предоставляются субсидии (гранты) на финансирование отдельных общественно полезных программ; предоставляются льготы по налогам [380].

В настоящее время в стране все чаще обсуждается реальное политическое представительство этнических групп (в том числе и новых) и их интересы в различных органах власти [374]. Некоторые аналитики высказывают сожаление, что этнические меньшинства еще недостаточно вовлекаются в политические процессы, не могут создавать свои этнополитические партии, не могут на государственном уровне блокировать принятие решений, идущих вразрез с их интересами [374]. Поэтому высказывается пожелание создать еще одну государственную структуру, которая могла бы обеспечить защиту интересов этнических групп в общегосударственном масштабе [374]. Но существуют и противоположные точки зрения.

Одним из важных этнических общественно-политических институтов и одновременно заметным элементом этнической инфраструктуры современной Москвы являются **этнические СМИ**. Это группа печатных изданий — газет и журналов, а также теле- и радиоканалов, а в последние 15 лет и интернет-изданий. Они также были созданы этническими активистами и землячествами¹⁰. Этнические информационные каналы, в течение двух последних десятилетий стали заметной частью российского медиaprостранства и еще одним ярким признаком полиэтничности Московского мегаполиса¹¹. Они

реально способствуют сохранению и формированию этнической идентичности у людей, живущих в инонациональном окружении, информируют их о важных для них событиях этнической жизни и помогают в ней ориентироваться. Через эти информационные каналы распространяются «родные» этнические ценности, взгляды, представления, мифы. И одновременно, как и любой другой канал СМИ, они выполняют определенные организационные и пропагандистские функции, распространяя важную для политиков и коммуникаторов информацию и идеи [179]. Этнические СМИ демонстрируют взгляды новых этнических элит, их представления, установки и стратегии, которые их лидеры выносят на обсуждение соплеменников, а затем озвучивают в общественном пространстве от имени всей группы. Именно из этих идей, суждений, представлений и комментариев складываются и выстраиваются, условно говоря, **новые этно-национальные идеологии** недавно образовавшихся на новом месте этнических сообществ [174].

В настоящее время этнически ориентированных изданий в столице особенно много. Каждая этническая община или диаспора стремится издавать свою газету или журнал, а иногда и не одну. Нередко они конкурируют между собой (например, татарские, азербайджанские, армянские, еврейские и др. издания в Москве). Организационный вопрос — один из важных вопросов для общинной прессы. Он состоит в объединении своих соплеменников в организованные сообщества на конкретной территории, в духовно-психологическом их единении, в создании управленческих структур данного сообщества; в официальном закреплении статуса созданной группы в регионе или в стране, в заботе о поддержании этнического самосознания у соплеменников, о количественном и качественном расширении своей группы, о ее жизнеспособности и в первую очередь — о ее финансировании. В озвучиваемые прессой задачи этнических организаторов входит налаживание

единяет представителей этнических СМИ, выходящих в Москве. Члены этого клуба поставили перед собой следующие задачи: участие в реализации государственной национальной политики в г. Москве; организация информационного обеспечения этноконфессиональных мероприятий, проводимых Правительством Москвы и МДН; обеспечение связи МДН со средствами массовой информации, издающимися по инициативе этнических, диаспорных и межнациональных общественных организаций; проведение пресс-конференций, брифингов, информационных встреч по этноконфессиональной тематике, в том числе с выездом в регионы РФ; распространение по поручению МДН официальных заявлений, сообщений и других информационных материалов Пресс-клуба; мониторинг основных информационных и аналитических телепередач по этноконфессиональной проблематике // <http://mdn.ru/cntnt/presscentr/pressclub.html>

¹⁰ Отметим, что до сих пор нет единого мнения — действительно ли Интернет можно причислить к СМИ. Мы склонны считать, что это СМИ (например, поскольку ресурсы Интернета во многом выполняют те же функции, что и пресса, радио, телевидение).

¹¹ В Москве при ГБУ МДН Московском доме национальностей создан Пресс-клуб этнических СМИ. Клуб объ-

связей с местными властями и общественностью, а также со своей этнической родиной, определение стратегий и направлений дальнейшего развития своего этнического сообщества на новой территории. Но, кроме того, лидеры общин вместе с прессой выполняют и вполне житейские задачи. Они содействуют землякам в их обустройстве и процветании на новом месте, поддерживают связи с этнической родиной и даже помогают найти себе спутников жизни в своем сообществе. В последнее десятилетие в столице появилось немало и этнических электронных ресурсов. Прежде всего это электронные варианты газет азербайджанцев, греков, армян, евреев, татар, тувинцев, украинцев, мордвы и других. Таким образом, информационное пространство в Московском регионе насыщено различными этническими каналами.

Полиэтническая топонимика Москвы, то есть названия городских улиц, переулков, площадей, каждое из которых имеет свою богатую историю, также со временем меняется. Как видно из сохранившихся топонимов, большинство московских мест имели совсем нехитрые русские названия. Для потомков в городском пространстве зафиксированы, например, *местные ландшафтные условия* — речки, болота, почва. Это, например: Яузская застава, Моховая улица, Болотная площадь, Замоскворечье, Песчаные улицы, Неглинная улица, Налесный и Напрудный переулки. Современные москвичи могут представить *специализации ремесленников*, столетия назад работавших на Кожевниковской и Сыромятной улицах, в Оружейном переулке, на Большой Каретной или на Кузнецком мосту. Именами людей в старой Москве улицы называли редко.

Поскольку в Москве издавна обитали не только русские жители, сохранились здесь и *этнические названия московских районов и улиц* — Грузинские улицы, Немецкая слобода, Армянский переулок, Большая и Малая Татарские и другие. Они также являются одним из свидетельств давней полиэтничности города. Их называли так из-за «иностранцев», которые, приезжая в Москву, обустроивались в этих местах. Первыми поселенцами Немецкой слободы, как называли Лефортово уже при Иване Грозном, были пленные, взятые русскими на Ливонской войне. Здесь же Грозный и Годунов стали расселять иноземных мастеровых, которых приглашали в Россию на государеву службу [489]. Некоторые исследователи с гордостью утверждают, что на карте Москвы можно найти без малого три сотни названий улиц и переулков, которые произошли от татарских слов — *Арбат, Яуза, Ордынка, Басманная*. Все эти названия появились в городе в разные времена, скорее всего стихийно, просто по факту проживания там представителей конкретных

этнических групп. Но они четко свидетельствуют о том, что Москва издавна была местом притяжения людей разных национальностей — иноземных купцов и других торговых людей, послов с их сопровождением, бывших пленных, ремесленников и иных иностранных специалистов — архитекторов, строителей, портных, поваров, артистов, путешественников.

В настоящее время тенденция наращивания полиэтничной топонимики в российской столице продолжается. Еще в советские времена, а потом и в наше время часть московских улиц была названа с подачи властей в честь «друзей страны» — иностранных государственных и общественных деятелей: площадь Хо Ши Мина, площади Индиры Ганди, Амилькара Кабрала, улицы Хулиана Гримао, Агостиньо Нето, Георгия Димитрова, а также ставший особенно известным в последние годы бульвар Абая Кунанбаева. Недавно в Москве после некоторых общественных сомнений появилась и улица Уго Чавеса. А имена «братских столиц» давались в свое время не только улицам, площадям, но и кинотеатрам: Гавана, Улан-Батор, Будапешт, Баку, Варшава и другие.

Все эти действия городских властей по присвоению новых наименований и переименованию московского географического пространства можно рассматривать как проявление дружбы и солидарности с элитами и народами тех или иных стран. Но для москвичей советского и постсоветского периода такие названия постепенно становились еще одной приметой направленного формирования современной полиэтничности города. И в советские времена, и в последующие десятилетия некоторые названия горожане встречали с уважением и согласием, другие — с насмешками, а против третьих активно, но почти всегда безуспешно протестовали (например, недавние выступления москвичей против названия станции метро «Алма-Атинская» вместо привычного для них «Братеевская»).

Таким образом, и в наши дни топонимы московского пространства остаются полиэтничными и даже целенаправленно приумножаются. Причем, этот процесс — не стихийный, по желанию москвичей, а целенаправленный, по решению властей города.

Вывески и реклама — это один из важных элементов современной полиэтничной российской столицы. Они выполняют важную информационную миссию, сообщая жителям об интересных событиях и местах города. По ним можно косвенно судить — кто живет в этом городе, какие товары продают в его магазинах и на рынках, в какие театры и кинотеатры могут ходить люди, где они могут учиться и лечиться. Выполняя и декоративную

функцию, они являются своеобразным фоном, украшением не очень привлекательных городских зданий и улиц (хотя нередко и незаслуженно загораживают исторические памятники). И, наконец, по вывескам и рекламе можно видеть и полиэтничное присутствие, многоцветный полиэтнический фон и колорит большого города, его разноязыкое многообразие.

Мы попытались зафиксировать на зданиях нескольких московских улиц и площадей некоторые надписи-вывески, содержащие нетрадиционные, а проще говоря, иноязычные для русского города и москвичей надписи. Анализ увиденных и зафиксированных уличных надписей показал, что **глобализационные и миграционные процессы последних десятилетий оставляют очень заметный след в московском городском пространстве**. Если судить только по этому элементу уличного городского оформления, то можно предположить, что современная Москва — это город, населенный русскоязычными, англоязычными и «русско-азиатскими» жителями, причем, для каждой группы здесь существует своя собственная уличная информация. Отметим, что на самых центральных улицах преобладают (вместе с русскими) англоязычные и другие европейские надписи. На фасадах зданий можно увидеть уже ставшие привычными для москвичей слова: *«Мини-маркет»*, *«Супер-маркет»*, *«Мини-шоп»*. Но все же, кричащие огромные надписи на крышах многоэтажных зданий, типа *«CANON»*, *«MITZUBISI»*, *«Sbarro»* и другие бросаются в глаза прохожим в первую очередь. Чуть подальше от центра города и на периферии чаще встречаются азиатские названия на русском языке — *«Шаурма»*, *«Чебуреки»*, *«Хинкальная»*, хотя они встречаются также и в центре.

Мы попытались зафиксировать вывески-надписи-рекламу на некоторых московских улицах и увидели, что в наружной московской рекламе, сосредоточенной в основном (но не только) на центральных улицах, кроме русскоязычных надписей присутствует реклама на латинице (на английском языке). В основном это реклама западно-европейских и японских товаров и услуг, что является одним из ярких штрихов любого современного мегаполиса. Русский и российский бизнес представлен в этой внешней городской рекламе Москвы крайне редко. В современной Москве полузабыты или пока не востребованы традиции старого русского города с его булочными и калачными, с его брадобреями и врачевателями, с его гостинными дворами и трактирами. Хотя в некоторых местах еще встречаются такие названия как *«Пивнушка»*, *«Бочка»*, *«Габли»*, *«Елки-палки»* и некоторые другие.

Таким образом, реклама и вывески, афишные стенды и транспаранты-перетяжки на столичных

улицах, на фасадах и крышах зданий, на строительных ограждениях можно рассматривать как еще один признак заметно меняющейся полиэтничности Москвы. В том числе и с помощью этих уличных иллюстраций на стенах и крышах домов, на тротуарах и растяжках горожане привыкают к многоязычию и довольно спокойно воспринимают подобную информацию, если она им не мешает.

Москва — гостеприимный город. Сюда ежегодно приезжают массы туристов и других гостей из самой России и из многих зарубежных стран, увеличивая и без того пеструю толпу прохожих. **Гостиницы разного рода** — отели, постоянные и гостевые дома, дома для ночлега, «хостелы» (в том числе и капсульные), общежития и даже ночлежки это разные виды современных временных пристанищ в Москве. Но с древних времен в Москве существовали постоянные и гостинные дворы, подворья, слободы, доходные дома, трактиры и прочее, где останавливались приезжие из разных мест и временные гости. Известными в старой Москве были, например, Бухарское подворье в Замоскворечье, Хивинское посольство, польские дворы, хазарские, грузинские, мусульманские. Упоминают авторы и Касимовский двор (XVII в.), дипломатические и торговые посольства — Казанский посольский двор, Астраханский торговый двор (XV в), посольства Сибирского ханства и другие. Крещенные сибирские царевичи в начале XVIII в. имели владения сначала в Ордынской сотне в Замоскворечье, затем чуть южнее, в местности Болвановка. И в современной Москве очень много отелей и гостиниц для приема гостей, но проблема их достойной встречи все еще существует и даже заметно обостряется.

Гостиницы в Москве можно рассматривать не только как еще один объект полиэтничной инфраструктуры, но и как «мостик» для дружеского межэтнического взаимодействия. До недавнего времени в Москве все знали гостиницы *«Россия»*, *отели «Националь»*, *«Москва»*, *«Украина»*. И в настоящее время само название зачастую становится своеобразной рекламой. Названия гостиниц — это еще один, весьма заметный штрих во внешнем облике полиэтничного города. Разумеется, в названиях городских гостиниц, которые мы выявили на разных специализированных городских сайтах, нет никакой системы. Современные владельцы дают имена своим заведениям в зависимости от своих вкусов, предпочтений, а порой, и от своего прежнего места жительства. Выяснилось, что в названиях гостиниц современной Москвы (2013 г.) преобладают географические топонимы, что кажется вполне понятным. Перечень названий оказался весьма полиэтничным. Среди зафиксированных нами названий встречаются и азиатские,

и европейские, и американские топонимы, в том числе названия стран, городов, рек и отдельных мест. По этим названиям вряд ли можно даже косвенно судить — откуда в российскую столицу приезжают иностранные гости, но о географических ориентациях их хозяев, пожалуй, кое-что узнать можно: *Восток, China-sky, Пекин, Милан, Napoleon Hostel, Белград, Украина, Арарат пар Хаят, Малибу, Брайтон, Варшава, Балтия, Алтай, Арктика, Русь, Золотое кольцо, Байкал, Ока, Волга, Гостиница Ярославская, Мегapolis, Москвич, Старый город, Серпуховский двор, Арбат, Лефортово, Рублевка-инн, Тверская лофт, Дмитровка, Царицыно, Усадьба Ромашково, Бородино, Подмосковье, Подольск*. Кроме географических названий, у современных московских гостиниц нередко встречаются и женские имена: *Катерина-Сити, Оксана, Джулия, Медя, Афродита, Екатерина, Татьяна*. Наблюдения показывают, что, в отличие от рекламных и других уличных вывесок, владельцы гостиниц и в наше время не забывают уютные, приветливые и притягивающие внимание русские слова, а в некоторых случаях даже реанимируют их: *Постоялец, Каретный Двор, Лапти, Старый город, Гнездышко, Гостевой дом, Москвич, Русь Дворянская, Усадьба Ромашково*.

Выяснилось и то, что среди наиболее известных и разрекламированных московских гостиниц крайне редко упоминаются этнические гостевые дома и другие места ночлега, которых в полиэтничной Москве очень много. Их афишировать, а тем более рекламировать, вообще нет нужды, эту функцию выполняет «сарафанное радио». Земляки помогают своим сородичам (гастарбайтерам и другим мигрантам) устраиваться на ночлег или на постоянное жительство в самых разных местах мегаполиса. Московская пресса переполнена информацией о раскрытии «резиновых квартир», «выселенных домов», о подпольных цехах и фабриках, где приезжие из бывших среднеазиатских республик (а также вьетнамцы, китайцы и другие) и работают, и живут, иногда несколько лет не выходя на свет божий.

Трудно сказать, насколько случайными являются многие названия московских гостиниц, и какой в них заложен смысл, особенно связанный с географией. Определенная специфика в облике гостиниц нередко соответствует названию. Однако внутреннее убранство гостиниц направлено в основном на удобство гостей столицы, а названия и вывески позволяют судить о внешнем, экстерьерном облике полиэтничного города. Среди других названий гостиниц Москвы можно также назвать: *Хаус Отель, Отель Кебур, Палас, Mamaison, All-Suites, Spa Hotel, Покровка, LikeHome, Апартаменты, Тверская, Бутик-Отель, Шенонсо, ИннДэйс, Арбат, Марко Поло, Пресня-Отель, Отель Де Пари*.

Кроме уже названных и не упомянутых обычных отелей/гостиниц, в столице имеются и другие виды расселения инокультурных приезжих. Это так называемые «резиновые квартиры», общежития и просто «ночлежки». В реальной жизни их видят не все, в основном только соседи. А в Интернете можно увидеть довольно много информации и об этом. И это тоже один из заметных штрихов современного полиэтничного мегаполиса, где пока инокультурных жителей не становится меньше.

Этнические кафе и рестораны — особая тема для современной полиэтничной российской столицы. Гурманы даже высказывают мнение, что полиэтничная гастрономическая карта города для некоторых москвичей и гостей не менее привлекательна, чем культурная или историческая [16]. Горожане уже привыкли к тому, что красиво оформленные в этническом стиле рестораны и кафе встречаются во всех уголках большого города. Они не только служат местом, где можно вкусно поесть, но также являются и местом отдыха и общения, причем, как для земляков, приехавших в Москву из разных национальных регионов страны и мира, так и для самих москвичей. Но помимо этого, этнические кафе и рестораны — это, чаще всего, приятные и комфортные площадки для дружеского межэтнического общения. Через питание происходит взаимодействие и взаимовосприятие национальных (этнических) культур, обычаев, образов жизни, формирование общих или интернациональных вкусов, пристрастий и предпочтений. Можно также утверждать, что питание становится частью туристического и гостиничного бизнеса, а также и торговли, одним из своеобразных «путепроводов» для проникновения инокультурных традиций в нашу страну.

Точных статистических данных о количестве так называемых «национальных» или этнических ресторанов и кафе в современной Москве найти не удалось, и это неудивительно. Заведения открываются, закрываются, меняют хозяев, время от времени меняют и свои названия. Тем не менее, как сообщает Московская Гильдия рестораторов, в настоящее время в Москве насчитывается около 2,4 тыс. ресторанов, и около 1,1 тыс. из них представляют национальные кухни 43 стран мира. Среди них, по данным Гильдии, русских — 280, японских — 175, китайских — 111, итальянских — 103 [494].

Кафе, рестораны и другие заведения с этнической кухней являются одной из «площадок толерантности» в современной Москве. Появившиеся в столице России еще в давние времена, недоступные для простых москвичей в советский период, рестораны с названиями столиц иностранных государств (*Будапешт, Берлин, Белград, Пекин, Прага*

и другие) и бывших советских республик (**Ереван, Баку, Украина**) в начале нашего века стали соперничать за своих клиентов с многочисленными заведениями национальных кухонь. Чуть более чем за 20 лет московский общепит, как и сам мегаполис, в значительной степени стал полиэтническим. Хотя необходимо отметить, что эти «этнические» заведения ориентированы не только на своих земляков и на свою диаспору, членов которой привлекают сюда ностальгией по своей этнической родине. В настоящее время в российской столице существует и развивается большая ресторанный индустрия, с серьезным менеджментом и структурами, обучающими управленцев ресторанному бизнесу.

Как известно, национальные кухни — это часть национальных культур и истории народов, их образа жизни, их традиций, обычаев, их возможностей и способностей. Этническая кухня — это своеобразное окно в другую культуру, и, дегустируя национальные блюда, посетитель как бы становится «кулинарным туристом» [511]. Именно национальная кухня с ее этническими и региональными особенностями, вместе с хорошими поварами, удобным, колоритным национальным интерьером, национальной музыкой (а нередко и с официантами) привлекает в эти заведения горожан разных национальностей. Если для представителей конкретной национальности это заведение служит местом встреч соотечественников, эмоциональным и приятным воспоминанием о своей этнической родине и о своей этничности, то для москвичей других национальностей — это места, где они получают некоторое представление о других народах, их вкусах, привычках и образе жизни.

В названиях ресторанов и кафе москвичи теперь могут видеть яркое этническое многообразие, мозаику мировой гастрономической или кулинарной полиэтничности, привнесенной

в Московский мегаполис глобализационными и миграционными процессами. Создание этнической системы общественного питания — это естественная инициатива самих этнических бизнесменов, уже укоренившихся в Москве. Как и в других сферах, они, порой самостоятельно, а порой и при поддержке местных властей, создали и развивают в Москве свой «этнический» бизнес.

Современное этническое разнообразие отражается прежде всего в названиях многочисленных московских заведений общепита. Проведенный анализ названий показал, что довольно часто, выбирая название своего кафе или другого питательного заведения, владельцы используют:

- **географические названия** — европейские, азиатские и американские (названия континентов, столиц и других городов разных государств, названия рек и озер, гор, находящихся в тех регионах, их **фауну и флору**);
- **этнические имена** — мужские и женские — имена владельцев заведений, а также имена исторических и мифологических героев разных народов и стран;
- используются **имена известных литературных и фольклорных персонажей**,
- **названия памятников архитектуры** и других национально-этнических символов;
- **элементы национальной одежды и быта**;
- **блюда национальных кухонь разных регионов мира** (пельмешка, манты, пицца)

Названия этнических кафе и ресторанов должны быть легко произносимыми, привлекательными, заманивающими посетителей, а иногда и с оттенком юмора. Мы попытались выписать из разных интернет-источников ряд таких этнических названий реальных московских ресторанов и кафе с целью выяснить, какие этно-национальные ценности отражаются в этих названиях в современной российской реальности (табл. 19).

Таблица 19

Названия московских кафе и ресторанов с этнической кухней [515, 516, 517]

Кухня	Название заведения
Азербайджанская	Барашка, ШЕШ-БЕШ, Чемпион, Баку, Азербайджан, Джейран, Ширван, Райский дворик, Бакинский Бульвар, Урюк-кафе, Шашлык-машлык, Тебриз
Аргентинская	El Asado
Армянская	Арапат, Старый город, Ереван, Ноев Ковчег,
Английская	Дорчестер, Secret Garden, Плотников Паб, Темпл Бар
Американская	Бург Хаус, Чикаго Прайм, Кафе Дяди Сэма
Белорусская	Драники, Белая Русь
Болгарская	Баба Марта
Восточная	Бархан, Сокровища шаха, Горячие ночи Востока
Вьетнамская	Синяя река, Сайгон, Ароматная река, Тай вьет
Греческая	Семирамис
Грузинская	Тинатин, Генацвале, Мимино, Хинкалофф, Аджика, Нескучный Дворик, Чито, Иверия, Сакартвело, Кабанчик

Кухня	Название заведения
Еврейская	Иерусалим
Итальянская	Иль Патио, Миа Флоренция, Евразия, Трюфель, Аспект, Альберто, Бенвенуто, Сальваторе, Венеция, Мамина паста, Капри, Адриатико, Паста и Баста
Индийская	Экспресс Бомбей, Арома, Махараджа, Тадж Махал
Испанская	Ла Манча
Кавказская	Камин, Владикавказ
Китайская	Хуан-Хэ, Мама Тао, Чайна Клуб, Чайна Дрим, Харбин, Шанхай, Ким Тим, Мама Тао
Корейская	Белый Журавль,
Кубинская	Старая Гавана
Ливанская	Шафран
Марокканская	Маракеш, Мажорель и Кетама
Мексиканская	Сомбреро, Манито,
Молдавская	Молдова
Нейтральная (?)	Пиццерии, Чебуречные, Хинкальные
Немецкая	Линдерхоф (пивной ресторан)
Русская	Сударь, Снегири, Неглинный Верх, Самовар, Пушкарев, Березовая Роща, Илья Муромец, Обломов, Елки-Палки
Сербская	Югославия, Оптимист, Бо Эми
Татарская	Сарай, Казан, Идель
Тибетская	Тибет–Гималаи
Турецкая	Паша Кебаб, Бардак
Узбекская	Узбекистан, Шелковый Рис, Самарканд, Ташкент, Восточный Квартал, Согдиана, Бабай Клуб, Тибетейка, Белое солнце пустыни
Украинская	Шинок, Корчма, Тарас Бульба, Кочерга
Французская	Визави, Синий Кот, Люсьен, Кафе Кальвадос, Le Restaurant
Хинкальная	Хорошо сидим
Чешская	Козловица, Сливовица
Шотландская	Шотландская Клетка
Японская	Суши-бар, Суши Весла, Якитория, Васаби, Дай Суши, Ю-Мэ, Япона Мама, Тануки, Таке, Нагасаки, Япоша, Восходящее солнце, Маки-Маки, Море Суши, Гейша, Суши шоп, Суши маркет, Мигуми

Один из привлекательных моментов для посетителей этнических кафе и ресторанов — это **ритуал встречи гостей** с элементами этнического (общечеловеческого?) гостеприимства. При входе в помещение в глаза посетителям сразу же бросаются некоторые *этнические характеристики персонала* — внешность, одежда, манеры. Для многих посетителей, судя по отзывам, важно *знание персоналом русского языка*. Во многих этнических кафе и ресторанах в меню стоят *этнические блюда со своими же этническими названиями*, которые посетители — москвичи не всегда могут понять. В меню некоторых заведений под вывеской «этническая» готовят и блюда других кухонь, обобщенно названных «кавказская», «европейская», «восточная». Конечно, предмет особой гордости каждого ресторанного заведения — прекрасный *профессиональный шеф-повар* соответствующей национальности. Обычно это показывается в рекламе как одно из важных преимуществ данного заведения. На долгое время остается незабываемой для посетителей

этническая атмосфера в заведении. Она создается, как правило, не только вкусной пищей и приятным общением с персоналом и другими гостями, но и с помощью *особого оформления интерьера*. Хозяева стараются создать или симитировать старинный, иногда псевдонациональный интерьер, причем в некоторых случаях оформление начинается еще на улице. Украшаются вывески, оформляются национальным орнаментом и другими атрибутами входные двери, а в зале декорируются все поверхности: на стены вывешивают красивые национальные ковры, в нишах выставляют стилизованную старинную столовую посуду, старинные бутылки, ковшики и блюда, имитируется даже жилой интерьер. И эта «этническая» атмосфера или псевдоэтническая (порой сказочная) для нынешних времен обстановка, несомненно, вызывает интерес посетителей к культуре, истории и образу жизни конкретного народа. Прекрасное дополнение, создающее расслабляющее состояние в таких заведениях — *тихая этническая музыка*.

Магазины и рынки с этнической окраской (этнические товары, продавцы. Покупатели).

В последние десятилетия в городе как бы внезапно стали появляться так называемые «этнические» магазины, бутики, салоны. Эти экзотические для многих магазины (мусульманские, индийские, японские, корейские и др.) заняли в современной Москве особую нишу. Большие группы новых этнических жителей Москвы, как известно, далеко не всегда ориентируются на восприятие местной культуры, поэтому они нуждаются в том, чтобы их собственная этнорелигиозная культура в разных формах присутствовала и на новом месте их жительства. Активные этнические предприниматели быстро уловили у своих земляков эту этническую ностальгию и тягу к своей этничности и стали организовывать не только свои национально-культурные сообщества, свои СМИ, свои кафе и рестораны, но и свои «этнические» магазины.

В этнических магазинах и бутиках, согласно рекламе, продается масса предметов под названием «**этнические товары**». Эти слова уже не составляют тайну для современных московских жителей и гостей города. В многочисленных этнических магазинах и «караван-шопах» в Москве теперь можно посмотреть и купить практически все товары, которыми пользуются продавцы у себя на родине. Это — *«этническая одежда», «этносумки», благоволия, амулеты, серебрянные украшения, подвески, пробники духов, мусульманские украшения, арабская косметика и парфюмерия, предметы интерьера, карты Таро, бижутерия, штаны-афгани, шаровары*. Здесь, судя по рекламе, можно увидеть и купить *исламскую литературу и атрибутику, приобрести «ручку, читающую Коран», арабский кофе, особые аксессуары для машины, обувь* и т.д. [512]. Если раньше многие москвичи приобретали товары на «вьетнамских», «китайских», «турецких» рынках, то теперь у них появилась возможность покупать эти товары в более цивилизованных условиях.

В этнические магазины и бутики приходят, конечно, не только люди определенных национальностей. Также как и этнические рынки, как и рестораны, эти магазины становятся местами встреч и общения для всех жителей города, еще одними островками реального межэтнического дружелюбного общения, где можно познакомиться с элементами культуры и быта разных народов и стран, увидеть то, что далеко не каждый житель российского города мог бы увидеть в своей жизни. Реклама некоторых мусульманских магазинов предупреждает, что у них продаются *«товары, установленные в строгих рамках требований шариата»* [513]. В других случаях реклама утверждает, что в их магазине предлагается *«только качественная исламская одежда и товары*

для мусульман», что *«мусульманам здесь их можно не только посмотреть поближе, но и приобрести»* [514].

Для нас в данной работе интересными представляются названия подобных магазинов. В них отражается не только знание предпринимателями и активное использование самого понятия «этнический». Это слово в наше время стало уже особым брендом в бизнесе, выделяющим подобный объект в массе других, уже давно привычных. С его помощью привлекается внимание покупателей, причем, покупателей разных национальностей. Приведем список некоторых названий ряда московских этнических магазинов и бутиков, выбранных из многих интернет-сайтов рунета (Москва): *Магазин мусульманских товаров: Этно-стиль; Этно-шоп; Индийская этническая одежда; Стильная мусульманская одежда; Хиджаб, платья и сарафаны; Лавка волшебства; Интернет-магазин этнической одежды; Этническая мебель и другие предметы быта; Сандаловый дом; Кизлярские ножи; Скифская этника; Кавказский этнический интернет-магазин (декоративно-прикладное искусство, кинжалы, папахи, бурки, черкески, книги и проч.); Этнические ткани (итальянские); Этнические музыкальные инструменты (варганы, бубны, духовые, флейты, скарины и др.); Этническая живопись (японская, манчжурская); Магазин Кавказ-этно в Москве; Восточные товары; Аль-Баракят; Беркат; Салямко; Золотая Бухара; Салсабил (магазин мусульманской одежды); Vostok Fashion& Irada* и т.д.

По названиям товаров видно, что в настоящее время в сфере этнической торговли в Москве безусловно преобладают мусульманские и другие азиатские предметы материальной и духовной культуры. Они не только являются определенной экзотикой для москвичей-славян и вызывают у них интерес, но постепенно становятся и привычными предметами обихода, причем, как у самих появившихся в Москве и разросшихся этнических групп, так и у москвичей других национальностей.

Рынки, как и магазины, это целый мир, независимо от национальностей, чьим бы рынок не считался — азербайджанским, вьетнамским, китайским, индийским или любым другим. Но сам «рыночный люд» — владельцы палаток и ларьков, поставщики, перевозчики товаров, продавцы, грузчики, уборщики и другие обычно обитают не только на самих рынках, но и на немалой территории вокруг них. Они снимают там жилье у местных жителей, а затем, постепенно осваиваясь, покупают недорогие квартиры и живут в них иногда в очень большом количестве. Рынки — это, как правило, мирные торговые места. Но иногда и они становятся территорией теневого бизнеса,

серьезных криминальных разборок и даже террористических актов.

За последний год в Москве были ликвидированы более 30 рынков. Вместо этих рынков, на которых легально и нелегально происходили тесные межэтнические контакты представителей многочисленных этнических групп, обитающих в российской столице, власти стали строить большие супермаркеты и торговые центры, где, конечно, уже нет такого явного и открытого «интернационала». И тем не менее москвичи опять видят многочисленных девочек «южных» национальностей, работающих продавщицами в этих сетевых магазинах, видят и стоящих рядом с ними колоритных молодых людей этих же «южных» национальностей. Они помогают следить за порядком теперь уже в новых огромных торговых центрах и супермаркетах российской столицы. Таким образом, современная Москва создает хоть и цивилизованные, но все же новые полиэтничные инфраструктурные объекты, сохраняя и приумножая своих новых инокультурных жителей, заботясь об их жизненных условиях и выделяя им рабочие места.

В небольшой работе нельзя охватить весь спектр жизненных сфер, в которых в Москве теперь развиваются и функционируют объекты инфраструктуры разных этносов. Среди неупомянутых в этой работе есть одна из важнейших для любого населения **сфера воспитания и образования** (детские сады и школы для отдельных национальностей), трансформирующаяся в городе **система здравоохранения** (речь идет о недавно появившихся в городе отдельных больницах и поликлиниках для «своих» — мусульман, евреев и др.

этнических групп), многочисленные **культовые учреждения**, которые довольно активно строятся в российской столице, отдельные **участки на городских кладбищах** для представителей разных этнических групп и многое другое [175].

Таким образом, Москва и в XXI столетии, оставаясь в целом достаточно толерантным русским городом, одновременно превращается в город реально полиэтничный, с разнообразием языков и религий, идентичностей и менталитетов, обычаев и традиций, ценностей и потребностей. Сегодня можно с уверенностью фиксировать факт практически необратимого закрепления больших масс приезжих и их культур в большом и рыхлом местном сообществе. В Москве, с 90-процентным русским населением, теперь можно наблюдать не только процесс укоренения представителей других этнических групп, но и разрастание их этнических и религиозных институций, сообществ и диаспор с их особой, экзотической для местных жителей инфраструктурой. И это расширение полиэтничности российской столицы происходит заметно и очень быстро, чему в немалой степени способствует не всегда внятная и понятная обществу миграционная политика. Тем не менее москвичи — старожилы теперь на практике знакомятся с новыми этническими культурами, обычаями и образом жизни, заводят дружеские и деловые связи с приезжими, нередко образуют и этнически смешанные семьи. Однако эти позитивные процессы нередко идут параллельно с растущей этносоциальной напряженностью между местным населением и приезжими.

Дорошин Б. А.

МИФОАРХЕТИПИЧЕСКОЕ В ЭТНОКУЛЬТУРАХ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОГО КОНСЕНСУСА В РЕГИОНЕ

Социальная и политическая стабильность, успехи и перспективы экономического и культурного развития того или иного региона и, в частности, Поволжья, во многом обусловлены спецификой взаимодействий проживающих в нем этносов. В немалой степени характер этих взаимодействий обусловлен глубинными социально-психологическими структурами и доминантами, опосредованными через устойчивые образы культуры и подпадающими под определение архетипических,

сквозь призму которых данные этносы воспринимают друг друга.

Сложные перипетии новейшей истории России, в ходе которых, в частности, остался в прошлом советский социализм с его нивелировавшей этноконфессиональные различия идеологией, повлекли за собой возрождение этнического самосознания народов, катализирующее их консолидацию по конфессиональному признаку и повышенный интерес к традиционной народной

культуре. Эта тенденция в сочетании с принадлежностью многих соседствующих российских этносов к разным этноязыковым семьям (что характерно, в частности, для Поволжья) нередко в той или иной мере служит фактором, способствующим взаимному отчуждению данных этносов, обострению этноконфессиональных противоречий. Представляется, что данный аспект влияния подъема этнического самосознания в немалой степени обусловлен различиями и противоречиями во внешних формах и проявлениях традиционных культур и религий. Это обуславливает актуальность выявления и анализа глубинных, фундаментальных структур и доминант религиозно-мифологических и фольклорных традиций, имеющих, согласно К. Леви-Строссу, универсальный характер и нередко определяемых как архетипические.

Ряд положений концепции архетипов К.-Г. Юнга, а также, в немалой степени под влиянием последней, иные трактовки этого понятия получили весьма широкое применение у исследователей религии и мифологии (К. Кереньи, Дж. Кэмпбелл, Г. Циммер, и др.). При этом термин «архетип» все чаще стал использоваться вне юнгианского контекста. В рамках одного из подходов юнговская концепция архетипов была интерпретирована в контексте синергетической парадигмы социального познания. Согласно данному подходу, в архетипах отражается общечеловеческий алгоритм мироупорядочения, в котором синхронизированы законы саморазвития индивидуальной психики, природы и социума [49, С. 359].

В силу многоаспектности мифологических составляющих этнокультур и их роли в социальной жизни, понятие «архетип» используется в данном исследовании в двух значениях:

- 1) юнгианском, подразумевающим под архетипами имеющие формальную бессознательную природу первичные схемы, отражающие универсальные способы человеческого переживания и поведения;
- 2) более широком, относящем к архетипам наиболее общие, фундаментальные и общечеловеческие мифологические мотивы, «парадигмы» и «образцы для подражания» [3, С. 110–111; 418, С. 30].

В конкретных этнических проявлениях архетипов — устойчивых образах, сюжетах, мотивах традиционных культур народов, длительное время сопредельно проживающих в определенных регионах, в частности, в Поволжье, выявляются совпадения, параллели, сходства, обусловленные как ареальной близостью и взаимовлияниями, так и общими этнокультурными истоками. В данном отношении применительно к мифологическим представлениям и традиционным культурам народов Поволжья видится перспективным обращение

к теории Н. А. Николаевой и В. А. Сафронова о единой первобытной этнолингвистической и этнокультурной основе многих народов Евразии, в том числе славянских, тюркских и финно-угорских — евразийской общности X–IX тыс. до н.э. [217, С. 164, 67–72].

Архетипы, нашедшие свое конкретное выражение в мифологических представлениях народов Поволжья, имеют существенную значимость как составная часть массового сознания россиян, восходящий еще к первобытным корням пласт их национальных традиций. Эта значимость предопределена особой ролью в истории России данного региона, социокультурный и геополитический статус которого обусловлен привязкой к центральной водной артерии страны — Волге, образ которой имеет огромное культурно-символическое значение; и спецификой его населения, с давних пор формируемого симбиотическим взаимодействием крупнейших в составе населения России этноязыковых общностей — славян, тюрков и финно-угров.

Потребность сохранения и укрепления единства народов Поволжья теснейшим образом связана с проблемой соотносительности в массовом сознании роли и значения центра и периферии, имеющей существенную архетипическую составляющую и взаимосвязанной с проблемами отношений государствообразующей нации и национальных меньшинств, политико-географического центра и регионов, власти и общества. Во многих отношениях ключевой в этом ряду является последняя, так как именно легитимация власти как институционального центра общества своим когнитивным аспектом формирует и поддерживает существование определенной картины социальной реальности. Благодаря этому перманентно конструируемый вокруг власти институциональный порядок общества получает характер традиции, интегрируется в символический универсум. В его пространстве проявляется более или менее гармоническое осмысление необходимых и закономерных связей прошлого, настоящего и будущего общества, его этнокультурных и социально-политических составляющих, определяется национальная и персональная идентичность, вырастает национальная идея.

Однако в современной российской действительности эти необходимые обществу процессы затруднены и деформированы разрушительными последствиями краха советской государственности и цивилизационной модели, проявлениями постсоветского кризиса: деидеологизацией, падением уровня культуры, размыванием и утратой общих морально-нравственных, духовных, смысловых парадигм, anomией и атомизацией, охватившими значительные массы населения

во всех социальных общностях. Обусловленные катастрофичностью и хаотизацией общественного бытия переживания людей все меньше сдерживаются умозрительными рассуждениями, опирающимися на утратившую прочность или вовсе лежащую в руинах совокупность рациональных категорий и доктрин. Именно в таких условиях актуализируется возможность переживания архетипов, влияющих как на индивидуальную, так и на социальную жизнь людей [49, С. 356].

Важнейшим архетипом, центром суммативной целостности сознательного и бессознательного психического бытия в аналитической психологии является Самость. В качестве центрального архетипа она может быть осмыслена как важнейший структурообразующий элемент коллективного бессознательного, а в силу перманентной актуализации последнего в поведении значительных общностей людей представляет существенный интерес для социально-философского анализа. Выступая на личностном уровне как проявление высшего единства человека, интеграции и гармонизации его различных качеств, одни из которых считаются позитивными и принимаются как высокоценные и наиболее достойные человека, а другие отвергаются как негативные, деструктивные, иррациональные, «темные» и «животные», Самость обеспечивает и развитие способности понимания человеком окружающего, часть которого, так же, как и часть его существа, оценивается негативно [278, С. 31]. Именно поэтому в социально-психологическом и социально-философском контексте Самость может быть охарактеризована как универсальная модель гармонизации и единства, синтезирующая в себе установки и алгоритмы равновесного взаимодействия человека, общества и природы; этноса (или любой другой социальной общности) и его социальной среды (региональной этнокультурной общности, полиэтнической гражданской нации, человечества в целом). Отдельные аспекты Самости проявляются в других архетипах: Отца, Героя, Мудрого Старца [278, С. 31, 34].

Идея центра как точки равновесия, начала, регулирующего и гармонизирующего взаимодействие противоположных сил, зачастую соотносится в социальном пространстве с властью и элитой. Наиболее эффектной и эффективной формой репрезентации властной элиты различных времен, народов и стран был и остается архетип Героя, который в этом отношении выступает центральным аспектом Самости. Для России, в силу ее непростых природно-географических и социокультурных условий, а также перипетий исторического пути, этот архетип имеет особое значение, особенно в переломные эпохи. Героический миф, выступая средством преодоления символического разрыва, семиотически моделирует новый порядок

и оформляет возрожденную российскую идентичность. Он особенно значим в контексте представлений, связанных с элитой, поскольку Герой нередко служит как эталоном лидера, так и идеальным образчиком любого представителя элиты.

Укорененный в «старших», наиболее архаичных пластах массового сознания архетипический образ героической элиты воспроизводится в социальной практике (военная аристократия, духовно-рыцарские ордена, возводящее свои корни к тамплиерам масонство) и в эмоционально-оценочном подтексте концептов политической фразеологии («коммунистическая партия — передовой отряд рабочего класса», «питерские силовики», единоклассники — «медведи»). В философском и научном дискурсе этот образ получил отражение у предшественников современных теорий элит (Платон, Т. Карлейль, Ф. Ницше, Г. Тард), а также в определении глобальной элиты как «новых кочевников» (Ж. Аттали).

В мифологии народов Поволжья архетипы Самости, Героя, Отца и Мудрого Старца представлены в первую очередь образами божественного героя-первопредка, родоначальника, отца-основателя и, зачастую производным от них, образом царя. Последний из них связывается в аналитической психологии прежде всего с архетипом Отца, но выделяется некоторыми авторами и в качестве особого архетипа — специфического аспекта архетипа Отца [36, С. 59].

Соотношение образов героя и царя имеет и противоположную трактовку. На наш взгляд, она в значительной степени обусловлена тем, что: 1) архетип Героя является аспектом Самости; 2) образ героя интерпретируется в аналитической психологии и в качестве символа Эго, связанного с Самостью как движимое с движущим, как ствол с корнями [280, С. 106, 152]. Поэтому идея производности и вторичности архетипа Героя и Эго по отношению к Самости коррелирует с идеей восхождения мифологического образа героя к описанному Дж. Фрейзером феномену царя-колдуна (жреца) [195, С. 296]. Такое соотношение может быть обусловлено анахроничным напластованием и синтезом в процессе генезиса мифологии различных вариантов, элементов и персонажей ее сюжетов, детерминированным не достоверными представлениями об их хронологии, а, в значительной степени, динамикой соотношения различных аспектов Самости и Эго в психике самих творцов, ретрансляторов и интерпретаторов мифов.

Однако с точки зрения исторической объективности исходным в рассматриваемом «пучке» образов и архетипов, очевидно, является образ первопредка, восходящий к памяти о доминантных субъектах мужского пола в наиболее ранних популяциях гоминид. В ходе своего генезиса

сознание людей наделяло данных субъектов героическими, сакрально-магическими и царскими достоинствами. Следовательно, в структуре интегрального архетипа Самости в контексте его фундированности вышеназванным этологическим базисом можно выделить следующую хронологическую последовательность аспектов: 1) Самость как Отец; 2) Самость как Герой; 3) Самость как Мудрый Старец; 4) Самость как Царь. Вероятно, это соотношение в той или иной мере детерминирует иерархию установок населения Поволжья в отношении элит, ожидающего от них:

- 1) патернализма, социальной опеки и защиты (Отец);
- 2) решающей роли в борьбе с проблемами и врагами, осуществления кардинальных преобразований (Герой);
- 3) предложения мировоззренческих и смысловых парадигм (Мудрый Старец);
- 4) авторитарной персонификации (Царь).

Наличие такой иерархии установок, очевидно, характерно для существенной части российского общества и обусловлено преобладанием в нем трех этнических компонентов — славянского, финно-угорского и тюркского, симбиотическое взаимодействие которых наиболее масштабно, интенсивно и долговременно осуществлялось в Поволжье.

Одной из наиболее архаичных репрезентаций архетипа Самости в мифологических представлениях народов Поволжья является образ медведя. Предполагается, что антропоморфность его фигуры и обитание в таких же пещерах, какие служили жилищами людям, способствовали его сакрализации в качестве тотемного предка.

Часто фиксируемое в этнографическом материале представление о родстве человека с медведем связывается с тем, что из всех звериных шкур первобытному охотнику легче всего было бы надеть на себя шкуру медведя и воспроизводить в ней движения этого зверя на охоте, если нужно было подкрадываться замаскированным к настоящим медведям. Эти сходства и «перевоплощения» могли стимулировать как зарождение идеи тотемизма (медведь как архетипический Отец), так и генезис магических представлений (медведь как Маг и Мудрый Старец). Одновременно с этим восприятие медведя первобытными охотниками в качестве примера мужества, силы и бесстрашия предрасполагало и к героизации его образа (медведь как Герой) [267, С. 99–108].

У предков современных народов Поволжья медведь являлся символом священной власти. В пользу этого свидетельствуют археологические данные, накладывающиеся на характерный для архаических обществ синкретизм управленческих, священнических и военных функций. Первые

яркие проявления культа медведя в Поволжье связаны с населением фатьяновской археологической культуры (I половина II тыс. до н.э.) — одной из культур боевых топоров и шнуровой керамики, относимых к общим предкам балтов, славян и германцев. Найденный в центре г. Ростова ритуальный топор фатьяновского типа с медвежьей головой [267, С. 107–108] свидетельствует о связи культа медведя и сакрализации власти у фатьяновцев.

Примечательно, что у некоторых народов (в частности, у римлян и германцев) топор символизировал судебную власть и применялся как «орудие судьбы» при разграничении земельных участков [35, С. 268–269]. Идея связи топора, медведя, суда и судьбы обнаруживает параллель в древнекитайской традиции, где созвездие Большой Медведицы именовалось Яшмовыми Весами, и в некоторых других, представлявших созвездия Большой и Малой Медведицы двумя чашками весов (ср. весы как символ правосудия). Отмечая, что яшма — это символ совершенства, Р. Генон соотносил эти весы с Северным полюсом как точкой высшего равновесия и сакральным центром [67, С. 757]. Последний, с точки зрения семиотики, соотносится с элитой, мыслимой как центральная, «осевая» часть, «верхушка» общества. Топор, символизируя судебную власть, выступает и атрибутом вершившей суд элиты (ср. ритуальные топоры в погребениях фатьяновской знати и топоры римских ликторов). Осуществление элитой функции социального арбитража, роли центра, уравнивающего различные общественные силы и тенденции, предполагает тесную связь с ней символизма весов, как отмечено выше, соотносимых с полюсом, центром, точкой высшего равновесия.

Связь образа медведя с символизмом элиты и центра явственно проявляется и в мифологических представлениях народов Поволжья. С почитанием медведя как хозяина животных был переплетен культ славянского бога Велеса (Волоса). Его имя связывается с названием звездного скопления Плеяд (др.-рус. Волосыни, болг. Власците, сербохорв. Влашић и др.) [122, С. 227]. В некоторых отражающих языческие представления текстах Плеяды связаны с Большой Медведицей и Полярной звездой. У ряда народов Евразии и Северной Америки названия Плеяд и Большой Медведицы взаимозаменяемы. В славянском мире в отношении того и другого использовалось название Стожары. Последнее в единственном числе означает центральный столб стога, воткнутую в землю жердь, вокруг которой кругами навивается сено. Такое наименование Большой Медведицы обусловлено нахождением по ней центральной точки круговорота звезд — Полярной звезды [124, С. 49; 23 С. 40]. В индийских «Ведах» яркие звезды Большой Медведицы описаны как Семеро Риши (риши — мудрецы,

аскеты, святые мужи, божественные небожители), движущихся вокруг неподвижной Дхрувы (Полярной звезды), что отражает представления об этих астрономических объектах населения северной Евразии [38, С. 8]. По численности и расположению наиболее ярких звезд Плеяды сходны с Большой и Малой Медведицами, что и обусловило их ассоциирование с ними в представлениях древних. В мифологии мордвы-эрзи Плеяды, называемые Веле, являются местом пребывания верховного бога Нишке-паза. Одним из священных животных, в обличье которого он может предстать, является медведь [235, С. 302].

Например, связанный с медведем астральный символизм отражает идею архетипического сакрального центра. В социальном плане его представляет особая категория людей — носителей трансцендентного знания, являющихся, с точки зрения социальной самоорганизации, неисчерпаемым в своих потенциальных возможностях негэнтропийным (созидательным), порядкообразующим источником, задающим необходимую социуму когерентность, согласованность действий и соразмерность (функциональную целесообразность) социального организма. Такое, архетипическое по своей сути, и восходящее к запечатленной коллективным бессознательным первобытной архаике с ее вождями-священнослужителями, представление о правящей элите отражено в целом ряде социальных утопий — от правителей-философов Платона до представителей научно-эзотерического правящего Ордена в «Новой Атлантиде» Ф. Бэкона [49, С. 424].

Варианты архаического прототипа такой социальной элиты обнаруживаются в этнокультурных традициях народов Поволжья и тесно связаны с образом медведя.

Медвежьи лапы были характерным атрибутом финно-угорских шаманов: считалось, что с их помощью они перемещаются, карабкаясь по стволу мирового дерева, на различные уровни мироздания. К Верхнему Поволжью относится легенда об основании г. Ярославля Ярославом Мудрым, победившим выпущенного на него местными язычниками (почитателями Волоса) «зверя лютого», в память о чем на гербе этого города запечатлен медведь с секирой. В данной легенде память о славянском Волосе, отождествлявшемся, или, по крайней мере, сближавшемся с медведем, переплелась с финно-угорской верой в божественного медведя и обращение медведем шамана [235, С. 53–56, 331, 333].

Целый ряд свидетельств и аргументов позволяет считать Велеса покровителем как языческого духовенства и его шаманских практик, так и власти князей, очевидно, изначально нередко совмещавших административные функции со

священническими (что подтверждается, в частности, близостью терминов «князь» (knez) и «жрец» (ksedz) [267, С. 731].

В.В. Иванов и В.Н. Топоров связывают имя «Велес» с целым рядом фонетически близких слов, обозначающих явления, некоторые характеристики которых ассоциативно сходны: волосы, волос (власть), велес (повелитель, распорядитель, указчик), волна, волшебство и т.п. [124, С. 53–54]. В мифологии образы волос, шерсти (которая может быть волнистой и потому именуется в некоторых языках словами, родственными русскому «волна»), пряжи, нити, паутины является метафорой незримых связей между различными уровнями и явлениями мира. Знание данных связей позволяет осуществлять власть (прежде всего, магическую), над этими явлениями.

Данная архетипическая метафора с ее семантикой в контексте современных научных представлений о мире соотносится с идеями когерентности через дальное действие или синхронии, которые обосновываются и подкрепляются квантово-полевыми моделями. Они являются основополагающими для гипотезы нелокального социального поля, вероятно, содержащего в себе архетипические полевые структуры [86], которые позволяют или, по крайней мере, помогают стихии социального хаоса стать обществом.

С позиций данной гипотезы могут получить новое осмысление феномены массовых явлений и масштабных социальных процессов и тенденций. В частности, возможно более глубокое объяснение тех закономерностей, в силу которых народные празднества, массовые религиозные обряды и общественно-политические акции, чрезвычайные ситуации, военные действия сплачивают или трансформируют массы, пробуждают в них различные стороны человеческой природы — от животной до высшей духовной, а также те или иные эмоции, чувства, настроения, идеи и установки.

Достоверное и глубокое знание этих закономерностей элитой (и, очевидно, получаемое отдельными ее представителями интуитивно) позволяет с высокой степенью эффективности и при минимальных издержках управлять массами, используя методы и приемы идеологического и социально-психологического манипулирования и социальной инженерии. Осмысление социальных архетипов (вероятно, имеющих полевой характер) и их динамики позволяет осуществлять прогнозирование, построение алгоритмов и моделей долгосрочного развития тех или иных социальных и этнических общностей, в том числе в масштабах такого региона, как Поволжье.

В целом анализ образа медведя как мифологического персонажа традиционных культур народов Поволжья, выражающего архетип Самости,

показывает, что для большинства его конкретных репрезентаций характерно преобладание того аспекта данного интегрального архетипа, который манифестируется архетипом Мудрого Старца. Это проявляется и в его связи с шаманско-поэтическим действием, магией (актуализация в психике архетипа Мудрого Старца пробуждает вдохновение и стимулирует проницательность); и в связи образа медведя/Велеса с подземной сферой, миром мертвых (предков, дедов); и в представлении Велеса дедом сказителя Бояна («Велесова внука»); и в распространенном величании медведя «дедушкой» в обрядах и фольклоре; а также в использовании одного слова — «песатай» — для обозначения медведя и деда в удмуртском языке [127, С. 107–119].

Другим глубоко архаическим, чрезвычайно распространенным и значимым в мифологических представлениях народов Поволжья образом, который наряду с медведем представляет архетипы Самости, Отца, Мудрого Старца, Героя и Царя, является образ волка. Наиболее ранний пласт этого полисемантического и амбивалентного образа связан с архетипом Отца. Миф о волке — родоначальнике характерен для уральских, алтайских и индоевропейских народов, генезис которых, согласно Н. А. Николаевой и В. А. Сафронову, восходит к так называемой евразийской общности X–IX тыс. до н.э.

В древнейшем, общетюркском пласте татарской мифологии имеется генеалогический миф, согласно которому родоначальник племени тюрк после уничтожения его сородичей врагами и бегства произвел потомство от спасшей и вырастившей его волчицы [217, С. 104–106]. В. Я. Петрухин отмечал пережитки мифологических представлений о рождении богатырей-первопредков от брака с животными у финно-угорского и русского населения Поволжья [235, С. 57]. К ряду таких богатырей относится князь, у которого, согласно представлениям, зародившимся еще в эпоху общеславянского единства, в младенчестве как знак магической власти пробивается на голове волчья шерсть (длака). Этим объясняется термин «волкодлак», наиболее древняя форма которого, по-видимому, состояла из соединения названий волка и медведя (ср. *прус.* *tlok*, *латыш.* *lācis* — «медведь») и находит параллели в некоторых древнегерманских именах: *Ulf-biorn* (*др.-исл.*), *Wulf-bero* (*древневерхненем.*).

Сближение волка и медведя обусловлено, в числе прочего, и представлениями об их связи с магической властью и отражено, в частности, в сочетании способностей становиться волком и медведем в ряду 12 превращений, описанных древнерусской книгой «Чаровник» [121, С. 242–243]. Реальным прототипом волкодлаков явились представители славянской родоплеменной элиты — ритуально

преображавшиеся в волков для обеспечения плодородия лидеры, совмещавшие функции жрецов и вождей [268, С. 731].

Образ тотемного волка трансформировался со временем в образ бога-Волка. В тюркских героических сказаниях, также как в индоевропейских представлениях о Волчьем пасторе и о русском Лешем, иногда представлявшемся Белым волком, фигурируют волки-волшебники белого и сивого цвета. Эпитет «сивый», восходит в индоевропейских языках к общеиндоевропейскому **t'eī* — «сиять», производным от которого является хеттское слово *sius* — «бог» и «бог Солнца». Таким образом, определение «Сивый, Белый» означает не цвет шкуры волка, а «Сияющий», «Светозарный», «Божественный». Явственные черты архаичного бога-Волка присущи славянскому Велесу, имеющему также медвежьи признаки, и отразившемуся в образе Волха Всеславьевича — князя-волшебника и оборотня [217, С. 120, 124].

На протяжении своего длительного генезиса образ волка в представлениях народов Поволжья имел немало значимых параллелей, а в некоторых случаях неразрывно переплетался с образом медведя. Как и последний, он представлял различные аспекты интегрального архетипа Самости в той же последовательности их проявления: архетип Отца (тотемный волк), архетип Героя (богатырь-первопредок от брака человека и волчицы), архетип Мудрого Старца (сивый волк — хозяин леса и зверей, волкодлак-жрец) и архетип Царя (волкодлак-князь).

В эпоху усиления военной знати, перехода от родоплеменных отношений к государственно-сти в качестве архетипических образцов элиты на первый план выступают боги-громовержцы. В славянской и, в частности, в русской мифологии это Перун. В мордовской (эрзя) — Пурьгине-паз, имя и образ которого возникли под влиянием балтского Перкунаса, имеющего общее индоевропейское происхождение с Перуном. Кроме этого, русского и мордовского громовержцев сближает влияние на образ последнего Ильи-пророка, явившегося христианской заменой Перуну и вобравшего в себя некоторые его черты и функции. Сходство с Перуном отличает и громовержца мордвы-мокши — Атыма, который, подобно его русскому аналогу, преследует нечистую силу (шайтанов), стреляя по ней каменными стрелами [235, С. 308–315; 251, С. 351]. В тюрко-монгольском наследии татар мифологическим персонажем, несущим в себе черты царственного бога-героя, выступает Тенгри — верховный небесный бог, обладавший, наряду с прочими, громовническим и воинским аспектами, являвшийся покровителем воинов и ханов, образцом и подателем ханской власти [215, С. 500–501].

Таким образом, три рассмотренных архетипических образа, связанных с характеристиками элиты — священного медведя, священного волка и бога-громовержца — имеют существенные общие и сходные черты в мифологических представлениях народов Поволжья. При этом наиболее универсальными из них, полнее всего выражающими интегральный архетип Самости, являются первые два. Существенное значение имеет и то, что по сравнению с громовержцем у них более выражена характеристика обладания знанием и его умелого использования, особенно актуальная ныне, в условиях информационного общества, и прежде всего — для современных элит. Представляется, что правильно организованное в соответствующем контексте и при соответствующей интерпретации позиционирование этих образов в информационном пространстве Поволжья способно повлиять как на представления об элитах, так и на динамику их реальных качеств, способствовать оптимизации социального, и в том числе межэтнического, взаимодействия в масштабах данного региона.

Наряду с архетипами, репрезентируемыми в мужских образах, для достижения подлинной Самости, интегрирующей личность и носящей социальное значение, весьма существенны и другие архетипы персонифицированные женскими образами [278, С. 25].

Во многих религиозно-мифологических системах имеется космогонический миф, центральным персонажем которого выступает божественная птица-демиург. Данный миф распространен у финно-угорских народов, в том числе у тех из них, что проживают в Поволжье.

Сюжет о первотворении в форме несения яиц уткой сохранился, в частности, в мифологии марийцев. Согласно ему, утка прилетела на поверхность мирового океана и снесла два яйца. Из них в обличье селезней вылупились два брата — Юмо и Йын, которые стали попеременно нырять на дно и доставали оттуда ил, создав, таким образом, землю [235, С. 260–262].

Сходный сюжет сохранился и в мордовском фольклоре. Великая птица Ине Нармонь снесла яйцо, из желтка которого возникла земля, а из скорлупы — подземная и небесная твердь. Один из мифов повествует о том, что птица высидела три яйца на Мировом древе — березе или дубе — посреди земли. Из одного яйца вылупился жаворонок — птица, символизирующая начало весенних полевых работ, покровитель земледелия; из другого — соловей, символизирующий дом и домашнее хозяйство; из третьего — лесная птица кукушка [235, С. 292–293]. Согласно другому мифу, из трех яиц, высиденных гигантской птицей на Мировом древе — березе с тремя ветвями и тремя корнями, вывелись три духа-матери (ава).

Первая — Норов-ава, хозяйка полей, охраняющая посевы (в том числе и от хозяйки ветров Варма-авы). Вторая — Вирь-ава, хозяйка леса, пастушка медведей, волков и других диких животных, страшный демон. Третья — мать ветров Варма-ава: она может принести тучи с плодородным дождем, но может и повалить созревший хлеб и даже раздуть пожар вместе с хозяйкой огня Тол-авой. У нее четыре сына, которые сидят в бочках по четырем сторонам света; когда Варма-ава открывает бочку, оттуда вырывается ветер. Варма-ава считалась также разносчицей болезней — поветрий [235, С. 315].

Птичьи черты имеются и у богини плодородия Анге-патяй. Согласно мифу, она возникла из яйца, нечаянно раздавленного Чи-пазом по завершении его сна на мировом древе после творения Вселенной [235, С. 293]. Иногда эта богиня представляла в образе большой птицы с золотым хвостом и клювом, из которого просыпались на землю семена, или в образе голубки, бросавшей цветы пчелам, чтобы те собирали мед, и хлебные крошки курам — ее любимым птицам [235, С. 302].

У эрзи сохранилось почитание утки как чудесной птицы, посланницы высшего бога — Вере-паза (или птицы хозяйки леса Вирь-авы). Охотник, вопреки мольбам чудесной утки убивший ее, с ужасом видит, что от ее голоса загудело небо, лощины наполнились ее кровью, перьями покрылась вся земля. Придя домой, алчный охотник нашел всех своих домашних мертвыми [235, С. 296].

Священной птицей — любимцем и посланником бога Нишке — у мордвы почитался и лебедь. Возможно, он представлялся в качестве посредника между земным и небесным мирами. Это позволяет предполагать сюжет эрзянской песни, где поется о том, как лебедь видит жизнь богача, который не молится Нишке, и жизнь бедняка, поднимается к богу и рассказывает о том, что на земле нет правды, потому что праведник живет бедно [27, С. 300–301].

В традиционной культуре удмуртов зафиксирован свидетельствующий о почитании лебедей обряд Юсь-вось. Двух лебедей откармливали и приручали, а летом при них совершалось торжественное жертвоприношение в культовой роще керемети. Жертвами были кони, овцы, гуси и т.п. По окончании жертвоприношения лебедям привязывали по серебряной монете на шею, кланялись им и на паре лошадей отвозили к реке Вятке. Следили за тем, как поплывут лебеди: если вверх по течению, на юг, — значит, они доставят просьбы молящихся Инмар; если вниз, на север, — их мольбы пропадут в преисподней. Лебеди считались воплощениями божеств, и удмурты специально предупреждали живущих по берегам Вятки соседей, чтобы они не стреляли в священных лебедей [235, С. 231].

Важной чертой птицы-демиурга является ее принадлежность к женскому полу, выполнение ею демиургической функции как материнской, в форме несения яйца или яиц. Согласно Н.А. Николаевой и В.А. Сафронову, мифы урало-алтайских народов о птице-демиурге имеют общее исходное ядро с таковыми же индоевропейскими. В нем присутствуют общие для них элементы. Это океан, воздушное пространство и соткавшаяся из воздуха богиня, сочетающая черты птицы и девы (вероятно, ее птичий образ первичен, но для объяснения рождения первого человека птица обращалась в деву) [217, С. 82]. Эти особенности свидетельствуют о том, что в своей основе образ птицы-демиурга неразрывно связан с образом богини-матери и может рассматриваться как мифологическая репрезентация архетипа Великой Матери [278, С. 32].

Зооантропоморфность образа птицы-демиурга выявляется не только в его первооснове, но и в ряде мифологических образов, от него производных или с ним связанных. Немаловажен параллелизм мордовских мифов (или вариаций одного мифа) о порождении птиц-демиургом в одном случае — трех птиц, символизирующих разные сферы жизни; в другом — трех духов-матерей различных сфер. Одна из этих духов-матерей — Вирь-ава — представлялась как имеющая по три когтя на каждой ноге, что напоминает о птичьих лапах. Примечательно и происхождение из яйца на мировом древе богини плодородия Анге-патяй, и ее способность представлять в образе птицы.

Особое значение имеет почитание мордвой и удмуртами лебедей, считавшихся посланниками и воплощениями божеств. Мотивы такого почитания обнаруживают ряд параллелей в других мифологических традициях. В частности, почитание удмуртами пары божественных лебедей может быть соотнесено с широко распространенным сюжетом о браке человека с девой, претерпевающей метаморфозу из лебедя, а впоследствии — вновь в лебедя. В относящемся к этому сюжету греческом мифе в образе лебедя действует мужское божество — Зевс, результатом чего становится рождение от него Ледой (или Немесидой) ребенка, вылупившегося из яйца. Этот миф считается трансформацией космогонической мифологемы о мировом яйце [353, С. 40]. Из последнего в индуистском космогоническом мифе рождается верховный бог Брахма, атрибутом и средством передвижения которого был лебедь [352, С. 185–186]. Именно в религиозно-мифологических традициях Индии и Ирана единство представлений о священном лебеде, человеке и боге, а также наличие человеческих и божественных черт в образе священного лебедя проявляется особенно ярко. В санскрите словом «hansa» именовались гусь, лебедь и душа, познавшая высшую истину, высший дух.

В «Ригведе» и «Авесте» данная птица ассоциируется с творческим началом Вселенной, со светом, разумом и богом-творцом [107, С. 45]. Это полностью согласуется с удмуртским мифопоэтическим восприятием лебедя как символа божественной верховной сущности, связанного с описанным выше ритуалом Юсь-вось, фольклорно-мифологическим образом человека-лебедя, и общими для финно-угров представлениями о сотворении мира водоплавающей птицей и Млечном Пути как пути диких лебедей [144, С. 109–110]. Весьма вероятна и генетическая связь образов лебедя в финно-угорской (в частности, мордовской и удмуртской), индийской и иранской мифологий, так как между их носителями в древности существовали довольно тесные контакты [38, С. 98–103]. В контексте связей древних индо- и ираноязычных этносов с предками населения Поволжья интересны также некоторые параллели их представлений о божественных птицах со славянскими.

Пересечение значений вселенского божества и индивидуальной души в древнеиндийских религиозно-мифологических представлениях о священном лебеде обнаруживает параллели в комплексе славянских языческих представлений о птицедевах-русалках. В русском фольклоре широко распространены сравнение невесты с «лебедью белой» и сюжет превращения девиц после купания в лебедиц. Данный сюжет широко распространен в фольклоре и мифологии различных народов. Его вариация — упомянутый выше миф о превращении Зевса в лебедя для соблазнения Леды. Этому, космогоническому по своим истокам, сюжету родственен целый ряд других, варьирующих тему бракосочетания человека с птицей (животным). Согласно одному из них, лебедь, оставив свое птичье облачение, купается в облике девы. Прекрасный юноша похищает это облачение, и птицедева заключает вынужденный брак с ним, поставив при этом условие табуистического характера. После случайного нарушения мужем табу она возвращается в лебединое обличье и улетает в свое царство, за море, унося с собой весну, солнце и плодородие [353, С. 40–41]. Налицо значительный изоморфизм этого сюжета сказке о Царевне-Лягушке, в которой Василиса после сожжения Иваном-царевичем ее лягушачьей кожи вынуждена улететь в тридесятое царство к Кощею Бессмертному, для чего обернулась — что весьма примечательно — лебедем [418, С. 385]. Кульминационный эпизод данной сказки соответствует языческим обрядовым действиям, производимым в весенний период годового цикла. Размахивание рукавами, разбрасывание положенных туда лебединых косточек и разбрызгивание вина имели значение магических приемов, возрождавших природу после ее «умирания» на зиму.

Очевидно, именно это обрядовое «воссоздание» и отражено в сказочном превращении остатков питья и трапезы из рукавов Василисы в леса, воды и птиц. В пользу религиозно-магической подоплеку указанного эпизода может свидетельствовать и социальная среда, в которой разворачивается его действие — царское семейство и, прежде всего, социальный статус главной героини — жены младшего царевича. Как известно, во многих первобытных племенах и древних государствах важнейшие общественные обряды проводили вожди и цари. Данная традиция сохранялась и в средневековой Руси. Изображения на браслетах XII–XIII вв. свидетельствуют о том, что русские княгини возглавляли весенне-летние языческие обряды и, вероятно, сами исполняли главную роль в священном танце русалки.

В числе архетипов, которые выражают образ Царевны-Лягушки и роль средневековых русских княгинь как жриц, прежде всего необходимо отметить Женскую Самость — архетип природы и жизни, земного и эротического, аспектами которого выступают Принцесса и Жрица. Оба эти аспекта соответствуют образу Царевны-Лягушки, чей статус царевны точно соответствует архетипу Принцессы, стержневая идея которого — ожидание любви через страдания (Спящая Красавица) и самопожертвование, эквивалентные мужской инициации. С этой идеей прямо совпадает и символический образ лягушки, которая, благодаря ее морфологическому преобразованию и способности выходить из воды на землю, рассматривается как период трансформации с метаморфозой, что опять-таки предельно ярко проявляется в таком персонаже, как Царевна-Лягушка [278, С. 31, 33, 61].

Этнографические данные о русалиях у различных славянских народов, а также изображения на браслетах дают основания утверждать, что этот магический танец имел своей целью вызывание дождя, прежде всего для орошения полей и иной растительности. Однако сакральное значение этого танца, безусловно, не ограничивалось лишь утилитарными аспектами, обусловленными земледелием. Не случайно Б.А. Рыбаков называет его «танцем воды и жизни» [268, С. 695–696, 718, 738]. Вода — древний и повсеместно распространенный сакрально-космологический символ, характеризующийся как *fons et origo* (источник и начало), средоточие всех потенций бытия. «Вода, ты есть источник всякой вещи и всякого бытия!» — гласит один из ведических текстов Древней Индии. Ассоциирующаяся с бесформенностью и потенциальностью вода осмысливалась как первичная субстанция, из которой рождаются все формы и в которую они возвращаются либо путем инволюции, либо через катаклизм. Религи-

озное сознание самых разных народов трактует контакт с водой как возрождение: с одной стороны, поскольку за растворением следует «новое рождение», с другой — потому что вода повышает плодородие, жизненный и творческий потенциал. В ритуале инициации вода обеспечивает рождение в новом качестве, в лечебном ритуале она исцеляет, в похоронных ритуалах — позволяет возродиться после смерти. Выступая как «живая вода», она символизирует, в конечном пределе, саму Жизнь. Вода, соотносимая в большей степени с женским началом, отождествляется в то же время и с мужским семенем. В шумерском языке «а» означало «вода», «сперма», «зачатие», «порождение». Это значение воды сохраняется и в ряде первобытных культур, сохранившихся до позднейшего времени. Один из мифов острова Вакута повествует о девушке, утратившей девственность, позволив дождю коснуться своего тела. В мифологии индейцев пима из штата Нью-Мексико имеется сюжет об оплодотворении прекраснейшей женщины, олицетворяющей Землю-Мать, каплей воды из облака [418, С. 183–185].

Бытование множества разделенных в пространстве и времени, но семантически изоморфных сюжетов и мотивов об оплодотворяющем действии воды на женщину/землю, позволяет предполагать наличие подобного смыслового аспекта и в славянских русалиях, отголоском которых, очевидно, являются чудесные деяния Царевны-Лягушки в одноименной сказке. Весенне-летние праздники славян, как и многих народов, изобилуют мотивами космогонического «священного брака» Отца-Неба и Матери-Земли. Болгарский исследователь Д. Маринов отмечал, что русалии — это «брачное торжество нив». В то же время в церковных обличениях русалий как пережитков язычества особому порицанию подвергаются главные действующие лица этих празднеств — женщины-плясуньи, исполнительницы ритуальных танцев, характеризующиеся с точки зрения христианства как «любовницы дьявола» и «невесты сатаны». Поскольку отождествление земли и женщины укоренено в религиозных традициях всего мира, есть основания полагать, что женщины-плясуньи выступали в русалиях представительницами земной продуцирующей силы и посредницами между нею и обожествленным небесным «мужским» началом природы, тем, которое в церковных наставлениях против язычества отождествлялось с дьяволом. Именно роль магической посредницы между небесным ярусом «хлябей небесных» и почвенно-земным ярусом выявляется при анализе положения исполнительницы русальского танца в композиции, изображенной на средневековых русских браслетах [29, С. 678, 714, 718].

Женщины, исполнявшие русальский танец, представляли через его посредство русалок — духовные сущности, связываемые с водой, царством мертвых и плодородием растительности. Согласно болгарским преданиям, они живут на краю света, прилетают к людям в период весенне-летних русалий и способствуют орошению полей. Русалкам приписывался облик женщин, девушек или птицев. С принятием христианства вил-русалок стали изображать в виде райских птицев — сиринов. Весенне-летние русалии, очевидно, начинались с «веснянок» — ритуальных песен встречи весны, обращенных к священным птицам, в том числе лебедям [267, С. 678, 692, 710; 124, С. 390; 121, С. 336]. Орнитоморфные атрибуты русалок позволяют соотнести значение их танца как ритуала, способствующего возрождению природы, с космогоническими мифами и ролью в них божественных птиц или богов, представляемых в птичьем облике. Вместе с тем для осмысления семантики образа русалки значим и эпизод ее превращения в лягушку, имеющий параллели в других русских сказках, заговорах и загадках, где отмечаются превращение, замена и отождествление деви, лебедя, утки, лягушки и змеи. Своего рода «гибридный» образ волшебного женского персонажа представлен в сказке «Свет Луна», где красавица прилетает к своему мужу Ивану-царевичу крылатой огненной змеей [107, С. 47]. Данный химерический образ близок к некоторым описаниям русалок. Согласно А. Н. Афанасьеву, южнославянским русалкам — вилам соответствуют волошские вилвы — духи, населяющие облачный мир и носящиеся по воздуху в виде крылатых змеев. В некоторых местностях России в XIX в. в заговенье перед Петровками русалку изображали два или три человека, которые покрывались парусом, а передний из них держал перед собой лошадиный череп, на который была надета упряжная збруя. Один из участников действия шел сзади и погонял эту так называемую «русалку» [167, С. 64–65].

Этот обычай является вариацией ряженья, производившегося преимущественно на зимние (святочные) и ранневесенние русалии, но в некоторых регионах известного и для летних, купальских [267, С. 231–233]. Ряжение изначально предполагало изменение сущности его совершавших — в одних случаях это было обращение в священное животное, в других — одержимость духами предков. Последнее зафиксировано в ходе этнографических исследований святочной обрядности севера России, и являлось средством временной интеграции с потусторонним «миром предков» для обретения их покровительства живущим. Немаловажным для затрагиваемой здесь проблематики является то, что среди персонажей святочных ряжений, связанных с обрядами культа предков, обязательно присутствовали «гусь», «гусак», «утка», а характерными

персонажами песен Масленицы — праздника, также связанного с культом предков и заклинанием плодородия следующего земледельческого года, были «уточка полевая», «утка луговая» или «гуси-лебеди» [107, С. 48, 53]. Поскольку, как уже отмечалось, вышеуказанные птицы олицетворяли душу/дух, а русальский танец, имитировавший птичьи движения, исполнялся женщинами, облаченными — ряжеными — в соответствующие птицеобразные наряды с рукавами-крыльями, можно полагать, что некогда он, также как и упомянутые виды ряженья, предполагал одержимость духами предков. В пользу данного предположения свидетельствуют и некоторые другие особенности весенне-летней русальской обрядности, и, в частности, плясок. Они отличались ярко выраженным экстатическим характером. Их неперенным атрибутом был особый напиток из воды с настоем трав и чесночным соком, которым отпаивали танцевавших, нередко падавших без чувств. Согласно болгарским этнографическим данным, русальские пляски велись в быстром, бешеном темпе, когда казалось, что исполнявшие их не касаются земли. Главным мотивом плясок были «разнообразнейшие формы извивания». В русских церковных источниках XI–XII вв. подобное упоминается как «многовертиное плясание». Пляска сопровождалась восклицаниями, вскриками. Действо завершалось тем, что участники «доходят до иступления и падают без чувств» [268, С. 718, 680]. Судя по всему, исполнители русальских плясок могли испытывать экстаз, подобный (изначально, возможно, и тождественный) шаманскому. Правомерность такого сближения можно аргументировать, в частности, тем, что для шаманских нарядов была свойственна птичья символика, обусловленная все тем же представлением души в образе птицы. Весьма характерно, что раскрывая проблему шаманских техник индоевропейцев, М. Элиаде приводит отрывок ведического текста, где упоминается о «гусе, жилище которого находится в луче света» [419, С. 295]. Поскольку гусь является коррелятом лебедя (что отражено в их общем санскритском именовании — «hansa»), это сообщение необходимо поставить в прямую связь с лебединой символикой русалий. Учитывая высокую степень вероятности глубинного единства семантической основы представлений о святочном ряжении и русальском танце, можно предполагать бытование идеи о вознесении душ тех, кто его исполнял, в мир иной, и нисхождении в этот мир через их тела душ предков, отождествляемых с русалками-берегинями, аналогичной идее такого «обмена», связанной с ряжеными [107, С. 53]. Понимание роли «русальничающих» жриц как посредниц, обеспечивающих благотворное воздействие духовных сущностей горного, огненно-светового мира на мир дольний, земной, позволяет

объяснить поверье, бытовавшее у болгар относительно еньовых буль, соответствующих русальским плясуням восточных славян. В соответствии с этим поверьем, булью весь день не спускали на землю, во время гадания ее сажали на коврик, так как там, где она ступит, якобы «сгорит земля», ничего не вырастет [141, С. 230]. Вероятно, это поверье является отголоском представлений о крайне высокой концентрации потусторонней сакральной энергии пребывающей в экстазе древней священнослужительницей и необходимости осторожного обращения с этой мощной и опасной, но, безусловно, ценной, житнетворящей энергией.

Значение русальского танца, судя по всему, может быть осмыслено в контексте архаических представлений об изоморфизме макрокосма и микрокосма. Первый и наиболее очевидный из его аспектов — репрезентация исполнительницей танца Матери Сырой Земли и пробуждение креативной активности Неба-Отца, связываемой с увлажняющими нивы осадками. Другой аспект русальского танца связан с его экстатическим характером и отождествлением танцующих с русалками-берегинями — душами предков, которые почитались как покровители жизни и воспроизводства своих потомков и их хозяйства. Поскольку, согласно «закону» религиозного мышления, становятся тем, кого изображают [419, С. 134], а экстаз предполагает выход души за обычные пределы и/или одержимость иным духом, то, вероятно, изображавшие русалок плясуни считались одержимыми ими и низводящими их благотворное воздействие в этот мир. Это действие, совершаемое в период возрождения природы после ее зимнего «умирания» не только служило регенерации «ближней» природы, но и воспроизводило акт космогонии, так как всякое творение (а тем более осуществляемое в начале того или иного периода) в архаической культуре воспроизводит творение мира [418, С. 43]. Этот изоморфизм проявляется и в ключевом для понимания социо-антропокосмического значения русалий образе лебедя, олицетворявшем в ряде древних сакральных традиций и человеческую душу, и божественный дух (ср. тождество Атмана и Брахмана в индуизме), и в сходстве функции орнитоморфной русалки-берегини, нисходящей в земной мир для его возрождения с функцией божественной водоплавающей птицы, согласно одному из распространенных мифологических сюжетов, ныряющей ко дну космического океана для творения мира из его ила (глины).

Таким образом, семантика образа русалки-птицедевы имеет целый ряд мифоархетипических модусов, как бы перетекающих друг в друга и выражающих тем самым идею слитности модусов сущего в природе божества. Такие перетекание

и слитность полностью соответствуют точке зрения, согласно которой образ водоплавающей птицы отражает представление о самой изначальной водной стихии. Не случайно спутником ведийской богини главной реки — Сарасвати — был гусь-лебедь, олицетворявший собой всеохватывающее небо (вместилище небесных вод). Имеется свидетельство о том, что в хорезмийской концепции происхождения Вселенной «изначальное божество, заключающее в себе части мироздания, представлялось в образе водоплавающей птицы» [107, С. 45].

Мотив божественного первосущества как основы мироздания находит параллели в образах золотого зародыша или мирового яйца (связанного с образом птицы, что и породило известную дилемму о том, что же из них было ранее) и вселенной как единого эманулирующего божества. Поскольку в подобных сюжетах и мотивах основой мироздания зачастую выступают антропоморфные или зооантропоморфные (как в случае с птицей-демиургом) божества, их можно рассматривать в контексте антропокосмизма. Данная концепция, развивающая комплекс представлений о гармоническом единстве человека и вселенной, об их своеобразной взаимозависимости и взаимопроникновении, а также о средствах достижения такого состояния, имеет своей исходной основой присущую еще первобытному мышлению идею «кровного родства» человека и мира, их взаимосвязи и возможности символического представления одного через другое. Произведенный выше сравнительный анализ соответствующего круга образов, сюжетов и мотивов мифологии и фольклора свидетельствует в пользу того, что эта идея нашла весьма яркое отражение в архетипическом образе птицы-демиурга через:

- 1) синкретизацию в нем репрезентирующих природную, «материнскую» среду атрибутов птицы с атрибутами человека;
- 2) сочетание в семантике образа птицы символизма духовной сущности микрокосма (души человека) и духовной сущности макрокосма (бога), через которую микрокосм-человек связан с макрокосмом-универсумом;
- 3) почитание этого образа в качестве тотема [235, С. 241–242].

Последнее особенно важно с точки зрения антропокосмизма как идейного комплекса, представляющего в единстве природную (космическую) и человеческую (социально-гуманитарную) стороны объективной реальности. В духе антропокосмизма — «...как мировоззренчески осмысленное признание человеком его неразрывной связи со всем окружающим Миром» — характеризовал тотемизм М. Ф. Косарев. Он указал, что «идея органического единства всего Сущего» не только

привела наших предков к «очеловечиванию» природы, но и легла в основу экологической культуры первобытных обществ, повысив тем самым их адаптивные возможности и позволив человечеству выжить в условиях неоднократных природных катаклизмов и исторических потрясений [164, С. 33].

Представляется, что некоторые антропологические, социальные и экологические аспекты семантики архетипического образа птицы-демиурга могут быть переосмыслены и актуализированы в социокультурной практике современности в целях противодействия тенденциям атомизации, разобщения индивидов, социальных и этнических общностей, отчуждения общества от природы и его разрушительного воздействия на окружающую среду.

Наряду с образами божественной птицы архетип Великой Матери и некоторые другие, неразрывно связанные с ним, в мифологиях народов Поволжья олицетворяют целый ряд персонажей. Один из них — Мокошь, а также ее фольклорное соответствие — Мать-Сыра-Земля в славянской культуре [268, С. 379–392]. Семантически близкий им образ содержится в древнетюркском пласте татарской мифологии. Это Ыдук Йер-суб («священная земля — вода») — главное божество среднего мира, покровительствующее тюркам и наказывающее согрешивших. Однако более значимой и антропоморфизированной богиней земли и плодородия, супругой верховного небесного бога Тенгри и олицетворением женского начала была Умай, покровительница рожениц и детей [31, С. 537]. Другой относящийся к данному ряду персонаж татарской мифологии — демоническое существо албасты. Следы представлений о ее благотворительных функциях (помощи человеку) и такие атрибуты, как магическая книга и монета, позволяют предположить, что первоначально она была доброй богиней, покровительницей плодородия, домашнего очага, а также диких животных и охоты, низведенной в ходе развития мифологии до роли одного из злых низших духов. Можно отметить целый ряд особенностей, позволяющих считать албасты одной из персонификаций Великой Матери и сближать ее с таковыми же, рассмотренными выше. Наличие у нее ярко выраженных грудей — таких длинных, что она закидывает их за спину — напоминает статуэтки так называемых «палеолитических венер». Албасты связана с водной стихией, обитает вблизи рек или других водных источников, появляется перед людьми в образе уродливой женщины, расчесывающей свои распущенные светлые волосы [30, С. 58]. Все это напоминает русалок, в некоторых местностях представлявшихся косматыми безобразными женщинами и возглавляемых Мокошью, которую некоторые

исследователи отождествляли с ними. Способность албасты насыщать кошмарные сновидения сближает ее с Гекатой и славянской Марой, или кикиморой, с каковыми сближается мокуша — сниженное и демонизированное продолжение образа Мокоши. Наличие параллелей и сближений между всеми этими персонажами, в том числе в связи с их негативными проявлениями, объясняется амбивалентностью богинь-матерей и детерминированностью их отрицательных характеристик тем, что они олицетворяли, наряду с прочим, сокровенную, ночную, темную сторону бытия, соответствующую архетипу Тени. К их функциям относилось не только рождение, но и смерть, неразрывно взаимосвязанные друг с другом в представлениях о циклическом умирании и возрождении. Можно полагать, что прототипом этих и множества других женских персонажей различных мифологий была Великая Мать палеолита, когда, по мнению некоторых исследователей, зародились и представления о циклическости смерти — возрождения, отраженные в эмбриональной позе умерших, погребенных в земле. Вероятно, к этому же прототипу восходит и первоначальный образ албасты как богини плодородия. Согласно одной из версий, в основе первой составляющей ее названия — *ал* — лежит древнее наименование божества, родственное *илу* семитских народов, а вторая составляющая — *басты* — индоевропейский термин, означавший «дух», «божество» (родственный русск. «бес», осетинск. «уас» и т.п.). Исходя из такой этимологии, можно предположить, что образ албасты формировался в эпоху древнейших контактов между индоевропейцами и семитами или же их предками в рамках более ранних этнолингвистических общностей. В пользу гипотезы о родстве албасты с индоевропейскими богинями может свидетельствовать и то, что она, согласно представлениям казанских татар, любит по ночам заплетать гривы лошадям. Это перекликается с представлениями русских о том, что Мокошь по ночам может стричь овец и заниматься прядением, поскольку образ пряжи, пряденой нити, ее вытягивания и сучения тесно, а иногда и неразделимо связан в мифологии с темой сырья, в том числе животного — шерсти, руна, волос, из каковых состоит и конская грива. Это дает основания полагать, что в своем изначальном облике албасты, как и Мокошь, относилась к категории богинь-пряж, прядущих нити жизни. К таковым относится и Анге-патяй — богиня — покровительница плодородия эрзянской мифологии. Как и у многих других народов, у мордвы образ Великой Матери был персонифицирован несколькими богинями. Наряду с Анге-патяй у эрзи к таковым относились «мать земли» Мастор-ава (Мода-ава), «мать воды» и покровительница рожениц Ведь-ава, «мать леса» Вирь-ава и обитавшая

в подполе «мать дома» Куд-ава; у мокши — Азор-ава — «Госпожа (Хозяйка)-мать», Паксязор-авы — покровительницы полей и урожая и др. Некоторые из них обнаруживают значимые параллели татарской албасты с русскими русалками и Бабой-Ягой. В частности, Ведь-ава и Вирь-ава представлялись в виде обнаженных женщин с длинными волосами, которые они любят расчесывать [235, С. 302–306, 317, 320, 322]. Волосы в мифологии образуют единый символический ряд с пряжей, нитью, веревкой, паутиной, змеей, тканью. Все эти волокнистые или волокноподобные субстанции выступают как символы взаимосвязи, преемственности, очередности, судьбы, ряда, порядка, сложноорганизованной бытийной среды, перманентная генерация (плетение, прядение, ткачество) которой нередко приписывалась великой богине (славянская Мокошь, эрзянская Анге-патяй, греческая Ананке). Природа этой среды, как и ее создательницы, двойственна: она сочетает черты космоса и хаоса. Она подобна лабиринту — мифологическому архетипу, который также соответствует архетипу Тени. Его коррелятом в мифопоэтической традиции выступает лес — противопоставляемое космизированному селению проявление дикой, укорененной в хаосе, природы.

Пожалуй, наиболее ярким мифологическим архетипом, соответствующим архетипу Тени, является змей или морфологически когерентный ему персонаж: дракон, ящер, гидра. В мифологической картине мира он, как правило, связан с хтонической областью, наиболее подверженной влиянию хаоса, а в системе антропокосмических соответствий маркирует прежде всего женскую производящую силу. В одной из сказок мордвы-эрзи повествуется о том, как громовержец Пурьгине-паз испепелил молниями семижильного дракона Сисемкарыза, таившегося под кладями из сырого дуба. Символом эрзянского громовника, как и русского Перуна, был дуб — Мировое древо, в корнях которого обитал его змеевидный противник (Велес — у русских). Параллель этому сюжету есть и в мифологии мордвы-мокши: громовник — Атям поражает спрятавшегося в дупле дерева злого духа в облике змеи, после чего разразилась гроза и была обеспечена богатая охотничья добыча [235, С. 309–310].

В татарской мифологии имеется злой демон Аждаһа (Аздяка — у татар-мишарей), образ которого представляет собой дракона, часто многоголового, и восходит к иранскому Ажи-Дахаке. Аждаһа связан сводой, с дождевыми тучами. В наиболее распространенных вариантах мифа об Аждаһе он угрожает городу или стране гибелью. Чтобы спасти народ, ему регулярно отдают на съедение девушку. Герой побеждает дракона, спасая очередную жертву (обычно царскую дочь),

на которой и женится [31, С. 50]. С победой над двуглавым крылатым драконом Зилантом татарские народные легенды связывают основание или перенесение Казани [376, С. 163–164].

Таким образом, миф о змееборчестве, названный В.Н. Топоровым основным мифом индоевропейцев, и признанный общепланетарным Н.А. Николаевой и В.А. Сафроновым, имеет ряд особенностей, сближающих его варианты, относящиеся к различным народам Поволжья. Это наряду с некоторым другими соответствиями мифоархетипических компонентов их этнокультур свидетельствует не только об их тесном взаимодействии и взаимовлиянии на протяжении последних столетий, но и обуславливает необходимость поиска их вероятных общих евразийских истоков.

Сюжет о поединке с драконом (змеем) является одной из тех бинарных оппозиций, которые К. Леви-Стросс признавал основополагающими для человеческой мысли и культуры. Такое «противопоставление в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [33, С. 126; 32, С. 157]. Ряд других мифоархетипических образов, сюжетов и мотивов этнокультур народов Поволжья также имеет бинарную структуру (природное и человеческое в зооморфных и гибридных персонажах и олицетворениях стихий; амбивалентное сочетание добра и зла в функциях и облике ряда божеств и духов; черты индивидуального и универсального духовного начала в орнитоморфных персонажах и т.п.). Этот дуализм в некоторых образах имеет признаки восхождения к третьему (но символически первичному) качеству — изначального всеединства, недвойственности (ср. адвайта в индуизме), как и в целом идея гармонии противоположных сакрально-онтологических начал (огня и воды, неба и земли, Инь и Ян и т.п.) в традиционных доктринах, а также бинарные символы архетипа Самости, выражающей такую гармонию на уровне индивидуальной психики (символ Дао, брак, крест, Один и Локи и т.п.) [278, С. 366; 280, С. 151–154]. Идея такого сочетания двух начал, или модусов, в единстве (или третьем модусе), подобная христианскому тринитаризму, при условии ее интериоризации различными субъектами общественной жизни, может способствовать обеспечению равновесия и единства власти с подданными, элиты с массами, центра с регионами, человека и техники с естественной средой, противодействовать социальным противоречиям и конфликтам, благоприятствовать стабильности и устойчивому развитию общества.

Таким образом, комплекс рассмотренных выше мифологических бинарных структур в этнокультурах народов Поволжья обладает региональной

спецификой, выраженной в существенном параллелизме его компонентов, их значительных взаимовлияниях и общих внешних влияниях, и представляет собой центральную, осевую доминанту, организующую собой архетипический базис массового сознания коренного населения данного региона. Один из его аспектов представлен мифо-архетипическими репрезентациями Самости, восходящими к образу первобытного отца, по мере развития которых в мифологических представлениях народов Поволжья они последовательно дополняли свой прототип героическими, сакрально-магическими и царскими качествами. Другой аспект архетипического базиса массового сознания народов Поволжья образуется комплексом женских мифоархетипических образов. Их распространенность и значимость, коррелирующая с архетипически фундированной устойчивой моделью персонификации России в женском образе, определяются природными и хозяйственными условиями жизни большей части населения Поволжья. Это большое значение, во-первых, рек бассейна р. Волги при восприятии водной стихии преимущественно как женской в мифопоэтическом миросозерцании (ср. «Волга, Волга, мать родная...»); во-вторых — леса, при его восприятии данным миросозерцанием как проявления дикой природы — женской, материнской среды; в-третьих — земли,

ассоциируемой с той же средой (ср. Мать-Сыра-Земля). На протяжении формирования славянской языческой мифологии в ней доминировали покровительницы крестьянского труда — водно-земельные богини рожаницы. В мифологии финно-угров огромную роль играет создательница мира и родительница богов — птица-демиург. В силу соотнесенности в архаических пластах сознания женского начала с массой, а мужского — с элитой и властью, мифологические репрезентации Великой Матери в архетипическом базисе массового сознания народов Поволжья фундируют идею производности и зависимости властвующей элиты от народной среды и выступают социально-психологической предпосылкой развития демократии и гражданского общества в данном регионе.

Комплекс мифоархетипических составляющих этнокультур Поволжья может быть осмыслен и концептуально оформлен в качестве компонента региональной идеологии. Возможно его применение как в целях укрепления общественного консенсуса и предотвращения центробежных тенденций, обусловленных различием в образцах подражания, так и для консолидации регионального сообщества в противодействии унификаторской тенденции превалирующего ныне варианта глобализации, сохранения национальной и региональной самобытности и идентичности.

Ламажаа Ч. К., Хайруллина Н. Г.

ПРОЯВЛЕНИЯ НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМА В РЕГИОНАХ УРФО: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Либеральные реформы начала постсоветского времени негативно сказались на социально-экономической сфере регионов Уральского федерального округа, как и всей страны. Особенно пострадали Курганская и Свердловская области, где произошел спад промышленного производства [329].

Как пишет Г. Люхтерхандт, напоминая об истории освоения и развития Урала, особая роль «опорного края державы» в экономической жизни страны, в первую очередь в создании военно-промышленного комплекса, давала мощный приток людей со всей страны [170]. Либеральные реформы 1990-х годов обернулись в Уральском округе быстрым сращиванием новых предпринимательско-финансовых кругов с властными органами, а также высокой степенью криминализации

хозяйственной жизни [170]. В экономической сфере проблема неплатежей на предприятиях стала решаться при помощи архаического инструмента — бартера, который, в свою очередь, стал фактором неплатежей [78].

Согласно исследованию Н. Ю. Замятиной, у региональных элит, в том числе Уральского округа, проявились почвеннические традиции мышления, когда в представлениях о стране и месте своего региона на общей карте стали фигурировать архетипические мотивы с использованием метафор: Россия — тело, а регион — его орган («Располагая значительными ресурсами углеводородного сырья, область по праву является «энергетическим сердцем России» (Тюменская область)») [113]. Почвеннические мотивы Н. Ю. Замятина усматривает и в высказываниях жителей регионов, в которых

говорится об особых качествах людей: «Южно-уральцы всегда были сильны единством действий и широтой души. Мы никогда не черствели сердцем, не угасали душой» (Челябинская область)» [113, С. 98].

Для понимания особенностей социокультурной жизни Урала весьма актуальна и востребована тема пространства и его освоения. Например, Г.М. Казакова пишет, что в различных сферах человеческой деятельности, на различных уровнях проявлялась индустриальность уральской культуры. Урал стал местом урбанистического бума, темпы которого исследователи часто сравнивают с американскими. Соответственно, здесь рождается новый тип городского поселения — заводской поселок / город-завод, основанный на новых принципах градообразования. Г.М. Казакова констатирует, что сформировался своеобразный региональный тип человека — «уралец», обладающий совокупностью специфических качеств, позволяющих ему идентифицироваться с географическим пространством Урал [140].

Социально-демографические особенности в регионах округа стали определять и особенности прохождения архаизационных тенденций (волны архаизации), а затем и формирование проявлений неотрадиционализма. Курганская, Свердловская, Тюменская, Челябинская области имеют относительно однородный национальный состав, большинство населения — русские (соответственно 92,5, 90,6, 73 и 83,8, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.). Это урбанизированные регионы, где 63, 84, 78 и 82 населения — горожане. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (ХМАО) и Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) представляют собой территории распространения арктических культур. И хотя по национальному составу в них также большинство русских (68,1 и 61,7 соответственно, что дает всему округу показатель 80,22 русских), тем не менее они считаются округами распространения традиционной культуры коренного населения — северных этносов — ханты, манси, ненцев и др.

Оформленные восстановительные работы в плане возрождения традиций хозяйственной культуры заметны прежде всего в тех регионах, которые имеют особые традиции народного хозяйства коренных народов, исконно проживавших на этих территориях. Речь идет, например, о Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, Ямало-Ненецком автономном округе, перед которыми стоит сложная задача добычи ресурсов и извлечения максимальной прибыли с учетом интересов и потребностей будущих поколений — задача обеспечения рационального природопользования [187, 188] и не только рационального,

но и эффективного (Арсаланов, 2010). В определенной степени эта задача решается. С 1992 г. начали образовываться территории, используемые для ведения традиционных методов хозяйствования, родовые угодья. Например, в Югре было образовано 467 родовых угодий (которым в дальнейшем присвоен статус территорий традиционного природопользования), в границах территорий которых проживали и вели традиционный образ жизни и хозяйствования около 2 тыс. человек. Департаментом по вопросам малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа и муниципальными образованиями автономного округа реализовывалась программа «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа на 2008–2012 гг.» [77].

Главным условием воспроизводства сообществ коренных малочисленных народов признается природа Севера: климат, флора и фауна. Традиционное природопользование остается на обозримую перспективу материальной основой сохранения коренными малочисленными народами Севера традиционного образа жизни, который подвергался трансформации с начала освоения Сибири. Традиционные отрасли в настоящее время являются убыточными. Но они могут и должны стать рентабельными и даже высокоприбыльными на всех уровнях производственного процесса, начиная от добычи рыбы, пушнины, сбора дикоросов и заканчивая их переработкой и реализацией [391, 399].

Учитывая, что основным составляющим в системе традиционного природопользования коренного населения ХМАО на современном этапе является природно-ресурсный потенциал, актуальным считается проведение ландшафтно-экологического районирования и оценка качества земель на территории округа. В процессе регионально-типологического анализа результатов ландшафтного районирования В.В. Козиным впервые проведено районирование и создана характеристика ландшафтных областей и районов на территории ХМАО [153].

Среди исследований процессов религиозного возрождения в регионах округа интересны, например, заключения Е.М. Главацкой, которая, рассматривая архаизационные формы религиозного мышления населения Урала, предлагает говорить о «религиозном ландшафте» [70]. Данное понятие, по ее мнению, имеет большое значение, поскольку многие формы проявления современной религиозности у народов Урала имеют четкую привязанность к природным объектам: священные места, как правило, связаны с водными ресурсами, горными, скалистыми или пещерными образованиями, деревьями необычной формы или особого

вида. Для манси, например, окружающий мир населен многочисленными богами и духами-покровителями различной значимости, а животный и растительный мир одушевлен. Таким образом, человек в представлении манси является частью природы и связан с ней не только физически, но и духовно. Именно благодаря духовным связям с окружающей средой манси почитали и продолжают почитать различные природные объекты. Для религиозных традиций мари характерно почитание гор и холмов: именно на них и в находящихся рядом с поселениями рощах совершались общественные моления и жертвоприношения.

По данным исследований, проведенных в Ханты-Мансийском автономном округе в 2002–2005 гг. Т.А. Алгадьевой и Н.Г. Хайруллиной, ханты и манси продолжают поклоняться местным духам, среди которых есть «Золотая женщина», «Обской старик», духи вогулов, духи северных остяков, духи Конды и др. Признаются священные места, имеются родовые и местные духи [390].

Православие, пришедшее на территории проживания народов Урала, стремилось использовать то пространство, за которым уже закрепился статус сакрального. Православные культовые сооружения часто создавались на священных, можно сказать «намоленных», местах народов Урала [70, С. 79–80]. Пространственный подход отчасти объясняет инициативы духовенства в активном сотрудничестве с властями в реализации проектов возрождения духовного и культурно-исторического наследия. Например, проект «Духовный центр Урала», который может развернуться в одном из древнейших городов уральского региона — Верхотурье. Идея создания на основе культурно-исторического наследия г. Верхотурья туристско-рекреационной зоны была предложена Русской православной церковью [65]. Совместно с Русской православной церковью также реализуются и другие инициативы по восстановлению объектов культурного наследия Уральского региона. В их числе — возрождение комплекса Далматовского монастыря в Курганской области и Свято-Троицкого монастыря в Тюменской области.

Вторая по влиятельности (после Русской православной церкви) мусульманская община Уральского федерального округа занимается вопросами сохранения ценностей традиционного ислама, прежде всего в условиях развития российского исламского образования. Большую роль в культурно-религиозном возрождении в 1990-е годы играли татаро-башкирские центры Челябинской области, помогавшие общинам в возврате мечетей и строительстве новых, организовывавшие курсы по изучению национальных языков [312].

О процессе возрождения традиций народов, развернувшемся в округе с 1990-х годов, пишет

много исследователей. Устраиваются фестивали народного творчества, возрождаются национальные праздники, растет число национальных коллективов [10], развиваются центры народных художественных ремесел [408]. В ходе опросов и наблюдений, проведенных исследователями на рубеже XX–XXI вв., получены данные, свидетельствующие о сохранности мифо-ритуальных представлений у населения, которые сегодня получили «второе дыхание» [284].

Например, традиции песенной культуры сибирских татар Тюменской области бережно сохраняются в Домах культуры населенных пунктов Юрмы, Аксурки, Большого Карагая, Тукуза. В Вагайском районе на протяжении многих лет большой популярностью пользуется фольклорный коллектив Тукузского сельского Дома культуры, участники которого исполняют древние мунаджаты, баиты, народные песни. В Вагайском районе традиционно проводятся обрядовые праздники сибирских татар: календарные «Боз озату» («Боз карау»), «Амаль» (встреча Нового года), семейно-бытовые «Исем атату» («Имянаречение»), «Омэ» (совместное строительство дома с последующим угощением национальными блюдами) [330, С. 232–233].

Татары юга Тюменской области заимствовали у поволжских татар праздник Сабантуй, имеющий древние, архаические корни, связывающие его с аграрным культом. В период социалистической обрядности праздник был трансформирован в «праздник окончания уборочных работ». Из старинных праздников отмечается праздник Карга путка (Карга туй) [332, С. 49].

Исследования Т.М. Алгадьевой показали, что ханты и манси продолжают соблюдать обряды, связанные с погребением умершего и медвежьим праздником, в наименьшей степени выполняются обряды, связанные со свадьбой и с рождением ребенка [5]. А. Цукор описывает медвежий праздник («Медвежьи пляски»), продолжающий бытовать и сегодня, как промысловый, связанный с удачной охотой. Это праздник с мифическим сюжетом проходит по особому сценарию: с реальными костюмами, масками, театральными атрибутами, с обрядовой хореографией [404].

В г. Белоярском (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра) создан Фольклорный архив северных хантов, работа которого расширила возможности выживания обско-угорской этнической культуры. Героические песни и сказания, собранные в архиве, были переведены Е. Шмидт с мансийского языка на хантыйский, что способствовало возрождению некоторых культов, обреченных за долгие десятилетия коммунистической идеологии на забвение, а также укреплению самосознания обско-угорских народов. Былинные

сказания Е. Шмидт рассматривала в пространственном и временном, небесном и земном измерениях [199, С. 23, 27–28].

Казачество Урала, как пишут историки, появилось с XVI–XVII вв. Здесь казацкие войска выступали как самостоятельное военное подразделение с определенными функциями — пограничной стражи, военной силы и др. Имея столь давнюю традицию существования в округе, продолжая существовать и в советское время, казачье движение в 1990-е годы стало активно возрождаться. Как пишет К.П. Буртный, процесс проходил в несколько этапов, и роль уральского казачества в нем чрезвычайно важна, поскольку казачество способствует поддержке безопасности

приграничья страны, особенно на участке российско-казахстанской границы [46].

Для возрождаемого по всей стране казачьего движения, которое можно расценивать как особую форму неотрадиционализма, характерна комплексность и многоаспектность. Здесь исследователями отмечается и особая религиозность данной социальной группы (например, православие, а также старообрядчество в среде уральских казаков, [421]), особая праздничная культура, военно-спортивные традиции и пр.

Таким образом, Уральский округ нам представляется одновременно и типичным в плане происхождения волн архаизации и развертывания форм неотрадиционализма, и имеющим свою специфику.

Устинова О. В.

УПРАВЛЕНИЕ РЕПРОДУКТИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО КРИЗИСА

1. Репродуктивное поведение: сущность, факторы влияния

В настоящее время Россия переживает демографический кризис — глубокое нарушение воспроизводства населения, угрожающее его существованию. Численность населения к 2050 г. может снизиться до критического уровня — 110 млн. чел. [491]. Причем ее сокращение происходит на фоне роста численности населения Земли, что грозит вымиранием российского этноса.

О сложной демографической ситуации неоднократно говорит президент страны. На XI Всемирном Конгрессе по перинатальной медицине, прошедшем в июне 2013 г., В.В. Путин заявил, что Россию в ближайшие годы ждет новая волна демографического кризиса [499]. На актуальность демографических проблем указывают также российские и зарубежные ученые. По мнению Н. Эберштадта, «современная Россия находится в депопуляции, которая квалифицируется как «катастрофа». Российский демографический кризис характеризуется катастрофическим уровнем смертности, подрывает базу людских ресурсов и представляет серьезные проблемы для будущего страны, ее национальных и международных политических приоритетов [428]. Ш. Зиверт, С. Захаров, Р. Клингхольц полагают, что «если Россия хочет сохранить роль серьезной

мировой державы, то она должна вступить на путь реформ. Демографические изменения оказывают чрезвычайное давление на необходимость их проведения» [455].

В научной литературе существует множество подходов, объясняющих демографический кризис в стране и причины, оказывающие влияние на процессы воспроизводства населения.

Сторонники первого подхода разделяют эволюционные теории демографического развития, в частности теорию «демографического перехода», и полагают, что низкий уровень рождаемости в России является исторической неизбежностью. Преодолевать же кризис депопуляции следует, по примеру развитых стран Европы, за счет разработки грамотной миграционной политики, направленной на обеспечение внешнего замещения трудовых ресурсов. Сторонниками данного подхода являются А. Г. Вишневский, В.С. Захаров, В.И. Переведенцев [15, 21], которые полагают, что государство вряд ли сможет управлять рождаемостью и смертностью в ближайшей перспективе. В качестве серьезного аргумента ученые приводят тот факт, что даже если суммарные коэффициенты рождаемости возрастут до необходимых показателей (2,15 ребенка на 1 женщину), это не обеспечит уровня простого воспроизводства, не говоря уже о расширенном.

Сторонники второго подхода видят причину демографического кризиса в России в кризисе институтов семьи и брака. Эту концепцию в отечественной социологии успешно разрабатывал В.А. Борисов [40–44], а также его последователи (А.И. Антонов, В.Н. Архангельский, Н.В. Зверева, В.М. Медков) [11–13, 116]. Авторы данного подхода полагают, что в основе демографического кризиса России лежит распространение малодетности, связанной с устойчивыми установками, сформировавшимися в общественном сознании. Малодетная семья становится наиболее «удобной» формой в современных социально-экономических условиях, с одной стороны, решая проблему потребности в детях, с другой стороны, снимая проблемы значительных капитальных вложений на их социализацию.

В основе третьего подхода лежит идея о духовном (нравственном, идейном, психологическом) неблагополучии населения как основной причине демографического кризиса (В. Алиев, И.А. Гундаров и др.) [6, 15].

И.А. Гундаров, сопоставляя показатели рождаемости и смертности в РФ со странами Западной Европы, делает вывод, что Россия переживает не демографический переход, обусловленный исторической эволюцией основных социально-экономических институтов, а деградацию института воспроизводства населения, по скорости распространения сопоставимую с эпидемиями XI–XIV вв. Основным тезисом его теории является сформулированный им «закон духовно-демографической детерминации»: «при прочих равных условиях улучшение (ухудшение) нравственно-эмоционального состояния общества сопровождается улучшением (ухудшением) демографической ситуации» [83, С. 42]. Он полагает, что в целом жизнеспособность нации зависит не только от экономических условий, но и от эмоционально-нравственного состояния общества.

Мы придерживаемся четвертого подхода, рассматривающего причины кризиса воспроизводства населения в России как следствие комплекса проблем (Б.С. Хореев, И.Б. Орлова, Н.М. Римашевская, Л.Л. Рыбаковский и др.) [226, 256, 270, 400]. Н.М. Римашевская в качестве основной причины критического снижения уровня воспроизводства в стране рассматривает системный кризис, охвативший все стороны жизни населения России [256, С. 18].

Рождаемость — основной процесс, влияющий на воспроизводство населения страны. В то же время, показатели рождаемости в России не обеспечивают даже простого воспроизводства населения [43, 45].

Рождаемость рассматривается учеными как социальный процесс, реализация способности к деторождению; как демографический процесс,

охватывающий всю совокупность актов деторождений у данного населения за определенный период времени [41, 115]. Рождаемость напрямую зависит от репродуктивного поведения населения, под которым понимается целостная система действий, отношений и психических состояний личности, направленных на рождение или отказ от рождения ребенка любой очередности в браке или вне брака.

В контексте социологии управления под репродуктивным поведением следует понимать систему действий и отношений в обществе, семье, ведущих к рождению, либо к отказу от рождения ребенка как в семейно-брачных отношениях, так и вне брака [366, С. 42].

Основным мотивом репродуктивного поведения служит потребность в детях, которую В.А. Борисов определил как неотъемлемое психологическое свойство человека, представляющее собой социально-обусловленное стремление индивида «обзаводиться таким количеством детей в семье, которое принято и одобряется в обществе (в большой или малой социальной группе, с которой идентифицирует себя индивид)» [43, С. 16].

Как справедливо отмечает М.Н. Халкечев, в основе этого свойства лежит «стремление индивида к социальной реализации», поскольку через семейный статус личности производится непроизвольная оценка и самооценка его «успешности» в обществе [395, С. 64].

Термин «репродуктивное поведение» используется тогда, когда речь идет о намерении родить ребенка, желаемом количестве детей, установках и принимаемых решениях в данной сфере. Что же касается «ожидаемого числа детей», А.И. Антонов отмечает, что оно не содержит в формулировке явного утверждения об условиях жизни семьи, но предполагает учет конкретных условий жизни последней в момент опроса. Хотя уровень этого показателя всегда намного ниже остальных, именно он используется как инструмент прогноза. При этом он отмечает, что по результатам опросов ожидаемое число на старте семьи в среднем реализуется с небольшим недобором к концу репродуктивного периода [11, С. 145].

«Ожидаемое число детей» измеряют в двух вариантах: «ожидаемое число вообще» и «ожидаемое число еще», где:

«Ожидаемое число вообще» = «Фактическое число детей в семье» + «Ожидаемое число еще».

Эта формула позволяет оценить не только репродуктивные установки, но и степень удовлетворенности потребности респондентов в детях. Совпадение «ожидаемого числа» и «фактического» либо превышение последнего говорит о 100 степени удовлетворенности в детях. Разница между «желаемым числом детей» и суммой

«имеющегося числа детей» и «ожидаемого числа детей еще» может рассматриваться как «потенциальная потребность в детях», характеризующая степень неудовлетворенности респондентов количеством детей.

В.А. Борисов определил репродуктивное поведение как «систему действий и отношений, опосредующих рождение или отказ от рождения ребенка любой очередности, в браке или вне брака» [41, С. 58]. Позднее он пришел к выводу, что не только условия жизни влияют на число детей в семье, но и непосредственно сам человек. Его психофизическая деятельность напрямую связана с деторождением. Следовательно, репродуктивное поведение — это система действий, отношений и психических состояний личности, связанных с рождением или отказом от рождения детей любой очередности, в браке или вне брака. Аналогичные определения репродуктивного поведения можно встретить у В.М. Медкова, В.Н. Архангельского, В.Г. Глушковой и других ученых.

А.И. Антонов убрал из предложенной формулировки слова «отказ от рождения ребенка», считая, что рождение определенного числа детей и так подразумевает «отказ от всех рождений, превышающих предпочитаемое число». По мнению ученого, «репродуктивное поведение представляет собой систему действий и отношений, опосредующих рождение определенного числа детей в семье, а также вне брака» [11].

В основе рождаемости, которая складывается из массы индивидуальных случаев рождения, лежат биологические процессы. Демография исходит из того, что рождаемость зависит не только от биологической способности к воспроизведению потомства, но и от социально-экономической структуры общества, существующей системы ценностей, общественной морали, образа и условий жизни людей, потенциальной потребности в детях.

«Желаемое количество детей» может быть больше, равно или меньше фактического. В последних двух случаях потенциальная возможность

иметь детей была бы меньше фактического их наличия, что невозможно из самого определения потенциала. Таким образом, «потенциальная потребность в детях» определяется разницей между «желаемым» и «фактическим» числом детей.

Понятие «желательного числа детей» поглощает понятие «ожидаемого числа», то есть такого количества детей, которое респонденты способны и готовы родить без помощи и поддержки государства. В то время как для эффективного управления репродуктивным поведением населения необходим показатель, который определял бы, на какую дополнительную величину можно повысить рождаемость исследуемой категории населения при создании всех необходимых условий.

Представляется, что показатель «потенциальная потребность в детях» более емкий, чем «желаемое количество детей (при наличии всех условий)», поскольку позволяет не просто оценить репродуктивные установки населения, но и выявить неудовлетворенные (относительно детности) группы респондентов.

Полагаем, что поиск и выявление таких групп может служить оптимальной основой для разработки целевых программ стимулирования рождаемости. Не секрет, что наиболее действенной является адресная помощь, направленная на удовлетворение потребностей конкретных групп лиц, а не неких абстрактных категорий. Повышения эффективности данного показателя можно достичь через уточнение шкалы «ожидаемое число детей» поправкой «ожидаемое количество детей в ближайшие 5 лет».

В научных трудах уже устоялся некий «стандартный» подход к исследованию воспроизводства населения через репродуктивное поведение, которое, в свою очередь, анализируется через устоявшуюся шкалу критериев: «идеальное — желаемое — ожидаемое число детей».

Установки на число детей измеряются с помощью трех общепринятых показателей: идеального, желаемого и ожидаемого числа детей в семье (табл. 20).

Таблица 20

Индивидуальная потребность в детях

Установка на число детей	Условия реализации потребности в детях	Задаваемый вопрос
Идеальное число детей	В идеальных наилучших для всех людей условиях без учета конкретной жизненной ситуации и личных предпочтений	Сколько детей лучше всего вообще иметь в семье?
Желаемое число детей	В идеальных для своей семьи условиях без учета конкретных обстоятельств жизни и индивидуальной биографии	Сколько детей Вам хотелось бы иметь при всех необходимых условиях?
Ожидаемое число детей	В конкретных условиях своей семьи и исходя из личных предпочтений за весь брачный период	Сколько детей Вы собираетесь иметь в своей семье?

Под «идеальным числом» подразумевается количество детей в абстрактной «идеальной» семье, безотносительно семьи и конкретной жизненной ситуации респондента, которое последний считает наиболее оптимальным. Это число большинство социологов трактует как «максимально возможное число детей», полагая, что оно должно раскрывать «идеальную» потенциальную потребность респондентов в детях.

«Желаемое число» принято считать индикатором реальной потребности в детях. При этом важно при формулировке вопроса уточнять, что выясняется «желаемое» число детей в семье респондента при наличии всех необходимых условий для их содержания и воспитания. В противном случае, как показывает анализ исследований, данное число приближается к ожидаемому и теряет свою информативность.

«Ожидаемое число» в большинстве научных работ трактуется как репродуктивная установка конкретной семьи с учетом реальных условий жизни.

Следует признать, что данная шкала измерений представляется достаточно удобной и информативной. Однако авторы данного подхода изначально делают ряд допущений, требующих некоторой критики и, соответственно, корректировки. Например, требует уточнения интерпретация «идеального числа детей». Большинство исследователей полагают, что «идеальное число» — это максимально возможное число детей в семье, а не некий социальный норматив. Кроме того, предполагается, что «идеальное число детей» должно превышать «желаемое» и «ожидаемое», поскольку различные трудности и помехи не позволяют людям полностью реализовать свой репродуктивный потенциал.

Однако, по справедливому замечанию А. И. Антонова, «идеальное число есть показатель не идеала, не нормы в этом смысле, а лишь численно выраженное мнение — точно так же можно спросить, сколько «лучше всего» зарабатывать в месяц... Идеальное число ни в коей мере не отражает социальной нормы, реально влияющей на поведение» [11, С. 144].

Ученый считает, идеальное число детей в большей степени отражает не максимальную потребность конкретного респондента в детях, а некую социальную установку, общественное мнение, «одобряемую обществом норму детности». Свое утверждение А. И. Антонов доказывает и тем фактом, что в ряде исследований, в которых уточняется понятие «желаемого числа детей» как количества детей при наличии у семьи «всех необходимых условий», «желаемое» число может превышать «идеальное».

«Желаемое число» детей в научной литературе также носит дискуссионный характер. Например, А. И. Антонов, считает, что «большое значение в опросах произвольно придается различию глаголов: одни спрашивают, сколько вы желаете иметь детей или сколько иметь желательнее, другие — сколько хотите иметь, причем иногда уточняется, что имеется в виду общее число детей. Все эти варианты сближают данную формулировку с «ожидаемым всего числом детей», поскольку для многих респондентов слова «ожидаете», «планируете», «собираетесь» или «намереваетесь» часто звучат примерно так же, что и «хотите, желаете, предпочитаете, предполагают и т.д.» [11].

Таким образом, построение различных показателей в смысловых различиях глаголов может привести к неоднозначной интерпретации слов, использованных в опросе.

Изучение репродуктивных установок позволяет выявить следующую закономерность: снижение числа рождений в семье наблюдается при одновременном уменьшении потребности в детях. Например, А. И. Антонов полагает, что «снижение репродуктивных установок и среднего числа рождений на одну женщину в 90-е гг. происходило не только под влиянием ухудшения условий жизни, но и в связи с уменьшением доли тех, кто испытывал потребность в двух и более детях» [11].

В связи с этим можно сделать вывод, что та часть населения, которая испытывала потребность в двух детях, не смогла ее удовлетворить, так как негативно оценила свои возможности родить ребенка в условиях социально-экономического кризиса.

Обострившаяся проблема рождаемости в стране выдвигает на первый план необходимость изучения вопросов, касающихся репродуктивного поведения в части мотивации рождения детей. В зависимости от преследуемых индивидом целей репродуктивные мотивы подразделяются на экономические, социальные и психологические.

Если рождение определенного числа детей преследует цель укрепить материальное положение семьи, получить различные льготы, улучшить жилищные условия, то это экономические мотивы. Когда родители видят в деторождении возможность сохранить свой социальный статус и общественный престиж — это социальные мотивы. Если к рождению определенного числа детей побуждают какие-либо личностные мотивы, такие как стремление родителей к самовыражению через ребенка, получение возможности заботиться о нем, желание не остаться

в одиночестве в пожилом возрасте, желание укрепить свой брак, такие мотивы являются психологическими.

Изучение трансформации репродуктивного поведения, а также факторов, оказывающих определяющее влияние на этот процесс, необходимо для осуществления эффективной демографической политики. Исследованиями репродуктивного поведения и связанной с этим динамикой рождаемости специалисты-демографы занимаются в стране около ста лет.

Впервые на тенденцию снижения рождаемости в России обратил внимание в 1914 г. выдающийся ученый, медицинский статистик и демограф С. А. Новосельский [13, С. 23]. В одной из своих статей он отметил, что в России значительными темпами возрастает практика применения абортов и контрацепции как среди городского, так и сельского населения, что приводит к снижению рождаемости.

В 1920–1930-е гг. в России на основе данных текущей статистики проводились исследования факторов, влияющих на показатели рождаемости. Специальные исследования репродуктивного поведения, выявляющие представления респондентов о наилучшем или идеальном числе детей в семье, о том, сколько детей они собираются иметь, что мешает иметь большее число детей, стали проводиться лишь с середины 60-х гг. XX века.

Первые научные исследования были нацелены на выяснение основных количественных показателей репродуктивных ориентаций и препятствий к рождению детей. В 70-е гг. Центр по изучению проблем народонаселения МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством А. И. Антонова провел исследования, основанные на новой концепции — концепции ослабления потребности в детях, направленной на выявление мотивов рождения детей. В разных регионах, городах и сельской местности России было проведено более 360 исследований, посвященных изучению проблем репродуктивного поведения населения. Основная цель исследований заключалась в изучении изменения потребности в детях, репродуктивных установок, причин абортов.

Опросу подлежали разные категории населения: мужчины и женщины в зависимости от возраста, брачного состояния, уровня образования, профессиональной принадлежности, места проживания; отдельно супружеские пары, подростки, учащиеся, молодожены; женщины, прервавшие беременность; малодетные и многодетные семьи и др. Ученых интересовала степень влияния ценностных ориентаций на репродуктивное поведение; соотношение репродуктивных ориентаций

супругов; характер принятия решения о числе детей в семье при расхождении мнений супругов по этому поводу.

В целом исследования репродуктивного поведения российской семьи позволили изучить такие аспекты репродуктивных ориентаций, как: идеальное и ожидаемое число детей; число детей, которое хотел бы иметь муж; причины, мешающие иметь большее число детей; причины ослабления потребности в детях; мотивы рождения детей; репродуктивные ориентации подростков, молодоженов; перспективы рождаемости; влияние миграции на репродуктивное поведение.

В кризисные 1990-е гг. качество проводимых исследований репродуктивного поведения заметно снизилось, практически не использовались новые методологические подходы. По итогам переписи населения 2002 года была получена репрезентативная для населения России информация об ожидаемом числе детей, но в формулировке вопроса о желаемом числе детей отсутствовало упоминание о наиболее благоприятных условиях, поэтому полученные данные оказались несопоставимыми с результатами предыдущих исследований.

Оценка современной демографической ситуации в России как кризисной, во многом определяемой крайне низким уровнем рождаемости, диктует необходимость более углубленного изучения репродуктивного поведения населения, его факторов.

Существующая иерархия репродуктивных мотивов россиян свидетельствует об ослабленной потребности в детях. Отчасти это объясняется тем, что гражданам «постсоветской» России свойственно соотношение таких элементов репродуктивного поведения, как потребность в детях, с оценкой конкретной социально-экономической ситуации, в которой находится семья. Другими словами, сформировавшаяся за счет психологических и социальных мотивов потребность в детях может «заглушаться» реальной оценкой социально-экономической ситуации семьи и связанными с этим опасениями, негативной оценкой своих возможностей родить и воспитать ребенка в условиях социально-экономического кризиса.

В связи с этим можно предположить, что более половины семей современной России с невысоким уровнем жизни выводят на первый план в иерархии репродуктивных мотивов экономические соображения, что в конечном итоге влияет на показатели рождаемости в стране.

Прежде чем перейти к исследованию мотивов репродуктивного поведения граждан, рассмотрим данные переписей населения 2002 и 2010 гг., отражающие уровень рождаемости в России (табл. 21).

Таблица 21

Показатели рождаемости по результатам переписей населения

	Млн чел.		2010 г. в % к 2002 г.	В % к итогу	
	2002 г.	2010 г.		2002 г.	2010 г.
Все женщины в возрасте 15 лет и более, ответившие на вопрос о рождаемости. Из них указали:	62,9	62,4	99,3	100	100
1 ребенок	19,2	19,4	101,4	30,5	31,2
2 ребенка	21,2	21,5	101,5	33,7	34,4
3 ребенка	5,6	5,5	97,5	8,9	8,7
4 ребенка	1,6	1,4	87,1	2,5	2,2
5 детей и более	1,7	1,2	72,3	2,7	2,0
Не родили ни одного ребенка	13,6	13,4	98,4	21,7	21,5

Сравнительный анализ результатов переписей показал, что среднее число рожденных женщинами детей уменьшилось в расчете на 1000 женщин с 1513 в 2002 г. до 1469 в 2010 г. [218]. В городских населенных пунктах этот показатель составил 1328 детей (в 2002 г. — 1350), а в селе — 1876 (в 2002 г. — 1993). Из общей численности женщин в возрасте 15 лет и более, родивших детей, 19 женщин родили первого ребенка в возрасте 15–19 лет,

54 — в возрасте 20–24 лет, 19 — в возрасте 25–29 лет, 5,3 — в возрасте 30–34 лет, 1,9 женщин — в возрасте 35 лет и более. В 2010 году среди женщин в возрасте 15 лет и старше только 12,9 имеют 3 и более детей [218].

Анализ домохозяйств по числу детей показывает, что в 2002 и 2010 гг. преобладали домохозяйства с одним ребенком (65,2 и 65,5 соответственно) (рис. 14).

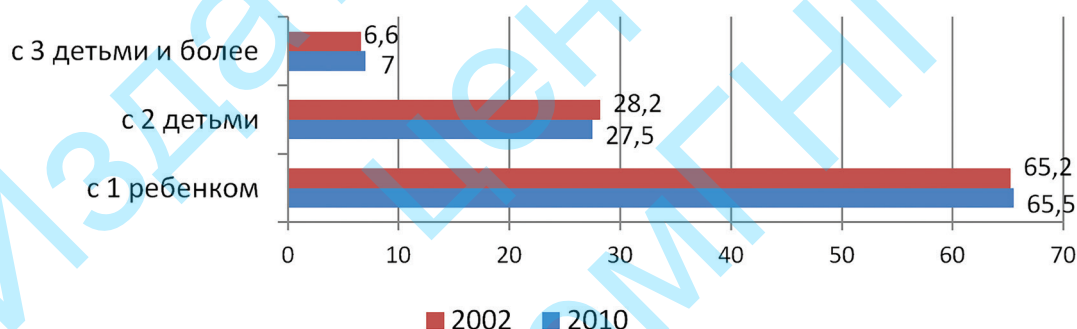

Рис. 14. Домохозяйства из 2-х и более человек по числу детей до 18 лет, %

При исследовании мотивов к рождению детей автор не классифицировал их на ограничивающие и стимулирующие рождаемость. В проведенном исследовании лишь предпринята попытка выяснить силу воздействия этих групп мотивов на репродуктивное поведение, а то, с каким знаком они будут использованы в технологиях социального управления репродуктивным поведением населения и какой дадут конечный результат, будет во многом зависеть от грамотности и экономической обоснованности их применения. Например, вряд ли можно ожидать всплеска рождаемости при введении таких мер, как снижение процентных ставок по ипотечным кредитам, поскольку стоимость жилья такова, что осилить ее (даже при нулевой процентной ставке) могут лишь немногие молодые семьи со средним уровнем материального достатка. Для большинства

молодежи мечта о собственном жилье так и останется недостижимой. Поэтому в данном случае, возможно, наибольший эффект можно было бы ожидать от предоставления молодым семьям доступного социального жилья типа ведомственных и государственных «общежитий» по примеру советского периода. Для исследования мотивов репродуктивного поведения автором выбран Уральский федеральный округ, в состав которого входит четыре области: Тюменская (с автономными округами), Свердловская, Челябинская и Курганская.

Согласно официальной статистике, Тюменская область (с автономными округами) относится к регионам с расширенным типом воспроизводства и положительным сальдо миграции, Челябинская и Свердловская области — к регионам с умеренно отрицательным естественным приростом,

но с положительным сальдо миграции, а Курганская область — к регионам с высоким уровнем естественной убыли и отрицательным сальдо

миграции (табл. 22). Таким образом, в составе Уральского округа находятся субъекты с различным типом воспроизводства населения.

Таблица 22

Группировка субъектов РФ по степени влияния показателей естественного движения и миграции на изменение численности населения, по данным Росстата РФ (2011 г.) [37]

Характер движения населения	Число субъектов в группе	Субъекты Российской Федерации, входящие в группу
<i>I. Число субъектов Российской Федерации, в которых население сократилось</i>		
Всего	56	
в том числе за счет:		
естественной убыли и миграционного оттока населения	20	Республики Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия; Алтайский, Пермский и Приморский края; Амурская, Архангельская, Волгоградская, Кировская, Костромская, Курганская, Магаданская, Мурманская, Омская, Псковская, Сахалинская, Ульяновская области; Еврейская автономная область
превышения естественной убыли над миграционным приростом	27	Чувашская Республика; Хабаровский край; Брянская, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Кемеровская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Нижегородская, Новгородская, Орловская, Пензенская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Челябинская и Ярославская области
превышения миграционного оттока над естественным приростом	9	Республики Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Саха (Якутия), Северная Осетия — Алания и Удмуртская; Забайкальский и Камчатский края; Иркутская область; Чукотский автономный округ
<i>II. Число субъектов Российской Федерации, в которых население увеличилось</i>		
Всего	27	
в том числе за счет:		
естественного и миграционного приростов	9	Республики Башкортостан, Ингушетия и Хакасия; Красноярский край; Астраханская, Томская и Тюменская области; Ненецкий и Ханты-Мансийский — Югра автономные округа
превышения естественного прироста над миграционным оттоком	7	Республики Алтай, Бурятия, Дагестан, Кабардино-Балкарская, Тыва и Чеченская; Ямало-Ненецкий автономный округ
превышения миграционного прироста над естественной убылью	11	Республики Адыгея и Татарстан; Краснодарский и Ставропольский края; Белгородская, Калининградская, Московская, Новосибирская и Оренбургская области; г. Москва и г. Санкт-Петербург

Социологическое исследование проводилось с января по декабрь 2012 г. по структурированной выборке из числа совершеннолетних жителей Тюменской, Свердловской, Челябинской и Курганской областей, сгруппированных в четыре возрастных диапазона. Всего в опросе участвовало 5330 чел. Выборка носила случайный пропорциональный характер. В основу пропорции была положена структура генеральной совокупности — населения Уральского федерального округа — с точки зрения расселения жителей по городам и сельской местности, а также гендерная структура жителей регионов, входящих в состав округа.

Пропорциональное смещение наблюдалось лишь по возрастной структуре — более высокая доля (62,5) пришлась на респондентов от 15 до 35 лет.

При изучении мотивов рождения детей, была выдвинута гипотеза, что они отличаются у ныне бездетных респондентов, и респондентов, имеющих детей. Кроме того, поскольку расширенное воспроизводство возможно только при внедрении модели семьи, имеющей 2 и более детей, важной частью исследования стало также выявление мотивации к рождению второго и последующих детей.

В вопросе анкеты было перечислено 9 мотивов, 3 из которых носят экономическую направленность, 3 — психологическую и 3 — социальную. Респондентам предлагалось выделить 3 ведущих мотива. Именно ограничение по количеству мотивов требовало от респондентов выбора в сторону наиболее привлекательных (оказывающих более сильное влияние). Для наглядности динамики

мнений за 100 принималось количество выделенных мотивов, а не количество респондентов, что позволило более точно оценить распределение мотивов в целом по группе.

Как показало проведенное исследование, основные мотивы рождения первого ребенка у респондентов, не имеющих детей, распределились следующим образом (табл. 23).

Таблица 23

Исследование мотивов рождения первого ребенка у респондентов, не имеющих детей, %

		Социальная мотивация	Экономическая мотивация	Психологическая мотивация
Тюменская область	ВСЕГО	45,1	10,7	44,2
	Мужчин	23,9	4,5	19,0
	Женщин	21,2	6,2	25,2
Свердловская область	ВСЕГО	41,9	12,8	45,3
	Мужчин	23,9	4,7	21,7
	Женщин	18,0	8,1	23,6
Челябинская область	ВСЕГО	40,4	11,9	47,7
	Мужчин	23,8	4,6	21,0
	Женщин	16,6	7,3	26,7
Курганская область	ВСЕГО	45,2	16,4	38,4
	Мужчин	24,9	7,4	15,7
	Женщин	20,3	9,0	22,7
ВСЕГО по УФО	ВСЕГО	43,2	13,0	43,9
	Мужчин	24,2	5,3	19,3
	Женщин	19,0	7,7	24,6

В регионах с расширенным и простым типом воспроизводства у обозначенной группы респондентов существует относительное преобладание психологических мотивов над экономическими, что, возможно, является следствием устойчивости социальных критериев состоятельности человека в обществе. Респонденты, не имеющие детей, часто принимают решение завести ребенка, мотивируя это желанием занять в глазах окружающих новое для себя положение (44,0), либо рассматривают его в качестве обязательной составляющей семейно-брачных отношений

(23,8). При этом мнение, что первый ребенок поможет укрепить семью, разделяют только 16,5 респондентов. Можно отметить, что рождение первенца накладывает на родителей определенные экономические и бытовые ограничения и, как следствие, отражается в низкой эффективности экономической мотивации. При этом в регионах с относительно высоким уровнем жизни населения (Тюменская область) экономические мотивы выражены наименьшим образом.

Иная картина наблюдается при исследовании мотивов рождения второго ребенка (табл. 24).

Таблица 24

Исследование мотивов рождения второго ребенка у респондентов, имеющих одного ребенка, %

		Социальная мотивация	Экономическая мотивация	Психологическая мотивация
Тюменская область	ВСЕГО	47,3	20,9	31,8
	Мужчин	25,1	8,8	13,7
	Женщин	22,2	12,1	18,1
Свердловская область	ВСЕГО	42,3	22,1	35,6
	Мужчин	24,1	8,2	17,1
	Женщин	18,2	13,9	18,5
Челябинская область	ВСЕГО	49,4	18,3	32,3
	Мужчин	29,1	7,1	14,2
	Женщин	20,3	11,2	18,1
Курганская область	ВСЕГО	44	25,1	30,9
	Мужчин	24,2	11,3	12,7
	Женщин	19,8	13,8	18,2
ВСЕГО по УФО	ВСЕГО	45,8	21,6	32,7
	Мужчин	25,6	8,8	14,4
	Женщин	20,1	12,8	18,3

Опрос респондентов по поводу определяющих мотивов, побудивших их завести второго ребенка, показывает явное усиление экономической мотивации. Отметим, что это явление не случайно и является результатом направленной политики государства. В частности, эту тенденцию можно рассматривать как ответную реакцию населения на введение «материнского капитала», в соответствии с которым семьям (главным образом матерям) выделяются крупные выплаты на рождение второго ребенка для участия в ипотеке, оплаты образования, прибавки к пенсионным накоплениям и др.

Помимо экономических мотивов, важную роль играют и социальные мотивы. Респонденты, имеющие одного ребенка, во втором ребенке видят возможность реализовать себя как «полноценные» родители и повысить уважение со стороны окружающих (34,7), родить ребенка другого пола

(45,2) или возможность укрепить семью (29,0). При этом 23,8 опрошенных считают, что ребенок может позволить улучшить жилищные условия.

Прослеживая территориальные различия в регионах с разным типом воспроизводства, отметим важную роль социальной мотивации при принятии решения завести второго ребенка. Мотивы рождения второго ребенка усиливаются принятыми в обществе стандартами малодетности и исходят из общепринятой нормы иметь в семье двух детей. Респонденты отмечают важную роль второго ребенка в семье, что позволяет лучше и правильнее воспитывать детей.

Так как расширенный тип воспроизводства требует рождения 2–3 ребенка на семью, для целей настоящего исследования также важно было изучить мотивы рождения третьего и последующих детей (табл. 25).

Таблица 25

Исследование мотивов рождения третьего и последующих детей, %

		Социальная мотивация	Экономическая мотивация	Психологическая мотивация
Тюменская область	ВСЕГО	29	30,7	40,3
	Мужчин	16,2	13,5	18,1
	Женщин	12,8	17,2	22,2
Свердловская область	ВСЕГО	23,1	32,8	44,1
	Мужчин	11,8	14,1	18,5
	Женщин	11,3	18,7	25,6
Челябинская область	ВСЕГО	22,2	35,1	42,7
	Мужчин	11,8	16,1	20,5
	Женщин	10,4	19,0	22,2
Курганская область	ВСЕГО	19,2	45,2	35,6
	Мужчин	9,8	22,1	13,2
	Женщин	9,4	23,1	22,4
ВСЕГО по УФО	ВСЕГО	23,4	36,0	40,7
	Мужчин	12,3	16,4	17,5
	Женщин	11,0	19,6	23,2

В решении завести третьего ребенка психологические мотивы преобладают над остальными во всех регионах, кроме Курганской области. В то же время наблюдается и высокое значение экономической мотивации.

Ослабление социальных мотивов в данном вопросе определено тем, что рождение третьего ребенка часто принимается вопреки нормам и общественным стандартам малодетности. Недостаточная поддержка социальных (или моральных) стимулов к рождению третьего, четвертого ребенка, отсутствие дополнительных льгот или преимуществ социально-психологического

свойства (например, повышение авторитета и престижа родителей на производстве, в быту и т.д.) определяет существование «невыгодности» многодетности. Как следствие, при социальной норме малодетности родители с тремя и более детьми могут подвергаться негативным реакциям (недоумение окружающих, насмешки, осуждение). Очевидно, что в условиях современных социальных норм малодетности семьи с тремя и более детьми оказываются социальным меньшинством. Можно отметить этот фактор в качестве одной из важных причин несоответствия мнения респондентов относительно желаемого и ожидаемого

количества детей. При этом часто показатели реального количества детей в многодетных семьях превышают заявленные желаемые показатели. То есть многодетные семьи не имеют сознательного стремления к многодетности, а последняя выступает как результат «сложившихся обстоятельств», а не осознанного выбора.

Сами респонденты, имеющие трех и более детей, отмечают, что рождение третьего ребенка в семье расширяет круг интересов семьи. Повышается авторитет родителей и семьи в обществе, улучшаются жилищные условия (44,8), повышается качество воспитания детей. Женщины отмечают стремление вернуться вновь к заботам о малыше (91,5).

Рассматривая регионы с разным уровнем доходов населения и типом воспроизводства, отметим, что экономические мотивы преобладают в сельской местности и в областях с низким уровнем доходов и образования населения. Респонденты этих групп отметили, что государственные материальные выплаты на рождение второго и последующих детей, а также финансовая поддержка семей с приемными детьми являются значительным стимулирующим фактором. Это подтвердили результаты опроса респондентов Курганской области, представляющей собой аграрный регион с относительно большим процентным составом сельского населения.

Влияние экономических мотивов в Тюменской, Челябинской и Свердловских областях, где доля городского населения значительно выше, снижается, здесь можно отметить ведущую роль психологических мотивов. Респонденты, проживающие в городах, в силу относительно более высокого уровня доходов и расходов не считают финансовую поддержку государства достаточной и, объясняя свое решение завести третьего, четвертого ребенка, выделяют мотивы психологической направленности.

Рассматривая результаты опроса в гендерном разрезе, необходимо отметить, что женщины больше предпочитают экономические и психологические мотивы, чем мужчины. Респонденты более взрослых групп говорят о снижении с возрастом влияния экономической мотивации и усилении психологических и социальных мотивов.

Таким образом, репродуктивное поведение представляет собой весьма сложное явление, определяемое совокупным действием разного рода причин: экономических, социальных, психологических. При этом указанные причины являются факторами и мотивами, которые, с одной стороны, образуют потребность в детях, а с другой — препятствуют ее реализации.

При анализе мотивации респондентов к рождению первого, второго и последующих детей, были выявлены следующие особенности. У лиц, не имеющих детей и планирующих своего «первенца», наблюдается явное преобладание социальных и психологических мотивов над экономическими. Респонденты, не имеющие детей, часто принимают решение завести ребенка, мотивируя это желанием занять в глазах окружающих новое для себя положение (44). Чуть менее четверти респондентов рассматривают рождение первенца как логичное продолжение вступления в брак (23,8). Преобладание психологической мотивации в вопросе о рождении первого ребенка можно считать следствием общественных критериев состоятельности человека в обществе и внутренних психологических мотивов.

Опрос респондентов по поводу определяющих мотивов, побуждающих их завести второго ребенка, показывает явное усиление экономической мотивации — 23,8 опрошенных считают, что второй ребенок может позволить улучшить жилищные условия. Отметим, что это явление не случайно и является результатом направленной политики государства.

Рассматривая причины, препятствующие жителям УрФО заводить трех и более детей, необходимо указать на двойственность сложившейся ситуации: с одной стороны, респонденты указывают на необходимость повышения их общего уровня жизни, но с другой — говорят о готовности заводить трех и более детей при наличии хотя бы некоторых (ключевых, по их мнению) адекватных для этого условий. Основными сдерживающими факторами называются отсутствие социальной инфраструктуры, высокая стоимость медицинских и образовательных услуг. 62,3 респондентов указали на необходимость увеличения доступности ясельных и дошкольных учреждений, 76,5 опрошенных считают, что финансовые гарантии здоровья, образования и трудоустройства также будут способствовать расширенному воспроизводству населения.

Необходимо отметить, что управление репродуктивным поведением населения — многофакторный процесс, включающий в себя социально-экономическую, психологическую, духовно-нравственную составляющие. Причем они отличаются по своей значимости в разные периоды исторического развития и имеют ограничения как по силе, так и по продолжительности воздействия. Невозможно добиться стойких результатов в повышении рождаемости, делая акцент на одних факторах, игнорируя другие. Лишь комплексный подход к управлению способен обеспечить вывод России из демографического кризиса и переход к расширенному режиму воспроизводства.

2. Особенности социального управления репродуктивным поведением в современных условиях

Предусмотренные Концепцией демографической политики до 2025 г. меры направлены, преимущественно, на материальное стимулирование рождаемости. Необходимо отметить, что подобный опыт активного лоббирования рождаемости за счет увеличения материальных и социальных стимулов при рождении детей у России уже имеется. Достаточно вспомнить экономические меры стимулирования «прокреационного» поведения, предпринятые Правительством РСФСР в 80-х гг. XX в. Исследуя результаты политики того времени, большинство известных ученых назвали их весьма сомнительными, несмотря на видимую позитивную динамику рождаемости. Отмечалось, что акцент исключительно на материальных стимулах, направленных на женщин детородного возраста, дает лишь кратковременный эффект, связанный преимущественно с так называемыми «тайминговыми сдвигами» (смещением уже запланированных рождений на более ранние сроки), но не с увеличением норм детности.

Достаточно резко свою позицию высказали В.А. Борисов и А.Б. Синельников: «...что касается эффективности принятых в 1981 году мер, то здесь мнение демографов единодушно, без каких-либо исключений. Все специалисты оценили их как неэффективные... Повышение рождаемости в 1981–1987 годах явилось в значительной части (наряду с другими структурными факторами) результатом сдвигов запланированных семьями рождений детей на более ранние сроки по сравнению с первоначальными планами (так называемых тайминговых сдвигов, или, иначе, изменений календаря рождений), но при этом не увеличилась потребность семей в общем числе детей» [44, С. 69].

Схожую позицию обозначили и другие ученые [9, 32]. О.Д. Захарова отметила, что «самым неблагоприятным итогом 1980-х гг. стало то, что эволюционный тренд рождаемости был сломан и началось неуправляемое изменение сроков реализации репродуктивных планов когорт. Значительное число женщин репродуктивного возраста, реализовав свои планы в отношении числа детей, полностью прекратили свое участие в формировании текущих уровней рождаемости и на многие годы превратились в своего рода бесполезный балласт» [115, С. 60].

Менее критичную оценку демографической политике 1980-х гг. дали Г.П. Киселева

и М.А. Клупт. Как пишет Г.П. Киселева, экономические меры «существенно не меняют интенсивности рождаемости. Большинство рождений, вызванных этими мерами, все равно произошли, только в другие, по-видимому, более поздние сроки. Нельзя не учитывать, что экономические меры оказывают определенное влияние на увеличение рождаемости за счет рождения детей в той группе населения, которая из-за длительного откладывания рождения ребенка выходит из репродуктивного возраста, так и не реализовав свою потребность в детях» [149, С. 12].

Предлагая свою методику статистической оценки эффективности мер социального управления репродуктивным поведением, М.А. Клупт в своих работах также доказывает, что «тайминговые сдвиги» — не единственный результат экономического стимулирования, имеются и определенные положительные сдвиги, связанные с интенсивностью рождаемости [151, С. 35].

Хотя проведенные социологические исследования наглядно доказывают, что положительный эффект от предпринятых Правительством РФ в 2007–2014 гг. мер, предусмотренных Концепцией демографической политики до 2025 г., связан не только со смещением рождаемости во времени, но и с повышением интенсивности рождений, все же следует разделить опасения ученых, что данный эффект, скорее всего, будет кратковременным.

Как показывает изученный опыт, для достижения стойкого социального эффекта необходимо дополнить демографические методы управления репродуктивным поведением (стимулирование рождаемости и снижение смертности) мерами, направленными на укрепление института семьи: не просто повышением социальной защиты семей с детьми, но повышением престижа семьи, материнства, отцовства, многодетности, активным внедрением современных социальных технологий, направленных на работу с базовыми прокреативными установками населения.

Для того, чтобы эти две концепции не противоречили друг другу, а, напротив, потенцировали конечный результат, необходимо определить общий круг задач и принципов управления репродуктивным поведением.

Схематично предлагаемую концепцию социального управления репродуктивным поведением в условиях социальной нестабильности можно представить следующим образом (рис. 15).

Рис. 15. Структура предлагаемой концепции социального управления репродуктивным поведением в условиях социальной нестабильности

Обозначенные концепции тесно связаны друг с другом общей конечной целью и рассматриваются не в антагонизме, а в тесном взаимодействии как направленные на решение задач разного уровня. Причем действующая демографическая политика в данной схеме является экстренной, антикризисной мерой, направленной на преодоление социальной нестабильности, в то время как семейная политика рассматривается как необходимое условие формирования предпосылок расширенного воспроизводства.

Говоря о системе социального управления репродуктивным поведением, необходимо определить ожидаемый конечный результат. Очевидно, что на макроуровне конечным результатом управления репродуктивным поведением населения является удовлетворение потребности государства в детях.

В условиях социальной нестабильности обозначим ожидаемый конечный результат как обеспечение простого воспроизводства населения с формированием устойчивой тенденции к расширенному воспроизводству при стабилизации ситуации в стране. Таким образом, предполагается реализация двух целей: краткосрочной — сдержать

падение рождаемости, связанное с периодом социальной нестабильности, и долгосрочной — сформировать в обществе предпосылки для расширенного воспроизводства, которые в дальнейшем при стабилизации социально-экономической и политической ситуации дадут положительный результат. Поэтому в качестве основной подцели социального управления репродуктивным поведением следует назвать переход общества на среднедетную модель семьи с количеством детей не менее 2–3 (для достижения уровня простого воспроизводства), а в перспективе — на уровне 3–4 детей (для достижения расширенного воспроизводства).

Как было отмечено выше, для достижения этой цели недостаточно одних экономических стимулов. Они должны сочетаться с социально-психологическими, правовыми, политическими, социокультурными мерами воздействия. Прежде всего, необходимо обеспечение высокого престижа официального брака, прочных семейных уз, рождения детей. При этом должны быть задействованы все институты социального управления: административно-правовые, социально-экономические, информационно-политические [370, 371].

В задачи административно-правовых институтов государственного управления должно входить правовое стимулирование семейных ценностей: укрепление правового положения семьи, признания ее не только в лозунгах самостоятельной единицей гражданских правоотношений.

В частности, к таким мерам можно отнести:

- 1) Четкое законодательное определение семьи как структурной единицы общества. В настоящее время семейные отношения регулируются Семейным кодексом РФ. Он не содержит правового определения семьи. Лишь в ст. 2 дается перечень членов семьи: супруги, родители (усыновители), дети (усыновленные), а также «другие родственники и иные лица», перечень которых не определен. Очевидно, что данный пробел необходимо восполнить.

- 2) Выделение прав и обязанностей семьи как самостоятельного субъекта гражданских правоотношений, отличных от прав и обязанностей отдельных личностей, входящих в эту семью. Согласно ст. 2 Семейного кодекса РФ, «Семейное законодательство устанавливает условия и порядок вступления в брак, прекращения брака и признания его недействительным, регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи...», но не права семьи как особой социальной структуры, так называемой «ячейки общества».

Семья как субъект гражданских правоотношений должна обладать общей (семейной) собственностью, а также правом участия в общественной, политической, экономической жизни государства [370, С. 79]. Например, при решении вопросов жилищно-коммунального хозяйства членами ТСЖ могли бы быть не собственники, а семьи собственников (то есть лица, состоящие с собственником в родстве, проживающие с ним на общей жилплощади и ведущие с ним общее хозяйство). Представляется, что такие права семьи способствовали бы большей сплоченности ее членов. Действующий Семейный кодекс РФ, акцентирующий внимание на вопросах расторжения брака, защите имущественных прав супругов, состоящих в браке, друг от друга, а также порядке назначения алиментов при отказе членов семьи добровольно содержать своего нетрудоспособного (недееспособного) родственника, но при этом игнорирующий вопросы нравственного поведения супругов, вряд ли может способствовать возрождению института семьи.

Такой вид общественного наказания, как поручение «на поруки семьи» при небольших административных проступках, ранее способствовал укреплению и повышению престижа

семьи намного больше, чем введение самых юридически продуманных брачных договоров, именно в силу того, что в этом случае семья выступала как единое целое, более значимое, чем отдельная личность, а не как формальное сотрудничество двух самостоятельных людей и их совместных детей.

- 3) Установление совместной гражданско-правовой ответственности семьи по ряду вопросов. Например, такая «семейная» ответственность способствовала бы снижению рисков банка при выдаче долгосрочных кредитов для семейных людей, а следовательно, снижению кредитных ставок для этой группы лиц при покупке жилья через ипотеку, поскольку финансовая стабильность семьи с несколькими трудоспособными членами значительно выше финансовой стабильности одного человека.

Социально-экономические институты должны решать следующий круг задач:

- 1) непосредственное стимулирование рождаемости: «материнский капитал», увеличение пособий по беременности и родам до сумм, на которые роженица могла бы стабильно существовать с ребенком без дополнительных источников доходов, увеличение пособий по уходу за ребенком как минимум до размера, равного двум минимальным заработным платам, установленным в регионе, разработка шкал их дифференциации в зависимости от количества детей, полноты семьи, ее социального положения и т.д.;
- 2) повышение экономической устойчивости семей в периоды социальной нестабильности, в особенности многодетных. Помимо роста среднедушевого дохода населения России, необходимо активное развитие социального страхования семьи (например, страхование семьи на случай потери кормильца, добровольное семейное медицинское страхование с льготными тарифами по отношению к корпоративным формам страхования), активное развитие льготного социального кредитования (льготные условия ипотеки для многодетных семей, льготное кредитование образования и т.д.);
- 3) повышение экономической сплоченности семей. На законодательном уровне необходимо закрепить семейные формы бизнеса, который должен иметь существенные налоговые льготы по сравнению с малым бизнесом и т.д. При этом можно предусмотреть регрессирующую ставку налоговых выплат в зависимости от количества несовершеннолетних детей на попечении у такой работающей семьи. Очевидно,

что расторгнуть такой брак, скрепленный экономическими и правовыми мерами, было бы сложнее, а его престиж как социального института существенно бы возрос;

- 4) материальное стимулирование института усыновления. В настоящее время при невысоком уровне рождаемости наблюдается большое количество детей, от которых отказываются родители. Необходимо не просто пропагандировать воспитание таких детей в приемных семьях, но и разработать систему их экономического стимулирования.

Информационные методы должны быть направлены на решение следующих задач:

- 1) Возрождение национальной идентичности русского народа. Одним из критериев социальной нестабильности является разрушение духовных ценностей и идеалов, размывание границ национально-культурной идентичности. Как отмечает С.В. Кортунов, «на сегодняшний день Россия существует как неопределенная совокупность людей, которые объединены между собой территориально, но слабо связаны национально-культурной идентичностью и представлениями о перспективах своего развития. Происходящие в стране изменения остро ставят вопрос об идеалах российского общества, об определении пути дальнейшего развития страны» [163, С. 82]. Потеря национально-культурных ценностей и идеалов ведет к росту тревожно-депрессивных настроений среди населения, к неуверенности в завтрашнем дне, следовательно, к падению рождаемости. Напротив, даже при низком уровне жизни в послевоенные годы, отличавшиеся для России небывалым подъемом патриотизма и национальной сплоченности, наблюдался всплеск рождаемости [422, С. 104]. Представляется, что информационную борьбу с демографическим кризисом необходимо начать с работы над укреплением национального самосознания и российской государственности [385, 386].
- 2) Активное формирование в СМИ позитивного образа семьи, семейных ценностей (любви, верности, заботы друг о друге). На эту задачу должны быть направлены усилия всех СМИ: печати, радио, телевидения, интернет-изданий. Анализ выпускаемых отечественным кинематографом художественных фильмов и сериалов позволяет отметить, что такие популярные в советские годы жанры, как семейная комедия, семейная мелодрама, детские художественные фильмы, детская мультипликация, в настоящее время пребывают в кризисе.

Нет ярких, запоминающихся художественных картин, пропагандирующих семейные ценности. Среди кинопродукции последних десятилетий прочное лидерство заняли криминальные жанры.

В этом плане хочется отметить позитивный опыт США. Несмотря на то, что в стране один из самых высоких уровней жизни, рождаемость, в отличие от стран Западной Европы, по-прежнему остается на достаточно высоком уровне, обеспечивая простое воспроизводство населения. Представляется, что немалая роль в этом принадлежит голливудской киноиндустрии, активно пропагандирующей семейные ценности.

- 3) Формирование социальной и психологической потребности в большом количестве детей. В информационном плане это должны быть популярные передачи, различные ток-шоу, благотворительные шоу с участием звезд эстрады и кино, ярко рассказывающие о жизни многодетных семей, причем не только о трудностях, но и о позитивных моментах: дружбе, взаимовыручке, отсутствии страха одиночества и т.д.
- 4) Пропаганда института усыновления. Дети должны по возможности воспитываться в семьях. Следует «запустить» серию передач и газетных публикаций об удачном опыте усыновления, об основных сложностях, с которыми сталкиваются приемные родители, советы усыновителям от профессионального психолога и т.д.

Определив основные направления управления репродуктивным поведением населения, обозначим принципы его реализации.

Под принципами (от латин. principium — начало) принято понимать: основное начало, на котором построено что-нибудь (какая-нибудь научная система, теория, политика, устройство и т.п.); убеждение, точку зрения, правило поведения [351]; научное или нравственное начало, основание, правило, основу, от которой не отступают [85].

Под принципами социального управления в рамках социологии управления понимают исходные, руководящие установки, нормы деятельности в системе социальных отношений, управлении социальными явлениями и процессами [71, С. 74], правила, положения и нормы поведения, которыми руководствуются органы управления в социальных условиях, сложившихся в обществе [125, С. 42], требования к системе, структуре, процессу, механизму социального управления [415, С. 65].

В социологической литературе вопрос об общих принципах социального управления

рассмотрен достаточно полно. Несмотря на то, что разные авторы выделяют различное количество принципов (от 7 до 10), их позиции не противоречат друг другу, а лишь вносят некоторые дополнения и уточнения. Поэтому опустим научную дискуссию по данному вопросу, обобщив исследования последних десятилетий и выбрав наиболее общепризнанные подходы к их формулировке.

Например, к принципам социального управления относятся:

- принцип объективности (научный подход);
- принцип системности (комплексности);
- принцип конкретности целей, задач, механизмов реализации;
- принцип адресности (на кого направлено воздействие);
- принцип оптимального сочетания централизации и децентрализации управления (оптимальная иерархизация системы управления);
- принцип законности (законодательного закрепления);
- принцип обратной связи (мониторинг результатов).

Экстраполируя данные принципы на систему социального управления репродуктивным поведением в условиях социальной нестабильности, их можно обозначить следующим образом.

1. Принцип объективности по отношению к социальному управлению репродуктивным поведением предполагает научную обоснованность процесса с учетом естественных демографических волн. В противном случае можно получить обратный результат: временные сдвиги кривой рождаемости с последующим резким спадом рождений, и, как следствие, невосполнимым дефицитом трудовых ресурсов в перспективе через 20–30 лет. Необходимо не просто одномоментно увеличить число рождений, но и изменить социальные нормы детности, обуславливающие прокреативное поведение населения в перспективе.

Второй момент, на который следует обратить внимание, — это обратная зависимость прокреативного поведения и материального достатка семейств. Не случайно еще в 1776 г. английский экономист А. Смит пришел к парадоксальному выводу, что «бедность... как кажется, даже благоприятствует размножению. Истощенная голодом женщина в горной Шотландии часто имеет более двадцати детей, тогда как изнеженная пресыщенная дама часто не способна произвести на свет и одного ребенка ... Роскошь, вероятно, ослабляет и, часто, совершенно уничтожает способность к деторождению» [305, С. 73]. На этот феномен в разное время указывали и отечественные исследователи [13, 14].

Исходя из этого, часть ученых даже приходит к неутешительному выводу: социальное управление должно быть направлено на стимулирование рождаемости именно в малообеспеченных семьях. Т.Р. Зеленина пишет, что поскольку «более обеспеченные и образованные слои населения не только фактически имеют меньше, но и хотят иметь меньше детей в семье, чем менее обеспеченные и менее образованные», то эта тенденция «должна, по нашему мнению, лечь в основу разработки основ социального управления рождаемостью в нашей стране» [117, С. 14].

Данный подход верен лишь отчасти. Действительно, малообеспеченные слои населения, что подтверждается авторскими исследованиями, в большей степени реагируют на такое управляющее воздействие, как материальное стимулирование рождаемости. Они способны частично заполнить демографическую брешь, вызванную социальным кризисом в стране.

Однако стимулирование рождаемости, например, в маргинальных слоях населения влечет за собой проблему дальнейшей социализации рожденных в таких семьях детей. Оно не способно решить проблему качественного улучшения демографического потенциала страны — проблему здоровья населения (как генетического здоровья нации, так и здоровья, связанного с образом жизни индивидов), проблему образовательного уровня, проблему интеллектуального потенциала потомства. Как правило, именно среди этих слоев населения наиболее часто наблюдается отказ от воспитания детей, семейное неблагополучие, распространение таких социальных болезней, как алкоголизм, наркомания, жестокость и насилие по отношению к несовершеннолетним.

Поэтому задачей социологов на современном этапе должно стать, по твердому убеждению автора, не просто стимулирование количества рождений, а планомерная работа по изучению потребностей в детях и путей их удовлетворения в среднеобеспеченных благополучных семьях. А это, в свою очередь, напрямую связано с духовной и психологической составляющей репродуктивного поведения.

2. Принцип системности и комплексности воздействия. Суть данного принципа в понимании объекта социального управления (в нашем случае — репродуктивное поведение) как открытой системы, тесно взаимодействующей с другими системами — здравоохранения, образования, социально-экономической, политической и т.д.

Если рассматривать репродуктивное поведение как открытую систему, то очевидно, что и социальное управление этой системой также должно отвечать требованиям системного подхода,

а именно — быть комплексным, влиять на все звенья и структурные составляющие данной системы. Таким образом, принципы системности и комплексности воздействия органично вытекают друг из друга, что позволяет их рассматривать в едином контексте.

3. Принцип конкретности целей, задач, механизмов реализации. Управленческое воздействие должно соответствовать свойствам и качествам объекта управления, а также учитывать реальные возможности исполняющих субъектов. Из данного требования вытекает принцип конкретности целей, задач и механизмов реализации.

Четко сформулированная цель позволяет выделить не менее конкретные задачи, дифференцирующие управляющее воздействие на конкретные действия, без которых достижение конечного результата невозможно. Конкретизация таких управляющих действий (иначе — механизмов реализации) позволяет максимально эффективно делегировать полномочия исполнителям различных звеньев и структур власти, представляющих собой своего рода «эффекторы» социального управления.

Таким образом, принцип конкретности предполагает не только определение направления управляющих воздействий на макроуровне, но и их детальную проработку на мезо- и микроуровнях, учитывающих полномочия, обязанности и возможности субъектов — исполнителей.

4. Принцип адресности тесно связан с принципом конкретности целей и задач и означает, что управляющее воздействие должно учитывать не только полномочия субъектов — исполнителей, но и потребности, а также социально-экономические и психологические особенности индивидов репродуктивного возраста и их семей как объектов социального управления.

Данный принцип предполагает, во-первых, выделение круга лиц, на которых планируется оказать управляющее воздействие, во-вторых, тщательное изучение их потребностей, в-третьих, мониторинг чувствительности целевых когорт к различным механизмам социального управления и выявление наиболее эффективных способов управляющего воздействия.

5. Принцип оптимального сочетания централизации и децентрализации управления означает четкое разграничение полномочий властных структур федерального, регионального и местного значения, определение границ ответственности каждого органа, конкретизацию целей и задач

управляющего воздействия для каждого уровня и каждого звена управляющей системы.

Здесь важно подчеркнуть следующий момент. Федеральная власть стремится подчинить и контролировать все звенья управляющей системы на всех уровнях. Положительным моментом такой централизации является обеспечение единых подходов к решению задач социального управления репродуктивным поведением по всей стране. Основным недостатком централизованного подхода — отсутствие гибкости, невозможность оптимального учета региональных особенностей воспроизводства. На уровне Уральского региона наблюдаются существенные различия в демографической ситуации: от регионов с расширенным типом воспроизводства (ХМАО-Югра, ЯНАО) до неблагоприятных регионов (Курганская область) [392]. Очевидно, что и подход к ним должен быть разным. Задача достижения уровня простого воспроизводства для благополучных регионов является неактуальной. Очевидно, что для них необходимо пересмотреть цели, задачи и стратегию: основные усилия в них должны быть направлены на решение долгосрочных задач укрепления семьи. В то же время для Курганской области без решения проблемы трудовой занятости населения решение вопросов прокреативного поведения жителей вряд ли возможно. Поэтому особенно важно гибкое сочетание централизации и децентрализации.

6. Принцип законности (законодательного закрепления) означает, с одной стороны, что все механизмы реализации Концепции, субъекты-исполнители, их цели, задачи, обязанности и полномочия, а также ресурсное обеспечение исполнения должны быть четко прописаны на законодательном уровне. С другой стороны, он означает четкое соблюдение законов всеми субъектами управления на всех уровнях власти.

7. Принцип обратной связи (мониторинг результатов) означает, что без отслеживания эффективности управляющего воздействия и своевременной коррекции механизмов реализации вряд ли возможно достижение поставленных целей.

Это, в свою очередь, требует организации регулярных плановых социологических исследований репродуктивного поведения не только в научных интересах, но и в прикладном значении — с целью корректировки предлагаемой концепции социального управления, своевременного выявления ее слабых сторон и пробелов и устранения выявленных недостатков.

Троцюк И. В.

ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ КИТАЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ СЕМЕЙНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КНР

Последние десятилетия XX века и начало нынешнего столетия оказались озаглавлены для российского общества многочисленными и зачастую противоречивыми по своим траекториям, результатам и последствиям реформами, которые, пусть и в разной мере, но затронули все без исключения сферы жизни. На протяжении всех этих лет оценки хода и итогов постсоветской трансформации в нашей стране, озвучиваемые представителями государственных структур и научного сообщества, нередко формулируются в сопоставительном контексте с аналогичными процессами, протекающими в китайском обществе, примерно в следующем формате: Россия и Китай переживают вполне однотипные и уже необратимые трансформации в направлении перехода к рыночно-ориентированной экономике и сложной системе социальной стратификации, а также энергично позиционируют себя в качестве активных и влиятельных субъектов международной политики.

Реформирование китайской экономики постоянно привлекает внимание отечественных ученых и публицистов, особенно тех, что в целом разочарованы ходом и результатами преобразований в России и считают китайскую модель социального транзита более продуманной, взвешенной, гибкой, творческой и предельно прагматичной (идеологические и политические задачи отходят в ней на второй план ради достижения конкретных экономических и социальных показателей), что позволяет постепенно создавать в Китае так называемую «социалистическую рыночную экономику» — многоукладную систему с жестким государственным регулированием хозяйственной деятельности в интересах роста социального благосостояния. В отличие от российского реформаторского радикализма, Китай отличает последовательное совмещение наиболее рациональных элементов социалистической и капиталистической систем, планового и рыночного способов хозяйствования, в частности, отказ от разрушения и критики прошлого сочетается с предварительной проработкой проектов всех реформ под руководством и контролем правительства, игнорирование «чужих рецептов» (например, обвальная либерализация

экономики) — с развитием многообразных форм собственности и т.д., то есть в Китае предпочитают сначала «создать теорию, а затем педантично ей следовать», а не, как обычно в России, «учиться плавать, бросившись в реку» [236, С.67–68].

Очевидно, что важнейшими факторами, определяющими ценностные ориентации молодежи России и Китая в последние годы, являются рыночные формы хозяйствования, детерминирующие рост материальной заинтересованности, экономической самостоятельности и социальной независимости, то есть в целом «нарастание индивидуалистических настроений» [60, С.64]. Впрочем, не менее очевидны и социокультурные различия двух обществ: китайскому руководству удалось максимально задействовать в ходе модернизации традиционные ценности (прежде всего, конфуцианства — усердие, бережливость, смирение с бедностью, приоритет земледелия над прочими видами хозяйствования, справедливости — над выгодой, культ семьи, рациональность, самодисциплина и др.), благодаря чему в Китае менее заметен характерный для российского общества конфликт поколений — советского человека и многоликого молодого россиянина [66, С.96], в котором уживаются консервативные, патриотические, либеральные и глобализационные ориентации, политический радикализм и гражданская пассивность, прагматизм и индивидуализм в публичной и альтруизм в приватной сфере и т.д.

С 2007 года Социологическая лаборатория Российского университета дружбы народов совместно с Пекинским Центром исследований молодежи и юношества неоднократно проводила сравнительные исследования ценностных ориентаций студенческой молодежи двух стран, чтобы оценить сложившиеся здесь наиболее яркие и показательные сходства и различия. Поскольку результаты опросов уже неоднократно были рассмотрены в сопоставительном ключе [209, 210], охарактеризуем ценностные доминанты только китайской молодежи. Как показали данные целого ряда опросов, реализованных методом анкетирования на репрезентативной выборке пекинских студентов, основные причины получения ими высшего образования — желание обладать знаниями,

необходимыми для дальнейшей жизни (порядка 60) и заинтересованность предприятия, на котором они уже трудоустроены или собираются работать (мотив получения высшего образования у двух третей выборки); далее идет желание стать квалифицированным специалистом (у каждого третьего); каждый десятый упомянул давление родителей или стремление обзавестись необходимой для трудоустройства «корочкой». Если бы у студентов была возможность выбора, почти половина предпочла бы учиться за границей, но в то же время каждый третий респондент не хотел бы менять место учебы, потому что высшее учебное заведение его вполне устраивает (хотя в целом это достаточно низкий показатель удовлетворенности обучением); каждый четвертый студент все же пошел бы учиться в другой вуз, будь у него такая возможность; большинство (67) планирует продолжить образование (магистратура, аспирантура, второе высшее).

Каждый третий студент полагает, что легко сможет найти себе рабочее место по специальности после окончания вуза, каждый пятый настроен на долгий поиск работы по профессии, почти каждый второй уверен, что быстро и без особых проблем найдет себе работу, но не по специальности. Главные требования к работе у китайских студентов таковы: интересная, предоставляющая свободу действий и возможность самореализации, приносящая при этом небольшой, но стабильный доход и предполагающая возможность новых знакомств (эти варианты набрали по 40 и выше); менее важны для китайской молодежи такие характеристики работы, как высокий заработок, свободное время, гарантии карьерного роста, престижность и социальная ответственность (20 и выше), то есть в ответах респондентов прослеживается весьма консолидированная ориентация на социально-коллективистские характеристики работы и ее стабильность в финансовом отношении.

Большинство пекинских студентов выросло в полных семьях (порядка 70) и свои отношения с родителями характеризуют как полное взаимопонимание (каждый второй) или теплые, дружеские (порядка 40), а потому своих детей они планируют воспитывать примерно так же (46) — категорически не приемлет модель родительской семьи каждый четвертый. Свыше 70 опрошенных обладают широким кругом общения, где выделяют несколько особенно близких друзей, в тяжелые моменты жизни студенты обращаются за помощью и поддержкой, прежде всего, к друзьям и родителям; каждый пятый респондент ищет поддержки и понимания у любимого человека; в целом для китайских студентов не характерна стратегия переживания трудных периодов в жизни в одиночку.

В той или иной мере интересуются политическими событиями и вопросами свыше 80 пекинских студентов, тогда как категорически отказывается от включения политической проблематики в сферу собственных интересов незначительное число опрошенных (порядка 3). В качестве причины собственной незаинтересованности студенты называют, прежде всего, недостаток свободного времени (около 40); далее идет убеждение в бессмысленности отслеживать политические события в силу невозможности влиять на происходящее (каждый пятый); третья по частоте упоминаний причина — уверенность, что политика — грязное дело (15); четвертая — недостижение того возраста, когда можно и нужно интересоваться политикой (10). Четверть опрошенных не принимает участия в выборах, будучи уверенными, что их голосование ничего не меняет и ни на что не влияет; наоборот, каждый второй пекинский студент полагает, что ситуация в стране оказывает существенное воздействие на реализацию его жизненных планов. Считают себя патриотами 86 опрошенных, но вопрос об отнесении себя к категориям патриотизма вызвал затруднения у каждого десятого респондента, прежде всего, в силу невозможности определить отношение к своей стране одним словом «патриотизм».

Китайские студенты консолидированно (все предметы гордости отметили порядка 70 опрошенных в соответствующих дихотомических шкалах) гордятся историческим прошлым, природными богатствами, культурным наследием и спортивными достижениями своей страны, а также положением Китая на мировой арене, его научными достижениями и армией. Оказалось, что система образования не является предметом гордости для сопоставимого числа опрошенных, что в значительной степени объясняет постоянный рост числа студентов из КНР в зарубежных, в том числе российских, вузах — причина, очевидно, не только в диспропорции демографических показателей и количества мест в вузах.

Зоны недовольства китайских студентов в жизни своего общества — развитие экономической и социальной сферы, соблюдение прав и свобод человека, деятельность государственных органов и в целом уровень жизни населения. Тем не менее показатели доверия правительству, представительным органам и партии власти, общественным организациям, банкам, судам, армии, бизнесу, средствам массовой информации в Китае значительно (в 2–3 раза) превышают аналогичные показатели по России (держатся на уровне примерно в 70–80, хотя колебания здесь значительны, например, китайскому правительству доверяет почти 90, а средствам массовой информации — каждый второй). Причем уровень доверия базовым

властным и социальным институтам никак не коррелирует с политическими взглядами и пристрастиями опрошенных: каждый третий заявил, что симпатизирует партии, сегодня находящейся у власти; каждый пятый отметил приверженность либерально-демократическим идеалам, каждый десятый — социал-демократическим; примерно 40 откровенно заявили, что не находят среди политических партий и движений объектов для симпатий.

Таким образом, китайских студентов отличает относительно высокая политическая заинтересованность и явный социальный «оптимизм»: они более однозначно характеризуют в себя в координатах патриотизма, позитивнее оценивают деятельность органов государственного управления и в целом чувствуют себя более социально комфортно, демонстрируя, по российским меркам, запредельно высокий уровень доверия базовым социальным институтам. Тем не менее «пятерку» ключевых проблем пекинской молодежи формируют морально-нравственные проблемы общества, в том числе коррупция власти и «неправильное» воспитание молодежи (как объясняющее ее безответственность, отсутствие взаимопонимания с родителями и нежелание учиться), за которыми следуют как объективные причины сложившегося положения дел (безработица, скучная жизнь, нехватка материальных средств, в том числе на получение образования, общая ситуация в стране), так и субъективные (курение, проблемы со здоровьем, преступность, наркомания, алкоголизм). В целом, характерные для российского общественного мнения и медийного дискурса «лидеры» молодежных проблем не оказались столь же значимыми для китайских студентов, которых в большей мере, чем наркомания и алкоголизм молодежи, беспокоят проблемы морального состояния общества, коррупции власти, отсутствия межпоколенческого диалога, ограниченных возможностей досуга и т.д. Кроме того, в отличие от российской молодежи, китайские студенты не высказывают особых патерналистских ожиданий — помощи и поддержки со стороны государства.

Понятие жизненного успеха ассоциируется у пекинских студентов с целым комплексом достижений, состоящим из общественного признания, творческой самореализации и семейного благополучия; лишь на втором месте стоит материальный достаток, который назвали в два раза меньше студентов, чем каждый из предыдущих критериев успешности. В качестве слагаемых жизненного успеха студенты достаточно единодушно называют коммуникабельность и собственные знания и умения (порядка 90), в том числе знание иностранного языка, а также наличие нужных связей и знакомств, поддержку родных и близких, трудолюбие, а также удачу и везение (порядка 80); чуть менее значимо

наличие диплома престижного вуза (60), то есть вполне очевидны фаталистичность и патернализм (по отношению к родительской семье) пекинской молодежи. Что касается личных качеств, то чтобы добиться успеха, пекинский студент считает необходимым быть, прежде всего, коммуникабельным, а уже затем — трудолюбивым оптимистом, честным и искренним, исполнительным и изворотливым (менее значимы преданность и независимость, расчетливость и прагматизм), то есть здесь прослеживаются достаточно традиционные трактовки успешности в китайском обществе. Еще очевиднее «традиционность» мировоззрения пекинской молодежи становится, когда речь заходит об общем социальном настрое китайских респондентов: большинство опрошенных (около 80) верят, что спокойная совесть важнее прибыли, что мир не без добрых людей, а главное в жизни — честь и достоинство. Соответственно, в будущее китайская молодежь смотрит с надеждой и оптимизмом (каждый второй) или же спокойно, без особых надежд и иллюзий (порядка 40). Более половины китайских респондентов планирует свою жизнь только на ближайшую перспективу, строит более долгосрочные планы примерно каждый третий.

Наиболее положительно пекинские студенты относятся к 1) Франции, Швейцарии, Германии, 2) России, США, Англии, Южной Корее и Кубе, то есть Россия пока еще не является лидером по привлекательности и позитивности восприятия молодыми поколениями Китая. Тем не менее сложившиеся сегодня отношения России и Китая рассматриваются как несущие каждой из стран массу позитивных моментов (так считает более 80 китайских респондентов). Собираемый образ России, который сложился у пекинских студентов, — это страна, играющая значимую роль не только в регионе (44), но и в последние двадцать лет в мире (46), сильная своей армией, но не очень успешно прошедшая этап реформирования (по сравнению с Китаем).

Следует отметить, что опросы китайского студенчества были неоднократно проведены в Пекине, но один раз мы смогли осуществить аналогичное анкетирование в Гуанчжоу, третьем по социально-экономическим и демографическим показателям городе Китая, культурном и образовательном центре страны. Как показали результаты опроса, ценностные ориентации студенчества столичных и региональных вузов в КНР настолько схожи, что нет смысла говорить о различиях, значимых в интерпретационном отношении. Конечно, и это вполне предсказуемо в любых регионально смещенных исследованиях, в Гуанчжоу несколько выше оказалась обеспокоенность социально-экономическими и политическими событиями, впрочем, как и уровень патриотизма и доверия органам государственной власти и общественным

институциям в целом; почти в два раза больше респондентов, для которых важно, чтобы заработная плата была пусть не очень высокой, но обязательно стабильной; удовлетворенность студентов различными сторонами жизни (в том числе степенью социальной интегрированности выше при аналогичных с пекинскими респондентами оценках уровня материального достатка. Подобные тенденции всегда прослеживаются в ситуации снижения «урбанизированности» (и, соответственно, роста безработицы и сокращения институциональных возможностей самореализации в профессиональном и социальном плане) и нарастания «традиционности» образа жизни.

По всем остальным показателям студенты китайских столичных и региональных вузов не выказали заметных различий: большинство гордится достижениями своего общества в культурном, историческом, спортивном, сырьевом, военно-техническом и социокультурном отношении, тогда как уровень жизни населения и система образования вызывают недовольство; в качестве базовых критериев жизненного успеха выступают здоровье, семейное благополучие и самореализация, требующие от человека коммуникабельности, оптимизма, трудолюбия, настойчивости, порядочности и целеустремленности в дополнение к обязательному багажу профессиональных знаний и умений; рецепт успешности включает в себя спокойный и оптимистичный взгляд в будущее, продолжение обучения в вузе и обязательное трудоустройство, пусть и не по специальности; ответственность за состояние общества возлагается в том числе и на молодежь (то есть на себя), которая обвиняется в безответственности, лени и вредных привычках. Иными словами, содержание ценностных ориентаций студенческой молодежи столичных и региональных вузов Китая оказалось настолько схожим, что нет смысла говорить об имеющихся несущественных расхождениях и тем более пытаться понять факторы, их детерминирующие.

В свете представленных данных можно предполагать, что уровень тревожности китайской молодежи, оценивающей социально-экономический и политический контекст своей жизни весьма

оптимистично, позитивно и, что немаловажно, исходя из вполне традиционной трактовки жизненного успеха как включающего в себя существенный компонент социального признания, должен быть весьма невысок. В 2014 году наши коллеги из Пекинского центра исследований молодежи и юношества провели опрос студентов столицы Китая по разработанному нами инструментарию, чтобы проверить это предположение. Сконструированный нами опросник был призван решить следующие задачи: выявить смысловые приоритеты студенческой молодежи (базовые ценности и трактовки жизненного успеха); определить ключевые страхи современного студента (в сфере трудоустройства, материального достатка, личной жизни, здоровья, учебы); оценить общий уровень тревожности студенческой молодежи; выявить предпочитаемые респондентами стратегии преодоления дискомфортных ситуаций и обозначить факторы, обуславливающие состояние тревоги (например, источники информации об угрозах).

Весьма удручающими оказались оценки студентами своего основного эмоционального состояния за последний месяц: если сложить доли постоянно испытывающих чувство беспокойства и напряжения (12) и иногда ощущавших озабоченность и опасения (57), мы получим чуть меньше двух третей выборки. Если студенты испытывают сильный страх или тревогу, то обращаются за советом/поддержкой/утешением к родным и близким людям или друзьям (каждый второй), а почти каждый пятый «ждет, когда само пройдет». Тем не менее блок позитивных эмоций, испытываемых за последние несколько месяцев, оказался представлен в пекинской выборке гораздо более консолидированно (китайские респонденты достаточно часто чувствуют себя свободными и радуются своим успехам, испытывают абсолютное счастье), чем блок негативных (относительно редко чувствуют усталость/безразличие, обиду, агрессию и страх), причем респонденты вообще нечасто выбирают явно негативно коннотированные и активно-личностные эмоциональные состояния, поэтому у них оказалось трое аутсайдеров — озлобленность/агрессивность, страх и зависть (табл. 26).

Таблица 26

Распределение ответов на вопрос: «Случалось ли тебе за последние несколько месяцев...»

Варианты ответов	Условный позитив, %	Условный негатив, %
Радоваться своим успехам	38,3	
Чувствовать, что тебе все удастся	33,9	
Чувствовать себя свободным	17,1	
Испытывать абсолютное счастье	35,3	
Ощущать уверенность в завтрашнем дне	22,1	

Варианты ответов	Условный позитив, %	Условный негатив, %
Ощущать усталость, безразличие		33
Чувствовать обиду		16,6
Ощущать озлобленность, агрессивность		8,9
Чувствовать одиночество		28,8
Ощущать растерянность		29,1
Испытывать страх		9,9
Чувствовать отчаяние		11,5
Испытывать зависть		8,2

«Контекст» опроса (анкеты раздавались студентам в вузах), несомненно, оказал влияние на сферу проявления негативных переживаний: каждый второй респондент утверждает, что таковые за последние несколько месяцев у него были в основном связаны с учебой. Затем «зоны» негативных эмоций расходятся: примерно у 40 студентов они связаны с друзьями, у каждого третьего — с работой/трудоустройством, у каждого пятого — со здоровьем, у 15 — с семьей. Вторым по частоте источник жизненного негатива неудивителен, поскольку среди пекинских студентов примерно 90 работают или подрабатывают; основным критерием выбора места работы оказалась возможность ее совмещения с учебой (ее назвал каждый третий), каждый пятый назвал связь работы с получаемой специальностью, ее интересность или уровень заработной платы. Те студенты, что не работают и не подрабатывают, аргументируют это тем, что не смогут совмещать работу и учебу (28), каждый пятый акцентирует приоритетность учебы по сравнению с трудоустройством в текущий момент времени или же упоминает неудачный опыт поиска работы (не смог найти работу, в которой бы его все устраивало). Что касается ожиданий на будущее, то большинство опрошенных надеется возглавить коммерческую организацию — в качестве владельца (27) или руководителя (примерно 16); в основном студенты хотели бы стать руководителем в государственной организации, работать в коммерческой организации или в свободном режиме на дому.

Примерно каждый второй китайский студент уверен, что «учится нормально, мог бы и лучше, если бы захотел», каждый четвертый «старательно учит только то, что может пригодиться в дальнейшем, и забывает на остальное», каждый пятый

утверждает, что учеба в университете идет у него «здорово — впитывает знания, как губка, и учится легко». Основная сложность для студентов в процессе учебы — выступления перед аудиторией (32), затем идут плохие оценки (23), а также «общение с преподавателями» (19) наряду с подготовкой домашних заданий (18) и досдачей долгов (17). В данном вопросе в варианте о выступлениях перед аудиторией был, по сути, заложен переход к тому тематическому блоку анкеты, в котором студентам предлагалось оценить свое социальное самочувствие и высказаться о значении для себя публичной сферы жизни. Треть китайских студентов считают себя социальными конформистами, но не забывают о самореализации, вторую треть составили ситуационно ориентирующиеся в жизненных реалиях; стремятся выделиться около 15.

Для «диагностики» ключевых страхов студентов в анкете был задан вопрос: «Задумываясь о своем будущем, чего ты опасешься больше всего?». Варианты ответов на него можно условно сгруппировать в несколько тематических блоков (примем во внимание только набравшие более 15 — табл. 27): боязнь одиночества (остаться одному — потерять близких, не иметь детей), заболеть неизлечимой болезнью, безработицы и, соответственно, бедности, или же денежной работы без возможностей самореализации, а также боязнь разочароваться в профессии/деле. Китайские студенты и здесь проявили свою фаталистичность: на фоне прочих страхов они редко опасаются заболеть неизлечимой болезнью или остаться бездетными, не боятся одиночества и потери близких — куда больше их пугает финансовая невозможность жить так, как они хотят (в том числе и по причине безработицы).

Таблица 27

Распределение ответов на вопрос: «Задумываясь о своем будущем, чего ты опасешься больше всего?»

Варианты ответов	Доли, %
Потерять близких	41,3
Получать заработную плату, которая не позволит мне жить, например, как я хочу	37,8

Варианты ответов	Доли, %
Оказаться безработным	30,4
Оказаться одиноким человеком	24,8
Бедности	22,3
Вынужденно трудоустроиться на неинтересную, но денежную работу	21,1
Заболеть неизлечимой болезнью	17,8
Разочарования в выбранном деле/профессии	17,6
Стать жертвой преступников	11,8
Не выйти замуж/не жениться	11,7
Умереть	11,6
Неудачи в любви	11,2
Публичного унижения/оскорбления	10,7
Отчисления (боюсь, что не смогу доучиться/получить диплом)	10,7
Быть бездетным	10,7
Оказаться под следствием/в тюрьме	8,7
Заболеть свиным гриппом или иной пандемической болезнью	8,5
Пойти служить в армию	6,2
Внепланово забеременеть	4,9
Жизни без компьютера/Интернета	3,8

Несмотря на декларируемый фатализм, уровень тревожности китайских студентов оказался достаточно высок (табл. 28): свыше 90 боятся столкнуться с коррупцией и беззаконием, стихийными бедствиями и экологическими катастрофами; свыше 80 — с преступностью, последствиями

мирового экономического кризиса и массовыми эпидемиями, в том числе в результате химического и радиационного заражения окружающей среды и техногенных катастроф; свыше 70 — терактов, политического экстремизма, революций/переворотов, военных действий и даже ядерной войны.

Таблица 28

**Распределение ответов на вопрос:
«Насколько ты лично боишься столкнуться со следующими явлениями?»**

Варианты ответов	Очень боюсь + немного боюсь, %
Коррупция и беззаконие	96,6
Экологическая катастрофа	91,4
Стихийные бедствия (землетрясение, наводнение и пр.)	90,3
Массовая эпидемия	87,7
Последствия мирового экономического кризиса	86,9
Химическое и радиационное заражение воды, воздуха	84,2
Разгул преступности в жизни страны	83,6
Техногенная катастрофа в жизни страны	82,5
Межэтнический конфликт	77
Революция/путч/переворот	75,5
Террористические атаки в нашей стране	75,4
Военные действия	74,3
Политический экстремизм	70,4
Ядерная война	69,2
Полная утрата традиций и культуры в жизни страны	61,6
Гражданская война	57,2
Безвластие, анархия в жизни страны	54,9
Вытеснение мигрантами коренного населения	50,8
Вторжение инопланетян в нашу страну	41,2

Обо всех перечисленных угрозах студенты узнают из Интернета, который относительно давно стал безусловным лидером молодежного рейтинга источников получения информации и сфер досуговой деятельности, а также из телевизионных передач, то есть почти все угрозы имеют медийный формат, а не статус реально актуализированных; ближний круг общения играет менее определяющую роль, поскольку различные его «участники» набрали в данном вопросе от 16 до 27. Причем лишь каждый седьмой китайский респондент уверенно заявляет, что после просмотра информационных и аналитических сообщений средств массовой информации (телевидения, радио, Интернета) у него никогда не возникает чувства тревоги — каждый десятый испытывает его практически всегда, свыше 70 — иногда.

Тем не менее некорректно утверждать, что при достаточно высоком уровне тревожности китайское студенчество отличается пессимистическим и безрадостным настроем: более половины опрошенных убеждены, что жизнь в стране становится лучше, ухудшения отметили 7, отсутствие изменений — 13. Вероятно, подобный уровень спокойствия на фоне весьма высокой озабоченности перспективами личного столкновения с огромным спектром угроз объясняется тем, что большая часть страхов и опасений личного характера (бездетность, одиночество, нереализованность и пр.) еще не вполне актуальна для молодежи, а социально-политического и стихийно-катастрофического характера — воспринимается фаталистично, как неотвратимая неизбежность в принципе, благодаря постоянному и потому рутинизирующему страху медийному «шуму». Это подтверждают и самооценки респондентов: каждый второй китайский студент квалифицирует себя как оптимиста (30), реалиста (33) или «ситуациониста» (26), тогда как пессимистами себя назвали 4. С другой стороны, опрошенные испытывают серьезные опасения социально не состояться: иногда боясь, что могут стать неудачниками, более 60 опрошенных, категорически исключают для себя эту возможность 12, в целом довольны своей жизнью 70. Вероятно, некоторую амбивалентность в ответах китайских студентов, которые декларируют и большой оптимизм, и большие опасения в отношении собственного будущего, следует объяснять устойчивыми социокультурными трактовками «нормального» поведения: в китайском обществе принято трезво оценивать свои шансы, в целом надеясь на позитивное развитие событий.

Учитывая, что Китай наиболее последовательно из всех стран со схожими масштабами территории и роста населения проводит жесткую

демографическую политику, особый интерес для нас представляли ответы китайских студентов на вопросы об их семейно-родительских планах и приоритетах. В вопросе, где респондентам предлагалось проранжировать (по десяти позициям) по степени значимости десять понятий, студенты продемонстрировали редкое единодушие: ключевые смысложизненные приоритеты для всех опрошенных — семья (на первое или второе место ее поставили 80 пекинских студентов) и здоровье (разброс мест здесь больше, но для каждого второго респондента оно вошло в тройку лидеров); срединную позицию на итоговой «шкале значимости» занял материальный достаток; менее важные сферы жизни — общественная деятельность (на последние позиции ее поставил каждый второй студент), политика (70) и религия (87). Соответственно, личную ответственность студенты ощущают, в первую очередь, за свою семью и близких (свыше 80); на втором месте — ответственность за самого себя и друзей (по 40); на третьем — ответственность за свою страну (и показатель здесь крайне высок — каждый третий респондент).

Кроме того, оказалось, что в студенческие годы в Китае лишь крайне незначительное число респондентов (менее 3) состоят в официальном или так называемом «гражданском» браке, поскольку главным условием для заключения брака считают финансовую независимость, способность обеспечить себя и семью (66); не планирующих свое супружество и даже не задумывающихся о нем удивительно мало (1). Модальное значение желаемого числа детей — двое (свыше 40), одного ребенка назвал каждый четвертый, 14 пока не определились с желаемым числом детей, каждый десятый вообще не склонен к родительству (по крайней мере пока высказывает убеждение вообще не иметь в будущем детей).

Вероятно, подобные репродуктивные установки в полной мере можно считать результатом государственной демографической политики КНР (хотя вряд ли следует забывать и об объективных социально-экономических возможностях семей). Семейные отношения в Китае всегда определялись традициями и законодательством. Для традиционной китайской модели семьи характерны патриархальность, патрилинейность (определение родства по отцовской линии), патрилокальность (супруги жили в доме родителей мужа) и расширенный состав (разные поколения, семьи братьев и их дети проживали вместе). Данная модель сформировалась под влиянием конфуцианских представлений о семье и характере взаимоотношений между родственниками по крови и браку и доминировала вплоть до

второй половины XX века, когда начинает складываться посттрадиционная модель семьи, для которой характерно равенство супругов, билаateralность родственных связей (симметричные отношения супругов с родственниками как со стороны отца, так и со стороны матери), неолокальность (супруги живут в новом месте, отдельно от родителей) и нуклеарность [Почагина, 2008].

Сразу после образования КНР в 1950 году правительством был принят закон «О браке», который положил конец системе феодальных отношений и способствовал широкому распространению посттрадиционной модели семьи; земельные реформы, индустриализация и урбанизация обеспечили рост уровня жизни населения, стабилизировали политическую ситуацию, что создало благоприятные условия для брачности и рождаемости, и, на фоне заметного снижения смертности, гарантировали быстрый естественный прирост населения в первой половине 1950-х гг. В первые десятилетия образования КНР государство воспринимало подобный рост как преимущество, источник силы и мощи страны, недооценивая серьезность последствий демографического бума для экономики [281, С.7]. Однако уже в середине 1950-х гг. в научной литературе и средствах массовой информации зазвучала обеспокоенность стремительным ростом населения на фоне нарастающих экономических проблем, что не могло не повлиять на семейно-демографическую политику китайского правительства. Во второй половине 1950-х гг. руководство КНР впервые провело общегосударственную кампанию по контролю рождаемости, в рамках которой основной акцент был сделан на повышении брачного возраста: ранние браки были объявлены вредными для здоровья супругов и детей, препятствием для получения образования и карьерного продвижения [21, С.218]; параллельно шла кампания по пропаганде (преимущественно образовательно) двухдетных семей под слоганом «один ребенок — хорошо, два в самый раз, а три — много» [466, С. 278].

С 1962 г. в Китае стартует вторая кампания по ограничению рождаемости, пропагандирующая в качестве преимуществ небольших семей и контроля над рождаемостью охрану материнства и детства, обеспечение возможностей для работы и обучения родителей, увеличение семейного и государственного благосостояния. Основной задачей кампании было уменьшение числа детей в семье (не более двух, которые рождались с интервалом в три-пять лет) и увеличение возраста вступления в брак; в отдельных районах применялись экономические санкции в отношении многодетных семей. На 1971–1989 годы пришлось третья кампания по ограничению

размеров семьи: помимо пропаганды стали активно использоваться экономические и административные меры регулирования рождаемости. Для этого была создана разветвленная структура органов контроля над рождаемостью, определены основные направления демографической политики под лозунгом «Позже, реже, меньше!» (откладывание вступления в брак, четырех-пятiletний интервал между рождениями детей, уменьшение размера семьи); большое внимание уделялось обеспечению населения средствами контрацепции и возможностям проведения абортов в сельских районах. До начала кампании не поощрялось рождение более двух детей; в конце 1970-х гг. требованием стало рождение только одного ребенка. Необходимость в ужесточении семейной политики была обусловлена тем, что прогнозировался бум рождаемости — должна была вступить в брачный и репродуктивный возраст многочисленная когорта 1950-х гг. рождения. Центральный комитет Коммунистической партии Китая в 1978 г. провозгласил курс на однодетную семью — задачей правительства было обеспечение к 1980-м гг. нулевого прироста населения.

До 1980-х гг. государственная политика по ограничению рождаемости в КНР не имела законодательного закрепления и реализовывалась на уровне партийных директив, административных указаний и местных постановлений. В 1981 г. на четвертой сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва был принят Доклад «О политике в области народонаселения», который устанавливал ограничение на рождение супружеской парой только одного ребенка. В сельской местности семьи с одним ребенком имели право подать заявку на рождение второго в органы местной власти, если могли документально подтвердить необходимость двух детей трудностями в ведении хозяйства [433, С. 358–360]. В декабре 1982 г. курс на ограничение рождаемости был закреплен в Конституции: в статье 25 говорится, что государство осуществляет контроль над рождаемостью, чтобы рост населения соответствовал планам социально-экономического развития страны [505].

Кампания «одна семья — один ребенок» прошла четыре фазы: первоначально правительство ставило амбициозные цели и использовало жесткие методы контроля рождаемости по всей стране — семьям разрешалось рожать только одного ребенка, перед зачатием супружеская пара должна была получить разрешение на рождение; строго соблюдались правила использования противозачаточных средств, женщины поощрялись к стерилизации после вторых родов. Второй этап кампании отмечен послаблениями в политике

ограничения рождаемости в связи со стремлением руководства страны адаптировать демографическую политику государства к местным условиям. В ответ на сопротивление политике одного ребенка крестьян правительство позволило семьям в сельской местности иметь второго ребенка, если это вписывалось в местные квоты. В конце 1980-х гг. статистика показала по-прежнему высокий уровень рождаемости, и на третьем этапе демографическая политика вновь ужесточается — были отменены все условия для рождения второго ребенка. Четвертый этап (с 2000–2001 гг.) отмечен переходом к более мягким мерам контроля рождаемости [452, С. 12–13]: на 25-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей был принят законопроект «О народонаселении и плановой рождаемости», в 18 статье которого государство призвало граждан к позднему вступлению в брак и позднему рождению одного ребенка, вместе с тем оговаривая условия для рождения второго ребенка.

Необходимые условия, при наличии которых супружеским парам разрешается иметь второго ребенка, можно объединить в две группы: первая связана с традицией продолжения рода по мужской линии, вторая — с этническими и социально-экономическими вопросами. Супружеской паре разрешается родить второго ребенка, если оба супруга — единственные дети и первый ребенок в их семье — девочка или же если у трех поколений подряд в семье был один сын. Также право на рождение второго ребенка есть у супружеских пар из представителей национальных меньшинств или проживающих на определенных территориях — в отсталых, отдаленных районах с низкой плотностью населения (например, Синцзян-Уйгурский автономный район, Тибет, Хэйлунцзян, где население в основном занимается сельским хозяйством и велика доля национальных меньшинств), особенно если первый ребенок — девочка. В регионах компактного проживания национальных меньшинств (например, Гуанси-Чжуанский автономный район, Нинся Хуэйский автономный район, Внутренняя Монголия) разрешение на рождение второго ребенка дается, если оба супруга — представители коренной национальности или один из них принадлежит к малочисленной этнической группе. Также второго ребенка имеют право рожать супружеские пары, в которых один или оба супруга — вернувшиеся в Китай хуатяо (китайцы, проживавшие за границей).

Большинство провинций разрешает рождение второго ребенка, если первый является инвалидом или его трудоспособность ограничена, если инвалидность имеет один из супругов (при

условии, что болезнь не передается по наследству). Получить разрешение на рождение второго ребенка могут и супруги, занятые в определенных отраслях (подземные работы, зарубежное судоходство); разрешается рождение второго ребенка при повторном браке, если у супруга нет детей от первого. В 1980-х гг. каждая провинция приняла свои правила ограничения рождаемости, что привело к большим региональным различиям в демографическом развитии. Кроме того, население Китая использует несколько незаконных способов рождения второго ребенка: в сельской местности существуют так называемые «черные деревни», в которые отправляют детей, рожденных сверх плана, где они живут без документов; незарегистрированных детей на 2005 год в КНР насчитывалось около 6 миллионов, потому что семьи сознательно не регистрируют вторых и третьих детей, чтобы избежать выплат социального налога [281, С. 6–8].

Таким образом, с момента создания КНР изменяющиеся социально-экономические условия и государственная семейная политика обусловили серьезные трансформации в демографическом состоянии страны. К настоящему времени в Китае завершился переход от традиционного (высокий уровень рождаемости и высокий уровень смертности) к современному типу воспроизводства населения, который характеризуется умеренными демографическими показателями — коэффициент суммарной рождаемости (в среднем 1,55 рождений на женщину) в последние годы ниже уровня замещения (2,08), а также поздней брачности: хотя минимальный возраст вступления в брак, установленный законодательно, — 23 года для женщин и 25 — для мужчин, средний возраст вступления в брак в Китае составляет 27 лет, у женщин — 25 [350, С. 66]. Причем на это повлияло как поощрение поздних браков со стороны государства, так и образовательные и карьерные амбиции и ожидания молодых людей.

В последнее время наблюдается и такая тенденция, что все больше женщин не хотят выходить замуж, особенно высок этот показатель среди состоятельных женщин — каждая вторая жительница Пекина с месячным доходом от 5 до 15 тысяч юаней не состоит в браке. Все более распространенными становятся серьезные отношения без регистрации брака, в связи с чем в закон «О браке» в 2001 году была внесена поправка, которая требует обязательной регистрации брака, то есть семейным правом КНР браком не признается незарегистрированный союз, поскольку в данном случае государству крайне сложно контролировать и отслеживать рождаемость. Доминирующим в китайском обществе стал нуклеарный тип семьи, но помимо него и расширенной традиционной

семьи появляются и новые форматы семейных союзов. В КНР сегодня насчитывается более 17 млн. супружеских пар, которые вообще не хотят заводить детей — такой тип семьи китайские социологи называют «DINK» (double income and no kids) и объясняют его распространение тем, что молодые люди хотят уделять больше времени себе, друг другу, общению с друзьями, не желают брать на себя ответственность за содержание и воспитание потомства. Другим не менее значимым типом в Китае стали семьи «4–2–1» — результат политики «одна семья — один ребенок»: родители являются единственными детьми в семье и сами рожают единственных детей, то есть в состав такой семьи входит один ребенок, молодые родители и бабушки и дедушки по обеим родственным линиям, и молодая супружеская пара должна заботиться о четырех родителях, а их единственный ребенок, достигнув трудоспособного возраста, будет вынужден содержать себя, двоих родителей и четырех бабушек и дедушек [453, С. 9]. В Китае постоянно растет и количество семей типа «пустое гнездо» (отделение единственного ребенка от родительской семьи в результате заключения брака или переезда в другой город): политика ограничения рождаемости существенно деформировала структуру семьи, сократив число ее членов, и привела к старению общества [105, С. 178].

Иными словами, семейная политика правительства КНР влияет на уровень рождаемости, структуру и типы семьи не только законодательными нормами (устанавливая брачный возраст и ограничивая количество деторождений на одну супружескую пару) и системой санкций (социальных налогов, вычетов из заработной платы, ограничений при распределении земельных участков и жилья), но и путем формирования у молодых поколений вписывающихся в общую стратегию ограничения рождаемости ценностных ориентаций в сфере семейного и репродуктивного поведения, которые и были выявлены в ходе наших социологических опросов китайского студенчества. Более репрезентативные по отношению ко всем возрастным группам китайской молодежи социологические опросы показывают, что кампания по ограничению рождаемости оказалась эффективной в том смысле, что сформировала у молодежи устойчивую ориентацию на небольшие семьи: большинство женщин в стране хотят иметь не больше двоих детей, остальные — одного; все больше молодых китайцев ориентируется на рождение одного ребенка [439, С. 434], хотя, несомненно, ситуация не может не различаться в больших городах и сельской

местности, в зависимости от того, есть уже дети в семье или нет и т.д.

Большинство китайских ученых убеждены, что именно политика правительства КНР по ограничению рождаемости — основная причина ее снижения, хотя ряд демографов полагает, что политика здесь не единственный фактор [439], поскольку нередко провинции с различными форматами политики ограничения рождаемости, но схожим уровнем социально-экономического развития имеют одинаковые демографические показатели. По мнению западных социологов, основная причина изменения моделей демографического и репродуктивного поведения населения — модернизация норм, ценностей и социальных установок по отношению к семье, рождению и воспитанию детей: изменяется отношение молодых людей к семье и родительству, рождение детей уже не воспринимается как необходимость и долг перед обществом, а все чаще является результатом решения супружеской пары. Вероятно, следует принимать во внимание оба фактора воздействия на демографические показатели, тем более что, несомненно, ценностно-ориентационные трансформации в сознании нынешней китайской молодежи во многом предопределила государственная пропаганда контроля над рождаемостью. Конечно, на демографические показатели в КНР повлияли и общемировые тенденции снижения рождаемости в связи с улучшением качества жизни, снижением уровня смертности, глобализацией (в частности, распространение западных ценностей личности и гендерного равенства). Но все же основная причина серьезного снижения общего коэффициента рождаемости — продуманная и жесткая семейно-демографическая политика правительства КНР, которая проводится с 1962 года в формате пропаганды и рекомендаций, а с 1979 года — как законодательно оформленная система мер по поощрению и принуждению супружеских пар к рождению только одного ребенка. Под влиянием данной политики не только снизилась рождаемость, но и произошла общая трансформация ценностей, норм и социальных установок населения в сфере семейной жизни и репродуктивного поведения: хотя в сельской местности еще сохраняются ориентации на традиционную расширенную семью, городские жители экономически развитых провинций считают однодетную нуклеарную семью идеальной моделью, а часть женщин (в крупных городах их доля достигает 20) вообще не собираются рожать детей, что идет вразрез с традиционными китайскими ценностями.

Темербекова А. А., Байгонакова Г. А.

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ МАЛОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ)

Многонациональная по своей структуре Республика Алтай определяет развитие образовательной среды поликультурного социума и создает специфические условия для адаптации, социализации и развития подрастающего поколения. Многонациональный состав населения республики Алтай порождает многообразие национальных культур, в связи с чем с особой важностью встает проблема удовлетворения культурно-образовательных запросов каждой национальности, проживающей на территории республики.

Образование обеспечивает воспроизводство, усвоение и передачу знаний и ценностей, в этом образовательная среда поликультурного социума выступает как способ и форма человеческого бытия, которая может быть представлена как накопленный человеком опыт деятельности, необходимый для ее воспроизводства путем образовательной деятельности человека.

Следует отметить, что развитие региональной образовательной среды направлено на решение одной из основных задач регионального развития. Существенно важным для понимания региональной образовательной среды является то, что благодаря региональной системе образования люди получают возможность беспрепятственно включаться в те области человеческой практики и формы организации жизнедеятельности, которые традиционно сложились в том или ином регионе. В этом смысле через систему образования в регионе должно осуществляться качественное воспроизводство работников любой сферы, должны идти процессы социализации личности, отвечающие требованиям времени, способные улучшить общественные сферы региона.

Основной целью образовательной политики в этом контексте становится образование, а не обучение, то есть формирование этнической личности, нравственное воспитание; формирование различных типов мышления и способов деятельности; подготовка специалиста в определенной области знаний; освоение конкретных знаний в конкретной области. Реализация этих целей должна осуществляться через проведение политики в сфере информатизации образования с опорой на гуманизацию всего образования.

В своей значимости и содержательном наполнении региональная образовательная среда детерминирована действием ряда фундаментальных

факторов интеграции глобального, национального и регионального развития, эпицентром которых выступают личность обучающегося, человек, его поддержка и защита. Для осмысления идеи социально-педагогического синергетизма использовались работы Р. Бенедикт, Е. Н. Князева, С. В. Кульневича, И. Р. Пригожина, С. Г. Хакена, С. С. Шевелева и других ученых, в которых подчеркивается синергетическое обоснование способности личности к самоорганизации, самопреобразованию и саморазвитию. С позиций синергетики развитие личности учащегося рассматривалось во взаимосвязи с системой внутренней самоорганизации, направленной на актуализацию собственных созидательных сил самого человека, противостоящих хаосу и дестабилизации. Основные направления синергетики связаны с вероятностным прогнозированием веера возможностей, возникающего при кризисных состояниях и разрушении старых структур, что обеспечивает переход системы в более высокое качество.

Высшей ценностью образовательной среды поликультурного социума является человек, личность обучающегося, а смысл и цель образования должны быть связаны с его развитием, социально-педагогической поддержкой, защитой индивидуальности, ненасильственным культуросообразным воспитанием, созданием условий для творчества.

Интегративный подход открывает перспективу использования общенаучных инновационных методов междисциплинарного исследования, приводит к заинтересованному, личностно-значимому и осмысленному восприятию материала, привлечению обучаемых к разнообразным видам общественно-полезной, творческой деятельности, помогает осуществлять системный образовательный процесс.

Политика развития образовательной среды актуализирует проблемы регионального математического образования и предусматривает создание условий для достаточно автономного функционирования и развития региональных образовательных подсистем с опорой на образовательные потребности общества. В связи с этим проблема повышения уровня математического образования должна решаться не корректировкой теоретических положений образовательных систем, а практической реализацией концепции непрерывного образования путем проведения комплекса

организационно-педагогических мероприятий с использованием интерактивных технологий обучения в системе непрерывного математического образования.

Нормативной основой для решения данной проблемы выступают: Закон Российской Федерации «Об образовании»; Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 г. (4.10.00 № 751); Концепция развития России до 2020 года; Концепция развития математического образования в Российской Федерации (23.12.2013) [90]. Методологическим ориентиром для исследования избрано соотнесение теории, прогноза и комплексного анализа педагогической действительности. С помощью системного теоретико-методологического и сравнительно-сопоставительного анализа литературы выделена совокупность теоретико-методологических подходов, являющихся аксиоматической базой и научной платформой, определяющей принципы, методы и исследовательскую позицию, образующие определенную гносеологическую целостность:

- *аксиологический подход* (А.Г. Здравомыслов, И.Ф. Исаев, Н.С. Розов, В.А. Сластенин, Д.Н. Узнадзе и др.) рассматривает исследуемый феномен как систему ценностей и как ценностное явление, проявляющееся, прежде всего, в положительной значимости для собственного личностного саморазвития и самосовершенствования обучающегося. Аксиологический подход позволяет выявить ценности математического образования для личности, готовности ее математической деятельности на новом компетентностном уровне. Включение в структуру непрерывного математического образования интерактивных технологий обучения позволяет говорить о том, что потребность использовать в процессе математической деятельности приобретенные знания, умения, навыки работы с информацией обусловливается наличием у человека определенных общечеловеческих ценностей и представлений, что определяет эффективность и целенаправленность отбора и приращения новых ценностей, их переход в мотивы поведения и математической активности;
- *средовой подход* (М.В. Артюхов, П.Р. Атутов, П.П. Блонский, А.В. Мудрик, В.М. Петровичев, С.Т. Шацкий и др.) позволяет рассматривать непрерывное математическое образование как пространство личностно значимых для обучающихся событий, имеющих образовательную ценность. Определяя возможности среды, следует сказать, что она имеет колоссальный личностно-развивающий и профессионально-образующий потенциал. Средовой подход проявляется в связи с мотивацией математи-

ческой деятельности в регионе как следствия определенных, в том числе и информационных, потребностей, включая интерактивные технологии в обучении. Характер подобной зависимости определяется спецификой связей между человеком и средой, интерес к которым сформировал научную традицию и накопленный к сегодняшнему дню опыт математической деятельности;

- *синергетический подход* (Е.Н. Князева, Г. Хакен, С.В. Кульневич и др.) позволяет определить область научных знаний, в том числе и ее терминологическое обеспечение, как самоорганизующуюся, саморазвивающуюся систему. Синергетический подход вносит существенный вклад в развитие математического образования, так как в условиях непрерывно увеличивающихся информационных потоков теория о самоорганизации и саморазвитии находит все большее подтверждение в образовательной практике. Систему формирования математических знаний в региональной системе образования целесообразно рассматривать с позиций синергетического подхода, так как основной качественной характеристикой является естественная «самоорганизация» субъекта, упорядоченная и целенаправленная;
- *компетентностный подход* (В.И. Байденко, В.А. Болотов, И.А. Зимняя, Э.Ф. Зеер, В.В. Краевский, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, В.В. Сериков, А.П. Тряпицына, В.Д. Шадриков, А.В. Хуторской и др.), направленный на развитие индивида, на достижение образовательного результата, выражающегося в формировании компетентностей. В связи с этим преимуществами методов обучения являются методы, ориентированные на развитие положительной самооценки, понимание информационных потребностей, приоритетное внимание к развитию умений сотрудничества в информационной деятельности, обеспечение возможности признавать и ценить умения других в процессе работы с информацией, развитие коммуникации, проявление творчества. Реализация компетентностного подхода в процессе разработки и внедрения научно-методического комплекса организационно-педагогических мероприятий с использованием интерактивных технологий обучения в систему непрерывного математического образования позволит под новым углом зрения рассматривать проблему качества математического образования.

Каждый из перечисленных выше теоретико-методологических подходов обладает своим уникальным потенциалом, в силу чего данные подходы нацелены на решение задач исследования.

Выявление ведущих методологических подходов к исследуемой проблеме позволило определить сущностно-содержательную основу и генезис разработки и внедрения научно-методического комплекса организационно-педагогических мероприятий с использованием интерактивных технологий обучения в систему непрерывного математического образования.

Необходимость определения общей стратегии решения обозначенной проблемы способствовала выявлению лежащих в основе данного процесса принципов, являющихся исходными положениями в организации данного процесса и одновременно результатами развития нового научного знания: целеполагания, субъектности, ориентации на ценностное отношение к информации, вариативности, диалогичности, интерактивного обучения, обратной связи, индивидуализации. Сформулированные выше принципы разработки и внедрения научно-методического комплекса организационно-педагогических мероприятий с использованием интерактивных технологий обучения в систему непрерывного математического образования позволяют рассматривать его, с одной стороны, как средство, а с другой — как самостоятельную систему, направленную на развитие непрерывного математического образования с использованием интерактивных технологий.

Обозначенные ориентиры на уровне региона Республики Алтай позволили целостно и комплексно [334, 338] рассмотреть проблему развития математического образования путем разработки и внедрения научно-методического комплекса организационно-педагогических мероприятий с использованием интерактивных технологий обучения в систему непрерывного математического образования. Выявлено, что определяющую роль в современном образовании занимают интерактивные технологии, представляющие собой такую организацию процесса обучения, в которой происходит активное взаимодействие всех участников учебного процесса. В современной педагогической науке различают несколько моделей обучения, одной из которых является интерактивная («inter» — взаимный, «act» — действовать), которая предусматривает использование интерактивных технологий обучения и актуализирует степень участия каждого в коллективном процессе познания. Это ставит перед обучаемым конкретные и прогнозируемые дидактические цели [338].

Формированию образовательной среды предметного содержания во многом содействуют программы федерального уровня. Участие в 2014 г. в качестве экспертов в дистанционной проверке работ школьников 5–7 классов в рамках Национального исследования качества образования в Российской Федерации показало, что такого рода

научные мероприятия формируют структурную составляющую. С 2012 года учащиеся принимают участие в проведении Всероссийского заочного интеллектуального конкурса «Эрудит России» для учащихся 1–11 классов России, организованного автономной некоммерческой организацией «Центр дистанционного образования и развития детского творчества и спорта «Баньян». В течение трех лет разрабатываются и внедряются в практику комплекты математических заданий. Участие в данной работе позволяет получить представление об уровне школьного математического образования в стране, анализировать типичные ошибки учащихся, выявлять наиболее сложные вопросы школьной программы по математике и в конечном счете совершенствовать методику работы по развитию математического мышления школьников.

Проблемой развития математических способностей учащихся 5–11 классов школ г. Горно-Алтайска и Республики Алтай посредством привлечения их к участию в математических олимпиадах, турнирах, кружках по решению нестандартных математических задач [336] авторский коллектив занимается с 1985 года. Работа непрерывно ведется более 30 лет по следующим направлениям: математические олимпиады учащихся 9–11 классов; математические турниры для 5–8 классов; спецкурсы и кружки по решению олимпиадных задач. Рассмотрим ниже более подробно некоторые из них.

Математические олимпиады школьников в регионе традиционно проводятся в три этапа: школьная, муниципальная (включает в себя городскую и олимпиады по районам Республики Алтай) и республиканская. В 1980–1990-х гг. математические олимпиады проводились только для школьников 9–11 классов, а в последнее время они охватывают учащихся 7–11 классов. Авторами разрабатываются олимпиадные задания, проводится их анализ [89, 90]. Победители и призеры городской и районных олимпиад приглашаются на Республиканскую математическую олимпиаду школьников Республики Алтай, которая ныне именуется Региональным этапом Всероссийской математической олимпиады школьников.

Исследования по развитию творческого потенциала школьников республики проводились посредством серии математических олимпиад для школьников 9–11 классов. С начала 1990-х гг. возникла необходимость подготовительной работы со школьниками 5–8 классов. С этой целью был организован *ежегодный математический турнир школьников 5–8 классов* г. Горно-Алтайска. После того как на математические олимпиады стали приглашаться учащиеся 7–11 классов, турнир проводится для 5–7 классов.

Начиная с конца 1980-х гг. и до настоящего времени организовывалась работа по проведению

спецкурсов по решению олимпиадных и занимательных задач в средних общеобразовательных школах № 1, 3, 4, 6, 12 г. Горно-Алтайска, Республиканском классическом лицее, Республиканской гимназии им. В.К. Плакаса, Экинурской средней школе, с. Экинур Усть-Канского района Республики Алтай, велась кружки при городском центре детского творчества и республиканском центре детского творчества — от двух до шести кружков и спецкурсов в течение года. Сегодня такие спецкурсы ведутся в Республиканском классическом лицее и Республиканской гимназии им. В.К. Плакаса г. Горно-Алтайска. В рамках исследований после проведения олимпиад или турниров проводится анализ работ учащихся, по результатам которого выбираются темы для обсуждения с учителями школ города и Республики Алтай на курсах повышения квалификации, семинарах и вебинарах, которые проводятся в постоянном режиме в течение года. Результаты работы с учителями и учащимися неоднократно докладывались на Всероссийских и Международных научных конференциях, на которых был представлен научный анализ и выработка рекомендаций по развитию нестандартного мышления школьников.

Развитию интереса к математике и формированию математического мышления способствовали научно-практические конференции *Научного общества учащихся* (НОУ). Ежегодное представление на конференциях докладов школьников и участие авторов данной работы в качестве как руководителей, так и жюри конкурса научных работ показало положительную динамику улучшения качества работ школьников, использование компьютерных технологий не только при презентации итогов исследований, но и в процессе статистической обработки их результатов.

Формирование и развитие математического творчества школьников реализуется посредством проведения тематических *мастер-классов* «Математическая подготовка школьников к государственной итоговой аттестации» (средняя общеобразовательная школа № 12 г. Горно-Алтайска). Занятия построены в соответствии с проверяемыми компетенциями школьников. Как интерактивная форма обучения и обмена опытом, объединяющая формат тренинга и конференции, мастер-классы ориентированы на тех, кто хочет улучшить свои практические достижения в математике [92, С. 29–31].

Современная форма проведения обучающего семинара для отработки практических навыков по различным методикам и технологиям организовывалась как двусторонний образовательный процесс. Непрерывный контакт, индивидуальный подход к каждому, логическая завершенность, применение интерактивных средств обучения

позволили обобщить школьный курс математики и привести знания в систему, а также устранить пробелы и успешно подготовиться к итоговой государственной аттестации. Программа тематических мастер-классов ориентирована на учащихся выпускных классов и отвечает требованиям стандарта математического образования и контрольно-измерительных материалов единого государственного экзамена. Программа составлена на основе системного подхода к изучению математики и содержит 6 разделов, содержание каждого из которых представлено в поурочном планировании, составленном в соответствии со спецификацией единого государственного экзамена.

Используемые интерактивные технологии обучения с применением компьютерных программ (Smart Notebook, S3D, Geogebra, Poly3D, Secbuilder 1.0 и др.) показали результативность обучения школьников выпускных классов, выражающуюся в отсутствии неудовлетворительных отметок при итоговой государственной аттестации.

В целях активизации школьного математического образования, реализация пропедевтического характера математических знаний на базе физико-математического факультета Горно-Алтайского государственного университета организуются мероприятия, объединяющие школьников, студентов, преподавателей в единое целое: Дни науки, предметные недели, предметные экскурсии, агитационные научно-популярные лекции. Формирование у школьников предметного интереса во многом помогает им при сдаче единого государственного экзамена и основного государственного экзамена по математике.

Преподавание основных курсов по математическим и методическим дисциплинам в вузе дополняется спецкурсами и спецсеминарами, которые имеют определенную практическую направленность на будущую профессию. На лекциях студенты включаются в атмосферу творческого поиска посредством выполнения практико-ориентированных проектов по дисциплинам «История и методология математики», «Новые информационные технологии в обучении», «Методика преподавания математики» и др. Изучение курса способствует закреплению и совершенствованию теоретических знаний будущего учителя математики, развитию его математической культуры.

Исследовано, что на фоне снижения значимости формализованных знаний востребованными становятся такие качества специалиста, как:

- способность к самообучению, социализация субъектов образовательного проекта в динамичной и неопределенной социальной и профессиональной средах;
- повышение собственной ответственности и активности в приобретении и передаче знаний;

способность к анализу информационных процессов, обобщению широких информационных потоков;

- умение создавать информационные модели, организовать автоматизацию вычислений, обрабатывать графическую информацию, использовать электронные таблицы, базы данных, пользоваться локальными, глобальными и телекоммуникационными сетями.

Для реализации обозначенных ориентиров развития математического образования комплексная профессиональная подготовка студента [9] должна быть направлена не только на освоение профессионального блока дисциплин. Она должна быть ориентированной на психолого-педагогическую адаптацию студента к своей будущей профессии, что возможно также в рамках учебных и производственных практик, требующих профессионального освоения информационно-образовательной среды и способствующих оперативному реагированию на запросы современного образования в условиях его модернизации. Важное значение в процессе формирования профессиональной направленности студента играют интерактивные технологии, формирующие единое информационное образовательное пространство и влияющие на формирование современной информационной картины мира, развитие общеучебных, общекультурных и профессиональных навыков работы с учебной информацией.

Использование интерактивных технологий обучения в системе высшего образования реализуется посредством участия студентов в научных мероприятиях. Созданное студенческое научное общество интегрирует математические знания не только на уровне регионального университета, но и на федеральном уровне. Во многом этому способствуют выездные научные конференции студентов и преподавателей вуза. Пути формирования будущего учителя математики в современном информационном обществе, отвечающего требованиям компетентного специалиста: наполнение учебных дисциплин интерактивной составляющей [22, 309], совершенствование методики преподавания математики, научно-исследовательская работа, выполнение выпускных квалификационных работ, развитие информационной компетентности студента, развитие научной коммуникации, организация студенческого научного общества.

Работа со студентами строится на принципах:

- *интеграции* — создания системы коммуникационных связей, вовлечение в орбиту интересов руководителей госучреждений, выпускников физико-математического факультета;
- *непрерывности* — последующих творческих и деловых контактов выпускников с вузом;

- *вариативности* форм обучения — использования таких форм учебной работы, как деловая игра, тесты, дистанционные формы обучения и получения знаний и др.;

- *открытости* структуры, планов, стратегий использования интерактивных технологий обучения;

- *технологичности* методов, инструментов, способов и процедур осуществления учебной и научной деятельности.

В процессе использования интерактивной доски Smart Board в учебном процессе вуза выявлены наиболее важные преимущества ее использования: широкие возможности предъявления учебной информации (применение цвета, графики, звука, всех современных средств видеотехники) [12, С. 9–13], что позволяет воссоздавать реальную обстановку учебной деятельности; повышение мотивации обучающихся за счет применения адекватного поощрения правильных результатов задач, решаемых с помощью интерактивной доски; активное вовлечение обучающихся в учебный процесс, способствующее активизации их умственной деятельности, общей коммуникации и сотрудничеству всех участников образовательного процесса; возможности постановки различных учебных задач и управления процессом их решения, что позволяет строить и анализировать модели различных предметов, явлений; возможность оперативного контроля деятельности обучающихся, обеспечивающего гибкость управления учебным процессом.

Важное значение в современном образовательном пространстве регионального вуза имеют не только прочные фундаментальные знания будущего специалиста, но и его способность оперативно реагировать на запросы динамично меняющейся информационной образовательной среды, желание непрерывно заниматься самообразованием, максимально используя источники информации и интерактивные технологии для решения профессионально значимых задач и накопления профессионального опыта [23].

Анализ результатов государственной итоговой аттестации школьников [24] показал необходимость целенаправленной, планомерной и организованной работы по развитию математического образования в регионе в системе школа – вуз – система повышения квалификации.

В рамках концепции математического образования [161] развитие математических знаний реализуется посредством проведения молодежных мероприятий, на которых обсуждаются проблемы математики и математического образования. С этой целью была организована и проведена Международная молодежная школа-конференция «Актуальные вопросы математики» (15–16 октября

2013 г.), способствующая активизации и стимулированию научной работы аспирантов и студентов старших курсов, молодых ученых (до 35 лет) и их привлечению к исследованиям по актуальным направлениям фундаментальной науки, обеспечению научных контактов молодых с ведущими специалистами, развитию системы молодежных научных школ по математике и ее приложениям, ознакомлению с новейшими достижениями и актуальными задачами в области математики, работами ведущих специалистов-математиков. В рамках школы-конференции проводятся курсы лекций, посвященных актуальным вопросам развития математики. В рамках молодежной школы выступают студенты, аспиранты, магистранты, которые знакомят участников школы-конференции с результатами собственных исследований. Научная тематика школы-конференции включала следующие направления: 1. Алгебра и математическая логика. 2. Дискретная математика. 3. Топология и геометрия. 4. Прикладные и практические аспекты математики. Проведение конференции-школы для молодых ученых позволило обобщить достигнутый уровень исследований и определить пути дальнейшего их развития в математике, а также обсудить проблемы и обменяться опытом с участниками конференции.

Формированию единых подходов к организации математического образования способствовало: развитие партнерских отношений кафедры с государственными органами и организациями г. Горно-Алтайска и Республики Алтай для совместной работы; разработка инновационных программ и проектов, повышающих эффективность межкафедрального и межфакультетского взаимодействия; интеграция кафедры с научно-исследовательской лабораторией «Инновационные образовательные технологии»; привлечение аспирантов и выпускников, представителей других учебных и научных центров к научно-исследовательской и издательской деятельности кафедры; проведение внутрифирменного обучения преподавателями кафедры совместно с отделом непрерывного образования по актуальным инновационным темам.

В университете со студентами проводятся мероприятия внеурочного характера, на которых обсуждаются проблемы как общей, так и частной методики обучения математике, например, графической культуры обучающихся [335].

Студенты составляют презентации по предложенной преподавателем теме. Здесь работа проходит в три этапа: 1) выполнить презентацию на листе бумаги, предварительно оформив ее с использованием программы Microsoft Word; 2) при помощи программ Microsoft PowerPoint и Smart notebook; 3) выступление с последующей демонстрацией творческого проекта перед аудиторией. Рассматриваемые фрагменты творческих проектов

отражают последовательный ход изложения информации. Обучаемые в процессе выступления показывают знание теоретического материала, умение и технику построения схем, чтение и запись графического преобразования информации. Овладение обучающимися компактной формой записи схем позволяет им свободно владеть методами преобразования информации, грамотно излагать содержание и др. Методы обработки и представления презентаций (творческих проектов) в учебном процессе можно рассматривать как сферу коммуникационного дизайна в образовании. Этот подход имеет определенные перспективы в развитии новых коммуникационных стандартов общения, способствующих формированию открытого общества и поиску эффективных форм социального обмена в условиях информатизации.

Творческие самостоятельные работы являются венцом системы самостоятельной деятельности обучающихся. Эта деятельность позволяет получать принципиально новые знания и закрепляет навыки их самостоятельного поиска. Умственная деятельность обучающихся при решении проблемных, творческих задач во многом аналогична умственной деятельности творческих и научных работников и способствует саморазвитию личности.

Таким образом, необходимо формировать у обучающихся не только систему фундаментальных знаний, но и рациональный стиль организации своей учебной деятельности, развивать рациональный стиль мышления, являющегося важным педагогическим условием формирования информационной компетентности обучающихся. Использование интерактивных технологий обучения, поиск ресурсных баз [406], использование интерактивного диалога [407] в обучении — все это способствует развитию графической культуры студентов.

Важной составляющей в научно-методическом комплексе организационно-педагогических мероприятий с использованием интерактивных технологий обучения являются курсы повышения квалификации учителей математики. В ходе изучения эффективности проводимых на базе Горно-Алтайского университета мониторинговых исследований проведено анкетирование слушателей курсов повышения квалификации по программе «Использование интерактивной доски в образовательном процессе вуза» с последующим обучением в объеме 72 часов.

В основе профессиональной деятельности преподавателя лежит его умение оперировать актуальной образовательной информацией на компетентностном уровне. С целью выяснения мотивации профессионального саморазвития педагога и уровня его подготовленности к использованию интерактивных технологий, а именно

интерактивной доски, в профессиональной деятельности было проведено анкетирование, в котором участвовали преподаватели исторического, сельскохозяйственного факультетов, преподаватели сельскохозяйственного колледжа, института повышения квалификации работников образования. Контингент опрашиваемых (47 респондентов) включал 13 педагогов, имеющих степень кандидата наук. На начальном этапе слушателям было предложено определить уровень знаний в работе с новыми информационными технологиями. В совокупности ответы показали следующее: СХК: низкий — 45, средний — 36, и высокий — 18; ИПКРО: низкий — 39, средний — 61; ИФ: низкий — 50, средний — 50; СХФ: низкий — 33, средний — 50, и высокий — 17.

Информационная компетентность современного специалиста прослеживается в целом ряде компетенций по соответствующим направлениям подготовки в системе высшего профессионального образования. Слушателям было предложено дать определение понятия «информационная компетентность». 53 опрошенных затруднились дать ответ на этот вопрос. Наблюдались ответы: «умение находить информацию в любых ресурсах и использовать эту информацию», «сумма теоретических знаний и практических умений по информационным технологиям», «владение информационными технологиями», «умение работать с информацией различного уровня», «умение использовать ИКТ в работе», «умение применять знания современных информационных технологий в практике профессиональной деятельности», «способность работать в образовательной среде» и др. Однако никто из ответивших не указывает самообразование и саморазвитие как мотив работы с интерактивными технологиями, а информационную компетентность как необходимую составляющую саморазвивающейся деятельности, лежащей в основе профессионализма в будущем.

Следует отметить, что не все педагоги могут обозначить и назвать психолого-педагогические условия, способствующие использованию информационных технологий в учебном процессе. Большинство опрашиваемых затруднились ответить. Однако из ответивших выделяются: «отсутствие страха перед НИТ и боязни всего нового, мобильного», «способность объяснять с использованием интерактивных технологий», «владение технологиями», «информационная компетентность преподавателя», «умение передавать знания» и т.д.

Далее респондентам был задан вопрос: «Используете ли Вы информационно-коммуникативные технологии в своей профессиональной деятельности?». Получены следующие ответы: 68 преподавателей вуза используют ИКТ при подготовке к занятиям, они же (68), по всей вероятности,

используют их на учебных занятиях, и лишь 40 опрошенных используют их в самообразовательной деятельности.

В качестве средств интерактивных компьютерных технологий преподаватели называют: интерактивную доску — 19; электронные учебники — 30; электронные презентации — 89; мультимедийные диски — 53; специализированные программы (не указывают какие) — 26; Интернет — 72 опрошенных нами преподавателей. Приведем ответы на вопрос, что понимают преподаватели вуза под интерактивной доской? Как оказалось, 41 опрошенных не смогли ответить, а остальные давали следующие ответы: интерактивная доска — это «монитор, доска, компьютер, на которой можно писать карандашом», «электронный доступ к различным информационным ресурсам в виде экранного изображения», «интересная, функциональная, наглядная работа», «проекция с ноутбука или компьютера», «средство информационной технологий (компьютер увеличенного масштаба), «электронная доска с широкими демонстрационными возможностями», «мультимедийное, многофункциональное устройство для обучения аудитории на основе информационных технологий», «компьютерный экран с большими размерами», «техническое средство обучения, позволяющее разнообразить учебный процесс», «проекция с ноутбука» и др. В целом из ответов наблюдается вполне правильная общая позиция: интерактивная доска — это лишь средство обучения, а не панацея от всех педагогических проблем. Каждый четвертый (23 респондентов) имеет опыт работы с интерактивной доской, а каждый третий (31) совсем не работал на интерактивной доске, либо имеет небольшую практику ее применения в профессиональной деятельности.

У любого нового явления есть свои сторонники и противники. Напрямую это зависит от его преимуществ и недостатков. На вопрос о преимуществах и недостатках использования интерактивной доски 41 опрошенных затруднились ответить. Почти половина (44) из ответивших в качестве преимуществ использования интерактивной доски указывают: наглядность, информативность, интерактивность, мобильность, развитие личности, включение студентов в активную работу, возможность импровизаций, возможность более полного представления наглядного материала, чистые от мела руки, занимательность занятия, возможность быстро изменять наглядность, эффективное и качественное проведение занятий. В качестве недостатков выделяют: временные затраты, слабый контакт (неточное попадание), возможность технического сбоя в работе и др.

На вопрос, касающийся регулярности использования интерактивной доски в своей работе,

лишь 23 (почти каждый пятый педагог) используют интерактивную доску ежедневно. Доску используют в трех ключевых направлениях ее применения: а) при презентации, демонстрациях и моделировании; б) с целью повышения активности обучающихся на учебных занятиях; в) для увеличения темпа учебного занятия. Большинство (36 опрошенных) преподавателей используют интерактивную доску всего лишь 1–2 раза в месяц.

Одним из вопросов анкеты был вопрос о связи между самообразовательной деятельностью преподавателя и использованием интерактивных технологий в профессиональной деятельности [307]. При ответе на вопрос: «Какую роль в самообразовательной деятельности играет, на Ваш взгляд, использование интерактивных технологий?» 23 опрошенных не нашли никакой связи. 31 опрошенных обозначили большую связь между самообразованием педагога и последующим учебным процессом в образовательном учреждении, более того, 13 определили ее как «первостепенную».

Результаты проведенного анкетирования легли в основу деятельности вуза по организации обучения преподавателя. В Горно-Алтайском университете проблема подготовки преподавателя к использованию в образовательном процессе вуза интерактивной доски решается путем проведения курсов повышения квалификации. Учебные занятия, организованные Научно-исследовательской лабораторией «Инновационные образовательные технологии» (НИЛ ИОТ) при поддержке Управления информатизации были проведены комплексно, одновременно для трех–четырех групп слушателей.

В программу курсов повышения квалификации были включены теоретические и практические занятия по темам: «Этапы информатизации высшего образования», «Основы информационной культуры преподавателя вуза», «Smart-технологии в системе образования», «Интерактивное оборудование и его виды», «Интерактивная доска и ее возможности в учебном процессе», «Программное обеспечение для работы с ИД», «Работа в программе Smart Notebook 10», «Работа с интерактивными объектами», «Технологии подготовки и разработки образовательных электронных материалов с использованием ИД», «Технология разработки, сборки и отладка учебно-методических материалов для ИД», «Психолого–педагогические основы использования ИД в образовательном процессе», «Методы оценки качества учебных материалов с использованием ИД», «Проектирование образовательной деятельности и учебного занятия с использованием ИД», «Электронные образовательные ресурсы и их применение в учебном процессе вуза: ресурсная база по интерактивной доске и возможности ее поиска в сети Интернет».

Слушатели познакомились с основными принципами и приемами работы на интерактивной доске, алгоритмами проектирования учебных занятий с использованием интерактивной доски, научились разрабатывать проекты и использовать готовые электронные учебные материалы для создания интерактивной презентации, а также анализировать и проводить экспертизу программно-педагогических средств учебного назначения по соответствующим критериям и показателям.

В рамках проектной деятельности слушателями созданы учебные проекты по преподаваемым предметным дисциплинам, что, естественным образом, пополнит методическую копилку образовательного учреждения и поможет педагогу адаптироваться к новым образовательным технологиям. Вместе с профессиональным опытом преподаватели получили информационную базу предметных приложений, которые будут использоваться в будущем в профессиональной деятельности и в целях дальнейшего самообразования и самосовершенствования педагога. Разработана программа семинаров-практикумов для учителей школ города г. Горно-Алтайска. В программе по каждому типу заданий выявлены: общие подходы и различные методы решения задач; ошибки, допускаемые учащимися при выполнении определенного типа заданий; способы и приемы проверки правильности решения; методы графического выражения учебного материала; ресурсы, используемые при подготовке школьников к итоговой государственной аттестации.

В соответствии с целью первоначального тестирования были определены разделы школьного курса математики, требующие актуализации на семинарах-практикумах для учителей школ города, проводимых на базе физико-математического факультета Горно-Алтайского государственного университета (ГАГУ). Основную нагрузку в этой работе приняла на себя кафедра алгебры, геометрии и методики преподавания математики (АГиМПМ). Уровень тестирования: выше тестов ЕГЭ по математике.

По примерной шкале перевода первичных баллов в тестовые (официальный сайт [526]) были определены первичные баллы и оценки по набранному баллам. Первичное тестирование показало, что 35,50 респондентов набрали от 65 до 100 баллов, 45 — от 47 до 64 баллов.

По каждому заданию были построены типовые диаграммы, согласно которым были проанализированы типовые затруднения. Например, при решении планиметрической задачи на вычисление площади выявлены следующие затруднения: неверное построение исходного объекта; выполнение дополнительных геометрических построений; вычисление площади треугольника; рассмотрение всех возможных случаев.

По результатам тестирования определены проблемные темы, вызвавшие у тестирующихся наибольшие затруднения. Остановимся на заданиях уровня С. В результате тестирования были определены типы заданий:

- Преобразования тригонометрических выражений. Тригонометрические уравнения и неравенства. Решение тригонометрических уравнений и неравенств.
- Планиметрические задачи. Свойства геометрических фигур на плоскости. Исследование геометрических мест точек.
- Решение задач высокого уровня сложности. Неравенства с модулем. Преобразование выражений, включающих операцию логарифмирования. Логарифмические уравнения и неравенства.
- Решение задач высокого уровня сложности. Стереометрические задачи. Построения в пространстве. Объемы и площади поверхностей многогранников.
- Решение задач высокого уровня сложности. Уравнения и неравенства с параметром. Методы решения уравнений и неравенств с параметрами.
- Решение задач высокого уровня сложности. Решение уравнений в целых числах. Алгебраические задачи. Исследовательские задачи.

В результате тестирования были определены следующие мероприятия:

1. Разработана программа семинаров-практикумов для учителей школ города г. Горно-Алтайска. В программе по каждому типу заданий: общие подходы и различные методы решения задач; ошибки, допускаемые учащимися при выполнении определенного типа заданий, раскрытие возможных путей их избежания; способы и приемы проверки правильности решения; ресурсы, используемые при подготовке школьников к ЕГЭ; дидактические материалы в помощь учителю и ученику.
2. Организованы и проведены семинары-практикумы, обучение прошли две группы учителей на базе физико-математического факультета ГАГУ. На семинарах-практикумах обучающиеся, наряду с традиционными учебными тематиками, получили знания по методическим особенностям преподавания отдельных школьных дисциплин, например, методы исследования функций, методы измерений геометрических величин, методы работы с элементами теории вероятностей, планиметрические задачи с неоднозначностью в условии (многовариантные задачи), уравнения и неравенства с параметрами, графический способ решения задач с параметром, различные способы решения

уравнений и неравенств, содержащих знак модуля, сложные исследовательские задачи, построение простейших математических моделей, комплексные стереометрические задачи. Были рассмотрены другие методы (арифметический, геометрический, векторно-координатный и др.) для решения комплексных стереометрических задач, прикладные (физические, астрономические, экономические и др.) задачи, практические расчеты по формулам.

Пропедевтическая работа перед проведением семинаров-практикумов ограничила круг проблемных учебных тем, сориентировав учителей математики на рассмотрение психолого-педагогических и методических особенностей преподавания школьных математических тем, практических приемов и способов обучения школьников математическим дисциплинам, а также смотивировала слушателей повышения квалификации к активной предметной работе. Слушатели познакомились с основными принципами и приемами работы на интерактивной доске, алгоритмами проектирования учебных занятий с использованием интерактивной доски, научились разрабатывать проекты и использовать готовые электронные учебные материалы для создания интерактивной презентации, а также анализировать и проводить экспертизу программно-педагогических средств учебного назначения по соответствующим критериям и показателям.

Развитию научного сотворчества способствует активная работа научной школы «Развитие образовательных систем малого региона на основе компетентностного и аксиологического подходов», главной функцией которой является проведение научных исследований, создание инновационного продукта, подготовка научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации, осуществление научной преемственности поколений, организация и проведение научных мероприятий (конференций, симпозиумов, семинаров и т.п.). Научная школа является консолидацией тесного, постоянного коммуникативного общения ученых, обмена научными идеями и обсуждения результатов, в процессе которого формируется и развивается научный интерес. Одно из направлений ее развития – формирование информационной компетентности личности в системе высшего профессионального образования посредством интерактивных технологий обучения.

В рамках научной школы развивается научно-исследовательская лаборатория «Инновационные образовательные технологии», целью которой является обеспечение психолого-педагогического сопровождения инновационных процессов в образовании на основе разработки и внедрения компетентностного подхода в обучение и воспитание

студента как субъекта образовательного процесса. Основными направлениями деятельности лаборатории являются: научно-исследовательская деятельность в области современных образовательных технологий; учебно-методическая деятельность.

С 2003 года в программу по математике основной школы был введен учебный материал по статистике, комбинаторике и теории вероятностей, а с 2012 года этот материал включен и в итоговую государственную аттестацию выпускников. Комбинаторные и вероятностные задачи все чаще предлагаются на математических олимпиадах школьников. В связи с этим назрела необходимость обмена опытом в сфере использования статистических методов в науке, поиска новых форм организации образовательной деятельности по изучению вероятностно-статистического материала в школе и вузе, а также популяризация этих знаний среди самой широкой аудитории – школьников и студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей и ученых.

Международная научно-практическая конференция «Информация и образование: границы коммуникаций» (www.info-alt.ru), проводимая ежегодно с 2009 по 2014 гг., ориентирована на развитие научного и творческого потенциала математического образования и формирование единого информационного образовательного пространства. Объединяя каждый год более 300 участников, она направлена на поиск путей решения актуальных проблем развития современных технологий и исследований; установление международных контактов для реализации приоритетных задач развития научного знания и расширения академической мобильности учащейся молодежи и преподавательского корпуса, обмен научными результатами и исследовательским опытом. В рамках конференции обсуждаются актуальные вопросы математического образования на разных ступенях обучения, а также прикладные аспекты математических наук. По материалам шести конференций изданы сборники материалов конференций INFO'09 – INFO'14.

Формированию единого информационного поля регионального математического образования во многом способствуют поддержанные гранты. За последние годы выиграны и реализованы гранты Российского гуманитарного научного фонда и др.

Формированию единых подходов к математическому образованию в системе непрерывного математического образования во многом способствует научно-методический сборник «Актуальные вопросы математического образования», главной целью создания которого является представление научных направлений деятельности преподавателей

кафедры, молодых кандидатов наук, соискателей, аспирантов и студентов. Методические особенности изучения математических дисциплин обобщены, предложены пути их решения. Тематика работ, представленных в сборнике, охватывает основные направления исследований, включая теоретические и теоретико-методологические исследования, прикладные разработки, межпредметные как синтез естественно-математических, технических и научно-методических знаний.

Важным информационным ресурсом в развитии математического образования с использованием интерактивных технологий обучения являются средства массовой информации. Авторами данной статьи создан редакционный совет, осуществляющий издание факультетской информационно-аналитической и научно-популярной газеты, в материалах которой представлен широкий спектр использования интерактивных технологий обучения на разных этапах математического образования.

Материалы, теоретические выводы и практические рекомендации, а также практико-ориентированные приложения авторов данной статьи, представленные в их учебных пособиях, монографиях, научных публикациях и др., могут быть использованы в системах школьного, среднего профессионального, высшего образования, а также в системе повышения квалификации учителей математики. Внедрение результатов исследования в систему непрерывного математического образования осуществлялось путем проведения многолетней экспертизы промежуточных и итоговых выводов и рекомендаций, которая обсуждалась на научно-практических конференциях и семинарах, заседаниях кафедр, лабораторий, научных школ, результаты нашли отражение в диссертациях, монографиях, учебных пособиях, научных статьях и других публикациях авторского коллектива.

Таким образом, с целью формирования образовательной среды малого региона разработаны и внедрены научно-методические комплексы организационно-педагогических мероприятий с использованием интерактивных технологий обучения в систему непрерывного математического образования путем обеспечения единства и неразрывности образовательного, научно-исследовательского и инновационного процессов, использования образовательных ресурсов и внедрения в учебный процесс интерактивных технологий обучения. Разработанные научно-методические комплексы ориентированы на формирование и развитие единой образовательной среды региона в системе непрерывного математического образования на разных ступенях его реализации.

Намруева Л. В.

РАБОТНИКИ СЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ: СТАТУС, ФУНКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ)

Вопросы экономической составляющей жизнедеятельности российского села (социально-экономическое реформирование аграрной сферы, миграция, сельская бедность и т.д.) актуализированы отечественными исследователями, среди которых Т. Г. Нефедова, П. П. Великий, Е. В. Бочарова, А. А. Хагуров. Гораздо меньше работ, в которых рассматриваются социокультурные процессы в сельских сообществах, условия реализации культурных запросов сельских жителей. Проблема социального статуса сельских работников культуры в условиях трансформации российского общества, реализации социально-профессиональных функций нуждается в социологическом осмыслении, поскольку данная проблематика не изучена в достаточной степени российскими учеными. Отметим сделанные в этом направлении наработки И. И. Осинского, О. А. Чепак, Н. Ш. Малакшиновой, Г. И. Шиняк.

В определении рассматриваемой социально-профессиональной группы Г. И. Шиняк отмечает, что она обеспечивает реализацию потребностей жителей сельских поселений, связанных с их приобщением к общечеловеческим, социальным, культурным и духовным ценностям, с развитием различных видов творчества и культурного досуга, и имеет свою региональную специфику в зависимости от экономического, демографического, территориального, административного и этнического статуса сельского поселения [413]. Следует заметить, что в калмыцкой науке отсутствуют теоретические наработки и эмпирические исследования по изучению места и роли социально-профессиональной группы работников сферы культуры в региональной стратификационной системе. Данная статья, где будет дан анализ основных характеристик работников культуры сельских территорий Калмыкии, явится, пожалуй, первой попыткой восполнить имеющийся пробел.

Современная ситуация в культурной сфере республики характеризуется как неоднозначная и противоречивая. Социально-экономические преобразования отразились на состоянии объектов культуры, часть из них перестала существовать в связи с неперспективностью сельских населенных пунктов, ветхостью клубных зданий, а также недостаточным объемом финансирования сельских учреждений культуры районными и муниципальными властями и даже его отсутствием. По

этим причинам в республике на 01.01.2014 г. капитального ремонта требуют здания 43 культурно-досуговых учреждений, то есть 30,2 от их общего числа. В 2013 г. в связи с аварийным состоянием зданий, малочисленностью населения, отсутствием кадров и финансовых средств на содержание не функционировали 20 клубных учреждений (14 от их общего числа). Из 14 муниципальных образований республики в 5-ти районах имеются аварийные здания, в 10-ти — здания, требующие капитального ремонта. Почти во всех муниципальных образованиях КДУ имеют место проблемы с водоснабжением, отоплением. К отопительному сезону в 2013 г. не были готовы 62 здания клубных учреждений, что составляет 44 от их общего числа [320].

Безусловно, все указанные факторы влияют на обеспеченность культурно-досуговых учреждений подготовленными кадрами. В 1990-е и 2000-е гг. произошло резкое сокращение численности библиотекарей, клубных работников, что отрицательно сказалось на культурной жизни села. Численность библиотек в республике за последнее десятилетие неуклонно сокращается: в 2000 г. их насчитывалось 178, из них в сельской местности — 157; в 2005 г. — 172, на селе — 151 библиотека. В 2010 г. в республике действуют 156 библиотек, из них сельских — 142. А буквально через год их количество уменьшилось на семь, в 2011 г. насчитывалось 149 библиотек, из них 139 работало на селе [255, С. 72].

Причины уменьшения количества библиотек видятся в сокращении населения республики вследствие сложной социально-экономической ситуации в регионе, вынужденной трудовой миграции жителей, в тяжелом финансовом положении муниципальных, прежде всего сельских, образований, которые не имеют возможности на должном уровне обеспечивать деятельность в культурно-просветительской сфере [208].

Подобные явления наблюдаются и в системе культурно-досуговых учреждений (КДУ) клубного типа. В 2000 г. их насчитывалось 203, из них в сельской местности — 191; в 2005 г. — 175, на селе — 168. В 2011 г. уже действовало 155 учреждений культурно-досугового типа, среди них — 148 сельских домов культуры [255]. На 01.01.2014 г. в республике работают 150 КДУ (за три года произошло сокращение на три единицы) клубного типа.

На характере и качестве культурной деятельности сказывается отсутствие четкой отлаженной системы управления. Согласно 131-му ФЗ об общих принципах местного самоуправления глава СМО наделен полномочиями финансирования, опеки и контроля за работой клуба, библиотеки, других учреждений культуры. Деятельность районных и сельских клубов напрямую зависит от заинтересованности руководителей местных муниципальных образований, финансирования отдельными статьями культурно-досуговых мероприятий, приобретения аппаратуры, обновления устаревшей мебели, одежды сцены, своевременного ремонта помещения и, конечно, профессионального совершенствования культработников. Необходима такая стратегия взаимодействия муниципальной власти и культурных учреждений, при которой организации-учредители ставили бы общие задачи, а формы, методы их решения определяли сами библиотекари, специалисты домов культуры под контролем органов, обладающих такими полномочиями.

Социально-экономические особенности трансформации российского села оказывают влияние на демографические характеристики сельской культурно-просветительной интеллигенции. Эта профессиональная группа представлена, в основном, женщинами пенсионного и предпенсионного возраста. В культурно-досуговых

учреждениях республики работает 538 человек, подавляющее большинство — женщины. 315 человек являются специалистами культурно-досуговой деятельности [320]. В возрасте до 30 лет работает 52 работника, что составляет десятую долю всей численности этой социальной группы (9,7). Основные причины нежелания молодых людей работать в сфере культуры: низкая оплата труда, бытовая неустроенность (ветхость здания), отсутствие возможности приобретения жилья, построения карьеры, непрестижность труда. Большая часть культработников представлена возрастной когортой от 30 до 55 лет, 370 человек (68,8) этого возраста преобладают в исследуемой сфере. Работники (116 человек), чей возраст 55 лет и старше, составляют 21,5 или пятую часть численности культработников республики.

В зависимости от стажа работников распределение выглядит следующим образом: стаж от 3 до 6 лет имеют 29 человек (6,1), стаж от 6 до 10 лет — 43 (9,0), а свыше 10 лет проработало 405 человек (84,9). Как видим, молодые специалисты в системе культурно-досуговой деятельности составляют всего лишь 6, что свидетельствует о том, что в системе ощущается явный недостаток молодых специалистов, которым свойственна энергичность, мобильность, инициативность, восприимчивость к современным технологиям, различным новшествам в сфере культуры (табл. 29).

Таблица 29

Распределение численности специалистов культурно-досуговой деятельности по образовательному критерию

№ п/п	Район	Численность работников всего, чел.		Специалисты КДД		С высшим образованием (всего)		КДД с высшим образованием		КДД со средне-спец. образованием		КДД со средне-профес. образованием	
		2012	2013	2012	2013	2012	2013	2012	2013	2012	2013	2012	2013
1	Городовиковский	44	47	29	34	10	9	5	5	26	21	8	8
2	Ики-Бурульский	43	41	28	25	8	9	3	1	13	12	13	11
3	Кетченеровский	23	23	11	16	3	4	2	2	8	7	3	4
4	Лаганский	34	30	20	20	5	6	2	1	15	11	12	11
5	Малодербетовский	33	32	18	18	6	7	4	5	9	9	5	5
6	Октябрьский	32	29	18	18	5	3	-	-	10	10	5	7
7	Приютненский	27	20	17	12	7	2	1	-	13	7	8	8
8	Сарпинский	29	29	17	17	4	1	1	1	11	10	10	10
9	Целинный	61	52	28	27	7	9	3	3	17	15	11	9
10	Черноземельский	45	42	26	26	14	13	4	5	14	13	7	7
11	Юстинский	43	53	22	22	2	3	1	-	11	12	8	8
12	Яшалтинский	39	40	25	24	9	6	1	2	11	6	7	6
13	Яшкульский	48	48	26	27	6	5	1	1	20	17	12	12
14	г. Элиста	51	52	27	29	23	15	9	9	24	12	11	11
Итого:		552	538	312	315	109	92	37	35	202	162	120	117
Общие изменения		-14		+3		-17		-2		-40		-3	

Источник: материалы Министерства культуры и туризма Республики Калмыкия

Согласно сведениям приведенной таблицы, в сфере культуры наблюдается сокращение численности работников, только за один год, с 2012 по 2013 гг., их состав уменьшился на 14 человек. Это сокращение происходит преимущественно в сельских культурных учреждениях. Например, в двух городах — Элисте и Городовиковске — количество работников культуры незначительно увеличилось на 1–3 человека, а в семи сельских районах их численность снизилась. Более всего это уменьшение произошло в трех районах: Юстинском (10 единиц), Целинном (9 единиц), Приютненском (7 единиц).

К сожалению, одновременно с уменьшением численности культработников снижается образовательный уровень специалистов культурно-досуговой деятельности: из сферы ушли 17 человек, имеющих высшее образование. Сильнее всего это проявилось в Приютненском районе (из работавших 7 человек с высшим образованием осталось 2), Сарпинском (из 4 специалистов остался 1 с высшим образованием), в Яшалтинском районе (из 9 специалистов продолжают трудиться 6 человек с высшим образованием).

Численность работников КДД, имеющих среднее специальное образование, уменьшилось на 40 человек. Вновь в большей степени это коснулось сельских культурных учреждений: особенно — Приютненского района (из 13 работников, имеющих среднее специальное образование, осталось 7), Яшалтинского района (из 11 работников, имеющих среднее специальное образование, осталось 6), Яшкульского района (из 17 работников, имеющих среднее специальное образование, осталось 12).

Количество культработников, имеющих среднее профессиональное образование, более-менее стабильное. За один год оно снизилось в целом по республике на три человека. Следует отметить, что в республике численность специалистов, имеющих среднее специальное и среднее профессиональное образование, доминирует в анализируемой сфере, составляя 60 всего состава работников.

Дефицит квалифицированных кадров и естественное «старение» работников клубных учреждений затрудняют процесс этнокультурной социализации населения республики. В отдельных районах на одно культурно-досуговое учреждение нет ни одного дипломированного специалиста. В клубах катастрофически не хватает хореографов, аккомпаниаторов, хормейстеров, режиссеров культурно-массовых мероприятий, что негативно сказывается на качестве проводимых мероприятий, уровне исполнительского мастерства коллективов художественной самодеятельности. Эти причины ведут к распаду сложившихся творческих коллективов. Несомненно, органам местного самоуправления следует работать над проблемой подготовки и воспитания кадров. Ведь учреждения

в сельских поселениях республики остаются единственными социальными институтами, которые обеспечивают удовлетворение культурно-досуговых запросов всего территориального сообщества.

Совершенствование системы подготовки кадров, повышение уровня их профессионализма является одним из основных направлений работы органов управления в сфере культуры республики. Проблемы привлечения в рассматриваемую сферу квалифицированных кадров обострилась в 1990-х гг., после прекращения практики централизованной их подготовки. Прежде национальным регионам предоставлялись внеконкурсные места в ссузы и вузы, что позволяло укреплять кадровый потенциал республики [279, С. 122]. С 1996 г. в целях совершенствования системы подготовки кадров заключаются договоры с наиболее известными учебными заведениями страны, в числе которых Краснодарский государственный университет культуры и искусств, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, Санкт-Петербургский институт традиционных народных промыслов и другие.

Одним из факторов «утечки кадров» из культурно-просветительной сферы является низкий уровень заработной платы, в 2013 г. ее размеры в среднем составили 10 900 руб. вместе с тем в муниципальных районах республики этот показатель составил 8 900 руб., что гораздо ниже среднемесячных зарплат в других сферах народного хозяйства. Отраслевая дорожная карта предусматривает дальнейшую реализацию комплекса мер по поэтапному повышению заработной платы, совершенствованию оплаты труда работников государственных (муниципальных) учреждений культуры, созданию прозрачного механизма оплаты труда руководителей, развитию кадрового потенциала работников учреждений культуры, проведению независимой оценки качества работы государственных и муниципальных учреждений культуры. Особое внимание уделяется мониторингу достижения целевых показателей и информационному сопровождению мероприятий «дорожной карты».

Концепция государственной национальной политики в России предусматривает сохранение исторического наследия и дальнейшее развитие национальной самобытности и традиций российских народов в рамках евразийского национально-культурного пространства, которое всецело отвечает духовным устремлениям калмыцкого этноса. Государство оказывает поддержку не только профессиональным национальным коллективам, но и самодеятельным. Фольклорные ансамбли Калмыкии стали уже постоянными участниками традиционных международных фестивалей в Италии, Франции, Испании, Канаде, Китае и других странах.

Один из главных признаков работников социально-культурной сферы села является многофункциональность их гуманитарной профессиональной деятельности, которая заключается в вовлечении различных субъектов в работу по гармонизации и совершенствованию социокультурной среды и внутреннего мира человека. Рассмотрим, как проявляется эта многофункциональность. Несмотря на сложные социально-экономические условия, в калмыцкой республике с конца 1980-х г. начали бурно развиваться этнокультурные процессы, связанные с возрождением, развитием калмыцкого языка, традиционного вероисповедания, сохранением памяти о славном историческом прошлом калмыцкого народа, знанием и почитанием традиций, семейных ценностей. И в этом движении важную роль играют представители культурно-просветительной интеллигенции, которые, несмотря на все сложности социально-экономических реалий, восстанавливают утраченные традиции, стремятся к сохранению этнической самобытности.

Важной сферой культурного обслуживания населения являются библиотеки. В условиях разбросанности сельских населенных пунктов, их удаленности от республиканского и районных центров, а подчас и ограниченности доступа населения к разнообразию культурного досуга развитие библиотечной сети на протяжении многих десятилетий являлось приоритетным направлением в культурной политике. В настоящее время реализуются меры по модернизации библиотечного дела, что расширяет доступ читателей к фондам библиотек. Повсеместно организуются встречи с представителями творческой интеллигенции: писателями, художниками, артистами. Обычным явлением стали широкие презентации произведений калмыцких авторов.

В сельских Домах культуры, в клубах ежегодно организуют калмыцкие праздники «Зул», «Цаган Сар», русские «Масленица», «Рождество», отмечают День семьи, День матери. Регулярно проводятся смотры народных талантов, фестивали и конкурсы, такие как, например, конкурсы молодых исполнителей калмыцкой народной песни им. У.Б. Лиджиевой, «Танцуй, как Эмба!», «Звени, домбра, играй, гармонь, и пой, частушка, веселей!», молодых самодельных композиторов-мелодистов, бардов и поэтов «Поющая степь», конкурс модельеров «Алтн зюн» («Золотая игла»), фестиваль семейного творчества «По заветам старины».

Ежегодно для всех категорий населения республики проводятся в среднем не менее 14 300 культурно-массовых мероприятий. Последовательно осуществляется работа по нравственному, эстетическому, патриотическому, экологическому воспитанию. О разнообразии и широте деятельности культработников свидетельствует тот факт,

что в республике действуют 242 любительских объединения, клубов по интересам, объединяющих 3 024 человека разных возрастов, представителей различных социально-профессиональных групп. Наиболее многочисленными из них являются следующие: женские клубы (43 единицы), декоративно-прикладного творчества (23), шахматно-шашечные (19), дискотечные (38), спортивно-оздоровительные (15), детские и подростковые (14), фольклорно-этнографические — 12, клубы для ветеранов и людей пожилого возраста (10), военно-патриотические (9). Наименее представлены в республике: краеведческие (4), бильярдные (3), экологические (3), «Клуб калмыцкой песни» (2), «Клуб калмыцкого языка» (2), семейный (1), кулинарный, интеллектуальный, технический, «Чернобылец», «Коллекционер», «Клуб культработников».

В культурно-досуговых учреждениях республики функционируют 549 формирований самодеятельного народного творчества, в которых развивают, совершенствуют свои способности 6 116 человек. Наиболее востребованы у населения фольклорные, хореографические и театральные коллективы, в меньшей степени представлена творческая деятельность оркестров и ансамблей народных инструментов.

На основании приказа Министерства образования, культуры и науки РК № 837 от 08.07.2013 г. звания «Народный самодеятельный коллектив» и «Образцовый художественный коллектив» были присвоены 55 коллективам: из них 14 — фольклорным, 14 — танцевальным, 13 — песенным, 5 — хоровым, 5 — театральным, 2 — ансамблям песни и танца, 2 — оркестра. Растущее число коллективов, носящих почетные звания, свидетельствует о высоком профессиональном мастерстве, творческой инициативе их руководителей, самозабвенно отдающих свой талант, силы любимому делу.

В сельской местности есть немало культработников, настоящих сподвижников, преданных своему делу, стремящихся сохранить культурные традиции этноса, передающих молодому поколению знания и любовь к искусству. Многие из них работают в сельских школах искусства, всего в регионе 12 таких учреждений дополнительного образования, 3 детские музыкальные школы и 2 художественные школы, в них обучаются 2 975 юных граждан республики [320]. В школах преподавание ведется на художественном и музыкальном отделениях. Основная цель работы художественного отделения — привить основы художественной грамотности, способствовать развитию художественного творчества учащихся, умения видеть окружающий мир глазами художника. Учащиеся активно участвуют в различных конкурсах рисунков, декоративно-прикладного искусства: среди них — республиканский конкурс-плер «Палитра осени»,

республиканский конкурс рисунков «Я люблю тебя жизнь!», республиканская выставка декоративно-прикладного творчества «Наследие наших предков сохраним и приумножим...».

На музыкальном отделении учащиеся обучаются игре на фортепиано, баяне, аккордеоне и также на калмыцких народных — трехструнной домре (товшур), калмыцкой домбре, саратовской гармошке, ятхе, ечин. Воспитанники школ успешно выступают не только на площадках поселка, района, но и за пределами республики, страны, участвуя в разнообразных конкурсах: «Молодые дарования Калмыкии», всероссийском конкурсе «Город солнца» (г. Сочи), международном фестивале «Юные каннские звезды» (Франция), международном фестивале детского, юношеского и молодежного творчества «Шоу Мир» (Москва) и других. Юные таланты, победители и лауреаты международных, всероссийских творческих конкурсов впоследствии поступают в профильные вузы, где не только развивают свои способности, но и пропагандируют самобытную калмыцкую культуру. Выстроенная система мер по государственной поддержке профессионального искусства, самодеятельного творчества, сохранения традиций и обычаев народов Калмыкии, историко-культурного наследия позволит решать проблемы, связанные с отсутствием культработников в сельских поселениях республики, расширить спектр предоставляемых услуг населению, повысить качество и конкурентоспособность культурного продукта.

Ситуация с культурным обслуживанием сельчан сложная и неоднозначная. С одной стороны, наблюдается активизация деятельности культработников накануне и в период проведения календарных и юбилейных празднеств. Основными

потребителями услуг учреждений культуры в глубинке являются старшеклассники, которых интересуют дискотеки. С другой стороны, отсутствует постоянная работа с различными группами сельских жителей, которые, к сожалению, становятся пассивными, часть населения практически не интересуется культурной жизнью поселка, района, региона. Постоянная недостаточность финансирования, слабая материально-техническая база культурно-досуговых учреждений увеличивают разрыв между культурными потребностями сельского социума и возможностями их удовлетворения, поэтому проводимые мероприятия отличаются невысоким художественным уровнем, плохой посещаемостью и низкой активностью селян. Взрослое трудоспособное население остается вне внимания сферы культурно-досуговых учреждений, основная его часть удовлетворяет свои потребности в культуре исключительно в домашней обстановке (просмотр телепередач, чтение художественной литературы и периодической печати, Интернет). Необходимо решать проблему вовлечения сельчан в культурную жизнь, так как она затрагивает интересы сельского населения республики и имеет не только экономическое, но и большое социальное значение. Без серьезной государственной, муниципальной поддержки кардинально решить проблему подъема культуры села невозможно.

Таким образом, проведенный нами анализ деятельности культурно-досуговых учреждений республики показывает, что работники культурно-просветительной сферы обеспечивают реализацию государственной культурной политики в сельской местности, способствуют сохранению культурного наследия, повышению культурного потенциала регионального сельского сообщества.

Мусина Р. Н.

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОМ ТАТАРСТАНЕ

Этноконфессиональная ситуация в России постсоветского периода характеризуется ростом значимости религии в общественной и частной жизни ее граждан. Однако в различных регионах страны в силу особенностей их этнодемографического состава, исторического развития, региональной этнокультурной политики современные процессы в рассматриваемой сфере обладают определенной спецификой.

В Татарстане, где основными этническими группами являются татары и русские (всупе они составляют, по данным переписи 2010 г., 92,9 населения), представляющие ислам и православие, именно они определяют характер этноконфессиональных процессов.

По данным Управления Министерства юстиции РФ по РТ на 1 сентября 2014 г., в Республике Татарстан зарегистрировано 1737 религиозных

организаций, из которых почти 1640 приходится на мусульманские и православные (РПЦ) организации, соответственно 1313 и 326.

Деятельность двух централизованных религиозных организаций — Духовного управления мусульман РТ и Татарстанской митрополии — территориально охватывает всю республику. Здесь ведут деятельность 9 монастырей, 1 духовная семинария, при ДУМ РТ 10 мусульманских религиозных образовательных учреждений, в том числе Российский исламский университет¹².

¹²Текущие данные Управления по взаимодействию с религиозными объединениями Департамента Президента Республики Татарстан по вопросам внутренней политики.

Весьма востребованными стали воскресные курсы при мечетях и православных храмах, являющиеся доступной формой получения начальных знаний о религии. В Татарстане сейчас функционирует 270 примечательных курсов, общее количество учеников в которых составляет около 15 000 человек [483], а также 45 воскресных православных школ [507].

Материалы этносоциологических исследований, проведенных в РТ в течение более 20 лет [205], показывают тенденцию роста религиозного компонента массового сознания основных этнических групп, выраженного положительной динамикой трех почти параллельных процессов — подъем уровня религиозного сознания, конфессиональной идентичности и конфессиональной солидарности (табл. 30 — приведены данные по городскому населению).

Таблица 30

Динамика роста религиозного сознания, конфессиональной идентичности и солидарности, город, %

Годы	Религиозное сознание	Конфессиональная идентичность	Конфессиональная солидарность
Татары			
1990	34,0	-	-
1994	66,0	70,1	-
1997	81,0	92,4	-
1999	-	-	66,9
2002	83,3	93,5	93,9
2011	84,4	93,1	95,3
Русские			
1990	28,0	-	-
1994	56,3	64,0	-
1997	72,0	90,5	-
1999	-	-	67,2
2002	75,0	92,6	90,4
2011	83,7	92,1	95,1

Примечание. Уровень религиозного сознания определялся ответом на вопросы: «Верите ли Вы в Бога?», «Верующий ли Вы человек?»; конфессиональная идентичность — долей лиц, которая самоопределилась как мусульмане; конфессиональная солидарность — долей лиц, выбравших ответы «ощущаю в значительной степени» и «ощущаю в некоторой степени» при определении чувства близости, единения с людьми своей веры.

Таким образом, к началу второго десятилетия 2000-х гг. в качестве верующих самоопределились около 84 респондентов в городах республики, половину из которых составляли старающиеся соблюдать религиозные обычаи и обряды (табл. 31). Сельские жители несколько чаще относили себя к верующим — 91 опрошенных татар и 90,6 русских. Причем среди них несколько больше, чем

среди горожан, практикующих верующих (59,8 татар-сельчан и 48,3 русских). Хотя при этом доля строго выполняющих все предписания ислама или православия невелика — не более 6–8 среди опрошенных в 2011–2012 гг. Чаше религиозное поведение характеризуется эпизодическим приобщением к повседневным религиозным практикам (табл. 32).

Таблица 31

Религиозные практики татар РТ, 2013, %

Распределение ответов на вопрос: «В чем проявляется Ваша вера?»	Город	Село	В среднем среди татар РТ
Стараюсь регулярно посещать мечеть, пятничную службу	9,0	12,6	10,3
Совершаю 5-кратный намаз	7,9	13,6	9,9
Стараюсь полностью соблюдать пост «ураза»	9,8	9,7	9,8
Стремлюсь накопить деньги для совершения хаджа	5,7	6,8	6,1

Распределение ответов на вопрос: «В чем проявляется Ваша вера?»	Город	Село	В среднем среди татар РТ
Ежедневно молюсь	20,7	28,2	23,3
Иногда посещаю мечеть	56,8	50,0	54,4
Частично соблюдаю пост «ураза»	30,7	27,7	29,6
Иногда молюсь (читаю молитвы)	53,8	47,1	51,4
Посещаю занятия по основам ислама	4,6	15,0	8,4
Читаю религиозную литературу	32,6	41,7	35,9
Соблюдаю мусульманские предписания в питании	35,3	35,9	35,5
Не употребляю алкогольные напитки	37,2	42,2	39,0
Жертвую деньги мечети и благотворительным организациям	53,8	70,4	59,8
Стараюсь жить согласно религиозным предписаниям	55,4	57,8	56,3
Подаяю милостыню (садака)	86,1	87,4	86,6
Стремлюсь к состраданию и милосердию	87,5	87,0	87,6
Не выполняю религиозные обряды, обычаи, так как считаю, что вера в душе	43,5	36,4	40,9

Таблица 32

Религиозные практики русских РТ, 2013, %

Распределение ответов на вопрос: «В чем проявляется Ваша вера?»	Город	Село	В среднем среди русских РТ
Стараюсь регулярно посещать церковь, церковную службу	11,8	13,6	12,1
Иногда посещаю церковь, церковную службу	67,4	61,7	66,4
Хожу в церковь поставить свечку	66,8	67,9	67,0
Стараюсь строго соблюдать православные посты	8,4	9,9	8,7
Иногда соблюдаю православные посты	29,5	34,6	30,4
Иногда молюсь (читаю молитвы)	53,2	55,6	53,6
Ежедневно молюсь	14,5	17,3	15,0
Читаю религиозную литературу	29,2	24,7	28,4
Стараюсь жить согласно религиозным предписаниям	44,5	48,1	45,1
Причащаюсь, исповедуюсь	28,4	23,5	27,5
Совершаю поездки к святым местам	17,6	17,3	17,6
Подаяю милостыню	73,7	70,4	73,1
Жертвую на храм или религиозным благотворительным организациям	50,3	46,9	49,7
Стремлюсь к состраданию и милосердию	80,3	86,4	81,3
Не выполняю религиозные обряды, обычаи, так как считаю, что вера в душе	48,7	55,6	49,9

Гораздо большую распространенность среди татар и русских получают религиозные практики, связанные с сохранением элементов праздничной религиозной культуры и обрядов жизненного цикла (70–80–90).

Религиозное возрождение, происходящее на волне подъема этнического самосознания, с начала 1990-х гг. проявлялось чаще в форме этноконфессионализации, исходя из историко-культурной

традиции своего народа, нежели по религиозно-мировоззренческой убежденности. Данные нашего исследования подтверждают этот процесс. При ответе на вопрос, почему респондент относит себя именно к этой, а не к какой-либо другой религии, наиболее массовыми вариантами стали «это религия моего народа» (76 татар и 67,2 русских) и «эту религию исповедуют в моей семье» (70,5 татар и 70,3 русских) (табл. 33).

Таблица 33

Причины вероисповедного выбора среди татар и русских Татарстана, %
(Распределение ответов на вопрос: «Почему Вы относите себя к этой религии?»)

Варианты ответа	Татары			Русские		
	город	село	в среднем	город	село	в среднем
Это религия моего народа	72,7	82,5	76,0	65,1	76,8	67,2
Эту религию исповедуют в моей семье	68,3	74,9	70,5	69,0	76,2	70,3
Эта религия больше всего соответствует моим убеждениям	21,5	8,1	16,9	20,0	7,3	17,8
Об этой религии я больше всего читал и слышал	3,7	3,8	3,7	5,9	9,8	6,6
Эту религию исповедуют мои друзья, знакомые	5,1	6,2	5,5	4,1	3,7	4,0
Загрудняюсь ответить	2,2	0,5	1,6	1,3	2,4	1,5

Тем не менее уже в конце 1990-х — начале 2000-х гг. усиливается мировоззренческая религиозная идентичность. В исследовании 2011–2012 гг. была выделена доля убежденно верующих, выразивших согласие с суждением «Я знаю, что Бог существует, и не испытываю в этом никаких сомнений». Они составили в республике 64 среди татар и 60 среди русских. В наибольшей степени безусловная вера в Бога характерна для сельских татар, в меньшей — для татар-горожан. Среди русского населения убежденно верующих в городе несколько больше, чем в селе, хотя различие статистически незначимо (не более 3). По данным Левада-Центра доля согласных с приведенным суждением среди всего опрошенного в 2009 г. населения России составила 36 [220], а среди православных — 42 [119].

Также в республике выше и уровень конфессиональной солидарности: 65,8 русских и 68,3 татар Татарстана отметили, что они в значительной степени ощущают связь с людьми своей веры, тогда как, по данным Всероссийского опроса, сильное чувство групповой солидарности к единоверцам испытывают 41 россиянин¹³.

¹³Общероссийское социологическое исследование Института социологии РАН «Двадцать лет реформ глазами россиян» (рук. М. К. Горшков, 2011 г.).

Эти данные свидетельствуют о более значимой роли религии для населения Республики Татарстан как татар, так и русских, что, вероятно, связано с особенностями их демографического представительства в структуре населения, а также с действием оппозиции «мы-они», когда более раннее повышение уровня религиозности татар в начале 1990-х гг. постепенно стимулировало аналогичные процессы у русских.

В условиях актуализации этноконфессиональной идентичности и религиозных чувств особую значимость приобретает проблема этнического и конфессионального взаимодействия. Сопоставительный анализ данных исследований 1994 и 2011–2012 гг. по шкале Богардуса показал, что готовность русских и татар республики принять человека другой национальности в качестве жителя республики, коллеги по работе, начальника, соседа по дому, близкого друга выросла за эти годы с 50–70 до 99–92. На 15–16 уменьшилась межэтническая дистанция и более чем в 1,5–2 раза — межконфессиональная, а доля назвавших представителей соседствующих этноса и конфессии близкими и очень близкими достигла 90 в первом случае и около 80 — во втором (табл. 34).

Таблица 34

Оценка респондентами социально-культурной дистанции (степени близости) по отношению к народам и конфессиям, город (%)

	Очень близко	Близко	Далеко	Очень далеко	Затруднились ответить
1994 г.					
Татары					
С русскими	17,4	59,6	7,5	4,8	10,7
С православными	4,0	26,2	23,5	23,0	23,3
Русские					
С татарами	9,6	63,7	15,7	4,4	8,3
С мусульманами	6,9	32,0	32,2	14,8	14,1
2011 г.					
Татары					
С русскими	29,2	60,8	7,2	0,8	2,0
С православными	21,4	47,8	20,5	2,1	8,9
Русские					
С татарами	32,7	56,5	6,7	1,0	3,1
С мусульманами	20,9	40,5	25,2	5,7	7,7

Достаточно высокими являются и показатели межгруппового доверия: около 90 татар и русских, опрошенных в городах РТ в 2011 г., доверяют друг другу (объединение ответов «полностью доверяю» и «скорее, доверяю»). Результаты исследования не выявили статистически значимых различий по уровню доверия татар к мусульманам, а русских к православным (77 опрошенных татар доверяют православным и 80 русских доверяют мусульманам). При этом следует отметить более высокую

степень доверия, выраженную верующими с высоким уровнем религиозности, то есть практикующими верующими.

Таким образом, в Татарстане религия не способствует дезинтеграции и дестабилизации общества. Факторами позитивного характера этноконфессионального взаимодействия выступают многовековой опыт межэтнического общения и существенная доля этногетерогенных браков, которые составляют до одной трети от числа

ежегодно заключаемых. Важным фактором, определяющим этноконфессиональные взаимоотношения в Татарстане, является также этнодемографический состав его населения, в течение многих лет характеризующийся почти равным представительством основных этнических групп. Добрососедские уважительные отношения сложились и между православными и мусульманскими религиозными институтами, в том числе ДУМ РТ и Татарстанской митрополией. В значительной степени толерантный характер этноконфессиональных отношений в республике обеспечивает политика соблюдения баланса культур и конфессий, осуществляемая органами власти Татарстана.

Одним из проявлений этнокультурного баланса является выбор преподавания в школах республики в рамках курса ОРКСЭ предметов «Основы мировых религиозных культур» и «Основы светской этики» из утвержденных Министерством образования РФ шести модулей. Именно такой подход, когда классы не делятся по признаку этнической и конфессиональной принадлежности, представляется наиболее взвешенным и рациональным с точки зрения сохранения межнационального и межконфессионального согласия. Получение представлений о культуре и религии не только своего, но и соседствующих народов, и всех народов, проживающих в одном государстве, не только расширяет кругозор школьников, но и создает предпосылки для воспитания толерантности и формирования интеграционных ориентаций. Подобная ситуация предпочтительного выбора модулей интеграционной направленности выявлена и в других республиках Поволжья [63].

Материалы исследования, проведенного в 2014 г. в ряде регионов Российской Федерации в рамках Государственной программы по сохра-

нению этнической идентичности татарского народа на 2014–2016 гг. [330], показали поддержку этой позиции и со стороны экспертного сообщества России. Приведем отрывки из проведенных с ними глубинных интервью:

— «Усиленное преподавание этого курса, если оно будет внедрено, не дай Бог, приведет к образованию минимум четырех России — православной, мусульманской, буддистской, атеистической. Достаточно одного курса основ религиозной традиции или духовной культуры. Культурологического направления было бы достаточно» (интервью № 17, г. Москва).

— «Лучше было преподавать общий предмет, посвященный истории и культуре всех основных российских религий. Потому что не нужно разделять русских, татар и т.д. Дети должны знать культуру, традиции всех народов и относиться к различным религиям веротерпимо» (интервью № 34, г. Челябинск).

Действенными акторами формирования этноконфессиональной ситуации являются и СМИ, которые могут стимулировать как позитив, так и негатив в массовом сознании населения. Приведенные в таблице 5 данные о резком снижении уровня взаимного приятия в середине 1990-х гг. ярко демонстрируют результаты конструктивистской деятельности СМИ в период Первой чеченской войны.

Важную роль СМИ в формировании представлений о религии дают ответы на вопрос: «Откуда Вы, в основном, получали и получаете информацию о религии?». Средства массовой информации (телевидение, радио, газеты и журналы) отметили 41 татар и 43,4 русских. Это второй по значимости (после семьи, на которую указали 75 татар и 70,5 русских) канал религиозной социализации (табл. 35).

Таблица 35

Каналы религиозной социализации среди татар и русских Татарстана, % (Распределение ответов на вопрос: «Откуда Вы, в основном, получали и получаете информацию о религии?»)

	Татары	Русские	В среднем в РТ
Из СМИ (ТВ-, радиопередач, газет, журналов)	41,9	43,4	42,5 (2)
Из Интернета	6,2	8,7	7,3
Из образовательных курсов в школе, институте и т.п.	5,5	3,9	4,8
Из художественной литературы	6,8	12,5	9,3
Из религиозной литературы	21,9	15,8	19,3 (3)
От семьи, родителей, бабушек / дедушек	75,0	70,5	73,0 (1)
От друзей, однокурсников, коллег по работе	13,9	9,3	11,9 (4)
В религиозной общине, в мечети, церкви	12,9	11,0	12,1 (4)

Необходимо также отметить роль представителей экспертного и научного сообществ. В частности, данные о количестве религиозных храмов в Татарстане, приводимые в выступлениях и публикациях, интерпретируются ими подчас как пример

дискриминации православия в республике. При этом не оговариваются ни особенности строительства православных и мусульманских религиозных зданий, ни специфика их месторасположения. Православные храмы, на возведение и внутреннее убранство

которых требуются значительные финансовые затраты, до революции 1917 г. строились лишь в городах и крупных селах. Мечети же, чаще всего представлявшие собой деревянный дом-пятистенник с возведенным сбоку или в середине крыши минаретом, были тогда в каждой деревне, а в более крупных селах их число доходило до шести-восьми. Дореволюционную ситуацию демонстрирует статистика того времени: в Российской империи на территории нынешней Республики Татарстан тогда функционировало 1 598 мечетей и 560 церквей [331]. Сейчас в республике насчитывается 1 430 мечетей [509] и 450 православных храмов и молельных помещений [510]. При этом необходимо учитывать, что большая часть мечетей республики (85) функционирует в сельских поселениях, более чем на 2/3 населенных татарами. Отметим, что средняя вместимость православных храмов в Татарстане составляет 207 человек, в том числе по Казани — 417, тогда как средняя вместимость мечетей по республике — 108 человек (по Казани — 316)¹⁴.

¹⁴Текущие данные Управления по взаимодействию с религиозными объединениями Департамента Президента Республики Татарстан по вопросам внутренней политики.

Рост значимости религии, актуализация этнической и конфессиональной идентичности, религиозного сознания, являющихся достаточно тонкой материей, связанной с глубинами человеческого сознания и подсознания, а также общей веры в качестве символа этногрупповой солидарности, которая «обладает значимым мобилизационным ресурсом» [271], требуют объективности, ответственности и тесного взаимодействия всех акторов этноконфессиональной ситуации — государства, общества, религиозных институтов. Примерами такого взаимодействия в Республике Татарстан в нынешнем 2014 г. можно назвать Форум православной общественности республики и V Всероссийский форум татарских религиозных деятелей «Национальная самобытность и религия», собравших представителей как религиозных институтов, так и государственных и общественных структур, которые совместно обсуждали проблемы функционирования религиозных сообществ, государственно-конфессиональных отношений и приняли ряд важных для их развития решений.

• Раздел II •

ЕВРАЗИЯ – ТЮМЕНЬ – РОССИЯ

Мельников В. П.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИОЛОГИИ ПРИ ОСВОЕНИИ АРКТИКИ И СУБАРКТИКИ¹⁵

Природа переживает времена «малого ледникового периода» в жесткую эпоху средневековья, а русскому царю казаки шлют весть из Восточной Сибири о том, что земля не тает даже летом. С тех пор по крупницам собирались знания о криосфере Земли, и благодаря ученым Российской академии наук, в XVIII–XX вв. наука «мерзловедение» получила свое место в науках о Земле. Методология новой науки строилась по аналогии с геологией и географией. Благодаря усилиям академиков В. А. Обручева и В. И. Вернадского, автора первой научной монографии под названием «Мерзлота почвы в пределах СССР» (1927) профессора М. И. Сумгина, а также многим другим исследователям удалось уже в 1939 году создать в системе Академии наук СССР Институт мерзловедения им. В. А. Обручева.

Молодая наука, о которой даже в энциклопедии говорилось как о науке с большим практическим значением, да еще под воздействием господствующего принципа «не ждать милостей от природы, а брать их у нее», первое время даже ставила перед собой задачи, выразительно сформулированные в предисловии к вышеупомянутой монографии, написанной мерзловедом П. И. Колосковым. Он писал: «...явление вечной мерзлоты почвы по совокупности свойств представляет

явление глубоко отрицательное с практической точки зрения. Конечной задачей должно являться уничтожение мерзлоты объединенными усилиями науки и техники; лишь в тех случаях, где окажется непосильным, задачей явится выработка методов, ослабляющих вредное значение мерзлоты при осуществлении тех или других практических мероприятий».

Такое целеполагание в отношении природных явлений пришло в СССР с Запада и надолго зарядило стремлением бороться с природой. Как не парадоксально, но на Аляске в семидесятых годах в начале строительства трансалаянского трубопровода и у нас в нефтегазовых провинциях Арктической и Субарктической зоны Западной Сибири, всплыло из прошлого «враждебное» отношение к мерзлоте. На Аляске в итоге победили экологи, а у нас в Восточной Сибири и ее Арктической зоне «борьба без правил» человека с природой продолжается. В тоже время ежегодные экспедиции и постоянно действующие мерзлотные станции в Воркуте, Якутске, Чульмане, Анадыре, Игарке целенаправленно собирали фактический материал о тепловом состоянии криолитозоны, о подмерзлотных водах, о льдистости отложений, о криогенных структурах и о других характеристиках, физических свойствах, их изменениях в годичном цикле.

Результатом этих усилий стало создание в 1950-х годах геокриологической карты СССР и издание двухтомной монографии «Основы геокриологии» (1959) под редакцией чл.— к. П. Ф. Швецова, а также блестящих работ П. А. Шумского по физике льда и Н. А. Цытовича по механике грунтов. Заканчивался цикл дифференциации наук, новые цели

¹⁵ По материалам доклада на научной сессии РАН от 16.12.14 Арктический вектор развития Восточной Сибири: мерзлота и антропогенные риски.

Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации» и гранта РНФ № 4-17-00131.

и накопленные знания потребовали перехода к интеграции, междисциплинарным исследованиям. Толчком в этом направлении стало развитие представлений о геосистемах, иерархия которых отображает структуру литосферы с очевидным влиянием атмосферы, биосферы, гидросферы, техносферы, и открытие природных газовых гидратов. Развитие учения о геосистемах показало высокую чувствительность криолитозоны к изменению теплового поля и большую по сравнению с другими геологическими объектами динамичность состояния.

Северные широты приарктических государств богаты уникальными ландшафтами и грунтовыми именно из-за наличия многолетнемерзлых толщ. Особой сложностью мерзлых толщ и пространственной изменчивостью условий отличается территория полуострова Ямал. Например, в районе Харасавейского газоконденсатного месторождения главными факторами являются неоднородность поверхностных условий побережья и частично акватории Карского моря, которая определила температурный градиент среды, льдонасыщенность пород верхних горизонтов мерзлоты; неоднородность теплового потока снизу и как результат – купольное залегание подошвы мерзлой толщи. Для нее характерна низкая температура ($-5,5$ до -8 °C) многолетнемерзлых пород; низкая несущая способность суглинистого (10–50 м) горизонта; широкое развитие торфяников; высокая льдистость пород и прослой льда толщиной до 2–3 и более метров; крупные повторножильные льды до 5–6 метров по вертикали, а также наличие сильноминерализованных криопеггов.

Строительство и обслуживание инфраструктуры нефтегазового комплекса — в подобных условиях задача, требующая неординарных решений. В Канаде, например, был создан Арктический газовый комитет (CAGRC) для содействия газовому проекту Маккензи, помощи регулятивным органам в принятии решений. В него были привлечены специалисты со всего мира с опытом строительства в районах мерзлоты. Теоретические представления о закономерностях трансформации криосферы и многолетний мониторинг ее изменчивости повлекли за собой обновление подходов и нормативной базы проектно-изыскательных работ. Использование достигнутого внедряется не везде и не всегда, за что природа расплачивается «бед-лендами» вследствие техногенеза и критического увеличения численности оленей.

В последние годы резко возрастает интерес к результатам исследований газогидратов, связанных с их промышленным использованием в разных технологиях. Как явление газы гидраты были открыты группой ученых во главе с академиком А.А. Трофимуким и чл.-к. И.В. Черским

в соавторстве с Ю.Ф. Макогоном, В.Г. Васильевым и Ф.А. Требиным, что подтверждено дипломом от 04.03.1971 г. Но настоящие природные газовые гидраты впервые увидели в 1972 г. сотрудники ВНИИГАЗа А.Г. Ефремова и Б.П. Жижченко, подняв керн с поддонной глубины в 6,4 м в Черном море, где толща воды была 1950 м, то есть далеко за пределами криолитозоны.

В 1980-е годы газовые гидраты становятся объектом исследования в криологии Земли. Примерно в эти же годы в МГУ происходит смена поколений, и в учебные программы помимо традиционных предметов вводятся «Динамическая геокриология», «Физика, химия и механика мерзлых грунтов», «Криология планет». Последнее направление не могло не стать предметом мерзлотоведов и гляциологов после успехов человека в космосе.

Вскоре пришло понимание и того, что зона стабильного состояния газовых гидратов, как правило, ниже подошвы мерзлоты, а значит льдоподобные образования существуют при положительной температуре. В 1988 г., опять же во ВНИИГАЗе, В.С. Якушев и его коллеги открыли явление самоконсервации газовых гидратов, когда при изменении условий гидраты начинают разлагаться, но выделяющаяся при этом вода при отрицательной температуре горных пород замерзает и останавливает дальнейшее разложение. Это объясняло находки газовых гидратов в мерзлоте, самоконсервация которых отражала иные палеоусловия мерзлой среды, при которых давление и температура были достаточны для образования газогидратов, а затем из-за потепления они должны были бы диссоциировать, но эффект самоконсервации не позволил этому произойти. Законсервированные в мерзлоте газогидраты называли реликтовыми. Таким образом, природные газовые гидраты существуют на различных глубинах и в мерзлоте, и далеко за ее пределами при положительных температурах, оставаясь, по существу, льдом, насыщенным газом.

К настоящему времени газовые гидраты найдены вокруг всех континентов Земли с содержанием в них газа в количестве, сопоставимом с доказанными запасами традиционного природного газа. Первый промышленный газ из газогидратов планируется получить в Японии на месторождениях в районе Нанкинского желоба в 2016 г.

Исследования, выполненные в Институте криосферы Земли СО РАН, достоверно показали, что при отрицательных температурах, то есть в мерзлоте, диссоциация газовых гидратов может протекать через промежуточную стадию образования переохлажденной воды, которая затем переходит в лед.

Возможное применение газовых гидратов, активно обсуждаемое в последнее время,

связано с разработкой концептуальных проектов захоронения в мерзлых и подмерзлотных горизонтах избыточного количества диоксида углерода — парникового газа — в форме гидратов CO_2 . При этом взаимодействие диоксида углерода с основным компонентом мерзлых пород — льдом, а также влияние CO_2 на таяние льда и, как следствие, устойчивость мерзлоты и положение границы залегания многолетнемерзлых пород не изучены.

Был проведен эксперимент и получены первые данные о температуре плавления льда под воздействием углекислого газа, находящегося под давлением. Оказалось, что температурный коэффициент плавления льда, находящегося в атмосфере углекислого газа в 20 раз выше по сравнению с влиянием гидростатического давления плавления льда. Иными словами, наличие свободного CO_2 или насыщенного водного раствора CO_2 на глубине 100 м вызовет плавление подземного льда и деградацию мерзлых пород при отрицательной температуре ($-1,50^\circ\text{C}$). Таким образом, в атмосферу со временем уйдет газа больше, чем рассчитывают закачать. В этом случае мы получаем еще одну зону техногенных рисков.

Развитие исследований различного вида газопроявлений в криолитозоне чрезвычайно важно для установления истинной картины динамики процессов в мерзлых породах и многочисленных видах льда трещинной, клиновидной, диапировой и пластовой формы в сложных залежах. В некоторых ледовых залежах сложной формы и в гидролакколитах, образованных инъекциями воды, трудно установить цикличность и стадийность образования и промерзания таликов и формирования в таких условиях повторно-инъекционных льдов сложной конфигурации. Решить проблему иногда позволяют прослойки льда с газовыми спиралевидными пузырьками, указывающими на их движение под действием газового потока в направлении процесса льдообразования [446–450].

Микроскопические исследования шлиров диатомовых глин в основании бугра пучения на юге Тазовского полуострова позволили обнаружить в них полые ледяные образования размером 0,1–0,5 мм сферической, футляровидной и вытянутой формы. Типичное для льда кристаллическое строение подтверждается гексагональными гранями плоской и кривогранной разновидностей. Остаточная концентрация метана во льду в три с лишним раза превышала грунтовую. Полые кривогранные образования микронной размерности названы нами кристаллитами льда. Подобные искаженные полые кристаллы других минералов, наполненные газом, встречаются в гидротермальных жилах при высокой температуре.

И еще одно яркое явление, связанное с термогазогидродинамикой в мерзлоте, вызвало широкий общественный интерес. Речь идет о воронке до 30–40 м в диаметре и почти вдвое больше по глубине, образовавшейся на п-ове Ямал. Предварительные исследования показали, что, возможно, в результате климатических аномалий 2012–2013 гг. и предшествующего им теплого цикла был запущен механизм быстрого изменения поверхностных условий и последующего выброса льда, грунта и газа на расстояние до 120 м от центра воронки. Подобные явления были обнаружены в 90-х годах на шельфе Печорского и Баренцева морей и представлены в нашей статье в 1997 г. На суше Ямальская воронка впервые обратила на себя внимание летом 2014 и стала объектом разносторонних исследований.

Открытие в 2004 году капельного кластера — плоской пространственно упорядоченной структуры из капель воды, возникающей над подогретой водной поверхностью, положило начало развитию новой области исследований о пространственно упорядоченных аэрозолях. Нами было показано, что упорядоченные трехмерные капельные структуры могут существовать также в атмосферном тумане и облаках. Полученная в ходе эксперимента большая вязкость тумана, в сотни раз превышающая вязкость чистого воздуха, позволила сделать вывод о возможном значительном влиянии упорядоченного капельного аэрозоля в атмосфере на процессы конвекции и теплоперенос. Криогенные процессы в атмосфере, такие как замерзание воды в аэрозоле при температурах ниже 0°C , способствуют снижению электропроводности атмосферы, увеличению межкапельного расстояния, росту плавучести аэрозоля и образованию мощных грозовых облаков. Установление важной роли криогенных процессов в атмосфере, их влияния на климат Земли — цель наших дальнейших исследований.

Мерзлая часть литосферы традиционно считалась областью биогеохимического покоя, хотя сведения о наличии в мерзлоте живых бактерий появились в России в конце XIX века в связи с находками мамонтов на севере Сибири (Омелянский, 1911) и изучением почв на Дальнем Востоке [455, 456, 459, 463]. Микрофлора впервые была найдена в Антарктической вечной мерзлоте в 68 г. (Hubbard). В 1979 году на Антарктической станции Восток обнаружены бактерии, грибы, диатомеи и другие микроорганизмы [424]. Метаболизм бактерий в вечной мерзлоте был отмечен при температурах около -20°C [434].

Результаты исследований в Якутии свидетельствуют, что выявляемые здесь сообщества психрофильных микроорганизмов выживают

или сохраняются в чрезвычайно экстремальных геохимических условиях. Деятельность почвенных микроорганизмов криолитозоны изучена недостаточно, до сих пор нет целостной картины количественного и качественного состава микрофлоры почв мерзлотных ландшафтов, не ясны механизмы устойчивого развития микробных сообществ при отрицательных температурах. Выделенные из мерзлоты микроорганизмы обладают неизвестной стратегией сохранения жизнеспособности и легко вовлекаются в современные биогеохимические процессы при оттаивании пород. К настоящему времени российскими микробиологами и их коллегами из Швеции, Канады, Японии выполнено секвенирование полных геномов десяти штаммов бактерий из многолетнемерзлых отложений, показаны отличия их генеалогических связей от генетически близких организмов.

Исследования на растениях показали перспективность использования отдельных штаммов микроорганизмов из мерзлоты для улучшения всхожести, повышения хладостойкости и продуктивности зернобобовых растений. Опыты на лабораторных животных показали иммуномодулирующее, репаративное и геропротекторное воздействие.

Для штамма *Bacillus F*, выделенного из мерзлых отложений Мамонтовой горы в Якутии, установлено дозозависимое усиление метаболизма макрофагов, снижение фактора некроза опухолей, стимулирующее влияние на активность

клеточного и гуморального иммунитета, фагоцитарную активность макрофагов. Выявлено также улучшение широкого спектра физиологических показателей. Специалисты не исключают, что микроорганизмы криолитозоны имеют специальные механизмы репарации клеточных структур, необходимые для выживания в экстремальных условиях. Дальнейшие исследования по раскрытию механизмов сохранения жизнеспособности должны приблизить нас к решению проблемы увеличения продолжительности жизни.

Многолетнее и сезонное промерзание грунтов на большей части территории России — причина их повышенной пучинистости, что особенно сказывается на качестве дорог. Дорожники Норвегии и Германии нашли способ борьбы с этим явлением, применяя в качестве теплоизоляционного и дренирующего слоя в дорожных конструкциях пеностекло. Для его получения они используют отходы стекольной промышленности и собираемый стеклобой.

Сотрудниками Института криосферы Земли СО РАН запатентована технология получения пеностекла из природного кремниевых сырья диатомита. Огромные залежи диатомитов, распространенных во многих регионах России, в том числе в Арктике и Субарктике — неисчерпаемый источник сырья для новых технологий строительства. Как показано ниже, наше пеностекло «ДиатомИК» имеет практически те же характеристики, что и его западные аналоги, но при низкой цене (табл. 36).

Таблица 36

Сравнительные характеристики различных теплоизоляционных насыпных материалов

Материал	Размер гранул, мм	Насыпная плотность кг/м ³	Прочность МПа	Водопоглощение по объему, %	Теплопроводность, Вт/м оС	Цена*, руб/м ³
ДиатомИК®	0,16-40	190-450	0,8-2,8	<2	0,07-0,10	3 000
Schaumglas	10-60	130-190	1,2-2,4	<10	0,08-0,095	15 000
SINTEF	4-16	160-530	0,8-2,4	-	0,07	12 000

Сохранение качества и долговечности сооружений и путей сообщения в высокотемпературной криолитозоне достигается применением термостабилизаторов различной конструкции, что уже давно практикуется в России, на Аляске и китайском Тибете. Сочетание теплоизолирующего и дренирующего свойств диатомитового пеностекла и охлаждающего действия термостабилизаторов может кардинально улучшить качество и удешевить строительство дорог в криолитозоне, повысить устойчивость фундаментов сооружений.

Арктический вектор развития, указанный руководством нашей страны, просто обязывает ученых и специалистов разных профессий направлять свой поиск на раскрытие тайн холодного мира, выявление новых, таящихся в мерзлоте ресурсов и минимизацию рисков, связанных с высокой динамичностью процессов в Арктической криолитозоне России, как при потеплении, так и при похолодании климата, а также при техногенных воздействиях.

Силин А. Н.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ И СУБАРКТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И МЕХАНИЗМЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Интерес к Арктическому и Субарктическому регионам в высших политических эшелонах и властных структурах России периодически возникает, достигает своего апогея и постепенно затухает. Своеобразным индикатором этого является периодическое создание и ликвидация в правительстве министерств или комитетов по Северу. В 60–70 гг. прошлого века особое внимание к Северу было обусловлено необходимостью форсированного создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК). Тогда же была создана ЗапСибМВТК — Межведомственная территориальная комиссия по ЗСНГК на правах отдела Госплана СССР, начальник которой В. П. Курамин впоследствии возглавил Комитет по Северу [168].

Жизнь населения северных регионов России в условиях трансформации общественных институций претерпела значимые изменения. Если в советский период государство пыталось мотивировать людей для участия в колонизации Севера, наделяя переселенцев определенными льготами и гарантируя высокие заработки, то в современных условиях северяне практически лишились государственной поддержки, что существенно отразилось на их социокультурной идентификации, уровне и качестве жизни.

При этом необходимо учитывать социально-экономическую неоднородность Российского Севера, где совершенно по-разному складывается ситуация на европейском Русском Севере, нефтегазовом Западно-Сибирском и наиболее депрессивном из них Восточно-Сибирском Севере. Обычно выделяют самодостаточные регионы-доноры (ХМАО–Югра, ЯНАО, Сахалинская область), развивающиеся (Республики Коми и Саха, Мурманская область) и все остальные — депрессивные северные территории [283]. На самом деле ситуация не столь однозначна. Например, по особому сценарию развивается в последние годы территория Чукотки.

Совершенно очевидным становится процесс деколонизации европейского Севера, потерявшего за последнее десятилетие около четверти населения, лишившегося значительного числа как сельских, так и промышленных поселений. Определенную роль здесь сыграла и демилитаризация Севера, реализуемая в 1990-е годы, когда многие военные объекты были ликвидированы либо консервированы. Например, Мурманская область,

обладающая значительным потенциалом природных ресурсов, наличием незамерзающего морского порта и выгодным геополитическим приграничным положением за последние 20 лет потеряла, главным образом в результате миграционного оттока, более трети населения (с 1192 до 789 тыс. чел.).

Проанализируем как общие проблемы социально-экономического освоения Российской Арктики и Субарктики, так и особенности, присущие наиболее значимому для страны региону, во многом определяющему ситуацию в России — Западно-Сибирскому нефтегазодобывающему Северу.

В Западной Сибири в настоящее время добывается 65 российской нефти, 90 газа и 63 газового конденсата, что обеспечивает формирование 37 доходов бюджета РФ. К настоящему времени здесь открыто 884 нефтегазовых месторождения, из которых в разработке находится лишь 367. Учитывая, что в объемах российского углеводородного сырья промышленных категорий (А+В+С) доля региона составляет по нефти 56, газу — 54, конденсату — 60, а ресурсы категории Д достаточно велики, Западная Сибирь и в обозримой перспективе останется лидером ТЭК. Поэтому Энергетическая стратегия России на период до 2030, утвержденная Правительством РФ 13.11.2009, рассматривает Западную Сибирь основным нефтегазодобывающим регионом России на весь прогнозный период.

Реализация намеченных планов потребует серьезных усилий и непростых решений. Основной проблемой при этом является нежелание нефтяных компаний заниматься трудноизвлекаемыми запасами. Они предпочитают, «сняв сливки», переходить в другие регионы, оставляя в недрах Западной Сибири значительные, но низкорентабельные запасы. Коэффициент нефтеотдачи остается чрезвычайно низким. В основном нефтегазодобывающем регионе страны — ХМАО — уже началось падение добычи нефти, которое компенсируется за счет ввода в разработку новых залежей Красноярского края (Ванкорское месторождение) и юга Тюменской области (Уват).

В газодобывающем Ямало-Ненецком округе, где разведанные запасы природного газа позволяют наращивать его добычу, препятствиями являются отсутствие необходимой инфраструктуры и квалифицированных кадров внутри региона и трубопроводных мощностей за его пределами. Серьезным

ограничением развития газодобычи в регионе является отставание России в производстве сжиженного природного газа (СПГ) — в мировых объемах наша доля составляет около 4,5. Между тем морские перевозки СПГ на новые рынки сбыта могли бы снять многие из сегодняшних проблем. Важную роль здесь может сыграть строительство морского порта Сабетта, предназначенного для поставок СПГ и газового конденсата в страны Южной Америки и Азиатско-Тихоокеанского региона [148].

Таким образом, приоритетами развития ЗСНГК на период до середины XXI века признаны:

1. Доведение добычи природного газа до 720–740 млрд. куб.м в год за счет ресурсов арктического шельфа и суши.
2. Стабилизация добычи нефти на уровне 300–320 млн. т в год за счет разработки новых залежей, трудноизвлекаемых запасов, включая бажендовскую свиту, инновационных технических и технологических решений, повышающих нефтеотдачу уже разрабатываемых месторождений.
3. Создание производства СПГ.
4. Восстановление и развитие Севморпути.
5. Подготовка профессионалов, способных создать и реализовать инновационные проекты развития ЗСНГК.
6. Формирование и эффективное функционирование на юге региона нефтегазового машиностроительного кластера, обеспечивающего потребности инновационного развития ЗСНГК.

7. Сохранение хрупких биогеоценозов Арктики, расширение особо охраняемых природных территорий и акваторий, рекультивация трансформируемых ландшафтов.

8. Обеспечение высокого качества жизни аборигенного и пришлого населения Севера, развитие человеческого потенциала в арктическом регионе.

Как известно, в советский период за социальные процессы в регионах отвечали местные партийные и советские органы, а за экономические — Министерства, поэтому эффективность социального управления при формировании и функционировании Западно-Сибирского нефтегазового комплекса определялась в основном результатами взаимодействия Тюменского и Томского обкомов КПСС с Миннефтепромом, Мингазпромом, Миннефтегазстроем, Мингео СССР и их патронажем со стороны ЦК КПСС, Совмина СССР, Госплана и Госнабса СССР.

Сегодня регулирование социальных процессов в этом регионе зависит от не менее сложных формальных и неформальных взаимосвязей корпораций (Газпром, Лукойл, Роснефть), федеральных властных структур (президентских и правительственных) и региональных элит.

Речь в первую очередь идет о двух регионах, во многом определяющих настоящее и будущее России — газодобывающем Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО), расположенном на территории, относимой к Арктике, и нефтедобывающем Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО–Югра) в Субарктике (табл. 37) [288].

Таблица 37

Характеристики северных округов Тюменской области по состоянию на 2010 год

Параметры	ХМАО	ЯНАО
1. Площадь территории		
1.1. тыс. кв. км	534,8	769,3
1.2. % от РФ	3,1	4,5
2. Численность населения		
2.1. тыс. чел.	1538,6	546,5
2.2. % от РФ	1,1	0,4
3. Жителей на 1 кв. км	2,9	0,7
4. Доля сельских жителей, %	8,5	15,4
5. Доля живущих в столице округа, %	г. Ханты-Мансийск 4,5	г. Салехард 2,8
6. Экономически активное население, тыс. чел. из них:	902,2	328,6
6.1. заняты в экономике и социальной сфере	846,3	55,9
6.2. безработные	316,1	12,5
7. Уровень безработицы, %	6,2	3,8
8. Среднемесячная зарплата на 1 работника, тыс. руб.	41,3	52,6
9. Средний размер месячных пенсий, тыс. руб.	11,4	11,5
10. Средние потребительские расходы на 1 чел. в месяц, тыс. руб.	15,5	18,3
11. Общая площадь жилья на 1 жителя, кв. м	19,0	19,2
12. Уд. вес ветхого и аварийного жилья, %	6,9	9,6
13. Число зарегистрированных преступлений на 1 тыс. чел.	22,3	17,6
14. Из них раскрыто, %	54,8	61,4

Население циркумполярного региона представляет собой уникальную социально-территориальную общность, интегрирующую три основные этнические мегагруппы (славянскую, тюркскую и угорскую) и выходцев из всех регионов России и бывшего СССР, осевших в результате мощного миграционного обмена в 1970–1980 гг. С одной стороны, регион рассматривался в тот период, именуемый «застойным», как «социальная свалка» с повышенным удельным весом маргинальных и прямо криминальных элементов, с другой территория с наиболее инновационным в социальном и интеллектуальном отношении населением, мобильным и готовым к изменениям, то есть Север, оказался вовсе не стагнационным.

В период с середины 1960-х до середины 1980-х гг. на территории Тюменского Севера происходил своеобразный миграционный взрыв — резкий приток населения из центральных и южных регионов страны. У истоков формирования нефтегазового комплекса в основном стояли выходцы из Азербайджана, Татарстана, Украины — геологи, нефтяники и газовики, их родственники и знакомые, создававшие здесь свои землячества. В это время через Тюменский Север прошла значительная часть населения России, теперешних государств СНГ и Прибалтики. Все эти годы характеризовались значительными миграционными потоками туда и обратно. Каждый второй из приехавших в регион вернулся, прожив на Тюменском Севере менее полутора лет. Миграционный прирост пошел на спад лишь с 1987 года [288].

С распадом СССР миграция поменяла знак и превратилась в межгосударственную — люди стали уезжать в свои вновь образованные независимые государства и другие регионы России, так как экономические преимущества работы на Севере исчезли. Однако с середины 1990-х гг. ситуация вновь изменилась, Север опять обрел привлекательность для жителей постсоветского пространства. Число иммигрантов резко возросло, однако государственные властные структуры уже не управляли и даже не регулировали эти процессы. Массовый характер приобрели нелегальная миграция, этноконфессиональные конфликты, этнические преступные группы, слабая интегрированность мигрантов в принимающее сообщество и т.д.

Проводимые нами последние четыре десятилетия исследования показали, что в 1970–1980 гг. значимых изменений в социальной ситуации не наблюдалось. Однако именно в те годы во многом были заложены детерминанты проблем, так или иначе проявившихся позднее и существующих сегодня.

В то время как большая часть новоселов на Тюменском Севере стремится быстрее заработать достаточную сумму и переехать в более

благоприятные для жизни регионы центра и юга, что стимулирует использование вахтовых форм организации труда, некоторая часть людей все же приживается здесь. Север оказывается привлекательным для инновационных, романтических и авантюрных натур, считающих плюсом и отсутствие значительной части факторов, ухудшающих самочувствие жителей средней полосы: стрессы перенаселения, нехватка живой природы, ограничение жизненного пространства, загрязненность окружающей среды, антропогенные и техногенные катастрофы. Вместе с тем социологические исследования, все эти годы проводимые в северных поселениях, показывали, что из-за отставания развития социокультурных институтов значительная часть расходов северян приходится на спиртные напитки и азартные игры, а в последние годы и наркотики. При изучении системы ценностей северян на последних местах оказывались интеллигентность, совестливость, образование [288].

Традиционные формы социального контроля, основанные на родственных и устоявшихся соседских связях, здесь не действовали, за исключением случаев переселения в регион кланами.

Результаты социологических опросов молодых северян все эти годы позволяют констатировать широкое распространение курения, особенно среди девушек, злоупотребления алкоголем, рост наркозависимых молодых людей, размытые нравственные ориентиры у большинства опрошенных. Вместе с тем есть и позитивные тенденции: в последние два десятилетия отчетливо проявляется рост ценности образования, семьи, адаптированность к постоянным изменениям условий общественной жизни.

На Севере, как впрочем, в стране в целом, растет число неблагополучных семей. Судя по статистике Департамента образования, очевидна тенденция увеличения их ежегодно не менее, чем на 10, через каждые три года удваивается число родителей, лишенных родительских прав. Как известно, далеко не простая участь ожидает этих детей и в детских домах и интернатах. Такая ситуация характерна для всех северных регионов. По данным А.В. Артюхова, в 25 северных семей отмечается регулярное физическое оскорбление детей (рукоприкладство), главной причиной которого является злоупотребление алкоголем [17].

При этом по индексу человеческого развития, рассчитываемого ПРООН, ХМАО и ЯНАО в последние два десятилетия устойчиво занимают первое-второе места в России, что объясняется относительно высоким уровнем ВВП и душевых доходов в этом регионе. Одновременно растет имущественная дифференциация и неравномерность распределения доходов. При этом, как показывают проведенные исследования,

увеличивается доля «нижних» социальных слоев общества, сужается удельный вес «зажиточных». Это достаточно опасная тенденция, учитывая, что «нижние» социальные слои — носители протестных настроений и активно-деструктивной жизненной позиции в период кризиса.

Суммарные доходы 10 наиболее обеспеченных жителей Тюменской области превышают суммарные доходы 10 наименее обеспеченных жителей в 23 раза.

Для северных территорий характерна еще одна особенность: люди зарабатывают деньги в Арктике и Субарктике, а тратят их чаще в других регионах (в местах отдыха, на родине, по месту учебы детей).

Одним из индикаторов качества жизни является отношение населения к своему субрегиону. В последние годы в Югре и на Ямале наблюдается отрицательная динамика оценок. Несмотря на сравнительно с другими регионами высокие душевые доходы в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, 12 жителей Югры и 15 жителей Ямала хотели бы уехать в другие регионы России.

Доля населения ЯНАО, негативно оценивающего социально-экономическую ситуацию в регионе, растет, и в 2013 году число респондентов, считающих ее «кризисной» и «катастрофической», превысило 15. Соответственно, до 9 сократился удельный вес ямальцев, считающих социальную ситуацию «благополучной». При этом в отдельных районах округа (г. Лабытнанги, Муравленко, Тазовский и Красноселькупский р-ны) более половины опрошенных оценивают ситуацию

как «напряженную», «кризисную» или «катастрофическую». За последний год у 32 респондентов уменьшились доходы членов семьи, у 25 — зарплата, 15 были вынуждены взять деньги в долги, 14 пришлось оказывать помощь деньгами родственникам и знакомым.

Показатели как официально зарегистрированной, так и фактической безработицы в северном регионе близки к среднероссийским, однако доля молодых людей в возрасте 18–29 лет среди безработных составляет 34, доля безработных предпенсионного возраста 9, доля женщин — 72.

По доле пенсионеров северные территории также сравнивались со средними по России показателями и превысили 25 в общей численности, а в ряде регионов Севера — более 30 [300, 302].

Тревогу вызывает и сегодняшнее состояние здоровья северян. Высоким остается уровень смертности в трудоспособном возрасте. Основные причины — болезни органов системы кровообращения (в ХМАО 29,6, в ЯНАО 21,2 случаев на 10 тыс. чел. населения), несчастные случаи отравления и травмы (в ХМАО 13,2, в ЯНАО 12,8 случаев на 10 тыс. чел. населения). Отравления некачественным алкоголем, суицид и убийства составляют почти половину причин смертности. При этом самооценка здоровья (табл. 38) достаточно высока, особенно у мужчин.

При выяснении причин высокой заболеваемости, респонденты на первое место поставили некачественный алкоголь, а тяжелую, вредную для здоровья работу — на последнее место по значимости [299].

Таблица 38

Оценка северянами своего здоровья, количество человек

Оценка своего здоровья	Ханты-Мансийский автономный округ		Ямало-Ненецкий автономный округ	
	2006 г.	2011 г.	2006 г.	2011 г.
Чувствую себя хорошо	35	39	37	40
Иногда болею	38	38	40	38
Часто болею	11	8	8	10
Хронический больной	9	8	8	8
Инвалид	3	3	1	3
Не знаю	5	4	5	3
Итого	100	100	100	100

Подлинные причины плохого здоровья северян несколько иные и требуют системного междисциплинарного изучения. Это геофизические и природно-климатические, социально-психологические и экологические в связи с антропогенной деятельностью и другие факторы в их взаимодействии. Например, установлено, что сочетание негативных геофизических, климатических и антропогенных факторов северных территорий приводит (в зависимости от различий в их сочетании) к превалированию разных патологий в разных регионах.

Например, в Ханты-Мансийском автономном округе на первое место выходят инфекционные и паразитарные болезни, заболевания органов дыхания, кожи, травмы и отравления. Эвенкийский АО характеризуется превалированием психологических расстройств, патологии эндокринной системы и системы кроветворения. На Таймыре частыми заболеваниями стали болезни нервной системы, психические расстройства, новообразования, инфекционные и паразитарные болезни, болезни эндокринной системы.

Учеными СО РАМН выявлен «синдром полярного напряжения», который, в отличие от синдрома стресса, открытого канадским физиологом Г. Селье в 1935 г., присущ лишь Крайнему Северу и раскрывает взаимосвязи дизадаптивных процессов у человека с особенностями геомагнитной сферы, светового и холодового режимов, питания, социального климата и других факторов, характерных для циркумполярных регионов.

Выяснилось, что при сочетании возмущений геомагнитного поля с гравитационными аномалиями резко возрастает число обострений сердечно-сосудистых заболеваний, главным образом гипертонических кризов, инфарктов миокарда, психических расстройств, ДТП, травм на производстве, ошибок операторов. При этом работоспособность и выносливость здоровых людей в дни геофизических возмущений значительно увеличивается, они испытывают подъем настроения, благополучия, эйфории, порой переоценивают свои возможности. У больных и переутомленных людей, напротив, в эти дни снижается настроение, появляется бессонница, возникает состояние дискомфорта, повышенная раздражительность, приводящая к беспричинным межличностным конфликтам. У некоторых из них появляются мысли о своем ничтожестве и бессмысленности жизни, что приводит к случаям суицида. Исследования показали значимую роль космо-геофизических ритмов для здоровья северян.

Кроме того, проводилось социально-психологическое исследование с целью выявить специфические личностные качества северян. В частности, были идентифицированы личностные качества рабочих с северным стажем более 5 лет. Для них оказался наиболее значим фактор сплоченности и товарищеских отношений. Видимо, в условиях

Крайнего Севера эти качества обеспечивают не только решение производственных задач, но и, в некоторых случаях, выживание человека.

Очевидно, в обществе всегда будут группы людей, ориентированных на жизнедеятельность в особо сложных условиях. Их установки на высокие заработки часто означают ориентацию на комплекс целей, для которых высокий заработок служит необходимым, но не достаточным и не единственным условием. Среди этих целей — стремление личности к самоутверждению, достижению экономической независимости, выделению из своей социальной микрогруппы (родственников, односельчан), желание утвердить себя как сильную личность в экстремальных условиях, стремление к смене впечатлений и т.д. Эти люди всегда будут служить источником пополнения кадров «пионеров» новых районов и новых направлений деятельности.

В ходе неформального общения с жителями районов Арктики выяснилось также, что особенности жизнедеятельности северян обусловлены не только своеобразием северного быта, экстремальностью общей ситуации и т.д., о чем шла речь выше, но и в немалой степени загадочным воздействием на человека самого полярного ландшафта, названным Робертом Пири «Гипнозом Севера» [237].

Очевидно, что принимая новых работников для компаний, участвующих в освоении Севера, нужно учитывать не только состояние их здоровья и уровень профессиональной компетенции, но и совокупность личностных качеств, выявленных в ходе упомянутых выше исследований.

Важной проблемой остается проблема снижения уровня социального доверия северян и, в первую очередь, к власти, политическим лидерам, их идеям и лозунгам (табл. 39–40).

Таблица 39

Динамика изменения уровня социального доверия жителей ХМАО и ЯНАО, %

Объекты доверия Уровень доверия		Правительство региона	Местные органы власти	Политические партии и лидеры	СМИ	Религиозные конфессии	Социальное окружение
Опрос 2007 г.	Доверяю	28,5	25,8	13,6	28,2	32,3	35,6
	Не доверяю	37,7	27,4	46,5	46,7	36,2	39,2
	Затрудняюсь с ответом	33,8	46,8	39,9	25,1	31,5	25,2
Опрос 2010 г.	Доверяю	29,6	27,5	19,0	25,5	35,5	32,8
	Не доверяю	39,0	28,7	34,9	40,1	38,9	41,4
	Затрудняюсь с ответом	31,4	43,8	46,1	34,4	35,6	25,8
Опрос 2013 г.	Доверяю	27,1	26,2	15,1	27,8	39,1	24,2
	Не доверяю	40,2	30,9	26,4	27,2	40,0	46,6
	Затрудняюсь с ответом	32,7	42,9	58,5	45,0	20,9	29,2

Таблица 40

Доверие к власти разных социальных групп северян, %				
Социальная группа		Старожилы (северный стаж более 3 лет)	Новоселы (северный стаж менее 3 лет)	Вахтовики
Уровень доверия				
Опрос 2007 г.	Доверяю	23,5	27,4	32,8
	Не доверяю	48,4	33,6	25,4
	Затрудняюсь с ответом	28,1	39,0	41,8
Опрос 2010 г.	Доверяю	24,8	28,1	31,2
	Не доверяю	26,3	33,3	41,4
	Затрудняюсь с ответом	48,9	38,6	27,4
Опрос 2013 г.	Доверяю	24,2	26,3	28,4
	Не доверяю	41,3	35,5	28,6
	Затрудняюсь с ответом	34,5	38,2	43,0

Как видно из таблиц, большая часть респондентов-северян никому не доверяет. При этом оказалась высока доля «затрудняющихся с ответом», что также не является выражением доверия. Более критическое отношение и недоверие к разным социальным структурам высказывают респонденты с увеличением возраста, уровня образования, срока проживания на Севере. Наибольший уровень пессимизма и социального недоверия высказали в опросах представители аборигенного населения [293].

Во многом социальное самочувствие представителей малочисленных народов Севера определяется экологической ситуацией Арктических и Субарктических регионов, детерминирующей условия для их традиционной жизнедеятельности.

Арктика и Субарктика представляют самые хрупкие экосистемы планеты, и индустриальные загрязнения, антропогенные воздействия здесь особенно ощутимы. При этом многие хорошо зарекомендовавшие себя в средней полосе и на юге технологии рекультивации, восстановления нарушенных природных ландшафтов в северных регионах оказываются совершенно непригодными, а в ряде случаев приносят вред состоянию биогеоценозов.

Нужны особые, отработанные только в условиях именно этого региона, методы охраны окружающей среды. Именно здесь необходимо использовать системы экологического менеджмента, удовлетворяющие противоречивым требованиям: с одной стороны, соответствие требованиям рекомендаций стандартов ISO-14000, а с другой — учет специфических особенностей региона.

Известно, что в 1991 году Россия, Швеция, США, Финляндия, Исландия и Норвегия приняли Стратегию по защите окружающей среды Арктики (AEPS). В 1996 году МИД стран Арктического региона подписали Оттавскую декларацию стран Арктического региона и образовали Арктический Совет,

призванный в том числе обеспечить программу по всестороннему внедрению принципов устойчивого развития.

Загрязнение вод северных морей и территорий происходит вследствие деятельности человека, и основными источниками загрязнений являются добывающая промышленность, транспорт (нефтеналивной флот), трубопроводы, военные объекты и захоронения, перерабатывающая промышленность. Основными загрязнителями являются нефтепродукты, фенол, соединения тяжелых металлов, оксиды азота.

В процессе строительства объектов и коммуникаций нефтегазового комплекса образовывались многочисленные стихийные свалки промышленных отходов, вырубались лесные массивы, разрабатывались сотни карьеров, осуществлялся гидронамыв на больших территориях, изымались значительные земельные площади.

Низкое качество строительных работ, материалов, используемых при строительстве газо- и нефтепроводов, отсутствие природосберегающих технологий, низкая экологическая культура — все это приводило к крупномасштабным загрязнениям местности, к нарушениям гидрологических, гидрогеологических и мерзлотных режимов, изменению рельефа, почвенно-растительного покрова, микроклимата территорий, видового состава растительных и животных сообществ как непосредственно в местах интенсивной хозяйственной деятельности, так и далеко за ее пределами.

Особую опасность представляет химическое загрязнение местности нефтью и нефтепродуктами. Загрязнение наземных биогеоценозов нефтью происходит в основном при растекании ее по поверхности почвы в результате порывов нефтепроводов, утечки из шламбачных амбаров или по другим причинам. Наибольший экологический ущерб наносит нефтяное загрязнение в поймах рек, на надпойменных террасах и незамкнутых

низменных озерах и болотах. В условиях Западной Сибири, где на долю болот приходится значительная часть территории, они играют важную водоохранную и водообеспечивающую роль, особенно на водоразделах, в истоках рек, на территориях с преобладанием песчаных почв. Болотные экосистемы наиболее остро загрязняются разливами нефти буровыми растворами. Эти жидкие загрязнения растекаются по направлению движения болотных вод, что может способствовать обширному площадному загрязнению местности и попаданию токсикантов в открытые водоемы.

Уничтожение растительного покрова на трассах трубопроводов ведет к повышению колебаний температуры и влажности почв, увеличению глубины сезонного протаивания грунтов, что стимулирует развитие термокарстовых процессов, просядок и провалов. Нередко эти процессы являются самостоятельной причиной нарушения герметичности трубопроводных систем и возникновения аварий [292].

Важнейшим компонентом природной среды в Тюменской области является Обь-Иртышская во-

дная система — одна из крупнейших в мире. Обь — главная водная артерия Западной Сибири — объединяет практически всю ее территорию в единый речной бассейн. В области ежегодно используется более 1 млрд. м³ воды из различных природных источников, из которых около 70 приходится на поверхностные воды; главными потребителями воды являются промышленные предприятия, тепловые электростанции и нефтедобывающие предприятия преимущественно для поддержания пластового давления на разрабатываемых месторождениях.

Водные объекты используются не только как источники водоснабжения, но и как приемники сточных вод. Наибольшие объемы стоков поступают от главных потребителей, то есть от промышленности и жилищно-коммунального хозяйства (табл. 41). Серьезной проблемой для Тюменской области является проблема переработки, утилизации и захоронения промышленных и бытовых отходов. На предприятиях области образуется более 800–900 тыс. т промышленных токсичных отходов, из которых более 1 тыс. т составляют отходы 1-го (высшего) класса опасности.

Таблица 41

Основные показатели, характеризующие воздействие хозяйственной деятельности на окружающую среду [363, 254]

Показатели	Регион	Год							
		2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Сброс загрязненных вод в поверхностные водные объекты, млн м ³	ХМАО	31	33	38	42	46	46	31	-
	ЯНАО	31	59	49	48	33	31	27	-
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников, тыс. тонн	ХМАО	3024	3022	2907	2294	2201	2129	2353	2429,6
	ЯНАО	1071	919	1095	1124	972	886	834	980,0
Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов организаций, млн руб.	ХМАО	5787,9	4841,9	3867,6	4919,9	2592,2	8824,8	6953,6	9415,4
	ЯНАО	793,5	1164,7	1360,7	2177,5	3941,9	3123,9	2294,0	1726,0

Кроме того, здесь в больших объемах образуются твердые бытовые и жидкие отходы, содержится значительное количество органического вещества и токсичных материалов, которые представляют собой серьезную эпидемиологическую и токсикологическую проблему. Из-за отсутствия предприятий по переработке отходов подавляющая их масса складывается в накопителях, на полигонах, вывозится на свалки. Вместе с тем большинство мест хранения и захоронения отходов в регионе не соответствует санитарным и экологическим требованиям, при их эксплуатации допускаются серьезные нарушения, сами свалки и полигоны являются серьезными источниками загрязнения окружающей природной среды. Решение проблемы отходов может быть реализовано строительством современных заводов и производств по переработке

и утилизации отходов. Эта проблема активно обсуждается в регионе, но не решается по причине того, что нет хозяйственных субъектов, способных взять на себя создание таких производств из-за слабых перспектив их окупаемости.

Экономическая деятельность на территории Тюменской области сопровождается выбросами больших количеств загрязняющих веществ в атмосферу. Наибольший негативный эффект вызван сжиганием в факелах попутного нефтяного газа, при этом в атмосферу поступают окись углерода (угарный газ), сажа, окислы азота, сернистый ангидрид, углеводороды и летучие органические соединения, а также другие вредные компоненты.

За последние годы в общем объеме выбрасываемых в атмосферу загрязняющих веществ значительно возросла доля автомобильного транспорта,

особенно это заметно в городах с большим парком автомобилей — Тюмени, Сургуте, Нефтеюганске, Нижневартовске и др. Часть сжигаемого транспортом топлива (особенно дизельного) имеет низкие экологические характеристики, эксплуатируемые автомобили, как правило, не оборудованы устройствами нейтрализации вредных веществ. Вследствие этого на территориях городов с интенсивным автомобильным движением уровень загрязнения воздуха многократно превышает предельно допустимые значения.

Между тем, по данным опросов, оценка населением чистоты воздуха в регионе достаточно высока и в сельской местности повышается в динамике, тогда как оценка качества воды гораздо ниже. Многие жители региона покупают чистую воду, поэтому оценки качества воды существенно зависят от уровня доходов семьи. В более обеспеченных семьях люди практически не употребляют в пищу водопроводную воду, поскольку справедливо не доверяют ее качеству.

В регионе ежегодно происходит около 35 тысяч отказов и аварий нефтегазопроводов. Из них около 21 связано с потерей устойчивости фундаментов и деформации опор. За годы эксплуатации нефтегазовых месторождений огромные количества сырой нефти «потерялись» при различных авариях и остались в земле, скованные вечномерзлыми породами. При потеплении и таянии они загрязняют новые биогеоценозы.

При этом общей проблемой для Арктического региона является загрязнение окружающей среды стойкими органическими соединениями и другими веществами, которые годами накапливались на этих территориях. С ростом температуры эти вещества могут попасть из снега, льда, вечной мерзлоты в среду обитания человека. При потеплении климата и деградации мерзлоты возрастает опасность поступления токсичных веществ из мест захоронения химических и радиоактивных отходов. Значительными неприятностями грозит разрушение стенок подземных хранилищ [192].

Кроме того, серьезные риски связаны с затопленными в Карском море многочисленными контейнерами с радиоактивными отходами и атомными реакторами, снятыми с подводных лодок. Анализ качества поверхностных вод в Арктике показал, что они значительно загрязнены нефтепродуктами, фенолом, соединениями тяжелых металлов, азота и др. Северный флот ежегодно сбрасывает более 10 млн. куб. м неочищенных вод. Атмосфера загрязняется продуктами сжигания попутного нефтяного газа, земли — техногенными отходами буровых и нефтегазодобывающих работ, железными емкостями, химреагентами. Экологическая доктрина России, одобренная Правительством РФ в 2002 г. фактически не реализуется.

Обследование законсервированных поисково-разведочных скважин в Тюменском Заполярье показало, что из-за длительного простоя в них происходят необратимые процессы разрушения, в результате возможно появление открытых газонефтяных фонтанов и разливов.

Новые нефтегазоконденсатные месторождения, подготовка к вводу в промышленную эксплуатацию которых еще ведется, находятся в акваториях Обской и Тазовской губ, где сосредоточены крупнейшие в мире стаи белого сига — муксуна и нельмы, а также сибирских осетровых рыб. Именно в этой зоне сейчас добывается около 90 российского газа. В связи с необходимостью соблюдения принципов устойчивого развития, принятых на 23 конгрессе МГС, и требований социальной ответственности, ОАО «Газпром» заявляет о стремлении минимизировать техногенное воздействие на природу этого региона. Правовой основой этого стал «Меморандум по освоению месторождений углеводородов полуострова Ямал и прилегающих акваторий», подписанный администрацией ЯНАО и ОАО «Газпром» в 2002 г.

На территории месторождения Ямбург был создан исследовательский полигон, на котором ученые России и Австрии проводят свои экспериментальные работы. В результате предварительных исследований отмечено, что на территории возле газовых промыслов рост лишайников существенно активизируется. Это говорит о том, что значительная часть парниковых газов, выбрасываемых в атмосферу при функционировании газовых промыслов, поглощается растительностью тундры и консервируется в биомассе. Это попутный результат проводимых исследований, который носит качественный характер и требует для получения точных количественных оценок этого явления организации и проведения специальных углубленных исследований влияния поллютантов, выбрасываемых в атмосферу в процессе разработки месторождений газа. Ценность таких исследований в том, что в этом регионе нет других факторов, кроме природных и фоновых, влияющих на прирост биомассы растений. Следовательно, именно здесь можно сделать количественные оценки техногенного воздействия на природу первых звеньев газовой цепочки и оценить способность природы демпфировать влияние этих воздействий.

Производственная деятельность газодобывающих предприятий неизбежно связана с техногенным воздействием на компоненты окружающей природной среды, которое выражается в следующем:

- изменение гидросферы — в загрязнении поверхностных и подземных вод нефтепродуктами, производственными стоками и промывочными жидкостями, в прорывах и межпластовых

- перетоках подземных вод, в изменении их гидродинамического и гидрохимического режимов;
- изменение литосферы — в загрязнении почвы в районе буровой, в нарушении и загрязнении геологической среды, в вытаивании подземных льдов, в проседании дневной поверхности;
 - изменение атмосферы — в загрязнении продуктами сгорания газа и конденсата в факеле; выбросами газа и его утечками в случаях перетока газа в пластах при деформации скважин; выбросами вредных веществ при работе организованных и неорганизованных источников; продуктами сгорания при авариях; при термическом воздействии.

Для окружающей природной среды опасность представляют производственно-технологические отходы работы буровых предприятий, которые накапливаются и хранятся непосредственно на буровой в земляных амбарах (отстойниках), устраиваемых в минеральном или насыпном грунте, или вывозятся на полигоны складирования.

Отходы бурения содержат широкий спектр загрязнителей неорганического и органического происхождения, а также материалов и химических реагентов, используемых для приготовления и обработки буровых растворов. Нефть и нефтепродукты загрязняют окружающую среду не только в качестве компонентов буровых растворов, попадающих в объекты окружающей природной среды, но также при их использовании в качестве горюче-смазочных материалов (силовой привод, хозяйственные нужды, котельная и дорожно-строительный транспорт), при завершении работ по вызову притока или в результате аварийных ситуаций (нефтепроявления, открытое фонтанирование и т.п.).

Загрязняющие вещества содержатся:

- в пластовых флюидах, токсичные компоненты которых (углекислый газ, электролиты, растворы и пары тяжелых металлов, ртуть, меркаптаны, сероорганические соединения и ароматические углеводороды) могут поступать в окружающую среду при возможных осложнениях в бурении, испытаниях, освоении, консервации, заполнении и ликвидации скважин и подземных емкостей, а также выделяться в атмосферу при испарении с поверхности шламовых амбаров и отдувке скважин; в горюче-смазочных материалах, топливе и продуктах сгорания топлива;
- в материалах для приготовления и утяжеления буровых и цементных технических суспензий, нейтрализации сероводорода и обработки ствола скважины кислотными, силикатными, эмульсионными и другими средами;

- в технических жидкостях — буровых и тампонажных буферных; буровых сточных водах и шламе; суспензиях для консервации скважин и вызова притока и т.д.

Значительное количество выбросов является постоянным, а их состав зависит от типа индустриального процесса и применяемой технологии, объемов производства, а также оборудования, используемого для очистки с целью уменьшения эмиссий. Это «обычные» выбросы, которые в той или иной степени прогнозируемы, распространяются через различные объекты окружающей среды (воздух, воду и почву) и поступают в организм человека, создавая возможность негативного действия на его здоровье. В такой ситуации основной риск для здоровья определяется в зависимости от уровней (интенсивности) воздействия и характера возникающих неблагоприятных эффектов. Для северных регионов, где почва большую часть года находится в замороженном состоянии под снегом, наиболее актуальной является оценка загрязнения воздушных и водных составляющих.

В ходе исследований в воде реки Оби, в регионе Обской и Тазовской губ, отмечено значительное превышение допустимых концентраций солей тяжелых металлов и нефтепродуктов. Превышение фенола составляет 50 раз, никеля — 14, хрома — 9,5, меди — 8 и ртути — 2 раза. В питьевой воде п. Ямбура железо превышает норму в 5 раз, марганец — 4 раза.

При эксплуатации Ябургского ГКМ газообразные отходы образуются на промплощадках в процессе добычи, сбора и подготовки газа, а также на объектах производственной инфраструктуры — промысловой базе, Ямбурге, вахтовых жилкомплексах и на транспорте. Основные технологические процессы подготовки газа (сепарация, абсорбция и охлаждение) не связаны с выбросами в атмосферу.

Выбросы осуществляются при проведении вспомогательных процессов (компримирование газа и регенерация реагентов) и при эксплуатации объектов жизнеобеспечения промысла (котельные, электростанции и вентиляционные установки).

В процессе добычи газа выбросы его в атмосферу производятся при продувке скважин со сжиганием газа в горизонтальных факельных устройствах. Загрязняющими компонентами дымовых газов являются окислы азота, окись углерода и несгоревший метан.

В соответствии с Информационным письмом Минздрава России «О списке приоритетных веществ, содержащихся в окружающей среде, и их влиянии на здоровье населения» такие свойства веществ, как канцерогенность, мутагенность, способность оказывать отдаленное воздействие и их распространенность в воздушной среде населенных мест определили «короткий список» приоритетных

веществ, потенциально наиболее опасных для здоровья населения, в который вошли: диоксид азота, диоксид серы, сероуглерод, фенол, водород фтористый, взвешенные вещества, окись углерода, бензапирен, бензол, формальдегид, аммиак, свинец, никель, мышьяк и винилхлорид.

Среди веществ, наиболее часто являющихся причинами профессиональной заболеваемости, отмечаются оксид углерода (10,04), хлор (8,26), мышьяковистый водород (6,69), аммиак (6,10), свинец и его неорганические соединения (7,58), ртуть металлическая (6,02), марганец в сварочных аэрозолях (5,13), сероводород (3,79), водород фтористый (4,24), ксилол (3,12) и сероуглерод (2,9).

Таким образом, к основным загрязнителям, содержащимся в воздушной среде Ямбургского ГКМ и потенциально опасным для здоровья работающих людей, относятся оксиды азота, оксид углерода и взвешенные вещества.

Диоксид азота и диоксид серы являются сильными раздражающими веществами. Для монооксида углерода характерен широкий спектр токсических эффектов, обусловленных его способностью образовывать карбоксигемоглобин.

Наиболее чувствительными в отношении диоксида азота являются люди, страдающие бронхиальной астмой, у которых при концентрациях 0,19 мг/куб. м наблюдается явление выраженного бронхоспазма. Повышенную чувствительность к этому веществу проявляют также люди, страдающие хроническими заболеваниями органов дыхания. Люди, страдающие респираторными заболеваниями и астмой, особенно чувствительны к воздействию диоксида серы. Концентрация диоксида серы на уровне 0,25 мг/куб. м вызывают резкое ухудшение их самочувствия.

Группа риска при воздействии оксида углерода состоит из людей с заболеваниями коронарных сосудов, цереброваскулярной и периферической сосудистых систем, больных анемией, заболеваниями легких, а также людей, испытывающих повышенные физические нагрузки. В концентрациях 9–16 мг/куб. м окись углерода способна привести к повышению смертности от инфаркта миокарда.

Таким образом, вопросы экологической безопасности Арктики и Субарктики особенно значимы из-за повышенной уязвимости экосистем этого региона, их низкой способности к восстановлению, в результате чего загрязнение экосистем оказывает долговременное негативное влияние как на флору и фауну, так и на здоровье находящихся здесь людей, аборигенов и приезжих. Зафиксированные изменения природно-климатических условий Арктики и Субарктики значимо повышают экологические риски в деятельности нефтегазовых предприятий.

Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу Ямало-Ненецкого автономного округа уже превышают 1 млн. тонн. В водные объекты ежегодно сбрасывается более 18 тыс. тонн загрязняющих веществ. Ежегодно возрастают и масштабы загрязнения самой территории округа (уже более 1 млн. тонн). При этом утилизация их практически не осуществляется, они концентрируются на многочисленных свалках, полигонах и так называемых «местах временного размещения». По результатам инвентаризации 2011 г. в ЯНАО зарегистрировано 23 полигона отходов, 52 свалки (из которых 24 не санкционированы), 7 площадок хранения металлолома, 161 шламовый амбар.

Именно экологическая ситуация в районах Арктики и Субарктики во многом определяет условия традиционной хозяйственной деятельности, а следовательно, уровень и качество жизни аборигенного населения.

Опросы населения ЯНАО показали, что напряженность между аборигенным и пришлым населением сохраняется, основными ее причинами являются:

- хищническое отношение приезжих к природе Севера — 36,5;
- различия в размере заработков — 36,5;
- ущемление прав коренного народа — 29,7;
- вытеснение пришлыми ненцев с их земель — 9,5;
- низкая культура межнационального общения — 9,5;
- предоставление льгот по национальному признаку — 4,1.

Особое значение для аборигенного населения приобретает захват геологами, строителями, газовиками земель, на которых осуществлялось их традиционное хозяйствование, и в первую очередь оленеводство.

Именно оно является условием сохранения этнической самобытности и физического выживания ненцев Ямала. Судя по результатам опроса, оленеводство является наиболее привлекательным занятием для 36,6 респондентов, рыболовство — 26,9, охота — 26,1, изготовление сувениров, традиционных средств транспорта, переработка кожаного, мехового и пушного сырья — 6,0, пошив традиционной одежды и обуви, сбор и переработка дикоросов — 6,7. Интерес к этим видам деятельности, несмотря на вторжение газодобывающей индустрии, у ненцев не ослабевает.

Близкая к Ямальской ситуация в условиях жизнедеятельности коренных малочисленных северных народов и в Ханты-Мансийском автономном округе. Проводимые в 4 районах ХМАО (Белоярском, Березовском, Октябрьском и Кондинском) по репрезентативной выборке опросы аборигенного населения, реализованные Н.Г. Хайруллиной и ее

учениками, показали значительный уровень неудовлетворенности такими элементами условий жизни как возможность трудоустройства (79,5), сохранения традиционного образа жизни (78,3), сохранения промысловых территорий (78,1), сохранения национальных обычаев и культуры (75,1), выгодный сбыт рыбы и пушнины (68,5), приобретение техники, снаряжения, материалов для традиционных промыслов (52,9) [387].

При этом более половины респондентов считают, что их материальное положение ухудшается. Более половины трудоспособного аборигенного населения северных округов в настоящее время лишены работы, хотя официальные данные статистики показывают меньший уровень безработицы. Это связано с тем, что большая часть представителей северных этносов просто не может встать на учет из-за отсутствия необходимых документов (страховых пенсионных свидетельств, ИНН и др.). Получить их возможно лишь в окружном центре, поездка в который невозможна из-за отсутствия денег.

В «Уложении о делах туземцев» 1822 г. северным народам России предоставлялось право жить по традициям предков, запрещалось торговать с ними алкоголем и арендовать их земли. Столыпинская реформа приравнивала аборигенов к крестьянам, на что ямальские ненцы ответили восстанием 1898–1899 гг.

Конфликты аборигенного и пришлого населения Тюменского Севера обострились с началом разработки нефтегазовых месторождений. Наибольший резонанс получила история с разработкой Тяновского нефтяного месторождения, оказавшегося на сакральных для народа ханты землях. Возник острый и довольно длительный конфликт аборигенов и нефтяников.

В 1993 г. общине ханты, живущей на р. Тромаган под предводительством семьи Сопачиных, на два года удалось приостановить разработку Сургут-нефтегазом Тяновского месторождения. Известны и другие многочисленные конфликты, например, на реке Обь, где началась добыча со дна песчано-гравийной смеси и аборигены перегородили реку своими лодками, разработка Лукойлом Южно-Выинтойского месторождения и др. Во всех случаях власти занимали жесткую позицию в поддержку нефтяных компаний, что, естественно, не могло не отразиться на уровне социального доверия аборигенных этносов к властным структурам.

Древние народы (на Западе их теперь называют первыми нациями) оказались под давлением мощных пришлых этносов, находившихся на иной ступени общественного развития. Приспособиться к новой жизни им оказалось чрезвычайно трудно. Именно поэтому весьма сходны жизненные проблемы аборигенов и пути их решения не только

в разных регионах Российского Севера, но и в других странах, где живут аборигенные этнические группы.

Общепризнан тот факт, что опека государства лежит в основе «туземной политики». На душу населения Гренландии, где 90 жителей составляют аборигены, непрерывно растущие прямые трансферты датского правительства превысили 10 тыс. дол. в год. В Норвегии расходы по содержанию оленеводства на 70 возмещаются центральным правительством. По существу, на той же основе патернализма была построена российская «Федеральная программа экономического и социального развития коренных малочисленных народов Севера до 2000 года», принятая в 1996 г., и последующие правительственные решения.

Сегодня ясно, что этого недостаточно. Преодолеть угрозу потери северянами себя как этносов, полную их оккультуризацию и ассимиляцию возможно лишь при укреплении традиционной культуры и хозяйства аборигенов. Для этого необходимо в первую очередь обеспечить экологическую безопасность северных территорий.

Особое внимание необходимо обратить на условия развития оленеводства — основу сохранения традиционного образа жизни ненцев и других северных этносов. Главное здесь — сохранение территорий и маршрутов калаша, создание переходов через промышленные коммуникации, помощь в переработке и реализации избыточной продукции (фабрики, мини-заводы и мини-цеха и т.д.).

При этом необходимо учитывать и структуру наиболее значимых видов традиционной деятельности аборигенного населения в разных районах. Например, в ХМАО наиболее приоритетным видом занятий является рыболовство. За ним, по мере снижения уровня значимости, следует охотничий промысел, сбор и переработка дикоросов, звероводство, оленеводство, изготовление сувенирных изделий, пошив традиционной одежды и обуви, переработка мехового и пушного сырья, кожи, изготовление традиционных средств транспорта.

В ЯНАО также распространены все перечисленные виды занятий. Однако здесь первым и наиболее значимым остается крупнотабунное оленеводство, предполагающее круглогодичный выпас животных под надзором пастухов и оленегонных собак. Олени занимают ключевое место в жизни ненцев, давая им все необходимое: мясо, шкуры для одежды и обуви, сухожилия для ниток, кость и рога для украшений, инструментов и деталей, свежую кровь для лечения и профилактики цинги. Почти половина ненцев ведет кочевой образ жизни.

Важным направлением для сохранения традиционного образа жизни и повышения при этом

его уровня и качества могло бы стать развитие в регионе въездного туризма и активное участие в туристическом бизнесе общин коренных народов. Для туристов из зарубежных стран весьма привлекательным оказался «чумовой отдых» и фототуры на базе стойбищ. В программу входит проживание в семьях, установка чумов, участие в приготовлении национальных блюд и совершение обрядов [147].

Пока на Ямале принимают на своих родовых угодьях туристов лишь пять аборигенных общин. Однако при опросе такое желание изъявили более 30 общин. Тесно связано с туризмом и напрямую зависит от уровня его развития и производство сувенирной продукции, отражающей этнический колорит народов Севера. В музее-мастерской с. Корлики (ХМАО) туристы могут не только осмотреть экспонаты и приобрести сувениры, но и получить практические рекомендации по пошиву национальной одежды и обуви, бисероплетению, изготовлению изделий из бересты, кости, меха и т.д. [147].

Если верить статистике (табл. 42) численность аборигенного населения на Западно-Сибирском

Севере возрастает. Однако исследование реальной ситуации показывает прямо противоположную тенденцию. Многие девушки из числа коренных северных этносов в последние годы не хотят выходить замуж за своих земляков, предпочитая им приезжих. При этом если в 70–80 годы лишь около 25 детей, родившихся в результате смешанных браков, записывалось по национальности коренных народов Севера, то сейчас, в связи с возможными льготами, это делает большинство, поэтому в списке семей ханты, манси и ненцев можно увидеть значительную долю кавказских фамилий.

Между тем коэффициент общей смертности среди аборигенного населения продолжает расти. Главные причины — несчастные случаи, отравления некачественным алкоголем, суицид.

Лишь сохранение среды обитания и традиционного образа жизни, реальная помощь государства и социальная ответственность нефтегазовых компаний способны помочь аборигенным этносам избежать угрозы вырождения и вымирания, развивать самобытную национальную культуру и северную экономику, альтернативную добыче углеводородов.

Таблица 42

Численность сельского населения
коренных малочисленных народов Западно-Сибирского Севера, тыс. чел. [321]

Районы проживания	Годы			
	1997	2001	2005	2010
Томская область	2,0	2,2	2,4	1,9
Тюменская область, всего, в т. ч.	46,6	47,5	50,4	50,8
ХМАО-Югра	15,1	15,5	16,3	16,4
ЯНАО	31,5	32,0	34,0	34,0

Предстоящее масштабное освоение полуострова Ямал, шельфа, нефтегазовых ресурсов Восточной Сибири требует поиска эффективных траекторий социально-экономического развития этих слабозаселенных территорий, малопригодных для постоянного проживания пришлого населения.

Для этого необходимо серьезное междисциплинарное научное изучение всех аспектов существующей социально-экономической ситуации и возможных последствий реализации намечаемых проектов освоения нефтегазовых месторождений.

Проблемы экологии Арктики и Субарктики и сохранения здесь условий для выживания и традиционной хозяйственной деятельности тесно взаимосвязаны с не менее значимыми проблемами все в больших масштабах используемого на Севере вахтового метода организации процессов индустриального освоения этого региона.

С одной стороны, при вахтовом освоении значительно меньше антропогенная нагрузка на природную среду и негативное воздействие на жизнь коренного населения, так как не требуется расселе-

ние большого числа людей, включая вторых и третьих членов семей, создание объектов социальной инфраструктуры и т.д. С другой стороны, возникают рецидивы психологии «временщика», не хозяина этой земли и соответствующее отношение к природе и культуре живущих здесь северян.

Значительная часть представителей северных этносов также работает вахтовым методом. Многие молодые представительницы автохтонного населения не хотят вести кочевой образ жизни и оседают в стационарных поселениях. Поэтому мужчинам приходится вахтовым методом осуществлять охоту, рыбалку и оленеводство.

Сам по себе вахтовый метод организации трудовой деятельности известен достаточно давно как в нашей стране, так и за рубежом. Понятие «вахта» взято из морской терминологии, где означает дежурство на корабле, обеспечивающее непрерывность обслуживания. Термин получил впоследствии более широкое применение и в других сферах деятельности, синонимом его в некоторой степени является «смена».

В мировой практике эта форма организации труда широко используется как при освоении новых территорий, строительстве крупных промышленных и инфраструктурных объектов в труднодоступных районах, так и в промышленности добывающей и лесной, а также отраслях, имеющих сезонный характер деятельности, геологии и некоторых других. От сменной организации труда вахтовый метод отличается выполнением необходимых работ силами сменяющихся мобильных подразделений, регулярно выезжающих на объекты, удаленные от дислокации предприятия настолько, что ежедневное возвращение работников к постоянному месту проживания становится либо невозможным, либо экономически нецелесообразным. В нашей стране впервые вахтовый метод был широко применен в начале 1950-х гг. прошлого века при разработке месторождения Нефтяные Камни в Каспийском море.

В конце 1960-х гг. прошлого века с учетом необходимости разработки новых малозаселенных территорий была реализована идея «вахтово-экспедиционного метода», целью и главной задачей которой было обеспечение новых отдаленных мест производства работ квалифицированными кадрами из других регионов.

Межрегиональная форма вахтово-экспедиционного метода на Тюменском Севере впервые в крупных масштабах была экспериментально внедрена в Карской нефтегазоразведочной экспедиции в 1974 году, когда регулярно сменяемые вахтовые коллективы вылетали на работу из Тюмени на Ямал (п. Харасавэй).

С 1930-х гг. прошлого века, начала советской колонизации Крайнего Севера, была принята следующая модель освоения — вблизи нового месторождения (или группы месторождений) строился новый город. Так был создан Норильск, при освоении Медвежьего месторождения появились г. Надым и вахтовый поселок Пангоды, Уренгойского месторождения — г. Новый Уренгой, Самотлора — г. Нижневартовск и Мегион и т.д.

В регионе была сформирована уникальная градостроительная система, дифференцированная по неоднородной территории Тюменского Севера. Если в Среднем Приобье возле каждого среднего и крупного нефтяного месторождения создавался город, в результате чего менее чем за два десятилетия здесь появилось 17 новых городов и десятки рабочих поселков, то иная ситуация сложилась в газодобывающих районах Приполярья и Заполярья. Именно здесь впервые в стране появилась инновационная категория поселений — вахтовые поселки (в.п.) — в.п. Пангоды в Надымском районе, в.п. Ямбург и в.п. Ново-Заполярный в Тазовском районе ЯНАО, в.п. Вынгапуровский в Ноябрьском районе, в.п. Пионерный в Томской области и др.

В итоге если в ХМАО появилась разветвленная сеть поселений, возникли новые крупные города Ханты-Мансийск, Нефтеюганск, Сургут, Когалым, Лангепас, Радужный и другие, то в ЯНАО были построены лишь Новый Уренгой, Надым и Ноябрьск.

При этом по уровню доходов жители северных поселений Тюменской области в советский период формирования нефтегазового комплекса значительно опережали другие российские регионы, однако по качеству жизни, развитию социальной инфраструктуры серьезно отставали. Сильные морозы, некачественная вода, гнус, отсутствие свежих овощей и фруктов, недостаток кислорода — далеко не полный перечень особенностей жизни на Севере, за которые шла более высокая, чем в центральных и южных районах страны, зарплата.

Российский Север в целом, и северная часть Тюменской области в частности отличаются довольно высокой по сравнению с другими странами плотностью постоянного населения в местах разработки природных ресурсов (в ХМАО — 2,9, в ЯНАО — 0,7 человека на 1 кв. км).

При этом практически полностью отсутствуют квалифицированные кадры нефтегазоразработчиков среди постоянно проживающих народов Севера. Между тем численность населения Ханты-Мансийского автономного округа (далее — ХМАО) за последние четверть века интенсивного освоения увеличилась в 5 раз, Ямало-Ненецкого автономного округа (далее — ЯНАО) — в 6 раз).

Смена концепции освоения в нашей стране произошла только в середине 1980-х годов — через 20 лет после начала формирования ЗСНГК. Последним крупным городом, созданным в рамках старой модели освоения, стал Новый Уренгой. При разработке следующего газового гиганта — Ямбурга — за основу была принята вахтовая модель. Новый город строить не стали, поселок Ямбург с самого начала создавался как вахтовый, рассчитанный на бессемейное проживание персонала с сокращенным свободным временем. Поэтому одновременно с ограничением количества основных объектов социальной инфраструктуры некоторые функции жизнеобеспечения в нем расширены, в частности сфера питания и бытового обслуживания. Для обеспечения мобильности вахтовые поселки оснащаются облегченными и сборно-разборными модулями высокой степени заводской готовности, как правило, оснащенными встроенным или комплектно-поставляемым инженерным оборудованием, мебелью, инвентарем.

Легитимность вахта обрела лишь в 1981 году, когда Госкомитетом по труду было утверждено «Типовое положение о вахтовом методе», опираясь на которое нефтегазовые Министерства разработали собственные отраслевые документы, а в 1987 г. Госкомтруда СССР, Секретариат ВЦСПС и Минздрав

СССР приняли совместное Постановление «Об утверждении основных положений о вахтовом методе организации работ», в котором были регламентированы условия использования вахтового труда, организация суммированного учета рабочего времени, длительность вахт, создание вахтовых поселков и т.д. Впоследствии были разработаны отраслевые положения, утвержденные соответствующими Министерствами, а в постсоветский период и корпоративные. В 2008–2010 гг. для ООО Газпром добыча Ямбург были разработаны стандарты работы вахтовым методом, учитывающие как медико-биологические, так и социальные аспекты влияния на человека мобильного образа жизни, вызванного вахтовой организацией производства [10].

В настоящее время законодательно вахтовый метод регулируется Трудовым Кодексом РФ, который определяет продолжительность вахты и график работы, систему оплаты и надбавок, стаж работы вахтового персонала и некоторые общие ограничения при использовании этого метода. При этом необходимо отметить, что этот законодательный акт не устанавливает стандартов медицинского обслуживания и промышленной санитарии, организации вахтового поселка, питания работников и т.д.

Таким образом, Трудовой Кодекс содержит лишь некоторые рамочные принципы организации вахтового труда, и в каждом конкретном случае необходимо проведение социологических, экономических, медико-биологических и иных исследований, реализующих междисциплинарный подход для принятия управленческих решений и необходимых регламентирующих документов всеми взаимодействующими властными субъектами, связанными с вахтовой организацией труда (руководством компаний, администрациями северных территорий, другими федеральными, региональными и муниципальными структурами).

Можно утверждать, что вахтовый метод нуждается все же в более детальном правовом обеспечении. Существующие же законодательные акты лишь констатируют необходимость его использования.

Федеральный закон от 19.06.1996 № 78-ФЗ «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» гласит, что «государство в целях оптимизации численности населения на Севере, снижения нагрузки на инфраструктуру использует вахтовый метод».

При этом государственные властные структуры в последнее время фактически отказались от регулирования организации вахтового труда и отдали все на откуп компаниям. Одновременно сократились и научные исследования вахты. В России в последние годы не было проведено ни одной конференции, посвященной исследованию проблем вахтового труда. Между тем другие страны, напротив, активизируют эту работу. Особенно крупные междисциплинарные исследования проводятся в Австралии и Канаде, а также в Венском университете.

Следует отметить, что масштабы исследования вахтового метода в нашей стране, начиная с 1960-х гг. прошлого века, постоянно нарастали. Только в постсоветский период, с 1991 по 2011 гг. они увеличились более чем втрое, и сегодня каждый четвертый работающий на территории ЯНАО — вахтовик. По ЗСНГК в целом доля вахтового персонала несколько ниже, но превышает 10 от общего числа занятых. Сюда прилетают на работу и из старых нефтегазодобывающих регионов (Башкирия, Татария), и жители стагнирующей российской глубинки и стран СНГ, для которых это единственный способ выживания. Объемы межрегионального использования на Западно-Сибирском Севере трудовых ресурсов других районов возрастают сегодня (табл. 43 и 44) и в еще большей степени, учитывая намеченные объемы работ по освоению Ямала и шельфа северных морей, возрастут в перспективный период.

Для того чтобы быть готовым к этому, необходимо уже сегодня обратить внимание на необходимость проведения междисциплинарных научно-аналитических исследований всех проблем, связанных с масштабным использованием вахтового труда.

Таблица 43

Динамика численности работающих вахтовым методом на территории ХМАО–Югра, тыс. чел. [321]

Отрасль приложения труда	Год			
	2009		2010	2011
	Всего	В том числе межрегиональная форма	Всего	Всего
Всего в том числе:	69,3	65,1	72,3	69,7
Добыча энергоресурсов	35,8	32,8	48,9	48,5
Геологоразведочные работы	3,1	2,9	-	-
Строительство (включая бурение)	20,9	20,1	11,1	9,1
Транспорт и связь	5,7	5,6	6,2	6,0
Электроэнергетика	2,2	2,1	1,7	1,7
Социальная инфраструктура	5,5	5,3	3,2	1,3

Таблица 44

Численность работающих вахтовым методом на территории ЯНАО, тыс. чел. [321]

Отрасль приложения труда	Год							
	2009		2010		2011		2012	
	Всего	В том числе межрегиональная форма	Всего	В том числе межрегиональная форма	Всего	В том числе межрегиональная форма	Всего	В том числе межрегиональная форма
Всего	84,1	66,3	75,5	58,7	82,9	63,9	90,1	71,3
Из них рабочие	68,7	54,1	62,0	48,4	69,6	54,1	75,7	60,5
Добыча энерго-ресурсов	27,5	18,4	27,6	18,5	26,9	17,0	27,0	16,7
Строительство	19,2	16,7	18,1	15,8	21,4	18,7	26,8	24,5
Транспорт и связь	15,1	13,1	14,1	12,1	16,7	14,7	18,8	16,6
Электро-энергетика	2,7	2,0	3,6	2,7	4,0	3,1	4,3	3,3
Социальная инфраструктура	2,5	2,2	2,2	2,0	2,0	1,8	1,8	1,6

Необходимо, выявив все обозначившиеся в вахтовой практике и еще латентные проблемы, определить их иерархию и взаимодействие и найти возможные пути решения, оценив их эффективность. Так или иначе, они связаны с различными элементами вахтовой организации труда (рис. 16) и механизмом управления ею (рис. 17), состоящим из трех блоков, отражающих жизнедеятельность вахтового персонала, во-первых, в месте проживания, во-вторых, в месте приложения труда и, в-третьих, в процессе доставки из одного места в другое.

Исследования вахтового метода должны носить междисциплинарный характер и включать широкий круг вопросов, например, нормы питания, эстетическое решение социокультурного пространства в вахтовых поселках, психологические особенности вахтового труда и др.

Последние отмечают значимые как информационно-визуальные нагрузки, связанные с вахтовым трудом вследствие недостаточных пространственных и избыточных временных рамок, так и социально-психологические — в результате длительной социальной изоляции в малой группе.

Жизнь в движении, мобильный образ жизни вахтовиков требует постоянных комплексных исследований социологов, психологов, физиологов, правоведов, антропологов, представителей других научных направлений. Сами вахтовики оценивают свою жизнь, как «состоящую из двух половин» или просто «двойную».

Ясно, что разные жизненные ценности и взгляды на жизнь разновозрастных работников, представителей разных регионов, этносов и конфессий, поневоле оказавшихся на длительное время соседями по комнате вахтового общежития, могут привести (и приводят) к конфликтам, негативным воздействиям на психоэмоциональное состояние вахтового работника, условия его отдыха после

напряженной смены. Вахтовики, прибывающие на Север из разных регионов, привозят сюда и ценности своих субкультур, которые нередко сталкиваются между собой [287, 290].

При этом на вахте отсутствует тот элемент социальной инфраструктуры, который создать здесь невозможно при любых инвестициях. Это социально-духовное пространство, включающее родителей и других родственников, бабушек и дедушек, кладбище, где лежат родные люди.

Поэтому даже у многих северян — стационарных работников выявлены трудности с самоидентификацией, они не уверены, где же их дом: здесь, на Севере, где они давно живут, или это место, откуда они приехали. Даже у тех, кто большую часть сознательной жизни провел на Севере, обнаруживается чувство «временщика».

Вахтовый метод как социальный феномен напоминает своеобразный айсберг, лишь вершиной которого являются периодические перемещения человека от места постоянного проживания в месту работы, а на самом деле содержащего многообразные социальные явления и процессы, связанные с особенностями жизнедеятельности вахтовиков, реализацией ими производственных задач, адаптацией и социализацией в нетрадиционных условиях, включая освоение и заселение новой территории, создание новых социально-территориальных общностей и т.д.

Неблагоприятные воздействия на организм вахтового метода работы достаточно многообразны, например, длительное нахождение с одними и теми же незнакомыми людьми. Север не только дает, но и забирает — в условиях Крайнего Севера не хватает кислорода, недостаток около 30 в сравнении со средней полосой России. Хронический недостаток кислорода, резкие перепады давления в течение короткого промежутка

времени приводят к развитию сердечно-сосудистых заболеваний, изменению уровня давления у человека, способствуют повышению сахара в крови. По результатам медико-физиологических исследований, не рекомендуется работать в условиях Крайнего Севера более 5–7 лет подряд.

При приеме на работу вахтовым методом на Севере работодатель обязательно проверяет состояние здоровья кандидатов, которым предстоит пройти медицинское освидетельствование на предмет отсутствия у них противопоказаний для работы в неблагоприятных для человека условиях.

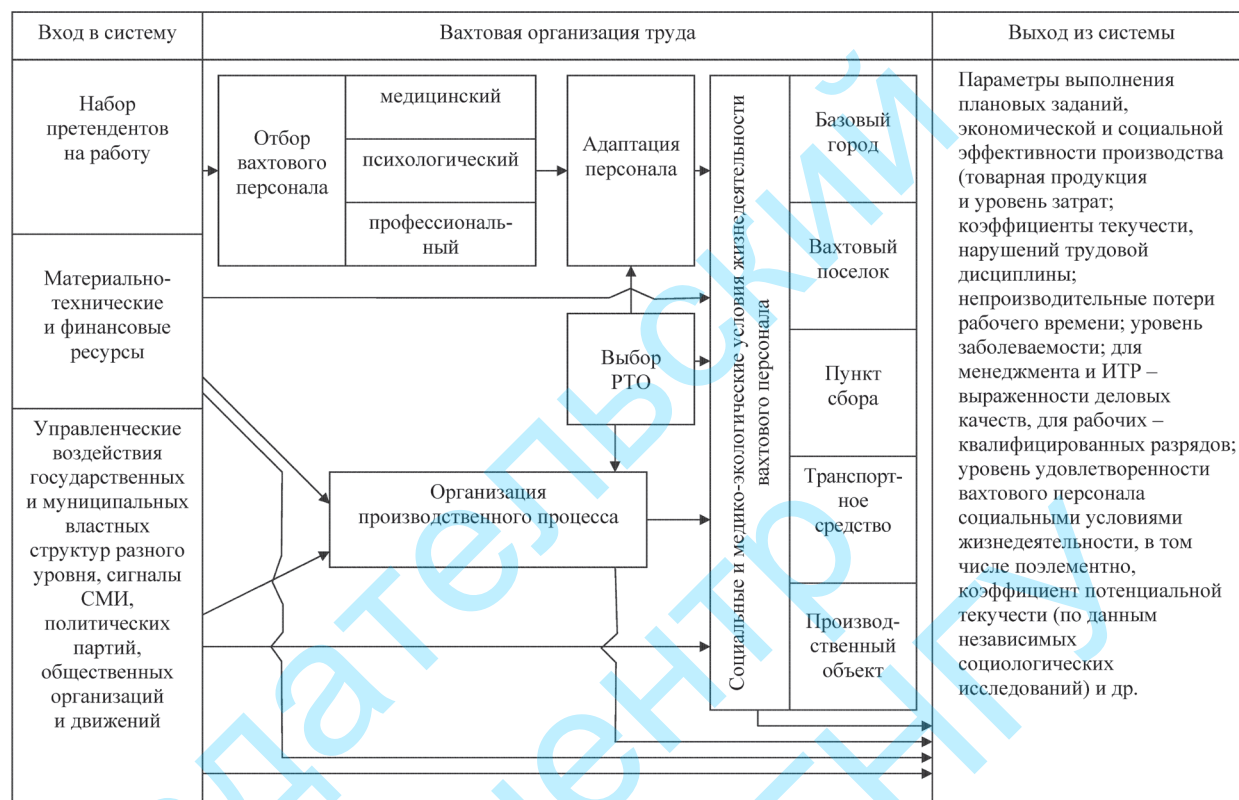

Рис. 16. Взаимодействие элементов вахтовой организации труда

Рис. 17. Механизм управления вахтовой организацией труда

Дополнительным неблагоприятным фактором воздействия на здоровье вахтовика при вахтовом методе работы является постоянная смена климата при переезде к месту производства работ и месту междувахтового отдыха через часовые и климатические пояса, что не может не сказаться на организме человека. Работник, постоянно проживающий на территориях, граничащих с Западно-Сибирским регионом, легче перенесет условия труда на Крайнем Севере, чем вахтовик из средней полосы России, а тем более из южных регионов страны.

Труд вахтовика отличается высокими эмоциональными нагрузками. Достаточно сказать, что его средняя рабочая неделя, в зависимости от режима труда и отдыха (РТО), составляет 52–60 часов, что существенно выше нормативных 40 часов. На это накладываются многие эмоциогенные факторы (морозы, гнус, световая аperiodичность в полярные ночи, необходимость постоянной адаптации и реадaptации, повторяющиеся вынужденные коммуникативные связи в вахтовом поселке, бытовые неурядицы, вызванные отрывом от семьи, мысли о детях и т.д.). Перечисленные нагрузки на организм приводят к фрустрации, эмоциональному «выгоранию» и психическим заболеваниям.

Многие из опрошенных вахтовиков как одну из главных своих проблем отмечали невозможность побыть в одиночестве. Между тем известно, что именно эта возможность позволяет человеку не только рефлексировать и заниматься самоанализом, но снимать психоэмоциональное напряжение.

Установлено, что с ростом вахтового стажа у многих работников появляется бессонница, чувство эмоционального истощения, отсутствие аппетита (или, наоборот, переедание), злоупотребление никотином, кофе, алкоголем.

Между тем, несмотря на все проблемы, наши исследования за все эти годы показывают, что большая часть вахтовиков (82–88) в целом удовлетворены своим мобильным образом жизни и не собираются возвращаться к традиционному оседлому [287, 290].

Опросы, проводимые нами в течение четырех десятилетий в вахтовых коллективах, позволили выявлять наиболее значимые для людей проблемы, динамику их изменения, влияющие на них факторы (табл. 45). На основе этого предлагались управленческие воздействия, позволяющие нивелировать негативные проявления [295].

Таблица 45

Изменение остроты проблем коллектива, по мнению вахтовиков (ранг 1 — наибольшая актуальность)

Проблемы	Ранг значимости		
	1990	2005	2014
Несовершенство оплаты труда	1	1	1
Плохие условия труда	2	3	3
Слабое развитие материальной базы предприятия и несвоевременное обеспечение техникой и необходимыми материалами	8	4	6
Неэффективная организация производства	5	3	2
Недостаточная забота менеджмента о людях	4	8	4
Плохая информированность работников о делах организации	6	5	7
Плохие условия быта	7	6	5
Плохая организация вахтовых перевозок	3	7	8

Как видно из табл. 45, значимых изменений в социальной ситуации северных вахтовых коллективов не наблюдается. Почти без изменений сохраняется и психологический климат в мобильных вахтовых бригадах.

Основные причины случающихся конфликтов — неудовлетворенность оплатой труда, нехватка запчастей и материалов, неудовлетворенность бытовыми и производственными условиями, необходимость делать чужую работу, личностные качества отдельных работников и др. [294, 454].

Актуальность исследований вахтового труда связана не только с необходимостью освоения новых природных ресурсов севера и востока страны. Не следует упускать из виду и то важное значение, которое приобретает вахтовый метод для многих

поселений России и приграничных территорий СНГ с высоким уровнем безработицы, для которых возможность их жителей работать на Севере является немаловажным источником трудовой занятости и доходов [294].

Таким образом, вахтовый метод помимо проблем несет и значимые потенциальные возможности для всех взаимосвязанных сторон: самих вахтовиков и их работодателей, северных принимающих городов и регионов-доноров рабочей силы. Эта достаточно гибкая технология позволяет сократить затраты средств и времени для реализации поставленных целей, своевременно реагировать на динамичную рыночную ситуацию, адаптируясь к изменениям в спросе. Кроме того, вахтовый метод позволяет существенно снизить

уровень безработицы и стимулирует социальную мобильность работников и членов их семей, рост уровня и качество их жизни. Вахтовики связывают своими поездками различные социально-экономические пространства «Большой Земли» и Севера, значимо влияя на те и другие.

Ясно, что при всей своей эффективности вахтовый метод требует значительно больших организационных усилий, чем традиционный. Помимо обычных управленческих функций требуется обеспечить транспортную доставку по схеме «базовый город — вахтовый поселок — месторождение», социальное обслуживание вахтового персонала и многое другое.

В целом, вахтовый метод экономически выгоден за счет снижения удельных затрат всех видов ресурсов на создание и содержание населенных пунктов в местах производства работ и уменьшения числа проживающих в них работников нефтегазодобычи (Татария, Башкирия и др.), без переселения их семей на новое место жительства, для самих нефтяников сохраняются привычные условия в обжитых районах страны.

Социальные аспекты использования вахты далеко не так однозначны. Хотя большинство опрошенных вахтовиков все эти годы и оценивали его положительно, не желая работать иначе, однако выявлены объективные негативные факторы, требующие специальных исследований [10].

В первую очередь они связаны с частыми и значительными перемещениями в пространстве (климато-зональные контрасты, временные градиенты, изменения качества пищи и воды, эпидемиологической и радиационной обстановки и др.), нарушениями суточного режима, повышенной интенсивности труда, физическими и психоэмоциональными нагрузками, отлучением на длительное время от семьи (отключением от воспитания детей, изменением сексологической обстановки) и др. Все это рано или поздно приводит к значительному ухудшению здоровья людей и в конечном итоге неблагоприятно сказывается на здоровье будущих детей. Исследования медиков подтверждают необратимые последствия изменения организма при пребывании свыше 10 лет в условиях Крайнего Севера, и предупреждают о нежелательности резкой смены климатической зоны для постоянного последующего проживания. Кроме того, жизнь в вахтовых поселках и замкнутых коллективах при практическом отсутствии персонального пространства, требует от человека особых личностных качеств: социальной гибкости, владения навыками самореализации своего состояния, умения быстро адаптироваться к коллективу, принимать групповые нормы и ценности.

Сложные социально-трудовые проблемы возникают у нефтедобывающих компаний Среднего

Приобья, где резко сокращаются объемы добычи углеводородного сырья, а сохранение сложившихся коллективов требует использования их трудового потенциала в других регионах. Это обуславливает широкое использование вахтового метода организации труда и в дальнейшем, однако коренным образом меняется его парадигма: теперь жители других регионов не летают работать на обской Север, а, наоборот, все в больших масштабах постоянно живущие здесь нефтяники работают в Восточной Сибири [287].

С декабря 2012 года авиакомпания ЮТэйр выполняет в аэропорт Талакан Республика Саха (Якутия) чартерные вахтовые рейсы в интересах ОАО Сургутнефтегаз на самолетах Boeing 737 из Сургута, куда вахтовики прибывают регулярным и рейсами ЮТэйр из различных пунктов. Далее пассажиры продолжают полет к удаленным рабочим площадкам на вертолетах ЮТэйр, которые базируются в аэропорту. В обратном направлении доставляются работники, закончившие вахту. Выполнение полного цикла перевозки с использованием самолетов и вертолетов одной авиакомпании позволяет оптимизировать маршруты и сроки доставки работников, экономит время и сокращает затраты заказчика.

За 2013 год по направлению Сургут–Талакан–Сургут перевезено 84 218 пассажиров. В ближайшие годы с учетом развития Талаканского месторождения ожидается увеличение объема перевозок через Талакан за счет открытия регулярных рейсов для жителей отдаленных районов Якутии, Иркутской области и Красноярского края.

Вместе с тем остается много социально-управленческих проблем эффективной реализации вахты: социальное самочувствие работающих, сохранение их здоровья, необходимость улучшения качества жизни и др. Социальные процессы, проходящие в вахтовых коллективах на Севере, требуют тщательного изучения и разработки адекватных управленческих механизмов и технологий, направленных на улучшение социальной ситуации, превращения вахтовиков из «человеческого ресурса» в социальных акторов.

Необходимо создание социальных технологий, позволяющих нивелировать воздействие негативных аспектов вахты. Речь идет в первую очередь о технологиях отбора работников, наиболее пригодных для условий вахтового труда на Севере, их адаптации, мотивации эффективного труда, выбору режима труда и отдыха, транспортной доставке, социального обслуживания и т.д. Сюда же входят социальные льготы и гарантии вахтовому персоналу, а также механизмы взаимодействия компаний с органами государственной власти как в местах постоянного проживания вахтового персонала, так и на территории приложения их труда [454].

Необходимо также постоянное научное сопровождение при использовании вахтового труда, особенно, межрегионального. Речь идет не только о социологических, медико-биологических, экономических, правовых, психологических и иных исследованиях, но и о создании системы

мониторинга, позволяющего на регулярной основе отслеживать изменения в экономической ситуации и протекании социальных процессов в вахтовых коллективах, своевременно принимать необходимые корректирующие управленческие решения.

Хайруллина Н. Г.

СОВРЕМЕННОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТЮМЕНИ

Для исследования современного этнокультурного пространства Тюмени была взята методика, предложенная Мальковой В.К., представленная в предыдущей статье монографии. Рассмотрим некоторые результаты исследования этнопространства современной Тюмени.

Столица современной Тюменской области — Тюмень — это крупный город, расположенный на юге области. Регион не раз менял название: Сибирское и Тюменское ханство, а позже — Сибирская, Тобольская, Тюменская губернии. Позднее регион входил в состав Уральской и Омской областей, а с 1944 г. началась «собственная биография» Тюменской области, представляющей сегодня сложносоставной субъект РФ.

Формирование полиэтничного и этнокультурного пространства региона проходило в течение многих веков. Выделяют четыре основных исторических периода: первый (с древнейших времен до XIV в.) — самый продолжительный период зарождения и развития ранних форм религиозных верований и культуры аборигенного

и коренного населения региона. Второй (XIV–XIX вв.) — время распространения в Западной Сибири мировых и этнических религий и их культур, их адаптации и взаимодействия. Третий (XX вв.) — дальнейшее расширение этноконфессионального и этнокультурного пространства, сопровождаемое непростыми государственно-церковными отношениями. Четвертый (конец XX–начало XXI в.) — современный период, характеризующийся активизацией этнокультурного самоопределения населения региона, переплетением его национальных, конфессиональных и культурных интересов [423].

Тюмень — полиэтничный город. И таким он был практически всегда. Термины «полиэтнический» или «многонациональный» означают, что в городе проживают не только русские, но и представители многих других национальностей. Действительно, говоря о полиэтничности того или иного поселения, этносоциологи имеют в виду в первую очередь этнически смешанный состав населения (табл. 46) [176].

Таблица 46

Динамика численность основных этнических групп населения Тюменской области [322]

Национальность	Данные переписи 2010 г.		Данные переписи 2002 г.		Данные переписи 1989 г.	
	численность	%	численность	%	численность	%
Все население, человек, в т.ч.:	1 340 608		1 325 018		1 320 417	
Население, указавшее национальную принадлежность, из них:	1 272 460	100	1 314 319	100	1 320 340	100
русские	1 066 066	83,78	1 091 571	83,05	1 105 149	83,70
татары, в том числе	102 587	8,06	106 954	8,14	103 303	7,82
татары сибирские	6 606	0,52	7 728	0,59	...	
украинцы	16 988	1,33	22 054	1,68	26 864	2,03
казахи	13 232	1,04	12 977	0,99	11 170	0,85
немцы	12 048	0,95	16 320	1,24	17 452	1,32
чуваша	8 623	0,68	11 214	0,85	13 579	1,03

Национальность	Данные переписи 2010 г.		Данные переписи 2002 г.		Данные переписи 1989 г.	
	численность	%	численность	%	численность	%
азербайджанцы	8282	0,65	8918	0,68	3191	0,24
армяне	7594	0,60	6777	0,52	1412	0,11
белорусы	4465	0,35	6489	0,49	8673	0,66
таджики	3053	0,24	1734	0,13	425	0,03
башкиры	2680	0,21	2836	0,22	3078	0,23
узбеки	2998	0,24	1569	0,12	1054	0,08
киргизы	1825	0,14	448	0,03		
марийцы	1675	0,13	1899	0,14	2030	0,15
ингуши	1673	0,13	1295	0,10		
молдаване	1618	0,13	1677	0,13	1742	0,13
удмурты	1416	0,11	1831	0,14	2311	0,18
мордва	1251	0,10	1647	0,13	2073	0,16
чеченцы	1179	0,09	1458	0,11	774	0,06
грузины	1108	0,09	1364	0,10	1194	0,09
лезгины	1033	0,08	791	0,06	393	0,03
коми	964	0,08	1297	0,10	1730	0,13

Активные миграционные процессы способствовали формированию разнообразного национального состава населения области. В настоящее время Тюменская область остается крупным принимающим центром, территорией массового въезда, а также транзита мигрантов из стран Ближнего и Дальнего зарубежья. По состоянию на 1 июля 2014 года на территории Тюменской области легально осуществляли трудовую деятельность 14 365 иностранных граждан (СНГ — 9 501 и ДЗ — 4 864).

Среди государств Дальнего зарубежья, являющихся поставщиками рабочей силы на Тюменский рынок труда, выделяют следующие (количество,%):

Корея (КНДР) — 282 (34,3), Сербия — 392 (47,6), Китай — 32 (3,8), Босния и Герцеговина — 26 (3,1), Турция — 20 (2,4), Хорватия — 18 (2,1), Таиланд — 14 (1,7), Куба — 11 (1,3), Македония — 8 (0,9), Индия — 6 (0,7), Германия — 5 (0,6), Великобритания — 3 (0,3), Мексика — 3 (0,3), Черногория — 2 (0,2). Из стран Ближнего зарубежья выделяют: Таджикистан — 2015 (31,9), Узбекистан — 2000 (31,7), Кыргызстан — 1008 (15,9), Армения — 520 (8,2), Украина — 430 (6,8), Азербайджан — 261 (4,1), Молдова — 67 (1,06) [388]. Динамика регистрации иностранных граждан в Тюменской области в разрезе государств СНГ (чел.) представлена в табл. 47.

Таблица 47

Динамика регистрации иностранных граждан в Тюменской области в разрезе государств СНГ, чел.

Государства СНГ	Регистрация по годам									
	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Азербайджан	5297	4657	4044	8463	9374	8849	8130	8422	9728	11 442
Армения	1771	1716	1954	4428	4391	3469	4486	4350	5661	7431
Беларусь	344	255	199	364	612	431	544	864	1388	1518
Казахстан	8676	7725	6206	10 858	13 261	14 547	14 510	12 462	15 022	13 324
Киргизия	2040	2142	2151	10 931	12 352	9078	7435	7841	10 908	14 507
Молдова	486	419	428	1181	1405	346	902	1227	1408	2003
Таджикистан	5418	5022	4130	25 701	28 758	19 974	20 262	25 172	33 069	35 231
Узбекистан	2973	3008	2723	14 291	21 870	12 735	11 823	16 526	29 025	32 751
Украина	3358	1520	1154	2791	3262	3164	3190	3561	4135	5852

Мигранты, прибывшие из государств СНГ и других регионов РФ, являются носителями различных культур, менталитета, традиций, образа жизни, что создает предпосылки не только межэтнических взаимодействий, но и конфликтов, имеющих этническую окраску.

В целях реализации Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» заключено Соглашение от 09.08.2012 «Об организации взаимодействия Управления миграционной службы по Тюменской области и комитета по делам

национальностей Тюменской области в сфере содействия интеграции в российское общество иностранных граждан, постоянно или временно проживающих на территории Российской Федерации, в целях обеспечения безопасности, максимальной защищенности, комфортности и благополучия населения Тюменской области» [523].

В Тюменском государственном университете функционирует Центр адаптационных коммуникаций и тестирования мигрантов, в котором трудящиеся-мигранты изучают русский язык, историю, основы законодательства России и Тюменской области. С 2015 года такие центры функционируют и на базе Тюменского государственного нефтегазового университета и Центра творческого развития и гуманитарного образования «Этнос». В последнем дети мигрантов имеют возможность изучать русский язык и другие предметы этнокультурной направленности.

В Тюменской области национальные общественные объединения в постоянном режиме оказывают содействие вновь прибывшим мигрантам. При поддержке органов государственной власти и местного самоуправления правовую поддержку иммигрантам, помощь в оформлении иммиграционных документов, в решении вопросов трудовых отношений, социально-культурной и общественной адаптации оказывают такие общественные организации, как:

- национально-культурная автономия казахов,
- региональное отделение Общероссийской общественной организации — «Всероссийский Азербайджанский Конгресс»,
- областная культурно-просветительская общественная организация армян «Айастан»,
- областная общественная организация «Узбекское национальное общество «Навруз»,
- региональная общественная организация «Таджикский культурный центр «Пайванд»,
- региональная общественная организация «Биримдик» киргизской диаспоры.

Указанные общественные организации содействуют органам власти в преодолении различных негативных проявлений в иммиграционном сообществе, которые возникают чаще на бытовой основе, но могут содержать в себе потенциальную угрозу нормальному межэтническому взаимодействию на территории Тюменской области [523].

Организационно-управленческая деятельность по решению вопросов этноконфессиональных отношений в Тюменской области строится на основе социологического мониторинга. В 2013 году мониторинговые исследования проводили ученые Тюменского государственного нефтегазового университета под руководством профессора, доктора социологических наук Н.Г. Хайруллиной [388, 392].

Важнейшей составляющей данной деятельности является доведение до жителей области и представителей общественности достоверной информации о ситуации, процессах и тенденциях в сферах этноконфессиональных и общественно-политических отношений, принимаемых мерах по их упрочению и профилактике экстремистских проявлений, что является основополагающей предпосылкой для формирования позитивного образа региона [487, 493].

Важным фактором этнокультурной самоорганизации населения, обеспечения межнационального согласия, формирования атмосферы единства российской нации, вовлечения общественности в реализацию мероприятий национально-культурного развития Правительства Тюменской области по удовлетворению этнических потребностей населения является деятельность национальных общественных объединений. Количество их постоянно возрастает, что свидетельствует о расширении сферы их влияния, об актуализации национального фактора в общественном сознании. Если в 1997 году в области национально-культурных автономий и национальных общественных объединений насчитывалось 22, в 2008 г. — 29, то в 2014 г. уже 36. Среди них 6 объединений славянских народов (русские — 1, украинцы — 1, белорусы — 1, поляки — 1, сербы — 1), 5 объединений тюркских народов (татары — 4, чуваша — 1), 9 — народов Кавказа и Закавказья (азербайджанцы — 2, ингуши — 1, армяне — 1, грузины — 1, чеченцы — 1, народы Дагестана — 2, осетины — 1), 7 — народов Средней Азии (киргизы — 2, казахи — 3, узбеки — 1, таджики — 1) и 9 — других народов (евреи — 1, корейцы — 1, немцы — 3, народы Севера — 3, цыгане — 1).

Представители региональных и местных органов власти способствуют созданию в Тюмени новой полиэтнической среды. На протяжении последних десятилетий созданы этнические сообщества, юридически закрепившие свой статус, которые обеспечивают межнациональное согласие, создают условия для национальной самореализации представителей своего этноса, формируют позитивное общественное сознание и пр. Этому способствуют и реализуемые в последние годы комплексные мероприятия по национально-культурному развитию:

1. *Дни национальных культур народов Тюменской области* способствуют сохранению и развитию этнических культур. В рамках таких дней проводятся концерты, выставки народного творчества, фестивали национальной кухни, национальной литературы.
2. *Областной фестиваль национальных культур «Мост дружбы»* — это своеобразный смотр результатов работы национальных общественных объединений, в рамках которого проводятся

многочисленные конкурсы национальных художественных коллективов, национальных подворий, кухни, обрядовых действий, этнографических выставок, национальных костюмов, промыслов и ремесел, выездные концерты в районах области, творческие лаборатории, мастер-классы.

3. *Областной детский фестиваль тюркоязычных народов «Тан йолдызы» — «Утренняя звезда»* — это творческие конкурсы в различных номинациях, например, вокал, инструментальное исполнение, художественное слово на родных языках, хореография, фольклор и др.
4. *Областной фестиваль детского национального художественного творчества «Радуга»*. В рамках данного фестиваля проводятся конкурсы национальных художественных коллективов и выставок детского творчества, концертные, игровые и спортивные программы, выездные мероприятия в районах области, творческие лаборатории, мастер-классы.
5. *Областной казачий фестиваль «Благовест»* объединяет концертные программы казачьих художественных коллективов в городах и районах области с выставками предметов казачьего быта, знаков отличия и воинской доблести. Здесь же в игровой форме проходит знакомство с традиционными казачьими обрядами.
6. *Национальные праздники*. Ежегодно жители и гости областного центра становятся зрителями и участниками национальных праздников «Сабантуй», «Акатуй», «Навруз», «Курултай» и др.

Важным элементом этнической инфраструктуры современной Тюмени являются этнические СМИ. Средства массовой информации национальных общественных объединений способствуют формированию атмосферы межнационального согласия, этнокультурному развитию представителей различных национальностей, созданию позитивного межэтнического образа области и конструктивного общественного сознания.

Благодаря поддержке национальных общественных объединений в Тюменской области выпускаются газеты и журналы. С 2000 года на русском и украинском языках издается газета «Голос Украины в Западной Сибири»; с 2005 года на русском и чувашском языках — газета «Таван»/«Родня»; с 2006 года — на русском и татарском языках газета «Янарыш»/«Возрождение». С 2002 года издается научно-методический и репертуарно-информационный альманах «Национальные культуры региона». 11 номеров посвящены народам земли Тюменской. Наряду с перечисленными периодически издаются газеты «Хабар» (национально-культурная автономия казахов), «Сибиряк» (Конгресс татар

Тюменской области), «Интернациональная газета» (Всероссийский азербайджанский конгресс).

Традиционными на протяжении многих лет являются телевизионные и радиопрограммы: «Родина» — цикл телепередач о народах Тюменской области, их культуре и образе жизни, традициях, национальных особенностях; «Очрашулар»/«Встречи» — телепрограмма на русском и татарском языках о жизни татар, проживающих в Тюменской области, их культуре и образе жизни, традициях, национальных особенностях; «Жизнь национальностей» — информационно-просветительская радиопрограмма об этническом многообразии населения Тюменской области, направленная на упрочение межнационального сотрудничества; «Дусларга сукмак» /«Дорога к друзьям» радиопрограмма на русском и татарском языках о жизни татар, проживающих в Тюменской области, об этнографии, о самых известных и выдающихся представителях татарского этноса.

Этнические материалы размещаются и в интернет-ресурсах:

- официальный портал органов государственной власти Тюменской области;
- интернет-портал общественных объединений «Диалог» www.dialog-urfo.ru;
- сайт Тюменской областной общественной организации коренных малочисленных народов «Кедр» www.kedr-tyumen.ru;
- сайт Региональной национально-культурной автономии российских немцев www.tyumen.rinfo.ru;
- сайт Тюменской областной общественной организации корейцев «Единство» www.edinstvo72.ru.

Анализ местного медиа-рынка показал, что он характеризуется достаточным уровнем наполненности и предлагает различные по формату и подаче информации СМИ, но ориентированные чаще на татарское население области. Такая интеграция СМИ способствует формированию общего межкультурного пространства региона. Но к данному процессу необходимо привлекать и представителей других национальностей.

Полиэтническая топонимика Тюмени не столь разнообразна, как в российской столице, но и в областном центре многие улицы названы в честь известных людей — представителей различных этносов. Например, улица *Айвазовского* названа в честь выдающегося художника армянского происхождения XIX века Ивана Константиновича Айвазовского, *Орджоникидзе* — известного грузинского большевика. Улица *Розалии Люксембург* (Розы Люксембург) названа в честь еврейской революционерки, *Клары Цеткин* — немецкой деятельницы международного коммунистического движения, улица *Сакко-Ванцетти* названа в честь двух итальянцев, осужденных на смертную казнь

в результате судебного дела, получившего название «Сакко–Ванцетти». Улица *Шиллера* названа в честь немецкого поэта, *Юлиуса Фучика* — чехословацкого журналиста, *Мориса Торéза* — француза, *Антонина Запотоцкого* — чехословацкого коммуниста. Самое большое количество улиц названо в честь татарских деятелей: *Булата Сулейманова*, *Мулланур Вахитова*, *Габдулы Тукая* и др. В деревне Казарово (черта города) один из переулков назван *Мангазейским*, известно, что Мангазёя — первый русский заполярный город, название города, предположительно, происходит или от имени самодийского князя Маказея (Монгкаси).

Следующий элемент этнопространства — реклама и вывески на тюменских улицах. На улицах города Тюмени наблюдается обилие разнообразных вывесок, плакатов, стендов, баннеров, афиш, причем о событиях, происходящих в Тюмени, зачастую можно узнать непосредственно из этой рекламы. Содержательный анализ вывесок показывает, что информация направлена в целом на тюменцев, а не представителей того или иного этноса о происходящих в городе событиях. Анализ наружной (витринной) рекламы, газет, а также раздаточной информации торговых сетей показывает, что реклама присутствует в магазинах, кинотеатрах, рынках, то есть в местах повышенного скопления людей. При этом выявлено, что большая часть вывесок и рекламы представлена на русском языке. На английском, немецком или других языках мира представлены бренды, торговые марки, названия магазинов и т.п., для тюменцев и гостей города это не новинка. Незначительно представлены вывески ресторанов, кафе на языке народов России. Таким образом, реклама и вывески на тюменских улицах, на рекламных щитах со своей функцией информирования полностью справляются, однако она представлена только на русском языке и не знакомит с этнической спецификой, поэтому на формирование этнокультурного пространства влияет мало.

Как было отмечено выше, на английском, французском и немецком языках представлены вывески торговых центров, особенно автосалонов (ниже этот аспект будет раскрыт подробнее), салонов красоты, развлекательных центров и др. заведений социальной сферы. Редко можно встретить такие вывески, например, на азербайджанском, казахском, узбекском языке или на языке ханты, манси и др. народов. Чаще всего эти вывески рекламируют торговые марки известных производителей (Adidas, Toyota, Timberland и пр.). Но магазинов, в которых покупателям предлагается продукция, имеющая этническую специфику того или иного народа, производимая только в определенном регионе, очень мало. К ним можно отнести такие магазины, как: «TIMBERLAND» — американская

обувь полностью водонепроницаемая; «CROCS» — предлагает обувь американского происхождения из удивительного полимерного материала Croslite; «Лапландия» — магазин, где продается одежда, адаптированная к суровым погодным условиям; «ISTORE» — фирменный магазин американской продукции APPLE; «NELS» — зимняя детская одежда из Финляндии; «ECCO» — скандинавская обувь выполнена из уникального материала — кожи яка, которая отличается особой прочностью и превосходит по своим характеристикам другие типы натуральной кожи; «UGG» — австралийская фирма UGG завоевала высокий статус на рынке своей обувью из овчины; «BASKIN ROBBINS» — американское кафе мороженого, изготовленного по технологиям двух американцев: Ирвина Роббинса и Бертон Баскина.

Этнокультурный облик формируется и под влиянием различных брендов и марок автомобилей, произведенных в различных странах. Рассмотрим компания «Автоград» — проект, действующий уже почти 20 лет. На сегодняшний день эта компания предоставляет широчайший выбор автомобильной продукции. Первым из них будет французский Peugeot. Этот бренд является частью одной из крупнейших производителей автомобилей PSA Peugeot Citroën (а именно — вторым по величине). Сама компания зародилась в 1811 году, когда она производила кофемолки и велосипеды. История компании как автоконцерна началась 20 ноября 1858 года, когда Эмиль Пежо запатентовал использование изображения льва в качестве торговой марки, а Арманд Пежо построил первый неустойчивый паровой трехколесный велосипед. С тех пор, по мере развития, Peugeot стала одним из самых узнаваемых брендов, автомобили которого получили множества наград в различных странах. Японский бренд Suzuki основан в 1909 году Митио Судзуки. Компания начала свою деятельность с выпуска ткацких станков, мотовелосипедов и мотоциклов, была основана как Suzuki Loom Works. В 1930-х годах в Японии резко поднялся спрос на автомобили, и в 1937 году сотрудники Митио Судзуки начали реализацию проекта создания малолиitraжных автомобилей. Британская компания Land Rover появилась в 1948 году. Создателями первого автомобиля Land Rover являются главный дизайнер британской компании Rover — Морис Уилкс и его брат исполнительный директор — Спенсер Уилкс. Это предприятие во время Второй мировой войны производило двигатели для танков и самолетов. Самостоятельно многочисленные автосалоны Тюмени предлагают более тридцати наименований автомобилей. Но среди них очень мало салонов, где реализуются автомобили российских производителей. Отечественный автопром тоже выпускает свои марки (UAZ, Лада, Газ и т.д.),

но, по мнению россиян, соотношение надежности и качества у зарубежных представителей выше, чем у российских, поэтому на улицах чаще встречаются иностранцы.

На этнокультурное развитие представителей различных этносов региона большое влияние оказывает родной язык, который должен поддерживаться и развиваться через этнокультурное образование. Этнокультурное образование — это образование, направленное на сохранение этнокультурной идентичности личности путем приобщения к родному языку и культуре с одновременным освоением ценностей мировой культуры. Принятие идеи этнокультурного образования означает создание национальной системы обучения и воспитания.

Анализ документов и различных интернет-сайтов показал, что в Тюмени существует незначительное количество общеобразовательных школ с этнокультурным компонентом и учреждений дополнительного образования с данным уклоном. Остановимся на общеобразовательных учреждениях более подробно.

Основной общеобразовательной школой, включающей в себя этнокультурный компонент, является МАОУ ООШ № 52 города Тюмени. В 1992 году школа № 52 города Тюмени была открыта как национальная — татарская школа. В 1999 году стала школой с этнокультурным (татарским) компонентом. Основной идеей создания школы была и остается идея сохранения татарского языка и изучения народных татарских традиций. В школе развиваются следующие направления деятельности:

- изучение татарского языка и литературы как самостоятельного предмета;
- введение факультативного курса «Основы татарской культуры»;
- введение в тематический план блока по изучению татарской музыки, костюма, танца, кухни (уроки музыки, технологии, ИЗО);
- совместная деятельность с организациями, работающими по развитию татарской культуры, со школами области и республики Татарстан в которых преподается язык [520].

Второе общеобразовательное учреждение — МАОУ Ембаевская СОШ им. Аширбекова, не имея конкретно установленного этнокультурного компонента, поддерживает этнические составляющие татарского населения, приобщает детей к поддержанию татарских традиций, к изучению национального языка, сохранению культурных ценностей [521].

Приведем информацию об учреждениях дополнительного образования с этнокультурным уклоном. В сентябре 2013 года были открыты курсы под названием «Школа этножурналистики», организованная при поддержке комитета по делам

национальностей Тюменской области и международного портала Vmeste-mir.ru. Курсы рассчитаны на молодежь от 14 до 35 лет, которая в течение трех месяцев каждое воскресенье занимается теорией и практикой журналистики, этнопсихологией, толерантностью, культурологией, обзором религиозных конфессий и пр. Цель курса: выявлять талантливых, умных, любознательных молодых журналистов Тюмени и Тюменской области, умеющих и любящих писать на этнические темы, понимающих специфику внутриэтнических вопросов, знакомых с бытом традициями, культурой своей и других национальностей, с уважением относящихся к людям разной национальной принадлежности.

Длительные годы в областном центре функционирует Многопрофильное образовательное учреждение дополнительного образования детей Центр творческого развития и гуманитарного образования «Этнос». Целью деятельности учреждения является создание целостного, комфортного, поликультурного образовательного пространства в городе Тюмени, максимально удовлетворяющего потребность личности, семьи и общества в этнокультурных образовательно-воспитательных услугах и предлагающего услуги по обучению родным языкам, истории и культурному наследию народов Российской Федерации, обучению русскому языку, адаптации менталитету россиянина, а также по другим направлениям [522].

Для многонационального города Тюмени такое количество учреждений с этнокультурным компонентом слишком незначительно. Учитывая, что в Тюмени на сегодняшний день проживают представители 143 национальностей, целесообразно внедрять и развивать в тюменских школах этическую составляющую для детей, которые вынуждены были переехать в новую для них этнокультурную среду, ведь это очень важно для жизнедеятельности всего этноса, для сохранения культуры.

Переход к системе этнокультурного образования — сложный и длительный процесс, в котором можно выделить три основных этапа переориентации системы образования, охватывающих длительную перспективу с учетом социально-экономических и демографических реалий.

Этап 1 — разработка законодательных актов по обеспечению культурных свобод и прав, по охране культурно-исторического наследия этносов. Принятие специальных государственных и региональных программ сохранения, возрождения и развития языков и культур этносов, проживающих в стране.

Этап 2 — подготовка специалистов по многоязычному обучению в педагогических колледжах, институтах и университетах, переподготовка кадров учителей и преподавателей, развитие

сети дошкольных учреждений, школ, лицеев, гимназий в местах компактного проживания в целях возрождения родного языка этнических групп.

Этап 3 — ежегодное издание учебных, наглядных и справочных пособий, книг с параллельными текстами для детей, сказок и мифов, двуязычных и многоязычных словарей, разговорников и самоучителей. Выпуск периодических изданий на языках этнических групп. Создание на радио и телевидении вещания на языках различных этносов специальных учебных передач и курсов.

С целью воспитания поликультурной, толерантной и творческой личности Центр оказывает услуги по адаптации детей-мигрантов к условиям и менталитету русскоязычных школ: обучение русскому языку, социокультурная адаптация, адаптация дошкольников. Центр предлагает услуги по направлениям:

- Татарский язык и культурное наследие татарского народа.
- Армянский язык и культурное наследие армянского народа.
- Чувашский язык и культурное наследие чувашского народа.
- Казахский язык и культурное наследие казахского народа.
- Азербайджанский язык и культурное наследие азербайджанского народа.
- Киргизский язык и культурное наследие киргизского народа.
- Ингушский язык и культурное наследие ингушского народа.

Тюмень является городом, в котором находятся молитвенные дома и храмы различных конфессий, среди них: православные, католические, протестантские, мусульманские, иудейские и прочие религиозные объединения, причем приверженцы всех конфессий мирно сосуществуют между собой.

Тюмень никогда не знала крупных межнациональных, межконфессиональных и этнических конфликтов. Отсутствуют предпосылки к ним и сегодня [487]. Это обусловлено двумя факторами: географическим (особенность этого региона в его нахождении на юге Западной Сибири, что является стыком Европы и Азии) и историческим. Тюменская

область — один из крупнейших регионов России, уникальный по богатству и многообразию национального и религиозного состава. На территории области проживают представители 143 наций и народностей [493], и кроме коренных национальных групп, издавна населявших территорию, постепенно образовывались новые, которые составляли десятки тысяч людей, приехавших осваивать нефтегазовые месторождения.

Если для наглядности представить этноконфессиональный состав на карте города, то можно выявить некоторые особенности. Во-первых, все мечети находятся очень далеко от центра.

Во-вторых, в так называемом культурном центре Тюмени находятся самые древние православные церкви, а также иудейские организации (синагога и хабат-центр буквально по соседству) и католический костел. Есть интересная историческая особенность: улица Ленина (ранее Спасская, до 1918 г.) раньше называлась в народе «улицей четырех религий» (костел, синагога, Спасский храм и была когда-то мечеть), что говорит, вероятно, о некоторой территориальной гармонии. Укажем также, что православных сооружений больше, но практически все они занимали центр, а в отдаленных районах начали появляться недавно. Ярким примером является Восточный микрорайон, где за последние годы возникло сразу два храма (Благовещенский и Николая Чудотворца), причем по соседству с недружественными религиозными организациями (например «Свидетели Иеговы»). Примечательно также, что протестантские сооружения занимают, преимущественно, юго-восточную часть города.

Таким образом, географическая и историческая особенности Тюмени, интеграция различных традиций, религий и культур в сочетании с бережным отношением к самобытности народов, опыт межнационального диалога и сотрудничества — все это позволяет Тюмени оставаться крупным центром межкультурного взаимодействия. Сохранение и укрепление этноконфессионального мира и согласия в Тюмени — серьезная задача, которая требует согласованных усилий органов государственной власти и гражданского общества. Ниже представлены религиозные учреждения г. Тюмени (табл. 48).

Таблица 48

Названия и адреса религиозных учреждений г. Тюмени

Название	Адрес
Церковь Христиан Адвентистов седьмого Дня	г. Тюмень ул., Димитрова, 9
Богородично-Рождественский Ильинский женский монастырь	г. Тюмень ул., 25 Октября, 29
Тюменская Еврейская религиозная иудейская организация Синагога	г. Тюмень ул., Кирова, 44
Свято-Троицкий мужской монастырь	г. Тюмень ул., Коммунистическая, 10
Соборная мечеть Тюменской области	г. Тюмень ул., Курская, 12

Название	Адрес
Храм Святого Праведного Иосифа Костел	г. Тюмень ул., Ленина, 7
Церковь Михаила Архангела	г. Тюмень ул., Ленина, 22
Вознесенско-Георгиевский храм	г. Тюмень ул., Береговая, 77
Кресто-Воздвиженский храм НОУ Православная гимназия	г. Тюмень ул., Луначарского, 1
МПРО прихода в честь иконы Божьей Матери Целительнице г. Тюмень	г. Тюмень ул., 50 лет Октября, 53а, корп. 1
МПРО Прихода Знаменского кафедрального собора г. Тюмени Тобольско-Тюменской Русской Православной Епархии	г. Тюмень ул., Семакова, 13
Приход храма Рождества Пресвятой Богородицы	г. Тюмень ул., Судоремонтная, 1а
Приход Храма святого праведного Симеона Богоприимца Тобольско-Тюменской епархии	г. Тюмень ул., Республики, 60
Храм во имя Святого благоверного князя Дмитрия Донского	г. Тюмень ул., Республики, 150, корп. 1
Центральное духовное управление Мусульман России	г. Тюмень ул., Мельникайте, 49
Церковь евангельских христиан Преображение	г. Тюмень ул., Щербакова, 58

Всего в Тюмени около 1000 кафе и ресторанов (529) и других заведений общественного питания (чайные, кондитерии), предлагающих кухни различных народов мира или частей света (например, африканская кухня, азиатская кухня, европейская кухня и др.). Практически половина из них предлагают этническую кухню: азербайджанская кухня (7), американская кухня (29), английская кухня (3), аргентинская кухня (1), армянская кухня (5), грузинская кухня (15), еврейская кухня (7), индийская кухня (2), испанская кухня (1), итальянская кухня (60), кавказская кухня (34), казахская кухня (1), китайская кухня (20), корейская кухня (3), марокканская кухня (1), мексиканская кухня (5), молдавская кухня (1), народов Севера (1), немецкая кухня (4), осетинская кухня (1), русская кухня (119), сербская кухня (3), словацкая кухня (1), таджикская кухня (1), тайская кухня (21),

татарская кухня (3), турецкая кухня (1), узбекская кухня (14), украинская кухня (5), французская кухня (1), чешская кухня (1), югославская кухня (1), японская кухня (77).

Анализ тематических сайтов, посещение заведений общественного питания позволяет обобщить этническую специфику той или иной кухни, отражающаяся и в названиях заведений общественного питания (табл. 49). Фактически в строчках данной таблицы могли бы повторяться названия многих заведений в нескольких кухнях одновременно. Это связано с тем, что в Тюмени не значительное количество ресторанов, которые предлагали бы только свою национальную кухню. Например, только в ресторане-музее «Чум» можно заказать блюда из оленины, морошки, «Максимилиан» предлагает блюда итальянской кухни. Это одни из немногих тематических заведений.

Таблица 49

Названия тюменских кафе и ресторанов с этнической кухней

Кухня	Название заведения
Азербайджанская	Абшерон, Баку
Американская	KGV, Subway, Delivery Clab, Papa Johns pizza, Ин Да Юса,
Английская	Скотланд Ярд Паб, Тэтчер, Harat's pub, Английский дворик
Аргентинская	Буржуй
Армянская	Урарту, Ереван, кафе-шашлычная Лиана-2
Болгарская	Плиска
Грузинская	Тамрико, Грузинка, Счастье, ATMOSPHERE //CAFE, Чито Грито
Ирландская	Ticket to Dublin
Испанская	UNO
Итальянская	MaxiMilian, Мафиози, Семь пятниц, Танцевальный бар-караоке «Фрэнки», Торнадо, ЧАЙКА, Чак Норрис, Экспресс-пицца, La Terrasee, MaxiMilian, Berlusconi cafe, Cafe 37, CasaMia, Da Chicco, Green RoomLa, Terrasse, Malina Bar, Мафиози, Pizza Mia, Berlusconi, café Brasserie, Перчини
Казахская	Бешбармак, Береке, РесторанЪ
Китайская	Мао, Дайкоку, Чина
Корейская	Пагода, Чина, суши-бар Бенто
Мексиканская	Дон Хулио
Народов Севера	Чум

Кухня	Название заведения
Немецкая	Триан, Шульц, Золотой Кабан, Панакота, Максимилианс, Mr. Yager, Full Haus
Осетинская	ПироГами
Русская	Александр, Астра, Ермолаевъ, Ермолаевъ ГенШтаб, Ермолаевъ Охота-Рыбалка, Ермолаевъ Сельсовет, Есенин, Максимыч, Потаскуй, РаспутинЪ, Дворянское гнездо, ПочтаШалыпин
Сербская	Балкан Гриль, Ресторан H2O, Старый Гурман, Адриатика
Таджикская	Бухара
Татарская	Дом Татарской Кулинарии
Турецкая	Халва, Контрабас, Granny's
Узбекская	Киш-миш, Бухара, Узбечка, Ташкент
	Вечера на хуторе, Изба, Вечера на хуторе
Украинская	Вечера на хуторе, Изба, Вечера на хуторе
	Франсуа, Versal, V cafe, Café 37, Green Room, Malina Bar, MixMusic
Французская	Франсуа, Versal, V cafe, Café 37, Green Room, Malina Bar, MixMusic
Чешская	Stara Praha, Чешский дворик, Карлов мост
Японская	Дайкоку, МАО, Мохито, Семь пятниц, ТортШер, Хаси-Хаус, Чак Норрис, Экспресс-пицца, The OFFICE, Nargilia lounge, Артишок, Император, Тэппан, RestoClub, HoReCa, Тсуру

Многие из трудовых мигрантов, переехавших в Тюмень, остаются на постоянное место жительства. Некоторые переезжают семьями, а кто-то создает семьи уже в Тюмени. Но большинство из них особенно в первые годы, после переезда, своих традиций и обычаев не забывают. Для мигрантов, исповедующих ислам, на территории города Тюмени созданы условия для соблюдения их традиций: они посещают мечети, мусульманские кафе, покупают продукцию халяль, смотрят и слушают теле- и радио-передачи, читают газеты, хоронят на мусульманском кладбище и др. Самые большие захоронения находятся у поселков Парфеново (Яна аул), Казарово (Курынкуль), Матмасы и Андреевское. Первые два на сегодняшний

день закрыты. Несколько лет назад под городское мусульманское кладбище был предоставлен участок в 5 гектаров у деревни Решетниково.

Таким образом, Тюмень и в начале нового столетия остается толерантным городом, в котором одновременно проживают многочисленные представители различных национальностей, но со своими языками, религией, менталитетом, обычаями и традициями. Сегодня мы видим расширение полиэтничности областной в связи с продолжающейся миграцией населения, а коренные жители имеют возможность знакомиться с новыми этническими культурами, обычаями и образом жизни, заключать этнически смешанные браки.

Попков Ю. В.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Глобальный контекст

Для современного этапа развития мирового сообщества характерны две отчетливо наблюдаемые и внешне противоположные тенденции: с одной стороны, развертывание процессов интернационализации и глобализации, углубление экономической интеграции и взаимозависимости стран и народов, с другой — усиление этнической

идентификации, этнокультурной фрагментации и обособления. Одни исследователи сосуществование этих тенденций воспринимают как парадокс (этнический парадокс), как неразрешимую теоретическую проблему, большая часть других рассматривают указанные тенденции как самостоятельные и независимые друг от друга или не придают значения их взаимосвязи. В реальности

действительность раскрывается через взаимозависимость и взаимообусловленность двух отмеченных тенденций.

В условиях глобализации в ответ на унифицирующие тенденции повсеместно растет стремление представителей этнокультурных сообществ оберегать свои особенности. Происходит сближение, но одновременно сохраняются различия — расово-антропологические, языковые, этнокультурные. Обе названные тенденции — продукт усиливающихся этносоциальных взаимодействий. Реальные процессы в современном мире опровергли господствующие идеологемы двух наиболее влиятельных идейных течений XX века — марксизма и либерализма — о якобы угасании значимости этнического фактора и, соответственно, этнического (национального) вопроса по мере технико-экономического прогресса. Возрастание значимости этнического фактора общественного развития, вызвавшее к жизни известный феномен «этнического ренессанса», является в настоящее время не менее очевидным, чем нарастание глобализационных процессов. Поэтому можно говорить о том, что факты реальной действительности пришли в противоречие с доминирующими в конкретно-научных дисциплинах теоретико-методологическими схемами, которые оказались непригодными для объяснения этих новых явлений.

Как представляется, повсеместно наблюдаемое возрастание роли этнического фактора в современном мире есть в реальности не парадокс, а закономерная реакция этнокультурных сообществ на унифицирующее воздействие глобализационных процессов. Поэтому если и говорить об этническом парадоксе, то в нем надо усматривать не онтологическую, а гносеологическую проблему, решение которой связано с преодолением метафизического, точнее сказать, редукционистского подхода к интерпретации соотношения интернационализации и глобализации, с одной стороны, и этнической фрагментации — с другой. В реальной политике это предполагает формирование механизмов управления, адекватных этнокультурной сложности современного мира.

Целевые ориентиры и противоречия

Стратегии государственной национальной политики РФ. Как известно, 19 декабря 2012 г. Президент РФ В.В. Путин утвердил Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (далее — Стратегия). Это важное для России и давно ожидаемое событие, поскольку существовавшая до того момента Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, принятая в 1996 г. (далее — Концепция), по общему признанию, устарела и не отвечала насущным проблемам

и потребностям государственного регулирования процессов в данной сфере общественного развития в настоящее время. Важнейшее значение для актуализации проблем современной национальной (этнонациональной) политики имели события на Манежной площади в декабре 2010 г. Независимо от того, как оцениваются эти события — как происшествие, на чем настаивает академик В. А. Тишков, или как проявление назревшего в обществе и незамечаемого властями «народного бунта» [345], — именно они определили повышенное внимание высших органов власти к проблемам государственной национальной политики и межэтнических отношений в последующий период. К наиболее значимым событиям этого ряда можно отнести публикацию в январе 2012 г. статьи тогда председателя правительства, кандидата в президенты Российской Федерации В.В. Путина «Россия — национальный вопрос», создание в июне 2012 г. при Президенте РФ Совета по межнациональным отношениям, обсуждение текста проекта и принятие окончательного варианта Стратегии, наконец, утверждение Правительством РФ 20 августа 2013 года федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)».

Если для чиновников разного уровня принятие данных документов является руководством для беспрекословного их исполнения, то для исследователей после состоявшегося обсуждения проекта и принятия окончательного варианта Стратегии остается много неясных вопросов. Они касаются как теоретико-методологических оснований и концептуальной строгости текста Стратегии, так и степени полноты соответствия провозглашенных задач реальному положению дел в этой сфере жизни и состоянию массового и экспертного сознания. Поэтому представляется важным продолжить дискуссию по существу обозначенных проблем, тем более в самой Стратегии предусматривается возможность ее корректировки, в частности, пункт 6 гласит: «Государственная национальная политика Российской Федерации нуждается в новых концептуальных подходах с учетом необходимости решения вновь возникающих проблем, реального состояния и перспектив развития национальных отношений» [324].

В Стратегии сформулированы фундаментальные положения в области национальной политики для Российской Федерации, в том числе ее основополагающие целевые ориентиры, к которым отнесены укрепление общероссийского гражданского самосознания, сохранение этнокультурного многообразия, гармонизация национальных и межнациональных отношений, обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина, адаптация и интеграция мигрантов. Все они принципиально

важны для реализации эффективного государственного регулирования в соответствующей сфере общественной жизни. В то же время отметим, что Стратегия не лишена недостатков и противоречий. Остановимся на тех из них, которые являются концептуально значимыми, без преодоления которых реализация Стратегии не может быть достаточно успешной.

Обратим внимание на то, что присутствует недостаточная терминологическая четкость и выведенность текста Стратегии по ее базовым понятиям. Например, в ней по сравнению с Концепцией 1996 г. четко проявляется принципиальное изменение концептуального подхода в определении ориентиров государственной национальной политики: от понимания нации как этнокультурного феномена — к рассмотрению нации как исключительно нации-государства (русской нации). В то же время введенное понятие «русская нация» противоречит содержанию используемого во всех других случаях понятия «национальный», где оно употребляется не в гражданском, как в случае с русской нацией, а в этническом (этнокультурном) смысле («национальная политика», «национальность», «межнациональное согласие», межнациональные отношения» и др.).

Противоречивость текста Стратегии проявляется также в том, что в ней признается факт многонациональности и наличия межнациональных отношений, однако народы Российской Федерации не рассматриваются в качестве активно действующих субъектов государственной национальной политики. Их роль, по сути, нивелируется до статуса объектов государственной национальной политики. В отличие от Стратегии, отмененная ею Концепция исходила из признания значимости народов России и развития их субъектности по двум основным направлениям: совершенствование федеративных отношений и национально-культурное самоопределение народов в организационной форме национально-культурных автономий. Теперь же акцент делается на сохранении и развитии этнокультурного многообразия народов, их консолидации в составе русской нации, причем механизм, с одной стороны, сохранения этнокультурного многообразия, с другой — консолидации народов по сути никак не прописан, о чем далее будет сказано подробнее.

Среди главных целей Стратегии обозначены как укрепление государственного единства, общероссийского гражданского самосознания, так и сохранение и развитие этнокультурного многообразия и самобытности народов России. В то же время, насколько можно судить по содержанию документа, данные цели рассматриваются как рядоположенные, и в конечном итоге доминирующей выступает первая из них.

Это верный и необходимый ориентир, если учесть существующий кризис российской гражданской идентичности, наличие которого зафиксировано, в частности, в федеральной целевой программе «Укрепление единства русской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» [379]. Данная проблема превратилась в общемировую. Ее не избежали многие страны, в том числе и США, еще недавно гордившиеся своим национальным (гражданским) единством, а сегодня стремительно его теряющие. Это со всей убедительностью показывает С. Хантингтон, замечая: «Пожалуй, величайшим сюрпризом будет, если США и в 2025 году останутся той же страной, какой были в 2000 году; а вот если Штаты превратятся в совершенно другую страну (или несколько стран) с совершенно иной государственной концепцией и национальной идентичностью, в этом не окажется ничего удивительного» [398]. Для России проблема общегражданской идентичности является также актуальной, постольку она вполне обоснованно поставлена во главу угла государственной национальной политики.

Проблема, однако, состоит в том, что в Стратегии отсутствуют четкое осмысление и должная проработка механизма обеспечения взаимосвязи, с одной стороны, общероссийского гражданского самосознания и основанного на нем национального единства, с другой — этнокультурного многообразия. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что акцент в Стратегии сделан на межнациональных (межэтнических) отношениях, а этнокультурное многообразие во многих случаях остается просто фоном. Достаточно сказать, что констатирующая часть Стратегии (Раздел II) носит название «Состояние межнациональных (межэтнических) отношений в Российской Федерации». Нет раздела и не ведется речь об этнической структуре России, о существовании разных (по численности, языковым семьям, религиозным предпочтениям) группах народов, о состоянии и проблемах этнокультурного развития. Ставится задача создания «государственной и муниципальной систем мониторинга состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций», однако не актуализирована задача проведения мониторинга социального самочувствия представителей разных этнических групп и этнокультурного развития в целом.

Но если не проведена диагностика и не провозглашена задача по отслеживанию состояния этнокультурного многообразия, то эффективным достижение провозглашенной цели по его сохранению и развитию не будет.

Этой цели вряд ли можно достичь без сохранения этнической идентичности, этнического самосознания, однако в тексте Стратегии об этом даже

не упоминается. Подспудно же этническая идентичность оценивается как неодобряемое, негативное явление.

Государственническая ориентация Стратегии и ее установка на формирование российской нации выражают, очевидно, дух модели нации-государства. Но, как отмечалось, используемый теоретико-методологический базис Стратегии является противоречивым. Существующая одновременно целевая установка на сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России выражает дух модели нации-культуры. Принятие данной установки отражает реальную перспективу возрастающего этнокультурного многообразия, что представляется достаточно оправданным в силу действия глобальных и трансграничных факторов, включая повышение интенсивности миграционных процессов.

Неявно фиксируется усиление многонациональности Российской Федерации: если в Концепции 1996 г. указывалось, что в России проживает более 100 народов, то в Стратегии зафиксировано проживание здесь представителей 193 национальностей. Поскольку каждая национальность является носителем определенной национальной культуры, то прогнозируемый рост этнокультурного многообразия создает определенную угрозу (или серьезные трудности) для консолидации российской нации. Перманентно осуществляемая гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений будет нарушаться дисгармонией, возникающей вследствие развития этнокультурного многообразия. В Стратегии это фундаментальное противоречие реальной жизни не зафиксировано. И из нее не ясно, как решать данное противоречие и многочисленные проблемы, им порождаемые.

В Стратегии не нашла также отражения серия актуальных проблем современного развития, требующих целенаправленного регулирующего воздействия со стороны органов власти в рамках осуществления государственной национальной политики, о чем будет сказано ниже.

Необходимость учета региональных особенностей этносоциальных процессов и моделей реализации национальной политики

В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации поставлена задача выработки единых подходов к решению проблем этой политики государственными и муниципальными органами, различными политическими и общественными силами. Но в ней ничего не говорится о том очевидном факте, что в разных регионах эта политика реализуется в конкретных условиях местных межэтнических сообществ, различающихся уровнем социально-экономического

развития, особенностями этнической структуры, интенсивностью и направленностью миграционных процессов, остротой межнациональных отношений и в целом состоянием локальных этносоциальных процессов. Тем более важно учитывать, что этнические группы интегрированы в Российскую Федерацию именно опосредованно через региональные сообщества с разными актуальными проблемами. В каждом конкретном случае это существенно меняет общий формат национальной политики.

Одним из наиболее значимых факторов, оказывающих влияние на характер этносоциальных процессов в отдельных регионах, в настоящее время является внешняя и внутренняя миграция. Под ее влиянием меняется этнокультурная мозаика, реструктуризируются региональные (локальные) межэтнические сообщества, реанимируется и модифицируется национальный вопрос.

Надо также иметь в виду, что Россия является федеративным государством с национально-территориальным делением, где многие регионы обладают определенной этнокультурной спецификой, определяющей характерную для них социальную динамику межэтнических сообществ. Поэтому важной задачей, не нашедшей отражения в Стратегии, является выделение региональных моделей национальной политики по характеру объективных этносоциальных процессов, протекающих в локальных межэтнических сообществах, а также определение регионально обусловленных ориентиров национальной политики наряду с общестратегическими ориентирами. К сожалению, такая возможность даже не оговаривается и не предусматривается, а следовательно, и не допускается.

На самом деле проведение продуманной, целенаправленной, ответственной национальной политики предполагает ее адаптацию к конкретным условиям и должно осуществляться не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов федерации, а также муниципалитетов, особенно крупных. При этом очевидно, что без учета региональных особенностей государственная национальная политика не может быть достаточно эффективной.

В связи с этим стоит обратиться к Концепции государственной национальной политики Российской Федерации 1996 года. Она выступала стратегическим нормативным актом на федеральном уровне, на основании которого разрабатывались многочисленные региональные нормативные акты (в виде концепций), определяющие принципы и приоритеты деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества в области национальной политики и межнациональных отношений.

Проведенный нами анализ существовавших до принятия Стратегии в разных субъектах федерации концепций позволил зафиксировать определенные различия в региональных моделях национальной политики. Эти различия проявляются при формулировке целей и задач, основных направлений и приоритетов национальной политики в регионе. Обобщая, можно говорить о представленности в них широкой палитры доминирующих целевых установок — от ориентации на укрепление единства российской гражданской нации до сохранения и развития локальных исторических традиций разных народов.

Классифицируя эти концепции по целевым ориентирам, можно выделить следующие, применяя условные обозначения:

- «государственнические» концепции, направленные на укрепление российской государственности, регионов как субъектов федерации;
- «гражданские» концепции, направленные на формирование общероссийской и региональной гражданской идентичностей, на интеграцию локальных сообществ;
- «стабилизирующие» концепции, направленные на поддержание межэтнического мира и согласия;
- «культурнические» концепции, направленные на развитие народов и их культур;
- «коммуникативные» концепции, направленные на гармонизацию межэтнических отношений, развитие межнационального общения, взаимопонимание [242].

Нельзя сказать, что все эти концепции были хорошо проработанными и действенными. В то же время их следует оценить положительно с той точки зрения, что они отражали определенные региональные особенности существующих проблем в области национальной политики, а также специфику реализуемых подходов в управлении.

Одним из интересных и действенных примеров является опыт Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Проведенный нами ранее анализ практики государственного управления этносоциальными процессами в этом региональном сообществе показал ярко выраженную социальную ориентацию национальной политики. Органы власти стимулировали деятельность этносоциальных субъектов и представляющих их национально-культурных организаций к укреплению регионального сообщества — к социальному служению, что выражалось, в частности, в систематической практике заключения различных соглашений с национальными объединениями граждан округа по социальному служению и выполнению социальных заказов [362].

Принятая вместо Концепции 1996 г. Стратегия государственной национальной политики 2012 г. не предусматривает конкретизации безусловно необходимых для страны общих концептуальных положений в национальном вопросе и возможность принятия региональных концепций реализации национальной политики. В ней допускаются только разработка плана мероприятий по реализации Стратегии (пункт 24), а также государственной, региональных и муниципальных целевых программ (пункт 26). Как представляется, подобные планы и программы не всегда могут быть достаточно эффективными, если они не базируются на предварительной серьезной диагностике и концептуальном осмыслении особенностей этносоциальной ситуации и существующих проблем в отдельно взятых регионах. Как правило, местные чиновники идут по легкому пути и разрабатывают подобные планы мероприятий и программы, что называется, не выходя из кабинетов. Так поступили с разработкой планов мероприятий в ряде регионов и муниципалитетов вскоре после утверждения Стратегии.

Подтверждением данного факта является жесткая оценка В.В. Путиным ситуации с организацией работы по реализации Стратегии на местах, которую он дал 22 октября 2013 года в Уфе на заседании Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ. Вот один из показательных фрагменты его выступления: «...работа пока разворачивается медленно: планы реализации федеральной Стратегии составили только девять регионов Российской Федерации... Повторю, речь идет лишь о планах, о первых необходимых мерах, а если проанализировать конкретную работу, то картина, видимо, будет еще более удручающей. Что касается собственных стратегических документов, то их приняли в 21 субъекте Федерации. Но и здесь не все. Например, как хотелось бы: большинство документов явно устарело» [485].

Да, что говорить о региональных и муниципальных властях, если принятие решения о разработке федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», как отмечено в ее паспорте, датируется 22 июля 2013 года, а утверждена она постановлением Правительства РФ уже 20 августа 2013 года, то есть меньше, чем через месяц. Можно ли в этой ситуации говорить о хорошей проработке и высоком качестве данной программы?

Актуальные проблемы национальной политики в оценке экспертного сообщества

В контексте рассматриваемой проблемы интересными представляются результаты серии проведенных экспертных опросов в регионах Сибири

по актуальным вопросам современной национальной политики в РФ.

Следует сказать об опросе в мае 2011 г. 35 региональных и муниципальных экспертов Сибирского федерального округа. Экспертами выступили слушатели курсов повышения квалификации государственных и муниципальных служащих из разных субъектов федерации данного округа. Курсы организованы Сибирской академией государственной службы (в настоящее время — Сибирским институтом управления Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации). Эксперты представляли республики Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия, Алтайский, Забайкальский и Красноярский края, Иркутскую, Кемеровскую, Омскую, Новосибирскую и Томскую области. Из них: 18 чел. — это государственные, 15 чел. — муниципальные служащие (2 чел. не указали свой статус), в основном руководители, специалисты, консультанты из государственных и муниципальных структур управления, отвечающих за национальную и религиозную политику, межнациональные и этноконфессиональные отношения, связи с общественными организациями (как известно, в разных регионах такие специалисты представлены в разных управленческих структурах).

Как показало исследование, почти все эксперты признают наличие в России национального вопроса, при этом около 60 из них считают его острым, требующим срочного решения. В то же время большинство из них уровень конфликтности межэтнических отношений в России оценивают как средний (71), а в своем регионе — как низкий (51). Это может свидетельствовать о том, что национальный вопрос многие не сводят лишь к проблемам непосредственно в межнациональных отношениях.

Опрошенные дали достаточно точную диагностику основных причин существующей межэтнической напряженности. Из предложенного списка возможных причин (нужно было проранжировать степень их значимости) на первое место они поставили, причем применительно и к России в целом, и к своему региону, экономические неурядицы, на второе — социальное неблагополучие, на третье — приток мигрантов, на четвертое — межличностные отношения, на пятое — различия языков и культур. Таким образом, само по себе наличие разных языков и культур, по мнению экспертов, не провоцирует межэтническую напряженность, она определяется уровнем социального (в широком смысле) неблагополучия и степенью эффективности/неэффективности регулирования этносоциальных процессов.

Полученные результаты соотносятся с теми выводами, которые привел В.В. Путин в своей статье

«Россия: национальный вопрос» при анализе причин («спусковых крючков») межэтнических конфликтов. Как известно, среди них он выделил: нерешенные социально-экономические проблемы; пороки правоохранительной системы; неэффективность власти; коррупцию. Добавим, что эти же причины лежат в основе кризиса гражданской идентичности.

Можно было ожидать, что под влиянием «локального патриотизма» эксперты однозначно встанут на сторону «своих» при ответе на вопрос о том, по чьей вине обычно возникают конфликты между местными жителями и группами мигрантов. Однако этого не произошло. Чуть более половины из них полагают, что в таких случаях виноваты обе стороны и лишь 17 обвиняют приезжих.

Интересные ответы были получены на вопрос о национальном статусе России. 69 экспертов считают ее государством, объединяющим разные нации, народы, этнические группы, 23 — многонациональным народом и лишь 9 — единой нацией. При этом лишь 11 опрошенных полагают, что федеральными органами власти проводится последовательная, целенаправленная, четкая национальная политика. И всего 14 из них положительно относятся к тому, в России не существует министерства по делам национальностей, абсолютное же большинство экспертов считают необходимым воссоздание министерства по делам национальностей.

Принципиально важными в свете обсуждаемой проблемы являются ответы экспертов на вопрос о целесообразности принятия концепции современной национальной политики на разных уровнях управления. Лишь один эксперт усомнился в необходимости такой концепции на федеральном уровне (такой документ и появился позднее в виде Стратегии). В то же время опрошенные в абсолютном своем большинстве считают, что концепция реализация национальной политики должна существовать и в отдельных субъектах федерации (96), а также в крупных муниципальных образованиях (80).

Заметим, что по ряду обсуждаемых вопросов обнаруживается значимое расхождение мнений представителей государственных и муниципальных структур. Например, при ответе на вопрос о том, реализуется ли в настоящее время органами власти Российской Федерации последовательная, целенаправленная, четкая национальная политика, более критические оценки дают муниципальные служащие: всего 7 из них и одновременно 17 госслужащих полагают, что такая политика есть, а 40 представителей муниципалитетов считают, что такой политики практически не существует (среди государственных служащих так полагают всего 17). В то же время доли не уверенных

в существовании такой политики и однозначно отрицающих ее наличие вместе примерно равны в обеих этих группах (80–84).

Среди муниципальных служащих выше доля тех, кто высказывается за необходимость принятия концепции современной национальной политики на всех уровнях управления — федеральном, в отдельных субъектах федерации и крупных муниципальных образованиях (крупных городах) — соответственно 100, 100 и 93 (среди госслужащих таковых меньше — соответственно 94, 84 и 67).

Вместе с тем 17 опрошенных госслужащих отрицательно относятся к идее создания федерального министерства по делам национальностей, тогда как среди муниципалов таковых всего 7. В то же время среди последних в два раза меньше тех, кто высказывается за создание таких министерств на уровне субъектов федерации — 20 (у госслужащих таковых 39).

Муниципальные служащие в целом более критичны, чем государственные служащие, в оценке уровня конфликтности межэтнических отношений в России и менее критичны в оценке такого уровня в своих регионах.

В мае 2013 года, то есть уже после утверждения Стратегии, был проведен опрос слушателей аналогичных курсов — государственных служащих из Новосибирской, Омской, Томской, Иркутской, Кемеровской областей и Алтайского края (на курсах в этот раз было представлено всего 8 чел.). Он не выявил принципиальных расхождений (по сравнению с опросом 2011 года) в ответах по большинству из обозначенных вопросов. Например, как и в 2011 году, примерно 60 опрошенных считают национальный вопрос в России острым, требующим срочного решения, а уровень конфликтности в своих регионах и муниципалитетах большинством оценивается как невысокий. Социальное неблагополучие, экономические неурядицы и приток мигрантов преобладают в оценке причин существующей межэтнической напряженности.

Среди заметных изменений в этносоциальной обстановке в своих регионах за последние 2–3 года главными, с точки зрения экспертов, являются увеличение доли мигрантов и концентрация людей по этническому принципу на работе и в отдельных отраслях. А напряженность в отношениях людей разных национальностей возникает чаще всего по причине неуважения к их национально-культурным особенностям.

Важно, что в вопросе о желаемом статусе органа власти, ответственного за проведение национальной политики на уровне субъекта федерации, приоритет отдается специализированному департаменту (так полагает половина респондентов) или даже самостоятельному министерству, на чем настаивают почти 40 экспертов. При этом обратим

внимание на то, что в данном случае все эксперты представляют не национальные республики, а регионы с абсолютным преобладанием русского населения.

Как можно заметить, мнение экспертов значительно отличается от установок федеральных властей, в том числе зафиксированных в утвержденной Стратегии, по целому ряду вопросов. В частности, большинство из них считают, что Россия есть государство, объединяющее разные нации (а не одну нацию), признают необходимость создания министерства по делам национальностей, целесообразность региональных концепций реализации национальной политики и др. По нашему убеждению, органы власти в своей деятельности обязаны учитывать мнение экспертов, поскольку без согласования взглядов представителей этих органов и населения (экспертов) управление не может быть достаточно успешным.

Схожими с выше отмеченными являются оценки многих проблем современной национальной политики, полученные в ходе специального углубленного экспертного исследования, проведенного под руководством автора сотрудниками сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН в Ханты-Мансийском автономном округе (май — июнь 2013 года) и в Республике Алтай (сентябрь 2013 года). Всего опрошено 175 эксперта — представителя государственных (республиканских и окружных) и муниципальных органов управления, руководителей национально-культурных организаций, представителей творческой интеллигенции и средств массовой информации, общественных деятелей.

В то же время данные исследования позволяли выявить целый ряд особенностей в существующей этносоциальной ситуации в данных субъектах федерации. Обратим внимание на некоторые из них.

В Ханты-Мансийском автономном округе — Югре еще большая, чем в опросе 2011 года, доля опрошенных признает остроту национального вопроса в России и в своем регионе. Свыше 60 из них негативно оценивают динамику межнациональных отношений в округе в последнее время, 43 прогнозируют рост напряженности в будущем. Относительно высоко оценивается и уровень конфликтности этих отношений, особенно в городе Сургуте. А среди причин межэтнической напряженности самой основной признается приток мигрантов. Главным образом с мигрантами связывается в округе и наличие национального вопроса.

В Республике Алтай иная ситуация. 60 опрошенных считают, что межэтнические отношения в регионе стабильные и за последние 2–3 года не изменились. Многие говорят о низком уровне конфликтности межэтнических отношений, а приток внешних мигрантов не рассматривается

в качестве значимой причины межэтнической напряженности, с ними не связывается существование национального вопроса в регионе. Здесь гораздо более весомой проблемой считается внутренняя миграция из села в город, точнее говоря, в Горно-Алтайск как единственный город в республике, а также борьба различных кланов за престижные места в органах власти. Русские респонденты выражают озабоченность непропорционально высоким представительством алтайцев в республиканских структурах управления (согласно данным последней переписи, русских в республике 57 от общей численности населения, алтайцев — 34, но в органах власти последние, по экспертным оценкам, составляют примерно 60). Важным фактором межэтнической напряженности являются выборы, в процессе которых многие претенденты в своей агитационной игре используют «этническую карту».

Между тем можно выделить некоторые общие моменты при оценке современного состояния этнонациональной политики в двух рассматриваемых субъектах федерации: во-первых, отсутствие действенных структур управления и нормативной базы в решении задач национальной политики на региональном и муниципальном уровнях; во-вторых, недостаточная компетентность чиновников в вопросах национальной политики; в-третьих, наличие на этом фоне сильных лидеров национально-культурных организаций, не всегда использующих свой потенциал на благо всего местного сообщества; в-четвертых, отсутствие хорошо проработанных целевых межведомственных программ, касающихся данного направления деятельности, четкой фиксацией конкретных ответственных за ее реализацию; в-пятых, недостаточная скоординированность деятельности разных структур управления как между собой, так и в отношениях с институтами гражданского общества.

Опыт разработки Концепции реализации национальной политики в городе Новосибирске

В апреле 2013 года на заседании Консультативного совета по вопросам этнокультурного развития и межнациональных отношений при мэрии Новосибирска была утверждена Концепция реализации национальной политики в городе Новосибирске. Автору настоящей статьи довелось быть руководителем авторского коллектива по ее разработке. Как представляется, опыт работы над ней может быть полезным для других регионов, поэтому о ней стоит сказать специально. Подробное описание содержания концепции — специальная задача [8]. Здесь остановимся на последовательности этой работы и некоторых принципиальных ее положениях.

Решение о разработке концепции было принято на заседании Консультативного совета вскоре после выхода статьи В.В. Путина «Россия — национальный вопрос», то есть за много месяцев до утверждения Стратегии. Это решение исходило из осознания необходимости четкой фиксации возросшей ответственности за реализацию национальной политики со стороны органов местного самоуправления и институтов гражданского общества, прежде всего, национально-культурных организаций. Немаловажное значение имеет тот факт, что Новосибирск — крупнейшее муниципальное образование в России, по численности превосходящее многие субъекты федерации, поэтому для эффективного управления соответствующими процессами на муниципальном уровне необходима квалифицированная диагностика существующей ситуации и концептуальное видение перспектив с учетом современных общегосударственных стратегических ориентиров и местных особенностей.

Предварительно была разработана и впоследствии реализована программа конкретных исследований, которая включала проведение серии экспертных интервью и фокус-групп, обобщение статистических данных, анализ документов многих служб мэрии (правоохранительных органов, департаментов образования, культуры, молодежной политики и др.), а также миграционной службы, администраций районов города, обобщение предложений руководителей национально-культурных организаций и результатов ранее проведенных социологических исследований по проблемам национальной политики в городе. На этой основе был подготовлен проект Концепции для Новосибирска, который несколько раз обсуждался с заинтересованными сторонами и корректировался в соответствии с положениями принятой в декабре 2012 года Стратегии.

В целом наша концепция базируется на основных положениях Стратегии, в то же время ее содержание конкретизирует и дополняет положения Стратегии с учетом особенностей этнокультурной ситуации, конкретных условий и тенденций этносоциального развития новосибирского городского сообщества, закрепляя важную роль органов местного самоуправления в реализации задач национальной политики. Концепция сфокусирована на позитивном опыте взаимодействия мэрии и национально-культурных организаций, на «болевых проблемах» и механизмах их решения. На ее основе разработан и в ноябре 2013 года утвержден комплексный план мероприятий по реализации национальной политики и соответствующий раздел Целевой программы «Новосибирск — территория партнерства».

В Концепции реализации национальной политики в городе Новосибирске нашли отражение

важные проблемы, не зафиксированные в Стратегии, в частности:

- диагностика не только межнациональных отношений, но и состояния этнокультурного разнообразия и этносоциальных процессов в целом;
- идея гармоничного сочетания гражданской, локальной и позитивной этнической идентичности с приоритетом первой из них;
- связь задач реализации национальной политики на муниципальном уровне с целями устойчивого развития городского сообщества;
- необходимость решения не только меж-, но и внутринациональных (внутриэтнических) проблем и противоречий;
- проблемы, возникающие в местах компактного проживания мигрантов, в частности, работа школ с многонациональным составом учащихся;
- мониторинг не только межнациональных отношений, но и социального самочувствия представителей разных этнических групп.

Кроме того, в качестве важных ориентиров Концепции обозначены:

- сохранение устойчивого единства городского сообщества в ситуации этнокультурного разнообразия;
- воспитание чувства взаимного уважения к культурам разных народов, при том что основой должны выступать традиции коренного, местного населения (согласно последней переписи, русские в Новосибирске составляют 92,8 населения, а доля представителей каждой из всех других национальностей не превышает 1%);
- понимание того, что невозможно достичь благополучия отдельной этнической группы без общего благополучия городского межнационального сообщества, это определяет взаимную зависимость и взаимную ответственность;
- установка на активизацию потенциала каждого этнокультурного сообщества в интересах общего благополучия и использование потенциала города для благополучия отдельных этнических групп.

Генеральная перспектива связана с поддержкой культур разных народов с опорой на приоритет формирования доброжелательных, гармоничных межнациональных отношений как условия общего благополучия городского сообщества и его устойчивого развития.

Работая над городской концепцией, столкнулись с серьезной правовой проблемой. Национальная политика, согласно Конституции РФ, находится в ведении Российской Федерации. А органы местного самоуправления, в соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ

«Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», все равно имеют право (обратим внимание: имеют право, но не обязанность, а следовательно, не обеспечиваются необходимыми финансовыми, материальными, кадровыми и иными ресурсами) на оказание содействия национально-культурному развитию народов Российской Федерации и реализации мероприятий в сфере межнациональных отношений на своей территории (заметим, что в первоначальном варианте этот закон не предусматривал даже этого права). Эти полномочия не предполагают возможность на городском уровне определять дополнительно к принятой Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года цели, принципы, приоритетные направления и задачи национальной политики, а сама Стратегия не предусматривает возможности разработки муниципальных концепций реализации национальной политики, что представляется парадоксальным и неправомерным.

В настоящее время выход найден в том, что разработанная городская концепция утверждена, как отмечалось, Консультативным советом по вопросам этнокультурного развития и межнациональных отношений при мэрии Новосибирска, а не законодательными и исполнительными органами местного самоуправления. Хотя это, конечно, снижает ее статус и возможную эффективность.

Новые задачи в сфере национальной политики

Известно, что в октябре 2013 года произошли массовые беспорядки на межнациональной почве в московском районе Бирюлево Западное. Под влиянием этих событий Президент РФ сделал новые оценки и предпринял некоторые практические шаги по совершенствованию механизма реализации национальной политики, сделав акцент на тех ее актуальных проблемах, которые не нашли отражения в принятой менее года назад Стратегии. В частности, в своем выступлении на заседании Совета по межнациональным отношениям 22 октября 2013 года В.В. Путин особое внимание обратил на необходимость учета специфики и особенностей конкретных территорий при решении задач государственной национальной политики. Проведена реорганизация Министерства регионального развития. После выделения из него Министерства по строительству и ЖКХ приоритетным в деятельности Минрегионразвития должно было стать направление, связанное с межнациональными отношениями.

Кроме этого, президент, как известно, подписал закон о расширении полномочий и повышении ответственности органов государственной

власти, субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений. Как представляется, такое расширение полномочий является совершенно оправданным, поскольку именно данные органы занимаются решением вопроса обострившихся в России межнациональных отношений.

В то же время опять практически ничего не говорится о наделении соответствующих органов дополнительными возможностями, необходимыми для успешной реализации новых полномочий и ответственности. При сохранении существующей на сегодня законодательной базы органы государственной власти субъектов федерации, а особенно органы местного самоуправления, оказываются в весьма сложном положении повышенной ответственности за состояние межнациональных отношений и этнокультурное развитие без дополнительного финансового, материального и кадрового обеспечения.

В целом в федеральном законодательстве до сих пор в должной мере не урегулирован вопрос, касающийся роли и возможностей органов местного самоуправления в решении задач национальной политики — форм и методов работы, механизма и объемов финансирования, соответствующих характеру и остроте реальных проблем в данной сфере.

Особо следует обратить внимание на еще одну фундаментальную проблему, связанную с деятельностью органов власти — вопрос о ее роли в формировании гражданской идентичности.

Проведенные в различных регионах Сибири под руководством автора в конце 1990-х — начале 2000-х гг. конкретные этносоциологические исследования зафиксировали четко выраженную тенденцию роста этнического самосознания и оживления интереса представителей разных народов к традиционным культурам и верованиям на фоне деградации материальных основ существования основной массы населения и повсеместного недоверия к власти, очевидного падения ее престижа. Уже тогда мы прогнозировали в качестве одного из серьезных последствий данной тенденции снижение уровня гражданской идентичности и ослабление общегражданского единства. К сожалению, этот прогноз оказался реальностью. В настоящее время не только исследователи, но и, как отмечалось, федеральные органы власти диагностируют кризис гражданской идентичности. Проблема, однако, в том, что они не связывают этот кризис с деятельностью самой власти, с недоверием к ней со стороны населения. Как результат предпринимаются не вполне достаточные меры для преодоления проблемной ситуации. В качестве одной из главных

задач национальной политики и мер укрепления гражданского единства провозглашена пропаганда гражданской нации и гражданской идентичности. На самом деле одной пропаганды здесь совершенно недостаточно. Требуется кропотливая, ответственная, продуманная работа государства по формированию гражданской идентичности на основе повышения общего благополучия населения страны.

В современных условиях от деятельности органов власти во многом зависит поддержание гармоничного сочетания гражданского согласия, этнокультурного разнообразия, позитивной региональной и этнической идентичности. Одних радио- и телевизионных передач и конкурсов журналистов, фестивалей и других культурных мероприятий, на что часто ориентируются чиновники, здесь совершенно недостаточно. Нужны кардинальные изменения в экономической и социальной политике в интересах основной массы населения. При сохранении существующих в обществе крайних форм социального неравенства, несправедливости и коррупции ни мира, ни согласия в обществе не достигнуть.

Нельзя заставить людей любить страну и быть патриотами одним лишь провозглашением России единой нацией. При такой установке без ее подкрепления реальными серьезными делами можно получить прямо противоположный результат. Как представляется, главной задачей органов власти должно стать проведение такой политики, которая не на словах, а реально делает жизнь в стране комфортной для основной массы населения. Это и станет основанием для гордости людей за свою страну и государство, а также для их подлинной гражданственности.

Возможности социокультурного подхода в реализации задач национальной политики

Одним из важных условий успешной реализации задач национальной политики является определение адекватных методологических подходов в осуществлении диагностики существующей этносоциальной ситуации и проведении самой политики. Как представляется, наиболее эффективным подходом для исследования и регулирования этносоциальных процессов может выступать социокультурный подход [241, 242, 318]. С точки зрения этого подхода отдельный социум, под которым следует понимать и население всей страны, и конкретные регионы и локальные сообщества, является ансамблем этнокультур.

Такое представление позволяет оценить ограниченность доминирующих ныне подходов к регулированию социокультурной динамики и этносоциальных процессов не только в России, но и в других регионах мира. Политика гражданской

нации обычно переоценивает интегрирующий потенциал доминирующей этнокультуры, а политика мультикультурализма недооценивает значимость целостности социального организма, «сонастроенности» входящих в него этнокультур. Последовательное применение социокультурного подхода позволяет понять, как это возможно и каков механизм обеспечения единства многообразия без ущерба и для единства, и для многообразия. Это оказывается возможным благодаря реализации парадигмы взаимодействия в процессе применения социокультурного подхода к изучению отдельных социокультурных образований (цивилизаций, государств, национальных общностей, этнических групп, личностей).

Кроме того, представленная интерпретация социокультурного подхода снимает трудности определения культуры в ее противопоставлении взаимодействующим индивидам, живая деятельность которых тем самым исключается из культуры. В то же время описание общества как взаимодействия культур корреспондирует той панораме социокультурной динамики, которую представил П. А. Сорокин, являющийся основоположником социокультурного подхода.

Обобщая идеи П. А. Сорокина и его последователей можно сформулировать следующие основополагающие принципы социокультурного подхода:

- рассмотрение отдельного общества как локального динамичного социокультурного процесса, включенного во всемирно-исторический процесс;
- описание отдельного общества в его обусловленности антропогеографическим разнообразием и межкультурными взаимодействиями;
- анализ общества как исторически сформировавшегося ансамбля культур;
- выявление социокультурных констант, переменных и законов, регулирующих развитие общества;
- художественно-эстетическая идентификация уникальных форм пространственно-временной организации локальных социокультурных процессов (например, образ европейского процесса как «европейского концерта» или образ гармонии как желаемый для межнациональных отношений [242, 243].

Применение социокультурного подхода к исследованию этнокультурных сообществ характеризуется понятием этносоциального (понятие этнического, видимо, характеризует использование естественнонаучного подхода). Становление этнокультурных сообществ, их устойчивость и особенности определяются природно-ландшафтными предпосылками (разные естественные условия формируют различающиеся этнические культуры). В свою очередь, сходство и развитие

этнокультурных сообществ обеспечивается благодаря социальным взаимодействиям (взаимодействиям с себе подобными), то есть внешним (межэтническим) взаимодействиям, в результате которых и формируется этническая социальность.

Этнокультурные единицы — это сообщества, а общество — их совокупность. Социальность — это то, что делает множество этнокультурных сообществ обществом, что их объединяет, что является для них общим. Общество в данном случае выступает как межэтническое сообщество [185]. Стойки зрения социокультурного подхода межэтнические сообщества есть единство общего и особенного, единство (социальное) многообразного (культурное).

На каждом уровне социокультурной реальности свое единство и свое многообразие: одновременно едины и дифференцированы каждая этническая группа, отдельный этнос, нация-государство, цивилизация. Это относится также к конкретному региону и локальному сообществу. Соответственно как межэтническое сообщество можно рассматривать локальное сообщество, регион, общество-государство, цивилизацию.

Всякое межэтническое сообщество есть продукт межэтнических взаимодействий. В свою очередь, последние, взятые не только функционально, но и генетически, то есть в развитии, следует рассматривать как некоторый процесс, в рамках которого взаимодействие этнокультурных сообществ является условием внутреннего развития каждого из них. Социокультурный подход к исследованию межэтнических взаимодействий в данном контексте содержательно конкретизируется в этносоциальных процессах, рассматриваемых с учетом моментов их устойчивости и изменчивости. Этносоциальные процессы включают в себя множество подпроцессов — от этноэкологических и этнодемографических до этнополитических и этноправовых [420]. Именно этносоциальные процессы, на наш взгляд, должны выступать объектом этнонациональной политики на общегосударственном, региональном и муниципальном уровнях.

Выступая на первом заседании Совета по межнациональным отношениям при президенте В. В. Путин оценил этнокультурное разнообразие как предмет гордости и проявления силы нашего государства [485]. Данная характеристика является чрезвычайно важной, особенно в условиях, когда лидеры многих, прежде всего европейских, государств говорят о кризисе (и даже крахе) мультикультурализма. В то же время такое признание — лишь одна сторона дела. Еще более значимо понимание того, что сам факт этого разнообразия предполагает осознание и особую

ответственность политиков за организацию жизни с различиями. Поэтому наблюдаемое повсеместно усиление полиэтничности определяет необходимость более сложных механизмов управления: в этих условиях не может быть простых решений и единственной модели на все случаи жизни столь различающейся по своим региональным этнокультурным и этносоциальным особенностям России.

Таким образом, объектом регулирования национальной политики должны быть определены этносоциальные процессы в комплексе, а не только межнациональные отношения в узком значении этого термина. Но, как известно, своим Указом от 8 сентября 2014 г. Президент России В.В. Путин упразднил Министерство регионального развития, в ведение которого входили задачи реализации государственной национальной политики. Эти функции «распылены» между разными министерствами, базовым из которых определено Министерство культуры. Судя по всему, проблемам национальной политики теперь будет придано меньшее значение, чем это было в Минрегионе, где они и так не рассматривались в качестве комплексных и приоритетных. По всей видимости, в объективе внимания государства окажутся в основном «культурные» аспекты развития отдельных народов России, а наиболее острые и не менее значимые социальные проблемы останутся без должного государственного регулирования. Данное решение является не вполне адекватным той важности для общенациональной безопасности и той остроте, которые имеют в настоящее время в России проблемы национальной политики. Считаю совершенно справедливым приведенное выше мнение экспертного сообщества о необходимости создания федерального министерства по делам национальностей.

Как представляется, актуальными направлениями работы по совершенствованию управления этносоциальными процессами на региональном и муниципальном уровнях в настоящее время являются: расширение возможностей и укрепление кадрового состава соответствующих административных структур; совершенствование организационного, информационного и финансового обеспечения реализации задач национальной политики; научная оценка и прогнозирование развития этносоциальной ситуации и межнациональных отношений.

В условиях повышающейся ответственности органов государственной власти субъектов федерации и органов местного самоуправления в сфере межнациональных отношений требуется не просто периодический анализ, а регулярное

отслеживание и прогнозирование ситуации с целью ее оперативной корректировки. Такую задачу возможно реализовать в режиме мониторинга. Его необходимость признается многими. Однако серьезное расхождение мнений существует в вопросе о природе и содержании данного мониторинга.

Создание мониторинга межнациональных отношений признается в качестве одного из главных механизмов реализации публичной национальной политики на протяжении всего постсоветского периода. В то же время полноценный мониторинг ни на федеральном, ни на региональном уровнях до сих пор не организован. Не определена такая система его показателей, которая в наибольшей степени отражала бы актуальные проблемы национальной политики. Часто мониторингами неправомерно называются элементарные повторные исследования (опросы, анализ статистических данных и т.п.) по единой или схожей (частично совпадающей) методике.

Как представляется, реализации провозглашенных целей государственной национальной политики может способствовать мониторинг межэтнического сообщества, выполненный в парадигме социокультурного подхода. Основоположающими принципами предлагаемой модели мониторинга являются:

- 1) рассмотрение в качестве объекта мониторинга не только межнациональных отношений, но более широко — этносоциальной ситуации, локализованной в рамках конкретного межэтнического сообщества на муниципальном и региональном уровнях;
- 2) выделение для диагностики и регулирования этносоциальной ситуации трех групп показателей, включающих, в соответствии с реализуемым социокультурным подходом, социальный, культурный и личностный компоненты;
- 3) представление такого мониторинга не только как элемента системы научных знаний, но и как важного инструмента системы управления, обеспеченного необходимыми материальными, финансовыми и правовыми ресурсами.

Предлагаемая система мониторинга позволяет диагностировать и регулировать, в частности, не только собственно межнациональные отношения, но и социальное самочувствие представителей разных этнических групп. Как показывают наши исследования, социальное самочувствие людей оказывает существенное влияние не только на оценку существующей этносоциальной ситуации, но и на их реальное поведение в межэтническом сообществе.

Мархинин В. В., Удалова И. В.

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО ЮГРЫ

Югра как регион Евразии

Югорская земля — один из наиболее древних регионов российской евразийской цивилизации, одна из ее краеугольных опор. Взаимодействие русского этноса с народами Югры, русское распространение и присутствие в Югре в дошедших до нас летописных источниках фиксируется уже с XI века. Но очевидно, что взаимодействие восточнославянских племен с племенами финно-угорской и самодийской языковых групп, предками нынешних ханты, манси, ненцев, уходит своими корнями в еще более глубокую древность. В частности, представляется достаточно убедительной гипотеза о многовековом соседстве и взаимодействии восточных славян и предков ханты и манси на территориях Восточной Европы еще с начала первого тысячелетия н.э. вплоть, по крайней мере, до седьмого века н.э., с которого, предположительно, началась миграция последних на восток, за Урал, в места современного их расселения [381]. Не исключено поэтому, что сложившаяся за вторую половину второго тысячелетия н.э. органичная взаимосвязь русской и аборигенных культур Югорской земли является не только непосредственным результатом этого периода, но и имеет предпосылки в упомянутом, гораздо более древнем, периоде. Но как бы то ни было, чувства нераздельности собственной исторической судьбы с русской исторической судьбой, с судьбой российского государства — совершенно неотъемлемые моменты этнического сознания малочисленных народов Югры.

Надо сказать, что в этом отношении тип этнического сознания северных аборигенных народов России сильно отличается от типа этнического сознания многих аборигенных народов западных стран, особенно Соединенных Штатов. В сознании аборигенных народов западных стран доминирует отчужденность от ценностей западной цивилизации и государственности. А в США эта отчужденность возводится аборигенами в принцип и доводится до противопоставления себя остальному американскому обществу и государству. «Противопоставление индейских народов американскому правительству, американскому государству в целом — характерная черта идеологии коренных американцев» [162]. В стране, где создание государства сопровождалось этноцидом и изгнанием аборигенов с их земель в резервации, естественно то, что «антиамериканизм индейцев питается не только их насущными проблемами, но и историче-

скими традициями, составляющими важный элемент их этнического самосознания» [162].

Конечно, и этническое сознание аборигенов России хранит память об эпизодах стычек и конфликтов в русско-аборигенных отношениях, о тех или иных эпизодах и периодах, когда российское государство представало как чуждая аборигенам сила. Но это были только эпизоды; эпизоды, к тому же никогда не переходившие в фазу жестокой истребительной политики. Потому-то русские и местным населением никогда не воспринимались как колонизаторы-захватчики. Герой одного из произведений хантыйского писателя Е. Д. Айпина, молодой ханты, вступает по этому поводу в следующий диалог с гостьей из Америки, исследовательницей образа жизни аборигенов. Она утверждает: «Колонизаторы английские, французские, испанские, русские и прочие. Будь они в Америке, в Африке или в Сибири. Все они одинаковые, все одного цвета». Хант в ответ недоумевает: «Колонизаторы русские?» А потом подчеркивает самое разительное и очевидное, что отличало русских от европейцев: «Они не снимали скальпы. Даже в царские времена» [4]. Более того, несмотря на то, что в истории русско-аборигенных отношений случалось всякое, движение русских в сибирские северные края осознавалось коренным населением в целом не как зло, а именно как благо. Вследствие чего с давних времен в сознании народностей Югры доминирует общее им с русскими чувство принадлежности к российской цивилизации и государственности.

Особенно драматичным испытанием на пути становления общероссийского плана этнического самосознания обско-угорских народностей стали события, связанные с походом дружины Ермака в Сибирь с целью разгрома ханства Кучума, на стороне которого как данники первоначально выступили и югорские воины. События завершились окончательным выбором северных народов в пользу союза с русскими, с Россией.

Художественно впечатляющую и аналитически убедительную попытку осмыслить этот выбор своего народа предпринял мансийский писатель и поэт Юван Шесталов. Дух предков поведал поэту о том далеком времени: «Врагами были народы на земле. Кривые татарские сабли сверкали с юга, требуя ясак. С севера черноликие люди-самоеды нападали, уводя жен в рабство. С запада теснили нас торговые люди — коми-зыряне, отнимая землю, реки, урочища соболиные. Приходилось

держат в одной руке стрелу, в другой — саблю-молнию». (Разумеется, нечто подобное о взаимоотношениях с соседними этносами могли бы, в свою очередь, сказать и представители других народов северо-западной Сибири, в том числе и названных в данном тексте Ю. Шесталовым).

Далее поэт продолжает: «В то сумрачное время каждое племя винило другое и поднимало свой меч. А великие шаманы обращались к духам так:

Настало мгновение, Когда прославленному роду Угрожает чума черной смерти Со стороны злых духов. Светлые духи великой земли, Ушедшие поколения предков, Не смотрите косо на нас. Настало мгновение, Когда заколебалась Основа нижнего мира. С чувством мудрой Богини Сорни-най Произносим мы заклинания, Призывая свет и понимание. Настал день, когда против огня и меча Мы поднимаем слово, Повторяя великие заклинания О мире...

Так мы встали на сторону русских... Связав с ними судьбу, обрели мир. В согласии и жить бы нам да добра наживать!» [411].

Не случайно, что, прежде всего, против межэтнического согласия как устоя российской цивилизации направлена ныне информационная агрессия со стороны сил, стремящихся установить на планете гегемонию Запада во главе с США. Одним из идеологических замыслов, призванных обеспечить достижение этой цели, являются, в частности, теория цивилизаций и сценарий возможного исхода их борьбы в пользу Запада, выдвинутые влиятельным американским политологом С. Хантингтоном. Выделяя цивилизации по признаку общности религии и биогенетического родства этносов, он постулирует среди нескольких других основных цивилизаций существование и так называемой «славяно-православной» цивилизации. Отсюда и напрашивающийся вывод: Россия, населенная и неславянскими этносами, исповедующими в том числе и не православие, а иные религии, будто бы обречена быть «расколотой страной» [437].

Но российская цивилизационная идентичность, подчеркнем еще раз, не сводится лишь к своему славяно-православному ядру, а является именно евразийской. В теории Хантингтона игнорируются результаты глубоких историософских и культурологических исследований и дискурсов на эту тему наших отечественных авторов, особенно мыслителей-евразийцев, у которых идея евразийской сущности России специально и разносторонне обоснована [200] и труды которых, создававшиеся в основном в эмиграции, получили широкую известность в Европе и везде в мире. Поэтому совершенно очевидно, что создатель этой теории, как и многие другие идеологи геостратегического господства Запада, руководствуется не стремлением к объективности, а чисто

идеологическим замыслом: создать такой заведомо искаженный образ российской цивилизационной идентичности, имплантация которого в сознание россиян, в содержание этнических сознаний российских народов изнутри разрушала бы духовные устои России, подобно тому, как прозападный неолиберальный курс «перестройки» разрушал ее социально-экономический потенциал.

Однако, как показали авторские социологические исследования, духовные устои нашей цивилизации настолько глубоки и прочны, что удерживают на себе и, надо надеяться, будут удерживать впредь всю конструкцию нашей цивилизации.

Исторически сложившееся единство культур, если говорить конкретно о межэтнических сообществах Югры, опирается на уже совершившееся взаимопроникновение и даже в какой-то мере синтез самих их духовно-мировоззренческих оснований [183–189].

Например, несмотря на то, что в прошлом в ходе распространения православия на Севере имели место элементы его насильственного насаждения в среде северных народов за счет попыток «искоренения» традиционных верований, тем не менее православная христианизация в целом создавала и важнейшие предпосылки, выступала основанием и фактором единства русской и аборигенной культур. Социологические опросы 2004 г. показали, что наряду с сохранением в исторической памяти аборигенного населения элементов негативного опыта христианизации, большинство — 74 этого населения — в части, имеющей определенное мнение по данному вопросу, считает, что распространение православия в районах проживания народов Севера сыграло в целом положительную роль в их жизни. Таково мнение в общей сложности 40,8 жителей коренных национальностей. 43,4 из них затруднились дать ответ на этот вопрос. И только 14,3 из представителей малочисленных народов считают, что распространение христианства играло отрицательную роль. Распределение мнений по этому вопросу в среде коренного национального населения очень близко, кстати, к таковому в русской среде. Положительно роль христианизации в жизни народов Севера оценили 45 русских, затруднились дать ответ 46,2, а дали отрицательную оценку только 10,6 русских жителей.

Конечно, в отношениях православной и местных «языческих» культур православная культура играла ведущую, доминирующую роль. Тем не менее в местах совместного проживания русского и аборигенного населения происходило не одностороннее культурное воздействие, а именно взаимодействие культур. Между прочим, сами исторически сложившиеся формы взаимного восприятия традиционных верований являются как раз очень

выразительным примером высокой степени взаимопроникновения русской и аборигенной культур. Например, с одной стороны, заметная доля (11,8) аборигенного населения — православные верующие, а еще более значительная его часть — 17,4 — придерживаются одновременно и традиционных верований своих народностей, и православной веры. С другой стороны, определенная доля (6,5) русских также наряду с приверженностью православию придерживаются и «языческих» верований. А еще некоторое, пусть и незначительное, число местных русских, оставаясь безразличным к православию, придерживается традиционных верований северных народностей; таких — 2,6.

Надо добавить, что в описываемой религиозной ситуации двоеверие не обязательно представляет собой только временную фазу перехода от одной веры к другой. Оно ведет к образованию и устойчивых синкретических, православно-«языческих» или «язычески»-православных форм религиозности. Нравится это кому-то или нет, но в действительности наличие всей этой гаммы форм религиозности и/или верований — естественно исторически сложившаяся реальность и положительное выражение глубокой взаимной совместимости этнических культур. Показательна в плане настроения на позитивное приятие местными этническими группами культур друг друга близость мнений русских к мнениям аборигенов по вопросу о возможности и желательности возрождения в наше время традиционных верований народов Севера. Не имели на момент опроса мнения по вопросу о возможности традиционных верований 37,8 русских и 29,4 аборигенов. Возможным их возрождение сочли 43,6 русских и 53,8 аборигенов, а невозможным — только 15,8 первых и 14,8 вторых. По вопросу о желательности или нежелательности возрождения традиционных аборигенных верований затруднились высказаться 32,9 русских и 21,1 лиц коренных национальностей, желательным же его сочли 50 русских и 69,9 аборигенов, нежелательным — только 10,3 первых и 7,6 вторых.

ригенов, нежелательным — только 10,3 первых и 7,6 вторых.

В общем же, исследуя исторически сложившийся характер взаимодействий и меру взаимопроникновения этнических культур в межэтнических сообществах Югры, нельзя не убедиться еще раз в том, что у нашей цивилизации надежные скрепы. В этом залог того, что она выстоит в нынешних испытаниях и найдет дорогу в будущее.

О роли русского народа в межэтническом согласии Югры

В общем населении округа русское население составляет гораздо меньшую долю (63,6), чем таковая в целом по России (80,9) [501]. Но поскольку сокращение доли русского населения в населении округа происходит за счет преобладания миграции в округ некоренного для округа нерусского населения, постольку данный контраст выступает более явно. И объективно этот контраст является тревожным фактом в плане его влияния на межэтнические отношения в регионе. И субъективное его восприятие, надо думать, не лучшим образом сказывается на национальном самочувствии русского населения Югры как части государствообразующей нации и ключевого субъекта межэтнических отношений.

Ведь русские и русские Югры в частности, осознают особую историческую миссию русской нации в существовании многонационального российского государства. Результаты социологического исследования, проведенного в пяти городах округа (Сургуте, Нижневартовске, Ханты-Мансийске, Нефтеюганске и Лангепасе) в 2004 г., привели нас к выводу, что эта миссия русской нации признается и осознается не только русскими, но и представителями других народов, но русскими — в особенно высокой мере (табл. 50).

Таблица 50

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к следующему высказыванию:
«Национальное возрождение всех народов Российской Федерации
немыслимо без возрождения русского народа»?», 2004 г. N = 1007 чел., %

Национальности	русские	украинцы	белорусы	татары	башкиры	азербайд.	чеченцы	народы Дагестана	армяне	казахи	тадж., узб., туркмены	народы Севера	прочие
Согласен	64,9	56,6	64,7	35,5	27,0	65,7	27,1	12,7	38,2	56,3	53,6	48,1	47,4
В основном согласен	12,9	10,5	5,9	11,3	5,4	3,0	18,6	40,0	20,6	12,5	21,4	16,3	16,7
Не согласен	3,6	3,9	-	18,5	20,3	20,2	16,9	12,7	8,8	-	7,1	8,1	33,3
В основном не согласен	1,5	9,2	14,7	8,1	18,9	3,0	15,3	16,4	2,9	6,3	3,6	3,0	7,0
Затрудняюсь ответить	17,0	19,7	14,7	26,6	28,4	8,1	22,0	18,2	29,4	25,0	14,3	24,4	20,0

Если из данных таблицы вывести путем деления суммы долей ответов «согласен» и «в основном согласен» на сумму долей ответов «не согласен» и «в основном не согласен» своего рода коэффициент степени признания ключевой роли русских в Российской Федерации, то получим следующие величины этого коэффициента: русские — 15,25; украинцы — 5,12; белорусы — 4,80; татары — 1,76; башкиры — 0,83; азербайджанцы — 2,96; чеченцы — 1,42; представители народов Дагестана — 1,81; армяне — 5,03; казахи — 10,92; таджики, узбеки, туркмены в совокупности — 7,01; представители народов Севера — 5,80. Конечно, такого рода коэффициент достаточно условен, но все же он и показателен, его относительные величины выразительно иллюстрируют и подтверждают высказанное выше утверждение о высокой степени осознания русскими роли своего народа как государствообразующей нации России.

Уместно заметить также то, что можно рассматривать данный коэффициент и как условный соотносительный показатель степени толерантности представителей разных народов по отношению к русским, в первую очередь, как к государствообразующему этносу. С этой точки зрения самую высокую степень толерантности к русским обнаружили в опросе представители среднеазиатских народов: казахи (коэффициент — 10,92), таджики, узбеки и туркмены в совокупности (7,01). Возможно, факт, что соответствующий показатель в данном случае выше, чем у опрошенных представителей других народов, объясняется тем, что после отделения от Российской Федерации в результате распада СССР, массового выезда русских из среднеазиатских республик, коренные народы этих республик испытывают особенно серьезные трудности. Может быть, здесь нашла отражение и благодарность среднеазиатских мигрантов русским людям. Особая благодарность за то, что они, мигранты, были благожелательно приняты Россией и русскими, несмотря на то, что значительная часть русского населения оказалась изгнанной из среднеазиатских республик в годы после разрушения СССР, когда рвавшиеся в этих республиках к власти националистические силы раздували угар русофобии.

Если в том, что представители среднеазиатских народов продемонстрировали в опросе не просто высокий, а именно самый высокий уровень толерантности по отношению к русским, отразились, может быть, и особые, даже исключительные, обстоятельства именно постсоветского периода, то более высокий среди других опрошенных уровень толерантности к русским, демонстрируемый в 2004 г. представителями коренных малочисленных народов ханты, манси и ненцев (5,80), украинцами (5,12) и белорусами (4,80), объясняется

не только непосредственно нынешними обстоятельствами, но, прежде всего, думается, длительной исторической традицией особой культурной близости названных народов с русским народом. Эта особая культурная близость с русскими коренных малочисленных народов есть результат их длительного совместного обитания на югорской земле, образования с давних пор представителями коренных северных народов и русскими органически целостных местных межэтнических сообществ, в которых произошло глубокое взаимопроникновение культур взаимодействующих сторон. Что же касается особой культурной близости украинцев, белорусов и русских, то это и не требует объяснений — это историко-генетически и культурно родственные народы. Стоит, может быть, только подчеркнуть, что среди верующих украинцев и белорусов, проживающих в округе, нет лиц, исповедующих католичество. Все опрошенные нами верующие украинцы и белорусы исповедуют исключительно православие — религию традиционно русскую и общую предкам всех восточнославянских народов. Естественно, что русские в округе со своей стороны воспринимают украинцев и белорусов как самые культурно близкие, как культурно единые с ними национальности.

Остается отметить еще, что столь же высокий, как у только что названных национальностей, уровень толерантности к русским среди опрошенных из представителей других народов обнаружили также армяне. И в этом случае, видимо, не последнюю роль сыграла этноконфессиональная близость армян как христиан-монофизитов к православным русским. И, не говоря уже о длительной традиции общей союзной государственности России и Армении и богатых культурных армянско-русских связях, армяне, конечно, испытывают особую историческую благодарность к русским и России за спасение армянского народа в начале XX века от этноцида со стороны турков.

Относительно более низкий уровень толерантности к русским как нации, играющей ключевую роль в существовании российской государственности, отразившийся в ответах на упомянутый вопрос представителей таких народов, как азербайджанцы (2,96), чеченцы (1,42), народы Дагестана (1,81), татары (1,76), башкиры (0,83), обусловлен, надо думать, большей дистанцией между традиционными культурами названных народов, в конфессиональном плане — исламскими, и традиционно православной русской культурой.

В свете приведенных результатов нашего опроса, отражающих относительно различающиеся степени толерантности представителей разных национальностей по отношению к русским как государствообразующей нации понятно, что изменения демографического баланса национальностей

в составе населения округа, произошедшие в постсоветский период, не могут не влиять и на национальное самочувствие русских, и на состояние межэтнических отношений в Югре.

В целом абсолютная численность восточнославянского населения округа за время между переписями 2002–2010 гг. сократилась с 1 090 346 до 1 080 004 чел. за счет сокращения численности украинцев на 31 915 чел. и белорусов на 5 815 чел. при незначительном росте численности русского населения в Югре на 27 388 чел. (см. табл. 52). При этом его доля в составе всего населения округа также заметно сократилась — с 76 до 70. В населении округа вообще заметно сократилась доля представителей народов с традиционной христианской культурой, и повысилась доля представителей народов с традиционной мусульманской культурой.

Таким образом, демографический баланс национальностей в автономном округе в постсоветский период претерпел и претерпевает заметные изменения. Отчетливо определилась тенденция к сокращению вместе с долей русского населения и доли всего населения славянских национальностей, отличающихся высокой степенью взаимной толерантности и высокой степенью признания ключевой роли русской нации в существовании и развитии многонациональной России. Вместе с тем данная тенденция заключается также в изменении демографического баланса между представителями традиционно христианских и традиционно мусульманских в культурном отношении национальностей, не в пользу первых. Между тем известная контрастность традиционных христианских и мусульманских культур, сама по себе не препятствовавшая их согласному сочетанию в многонациональном российском единстве, ныне преднамеренно акцентируется и используется определенными силами для раздувания националистических настроений и ослабления исторически достигнутой высокой степени взаимной толерантности национальностей. Охарактеризованная выше тенденция в изменении демографического баланса национальностей, следовательно, если сама по себе и не дестабилизирует, то в случае

невнимания к ней может стать почвой для дестабилизации сферы межэтнических отношений в автономном округе.

Самостоятельное значение в качестве фактора состояния сферы межэтнических отношений имеет в российских условиях не «неуважение к национально-культурным особенностям тех или иных народов», но, напротив, взаимное уважение представителями разных народов исторической России национально-культурных особенностей друг друга. Это фактор стабильности межнациональных отношений в очень широком смысле — взаимное уважение народами национально-культурных особенностей друг друга — является характеристикой традиционной российской культуры, традиционно-культурным основанием и качеством межнациональных отношений в исторической России. В советский период российской истории традиционная культура в ее многих существенных параметрах, в том числе — в плане взаимного уважения народами национально-культурных особенностей друг друга (как было принято говорить в советское время, — дружба народов), не только сохранилась, но и упрочилась. И в постсоветский период, несмотря на непрекращающиеся попытки прозападных сил распространить в массовом российском сознании западные неолиберальные («рыночные») ценности, несовместимые с традиционными российскими ценностями, традиционная российская культура в целом осталась несломленной. Это подтвердилось и в соответствующих результатах социологического опроса.

Результаты опроса показывают, что благополучное будущее страны жители региона связывают в основном с традиционными российскими ценностями, в своем большинстве предпочитая их альтернативным либерально-рыночным ценностям. Задавая респондентам вопрос о том, с чем они связывают благополучное будущее, мы расположили возможные ответы рядом друг с другом, так что в каждой паре соседних ответов один выдержан в духе российской культурной традиции, а другой — в либерально-рыночном духе. Результаты опроса по данному вопросу отражены в табл. 51.

Таблица 51

Распределение ответов на вопрос: «С чем Вы связываете благополучное будущее России и ее граждан?», 2004 г. (N = 1007 чел.), %

	русские	украинцы	белорусы	татары	башкиры	азербайджанцы	чеченцы	народы Дагестана	армяне	казахи	таджики, узб., туркм.	народы Севера	Все нац.
С развитием коллективизма, заботой об общественных и государственных интересах	31	32	21	20	26	32	27	36	18	19	29	26	26
С развитием индивидуализма, ориентации на личную свободу и успех	19	13	18	11	16	19	22	12	-	19	29	18	19

	русские	украинцы	белорусы	татары	башкиры	азербайджанцы	чеченцы	народы Дагестана	армяне	казахи	таджики, узб., туркм.	народы Севера	Все нац.
С сильной личностью во главе государства	65	53	71	54	70	66	54	35	65	56	46	58	59
С развитием демократических форм правления страной	26	14	9	15	11	25	39	15	15	50	36	14	29
С усилением роли государства в регулировании экономики	34	37	29	33	23	20	24	27	18	38	29	29	29
С отказом государства от вмешательства в экономику	5	-	-	1	1	-	5	4	3	6	7	3	3

Данные табл. 52 свидетельствуют о прочной приверженности респондентов ценностям традиционной культуры, поскольку по всем альтернативным традиционным российским и западным неолиберальным ценностям большинство респондентов как в целом, так и по каждой национальной группе (в последних — за исключением всего двух позиций) выбирают ответы, отражающие традиционные российские ценности. А именно, большинство людей связывают благополучное будущее России с «развитием коллективизма, заботой об общественных и государственных интересах», но не «с развитием индивидуализма, ориентации на личную свободу и успех». «С сильной личностью во главе государства», но не «с развитием демократических форм правления страной» (конечно же, «демократия» непопулярна потому, что ее

воспринимают не как «народовластие», а в соответствии с прокламируемым и практикуемым ныне в нашей стране западно-либеральным смыслом данной формы правления). «С усилением роли государства в регулировании экономики», но не «с отказом государства от вмешательства в экономику». «С преобладанием государственной собственности в добывающей промышленности (в добыче нефти, газа и др.)», но не «с преобладанием частной собственности в добывающей промышленности».

Сравнение результатов последующего экспертного опроса, проведенного в 2013 г., и результатов социологического исследования 2004 г. показывает, что с годами доля лиц, связывающих будущее благополучие и национальное возрождение всех народов России с национальным возрождением русского народа, увеличивается (табл. 52).

Таблица 52

Распределение на вопрос «Как Вы относитесь к следующему высказыванию: «Национальное возрождение всех народов Российской Федерации невозможно без национального возрождения русского народа?», данных в 2013 г. (N = 103 чел.) и в 2004 г. (N = 1007 чел.), %

Ответ	Год	
	2013	2004
Согласен	63	59
Скорее, согласен, чем не согласен	25	18
Скорее, не согласен, чем согласен	6	9
Не согласен	6	15

Из табл. 53 видно, что сегодня с национальным возрождением русского народа по-прежнему связывают национальное возрождение своего этноса большая часть жителей Югры, и доля лиц, согласных с этим мнением, с годами увеличивается. Если в 2004 г. доля согласных и, скорее, согласных с этим мнением составляла 77, то к 2013 г. она возросла до 88. Это в 7 раз больше доли лиц, не согласных с таким мнением (12). Соответственно, доля лиц, не согласных с таким мнением сократилась с 24 до 12.

О роли межэтнических браков в консолидации Югры. Среди традиционных культурных российских ценностей занимает свое место и такая ценность, как взаимное уважение представителей

разных национальных культур к культурам и национальным особенностям друг друга, иначе говоря, межэтническая толерантность. Эта традиционная норма российской культуры, может быть, особенно выразительно проявляется и в отношении к межнациональным бракам. Рассмотрим указанное явление на материале социологических опросов.

Ниже, в табл. 53 приведены данные о национальном, в том числе — национально-смешанном происхождении респондентов из разных национальных групп, а в табл. 54 — данные о национальностях супругов респондентов, отражающие национальный, в том числе национально-смешанный состав их семей.

Распределение ответов на вопрос: «Кто по национальности Ваши родители?», 2004 г. (N = 1007 чел.), %

[illegible]

Таблица 54

Распределение ответов на вопрос: «Если Вы семейный человек, то укажите, пожалуйста, национальность Вашего мужа (Вашей жены)» 2004 г., (N = 1007 чел.), %

	русские	украинцы	белорусы	Татары	башкиры	азербайджанцы	чеченцы	народы Дагестана	армяне	казахи	таджики, узб., туркм.	народы Севера
Жена или муж												
Из русских	73,6	47,6	26,1	19,8	21,6	12,7	-	21,6	12,5	-	9,1	50,0
Из украинцев	8,3	41,3	-	5,8	16,2	-	-	-	4,2	-	-	9,8
Из белорусов	1,7	3,2	56,5	-	-	-	-	-	-	-	-	3,4
Из татар	1,7	3,2	-	65,1	32,4	-	2,9	-	-	9,2	-	-
Из башкир	2,5	-	4,3	7,0	27,0	1,3	-	-	-	-	-	-
Из азербайджанцев	0,8	-	4,3	-	-	83,3	-	-	4,2	-	-	-
Из чеченцев	-	-	-	-	-	-	97,1	-	-	-	-	-
Из даргинцев	0,8	-	-	-	-	2,5	-	78,4	-	-	-	-
Из армян	-	-	-	-	-	-	-	-	79,2	-	-	-
Из казахов	-	-	-	-	-	1,3	-	-	-	81,8	-	-
Из таджиков, узбеков, туркмен	1,7	-	-	1,2	-	-	-	-	-	-	90,9	-
Из народов Севера	4,1	1,6	-	1,2	2,7	-	-	-	-	-	-	35,4
Из других народов России	5,6	3,1	8,8	-	-	-	-	-	-	-	-	1,4

Из данных табл. 54 видно, что заметная часть представителей большинства национальных групп, охваченных опросом, происходит из национально-смешанных семей. Данные по национальным группам таковы: среди представителей народов Севера эта доля равна 19, среди украинцев — 17, среди русских и башкир — по 12, среди белорусов и татар — по 9, среди таджиков, узбеков, туркмен — 8, среди азербайджанцев — 5, среди армян и казахов — по 3, среди чеченцев и представителей народов Дагестана — по 2. Среди национально-смешанных браков родителей респондентов наиболее распространены браки с участием русских. Такие браки составляют большую часть всех национально-смешанных браков. В нашей социологической выборке только среди чеченцев и представителей народов Дагестана нет лиц, происходящих из национально-смешанных семей с участием русских. Из таблицы 5 видно, далее, что сами респонденты разных национальностей гораздо чаще, чем их родители, состоят

в национально-смешанных браках. Доли национально-смешанных браков среди респондентов, принадлежащих к соответствующим национальным группам, следующие. Среди башкир — 67,6, среди представителей народов Севера — 64,6, среди украинцев — 58,7, белорусов — 43,5, среди татар — 34,1, среди русских — 26,4, среди представителей народов Дагестана — 21,6, среди армян — 18,2, среди азербайджанцев — 16,7, среди казахов — 9,2, среди таджиков, узбеков, туркмен — 9,1, среди чеченцев — 2,9. Как и в случае национально-смешанных браков родителей в национально-смешанных браках самих респондентов преобладают браки с русскими. В нашей выборке только среди чеченцев и казахов не оказалось лиц, состоящих в браке с русскими.

Респондентам был задан вопрос, результаты на который отражают отношение респондентов из разных национальных групп к межнациональным бракам (табл. 55).

Таблица 55

Распределение ответов на вопрос: «Допустим, что кто-то из Ваших близких родственников, например, сын или дочь, брат или сестра, собираются вступить в брак. С представителем какой национальности Вы считали бы этот брак желательным, или для Вас это не имеет никакого значения?», 2004 г. %

	русские	украинцы	белорусы	Татары	башкиры	азербайджанцы	чеченцы	народы Дагестана	армяне	казахи	таджики, узб., туркм.	народы Севера
С представителем своей национальности	45,5	29,4	14,7	38,0	28,4	33,0	76,7	59,6	45,5	87,5	32,1	13,4
Не имеет значения	39,4	45,9	67,6	51,9	51,4	50,5	13,3	26,9	45,5	12,5	57,1	75,8
Другой ответ	6,6	14,1	8,8	3,9	9,5	1,9	3,3	5,8	-	-	7,1	4,7
Затрудняюсь ответить	8,6	10,6	8,8	6,2	10,8	14,6	6,7	7,7	9,1	-	3,6	6,0

Вариант ответа «не имеет значения» (в какой — однонациональный или национально-смешанный брак — вступят близкие родственники) означает, что лица, давшие такой ответ, относятся к межнациональным бракам как к норме поведения, не противостоящей национально-культурной идентичности, доли лиц в разных национальных группах, давших такой ответ, следующие: среди представителей народов Севера — 75,8, среди белорусов — 67,6, среди таджиков, узбеков, туркмен — 57,1, среди татар — 51,9, среди башкир — 51,4, среди азербайджанцев — 50,5, среди украинцев — 45,9,

среди армян — 45,5, среди русских — 39,4, среди представителей народов Дагестана — 26,9, среди чеченцев — 13,3, среди казахов — 12,5. Как видно, доли лиц из разных национальных групп, считающих межнациональные браки приемлемыми, намного выше, чем доли уже состоявшихся национально-смешанных браков респондентов, и тем более — их родителей. Это значит, что ныне, как и в то время, когда заключались браки респондентов и их родителей, межнациональные браки остаются живой культурной нормой.

Таблица 56

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы сами для себя, а не формально, определили бы свою национальную принадлежность», в %

	русские	украинцы	белорусы	Татары	башкиры	азербайджанцы	чеченцы	народы Дагестана	армяне	казахи	таджики, узб., туркм.	народы Севера
Я считаю себя только представителем одного моего народа	79,8	32,1	8,8	58,2	47,2	30,2	65,0	78,4	75,0	62,5	50,0	60,4
Я считаю себя представителем сразу двух народов	9,8	46,2	61,8	24,6	30,6	45,8	11,7	13,7	18,8	31,3	28,6	31,5
Я считаю себя представителем более, чем двух национальностей	3,1	9,0	5,9	6,6	2,8	2,1	5,0	2,0	-	-	7,1	1,3
Затрудняюсь ответить	7,3	12,8	23,5	10,7	19,4	21,9	18,3	5,9	6,3	6,3	14,3	12,3

О том, что межнациональные браки есть проявление живой традиции межкультурного единства народов России, а в нашем случае конкретно — единства национальных групп региона, свидетельствуют результаты ответов на следующие вопросы:

«Как Вы сами для себя, а не формально, определили бы свою национальную принадлежность» (табл. 56) и «Представителем какой (каких) еще национальности (национальностей), кроме своей, Вы себя осознаете?» (табл. 57).

Таблица 57

Распределение ответов на вопрос: «Представителем какой (каких) еще национальности (национальностей), кроме своей, Вы себя осознаете?», в % от количества лиц, осознающих свою принадлежность не только к одной национальности

Национальные идентификации, дополнительные к основной	русские	украинцы	белорусы	Татары	башкиры	азербайджанцы	чеченцы	народы Дагестана	армяне	казахи	таджики, узб., туркм.	народы Севера
Русский (ая)		98,0	96,0	94,0	92,0	98,0	99,0	99,0	100,0	66,0	100,0	94,0
Украинец (ка)	42,1		4,0	-	-	-	-	-	-	-	-	4,0
Белорус (ка)	5,3	2,0		-	-	-	-	-	-	-	-	-
Татарин (ка)	5,3	-	-		8,0	-	-	-	-	-	-	2,0
Башкир(ка)	15,8	-	-	3,0		-	-	-	-	-	-	-
Азербайджанец (ка)	-	-	-	-	-		-	-	-	-	-	-
Чеченец (ка)	-	-	-	-	-	-		-	-	-	-	-
Представитель нар. Дагестана	-	-	-	-	-	-	-		-	-	-	-
Армянин (ка)	-	-	-	-	-	-	-	-		-	-	-
Казах (шка)	-	-	-	-	-	-	-	-	-		-	-
Тадж., узб., туркм.	5,3	-	-	-	-	-	-	-	-	17,0		-
Представитель народов Севера	26,3	-	-	3,0	-	2,0	-	-	-	-	-	
Предст. других народов России	-	-	-	-	-	-	1,0	1,0	-	17,0	-	-

Из данных табл. 57 видим, что респонденты в весьма значительной своей части осознают себя

представителями не только того или другого народа, что называется, «своего родного народа»,

но еще и определенного иного народа (или даже — определенных иных народов). Среди белорусов эта часть в совокупности составляет 67,7, среди украинцев — 55,2, среди азербайджанцев — 47,9, среди таджиков, узбеков, туркмен — 35,7, среди башкир — 33,4, среди представителей народов Севера — 32,8, среди казахов — 31,3, среди татар — 31,2, среди армян — 18,8, среди чеченцев — 16,7, среди представителей народов Дагестана — 15,7, среди русских — 12,9.

Очевидно, что поскольку доли лиц, осознающих свою принадлежность не к одной, а к двум или нескольким национальностям, в каждой из национальных групп намного больше, чем даже совокупные доли лиц, происходящих из национально-смешанных семей и/или состоящих в межнациональных браках, то феномен осознания частью респондентов своей многонациональной принадлежности объясняется не только самим по себе межнациональным браком, но и в целом культурным единством, глубоким взаимопроникновением культур народов исторической России, или в данном случае — национальных групп нашего региона. Стоит подчеркнуть, что и наиболее эндогамные национальные группы — чеченцы, казахи, азербайджанцы — являются в значительной части носителями не одной национальной идентичности, а нескольких. То есть, действительно, правильным будет утверждать, что межнациональные брачно-семейные отношения в нашей стране, в нашем регионе есть проявление культурного единства народов, национальных групп.

Ранее мы видели, что основную массу межэтнических браков составляют браки лиц разных национальностей с русскими. Таблица 58 показывает, что и дополнительные к основной этнические идентификации — это, главным образом, осознание себя респондентами разных национальностей опять-таки в качестве русских. Это является еще одним, притом замечательно выразительным свидетельством, этноконсолидирующей, а значит, и государствообразующей, роли русского этноса, русской культуры в российской цивилизации и конкретно — в нашем регионе.

Влияние миграции на межэтнические отношения

Миграция является многомерно обусловленным процессом, а потому ее влияние на межэтнические отношения неоднозначно. Во-первых, поскольку субъектами миграции выступают лица различных национальных групп, постольку демографические процессы приобретают характер этнодемографических процессов и в этом качестве не могут не воздействовать определенным образом на межнациональные отношения. Во-вторых, миграционные процессы и характер их воздействия на межнациональные отношения обусловлены рядом политических, социально-культурных и социально-экономических факторов: особенностями динамики экономического роста, уровнем жизни, социальным расслоением и др.

Демографические процессы создают базисные, долговременно действующие условия миграционных процессов и их влияния на межнациональные отношения. Демографический баланс национальностей в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре в постсоветский период изменялся в том же направлении, что и в стране в целом: отчетливо определилась тенденция к сокращению доли русского населения (и доли всего населения славянских национальностей), отличающегося высокой степенью взаимной толерантности и высокой степенью признания ключевой роли русской нации в существовании и развитии многонациональной России.

Задолго до начала промышленного освоения Югры общая численность населения в Ханты-Мансийском автономном округе (Югре) в соответствии с данными переписи 1939 г. составляла 92 932 человек (табл. 9). Основным населением в Югре были русские (67 616 чел., что составляло от общей численности 72,5). Второе место по численности в округе занимали представители народов Севера (18 858 чел. или 20,3). Далее шли (этнически близкие к северным народам) коми (2 436 чел., или 2,6). Проживали в Югре также татары (2 227 чел., или 2,4), украинцы (1 111 чел., 1,2). В общей сложности выше названные народы (95,4) составляли ядро межэтнического сообщества Югры. Кроме лиц перечисленных национальностей, в округе проживало также некоторое число представителей других народов (немцы, поляки, казахи, мордва) [492].

Таблица 58

**Динамика численности населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
в зависимости от национального состава**

Народы	Численность по годам: кол-во чел. (в скобках – % от общей численности населения)						
	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Югра, все население	92 932	122 628	272 850	570 763	1 282 396	1 432 817	1 532 243
Русские	67 616 (72,5)	89 813 (72,5)	208 500 (76,9)	423 792 (74,3)	850 297 (66,3)	946 590 (66,06)	973 978 (63,57)
Татары	2 227 (2,4)	2 938 (2,4)	14 046 (5,2)	36 898 (6,5)	97 689 (7,6)	107 637 (7,51)	108 899 (7,11)
Украинцы	1 111 (1,2)	4 363 (3,5)	9 986 (3,7)	45 484 (8,0)	148 317 (11,6)	123 238 (8,6)	91 323 (5,96)

Народы	Численность по годам: кол-во чел. (в скобках – % от общей численности населения)						
	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Башкиры	9 (0,0)	91 (0,1)	1 244 (0,5)	7 522 (1,3)	31 151 (2,4)	35 807 (2,5)	35 428 (2,31)
Азербайджанцы	– (0,0)	– (0,0)	136 (0,0)	1 263 (0,2)	12 846 (1,0)	25 088 (1,75)	26 037 (1,7)
Ханты	12 238 (13,1)	11 435 (9,2)	12 222 (4,5)	11 219 (2,0)	11 892 (0,9)	17 128 (1,20)	19 068 (1,24)
Белорусы	141 (0,2)	1 281 (1,0)	3 362 (1,2)	7 555 (1,3)	27 775 (2,2)	20 518 (1,43)	14 703 (0,95)
Кумыки	– (0,0)	– (0,0)	5 (0,0)	89 (0,0)	3 077 (0,24)	9 554 (0,67)	13 849 (0,90)
Чуваши	45 (0,0)	289 (0,2)	1 929 (0,7)	4 739 (0,8)	14 000 (1,09)	15 261 (1,07)	13 596 (0,89)
Лезгины	– (0,0)	– (0,0)	44 (0,0)	216 (0,0)	3 091 (0,24)	8 580 (0,60)	13 335 (0,87)
Манси	5 768 (6,2)	5 644 (4,6)	6 684 (2,5)	6 156 (1,1)	6 562 (0,5)	9 894 (0,69)	10 977 (0,72)
Узбеки	2 (0,0)	– (0,0)	57 (0,0)	216 (0,0)	...	5 182 (0,36)	9 970 (0,65)
Таджики	– (0,0)	– (0,0)	23 (0,0)	94 (0,0)	...	5 651 (0,39)	9 793 (0,64)
Молдаване	– (0,0)	564 (0,5)	579 (0,2)	1 735 (0,3)	10 406 (0,81)	10 861 (0,76)	9 476 (0,62)
Марийцы	34 (0,0)	54 (0,0)	712 (0,3)	1 791 (0,3)	5 801 (0,45)	7 309 (0,51)	7 289 (0,48)
Чеченцы	5 (0,0)	– (0,0)	68 (0,0)	269 (0,0)	...	6 943 (0,48)	6 889 (0,45)
Немцы	177 (0,2)	2 059 (1,7)	2 069 (0,8)	3 499 (0,6)	8 929 (0,69)	8 292 (0,58)	6 828 (0,45)
Армяне	5 (0,0)	– (0,0)	147 (0,0)	893 (0,2)	...	6 471 (0,46)	6 343 (0,41)
Ногайцы	4 (0,0)	55 (0,0)	...	2 502 (0,18)	5 323 (0,35)
Киргизы	2 (0,0)	20 (0,0)	...	2 033 (0,14)	5 012 (0,33)
Мордва	64 (0,1)	125 (0,1)	1 162 (0,4)	3 155 (0,6)	7 107 (0,55)	6 386 (0,45)	4 936 (0,32)
Казахи	89 (0,1)	103 (0,1)	179 (0,1)	563 (0,1)	3 126 (0,24)	4 258 (0,30)	4 382 (0,29)
Удмурты	36 (0,0)	71 (0,1)	1 304 (0,5)	2 029 (0,4)	3 956 (0,31)	3 670 (0,26)	3 094 (0,20)
Даргинцы	– (0,0)	– (0,0)	8 (0,0)	31 (0,0)	...	1 956 (0,14)	2 735 (0,18)
Аварцы	– (0,0)	– (0,0)	10 (0,0)	74 (0,0)	...	1 910 (0,13)	2 577 (0,17)
Коми	2 436 (2,6)	2 803 (2,3)	3 150 (1,2)	3 105 (0,5)	3 436 (0,27)	3 081 (0,22)	2 364 (0,15)
Коми-пермяки	– (0,0)	18 (0,0)	466 (0,2)	1 335 (0,3)	...	2 704 (0,19)	2 134 (0,14)
Гагаузы	– (0,0)	– (0,0)	6 (0,0)	70 (0,0)	...	1 566 (0,2)	1 568 (0,1)
Ненцы	852 (1,0)	815 (0,7)	940 (0,4)	1 003 (0,2)	...	1 290 (0,1)	1 438 (0,1)
Болгары	– (0,0)	– (0,0)	35 (0,0)	345 (0,1)	...	1 783 (0,2)	1 430 (0,1)
Поляки	61 (0,1)	158 (0,2)	326 (0,2)	720 (0,2)	...	1 884 (0,2)	1 336 (0,1)
Лакцы	– (0,0)	– (0,0)	10 (0,0)	45 (0,0)	...	959 (0,1)	1 268 (0,1)
Лица, не указавшие национальность	16 (0,0)	4 (0,0)	5 (0,0)	4 (0,0)	...	13 210 (0,9)	102 138 (6,7)

Примечание: показаны народы численностью более 1000 человек

К 1959 г. численность населения округа возросла на 30 тыс. чел. в основном за счет увеличения численности русских (на 22,2 тыс.), украинцев (на 3,2 тыс.), татар (на 0,7 тыс.) и других, ранее проживавших здесь народов. За 20 лет значительно увеличилась в Югре доля немцев (в 11,6 раз) и поляков (в 2,5 раза).

Начиная с 1960-х гг., под влиянием промышленного освоения региона происходило не только увеличение численности населения, но и менялся его этнический состав. Для развития нефтепромышленного комплекса в этот северный округ прибывали специалисты и рабочие из всех регионов Советского Союза, но более всего — из регионов с уже развитой отраслью нефтегазодобычи: Азербайджана, Татарии, Башкирии, Чечено-Ингушетии, Западной Украины.

К 1970 г. численность населения округа по сравнению с 1959 г. удвоилась и составила 272,85 тыс.

чел., к 1979 г. (по сравнению с предшествующей переписью) снова удвоилась и составила 570,76 тыс. чел., а к 1989 г. возросла более чем в 2 раза и составила 1 282,4 тыс. чел. Таким образом, за 1970–1980-е гг. численность населения округа возросла в 4,7 раза. Понятно, что львиную долю прироста населения округа обеспечивал миграционный приток.

Несмотря на то, что интенсивные миграционные потоки 1960–1980-х годов изменили демографическое соотношение между этническими группами Югры (произошло сокращение славянской группы, и возросла доля тюркской группы), межэтнические отношения в округе оставались стабильно дружественными, о чем, в частности, свидетельствует и широкая распространенность в Югре, как и в других полиэтничных регионах страны, национально-смешанных браков. То есть сама по себе миграция в то время не являлась источником межэтнической напряженности, хотя

и делала национальные отношения более сложными. Наличие общей идеологии сплачивало представителей всех этносов, способствовало обогащению культур новыми элементами, стимулировало внутреннее развитие этносов. Естественно, что довольно остро в сфере межэтнических отношений воспринимались тогда даже отдельные случаи нарушения принципов дружбы, взаимного уважения традиций и обычаев разных народов, то есть тех ценностей, которые являются источником прочности и стабильности межэтнических отношений. Недовольство постоянных жителей вновь прибывающим населением (любых национальностей) в основном было связано с нарушениями мигрантами привычного образа жизни и культуры местного межэтнического сообщества и экологических норм обитания в местной природной среде.

Наиболее активный период формирования населения за счет мигрантов приходится на 1980–1989 гг., когда в округ прибыло более 55 % пришлового населения [91]. В 1989 г. уроженцем Ханты-Мансийского автономного округа являлся лишь каждый пятый его житель.

1990–1993 годы были годами начала неолиберальных «радикальных реформ», вызвавших тогда отток населения из Ханты-Мансийского округа, как и из других северных регионов страны. Но затем, с середины 1990-х гг., социально-экономическое положение в округе сравнительно стабилизировалось и приток мигрантов возобновился, вновь начался рост численности населения округа. За прошедшие после этого годы все же однажды, в 1999 г., имело место отрицательное сальдо миграции, повлекшее и сокращение общей численности населения округа — это было последствием известного «дефолта», девальвации рубля в итоге провальной экономической политики правительства «радикальных реформаторов», разорившей основную массу населения. В северных регионах «дефолт» сильно ударил по благосостоянию людей по причине особенно высокой здесь дороговизны жизни. Как видим, миграционная составляющая

демографической динамики округа заметно зависит от социально-экономических факторов, от кризисных явлений в экономике страны в целом.

В зависимости от национальности население округа отличается тем, что в нем меньшими, чем во всех других северных автономиях, представлены, с одной стороны, коренные малочисленные народы — титульные для округа народы ханты и манси и обитающие в округе ненцы, а, с другой стороны — русские. Такое положение сложилось в результате миграционных процессов в период промышленного освоения округа (см. табл. 59). Абсолютная численность населения малочисленных народов с 1970 г. по 1989 г. заметно возросла, а именно — с 19 893 до 28 312 чел., но их доля в составе населения за это время снизилась — с 7,3 до 1,6 %. Численность русских в округе с 1970 г. по 1989 г. возросла с 208 500 чел. до 850 297 чел., то есть в 4 раза, но их доля в населении округа за этот период снизилась с 76,9 % до 66,3 %, то есть на 10,6 %. Соответственно, доля в населении округа других народов, как титульных для РФ, так и прибывших из стран нового зарубежья (взятых вместе с прочими народами), как видно из табл. 4, возросла в общей сложности с 15,8 до 32,1 %. Отмеченные этнодемографические тенденции во многом определяются социально-экономическими факторами 1990-х – начала 2000-х гг.

В постсоветский период в округе, как и в стране в целом, последствием «радикальных реформ» стало сокращение прироста общей численности населения, продолжавшееся вплоть до начала второго десятилетия XXI в., то есть до того времени, пока не начали сказываться результаты определенной стабилизации экономики и принятия мер по решению демографической проблемы. Если за период с 1989 г. до 2002 г. прирост численности населения в округе составлял 150 421 чел. (с 1 282 396 в 1989 г. до 1 432 817 чел. в 2002 г.), то в последующий период с 2002 до 2010 г. прирост численности населения в округе сократился до 99 426 чел. (с 1 432 817 чел. в 2002 г. до 1 532,24 тыс. чел. в 2010 г.) (табл. 59).

Таблица 59

**Динамика численности отдельных национальностей в Ханты-Мансийском АО
(по данным переписей населения), чел.**

	Численность постоянного населения по годам, человек				
	1970	1979	1989	2002	2010
Все население в том числе:	271 157	570 763	1 282 396	1 432 817	1 532 243
коренные народы Севера	19 893	18 476	19 939	28 312	31 483
Из них:					
ханты	12 222	11 219	11 892	17 128	19 068
манси	6 684	6 156	6 562	9 894	10 977
ненцы	940	1 003	1 144	1 290	1 438
Русские	208 500	423 792	850 297	946 590	973 978

	Численность постоянного населения по годам, человек				
	1970	1979	1989	2002	2010
Другие этносы Из них:	42 764	128 495	412 160	457 915	526 782
Титульные народы РФ	23 596	59 544	169 308	208 612	211 251
Выходцы из стран нового зарубежья и прочие	19 168	68 951	242 852	249 303	188 201
Лица, не указавшие национальность	5	4		13 210	102 138

При сравнении данных за 2002 г. с данными за 1989 г., приведенными в таблице 60, обращает на себя внимание большой рост численности коренных малочисленных народов Севера за период 1990-х — начало 2000-х гг. Их численность за это время возросла с 19 939 до 28 12 чел. то есть на 42 %. Именно благодаря такому значительному приросту населения малочисленных народов Севера его доля в население округа к 2002 г. (сравнительно с 1998 г.) даже несколько возросла — с 1,6 до 2 % (табл. 11). Главной причиной роста является смена этнической самоидентификации метисами.

Русское население округа за период с 1989 г. по 2002 г. возросло с 850 297 до 94 690 чел., то есть на 11 %. В последующий период (2002–2010 гг.) численность русских в округе продолжала незначительно расти (табл. 10), хотя темпы прироста значительно снизились. При росте абсолютной численности его доля в населении округа за эти периоды имела тенденцию к постоянному сокращению — с 66,3 % в 1989 г. до 66,1 % в 2002 г. и 63,58 % в 2010 г.

(табл. 61). Сокращение доли русского населения в этот период продолжает тенденцию, действовавшую в предшествующие десятилетия. С одной стороны, в новых, опасных для России геополитических условиях нынешнего периода, когда, в частности, депопуляция в стране особенно сильно затронула государствообразующую русскую нацию, в округе ситуация в этом плане отличается рядом позитивных моментов. Прежде всего, важно подчеркнуть, что, в отличие от страны в целом, в округе — насколько можно судить по данным о динамике всего населения округа, в котором русские составляют все-таки большинство — имел место положительный прирост русского населения. Позитивным моментом является и то, что сокращение доли русского населения в 1990-е — начале 2000-х гг. в округе имеет незначительный размер сравнительно с предшествующими десятилетиями демографического развития округа и невелико в сравнении с нынешним сокращением доли русского населения в населении страны в целом.

Таблица 60

**Этническая структура населения Ханты-Мансийского АО
по данным переписей населения, %**

	1970	1979	1989	2002	2010
Все население в том числе:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
коренные народы Севера:	7,3	3,2	1,6	2,0	1,97
ханты	4,5	2,0	0,9	1,3	1,24
манси	2,5	1,1	0,5	0,7	0,72
ненцы	0,3	0,2	0,1	0,0	0,01
Другие этносы Из них:	92,7	96,8	98,4	98,0	98,03
Русские	76,9	74,3	66,3	66,0	63,58
Титульные народы РФ	8,7	10,4	13,2	15,0	13,78
Выходцы из стран нового зарубежья	7,1	12,1	18,9	17,0	12,28
Лица, не указавшие национальность	0,0	0,0	–	0,9	6,7

С другой стороны, и в округе тоже демографическая динамика русского населения в рассматриваемый период и сама по себе, и взятая в контексте общей социально-экономической и демографической ситуации в стране и в округе, далека от того, чтобы можно было оценить ее как вполне благополучную. Она содержит в себе не только позитивные, но и негативные моменты как с точки зрения

задач укрепления геополитической безопасности страны, а значит, и округа, так и с точки зрения решения задачи упрочения стабильности межэтнических отношений в округе.

Подчеркнем сначала то, что естественный положительный прирост русского населения округа, как и всего его населения, является, конечно же, весьма незначительным и не обладает устойчивой

динамикой. Далее отметим, что хотя сокращение доли русского населения в населении округа замедлилось сравнительно с предшествующими периодами, тем не менее оно продолжается, при том что Российская Федерация стала отдельным государством, в котором, несмотря на депопуляцию, русское население все-таки составляет гораздо более высокую долю в общем населении страны, чем таковая в общем населении округа. Вероятно, контраст между размерами доли русского населения в населении Российской Федерации и русского населения в округе воспринимался бы русскими в округе иначе, если бы основную или хотя бы более заметную, чем это есть на самом деле, часть нерусского населения округа составляли представители его титульных народов. Но поскольку сокращение доли русского населения в населении округа происходит за счет преобладания миграции в округ некоренного для округа нерусского населения, данный контраст очевиден. Данные таблицы 9 показывают динамику сокращения доли русского населения в округе и роста нерусского населения. Из таблицы видно, что наиболее быстрыми темпами в округе, по сравнению с титульными народами Российской Федерации, росла доля мигрантов, прибывших из стран нового зарубежья (то есть из бывших союзных республик СССР), более далеких по менталитету русскому населению. При этом в постсоветский период постоянно сокращалась доля украинцев и белорусов (см. табл. 9). За период 2002–2010 гг. в округе также произошло некоторое сокращение доли жителей Российской Федерации: татар, башкир, чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов, коми и коми-пермяков. Из россиян заметно увеличилась в Югре доля выходцев из Дагестана (с 2,0 % в 2002 г. до 2,7 % в 2010 г.). При этом значительно увеличилась доля прибывших мигрантов из стран нового зарубежья: киргизов (с 0,14 % в 2002 г. до 0,33 % в 2010 г.), узбеков (соответственно с 0,36

до 0,65 %), таджиков (с 0,39 до 0,64 %). Если же учесть то обстоятельство, что согласно переписи 2010 г. из 6,7 % жителей Югры, не указавших свою национальность, большинство — нелегальные мигранты из стран нового зарубежья, то удельный вес зарубежных мигрантов в округе будет весьма значительным. По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре число прибывших на территорию округа в 2011 г. составило 75 506 человек, число убывших составило 66 727 человек. Среди иногосударственных мигрантов преобладают граждане Таджикистана — 29,8 %, Узбекистана — 23 %, Киргизии — 11,7 %, Украины — 10,3 %, Азербайджана — 10 %, Казахстана — 5,4 %, Молдовы — 3,8 %, Белоруссии — 3,8 %, Армении — 1,8 %. Коэффициент миграционного прироста на 1 000 чел. населения постоянно увеличивается и в 2011 г. был равен 5,7, что в два раза выше сложившегося по России [12].

Объективно этот факт является тревожным основанием в плане его влияния на межэтнические отношения в регионе. И субъективное его восприятие, надо думать, не лучшим образом сказывается на национальном самочувствии русского населения Югры как части государствообразующей нации и ключевого субъекта межэтнических отношений.

Понятно, что изменения демографического баланса национальностей в составе населения округа, произошедшие в постсоветский период, не могут не влиять как на национальное самочувствие русских, так и на состояние межэтнических отношений в целом в регионе.

Сравнительный анализ оценок состояния национальных отношений, данных жителями Югры в последующие годы — в 2004 г., 2008 г. и в конце 2009 г., показывает, как в округе постепенно нарастает межэтническая напряженность (табл. 61).

Таблица 61

Оценки состояния сферы межэтнических отношений, данные городскими жителями Югры в 2004 г. (N = 1007), в 2008 г. (N = 1113) гг. и экспертной группой – в конце 2009 г. (N = 51) (%)

Оценка	Год		
	2004	2008	Декабрь 2009 г.
Межэтнические отношения в целом стабильны (без напряженности)	56	47	39
Имеется некоторая (незначительная) межэтническая напряженность	36	44	53
Напряженность в межэтнических отношениях значительна	7	9	8

Результаты массового и экспертного социологических опросов, проведенных нами в течение 2004 г. в пяти городах Югры (Ханты-Мансийске, Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске и Лангепасе) среди жителей, представляющих различные этнические диаспоры, показали, что в среднем по всему массиву (независимо от национальности) только половина опрошенных считает, что межнациональные

отношения в городах и рабочих поселках Югры, в основном сохраняются стабильными, без напряжения (56 %); одна треть считает, что имеется некоторая межэтническая напряженность (36 %), и 7 % назвали имеющуюся напряженность значительной. Превышение положительных оценок состояния межэтнических отношений над отрицательными в среднем по всему массиву не столь

значительно — составляет 13%. Если в 2004 г. более половины респондентов (56%) считали, что напряженности в межэтнических отношениях не имеется, то к 2008 г. доля таковых сократилась на 9% и составила уже менее половины опрошенных (47%), а к концу 2009 г. понизилась до 39%. Соответственно увеличивалась доля лиц, отметивших наличие межэтнической напряженности в округе (с 43%

в 2004 г. до 53% в 2008 и до 61% к началу 2010 г.). В основном шло увеличение доли лиц, указавших на наличие незначительной межэтнической напряженности, при этом темпы роста «незначительной напряженности», согласно опросам, нарастают. Об этом, в частности, свидетельствуют и данные последнего экспертного опроса, проведенного в Сургуте и Ханты-Мансийске в 2013 г. (табл. 62).

Таблица 62

Распределение ответов на вопрос экспертной анкеты: «Какие заметные изменения в этносоциальной обстановке произошли в Вашем регионе (в ХМАО) за последние 2–3 года?», данные жителями Сургута и Ханты-Мансийска в 2013 г. (N = 103 чел.), %

Ответы	Города			
	Сургут	Ханты-Мансийск	Другие города	Все респонденты
Увеличение доли мигрантов	81	87	88	84
Усиление межнациональной напряженности	56	31	50	46
Учащение межнациональных конфликтов	35	18	31	28
Территориальные перемещения и концентрация людей по этническому принципу в отдельных микрорайонах	23	13	25	19
Концентрация людей по этническому принципу на работе, в отдельных отраслях	29	21	25	25
Усиление политической активности отдельных этнических групп	15	5	0	9

Из данных табл. 13 видно, что на увеличение доли мигрантов в регионе (ХМАО) не без оснований сужают подавляющее большинство экспертов, как из Ханты-Мансийска (87%), так и из Сургута (81%) и других городов Югры (88%). Увеличение доли мигрантов отрицательно сказывается на оценках состояния межэтнических отношений в округе. Эксперты также отмечают, что в городах Югры происходит концентрация людей по этническому принципу в отдельных микрорайонах города (23% мнений экспертов в Сургуте и 13% — в Ханты-Мансийске), и местах работы (соответственно 29 и 21% мнений экспертов). Эксперты указывают на усиление политической активности отдельных этнических групп (в Сургуте на это указало 15% экспертов, в Ханты-Мансийске — 5%).

Об изменении характера межэтнических отношений в округе за последние годы можно также

судить по ответам на вопрос анкет 2008 и 2013 гг. «Как, по Вашему мнению, изменились межэтнические отношения в округе за последние годы?» (табл. 14). Данные социологических опросов показали, что по мере увеличения доли мигрантов в Югре степень межэтнической напряженности с годами нарастает. Если в 2008 г. доля респондентов, указавших, что межэтнические отношения в округе за последние годы ухудшились, составляла 27%, то к 2013 г. эта доля возросла более чем в два раза и составила 61%.

О том, что среди социальных факторов межэтнической напряженности на первое место вышел фактор интенсивного миграционного притока, взаимосвязанный с изменением этнодемографического баланса не в пользу славянского, в первую очередь — русского населения, говорят данные социологических опросов, отраженные в табл. 63.

Таблица 63

Ранги факторов, вызывающих межэтническую напряженность, определенные респондентами в 2004, в 2007–2008 гг. и экспертами в 2013 г., (место по степени их значимости)

Чем вызывается межэтническая напряженность?	Год		
	2004	2007–2008	2013
Борьбой за власть на разных уровнях	4	4	6
Сокращением социальной защищенности и поддержки	7		7
Значительным увеличением доли мигрантов	2	2	1
Неуважением национально-культурных особенностей тех или иных народов	1	1	2
Разжиганием национальной розни отдельными людьми и средствами массовой информации	5	3	4
Борьбой за особо престижные (доходные) рабочие места	6	6	5
Несовершенством национальной политики	3	5	3

Кроме того, миграционный приток обострил характерные негативные социальные последствия периода «радикальных реформ» 1990-х гг.: оборот и употребление наркотиков, нелегальный бизнес, эксцессы антиобщественного поведения и др. Среди негативных социальных факторов роста межэтнической напряженности, действие которых усиливается миграционным притоком, выделяются также такие факторы, как обострение конкуренции за получение рабочих мест, сокращение мер по социальной защите местного постоянного населения, усиление борьбы за политическое влияние («борьба за власть на разных уровнях»). Рост социальной напряженности, служащий источником напряженности межэтнической, в последние годы подпитывался также мировым финансово-экономическим кризисом, серьезно затронувшим и Россию, и ее регионы — не в последнюю очередь, нефтегазобывающий югорский регион.

Однако на рост межэтнической напряженности существенное воздействие оказывает не только факт присутствия и рост численности в регионе этнических мигрантов, а то, что этот процесс в должной мере не регулируется. Поэтому большинство экспертов и респондентов объясняют наличие напряженности в межэтнических отношениях несовершенством национальной политики, ущемляющей (чаще всего) интересы государствообразующего русского народа.

Регулирование миграционного прироста, сопровождающееся заботой о сохранении оптимального этнодемографического баланса, и устранение негативных социальных последствий периода

«радикальных реформ» — ключ к снятию межэтнической напряженности в регионе.

Тревоги и надежды межэтнического сообщества Югры

Степень межэтнической напряженности в округе в ходе дальнейшего проведения «реформ» 1990-х гг. и последующей, не всегда удачной с точки зрения задачи преодоления негативных последствий неолиберального курса, их корректировки хотя и нарастала, но до сих пор никогда не превышала критической отметки, за которой начинается дестабилизация сферы межэтнических отношений. Такое положение объясняется тем, что исторически сложившееся межэтническое сообщество Югры и традиционные российско-евразийские ценности продолжают оставаться основанием прочности и стабильности межэтнических отношений в регионе.

Отвечая на вопрос: «Можно ли сказать, что жители Югры, независимо от национальности прожившие здесь более 10–15 лет, живут едиными интересами, сроднились и в настоящее время представляют единое сообщество Югры?», в 2004 году 45 % экспертов согласились с этим мнением, ответив: «Да, пожалуй, это так». Столько же экспертов ответило, что это еще не совсем так, но подобная тенденция существует. И только 10 % экспертов усомнились в возможности существования единого межэтнического сообщества Югры, заявив, что вряд ли это возможно (табл. 64). Интересно сопоставить результаты ответов экспертов на указанный вопрос в социологическом опросе 2004 г. с результатами недавнего экспертного опроса — опроса 2013 г.

Таблица 64

Распределение ответов экспертов на вопрос: «Можно ли сказать, что жители Югры, прожившие здесь более 15 лет, живут едиными интересами, сроднились и в настоящее время представляют единое межэтническое сообщество Югры?», данные в 2004 (N = 50 чел.) и в 2013 гг. (N = 103 чел.) %

Вариант ответа	Год	
	2004	2013
Да, пожалуй, это так	45	24
Это еще не совсем Например, но такая тенденция существует	45	54
Вряд ли это возможно	10	16
Затрудняюсь ответить	–	6

Результаты экспертного опроса, проведенного в 2013 г., выявили значительное сокращение по сравнению с 2004 годом доли мнений, характеризующих наличие интеграции жителей Югры в единое межэтническое сообщество (с 45 до 24 %). Однако несколько возросла доля мнений, что «хотя это еще не совсем единое сообщество», но тенденция к интеграции существует (с 45 до 54 %). Отмеченное изменение мнений не опровергает результаты предыдущего опроса, поскольку доля суммарных оптимистических мнений о формировании в Югре

многонационального межэтнического сообщества в последнем опросе оказалась не намного меньше, чем в опросе 2004 г. (2004 г. — 90 %, 2013 г. — 78 %). Результаты опроса 2013 г. можно расценивать как проявление более трезвого и более аналитического взгляда экспертов на проблему. Вместе с тем, в опросе 2013 г. отразилось и отношение к новым, появившимся в самые последние годы, явлениям, представляющим известную опасность для укрепления и развития межэтнического сообщества Югры.

Тревога экспертов за перспективы межэтнического сообщества отразилась, думается, в том, что в опросе 2013 г., по сравнению с опросом 2004 года, увеличилась доля сомневающих вообще в возможности существования единого межэтнического сообщества Югры (16 и 10% соответственно). Чаще других считают, что вряд ли возможно создание единого сообщества Югры, представители старожильческого населения Югры: среди народов Севера таковых 24% и среди русских — 16% (табл. 65).

Менее пессимистичны представители других национальностей (это в основном мигранты) — 7%. Правоммерно сделать из этого вывод, что сложившаяся к настоящему времени обстановка в округе в меньшей степени устраивает местных жителей, представляющих межэтнические сообщества русских и представителей народов Севера, нежели мигрантов, представляющих другие национальности. Что, конечно же, свидетельствует о некоторой разбалансировке в сфере межэтнических отношений.

Таблица 65

Распределение ответов на вопрос: «Можно ли сказать, что жители Югры, независимо от национальности, прожившие здесь более 15 лет, живут едиными интересами, сроднились и в настоящее время представляют единое межэтническое сообщество Югры?». 2013 г. (N = 103 чел.), %

Ответ	Народы Севера	Русские	Другие национальности	Всего
Да, пожалуй, это так	24	24	25	24
Это еще не совсем. Например, но такая тенденция существует	35	55	68	54
Вряд ли это возможно	24	16	7	16
Затрудняюсь ответить	18	5	-	6

Главными факторами, представляющими опасность для стабильного существования межэтни-

ческого сообщества Югры, по мнению экспертов, являются представленные в табл. 66.

Таблица 66

Распределение ответов экспертов на вопрос: «В чем, на Ваш взгляд, могут заключаться в настоящее время опасности для будущего Югры?», данные в 2004 (N = 50 чел.) и в 2013 гг. (N = 103 чел.) %

Ответ	2004		2013	
	%	Ранг	%	Ранг
В разрушении природной среды обитания	54	1	49	2
В росте алкоголизма	32	4	25	7
В ухудшении благосостояния жителей Югры	18	7	30	5
В сокращении доли славянских народов в Югре	46	3	40	4
В вытеснении постоянного (старожильческого) населения на менее выгодные и менее интересные рабочие места	23	6	19	8
В усилении криминогенной обстановки	9	8	51	1
В незаконном вывозе прибыли за пределы Югры	50	2	43	3
В широком распространении межнациональных браков	—	9	16	9

Сравнительный анализ факторов, представляющих опасность для существования межэтнического сообщества Югры, показал, что к 2013 г. (по сравнению с 2004 г.) в Югре резко обострилась криминогенная обстановка. Если в 2004 г. такой фактор, как усиление криминогенной обстановки (среди девяти факторов, рассматриваемых нами) стоял на предпоследнем месте и составлял всего 9%, то к 2013 г. он возрос более чем в 5 раз и, составив 51%, вышел на первое место.

Главными факторами, вызывающими опасения за благополучное будущее Югры, по мнению экспертов, в 2013 г. (как и в 2004 г.) являются следующие: незаконный вывоз прибыли за пределы Югры и России — 43%, разрушение природной среды обитания — (49%); сокращение доли славянских народов в Югре — 40%, ухудшение благосостояния

жителей Югры — 30%, вытеснение постоянного (старожильческого) населения на менее выгодные и менее привлекательные рабочие места — 19%.

Если такой фактор, как разрушение природной среды в основном связан с деятельностью нефтедобывающих предприятий (и не является фактором, напрямую влияющим на межэтнические отношения в округе), то все другие вышеназванные проблемы, представляющие опасность для существования межэтнического сообщества Югры, так или иначе являются следствием высоких темпов роста численности мигрантов в Югре.

Естественно, существуют и некоторые отличия во взглядах различных этнических групп на опасность для будущего Югры как единого межэтнического сообщества. Например, экспертов из народов Севера больше, чем из других, беспокоят

такие факторы, как разрушение природной среды (76%), широкое распространение межнациональных браков (47%) и вытеснение постоянного

населения (старожильческого) населения на менее выгодные и менее привлекательные рабочие места (35%) (табл. 67).

Таблица 67

Распределения ответов экспертов на вопрос: «В чем, на Ваш взгляд, могут заключаться в настоящее время опасности для будущего Югры?», данные представителями различных этнических групп в 2013 г. (N = 103 чел.), %

Ответ	Народы Севера	Русские	Другие национальности	Всего
В разрушении природной среды обитания	76	38	54	49
В росте алкоголизма	24	16	43	25
В ухудшении благосостояния жителей Югры	12	38	25	30
В сокращении доли славянских народов в Югре	12	53	29	40
В вытеснении старожильского населения на менее выгодные и менее привлекательные рабочие места	35	18	7	19
В усилении криминогенной обстановки	47	55	54	51
В незаконном вывозе прибыли за пределы Югры	53	40	39	43
В широком распространении межнациональных браков	47	13	4	16

Русские в большей степени, чем народы Севера и другие этносы, обеспокоены сокращением в межэтническом сообществе Югры доли славянских народов и видят в этом опасность для будущего Югры. Однако почти треть экспертов, представляющих некоренное население Югры, также тревожит сокращение в Югре доли славянских народов. Такое опасение имеет под собой объективную основу, поскольку, как отмечалось выше, доля русских в Югре постоянно сокращается. Вместе с тем, как показывают данные социологических исследований, проводимых в Югре, именно с русским народом большинство представителей разных этносов связывают национальное возрождение своего собственного этноса.

Для сохранения целостности и успешного функционирования межэтнического сообщества Югры необходимо, на наш взгляд, поддержание в нем необходимой для этого доли русского народа — как можно более близкой к средней доле по России. Соответственно, и долю старожильского населения (народов Севера, сибирских татар, русских) в межэтническом сообществе Югры следует, думается, поддерживать на максимально возможном уровне.

Напомним, что заметная часть (от 2 до 19%) представителей национальных диаспор происходит из национально-смешанных семей. При этом респонденты разных национальностей чаще, чем их родители, состоят в национально-смешанных браках, среди которых преобладают браки с русскими.

Осознание значительной частью респондентов своей многонациональной принадлежности объясняется не только межнациональными браками, но и культурным единством, взаимопроникновением культур народов исторической России. Данные опроса показывают, что чаще всего национальная идентичность дополняется принадлежностью к русской нации. Это является выразительным свидетельством этноконсолидирующей, а значит, и государствообразующей роли русского этноса в российской цивилизации и конкретно — в регионе.

Подавляющее большинство представителей различных этнических групп, проживающих в Югре, считают себя патриотами своего округа: 75% в 2004 г. и 83% в 2008 г. Со временем чувство югорского патриотизма у жителей округа растет (табл. 68).

Таблица 68

Распределения ответов на вопрос: «Считаете ли Вы себя патриотом Югры?», данные в 2004 г. (N = 1007 чел.) и в 2008 N = (1113 чел.), %

Считаете ли Вы себя патриотом Югры?	Славяне		Татары, башкиры		Народы Кавказа		Народы Средней Азии		Народы Севера		Всего	
	2004	2008	2004	2008	2004	2008	2004	2008	2004	2008	2004	2008
Да	774	888	667	882	778	777	779	660	882	887	775	883
Нет	226	112	333	118	222	223	221	440	118	113	225	117

Чувство регионального патриотизма в большей мере присуще гражданам России, нежели мигрантам из ближнего зарубежья. Чаще других считают себя патриотами Югры представители народов Севера (87 %) и русские (88 %), то есть коренное население Югры.

Чувство регионального патриотизма у населения Югры во многом зависит от времени (срока) проживания в округе. Среди лиц, родившихся в округе, доля лиц, считающих себя патриотами Югры, самая значительная — 62 % (при средней по массиву 2004 г. — 56 %). В полтора раза реже, чем местное население, югорский патриотизм испытывают новые мигранты. Среди молодежи (во всех этнических группах) доля лиц, испытывающих чувство югорского патриотизма, вдвое меньше, чем у лиц среднего и старшего возрастов.

Религиозный фактор в жизни межэтнического сообщества Югры, по мнению большинства респондентов, не является фактором, дестабилизирующим межэтнические отношения в Югре. Отвечая на вопрос: «Не порождают ли различия в религиях определенные трудности в отношениях между национальными общинами», более половины (60 %) экспертов ответили — «не порождают»; 25 % считают, что существуют незначительные трудности и только 1 % экспертов оценивают эти трудности как значительные. В целом, большинство опрошенных (84 %) считает, что различные религии, существующие в округе, способны мирно сосуществовать друг с другом. Не согласны с этим утверждением только 6 %, затруднились с ответом 10 % респондентов.

В основе такого дружелюбно-оптимистического настроя лежит веками проверенное единство народов, основанное на общих российских и евразийских ценностях. Отвечая на вопрос: «Могут ли различные религиозные организации сотрудничать в решении существующих проблем», подавляющее большинство опрошенных (94 %) ответили утвердительно, и только 6 % указали на невозможность такого сотрудничества. Сферы возможного сотрудничества различных конфессий таковы: могут сотрудничать в борьбе с наркоманией, пьянством, проституцией (так считает 48 % опрошенных), в оказании благотворительной помощи — 46 %, в воспитании в духе дружбы народов (47 %), в выступлении против аборт (13 %).

Для тех прежних мигрантов, независимо от их национальной принадлежности, которые на долго связали свою жизнь с Севером, Югра стала второй родиной. Ныне межэтническое сообщество Югры значительно расширилось, включив в себя представителей многих национальностей евразийского пространства бывшего Советского Союза. Оно приобрело более высокую меру сложности, породившую новые качества, противоречия, проблемы. Будущее округа будет во многом определяться традициями межэтнического согласия, адекватностью государственных и общественных мер по стабилизации и позитивному развитию сферы межэтнических отношений.

Основные пути выхода из кризиса видятся в сохранении и поддержке коллективистских основ общества. Отвечая на вопрос о том, какие традиции наиболее важны в настоящее время, две трети респондентов (опять-таки независимо от национальности) назвали взаимопомощь, а 28 % — терпимость. Около третьей части опрошенных считает дружбу народов наиболее важной ценностью в жизни (28 %).

Например, рассмотренный материал вполне убедительно раскрывает и подтверждает высказанную выше мысль о том, что традиционное культурное единство народов России, сложившееся вокруг русского народа благодаря его объединяющей роли, является в нашей стране и конкретно в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре решающим фактором, основанием сохранения стабильности межнациональных отношений. В том же направлении в последние годы — годы нового столетия — прослеживается тенденция известного социально-экономического роста в стране и регионе и связанные с ней некоторые положительные изменения в уровне жизни населения. Дестабилизирующее действие на сферу межнациональных отношений оказывают рассмотренные выше социально-экономические и социально-политические процессы, препятствующие прогрессу уровня и качества жизни населения. Эти негативные процессы, надо надеяться, будут преодолеваться по мере последовательного отказа от курса либерально-рыночных «радикальных реформ», принятого в стране в 1990-е гг., в пользу социально-экономического курса, соответствующего культурно-цивилизационному «коду» России.

Максимова О. А.

ДИНАМИКА ПОКОЛЕНИЙ В ПОЛИЭТНИЧНОМ И ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Поколенческий анализ в качестве методологической перспективы исследования социума актуализировался в социально-философской мысли в XX веке, хотя отдельные положения в исследовании проблемы поколений встречались и ранее. Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) уделял внимание этимологии происхождения термина «поколение».

Методологические основы социологического исследования поколений были представлены в работе К. Мангейма «Проблема поколений» (1928). По Мангейму, поколение характеризуется определенным положением в обществе, специфической взаимосвязью и единым социальным опытом. При этом у каждого поколения существует собственное временное измерение и историко-культурное пространство. Смена поколений — это универсальный процесс, основанный на биологическом ритме человеческой жизни, вследствие которого в культурном процессе появляются новые участники, а старые акторы постепенно исчезают. Представители каждого поколения могут действовать только в хронологически ограниченном отрезке исторического процесса, поэтому обществу необходимо постоянно передавать культурное наследие, что и осуществляется посредством преемственности поколений. Вместе с тем К. Мангейм констатировал наличие у индивидов, по возрастным параметрам принадлежащих к одному поколению, альтернативных ценностей и установок, в связи с чем он отмечал, что единство поколения представляет собой историческую проблему [180].

Таким образом, еще в первых исследованиях поколенческой структуры общества актуализировалась проблема конфликта, разрыва поколений. Данный разрыв может быть как внутр поколенным, так и межпоколенным. Межпоколенный конфликт Мангейм связывал с феноменом энтелехии поколения (термин, впервые использованный применительно к поколениям немецким философом В. Пиндером), то есть ясно различимым новым импульсом, новым центром конфигурации поколения. Энтелехия поколения — это выражение общности его внутреннего предназначения, врожденного ему способа восприятия жизни и окружающего мира. «В подобных случаях, — отмечал Мангейм, — мы говорим о появлении нового образа поколения или о новой энтелехии поколения» [180].

Энтелехия является тем, что отличает одно поколение от другого, при этом быстро изменяющийся, динамичный ритм жизни социума может разрушить энтелехию поколения на этапе формирования. В этом случае особенно остро, на наш взгляд, проявляется межпоколенный разрыв и формируется так называемое «потерянное поколение», фактически выпадающее из общей социальной структуры. Особенно актуальна данная проблема в условиях полиэтнического и поликонфессионального общества, когда индивид одновременно выступает в качестве представителя своего поколения и своей этнической и/или конфессиональной группы. В том случае, если в обществе существует проблема межэтнического и межконфессионального конфликта, она может транслироваться и на взаимоотношения как между поколениями, так и внутри одной возрастной когорты. При этом, как показывают результаты наших исследований, выделяемые по возрастным параметрам когорты россиян действительно выступают носителями специфических энтелехий своего поколения, формируемых на основе коллективной исторической памяти. При этом выявлена тенденция, что с увеличением возраста респондентов их идентификация со своим поколением проявляется в большей степени, тогда как молодые поколения демонстрируют высокую степень индивидуализма [172].

Феномен преемственности поколений и межпоколенного конфликта стал предметом специального рассмотрения в работе Ш. Айзенштадта «От поколения к поколению. Возрастные группы и социальная структура» (1956). Айзенштадт, опираясь на исторические примеры (от примитивных до индустриально развитых государств), проанализировал две взаимосвязанные проблемы — историчности поколенческого деления общества и межпоколенной трансмиссии культуры (процессов социализации).

Основные биологические процессы, по Айзенштадту, более или менее одинаковы во всех человеческих обществах, а их культурные особенности варьируются лишь в деталях. Следовательно, все индивиды в любой исторический период вынуждены в течение жизни решать проблемы, связанные с фактом их возраста [429].

По мнению Айзенштадта, в каждом обществе существуют группы, которые, с одной стороны,

занимают важное место в социальной структуре, а с другой — членство в них базируется на возрастном критерии. Прохождение индивидом возрастной лестницы никогда не является исключительно его индивидуальным опытом, но также проблемой социальной. Именно здесь кроется наибольшая опасность для жизнеспособности общества, связанная с возможностью нарушения в механизме передачи социальной информации от поколения к поколению. Поэтому одним из главных компонентов возрастной структуры общества является ее иерархичность, то есть доминирование одних возрастных групп над другими [429].

Поколенческий анализ Ш. Айзенштадт осуществлял на основе соотнесения разновозрастных гетерогенных групп, таких как семья и другие родственные объединения, и одновозрастных, гомогенных групп, сформулировав при этом следующие исследовательские гипотезы:

1. Критерий возраста как принцип в определении социальной роли наиболее важен в обществах, которые основаны на традиционных нормах и ценностях, где главной единицей общественного разделения труда является семья или другой родственный коллектив. Разновозрастные отношения этих ячеек являются базовыми формами взаимодействия между возрастными степенями, тогда как одновозрастные отношения имеют второстепенное значение. В таких обществах одновозрастных, относительно самостоятельных групп, не возникает.
2. Одновозрастные группы обычно возникают в тех обществах, где семья или родственные ячейки не могут обеспечить или даже мешают своим членам достигать полного социального статуса. Это имеет место в двух типах общественных систем: (а) в системах, где распределение ролей, возможностей и поощрений не основано на членстве индивида в родственных группах; в таких «универсалистских» обществах идентификация индивида с разновозрастными членами семьи не обеспечивает ему достижения полной зрелости, статуса и участия в делах социальной системы; в таких случаях солидарность разновозрастных отношений разрушается и появляется тенденция к возникновению одновозрастных групп; (б) в системах, где структура семьи или генеалогической группы блокирует возможность достижения младшими социальной зрелости внутри группы, так как старшие не допускают младших к ресурсам, без которых выполнение взрослых ролей невозможно [429].

Важная роль преемственности поколений, по Айзенштадту, принадлежит процессу передачи традиций. При этом одной из существенных характеристик традиции является ее вариативность.

Внутри макросоциальной традиции общества возможно множество различных альтернатив, каждая из которых имеет определенную связь с коллективной идентичностью поколений: «Популяции, живущие в рамках того, что обычно называется «обществом» макросоциетального порядка, как правило, не организованы в одну систему, а обладают, скорее, несколькими различными видами и уровнями организации» [430], то есть являются носителями разных вариаций присущей данному обществу традиции, в том числе — и в рамках этнических групп, если речь идет о полиэтническом обществе.

Макросоциальная структура, подразделяемая на значительное количество подсистем (в том числе — этнических и конфессиональных групп), каждая из которых является носителем собственного, характерного для нее варианта традиции, может быть представлена как комплекс или как система традиций. Процесс передачи традиций из поколения в поколение осуществляется посредством институций, функционирующих в рамках указанных подсистем. В том случае, когда осуществляется передача этнических и религиозных традиций от поколения к поколению, значительную роль играет институт семьи. При этом в постиндустриальных обществах, где семья утрачивает функцию ведущего социализирующего агента, может возникнуть межпоколенческий разрыв, принимающий крайнюю форму в виде конфликта поколений или «пропасти» (разлома) между поколениями (*Generational gap* — термин, используемый рядом современных западных авторов) [5].

Категорией *generational gap* оперировала и М. Мид [4], которая рассматривала человеческую историю как смену трех типов культур, выделяемых с точки зрения характера трансляции опыта между поколениями: постфигуративные, где осуществляется традиционная преемственность поколений и дети учатся прежде всего у своих предшественников; кофигуративные, где впервые наблюдается разрыв между поколениями, где дети и взрослые учатся также у своих сверстников; префигуративные, в которых взрослые учатся также у своих детей и где, следовательно, наиболее вероятен конфликт поколений.

По мнению М. Мид, возникновение разрыва между поколениями — явление достаточно давнее, проявляющееся впервые в кофигуративных обществах, где имеет место разрыв в преемственности опыта. Такие эпизоды впоследствии все более усиливаются — общество резко дифференцируется по возрастным группам, восстание молодого поколения против авторитета старших на определенной стадии взросления институционализируется [198]. Максимальной степенью разрыва (пропасти) между поколениями характеризуются

префигуративные культуры, возникающие с середины XX века, которые формируют уникально новый тип социальной связи между поколениями, когда ценности и знания старшего поколения не довлеют над младшим поколением: «Во всех частях мира, где все народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, ...которого никогда не было и не будет у старших. И наоборот, старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих друг друга. Этот разрыв между поколениями совершенно нов, он глобален и всеобщ» [198].

Новая культура, описанная М. Мид в 1970-е гг. как только зарождающаяся, будущее которой неизвестно, за прошедшие десятилетия, на наш взгляд, еще более распространилась и усилила межпоколенческий разрыв. В настоящее время представляется дискуссионным сам принцип разделения общества на поколения, поскольку процесс традиционной преемственности между возрастными когортами фактически трансформировался в свою полную противоположность. На примере российского общества можно констатировать, что «дети» оказываются не только более информированными в динамично развивающейся технологической среде, но и более адаптированными к новым социально-экономическим условиям, по сравнению с когортой «отцов». Кроме того, развитие компьютерных технологий и формирование виртуального пространства, характеризующегося предельной степенью анонимности общения, все более стирают различия между индивидами по возрасту, социальному статусу, гендерной, этнической и конфессиональной принадлежности.

Вместе с тем методология поколенческого анализа, на наш взгляд, обладает несомненным эвристическим потенциалом, поскольку в условиях максимальной индивидуализации и фрагментации социальной жизни позволяет зафиксировать некоторые типологические характеристики социально-демографических групп. Как справедливо отмечают Н.Г. Хайруллина и Х.Н. Садыкова, межпоколенческая организация детерминруется различными процессами, в первую очередь социально-демографическими, этнокультурными, экономическими, политическими и включает все сферы жизнедеятельности человека [394].

При этом в условиях полиэтнического и поликонфессионального общества актуальным направлением исследований является анализ специфики трансляции этнорелигиозных ценностей от поколения к поколению, выявление специфики динамики поколений в сочетании макросоциальных трендов общественного развития и микросоциального контекста внутрисемейной социализации.

Изучению указанных процессов был посвящен исследовательский проект «Преемственность и конфликт поколений в условиях информационного, полиэтнического, поликонфессионального общества (на материале Республики Татарстан)», в рамках которого проведен репрезентативный опрос населения Республики Татарстан в декабре 2012 — январе 2013 года (N = 1450 чел.)¹⁶.

Согласно результатам опроса, более половины семей в Татарстане (55,4%) состоят из двух поколений. Молодежь до 24 лет проживает с родителями 35–54 лет (более 60% в каждой из трех возрастных категорий)¹⁷. Старшее поколение — от 55 лет — чаще всего живут отдельно от повзрослевших детей (47,9%)¹⁸. В целом, семьи из одного поколения составляют 23,4% выборки. В семьях из трех-четырех поколений живет 20,9% опрошенных разных возрастов¹⁹.

Отношения в семьях между поколениями подавляющим большинством респондентов были названы очень хорошими, либо с периодическими разногласиями (92,1%) — так отмечали все опрошенные вне зависимости от возраста²⁰.

Основными причинами периодических межпоколенческих разногласий в семье, по мнению опрошенных, являются:

- различные бытовые проблемы — 98,8% (по возрасту респондентов различий в ответах не выявлено);
- недовольство старшего поколения поведением младших — на втором месте (33,4%), причем в большей степени так считает молодежь до 24 лет (40,9%);
- лишь 14,6% респондентов в качестве причины межпоколенческих противоречий выделили неуважение младших к старшим;
- 21,5% назвали причиной конфликтов чрезмерное использование компьютера кем-либо из членов семьи, причем чаще других данный фактор выделяли родители 35–44 лет подростков.

¹⁶ Проект осуществлен при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0523. Руководитель проекта — канд. социол. наук, доц. О.А. Максимова.

¹⁷ Математическим подтверждением этих и последующих утверждений являются коэффициенты AR (приведенные стандартизированные остатки), так как для анализа статистически значимыми являются только те процентные распределения данных, которые соответствуют приведенным стандартизированным остаткам меньшим -2 и большим +2. Именно на этих AR основаны выводы корреляционного анализа. В данном случае AR равны 3,5, 3,2 и 2,0 соответственно при $p = 0,00$.

¹⁸ $AR = 10,8$ при $p = 0,00$.

¹⁹ Зависимостей по возрастным категориям не обнаружено, $AR < 2$.

²⁰ $p > 0,05$

Религиозные вопросы назвали в качестве причины конфликта лишь 1,8 % респондентов, межнациональные отношения — 0,6 %. Таким образом, можно констатировать, что во внутрисемейном взаимодействии разногласий по этническим и религиозным факторам между поколениями не возникает.

Вместе с тем, согласно результатам опроса, выявлен достаточно высокий процент жителей Татарстана, имеющих устойчивую этническую идентификацию. Почти половина респондентов (42,1 %) отметили, что никогда не забывают о своей национальности, причем в большей степени — это татары (52,7 %), в меньшей степени — русские (31,8 %). Пятая часть респондентов (21 %), вне зависимости от этнической принадлежности, задумываются о своей национальности лишь в определенных случаях. При этом остается примерно треть респондентов (32,4 %), которые «чаще всего не задумываются о своей национальности», чаще это русские (40,7 %), реже — татары (23,6 %). Позитивен тот факт, что у большинства опрошенных ассоциация с их этнической принадлежностью имеет положительный оценочный фон («спокойная уверенность» — у 41 % респондентов независимо от этничности и «гордость» — у 26,4 %, несколько чаще у татар — 30,8 %, реже — у русских — 20,8 %). Негативную этническую самоидентификацию, обиду и разочарование за представителей своей национальности испытывают лишь 1,2 % опрошенных, в основном это русские (2,3 %), но не татары (0,4 %).

Анализ всего массива ответов респондентов, касающихся отношения к своей этнической принадлежности, а также характеризующих степень религиозности представителей различных возрастных когорт, показал, что на макроуровне поколенческие различия в данном аспекте существуют.

Характеризуя отношение к собственной национальности, респонденты дифференцировались по возрастному признаку следующим образом. Среди молодых людей в возрасте 16–34 лет 41,8 % ответили, что никогда не забывают о своей национальности; 22,05 % задумываются о своей национальности в определенных случаях; а 29,4 % чаще всего не задумываются о том, какой они национальности. Интерпретируя приведенные данные, можно констатировать, что с незначительным превалированием первой группы, молодые респонденты в целом разделились на три достаточно равновесных сегмента. Сходная картина наблюдается и среди респондентов среднего возраста (35–54 лет), где доля тех, кто никогда не забывает о своей национальности — 40,1 %; задумывающихся о национальности в определенных случаях — 22,1 %; а практически не задумывающихся о своей национальности — около трети (35,4 %). Отметим, что при сопоставимых параметрах первых двух вари-

антов ответов доля не задумывающихся о своей национальности выше среди респондентов среднего возраста, чем среди молодежи. А вот среди пожилых респондентов (55 лет и старше) существенно выше, чем в других возрастных группах, оказалась доля тех, кто никогда не забывает о своей национальности — 50 %, тогда как тех, кто практически не задумывается о ней — сопоставимое с другими когортами количество (32,1 %); а задумывающихся о своей национальности лишь в определенных случаях заметно меньше — лишь 16,6 %. Таким образом, ярко выраженная этническая идентификация в большей степени присуща именно пожилому поколению, тогда как более молодые респонденты демонстрируют ее в меньшей степени, хотя и зафиксирована тенденция сокращения среди молодежи количества этнически индифферентных по сравнению со средневозрастной группой.

Данный вывод подтверждается и распределением ответов на вопрос о том, какие чувства испытывают респонденты по отношению к своей национальности. Среди молодежи и людей среднего возраста около 27 % респондентов отметили, что не испытывают никаких чувств, тогда как среди пожилых данный вариант выбрали лишь около 20 %. При этом доля гордящихся своей национальностью среди пожилых — 33,3 %, среди молодых — 27 %, а в средневозрастной когорте — лишь 18,3 %. Как видим, и здесь наблюдается спиралевидная динамика, характеризующаяся тем, что когорта среднего возраста демонстрирует наименьшую степень этнической идентификации, тогда как наиболее сильной она является среди пожилых, при том, что наиболее молодое поколение демонстрирует определенную динамику возрождения интереса к этнической тематике.

Полагаем, что указанные тенденции обусловлены историческим контекстом, формирующим энтелехию поколений. Пожилая когорта, на наш взгляд, прошла стадию этнического ренессанса, способствовавшего возрождению интереса к собственной национальности в постсоветский период, молодое поколение уже социализировалось в условиях актуализированной этнической идентификации. А вот поколение среднего возраста, социализированное в советский период, является наиболее этнически индифферентным, что подтверждается и анализом нарративных эссе, собранных среди студентов одного из вузов Казани в рамках того же исследовательского проекта. Авторы эссе высказывали следующие точки зрения:

«О дедушках и бабушках — отдельная речь. Так как я татарин по национальности, бабушка с детства спрашивала меня, «надеюсь твои подружки не русские?». У старшего поколения моей семьи я наблюдаю расовую неприязнь, расизм, по отношению к русским.

Я не знаю чем это обусловлено, видимо, жизнью, но все старики старше 55 в деревнях Татарстана — националисты. С одной стороны, это, конечно, правильно, мы всегда должны помнить, кто мы и откуда взялись. Но это и будет мешать становлению нормальных отношений с другими национальностями. Очередной парадокс» (*муж., 19 лет, татарин*);

«Как это ни странно, но больше всего на национальную принадлежность больше остальных обращают внимание представители именно самого старшего поколения. Трудно сказать точно, но я думаю, что подобное явление происходит, возможно, из-за того, что наши деды и бабки многие воспитывались в крестьянских, традиционных семьях и, как следствие, наследовали многие как положительные, так и отрицательные свойства (выраженные в некоторых предрассудках) дореволюционного времени. То же самое и в случае с религией. Если наши родители воспитывались в среде атеистической и интернациональной, а мы, возможно, еще просто не успели впитать в себя весь эффект от ренессанса основных конфессий, то наши деды и бабки либо еще застали время, когда хотя бы по инерции основы той или иной религии передавались от старших к младшим» (*муж., 19 лет, русский*);

«Я не раз встречала пожилых людей, для которых национальная рознь становилась причиной, мягко говоря, недоверительного отношения. Многие дедушки и бабушки, мои — в том числе, категорически против межнациональных и межрелигиозных браков. Причем, как я считаю, основной причиной этого является религиозная рознь. У родителей эта категоричность куда ниже» (*жен., 20 лет, татарка*).

Как видно из приведенных высказываний, молодые люди отмечают, что именно старшее поколение их дедушек и бабушек проявляет наибольшую степень этнической идентификации, зачастую граничащую с этнофобией и этнической интолерантностью, хотя, как показывают результаты массового опроса, сами пожилые люди не видят в мировоззрении своего поколения такой проблемы.

Согласно результатам массового опроса, преобладающая доля респондентов (75,5%) не испытывает неприязни или ненависти к каким-либо национальностям, причем чаще такой вариант ответа выбирают люди старше 55 лет (84,2%). Испытывают неприязнь 8,6% — это чуть чаще 25–34-летние (12,7%), реже — пожилые (4,9%). Наибольшую степень толерантности демонстрирует самая старшая возрастная когорта 65 лет и старше (87%), что подтверждают и данные интервью: «Все одинаковые. Ну, не знаю вот, мне не приходилось вот так вот с кем-то конфликтовать, мне все равно» (*жен., 70 лет, татарка, г. Казань*). Данный факт, на наш взгляд, свидетельствует о наличии определенного поколенческого противоречия: молодые респонденты полагают, что пожилые люди проявляют меньшую степень этнической толерантности, тогда как сами представители старшего поколения, напротив, считают себя этнически толерантными. Наименьшую степень толерантности, согласно результатам опроса, продемонстрировала когорта среднего возраста в 35–44 года (71,9%), ставшая прямым объектом экспансии националистических и религиозных движений в РТ в 1990-е — начале 2000-х годов. При этом почти половина респондентов (45,4%) считает маловероятным возникновение в республике розни, основанной на межнациональной почве.

Анализируя соотношение гражданской и этнической самоидентификации, по результатам исследования можно констатировать, что около трети опрошенных татарстанцев идентифицируют себя и со своей национальностью, и со всеми россиянами в равной степени (30,9%), также высока доля лиц, осознающих себя «в первую очередь россиянами, но также и представителями своей национальности» (22,8%), четверть респондентов имеет доминирующую макроидентичность «россияне» (26,3%). Превалирование же этнической компоненты над общенациональной и гражданской выявлено лишь у 12,8% (причем большую долю, 60,5%, из них составляют представители татарской этничности) (табл. 69).

Таблица 69

Соотношение гражданской и этнической самоидентификации респондентов

Какой ответ Вам наиболее близок?	частота	% от ответивших
1. Я россиянин	382	26,3
2. Я в первую очередь россиянин, но и представитель своей национальности (русский, татарин и т. п.)	331	22,8
3. Я в равной степени россиянин и представитель своей национальности	448	30,9
4. Я в первую очередь представитель своей национальности, но также и россиянин	185	12,8
5. Я представитель своей национальности	65	4,5
6. Другое	4	0,3
7. Затруднились ответить	35	2,4
Всего	1450	100,0

Отметим при этом, что статистически значимых корреляций в зависимости от возраста респондентов при ответе на данный вопрос не зафиксировано.

В целом на макроуровне результаты проведенного исследования продемонстрировали высокий уровень межэтнической толерантности всех возрастных когорт в РТ. Как отметила одна из информантов интервью: «Мое видение субъективное, конечно, но мне кажется, мы [жители Татарстана — авт.] более терпимы к другим национальностям, потому что мы все время в смешении живем» (жен., 40 лет, русская, г. Казань).

Интересно, что среди тех, кто не испытывает неприязни ни к какой национальности (75,5 % по массиву) несколько выше доля татар (78,2 %). Испытывают неприязнь к какой-либо национальности (8,6 % по массиву) чаще русские (11,0 %), реже — татары (6,6 %).

Однако, несмотря на то, что при ответах на вопросы общего характера респонденты продемонстрировали высокую степень межэтнической толерантности, на уровне внутрисемейных отношений они проявили большую склонность к сохранению моноэтнического состава (табл. 70).

Таблица 70

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы относитесь (отнеслись бы) к Вашему браку с представителем другой национальности?»

Ответ	частота	% от ответивших
1. Национальность в браке не имеет значения	533	36,8
2. Предпочел бы человека своей национальности, но если бы полюбил(а) представителя другой национальности – вступил(а) бы в брак	547	37,7
3. Только при условии, что супруг(а) примет наши обычаи и религию	95	6,6
4. Я категорически против таких браков	210	14,5
5. Другой вариант	7	0,5
6. Затруднились ответить	58	4,0
Всего	1450	100,0

Как видим, лишь треть респондентов (36,8 %) полагает, что национальность в браке не имеет значения, почти половина склоняется к тому, что супруг должен быть той же национальности или же будет этнически ассимилирован (44,3 %), а 14,5 % выступают категорически

против межэтнических браков. Причем, как показали результаты исследования, по данному вопросу наблюдается поколенческая динамика: негативное отношение к межэтническим бракам увеличивается с возрастом респондентов (табл. 71).

Таблица 71

Корреляция по возрасту респондентов с негативным отношением к межэтническим бракам, в %

Ответ	Возраст респондентов, лет					
	16-24	25-34	35-44	45-54	55-64	65 и старше
Считают межэтнические браки недопустимыми	12,1	12,4	13,7	17,3	18,2	20,4

Согласно представленным данным, молодежь более терпима к межэтническим бракам, тогда как наибольшую степень негативного отношения к таким бракам проявляет поколение родителей этих молодых людей (45–54 г.) и дедушек/бабушек (55–64 и старше 65 лет). Именно на эту этнофобию на микроуровне и указывали наши молодые информанты в эссе, отмечая, что их дедушки и бабушки (и достаточно часто — родители) оказываются против того, чтобы внуки/дети встречались и впоследствии создавали семью с представителями других этнических.

Более толерантны в отношении межэтнических браков русские респонденты (40,5 % считают,

что национальность в браке не имеет значения, а 42,8 % готовы вступить в межнациональный брак по любви); татары выбирали первый вариант значительно реже (29,9 %). (Отметим, что для 58 % представителей других этнических национальностей в браке не имеет значения; а предпочли бы «своего», но, полюбив, вступили бы в брак с «другим» 23,1 % респондентов прочих национальностей²¹). Категорически против межнациональных браков 14,5 % опрошенных, причем

²¹ При AR = 5,0 для 1-го варианта ответов и -2,7 — для второго.

значительно чаще татары (22,3 %²²), намного реже русские (6,6 %²³). На такой брак согласны только в том случае, если супруг примет обычаи и религию 6,6 %, среди них татар больше (8,8 %), нежели русских (4,2 %).

Проанализируем отношение к межэтническим бракам с точки зрения взаимоотношения поколений в семье через ответы на вопрос: «А как бы Ваши родители отнеслись к Вашему браку с представителем другой национальности?» были получены следующие ответы:

- 1) «Мои родители считают (считали), что национальность в браке не имеет значения» — 24,3%; чаще так отвечала молодежь (29,3%), 45–54-летние — реже (18,9 %).
- 2) «Они предпочли бы человека своей национальности, но не стали бы возражать против моего выбора» — 43,5 %; меньше всего таких ответов у пожилых людей (37,7 %).
- 3) «Согласились бы при условии, что супруг(а) примет наши обычаи и религию» — 4,6 % без различий по возрастам.
- 4) «Они были бы категорически против» — 20,3 %; так в основном отвечали пожилые (27,5 %) и редко молодежь (13,1 %).

При ответах на вопрос о браке своих детей респонденты чаще выбирали вариант ответа «Предпочел бы человека своей национальности, но не стал бы возражать против выбора своего ребенка» (46,9 %). Это чаще русские (51,5 %), чем представители других национальностей (36,1 %). Национальность в браке детей не имеет значения для 30,8 % ответивших; это также чаще русские (34,2 %) и другие национальности (44,5 %), но не татары (25,4 %). Против таких браков — 11,4 %, в основном, татары (18,5 %), но не русские (4,2 %). Согласились бы на межнациональный брак своих детей, если супруг примет другую религию, лишь 5,3 %, это также татары (6,7 %), реже — русские (4,2 %).

Для анализа этнической самоидентификации в корреляции с этничностью родителей (как фактор поколенческой динамики) были отобраны респонденты, национальность матери и отца которых не совпадала. Этих людей оказалось довольно мало в выборке — 175 человек. Для корректного статистического анализа этого недостаточно (то есть выводы не доказаны математически, информация использована лишь как разведывательная). Анализ показал, что люди чаще идентифицируют себя с национальностью отца, чем матери²⁴, причем в большей степени эта тенденция характерна для русских: у 75,9 % респондентов,

рожденных в межэтнических браках и назвавших себя русскими, отец — русский; у 51,4 %, назвавших себя татарами, отец — татарин.

Важным компонентом культуры любого общества, при помощи которого осуществляется трансляция культурных образцов и ценностей от поколения к поколению, является язык. В связи с этим интересно проанализировать роль языка в условиях полиэтнического общества, где в социокультурном поле одновременно сосуществует несколько языков. Согласно результатам проведенного исследования, языковая ситуация в РТ выглядит следующим образом: более половины жителей республики (52 %) в качестве своего родного языка называют русский, чуть меньший процент респондентов (46,4 %) — татарский. Небольшая доля опрошенных (1,2 %) выбрала другой вариант ответа при указании родного языка. Помимо родного языка, нерусское население республики в большей степени владеет русским, это отмечают больше половины опрошенных (68,5 %). Необходимо выделить весьма высокую степень владения респондентами иностранными языками, прежде всего, английским (32,6 %), в меньшей степени — немецким (4,1 %) и французским (2,1 %). Небольшая доля опрошенных обладает знанием арабского (0,3 %) и иных иностранных языков (4 %). На владение татарским как вторым языком указали меньше четверти опрошенных (14,4 %), при этом наибольшая степень владения татарским отмечается у самой молодой возрастной когорты в 16–24 года (42,7 %), наименьшая — у самой старшей когорты, возрастной диапазон которой приходится на 65 лет и старше (3,5 %). Данная тенденция обусловлена введением в 1990-е гг. изучения татарского языка как обязательного во всех учебных заведениях республики.

Отношение к билингвизму в РТ носит противоречивый характер. Власти, ссылаясь на равный статус двух языков, ввели в учебные планы школьного обучения одинаковое количество часов, отводимых на русский и татарский языки. К этому добавляются еще дополнительные часы: поскольку татарская литература как школьный учебный предмет не разработана, фактически не существует достаточной методической и дидактической поддержки и сопровождения данного предмета, недостаточно методически грамотных педагогов, то в школах данный предмет заменяется дополнительными часами татарского языка. В итоге у школьников появилась огромная перегрузка, перекося в пользу татарского языка, а изучение разговорного языка, заменено вузовским курсом татарской грамматики и синтаксиса. Все это воспринимается населением (особенно русским) как дискриминация в обучении русскому языку (табл. 72).

²² при AR = 8,3

²³ при AR = -7,3

²⁴ P = 0,2

Таблица 72

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы относитесь к проблеме преподавания татарского языка в учебных заведениях Татарстана?»

Ответ	частота	% от ответивших
1. Татарский язык должен обязательно изучаться всеми учащимися в равном объеме с русским языком	296	20,4
2. Татарский язык должен быть обязательным для всех, но в меньшем объеме, чем русский язык	326	22,5
3. Татарский язык должны изучать татары в обязательном порядке, а другие национальности — по желанию, факультативно	375	25,9
4. Татарский язык должен изучаться только по желанию, факультативно, независимо от национальности учащегося	393	27,1
5. Другое	10	0,7
6. Затруднились ответить	50	3,4
Всего	1450	100,0

Как видно из представленных данных, мнения респондентов разделились, но основная часть опрошенных (27,1 %) полагает, что татарский язык должен изучаться факультативно, по желанию, независимо от национальности учащегося или же только татарами, а остальными — по желанию (25,9%). Вместе с тем, почти половина респондентов (42,9%) считают, что татарский язык обязателен к обучению — в том же объеме, что и русский (20,4%) или же в меньшем объеме (22,5%).

В отношении к данной проблеме зафиксирована следующая поколенческая динамика. Сама молодежь более терпимо относится к изучению татарского языка. Например, варианты ответов, что татарский язык должен изучаться всеми в том же или меньшем объеме, что и русский, выбрали 50,4% респондентов возрасте 16–24 лет и 49,8% 25–34-летних. Тогда как у старших поколений этот показатель варьирует в пределах от 33,5% у 55–64-летних до 40,8% у 45–54-летних. Вместе с тем и эти данные показывают, что в татарстанском обществе нет единого мнения по данной проблеме. В значительно большей степени ориентированы на признание обязательности изучения татарского языка представители татарской этничности, нежели русские и другие национальности.

С целью выявления поколенческой динамики в сфере межнациональных отношений респондентам было предложено выбрать из следующей пары суждений то, которое в большей степени отражает их точку зрения:

- 1 — «Старшие поколения, жившие еще в период СССР, более терпимы, по сравнению с нынешней молодежью, в отношении представителей других национальностей и вероисповеданий».
- 2 — «Старшие поколения, освободившись от навязывавшегося в советские годы интернационализма, стали менее терпимы, по сравнению с молодежью, в отношении представителей других национальностей и вероисповеданий».

Как показал анализ, большинство респондентов (79,7 %) полагает, что старшие поколения более терпимы к другим национальностям. Причем сами представители старшего поколения (старше 55 лет) так считают чаще (88,4%), в отличие от двух молодых когорт — 16–24 и 25–34 лет (75,2 и 72,7%). Второе суждение — о нетерпимости старшего поколения к другим национальностям — поддержали лишь 18,3% опрошенных, причем чаще две молодые когорты (23,1 и 25,1%), реже — пожилые (9,5%).

Острой проблемой межэтнических отношений в современной России является взаимодействие коренного населения с мигрантами из стран ближнего зарубежья. В связи с этим нашим респондентам была предложена следующая пара суждений:

- 1 — «От мигрантов из стран ближнего зарубежья больше вреда, так как они создают угрозу национальной безопасности, способствуют напряженности в межнациональных отношениях».
- 2 — «От мигрантов из стран ближнего зарубежья больше пользы, так как они занимают свою нишу на рынке труда, выполняя ту работу, которую не хочет выполнять местное население».

В целом, результаты опроса подтвердили общероссийскую тенденцию: 60,1% опрошенных считают, что от мигрантов больше вреда, меньше всего таких ответов среди молодежи (53,4%). Вторая пара суждений, набравшая среди опрошенных 36,7%, чаще выбиралась молодыми (43,4%). Данные результаты свидетельствуют о том, что, несмотря на то, что в Татарстане не наблюдается острых межэтнических конфликтов, все же региональным властям следует продолжать придерживаться строгой миграционной политики, не допускающей наплыва большого числа мигрантов в республику.

О позитивном межэтническом взаимодействии в РТ свидетельствуют, на наш взгляд, ответы респондентов на вопросы из табл. 73.

Таблица 73

Согласие/несогласие респондентов с перечисленными мнениями, в %

Мнение	Согласен	Не согласен	Затр. отв.
1. Государству в России следует поддерживать в первую очередь культуру и религию большинства населения — русских	36,6	51,2	12,2
2. Государство должно поддерживать культуры и религии всех народов России	90,9	5,7	3,4
3. Применение силы в определенных случаях может помочь в разрешении межнациональных и межрелигиозных конфликтов	35,1	50,1	14,8
4. В последнее время сближение российского государства и Русской Православной Церкви ставит народы других религий в дискриминирующее положение	22,9	51,4	25,7
5. В Татарстане удается поддерживать межнациональное согласие благодаря грамотной политике властей	63,6	18,3	18,1
6. В Татарстане исторически сложилось мирное сосуществование татар, русских и других национальностей, но в последние годы из-за неграмотных действий власти эти отношения ухудшаются	34,9	44,6	20,5
7. В Татарстане маловероятно возникновение межнациональной розни	45,4	25,2	29,4
8. Татары в Татарстане должны иметь больше прав и привилегий, чем представители других национальностей	12,8	78,4	8,8

Как свидетельствуют приведенные данные, татарстанцы продемонстрировали абсолютную солидарность в том, что российское государство должно поддерживать культуры и религии всех народов, проживающих в России (90,9%). Причем корреляций по возрастным когортам здесь не зафиксировано.

Также большинство согласно с утверждением, что в Татарстане удается поддерживать межнациональное согласие благодаря грамотной политике властей (63,6%), причем в большей степени этот ответ характерен для старшей возрастной категории (73,2%), реже — для молодежи 16–24 и 25–34 лет (52,4 и 57,5%).

Не склонны к наделению татар в Татарстане какими-либо особыми привилегиями 78,4% опрошенных.

К сожалению, у населения нет твердой уверенности в том, что возникновение межнациональной розни маловероятно в Татарстане и в будущем. Согласны с таким утверждением менее половины опрошенных (45,5%), четверть (25,2%) — не согласны, и почти треть (29,4%) затруднились с ответом. Чаще оптимизм проявляют 35–44-летние и те, кто старше 55 лет (51,1 и 52,8%), реже 16–24-летние (32,4%). Среди несогласных преобладают 16–24-летние (35,9%), а 55-летних и старше довольно мало (17,3%).

Религиозная идентичность поколений поликонфессионального региона Республики Татарстан также являлась предметом нашего исследования. В ходе массового опроса был задан идентификационный вопрос о том, считает ли респондент себя верующим человеком. Распределение ответов респондентов выглядит следующим образом (табл. 74).

Таблица 74

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Считаете ли вы себя верующим человеком?»

Вариант ответа	частота	% от ответивших
Да	952	65,7
Нет	236	16,3
Колеблюсь между верой и неверием	153	10,6
Затруднились ответить	109	7,5
Всего	1450	100,0

Как видим, более половины респондентов (65,7%) относят себя к верующим. При этом, как показал корреляционный анализ, статистически зависимости от возраста респондентов

данный вопрос не продемонстрировал ($p = 0,03$, но $AR < 2$). Данный показатель варьируется в пределах 5% и выглядит следующим образом (табл. 75).

Таблица 75

Респонденты, охарактеризовавшие себя как верующих людей, корреляция по возрасту, в %

16-24 года	25-34 года	35-44 года	45-54 года	55-64 года	65 лет и старше	Всего
66,2	69,1	68,7	61,3	60,2	69,4	65,7

Показатели ответов на закрытые вопросы о религиозной идентичности оказались достаточно высокими, эти данные можно было бы трактовать как тенденцию роста религиозности во всех возрастных группах населения Республики Татарстан. Однако если мы посмотрим на

самооценку респондентами собственной степени религиозности, то обнаружим противоречия. Подавляющее большинство (67 %), называя себя верующими, признают, что практически или полностью не соблюдают обрядов и канонов своей религии (табл. 76).

Таблица 76

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Какое из следующих утверждений лучше всего отражает Вашу религиозную жизнь?»**

Вариант ответа	частота	% от ответивших
Вера определяет практически все шаги моей жизни, я строго соблюдаю все религиозные каноны	32	2,7
Я стараюсь соблюдать важнейшие каноны своей религии	354	29,6
Я верующий, но в силу разных причин не могу следовать большинству канонов	454	37,9
Я верю в существование высших сил, но не считаю нужным соблюдение каких-либо канонов и обрядов	348	29,1
Другое	9	0,8
Всего	1197	100,0

Как видим, лишь 2,7 % респондентов, назвавших себя верующими, строго соблюдают все религиозные каноны, тогда как менее трети (29,6 %) соблюдают лишь важнейшие каноны, а основная масса не видит в этом необходимости. По данному вопросу была выявлена некоторая поколенческая дифференциация. Например, среди тех, кто строго соблюдает все религиозные каноны, существует следующая корреляция по возрасту: наибольшая доля среди пожилых (старше 65 лет) — 8,1 % в данной возрастной группе; далее следуют 25–34-летние и 55–64-летние (по 3,5 % в каждой группе). Наименьшую степень религиозности продемонстрировали по убыванию: 45–54-летние (2,5 %), 35–44-летние (1,7 %) и 16–24-летние (0,9 %). Тот факт, что с возрастом люди становятся более религиозными, является неоднократно подтвержденным, при этом совершенно новым для постсоветской России становится феномен повышения уровня реальной религиозности в когорте, относящейся к верхней границе молодежи (25–34 года).

В целом, имея целью определить долю религиозного населения среди Татарстана, мы сталкиваемся с первой дилеммой — включать или не включать в их число тех, кто причисляет себя к верующим, но не соблюдает большинства религиозных канонов. На наш взгляд, причисление себя к верующим стало определенной модной тенденцией во всех возрастных группах населения, но оно, к сожалению,

не подкрепляется реальным изменением ценностных ориентаций, когда якобы верующий респондент легко позволяет себе нарушение всех канонов, предписываемых практически любой религией (как, например, употребление алкоголя).

Важной особенностью татарстанского общества является взаимное пересечение двух основных этничностей — татар и русских, традиционно придерживающихся мусульманской и православной религий. В ходе опроса 42,7 % респондентов составили русские и 49,1 % — татары. Среди русских к православным отнесли себя 95,7 % тех, кто идентифицировал себя как верующего (в том числе — и без соблюдения канонов), среди верующих татар православных оказалось лишь 2,9 %²⁵. Мусульмане среди верующих татар составили 93,6 %, среди русских — 0,6 %²⁶.

Такое пропорциональное пересечение религий тем не менее не вызывает серьезных межрелигиозных столкновений в татарстанском обществе, во многом благодаря грамотной политике регионального руководства. Татарстанское население демонстрирует высокий уровень межрелигиозной толерантности. На вопрос о том, каково будет отношение респондента к человеку, который перешел из одной религии в другую, были получены следующие ответы (табл. 77).

²⁵ при AR = 30,3 и -30,3 соответственно

²⁶ AR = 30,3 и -30,3 соответственно

Таблица 77

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Каково будет Ваше отношение к человеку, который перешел из одной религии в другую?»

Вариант ответа	частота	% от ответивших
Это его личный выбор, я буду оценивать его по другим качествам	1068	73,7
Это его личный выбор, но мое отношение к нему станет более подозрительным	92	6,3
Если человек перешел в близкую мне религию — то положительно, если наоборот — то отрицательно	40	2,8

Вариант ответа	частота	% от ответивших
Переход из одной религии в другую недопустим в принципе	133	9,2
Затрудняюсь ответить	117	8,1
Всего	1450	100,0

Как видим, подавляющее большинство респондентов (73,7 %) считают, что выбор религии — дело самого человека и данный выбор не повлияет на отношение к нему. По возрастам здесь была обнаружена зависимость только у старшего поколения: среди респондентов старше 65 лет при переходе человека из одной религии в другую будут оценивать его по другим качествам (60,2 %) больше тех, кто считает, что переход в другую религию недопустим (18,5 %). Среди остальных возрастных групп существенных различий от общих по массиву данных не зафиксировано.

Для характеристики влияния религиозной этики на взаимодействие поколений на микроуровне (внутрисемейном взаимодействии) обратимся к материалам нарративных эссе студентов.

По словам молодых информантов, поколение их дедушек и бабушек проявляет наиболее бескомпромиссную позицию по отношению к религиозному воспитанию молодежи, тогда как родители в данном аспекте более индифферентны. При этом отмечалось и особое воздействие специфики поликонфессионального региона, обуславливающего взаимное пересечение двух основных религий — ислама и христианства:

«Мы живем в республике двух наций, двух религий. В нашем обществе я наблюдаю, что старшее поколение (это наши бабушки и дедушки) более категорично в этом плане, поколение мам и пап более терпимо, а нынешнее поколение молодежи и детей, возможно, и не задумывалось над этим вопросом. Но в некоторых семьях трепетно чтут традиции, и если в той или иной семье сложилось, что женятся только татары на татарах, то уж молодая девушка из этой семьи сейчас даже не имеет права подумать о межнациональном браке, тут также можно связать и религию одновременно. Если татарин, то обязательно мусульманин. Для меня бы было неприемлемо выходить замуж только за представителя одной религии, но я не могу осуждать эту семью. Возможно, людям хочется быть принадлежащими к чему-либо. Так сложилось, что я татарка, но крещеная, и не всем членам моей семьи это понравилось. Бабушка пришла в негодование...» (жен., 22 г., татарка);

«Честно говоря, до 19 лет я был атеистом. Точнее, не мог выбрать веру я или нет в Бога. Да и меня раздражало то, что если я татарин, значит я мусульманин. Разве я не свободный человек, который выбирает религию себе сам? Тем более по масс-медиа шла и идет активная информационная война против арабского

мира. Ну, в итоге, мне кажется, я сделал правильный выбор. Про то, что я путался в выборе веры я пожилым представителям моей семьи не говорил, они бы рассмеялись, потом убили бы меня. Но я естественно преувеличиваю. Но родителям частенько говорил, что не вижу в материальных вещах Бога. Но и аргументированных фактов родители не представляли. Бабушки и дедушки целиком религиозные и верующие люди. Родители не так сильно, но с годами видимо это проявится сильнее. Может быть, это и со мной случится» (муж., 19 лет, татарин).

Отметим, что чаще на высокую степень религиозности старших поколений своей семьи указывали татары. Также достаточно часто встречались утверждения о том, что молодые татары в последние годы проявляют более высокую степень религиозности, нежели русская молодежь:

«Что касается межрелигиозного взаимодействия, то поколение моих бабушек и дедушек старалось хоть как-то сохранить свою религию, так как они пережили время атеистов. Но так как религия подавлялась, мои родители мало знали о своей религии... В моем поколении можно придерживаться любой религии. И Ислам потихоньку начал к нам возвращаться. И те, кто искал путь, нашел его. Нашему поколению легко, так как за посещение мечетей, церковей никто не осудит» (муж., 19 лет, татарин).

Согласно результатам опроса, для внутрисемейных отношений в целом характерно религиозное согласие. Абсолютное большинство опрошенных (83,9 %) заявило, что в их семьях нет разногласий между поколениями по вопросам религии и национальности. Особенно часто это мнение высказывалось среди людей старших поколений — от 45 лет — более 88 % ответов; чуть реже — среди молодежи (79 %).

Интересные данные были получены при анализе ответов респондентов на вопрос, характеризующий субъективную оценку степени религиозности разных поколений. В анкете была предложена следующая пара противоположных суждений, из которых респонденту предлагалось выбрать одно, с которым он в большей степени согласен:

- 1 — «Современная молодежь менее религиозна, чем старшие поколения».
- 2 — «Современная молодежь более религиозна, по сравнению со старшими поколениями, воспитанными в духе атеизма». Распределение ответов представлено в табл. 78.

Таблица 78

Оценка степени религиозности молодежи разными возрастными когортами респондентов, в %

Степень религиозности	Возраст респондентов, лет						Всего
	16-24	25-34	35-44	45-54	55-64	65 и старше	
Молодежь менее религиозна, чем старшие поколения	77,2	70,5	66,2	57,6	61,4	62,0	66,4
Молодежь более религиозна, чем старшие поколения	21,4	27,3	30,9	40,2	34,1	37,0	31,2

Согласно приведенным данным, сама молодежь в большей степени идентифицирует себя как менее религиозную по сравнению со старшими поколениями (так считают 77,2% среди 16–24-летних и 70,5% 25–34-летних), тогда как старшие поколения реже придерживаются такой точки зрения (61–62% среди тех, кто старше 55 лет). Интересно, что среди поколения среднего возраста мнения разделились почти поровну — чуть более половины (57,6%) респондентов в возрасте 45–54 лет считают, что молодежь менее религиозна, а 40,2%, напротив, полагают, ее более религиозной, чем старшие поколения.

В целом, высокий уровень религиозной толерантности был продемонстрирован респондентами в вопросе об их отношении к людям, придерживающимся строгих религиозных канонов в одежде. На фоне общероссийских скандалов вокруг проблемы ношения хиджаба, в том числе девушками школьного, студенческого возраста, в Татарстане данная проблема не вызывает серьезного негатива, что продемонстрировали и данные нашего опроса. К людям, придерживающимся строгих религиозных канонов в одежде, большинство (68,8%) относится безразлично, отмечая, что это личный выбор человека. В этом ответе не зафиксировано существенных отличий по возрасту. Относятся отрицательно 17,7%, причем чаще это пожилые старше 65 лет (23,6%) и значительно реже — молодежь

16–24 лет (9,7%). Положительно относятся к таким людям 12,5% опрошенных, причем чаще молодежь (18,3%).

Таким образом, проведенное исследование продемонстрировало в целом достаточно высокий уровень преемственности поколений полиэтнического и поликонфессионального региона Республики Татарстан как на макро-, так и на микроуровне. В Татарстане в постсоветский период, благодаря достаточно грамотной политике региональных властей, удалось предотвратить разжигание межнациональной и межрелигиозной розни. На современном этапе большинство населения всех поколений демонстрирует высокий уровень межэтнической толерантности, хотя и имеются определенные проблемные места, особенно в аспекте взаимодействия местного населения с мигрантами. Существенной разницы между энтелехиями отдельных поколений по вопросам гражданской, этнической, религиозной идентификации, межэтнического и межконфессионального взаимодействия исследованием не зафиксировано, что позволяет сделать вывод о том, что конфликт поколений в татарстанском обществе по данным направлениям отсутствует (за исключением локальных противоречий, проявляющихся, как правило, на внутрисемейном уровне), а, напротив, преобладает преемственность.

Садыкова Х. Н.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА МЕЖПОКОЛЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

Проблема ценностных ориентаций в структуре преемственности поколений является важной проблемой общественного развития. Ее содержание и острота определяются конкретными

историческими условиями. В периоды трансформаций характер преемственности меняется, происходит ослабление традиционных связей между поколениями. Резкие перемены

усиливают различия между ними. В сознании россиян происходит актуализация ценностей и установок, ранее либо находившихся под идеологическим запретом (предпринимательская деятельность, наличие частной собственности) или имевших формальный декларируемый характер (свобода мнений). Тем не менее данный процесс является длительным, и трансформация мировоззрения происходит медленнее, чем проводимые экономические и политические преобразования. Поэтому актуальна проблема выявления основы формирования ценностных ориентаций и культурной преемственности в социокультурном пространстве региона.

В условиях модели стихийной социализации молодое поколение не всегда может объективно оценить духовное достояние, которое должно быть ему передано старшим поколением. Представители молодого поколения воспринимают социальное и материальное положение старшего поколения, утвердившееся за годы советской социальной системы, как основу для своего развития в новых условиях и вместе с тем как неудачное и бесперспективное. Система норм и идеалов, которых они придерживались и до сих пор не могут отказаться от них до сих пор, мешают молодежи вписаться в новые рыночные отношения. Отрицательная оценка молодого поколения со стороны старшего поколения связана со снижением значения духовных, нравственных ценностей в молодежной среде, с такими широко распространенными среди молодых людей явлениями, как преступность, наркомания и другими формами девиантного поведения.

Успехи в проведении реформ в значительной мере зависят от того, будут ли происходить изменения в культуре, в структуре ценностей, и если будут, то какими темпами, в каком направлении. Следовательно, для более глубокого понимания развития общества, изучение обратного процесса того, как влияют системы и структуры ценностей и ценностные ориентации личности на успех проводимых политических и экономических трансформаций, тоже весьма актуально и значимо.

Проблема межпоколенных отношений в социокультурном пространстве региона требует глубокого и всестороннего изучения. Исследование проблемы духовной преемственности, ее механизмов позволит четко выявить основную специфику отношений между поколениями, в условиях перехода к рыночным отношениям, установить основные факторы, определяющие данные процессы, выявить определяющие тенденции в историческом контексте, осуществить прогностическую оценку развития общества.

Конфликт поколений характеризуется следующими факторами: а) понижение социального статуса пожилых людей; б) изменение характера труда в индустриальном обществе, в результате ускорения темпов научно-технического прогресса; в) обесценивание молодежью накопленного опыта старших поколений; г) распространение негласной государственной политики отстранения от работы пожилых людей, достигших пенсионного возраста. Эти тенденции способствуют обесцениванию старости в глазах молодого поколения и усилению геронтофобной (страх перед возрастом) установки в массовом сознании [403]. А в России дистанцирование поколенческих групп характеризуется специфическими факторами:

- обесценивание старости в глазах молодого поколения;
- поиск семейных ценностей как духовных, так и материальных;
- передача собственности по наследству;
- вытеснение людей пожилого возраста на периферию социальной жизни;
- неприятие детьми ценностей и образа жизни своих родителей;
- увеличение социокультурной дистанции между молодым и пожилым возрастом [403].

Однако указанные факторы выступают лишь следствиями тех динамичных социально-экономических преобразований, которые затронули каждого человека и продолжают воздействовать на него некоторой совокупностью явных и латентных явлений, что оказывает серьезное влияние на диспропорции внутри социального единства народа. Психологические девиации, как уже было сказано выше, реализуются либо в осуществлении жизненных планов без адекватного планирования (чему способствует система доступного кредитования граждан), либо в уходе от активного реального взаимодействия (наркомания, алкоголизм, интернет-зависимость, игромания и т.п.). Все это сказывается на социально-демографическом потенциале страны как стремительное снижение потребностей в культурной трансмиссии и потеря «обратной связи» между поколениями.

Прогноз численности населения по возрастным группам Росстат дает в трех вариациях: низкий, средний и высокий вариант прогноза. Ориентируясь на негативный сценарий, следует подчеркнуть, что тенденция снижения численности населения влияет на изменение пропорций в сторону увеличения лиц старше трудоспособного возраста (рис. 18) [502]. В целом, это означает утрату эффективности межпоколенного взаимодействия ввиду «отрыва» одной возрастной группы от других групп (рис. 19) [503].

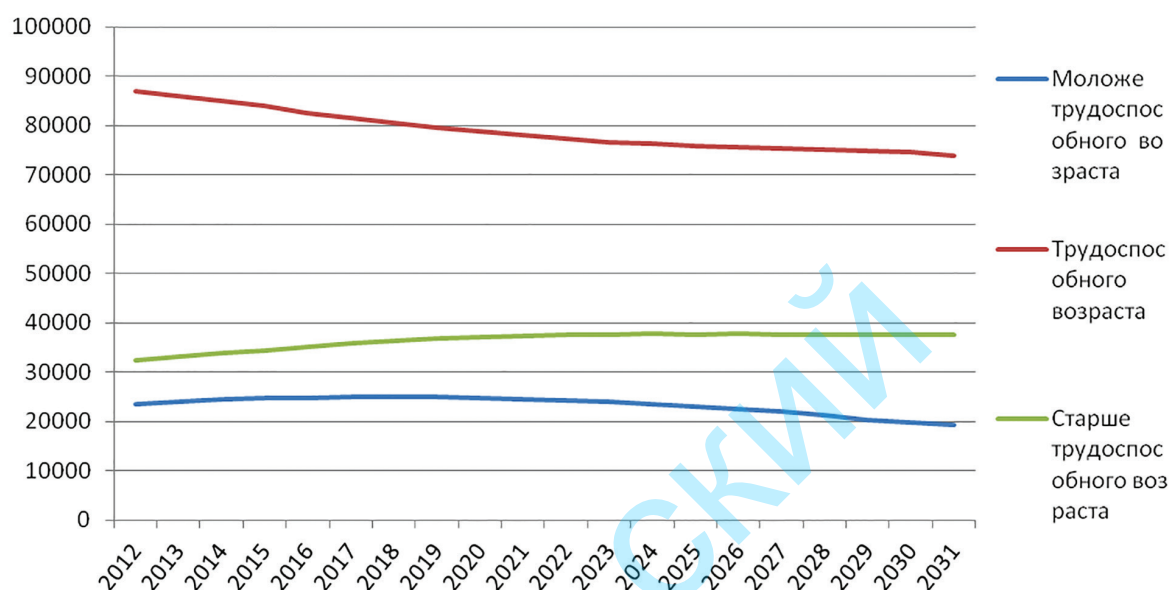

Рис. 18. Прогноз численности населения по отдельным возрастным группам (на начало года)

Очевидно, что распределение населения в трех группах по признаку работоспособного возраста весьма условно, поскольку все чаще молодежь начинает трудовую деятельность, не достигнув «трудоспособного возраста», и, напротив, лица пенсионного возраста продолжают свою трудовую деятельность. Отчасти именно на профессиональном поле возникают те позитивные и многообещающие контакты поколений, которые позволяют осуществляться взаимному обмену ценностями, мировоззренческими установками или, по крайней мере, представлением плюрализма мнений по

тому или иному событию бытового или социально-политического, экономического характера.

Вместе с тем налицо и негативный аспект ранней профессиональной социализации молодежи и пролонгированной трудовой активности старшего поколения, который выражается в противостоянии старых догматов (в большей части связанных с процедурными вопросами, организацией деятельности) и новых — инновационных подходов, что в целом, обостряет на этом фоне противопоставление и культурных, нравственных стандартов.

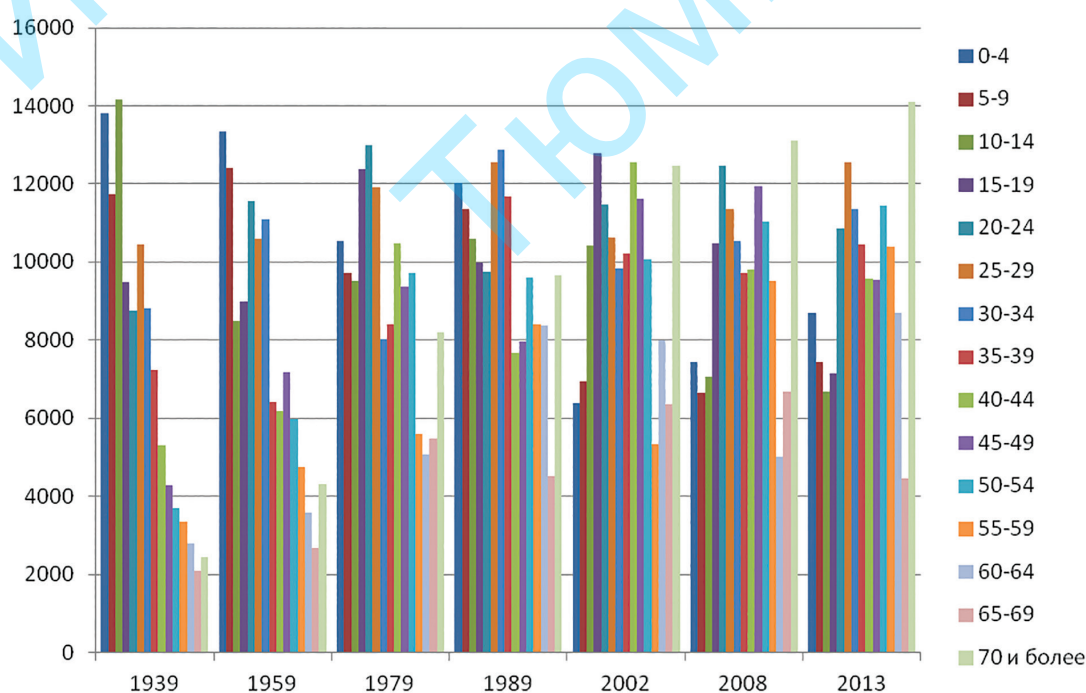

Рис. 19. Распределение населения по возрастным группам (на 1 января), тыс. чел.

На рис. 19 в интервале 1939–2013 гг. представлена волновая тенденция смещения возрастных групп к позиции «старше трудоспособного возраста», что обусловлено последствиями Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), сталинскими репрессиями и массовым выездом специалистов наиболее активной возрастной группы на постоянное место жительства за границу в последние десятилетия.

Учитывая все многообразие факторов, влияющих на процессы взаимодействия между поколениями, принимая к сведению композиционную сложность внутриличностных трансформационных механизмов, автор выделяет ту совокупность причин, которые априори предопределяют мировоззренческую установку личности (и как следствие группы — поколения), обозначенных как «социальные ценности». При этом социальные ценности рассматриваются в двух смыслах — широком и узком.

Социальные ценности в широком смысле — значимость явлений и предметов реальной действительности с точки зрения их соответствия или несоответствия потребностям общества, социальной группы, личности. Социальные ценности в узком смысле — нравственные и эстетические требования, выработанные человеческой культурой и являющиеся продуктами общественного сознания [484].

Принимая во внимание длительность и последовательность вхождения человека в социальную среду, которая обозначается термином «социализация» стоит отметить, что в первую очередь происходит усвоение (принятие или отторжение и тогда выработка собственных стандартов) элементов современной культуры, соответствующих ей ценностей и норм поведения. Совокупность ценностей, таким образом, настолько широка, что не только охватывает все стороны жизни индивида, но регулярно обновляется, что характеризует динамику и своеобразный вектор развития. Структура ценностей включает: идеологические, экономические, политические, моральные и этические, религиозные, эстетические и др. ценности. В свою очередь, ценности опосредуют и опосредуются общественными идеалами, характерными для каждого исторического периода (эпохи, поколения). Наиглавнейшей функцией социальных ценностей выступает роль критериев выбора альтернативного способа действий в каждом индивидуальном или групповом жизненном акте. Ценности поколений взаимодействуют друг с другом и в этом единстве и многообразии структурируются в общественную, социальную культуру.

Существенными параметрами процесса взаимодействия ценностей являются следующие черты. Во-первых, ценности по степени их общественной значимости распределяются в иерархическую

структуру, где каждый вышестоящий уровень оказывает более глобальное (системное) воздействие, приводя социум либо к стабильности (когда ценности одобряются большинством), либо к активному противостоянию (ценности отторгаются). Очевидно, что ценностные противоречия порождают серьезные конфликты между поколениями и негативно сказываются и на экономической сфере, выступающей фундаментом «социального строительства».

Во-вторых, иерархия ценностей внутри одной поколенческой группы также неоднородна и не представляет плавный переход от одной ценностной системы поколения к другой. В такой ситуации, своеобразный «разброд и шатания» внутри одной поколенческой группы ослабляет конструктивное и созидательное начало в культурной трансмиссии. Более того, возникает феномен «подстраивания» системы ценностей под конкретные жизненные коллизии, что разрушает стержневой смысл мотивирующей функции социальной нормы. Конструируются нелогичные модели поведенческой деятельности, когда внутренне отторгаемые ценности, тем не менее, предопределяют следование псевдообщественным нормам и нормативам.

Для изучения ценностных ориентаций населения региона целесообразен подход, рассматривающий структуру ценностных предпочтений, а не отношения к отдельным вопросам. В исследовании определялись иерархические позиции следующих ценностей: богатство; интересная работа; чувство собственного достоинства, самоуважение, честь; уважение со стороны окружающих; карьера, власть; крепкая семья, хорошие дети; уверенность в завтрашнем дне; свобода мнений; полная неограниченная свобода; стремление к Богу, следование его заповедям.

В данную группу вошли относительно новые для современного российского общества ценности, ранее мало изучавшиеся в исследованиях. К ним относятся «богатство», «полная неограниченная свобода», «стремление к Богу, следование его заповедям»; «свобода мнений», «уверенность в завтрашнем дне». Результаты исследования в рамках конфликтологического мониторинга сравнивались с данными вторичного анализа 1990 года исследования: «Наши ценности сегодня» 1993–1995 гг.; «Динамика ценностей населения реформируемой России», проведенных Центром исследования ценностей при институте философии РАН под руководством Н.И. Лапина. Н.И. Лапин приходит к выводу о социокультурном кризисе, кризисе ценностей в российском обществе середины 1990-х гг., вызванном реформами, изменениями форм собственности, социальных структур. Само российское общество того времени представляло собой кризисный социум.

Современное российское общество было не только кризисным, но и реформируемым [96]. Для каждого отдельного россиянина встал выбор: «самому обустроить свою жизнь по собственному усмотрению (не препятствуя другим делать то же самое) или же по-прежнему позволять органам государства безличным институтам решать за граждан их жизненные вопросы» [96, С. 13].

Получение качественного материала по исследованию межпоколенного взаимодействия предполагает логическое структурирование программы, инструментария и методики обработки с учетом специфики групп респондентов, включающих различный возраст, образовательный и профессиональный уровень. Очевидно, что указанное разнообразие предъявляет требования универсальности инструментария при некотором снижении объема извлекаемой информации по причинам упрощенных вопросов и ограничения спектра предлагаемых вариантов ответов. Это, в свою очередь, обусловлено необходимостью сопоставимости (корреляции) мнений опрашиваемых групп [274–276].

Принимая во внимание разнообразные подходы в дифференциации населения, автор считает целесообразным выделить группы не только и не столько с распределением по возрасту, сколько по временным интервалам социализации индивидов, вызванных происходящими в России социально-экономическими переменами, позволившими сформироваться определенному социокультурному коду. При таком подходе распределение населения будет осуществляться по четырем базовым категориям с допущенными условностями:

- поколение советской эпохи (60–летние) — поколение «S» (*Soviet*), воспитанное в духе идейно-классовой борьбы с коллективистскими ценностными установками и с вполне категорично заявленными дальними целями общественного развития и т.д.;
- перестроечное поколение (40–летние) — поколение «P» (*Perestroika*). Активная интеграция в общественное экономическое взаимодействие пришлось на начало 1990-х гг. — рубеж смены вектора социально-экономических отношений, разрушения имеющихся идейных и нравственных догматов, поиска альтернативных путей саморазвития и т.д.;
- постперестроечное поколение (20–летние) — поколение «PP». Восприятие новых социальных и экономических установок, ориентированных на зарубежные идеологемы, свобода выбора жизненных вариантов развития при частичном отказе государства от социальных обязательств и гарантий для молодежи, уничтожение бесплатного образования, медицины, перспектив профессионального развития и т.д.;

- нарождающееся поколение (10–17 лет) — поколение «E» (*Eve*). Люди потребительской ориентации, насыщаемые мировыми культурными ценностями, зачастую имеющими транснациональное и транскультурное выражение, активно включенные в социальные коммуникации посредством электронных средств связи, подверженные влиянию научно-технического прогресса без возможностей объективно-мотивированного анализа окружающей ситуации и т.д.

Обозначение вышеназванных поколенческих групп позволяет сосредоточить внимание на механизме дисперсного исследования и, соответственно, поляризованного анализа характеристик социокультурного кода, в свою очередь, распределенных по пяти базовым основаниям:

- 1) *восприятие и оценка социально-экономической ситуации* позволит охарактеризовать совокупное влияние внешней среды на процесс формирования моделей поведения индивида в системе коммуникаций;
- 2) *доминирующие ценности*. Выявление аспектов, связывающих или разделяющих межпоколенческое взаимодействие, определение центрально-образующих ценностей, транслирующих элементы эволюционного развития общества;
- 3) *базовые жизненные принципы*. Установки человека на регенерацию системы ценностей как ответная реакция внешних трансформаций. Эти принципы характеризуют целостность личности, мировоззрение и отношение к принципам других людей;
- 4) *социальное взаимодействие*. Частота и теснота контактов как внутри поколенческой группы, так и за ее пределами. Формы обмена информацией и эффективность достигаемого результата, что указывает на интенсивность межпоколенческого взаимодействия;
- 5) *стратегические цели*. Проектирование собственного будущего в качественных и количественных параметрах позволяет охарактеризовать динамику социальных процессов и выстроить модель эффективного взаимодействия, позволяющую нивелировать имеющиеся негативные тенденции и стимулировать формирование и функционирование автоматических регуляторов, поддерживающих прогрессивность общественного развития.

Указанные выше пять оснований предопределяют наличие пяти блоков в авторской анкете, каждый из которых содержит логическое раскрытие (прямое либо опосредованное) того или иного основания с целью обнаружения положительных корреляций. Таким образом, результаты эмпирических исследований имеют «плоскую» интерпретацию и позволяют произвести «объемный» анализ,

позволяющий создать социокультурную модель межпоколенных связей.

Извлекаемый эмпирический материал (интерпретация результатов полевых исследований) предшествует этапу моделирования и представляется в матричной форме (табл. 79), в которой

фиксируется срез современной системы взаимодействия между поколениями по пяти вышеуказанным основаниям между четырьмя поколенческими группами. Такое оформление позволяет зафиксировать факторы системные, перманентные и дискретные.

Таблица 79

Система межпоколенных связей

Социальная группа	Факторы связывающие поколения		Факторы разделяющие поколения	
	анализируемые категории	социальная группа	анализируемые категории	социальная группа
Поколение «S»	восприятие и оценка социально-экономической ситуации	«P» «PP» «E»	восприятие и оценка социально-экономической ситуации	«P» «PP» «E»
	доминирующие ценности	«P» «PP» «E»	доминирующая система ценностей	«P» «PP» «E»
	базовые жизненные принципы	«P» «PP» «E»	базовые жизненные принципы	«P» «PP» «E»
	социальное взаимодействие	«P» «PP» «E»	социальное взаимодействие	«P» «PP» «E»
	стратегические цели	«P» «PP» «E»	стратегические цели	«P» «PP» «E»
Поколение «P»	восприятие и оценка социально-экономической ситуации	«S» «PP» «E»	восприятие и оценка социально-экономической ситуации	«S» «PP» «E»
	доминирующие ценности	«S», «PP», «E»	доминирующая система ценностей	«S», «PP», «E»
	базовые жизненные принципы	«S» «PP» «E»	базовые жизненные принципы	«S» «PP» «E»
	социальное взаимодействие	«S» «PP» «E»	социальное взаимодействие	«S» «PP» «E»
	стратегические цели	«S» «PP» «E»	стратегические цели	«S» «PP» «E»
Поколение «PP»	восприятие и оценка социально-экономической ситуации	«S» «P» «E»	восприятие и оценка социально-экономической ситуации	«S» «P» «E»
	доминирующие ценности	«S» «P» «E»	доминирующая система ценностей	«S» «P» «E»
	базовые жизненные принципы	«S» «P» «E»	базовые жизненные принципы	«S» «P» «E»
	социальное взаимодействие	«S» «P» «E»	социальное взаимодействие	«S» «P» «E»
	стратегические цели	«S», «P» «E»	стратегические цели	«S», «P» «E»
Поколение «E»	восприятие и оценка социально-экономической ситуации	«S» «P» «PP»	восприятие и оценка социально-экономической ситуации	«S» «P» «PP»
	доминирующие ценности	«S» «P» «PP»	доминирующая система ценностей	«S» «P» «PP»
	базовые жизненные принципы	«S» «P» «PP»	базовые жизненные принципы	«S» «P» «PP»
	социальное взаимодействие	«S» «P» «PP»	социальное взаимодействие	«S» «P» «PP»
	стратегические цели	«S», «P» «PP»	стратегические цели	«S» «P» «PP»

Внешняя среда (ее прямое и опосредованное воздействие) изучается по признаку угроз или благоприятствования человеку; доминирующие ценности представлены в двух группах — терминальные и инструментальные; базовые жизненные принципы в четырех подсистемах — витальной, интеракционистской, социализационной и смысло-жизненной; социальное взаимодействие — как качество контактов; стратегические цели — как проектирование и социальные ожидания той или иной поколенческой группы.

Автором в качестве объекта исследования было выбрано население региона, представляющее статистическую группу (абстрактная общность). Исследование проводилось в форме социологического опроса, изучались ценностные ориентации каждой личности. В исследовании исходная совокупность подразделялась по определенным признакам по полу, роду занятий, возрасту и полученному образованию. Использовалась квотная выборка по семи возрастным группам (по 100 человек в каждой) выборочная совокупность составила 700 человек, из них репрезентативность рассматривалась по гендерному и возрастному показателям.

Оценка динамики происходящих перемен актуальна и для определения степени адаптивности поколенных групп к трансформациям в экономической и социальной сферах. С возрастом «угасает оптимизм» в оценках с 71,4 у молодых до 28 % у пожилых людей, что объясняется различиями в оценочных механизмах, когда старшее поколение сравнивает нынешнее состояние со своим прошлым (советским периодом), при этом не выставляя экономику в качестве доминанты.

Молодые же сопоставляют имеющиеся у них возможности в России и за рубежом, справедливо

полагая о наличии у них широких перспектив общественной и профессиональной социализации, и фактор сугубо экономический, соответственно, является для этой возрастной группы преобладающим.

Ключевым аспектом в оценочных суждениях выступают различные платформы (наличие или отсутствие прошлого опыта; акцентирование внимания на сферах жизнедеятельности; приоритетность мотивационных и поведенческих установок и т.д.) мировоззрения, что отражает естественную закономерность, прослеживаемую и в историческом анализе.

Конкретизация параметров, вызывающих наибольшее беспокойство респондентов, в целом указывает на больший негативный фон внешних факторов, в числе которых респонденты называют (первая пятерка по убыванию значимости): коррупцию, терроризм, проблемы ЖКХ, межнациональные конфликты, бедность. При этом первые два фактора имеют поколенный дифференциал, а последние — гендерный. Например, коррупция и терроризм, проблемы ЖКХ с возрастом острее воспринимаются как угроза. А вот национальная принадлежность и соответствующий рост напряженности, а также материальное положение существенно важнее для молодых, ощущающих не только дискомфорт в социальном окружении, но и довольно высокий уровень конкуренции на рынке труда.

Выявлено отсутствие прямой связи между проблемами, окружающими человека и прямыми угрозами для всего социума, иначе любая проблема воспринималась бы крайне негативно и вызывала бы крайние формы пессимизма и апатии. Поэтому выявление связи между проблемами и угрозами представляет не только научный, но и практический, социально-психологический интерес (рис. 20).

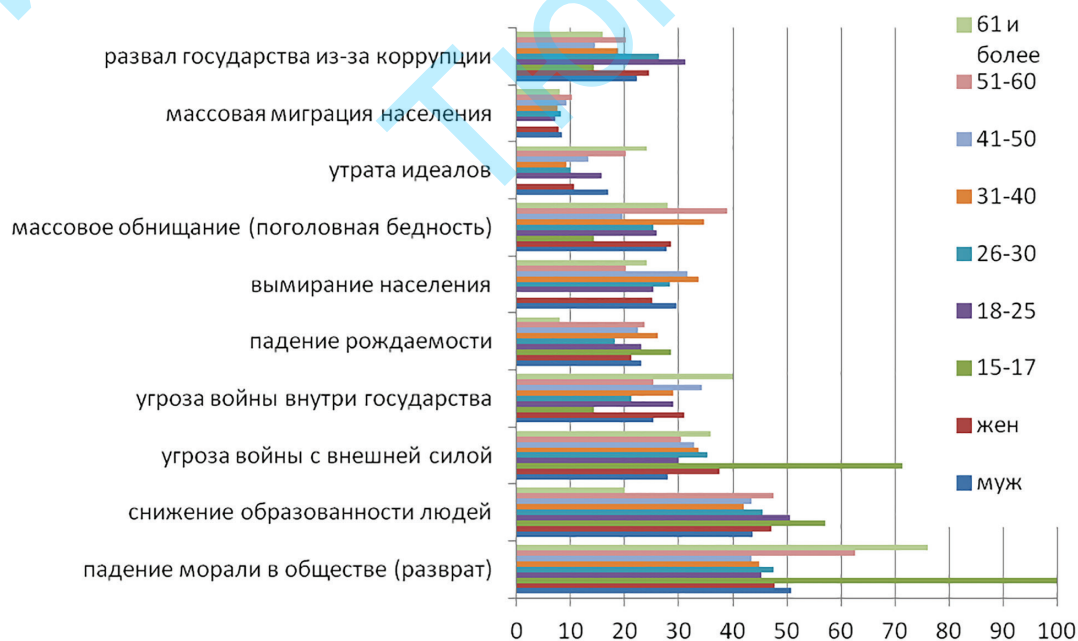

Рис. 20. Классификация угроз для личности и общества, %

В этом разрезе мнения респондентов практически совпали, так как большинство из каждой возрастной группы обозначили основными угрозами «падение морали» и «снижение образованности людей», вероятно, осознавая неразрывную связь между образовательной и воспитательной социализацией индивида. При этом безнравственность и аморальность как оценочные суждения зависят от возраста опрашиваемых, и наблюдается согласованность двух крайних поколений (молодых и старших), а вот снижение образованности социума больше волнует женскую часть населения, априори склонную следовать сложившимся нормам, традициям и общественным установкам.

Способы решения проблем разнообразны, они складываются в три основных варианта: «самостоятельно» (73,5 % мужчин и 66,8 % женщин), «с помощью родственников (соответственно 38,6

и 53,3 %) и «с помощью друзей» (52,7 и 45,3 %). Первый и второй вариант имеют гендерный, последний — поколенный дифферент.

Утрата ценности семьи и важности родственных связей — надуманный и опровергаемый данным исследованием факт (рис. 21). Единодушие во мнениях о взаимной поддержке родственников зафиксировано во всех возрастных группах в пределах 55,1–76,5 %. И если для молодежи это взаимодействие выражается, скорее, как материальная (финансовая) помощь, то в старших возрастных группах потребность приобретает форму морального и коммуникативного воздействия, именно поэтому ценность семьи приобретает с возрастом другое содержание и «физическое наполнение» путем трансформации «каналов» связи, их роли и значения в процессе жизнедеятельности.

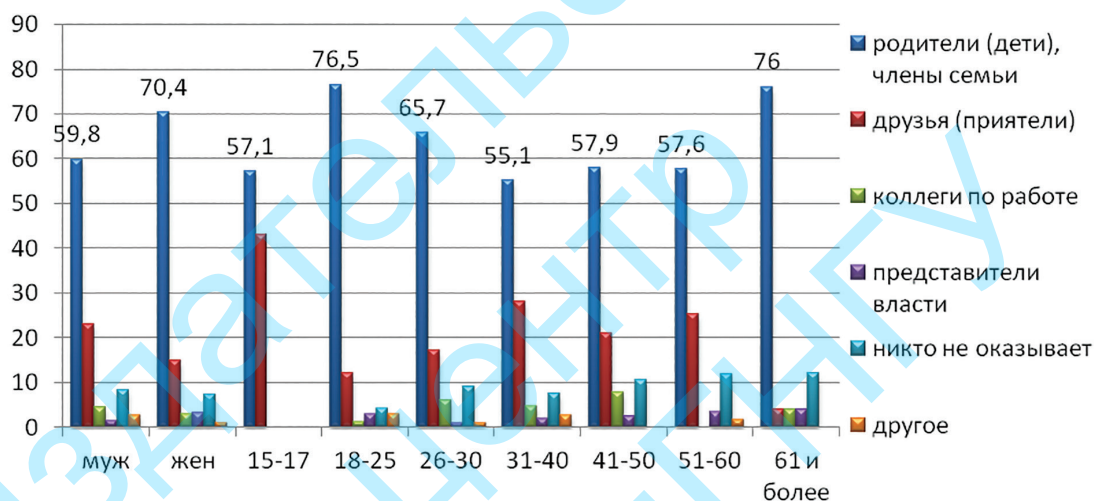

Рис. 21. Оказание поддержки в решении личных проблем, %

Тем более занимательны результаты опроса по важным и утраченным ценностям: при консолидированной гендерной оценке четверть опрошенных (23,5 % мужчин и 26,6 % женщин) указывают на утрату стабильности традиционной семьи, при этом сама семья (как абсолютная ценность) не занимает в списке приоритетов высшие позиции. Зато «личное счастье в семье» — безоговорочный лидер в иерархии ценностей, но и утрата этой ценности фиксируется небольшой долей от числа опрошенных (16,7 и 13,5 % соответственно). Следует уточнить (скорректировать) аналитический подход, требующий осознания того факта, что восприятие значимости (важности) и актуальности (утраты) той или иной ценности формируется на основе не только статических, но и динамических переменных, то есть понимание каждой отдельной ценности в том или ином поколении обусловлено комплексными, зачастую интегральными факторами. Иными словами, например, «счастье в семье» определяется в соотношении «Я» и «Мы» и, следо-

вательно, имеет различные мотивационные и поведенческие установки как в гендерном, так и возрастном аспекте.

Молодежь обнаруживает внешнюю угрозу со стороны проводимых правительством реформ как в системе образования и воспитания под воздействием западной идеологии, так и в политической системе. Старшее поколение более «осторожно в своих мнениях», полагая, что все предложенные варианты (причины) имеют место быть практически в равной степени. Тем не менее такие причины, как проводимые властью социальные и экономические реформы, вхождение России в мировое сообщество (глобализация), изменения в системе образования и воспитания, разрыв связей между поколениями имеют, скорее, гендерный дифферент, прочие — возрастной (поколенный).

Восприятие мира осознается и через понятие «жизненного успеха» (рис. 22) являющегося комплексным показателем, в котором все определяющие факторы иерархически дезагрегируются.

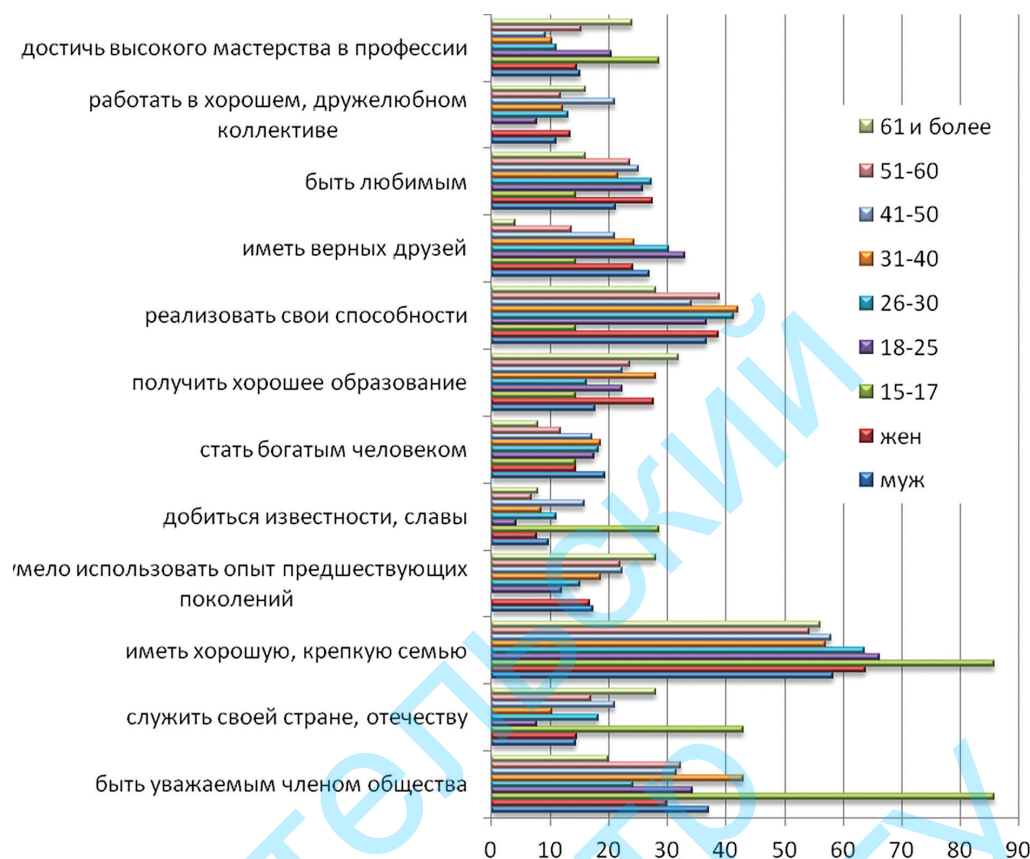

Рис. 22. Содержание понятия «Жизненный успех», %

Еще одно подтверждение «неугасающей» ценности семьи зафиксировано в ответах на вопрос о структуре жизненного успеха, когда более половины респондентов из всех возрастных групп апеллируют к этому наиважнейшему фактору. Что особенно любопытно, молодежь в возрасте 15–17 лет (85,7 %) определяет семью как «опорный фактор» и такой же процент отводит другому фактору — «быть уважаемым членом общества». И если первый фактор носит гендерный признак, то второй — поколенный.

Оценка наборов ценностей по гендерному и возрастным индикаторам позволила автору определить направление и темп нарастания/угасания значимости тех или иных, значимых для респондента параметров мировосприятия. Например, «Уверенность в завтрашнем дне» является доминантой почти для всех опрошенных, за исключением возрастной группы 18–25 лет, которая тем не менее, обозначила ее как важную, но не единственную ценность. Значение «Богатства» в любом его толковании, снижается у респондентов с годами: 52 % опрошенных старшей возрастной группы заявили о ее неважности и непервостепенности (гендерных отличий нет).

«Карьера, власть» существенны для входящих в профессиональную жизнь респондентов и, соответственно, нивелированы у пенсионеров, хотя есть незначительный рост интереса к этой

ценности у лиц предпенсионного возраста, обусловленный, скорее, сугубо экономическими предпосылками (размером пенсионного содержания).

«Полная неограниченная свобода» фиксируется и в гендерном, и в поколенном дифференте, и если в возрастном аспекте нарастание значимости этой ценности происходит к средней возрастной группе (39,3 %), то вполне очевидно, что доминирование «задано» мужской частью населения (41,3 % против 27 % у женщин).

Далее ответы «укладываются» в канву предлагаемой автором аргументации. Например, «Чувство собственного достоинства», «Крепкая семья, хорошие дети», «Взаимопонимание с родственниками» не вызывают разночтений среди респондентов. В дальнейших сравнениях нарастает дифферент. «Свобода выражения мнения» имеет возрастную, пусть незначительную, но флуктуацию, связанную с угасанием значения этой ценности. «Стремление к Богу, следование его заповедям» — весьма неоднозначная реакция, так как у молодежи и средней возрастной группы появляется такое мнение, как «отношусь с презрением», и даже у старшей группы важность отмечена у чуть более половины респондентов. Также разброс оценок получен при оценке показателя «Получение от жизни как можно больше удовольствий», когда повышенное равнодушие зафиксировано у двух полярных возрастных

групп (15–17-летние, 61 и старше); гендерные различия незначительны. На волне структурированного мнения опрашиваемых автор конкретизирует систему проблем, обусловленных поколенными различиями (рис. 23). При ответе на этот вопрос отслеживается явная поляризация в методологическом подходе респондентов, так как молодые «уповают» на разные ценностные установки, а «старика» — на разницу жизненного опыта, и если первые заключают свои суждения

в формальные (статичные) рамки, то вторые — в процессные (динамичные), когда молодежь не «желает слушать и учиться». Это концептуальный вывод, так как дифференциация обнаруживается по другим аспектам и бытующие межпоколенные предубеждения не позволяют конкретизировать и проанализировать истинные причины затруднений во взаимодействии поколений. Очевидно, что проблема обозначается в сфере коммуникативного обмена.

Рис. 23. Содержание нынешних отношений «отцов» и «детей» по мнению респондентов, %

Удовлетворенность взаимоотношениями с родителями при некотором скептицизме выражает большинство молодых (15–17 лет). Отношения со старшим поколением (бабушки, дедушки) демонстрируют нарастание степени неудовлетворенности и глубины противоречий особенно между крайними поколениями. Обратный информационный поток — отношения с детьми — адекватен вышеописанному. Так же строятся и отношения с друзьями.

Выравнивание оценок уровня отношений с коллегами по работе наблюдается по позициям «вполне удовлетворен» и «скорее, удовлетворен», при этом мужчины более благосклонны к своему профессиональному окружению (гендерный параметр).

Еще больший сдвиг в сторону недовольства обнаруживается по каналам социальных отношений в целом в современном обществе, когда негатив транслирован из разных источников информации, в том числе и из СМИ. При этом молодые более категоричны в отрицательных оценках.

Современная российская молодежь, по мнению большинства респондентов, грубая, хамоватая, агрессивная, бездуховная, без каких-либо идеалов и, что любопытно, сама молодежь даже более категорична в самооценке. Также указывается

на наличие негативных качеств — зависть и недоброжелательность, равнодушие, безволие. В качестве «противовеса» (компенсации негатива) у молодых отмечены: юмор, жизнерадостность, интерес к жизни и готовность воспринимать новое.

Учитывая тот факт, что средняя возрастная группа является наиболее профессионально подготовленной, социализированной, то и смещение оценок вполне логично и обоснованно. Доминирует энергичность, предприимчивость и деловые способности, также характерны отзывчивость и желание помочь окружающим. Это указывает на наличие эффективных коммуникативных каналов, обеспечивающих существование минимального количества информационных каналов, обеспечивающих преемственность передачи производственного опыта от «профессионалов» к «новичкам». При всем этом качества в большей степени выражены в женской модели поведения.

Старшее поколение демонстрирует весьма специфичную, но в контексте рабочей гипотезы вполне обоснованную характеристику. В частности, упор сделаем на отрицательные свойства этой возрастной группы — непонимание и отрицание всего нового. Впрочем такой консерватизм не только

понятен, но и естественен. Показательным выступает и тот факт, что такой недостаток за собой отмечают сами пенсионеры и в меньшей степени люди предпенсионного возраста. Женщины чаще осознают свое техническое и технологическое отставание от прогресса общественного развития, что также объяснимо из выше представленного анализа.

Однако следует признать и доминанту нравственных качеств за старшим поколением. Такие качества, как порядочность, честность, добросовестность, не вызывают сомнений ни у каких групп. Также в наименьшей степени присутствуют те негативные качества, которые преобладают у молодого поколения.

Частота коммуникации и их качество определяют технологическое качество взаимосвязи поколений, и в этом случае фиксация направленности информационных каналов чрезвычайно важна. Например, частота контактов с родителями с возрастом уменьшается (это очевидно, поскольку происходит естественное выветывание данной категории «контактеров»). Общение с родственниками по качеству, количеству и необходимости резко возрастает в пенсионном возрасте, что также объяснимо и очевидно. Та же ситуация при общении с детьми, правда потребность в этом больше выражена у женской половины человечества.

Общение с соседями и знакомыми имеет циклическое выражение, то есть одинаково важно и для 17-летних и для 60-летних (гендерный

аспект выражен слабо). Общение же с друзьями, напротив, гендерно не различается и в возрастной дифференциации выражено слабо. Общение также следует идентифицировать и во внешнее окружение, как общение с чиновниками, священнослужителями, партийными функционерами, прочими деятелями и коллегами по работе.

Следует обозначить некоторую хаотичность контактов такого рода. Если принимать во внимание ограниченность круга общения каждой возрастной группы, следует предположить минимальные контакты молодых с представителями чиновничества и священнослужителей и ограниченность в коммуникации пенсионеров с коллегами по работе. Кстати этот факт, имеющий выраженную профессиональную обусловленность, углубляет «разрыв» между поколениями, поскольку речь идет не только о частоте контактов, но и об уровне их содержательной части. Соответственно, происходит расхождение и по направленности информационных каналов и по качеству (структуре) информационных потоков.

Проектирование собственного будущего и будущего страны проживания — характеристика, позволяющая выявить степень воздействия положительных и отрицательных факторов на каждую возрастную группу (поколение), что в дальнейшем может использоваться как вторичный анализ при выборе варианта социального развития (рис. 24).

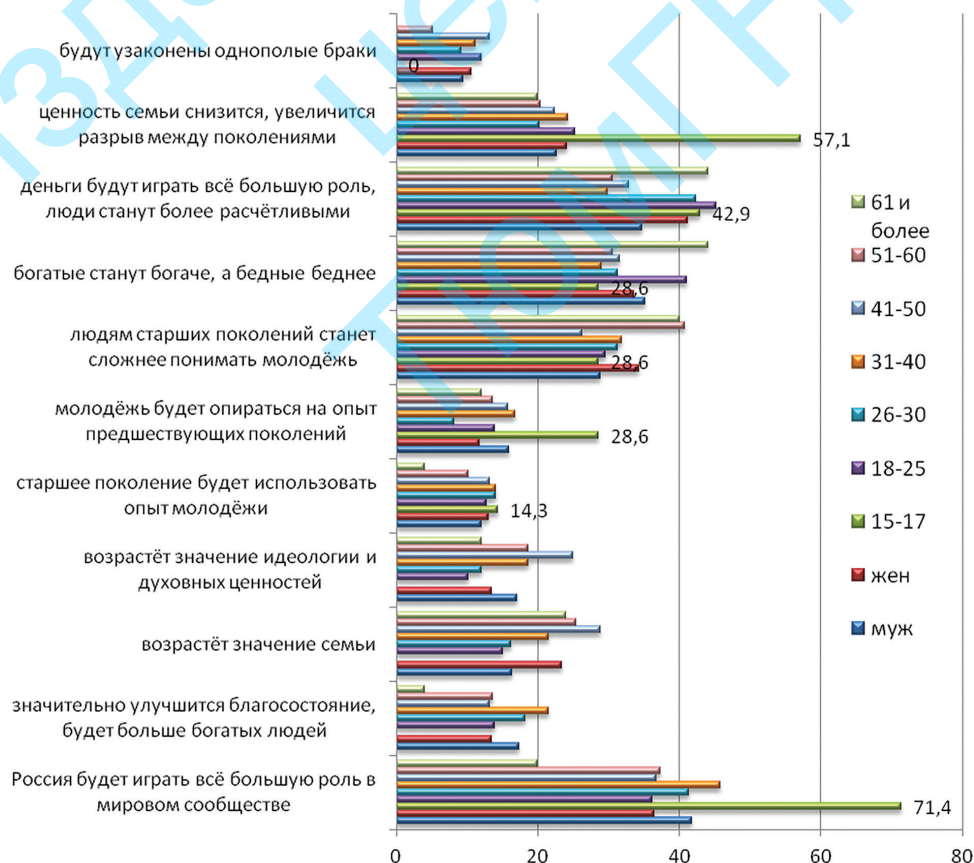

Рис. 24. Оценка перспектив российского общества к 2025 г., %

Следует предположить, что сама формулировка вопроса и восприятие термина «будущее» ассоциируется у населения с качеством и уровнем образованности (развития) молодежи. При этом процесс оценки преломляется через восприятие собственных детей.

В самом общем виде мнения респондентов совпадают, что указывает на присутствие единого механизма интерпретации данных внешней среды. По мнению большинства, будет возрастать роль России на международной арене, но влияние эволюционных веяний запада окажет существенное деформирующее воздействие, приводящее к нарастающему прагматизму и увеличению разрыва в доходах населения. Ожидается снижение ценности семьи отчасти и потому, что рано или поздно однополые браки будут узаконены, что повлияет на трансформацию основополагающих функций семьи. Также нарастает разрыв между поколениями, обусловленный увеличенными темпами происходящих перемен. Имеется и настораживающий факт, связанный с радикализацией во мнениях самой молодой части респондентов, где 57,1 % мнений объективно

отражает имеющиеся положительные и негативные тенденции своего будущего положения.

Самоидентификация возрастной группы производится посредством самодиагностики доминирующих настроений, определяющих качество системы мировоззрения и мироощущения (рис. 25).

Большинство в каждой возрастной группе, правда не превышающее 30 %, остается с надеждой на лучшее и, как ни странно, 15–17-летние характеризуют себя как «потерянное поколение» (28,6 %). Женщины чаще испытывают оптимистические настроения, но в остальных оценках гендерные различия несущественны. Также слабо выражен дифферент и в поколенных группах, некоторая хаотичность в восприятии, очевидно, задается внешними, не имеющими возрастного значения.

Совершенно другие диспропорции зафиксированы при ответах на вопрос об оценке следующего за текущим поколения (рис. 26). Здесь поколенный фактор проявляется четче именно по позитивной характеристике «я верю в них», а также по индикатору «я им сочувствую».

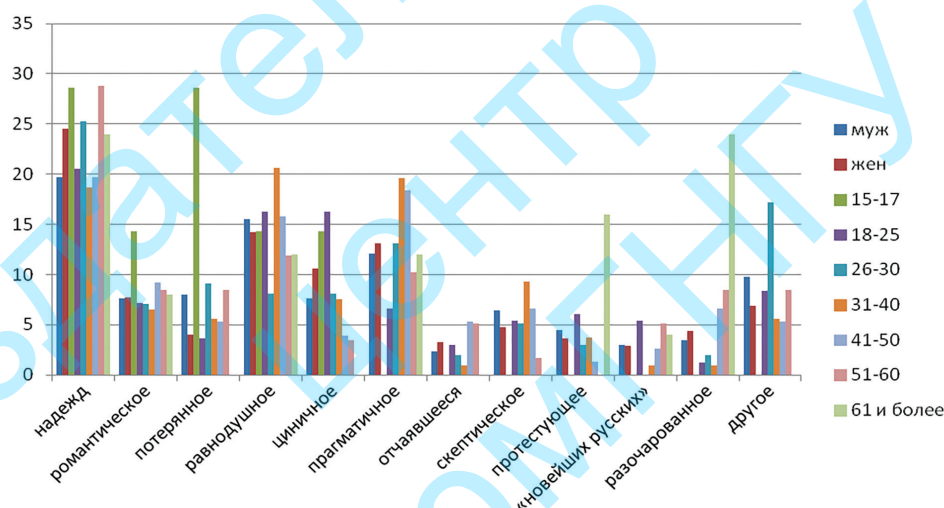

Рис. 25. Самодиагностика настроений возрастных групп, %

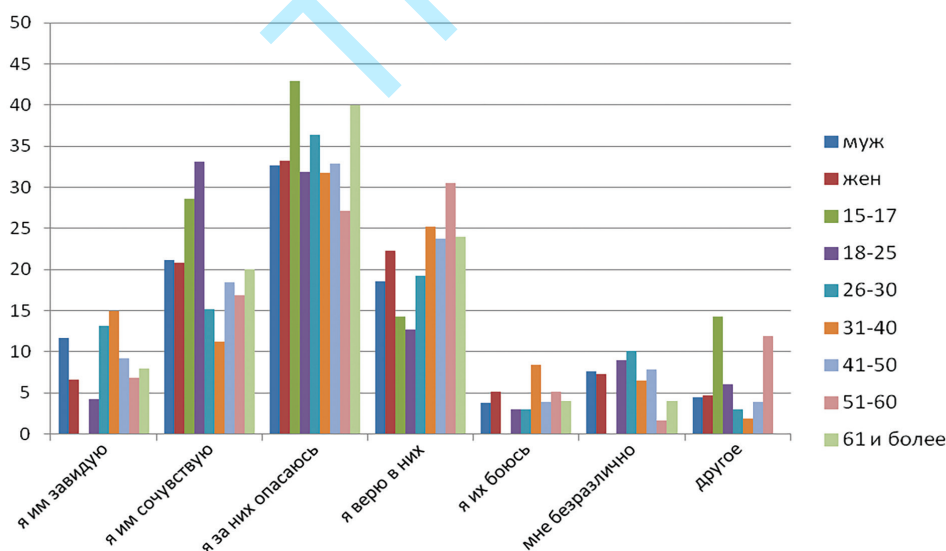

Рис. 26. Отношение к следующему поколению, %

Уверенность в собственном благоприятном будущем снижается в каждом предыдущем поколении, что обусловлено, скорее, временным фактором, нежели реальными и объективными причинами. Очевидно, что молодые люди, у которых вся жизнь впереди, ожидают большого. Примерно равная доля респондентов каждой возрастной группы «не вполне уверены», то есть та категория и та численность населения, которая свои собственные опасения «проносит» через всю свою жизнь.

В данном конкретном исследовании, автора интересует проблематика взаимоотношений поколений через призму мировоззрений самих респондентов, поэтому при ответе на вопрос о перспективах, была уточнена позиция и взаимодействие поколений и по культурному аспекту в частности.

Межпоколенных разночтений по данным ответам не выявлено. Приходится лишь констатировать тот факт, что «поколенческая петля» (феномен цикличности) проявляется во мнении «преимущественного воздействия взрослых на молодежь» и «изолированности поколений»; «традиции и опыт старшего поколения будет осваиваться молодежью» (пессимизм) и «опыт родителей будет неприемлем для детей». И если первые две указанные петли — естественно объясняются эволюцией и прогрессом, то две следующие петли — факторы вызывающие настороженность, формирующие необходимость коррекционного воздействия на имеющиеся тенденции утраты межпоколенного взаимодействия. Насколько же проявляется единство внутри молодежной поколенной группы как фундамента будущего общества? (рис. 27).

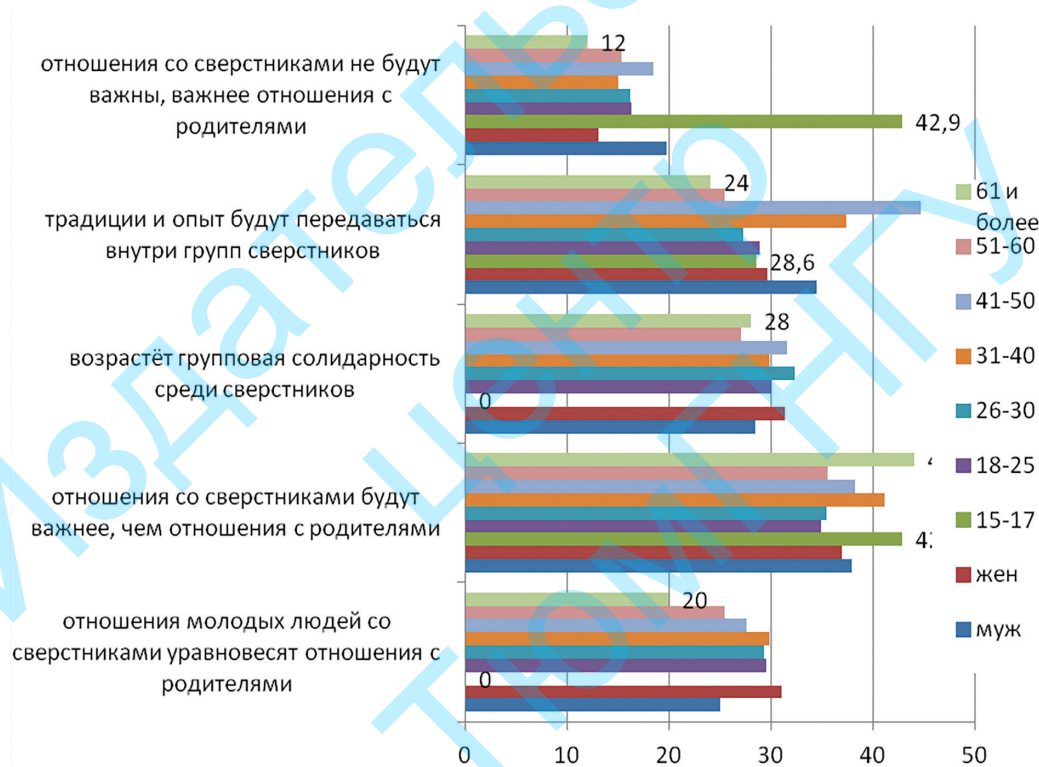

Рис. 27. Тенденции изменений отношений со сверстниками, %

Взаимодействие со сверстниками показатель-но по оценкам самой молодежи, так как отношения с родителями не только важны сегодня, но и будут приобретать повышенную важность в перспективе (42,9 против 12% у лиц старше 61 года по тому же индикатору). Объяснение, по мнению автора, «лежит на поверхности», когда различия обусловлены разным толкованием природы этих отношений. Молодежь делает упор на потенциал такого взаимодействия, то есть наличия возможности коммуникации, особенно по наиболее затруднительным жизненным коллизиям, уже для них достаточно, в то же время, старшее

поколение апеллирует к постоянному и непрерывному информационному обмену, полагая, что через частоту и продолжительность контактов достигается максимальная эффективность взаимодействия, в том числе и культурная трансмиссия. И не даром «поколенческой петле» уделено повышенное внимание (рис. 28).

42,9% 17-летних полагают, что в формировании будущей культуры за основу будут приняты нормы не родителей, а «культура дедов». Значителен дифферент гендерных мнений, поскольку мужчины выше оценивают свои достижения и свой опыт в качестве необходимого

культурного наследия, в то же время, женщины справедливо полагают, что ввиду быстрых изменений старшему поколению придется учиться у молодежи, а значит, адаптировать свои взгляды к требованиям современной жизни. Старшее

поколение настаивает на значительной конфликтности молодежной культуры (52 %) отчасти и потому, что категоричность и крайний экстремизм как существенная опасность, признается самими молодыми (42,9 %).

Рис. 28. Формирование культуры будущего, %

В заключение сформулируем выявленные закономерности:

- Во-первых, проблемы социальной жизнедеятельности воспринимаются всеми поколениями практически идентично, а расхождения обусловлены молодым максимализмом и ностальгическими воспоминаниями старшего поколения. Гендерные различия столь несущественны, что можно с некоторой долей обобщения говорить об одинаковых трансформациях сознания мужчин и женщин с психологически объяснимым доминированием каждого пола в практической или чувственно-эмоциональной сферах.
- Во-вторых, наибольший пессимизм наблюдается у лиц средней возрастной группы, то есть профессионально социализированной частью населения. Их негативные оценки обусловлены как технологическими факторами (режим работы, наличие хронической усталости, монотония и пр.), так и психологическими диспропорциями, когда достижение жизненной успешности зависит от нестабильного внешнего окружения.

- В-третьих, автор подтверждает выдвинутую гипотезу о цикличности ценностей и установок, что характеризует проблематику межпоколенного взаимодействия с коммуникативных позиций, а не возрастных противоречий, как это принято обозначать в пресловутой формуле: «конфликт отцов и детей».
- В-четвертых, фиксируются базовые ценности, которые априори воспринимаются всеми поколениями как «осевые» (стержневые) ценности пусть даже и меняющие ранг приоритета в той или иной возрастной группе. В числе таких ценностей — семья, которая отнюдь не утратила свои позиции, но приобрела новые роли, в т.ч. связанные с символизацией успешной социализации индивида.
- В-пятых, попытки «синхронизации» темпов жизни всех поколений изначально обречены на неуспех. Именно поэтому актуальным направлением совершенствования (корректировки) межпоколенного взаимодействия автор считает функциональную специализацию поколений.

Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д.

СООБЩЕСТВО НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ В РОССИИ: СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ²⁷

При реализации любой социально-экономической политики на первый план выходят проблемы, связанные с развитием всех социально-структурных процессов. Поэтому чрезвычайно актуальным становится исследование динамики взаимодействия различных социальных групп и слоев, становление их интересов, значимости различных аспектов социального неравенства между ними. Это связано с изменениями в отношениях собственности, появлением новых форм в системе властных отношений, резкой дифференциацией в уровне доходов различных групп населения. Кроме того, весомыми становятся и такие факторы, как изменение структуры занятости населения, формирование новой поляризации различных видов труда — преимущественно ручного и научно-индустриального, а также отраслевой его специфики. Происходит радикальная трансформация экономического потенциала социальных групп: формируются класс собственников — крупных, средних, мелких и класс наемных работников, основной экономический потенциал которых зависит от доходов работы по найму в государственном, смешанном или частном секторе. В то же время возрастает значение индивидуальной состоятельности в процессах социального продвижения людей к более высокому социальному статусу, формируются устойчивые связи, консолидирующие социальный потенциал общества [229].

Одним словом, налицо многомерное, иерархически организованное социальное пространство (социальная стратификация), в котором социальные слои, группы, классы и другие социальные элементы дифференцированы по степени обладания властью, собственностью, социальным статусом, имеют свою систему ценностных ориентаций, свои ролевые функции [315].

Настоящий период социально-экономической жизни России характеризуется качественными изменениями форм собственности: на смену прежде монолитной государственной собственности пришло разнообразие форм. Например, в 2013 году доминирующей формой собственности стала частная (60,0%). Затем, по убывающей — государственная и муниципальная (28,4%), смешанная российская (5,9%), совместная российско-иностранная (5,2%),

собственность общественных и религиозных организаций (0,5 %) [262].

Анализируя занятость населения по секторам экономики, выделим также неформальный сектор и население, занятое в нем. Последний рассматривается как совокупность производственных единиц — домашних хозяйств, которые осуществляют производство товаров и услуг для реализации на рынке и не являются самостоятельными юридическими единицами [226]. Необходимо отметить специфическое воздействие этого института на формирующийся рынок труда и всю социально-трудовую сферу. Именно он существенно влияет на гибкость российского рынка труда. Миллионы работников заняты в этом секторе без контрактов, без гарантий заработной платы, без социальной защиты. Данный сектор очень быстро реагирует на рыночный спрос на товары и услуги. Поэтому российский рынок труда является значительно более гибким, чем можно было бы предположить на основе анализа официальных институтов, в том числе норм трудового права, реально соблюдаемых в полном объеме только предприятиями формального сектора. Наиболее важная социально-экономическая функция неформального сектора состоит в том, что он амортизировал сокращение занятости в формальном секторе в 1990-е годы, давая части россиян возможность заработать, смягчив тем самым социальное напряжение в обществе [360]. Этот сектор охватывает 18,4 % общей численности занятого населения, а среди сельских жителей в зависимости от времени года составляет от 25,0 до 35,0 %.

Структура занятого населения по отраслям экономики характеризуется следующими тенденциями. Преобладает доля занятых в сфере услуг, в отраслях, производящих товары (промышленность, сельское и лесное хозяйство, транспорт и связь, строительство), на основной работе было занято 46,2 % общей численности населения; в отраслях, производящих услуги, соответственно 53,8 %. Сущность постиндустриальных рыночных сдвигов предполагает относительное и абсолютное уменьшение занятости в отраслях, производящих по преимуществу материально-вещную продукцию, равно как и рост доли работающих в отраслях информационного, научного, финансово-торгового, социально-культурного обслуживания и в управлении. И, судя по опыту наиболее развитых стран,

²⁷ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-03-00306а.

экономике, приближающейся к научно-индустриальному уровню, соответствует структура занятости, в которой на долю первичного сектора приходится менее 1/10 работников, вторичного — 1/3, третичного — от 3/5 до 2/3.

В современной России сокращение промышленной занятости становится результатом не только вытеснения из производства действительно избыточной рабочей силы, повышения производительности и интенсивности труда, закрытия остальных и ненужных производств. Наряду с этими процессами нынешнее высвобождение работников происходит вследствие упадка и неприспособленности к рынку технически вполне развитых предприятий. Прогрессивный в целом перелив занятых в третичный сектор сочетается в ходе финансово-экономического и социально-политического кризиса с переливами не в отсталые, а наиболее развитые узлы индустриальной (а подчас и научно-индустриальной занятости). Стало явным торможением научно-технического прогресса то обстоятельство, что преимущественное внимание по-прежнему уделяется сырьевым отраслям, обеспечивающим валютные поступления от экспорта.

Вообще обращение к проблематике трудовой занятости, к формированию статусных позиций социальных групп необходимо начать с общих характеристик рынка труда в России. Как мы понимаем, это целый социальный пласт, включающий показатели профессионально-квалификационной структуры занятого населения, динамики населения, экономической активности и безработицы, образовательного уровня занятости, стоимости рабочей силы и многие другие характеристики. Если оперировать более фундаментальными категориями, то речь идет о таких знаковых институциональных изменениях, которые формируют рынок труда со всеми его принципиальными, универсальными механизмами как экономическими, так и социально-структурными. С точки зрения последнего механизма, здесь переплетены многообразные отношения субъектов социальных процессов: предпринимателей-собственников, работников наемного труда различных категорий. Именно здесь «сфокусирована» сфера социально-трудовых отношений, включение человека в производственную деятельность, а значит, в сложную систему взаимодействия работника и труда. Причем эффективность этого взаимодействия непосредственно зависит от того, насколько ситуация соответствует современным социальным реалиям, либо противоречит им, порождая всевозможные трудовые конфликты в обществе. Кризисные явления только обострили ситуацию в этой области [73].

Еще раз подчеркнем, что рынок труда — сложнейшая и динамичная социально-экономическая категория, в которую вплетены многообразные

отношения субъектов социальных процессов: предпринимателей-собственников, государства, работников наемного труда. Эффективность механизмов его регулирования в последнее десятилетие достаточно противоречива, ибо развитие ситуации в сфере социально-трудовых отношений непосредственно зависит от того, насколько они (механизмы) способны либо соответствовать, а значит, ускорять институциональные изменения в экономике, либо противоречить, а значит, препятствовать адекватности современным реалиям и порождать трудовую конфликтность в обществе [273].

Указанные процессы характеризуют «макросрез» рынка труда — механизмы соответствия и приспособления рабочей силы к формирующимся условиям рыночной экономики соответствующей инфраструктуры. Но существует еще и «микросрез» — развитие ситуации в сфере социально-экономических, социально-трудовых отношений внутри отдельных корпораций. Именно здесь общие институциональные изменения в области труда оказывают непосредственное влияние на формирование статусных позиций работников, их социально-психологических черт, стратегий поведения в производственной и внепроизводственной жизнедеятельности, их социально-трудового воспроизводства.

Масштабность проблем на этом уровне кажется иной, но тем не менее именно в корпорациях — производственных структурах — образуются локальные рынки труда со своим спросом и предложением, со своим профессиональным и образовательным потенциалом занятых в них работников, со своей востребованностью / невостребованностью, с трудовыми конфликтами, социальной напряженностью, со своими законами, изменениями социального статуса работника, психологической и другой готовности к этому и т.д. Поэтому важными и информативными представляются исследования массовых групп работников различных статусов, профессионального и образовательного положения, возрастных генераций и т.д.

Необходимость конкретного анализа всего комплекса проблем, связанных с развитием новых форм социальной дифференциации и интеграции, с изменениями в социальном положении отдельных групп и слоев населения, определяется многими причинами. С одной стороны, современную социальную структуру нельзя рассматривать как стабильное, устойчивое явление [315]. Продолжаются радикальные изменения в отношениях собственности, распределении, общественной организации труда, в тенденциях и направлениях социальной мобильности. С другой стороны, трансформационные процессы привели к возникновению новых социальных общностей,

их взаимосвязей, иерархии. Суть всех изменений — экономические преобразования в период постсоветской модернизации, которые качественно преобразили социально-структурные и другие отношения, крайне обострив и углубив имущественную дифференциацию, поляризовав интересы и политические предпочтения социальных групп. Если принять всех занятых в экономике за 100 %, то она распадается на два сегмента: работающих по найму (93,7 %) и работающих не по найму (6,3 %) (данные за 2012 г.). Появились предприниматель и наемный работник у государства или у частного предпринимателя.

Множественность форм собственности породила новые формы социальной дифференциации, поставила собственника и работника в объективно неравное положение к средствам производства, сформировала сложный комплекс новых классовых и социально-экономических интересов. Безусловно, эти интересы еще окончательно не обозначились. Они, как и их носители, в новых рыночных отношениях пока находятся в стадии становления. Тем не менее объективное развитие современного общества неизбежно приводит к реализации такой социально-экономической модели, при которой внутренние механизмы структурообразования порождают адекватную социальную структуру [286].

Таково, с нашей точки зрения, принципиальное состояние социально-структурных отношений трансформирующегося российского общества, позволяющее вычленив один из основных социальных классов — наемных работников.

Первый уровень дифференциации определен их реальным положением в мезоструктуре общества. Речь идет о таких сферах, как сектор занятости, отраслевая специфика, регион обитания, то есть о наемных работниках государственного, частного, иных секторов, занятых в различных отраслях народного хозяйства, проживающих в тех или иных регионах страны. В данном случае объектом анализа выступают наемные работники таких структур, как регион, сектор, отрасль.

Второй уровень — микроструктура, которая дифференцирует работников, во-первых, по их властным взаимосвязям. В этом случае объектом анализа являются группы организаторов-руководителей разного уровня и исполнители; во-вторых, работники по функциональным особенностям их непосредственной социально-трудовой деятельности, а именно: занятые квалифицированным умственным или конторским трудом (специалисты, конторские служащие), квалифицированным или неквалифицированным физическим трудом (рабочие, сельскохозяйственные работники) и т.д. На этом уровне вычленяются группы по образованию, профессиональной подготовке, квалификации [316].

Реальность анализируемой нами социальной общности определяется ее объективным положением в системе социально-структурных отношений общества, специфическими статусно-ролевыми функциями, социальной мобильностью, другими, вполне измеряемыми характеристиками.

Нами предусматривалось изучение наемных работников, занятых в государственном и в негосударственном секторах экономики (ООО, АО, ЗАО, ЧП). Большой интерес представляют наемные работники негосударственного сектора как новое социальное образование. По нашим данным, негосударственный сектор привлекателен для людей молодых возрастов: Например, в нем молодежи до 35 лет в 1,3 раза больше, чем в государственном. Лиц старшего возраста в 1,2 раза меньше. Наибольшую долю среди занятых как в государственном, так и в негосударственном секторах составляют работники среднего возраста — наиболее зрелая, энергичная и активная часть работающих.

Уровень образования также достаточно специфичен в зависимости от сектора занятости. В государственном секторе (по сравнению с негосударственным) значительная доля работников, имеющих профессиональное образование — среднее специальное или высшее 66 %, против 55,2 % в негосударственном секторе. В последнем секторе более представительна категория работников, имеющих различные уровни среднего общего образования (полного и неполного). То есть среди молодежи, составляющей здесь значительную долю работников, многие еще не получили профессиональное образование.

В социально-профессиональной структуре работников государственного сектора заметный удельный вес составляют лица со средним специальным и высшим образованием, их здесь в 1,7 раза больше, чем в негосударственном. В то же время в последнем почти в два раза больше работников, занятых квалифицированным физическим трудом. Таким образом, негосударственный сектор, аккумулируя особенности переходного периода российской экономики, формирует и особые черты образовательного и социально-профессионального состава занятых в них работников. Отчасти эти особенности определяются спецификой отраслевой структуры — сдвигом в сферу коммерции и обслуживания и значительно меньшей долей, по сравнению с государственным сектором, наукоемких производств, образования, культуры, науки.

Уровень жизни. Основные социально-доходные группы. Для рыночной экономики естественно не только многообразие форм собственности и социального расслоения по этому критерию, но и появление фундаментальных изменений в механизмах регулирования дохода, его величины

и в имущественной дистанции между различными социальными группами наемных работников. Проанализируем материальное положение этих групп, дифференцированных по сектору занятости и социально-профессиональному статусу. Для этой цели в методике исследования был разработан блок показателей «Материальное благосостояние», включающий различные характеристики уровня дохода опрошенных. Все респонденты были сгруппированы в три доходные группы: бедные, среднеобеспеченные, состоятельные.

Бедные характеризуются наличием минимальных средств для приобретения необходимых продуктов питания; среднеобеспеченные лица, имеющие в наличии средства для приобретения необходимых продуктов питания, одежды, товаров длительного пользования; состоятельные — те, кто располагает денежными средствами, позволяющими обеспечить высокий уровень жизни («денег достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать»). Данные свидетельствуют о том, что, во-первых, общий уровень благосостояния респондентов, занятых как в государственном, так и в негосударственном секторе достаточно низок. Доля бедных здесь значительно превышает половину, а состоятельных — не более 2–3%. Во-вторых, большая доля «бедных» — в государственном секторе, а «среднеобеспеченных» почти на 9% больше в негосударственном секторе.²⁸

Рассмотрим еще один вид дифференциации по материальному положению наемных работников — в зависимости от социально-профессионального статуса. В общем массиве опрошенных было выделено 7 статусных групп: руководители первого уровня (директора предприятий и организаций, их заместители); руководители второго уровня (подразделений на предприятиях); специалисты с высшим образованием, специалисты со средним образованием; канцелярские служащие, рабочие квалифицированного труда, рабочие неквалифицированного труда (разнорабочие, младший обслуживающий персонал).

Анализ данных исследования показывает, что основная масса опрошенных формирует главным образом две первые доходные группы: бедных и среднеобеспеченных. Удельный вес бедных доминирует в общей совокупности. Варьируется он

от 75,9% среди рабочих неквалифицированного труда до 37,5% среди руководителей первого уровня. Материальное положение руководителей первого уровня резко отличается от положения других социально-профессиональных групп. Именно в этой группе концентрируется слой состоятельных: их здесь почти в 6 раз больше, чем среди руководителей второго уровня; их число в 11,5 раз превосходит специалистов с высшим образованием и в 7 раз — специалистов со средним образованием. Таким образом, директорский корпус, вообще управленческое звено, становится неформальным собственником и распорядителем производственных и иных ресурсов. Налицо разительная дифференциация доходов рядовых сотрудников и администрации, руководителей, которые произвольно устанавливают себе завышенные оклады. Выявлены существенные различия в материальном положении анализируемых социально-профессиональных групп, занятых в различных секторах экономики.

Большая доля бедных занята в государственном секторе. Это представители практически всех анализируемых групп, начиная от руководителей первого уровня, и заканчивая неквалифицированными рабочими. Особенно заметны различия в соотношении между специалистами в государственном и негосударственном секторах. Среди специалистов с высшим образованием государственного сектора доля бедных в 1,8 раза, а со средним образованием в 1,7 раза больше, чем в негосударственном секторе. Очевидно, что труд квалифицированных работников оценивается в негосударственных структурах более адекватно их знаниям и профессионализму. То же самое касается и занятых квалифицированным физическим трудом и, хотя разница не столь значительная, она все же существует.

Группа среднеобеспеченных в большей степени представлена занятыми в негосударственном секторе. Исключение составляют руководители первого уровня, которых в государственном секторе в 1,3 раза больше (кстати, их больше и среди состоятельных). И все же приходится отмечать незавидное положение специалистов (интеллигенции) в государственных структурах. Когда мы говорим о социальных трансформациях, происходящих в ее среде, то порой забываем, что следствием этих трансформаций является жалкое бюджетное обеспечение специалистов. Та часть из них, которая находит применение своим знаниям, работая по найму в организациях и учреждениях нового типа, имеет более высокие оклады и уровень потребления жизненных благ.

Группа состоятельных немногочисленна — это руководители первого уровня; небольшую часть составляют специалисты (от 2 до 4,3%), причем

²⁸ По данным исследования, проведенного Институтом социологии РАН под руководством З. Т. Голенковой в Краснодаре в 2009 году. Выборка квотно-маршрутная среди работающего населения. Были выделены следующие группы: рабочие (N = 147), специалисты (N = 180), руководители (N = 58), предприниматели (N = 45). Использовался также метод полуструктурированного интервью с предпринимателями. Основное направление анализа — сравнение социальных характеристик предпринимательства с наемными работниками.

именно в этой доходной группе их удельный вес больше среди занятых в государственном секторе. Вероятно, в данном случае это касается представителей того незначительного слоя интеллигенции, который связан с административно-управленческими структурами предприятий и организаций, что позволило ему занять особое место в системе материального распределения.

Завершая этот сюжет, хотелось бы обратить внимание на материальное положение руководителей первого уровня государственного сектора. Оно заметно отличается от положения аналогичной группы негосударственного сектора. Среди них меньшая доля бедных (в 1,5 раза), и большая — состоятельных (в 1,16 раза). Вывод очевиден: уровень оплаты труда в государственных структурах практически не регламентируется, что и определяет возможность манипулирования им по различным категориям занятости.

События последнего десятилетия коренным образом меняют не только материальное положение людей и его субъективное восприятие, но и более широкий спектр социальных отношений.

Социальное самочувствие. Речь идет об адаптационных возможностях населения к происходящим переменам, как о процессе длительном и сложном. Одним из показателей этих возможностей является социальное самочувствие различных групп наемных работников, восприятие респондентами собственных «выживательных» позиций. Все опрошенные были разделены на три группы: первая — позитивно воспринимающая свои возможности («все идет хорошо»), вторая — сдержанно их воспринимающая («не все идет хорошо, но пока еще можно терпеть»), третья — негативно воспринимающая («терпеть такое положение уже невозможно»). Очевидно, что особых различий по анализируемому признаку среди занятых в государственном и негосударственном секторах не наблюдается. Тенденция одна и та же — отношение большинства опрошенных к своей жизненной ситуации достаточно сдержанное, нет ни полного оптимизма, ни отчаянного пессимизма.

Эта тенденция достаточно типична. По данным ВЦИОМ на основе регулярных исследований социально-экономической и политической ситуации в стране, адаптация населения в целом носит стабильный характер: респонденты пытаются приспособиться к этим изменениям. И таких большинство.

Рассмотрим дифференцирующее влияние на социальное самочувствие других факторов.

Возраст. Здесь картина несколько иная: молодые (до 35 лет) в этом отношении заметно отличаются от 35–55-летних и лиц старше 55 лет. Более позитивно оценивают ситуацию молодые. Резко сокращается (по сравнению со среднестатистическими данными) доля лиц третьей группы (до 3,5 %

и 1,5 % в разных секторах); возрастает доля первой группы (до 12,4 и 18,2 %). Доля второй по-прежнему стабильна и наиболее представительна (около 80 % в том и другом секторе). Средний возраст дает некоторое плавное снижение (по сравнению с молодыми) удельного веса первой группы и увеличение группы третьей. Вторая здесь представительна. Наибольший пессимизм проявляет старшее поколение, отягощенное жизненными невзгодами, хронической бедностью (особенно в государственном секторе) и неверием, что можно собственными силами изменить что-либо к лучшему. Таким образом, возраст является значительным дифференцирующим фактором.

Образование. Проанализируем теперь особенности социального самочувствия респондентов, имеющих различный образовательный уровень. Образование так же, как и возраст, дифференцирует работников по анализируемой характеристике. К позитивным оценкам склонны наиболее образованные респонденты. Здесь доля первой группы в 3,5 раза больше, чем среди лиц со средним специальным образованием и в 2,7 раза — со средним общим. Вероятно, на это влияет не только образовательный, но и социально-профессиональный статус.

Анализируя данные, можно заключить, что «социальное самочувствие» — достаточно сложный показатель социального мироощущения, не сводимый исключительно к уровню дохода, к осознанию себя бедным, среднеобеспеченным или обеспеченным.

Таким образом, структура социального самочувствия включает разнообразные характеристики социального бытия, связанные с социально-трудовой жизнью, общим впечатлением от социально-экономического положения в стране и другими факторами. Хотя связь «социально-профессиональный статус — материальное положение — социальное самочувствие» прослеживается.

Трудовая деятельность. Рассмотрим составляющие комплекса трудовых отношений — оценку респондентами мотивов производственной деятельности и связь их с характером и мерой их автономии в труде, понимаемой как самоуправление, самостоятельность индивида, социальной группы.

Трудовая деятельность формирует у индивида многообразный комплекс потребностей, социально-психологических установок в мотивационной сфере. Респондентам был задан вопрос о том, что, по их мнению, определяет понятие «хорошая работа», и предложены варианты суждений, отражающие иерархически связанную структуру потребностей в труде. Полученные суждения распределили по трем группам факторов: материальные («высокая оплата труда», «благоприятные условия труда»); социальные («нормальные отношения

в коллективе», «хорошие отношения с руководством»; идеальные («престижность», «возможность реализовать свои способности», «сделать карьеру»).

Результаты исследования показали, что особых различий, определяемых должностью или квалификацией опрошенных, не наблюдается. И у руководителей, и у исполнителей, занятых квалифицированным и неквалифицированным трудом, доминируют социальные и материальные предпочтения (с некоторым отрывом социальных). У занятых в государственном и негосударственном секторах совпадают (с небольшим опережением материальных). Доля идейной мотивации незначительна (от 10 до 15% в зависимости от сектора занятости).

Существенные коррективы привносит возраст респондентов. Здесь четко прослеживаются следующие тенденции: 1) У самых молодых работников (до 25 лет) доминируют факторы материальные и идеальные (примерно в равных пропорциях — 42 и 38%). 2) У работников более зрелых возрастов (до 45 лет) несколько выше значимость социальных факторов и соотношение их меняется: материальные — 46,8%; идеальные — 32,1%, социальные — 21,1%. 3) Респонденты в возрасте от 46 до 55 лет в большей степени ориентируются на материальные (43,5%) и социальные (37,8%) факторы, а у самых старших — среди основных мотивов преобладают социальные (более 60%). Отношения с руководством, с коллективом определяются тем, будет ли вообще человек работать, поэтому все остальное уходит на второй план.

Таким образом, в зависимости от возраста существенно варьируется структура мотивов трудовой деятельности. И хотя заработок, материальные результаты, содержание труда продолжают оставаться основным мотивом у всех возрастных и социальных групп опрошенных, тем не менее у каждой возрастной группы имеются свои приоритеты.

Отношение к труду непосредственно связано с характером или видами участия индивида в производственном процессе. Поскольку наемный работник не владеет ни материальными, ни финансовыми средствами, необходимыми для его работы, то степень осуществления контроля над ним, а значит, и независимость, автономность его в труде приобретают весьма относительный характер. Процесс его труда определяет сам владелец средств производства (хозяин) или опосредованно — его менеджер. Отчуждение от собственности, от власти, или от того и другого значительно сужает сферу возможностей для автономии, уменьшает объем и уровень автономии личности.

Проследим всю цепочку производственного цикла и определим, какова роль наемного работника в структуре производства. Важнейшими компонентами (функциями) производственного цикла

являются: планирование задания, процесс труда, время выполнения задания, качество работы, использование конечного продукта.

Наиболее жесткому контролю подчинены такие функции, как качество работы и использование конечного продукта, затем идут время выполнения, его планирование и наименьший контроль испытывает работник в процессе труда.

Таким образом, контроль над производственной ситуацией имеет свою специфику (что производится, как производится, в каком количестве и т.д.) и в значительной степени определяется владельцем средств производства или его управляющим.

Нами изучалась также зависимость звеньев производственного цикла от социально-профессионального статуса работника. Для реализации этой цели мы разделили всю выборочную совокупность на три группы. Работники, выполняющие административно-управленческие функции (руководители первого и второго уровней) — категория наемных работников, наделенная функцией управления производством. Их труд подвержен наименьшему со стороны владельца средств производства контролю во всех звеньях производственного цикла. В свою очередь, контроль зависит и от уровня руководства. Если контроль над планированием задания и процессом труда у руководителей второго уровня примерно такой же, как и руководителей первого уровня, то в таких звеньях, как выполнение задания, качество работы и использование результатов труда, имеет место значительно больший контроль. В этом звене руководители подразделений менее автономны.

Работники квалифицированного умственного и конторского труда по сравнению с представителями первой группы наименее автономны во всех пяти производственных циклах — от планирования задания до использования результатов своего труда. Внутри этой группы различия проявляются достаточно четко: чем выше уровень образования и квалификации работника, тем более он автономен в труде. Наиболее автономны в этой группе специалисты с высшим образованием, наименее — конторские служащие.

У работников, занятых квалифицированным и неквалифицированным физическим трудом нет жесткой зависимости автономии в труде от характера труда и квалификации. Более зависимы от контроля в процессе труда квалифицированные рабочие по сравнению с неквалифицированными. Здесь первые менее автономны. А контроль над временем выполнения задания и использованием результатов своего труда примерно одинаков. Квалифицированные рабочие значительно автономнее в планировании своего задания. В этом звене производственного процесса они независимее

конторских служащих, специалистов и приближаются к труду руководителей 2-го уровня. Возможно, это объясняется тем, что на предприятиях квалифицированные рабочие часто выполняют функции мастеров, то есть практического руководителя по отношению к менее квалифицированным рабочим.

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что не существует наемного работника полностью автономного или полностью неавтономного в труде. Автономность здесь носит относительный характер, она показывает, насколько вообще условия производства определяют степень контроля над трудом респондентов, будь то руководитель или просто исполнитель.

Изучая процессы, происходящие в социальном развитии России, необходимо определить основное в происходящей трансформации общества, выделить и проанализировать те тенденции, которые имеют принципиальное значение. Развитие множественности форм собственности ставит собственника и производителя (наемного работника) в объективно неравное положение по отношению к средствам производства, порождает новые формы социальной дифференциации, формирует сложный комплекс новых социально-экономических интересов личностей, групп, классов. Наше внимание было обращено к процессу становления класса наемных работников — основной производительной силы общества. Необходимо было обозначить общие характеристики этой общности, ее объектности, качественной определенности,

проанализировать формирующуюся систему социальных различий внутри нее между отдельными элементами. Мы показали также природу этих различий, которые зависят от включенности работника в тот или иной сектор занятости, от его профессионального, образовательного уровня, возраста, должностного статуса. Принципиальной особенностью является то, что такой фактор, как должностной статус, формирует у своих носителей принципиально иное социальное положение почти во всех сферах жизнедеятельности. Дальнейшее развитие класса наемных работников будет определять облик социальной структуры и стратификации российского общества в ближайшем будущем.

Безусловно, приведенные данные, исторически конкретны. Тем не менее, по нашему убеждению, это наиболее существенные процессы, которые происходят в социально-экономической, политической жизни страны, ибо субъектами этих процессов является общность, объединяющая более 90% всего занятого в экономике страны населения. Более того, это достаточно интегрированная совокупность со своими созидательными, автономными, а иногда и противоречивыми позициями. Между тем динамизм развития этой общности непосредственно зависит от политического выбора действующей власти. Именно она призвана создавать условия и возможности гражданам зарабатывать средства для удовлетворения своих потребностей; именно от нее зависит обеспечение рациональной занятости населения, рост его денежных доходов, уровня и качества жизни.

Шеломенцева В. П., Игнатова Е. В.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВУЗОВ ЕВРОАЗИАТСКОГО СОЮЗА НА ОСНОВЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Недавно считалось неприемлемым говорить о конкуренции в сфере высшего образования. Термин «конкурентоспособность» применялся в случаях, когда речь шла о товарах или услугах производственного или личного потребления. Подобная ситуация объясняется, во-первых, тем, что практически во всех странах в той или иной степени высшее образование находится под контролем государства, именно оно несет ответственность перед обществом за качество высшего образования. Во-вторых, каждый вуз имеет свои традиции, системы организации учебного и научного

процессов, внутреннего контроля и управления. В-третьих, оценку собственной конкурентоспособности и конкурентоспособности конкурентов каждый вуз осуществляет сам с использованием своих критериев оценки.

Предоставление образовательных услуг в формате рыночных отношений неизбежно приводит к понятию их конкурентоспособности. В этих условиях высшие учебные заведения выступают как производители смешанного блага, поэтому подходы к понятию «конкурентоспособность» аналогичны тем, которые используются

при определении конкурентоспособности предприятий. Отличия состоят в совокупности критериев, главными среди которых выступает качество образовательных услуг, оцениваемое степенью соответствия полученных знаний, приобретенных умений и навыков запросам обучающихся и требованиям рынка труда. Наряду с этим конкурентоспособность определяется и качеством процесса предоставления образовательных услуг, то есть тем, насколько он совершенен, упорядочен, организован, устойчив, обеспечен, нацелен на предотвращение появления отклонений и несоответствий. Вместе с тем единый терминологический подход к определению сущности «конкурентоспособность вуза» отсутствует. Такое положение существенно затрудняет разработку эффективных методических подходов к оценке, анализу и регулированию деятельности вуза в рыночной образовательной среде.

Проблема оценки конкурентоспособности вузов во всех ее аспектах составляющих активно изучается специалистами.

Исследуя конкурентоспособность, В. Н. Романов предлагает следующее определение «... под конкурентоспособностью понимается комплекс потребительских и стоимостных характеристик товара, определяющих его успех на рынке» [258, С. 15]. Такой же точки зрения придерживается А. А. Амбарцумов, считая, что, «... конкурентоспособность — совокупность потребительских свойств товара, определяющая его отличие от других аналогичных товаров» [8, С. 46]. А. В. Бусыгин считает, что «...при разработке товаров важно учитывать соотношение жизненных циклов аналогичных товаров других фирм» [47, С. 236–237].

В этих определениях конкурентоспособность представляется как совокупность всех свойств товара, тогда как образование должно стать объектом не «купли-продажи», а более сложных и тонких экономических и социокультурных отношений [231]. Поэтому при оценке необходимо учитывать специфические факторы, определяющие конкурентоспособность вуза.

Рассматривая конкурентное образовательное пространство, И. В. Третьякова подчеркивает, что под конкурентоспособностью понимается свойство системы, объекта, характеризующееся степенью реального или потенциального удовлетворения им конкретной потребности по сравнению с аналогичными объектами, представленными на данном рынке [359].

Ю. А. Москвичев и С. В. Разумов отмечают, что «в последнее время, сформировалась конкурентная среда в сфере высшего образования». По их мнению, для эффективного решения конкурентных задач вузам необходимо формировать

высокотехнологичную образовательную среду, обеспечивающую:

- высокий уровень качества образовательных услуг;
- минимизацию затрат на обучение;
- мобильность на рынке [202].

Р. А. Фатхутдинов полагает, что конкурентоспособность вуза — «это его способность: 1) готовить специалистов, выдерживающих конкурентную борьбу на конкретном внешнем или внутреннем рынке труда; 2) разрабатывать конкурентоспособные новшества в этой области; 3) вести эффективную воспроизводственную политику во всех сферах своей деятельности» [7, С. 37–38].

По мнению С. А. Мохначева, в содержании понятия «конкурентоспособность вуза» целесообразно выделять пять частей: финансово-экономическую; маркетинговую; материально-техническую; кадровую; социально-политическую [8, С. 40].

Обобщая мнения ученых, можно определить, что конкурентоспособность вуза — это реальная и потенциальная способность в течение длительного времени превосходить конкурентов, постоянно совершенствуя, развивая ключевые процессы в соответствии с разработанной стратегией, опираясь на эффективное использование имеющихся ресурсов.

В последнее время для мирового сообщества индикаторами конкурентоспособности стали международные рейтинги вузов. Наиболее известным в мире рейтингом вузов считают британский рейтинг лучших университетов мира по Quacquarelli Symonds (QS) — ТОП — 200.

Первый рейтинг университетов мира был опубликован в 2004 году на страницах издания Times Higher Education (THE) британской организации TSL Education Ltd. С 2010 года компания Quacquarelli Symonds (QS) продолжила публиковать исследования в партнерстве с библиометрической базой данных Scopus компании Elsevier. Цель ранжирования высших учебных заведений по уровню прогресса развития и становления направлена, прежде всего, на удовлетворение информационных запросов о репутации университетов мира. Одновременно участие ведущих вузов мира в таких рейтингах стимулирует профессиональную конкуренцию в подготовке высококвалифицированных востребованных специалистов на рынке труда. Ежегодно QS в общую выборку для проведения международного ранжирования включает более 3000 вузов мира, которые осуществляют подготовку по образовательным программам бакалавриата, магистратуры и докторантуры по таким направлениям, как гуманитарные науки и искусство, инженерные, технические и естественные науки, медицина и наука о жизни, социальные науки и менеджмент.

Методология исследования качества предоставления образовательных услуг вузами основана на анкетном опросе более 62 тысяч представителей академического сообщества и около 30 тысяч работодателей. Оценка лучших университетов мира в рейтинге QS производится на основе шести критериев: академическая репутация; отношение работодателей к выпускникам вуза; уровень цитируемости публикаций сотрудников университета; соотношение числа студентов и преподавателей; численность в вузе иностранных студентов; численность в вузе иностранных преподавателей.

Критерий «Академическая репутация» имеет наибольшую весовую долю 40% от общей оценки и определяется по итогам опроса академического сообщества, работодателей, обучающихся и родительской общественности. Респонденты называют лучшие вузы мира, зарекомендовавшие себя как известные в области научных исследований и открытий. Накопительная оценка учитывает данные за последние 3 года.

Для проведения критериальной оценки «Репутация среди работодателей» (10% от общей оценки) в компании всех индустрий мира с более 100 сотрудниками рассылаются специальные анкеты. В данном опросе могут принимать участие как руководители отделов по персоналу, так и топ-менеджеры, непосредственно работающие с молодыми специалистами — выпускниками вузов.

Источником критерия «Соотношение преподавательского состава к числу студентов» (20% от общей оценки) являются не только информационные и статистические данные, предоставляемые вузами, но и официальные ведомственные сведения. Полученная информация проверяется по нескольким открытым источникам для большей достоверности.

«Индекс цитируемости» (20% от общей оценки) рассчитывается по количеству цитат из опубликованных научных исследований за последние пять лет на число штатных преподавателей и исследователей в течение как минимум одного семестра. С 2004 по 2007 гг. данный критерий высчитывался на основе базы данных Thomson, с 2007 года — библиометрической базы данных Scopus от Elsevier.

Показатель «Доля иностранных студентов» (5% от общей оценки) отражает степень привлекательности высшего учебного заведения на международной арене. Статистические данные учитывают контингент студентов — граждан других стран (за исключением студентов, обучающихся в рамках двусторонних соглашений по обмену).

«Доля иностранных преподавателей» (5% от общей оценки). Для расчета данного показателя учитываются ППС университета, осуществляющий преподавательскую деятельность на условиях

полной занятости либо на полставки не менее одного семестра [9, С.45–47].

Другим достаточно известным считается рейтинг репутации мировых вузов: ТОП-100. Данный рейтинг составляется влиятельным в сфере образования приложением британской газеты Times — Times Higher Education при участии информационной группы Thomson Reuters и службы изучения общественного мнения Ipsos Media. Рейтинг Times Higher Education лучших университетов по всему миру составляется по 13 показателям, характеризующим полный спектр деятельности университета от преподавания до исследовательской деятельности. Эти 13 показателей разделяют на 5 категорий:

- обучение — изучение окружающей среды (в размере 30%),
- исследования — объем, результаты и репутация (в размере 30%),
- цитирование — уровень ссылаемости (32,5%),
- промышленные результаты — инновации (2,5%),
- международные отношения — сотрудники и студенты (5%).

Нельзя не упомянуть о самом популярном сегодня рейтинге вузов — Шанхайский ТОП-500. В качестве критериев оценки вузов здесь приняты следующие показатели:

- наличие и количество выпускников — нобелевских лауреатов и обладателей медалей и призов (10%);
- наличие и количество преподавателей — нобелевских лауреатов и обладателей медалей и призов (20%);
- самые цитируемые ученые по 20 основным категориям предметов (20%);
- результаты научных исследований — публикации в Nature (20%); публикации по естественно-научным и социальным дисциплинам (Science Citation Index-expanded, Social Science Citation Index) (20%);
- характеристика академического уровня по сравнению с размером вуза (10%).

Анализ показывает, что указанные в рейтингах критерии в большей степени отражают результаты деятельности вуза в области инноваций, исследований и цитируемости преподавателей и сотрудников университета. Следует отметить, что для международных рейтингов обращение к процессу обучения — явление редкое. Фактически, международные рейтинги университетов формируют модели и задают стандарты современного университета. Рассматривая рейтинги как инструмент сопоставления, вузы планируют меры по совершенствованию своей деятельности и продвижению репутации, формируют партнерства с лучшими университетами, инвестируют средства

в стратегические цели и стимулируют коллектив к их достижению. При этом недостатком междunarодных рейтингов является неспособность учитывать индивидуальные особенности современных вузов. Многие исследователи связывают это с применением в них одномерного подхода. При одномерном подходе оценка вузов производится по единому набору показателей с приписываемыми им весовыми коэффициентами, а окончательный рейтинговый результат представляет собой список, начинающийся «лучшими» и заканчивающийся «худшими» вузами. Такой подход отдаёт преимущества исследовательским университетам и не может удовлетворить всех заинтересованных в университетских рейтингах потребителей, имеющих более низкие показатели. Например, вузы культуры, искусства, педагогические, которые являются узкопрофильными [10].

Альтернативным шагом международным рейтингам стали критерии оценки российских вузов — с 2001 г. на основе мониторинга университетов свой рейтинг выстраивало Федеральное агентство по образованию. В 2005 г. рейтинговое агентство «РейтОР» выдвинуло свою концепцию рейтинга вузов, в 2007 и 2008 гг. общественная организация «Деловая Россия» опубликовала «Деловой рейтинг высшего образования», постоянно в определении рейтинга российских вузов проявляет и Благотворительный фонд В. Потанина.

Министерство образования и науки РФ определило две группы критериев:

1. Потенциал:

- интеллектуальный потенциал: квалификация профессорско-преподавательского состава, перспективность профессорско-преподавательского состава, связь с академической наукой;
- материальная и информационная база: обеспеченность инструментальной базой, обеспеченность компьютерной базой, обеспеченность библиотечными фондами;
- социально-культурная база: обеспеченность местами в общежитиях, обеспеченность общественным питанием, санаторно-профилактическая база, спортивная база.

2. Активность:

- подготовка кадров: подготовка специалистов; аспирантура, эффективность аспирантуры, подготовка кадров высшей квалификации;
- производство и апробация знаний и технологий: госзаказ на научные исследования, конкурентность прикладной науки, производство учебной литературы, конкурентность учебно-производственной деятельности.

Анализ данных критериев приводит к выводу, что большинство указанных показателей идентично с лицензионными требованиями, то есть низкие значения не означают низкое место вуза в рейтинге, а показывают несоответствие законодательной базе в области образования.

Агентство «РейтОР» оценивает место вуза по следующим показателям:

- образовательная деятельность вузов: численность бакалавров, специалистов, магистров, аспирантов, а также количество программ и обучающихся на одного преподавателя и т.д.;
- научно-исследовательская деятельность оценивалась по числу патентов, свидетельств об открытиях, данным индекса Хирша (расчет научной продуктивности профессорско-преподавательского состава);
- профессиональная компетентность определялась по количеству публикаций, цитируемости ученых в международной базе данных Scopus, наградам мирового уровня;
- международная деятельность, финансовые ресурсы и то, как университет представлен в Интернете.

Большинство показателей перекликаются с составом критериев международных рейтингов. К сожалению, рейтинги выходили всего дважды, и с 2009 г. оценивание не осуществлялось.

Благотворительный фонд Владимира Потанина составил рейтинг ведущих российских вузов по итогам работы Федеральной стипендиальной программы и программ грантов для молодых преподавателей в 2010–2011 учебных годах. Рейтинг ведущих российских вузов рассчитывается на основании следующих критериев:

- данные тестирования студентов на интеллект и эрудицию;
- данные игрового тура, выявляющего лидерские и организаторские способности студентов;
- экспертная и студенческая оценка молодых преподавателей, участвующих в грантовом конкурсе, победа преподавателей в конкурсе «Преподаватель онлайн»;
- участие стипендиатов в Зимних или Летних школах фонда, реализация волонтерских проектов.

Данные критерии не отражают качественный уровень образования, скорее, характеризуют личностные достижения объектов оценивания.

В Казахстане рейтинговая оценка вузов реализуется в рамках процедуры аккредитации в аккредитационных агентствах, внесенных в Национальный реестр. В данный реестр наряду с казахстанскими аккредитационными агентствами вошли четыре зарубежных организации, в том числе из Германии по программам инженерии, информатики, естественных наук и математики, а также Институт аккредитации, сертификации и качества.

Кроме того, казахстанские вузы имеют возможность получить независимую международную оценку от Австрийского агентства по обеспечению качества и Американского аккредитационного совета по инженерии и технологиям. Следует отметить, что успешное прохождение аккредитации вузов республики в национальных и международных аккредитационных организациях учитывается при распределении государственного образовательного заказа, а также при трудоустройстве выпускников,

завершивших программы обучения, аккредитованных признанными агентствами.

Методология национального рейтинга казахстанских вузов соответствует Берлинским принципам ранжирования высших учебных заведений, служащим общепризнанным «стандартом» разработки и распространения рейтингов. Национальный рейтинг составляется в результате оценки пяти показателей (табл. 80).

Таблица 80

Национальный рейтинг казахстанских вузов

№	Наименование критериев и показателей	Вес, %
1	Высокая концентрация талантливых студентов, преподавателей и исследователей	20
1.1	Число студентов — призеров (награжденных дипломами первой, второй и третьей степени) республиканских и международных олимпиад и научных соревнований, республиканских и международных конкурсов исполнителей и спортивных соревнований, обучающихся в данном вузе по данной специальности по состоянию на 31 декабря 2011 года. (Перечень олимпиад, конкурсов, научных и спортивных соревнований утверждается Экспертным советом по академическому ранжированию)	5
1.2	Штатные доктора наук или работники в области искусства и архитектуры, удостоенные почетных званий Республики Казахстан, предусмотренных Законом Республики Казахстан «О государственных наградах Республики Казахстан», замещающие должности профессора или заведующего кафедрой, имеющие не менее трех подготовленных лауреатов (дипломантов) международных конкурсов, выставок, фестивалей, смотров, премий, а также специалисты физической культуры и спорта, замещающие должности профессора или заведующего кафедрой и имеющие звание «Заслуженный тренер», двух подготовленных чемпионов Азии, Европы, призеров мира и Олимпийских игр, работающие в данном вузе на кафедре, выпускающей бакалавров по данной специальности, по состоянию на 31 декабря 2011 года. (Штатные доктора и приравненные к ним учитываются только по одной специальности)	10
1.3	Штатные кандидаты наук, доктора философии (PhD) и доктора по профилю или работники в области искусства и архитектуры, удостоенные почетных званий Республики Казахстан, предусмотренных Законом Республики Казахстан «О государственных наградах Республики Казахстан», замещающие должности доцента, профессора или заведующего кафедрой, имеющие двух подготовленных лауреатов (дипломантов) международных и республиканских конкурсов, выставок, фестивалей, смотров, премий, а также специалисты физической культуры и спорта, замещающие должности доцента, профессора или заведующего кафедрой и имеющие звание «Заслуженный тренер», двух подготовленных призеров всемирных универсиад, чемпионатов Азии, Европы, мира, Азиатских и Олимпийских игр, работающие на кафедре, выпускающей бакалавров по данной специальности, по состоянию на 31 декабря 2011 года. (Штатные кандидаты наук и приравненные к ним, учитываются только по одной специальности)	5
2	Достаточность ресурсов	20
2.1	Объем расходов вуза за 2011 год, деленный на общее число обучающихся в вузе по состоянию на 31 декабря 2011 года	20
3	Международное сотрудничество	20
3.1	Преподаватели и ученые из других стран, работавшие не менее одного семестра или проводившие занятия и принявшие экзамен по одному предмету рабочего учебного плана в 2010–2011 учебном году на кафедре, выпускающей бакалавров по данной специальности. (Преподаватели и ученые учитываются только по одной специальности)	6
3.2	Преподаватели и ученые кафедр, выпускающей бакалавров по данной специальности, работавшие не менее одного семестра или проводившие занятия и принявшие экзамен по одному предмету рабочего учебного плана в 2010–2011 учебном году в зарубежных вузах или научных центрах	6
3.3	Студенты из других стран, обучавшиеся не менее одного семестра, включая и летний семестр, или проходившие практику в 2010–2011 учебном году на кафедре, выпускающей бакалавров по данной специальности. (Студенты учитываются только по одной специальности)	4
3.4	Студенты кафедры, выпускающей бакалавров по данной специальности, обучавшиеся не менее одного семестра, включая и летний семестр, или проходившие практику в 2010–2011 учебном году в зарубежных вузах	4

№	Наименование критериев и показателей	Вес, %
4	Конкурентоспособность выпускников	20
4.1	Выпускники вуза 2011 года по данной специальности, трудоустроенные по специальности (в том числе, призванные в ряды Вооруженных Сил Республики Казахстан и находящиеся в отпуске по уходу за ребенком)	20
5	Проведение передовых научных исследований	20
5.1	Статьи, опубликованные в 2009, 2010 и 2011 годах в научных журналах с импакт-фактором не ниже 0,25, преподавателями и научными сотрудниками, работающими на штатной должности на кафедре, выпускающей бакалавров по данной специальности. (Статьи преподавателей и научных сотрудников учитываются только по одной специальности)	20

Данные, представленные в табл. 81, свидетельствуют о том, что критерии оценивания в основном соответствуют мировым рейтингам.

Сравнивая ключевые критерии российских и зарубежных рейтингов вузов, можно заметить явные отличия. Международные рейтинги включают критерии, по которым оцениваются результаты деятельности вуза, а способы достижения этих результатов относятся к самостоятельной компетенции вуза. Российские рейтинги включают критерии, по которым оценивается наличие воспитательной работы, развитие социальной сферы, студенческого самоуправления и т.д.

Международный опыт показывает, что в современных обстоятельствах вуз должен быть способен своевременно реагировать на постоянно изменяющиеся условия, это соответствующим образом отразится и на уровне его конкурентоспособности. Одним из способов такого реагирования является стратегический менеджмент.

Стратегический менеджмент по отношению к системе высшего образования стал впервые применяться в конце 1970-х годов, когда обозначились тенденции уменьшения контингента студентов и усиления конкуренции среди вузов. Именно тогда эксперты отметили, что вузы функционируют как компании, поэтому им необходимо занимать более активную позицию в вопросах рыночной ориентированности, адаптации к изменениям и внедрения инструментов стратегического менеджмента.

П. Табатони, Дж. Дэвис и А. Барблан считают, что залогом эффективной реализации стратегии и изменения структуры менеджмента в вузе является переход к стратегическому мышлению. По мнению авторов, стратегическое мышление — это понимание субъектами организации того, что их поведение может существенно повлиять на любые изменения, происходящие в организации и вне ее [11].

Дж. Барни определяет стратегию как теорию организации, преднамеренную или возникающую для того, чтобы «успешно конкурировать и получить конкурентные преимущества, основанные на его миссии» [12].

Группа ученых в лице Д. Гедегебура утверждает, что, несмотря на превалирующее восприятие показателей эффективности через призму количественных переменных, они имеют также качественные характеристики. Г. Седжерз, расширяя сферу применения понятия «показатели эффективности» в качественной плоскости, отмечает, что показатели эффективности должны отвечать ряду условий. Во-первых, они должны быть непосредственно связаны с обозначенными функциями организации. Во-вторых, они должны соответствовать своему названию, а именно «показатели степени достижения институциональных целей» [13].

О.С. Виханский дает следующее определение стратегического управления: «Это такое управление организацией, которое опирается на человеческий потенциал как ее основу, ориентирует производственную деятельность на запросы потребителей, осуществляет гибкое регулирование и своевременные изменения в организации, отвечающие вызову со стороны окружения и позволяющие добиться конкурентных преимуществ, что в совокупности дает возможность организации выживать в долгосрочной перспективе, достигая при этом своих целей» [14, с. 33].

Стратегический менеджмент — это программный способ мышления и управления, обеспечивающий согласование целей, возможностей организации и интересов работников. Он предполагает не только определение генерального курса организации и обеспечение деятельности на его основе, но и повышение мотивации всех работников в его реализации. Сегодня область применения стратегического менеджмента чрезвычайно широка. Он дает огромные преимущества организациям, функционирующим в различных сферах жизнедеятельности современного общества. Эти преимущества заключаются в рациональном использовании ограниченных ресурсов и времени. Кроме того, стратегический менеджмент рождает чувство уверенности у персонала организаций и их менеджеров, способствует последовательной разработке и реализации управленческих решений, ориентирует на устойчивое развитие в условиях рынка. Следует также отметить, что стратегический менеджмент — это не только разработка

программы развития, но и принятие и выполнение стратегических решений. Это также комплекс процессов, явлений и характеристик, отражающих приоритетность целей и динамики развития, своевременность решений и действий, предвидение будущего, анализ последствий управляющих воздействий и инноваций [15].

Таким образом, сущность стратегического менеджмента заключается в ответе на три важнейших вопроса: где сейчас находится организация, в каком направлении она должна развиваться в будущем и как она собирается попасть в то положение. Центральным пунктом стратегического планирования в вузах является определение стратегических целей и задач в сфере образования и научных исследований.

В области образования основное направление развития включает в себя, как правило, улучшение качества обучения, выход на новые рынки образовательных услуг, использование новых моделей и технологий обучения; удовлетворенность качеством обучения студентов, спонсоров и потенциальных работодателей, расширение вариативности и предложение новых программ и курсов, повышение международного имиджа и престижа университета путем участия в международных образовательных рейтингах, улучшение своей позиции в них и бенчмаркинг по отношению к другим вузам мира.

Часто в число стратегических приоритетов включается развитие международного сотрудничества в разных формах: привлечение иностранных студентов, участие студентов в программах международных обменов, участие в совместных исследовательских проектах и т.п. Во многих случаях формулировки стратегических целей и задач вузов конкретизируются в количественных целевых показателях. Среди таких показателей встречаются как показатели конечных, так и непосредственных результатов, а также показатели используемых ресурсов [16]. В этих целях университеты все чаще практикуют принцип комплексной управленческой структуры в сочетании с административными услугами, охватывающими ряд подразделений. Их масштабы и характер зависят от четко обозначенного институционального профиля.

Как показывает зарубежная практика, в разных вузах стратегические планы могут играть различные роли: в одних вузах они могут содержать лишь общее описание основных приоритетов развития, а в других — выступать в качестве подробного «руководства к действию». При этом общий тренд в этой области заключается в повышении роли стратегического планирования и стратегических планов в работе вузов: успех в образовательной и научно-исследовательской деятельности

в современных условиях во многом зависит от того, в какой степени руководство учебных заведений способно определить общие тенденции спроса и предложения на рынках образовательных и научно-исследовательских услуг и оценить их динамику в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Используемые вузами показатели можно разделить на следующие основные группы:

- статистические показатели, характеризующие состояние и цели в сфере образования (число студентов разных направлений, количество студентов, окончивших курс в установленные сроки, и т.п.);
- показатели, характеризующие результаты образовательной деятельности (количество выпускников, продолживших образование в магистратуре и докторантуре; процент устроившихся на работу в течение полугода после выпуска и т.п.);
- показатели удовлетворенности студентов и выпускников уровнем образования (по данным национальных опросов и внутренних опросов вузов);
- показатели качества научной деятельности (в качестве основного во всех вузах используется показатель объемов внешнего коммерческого и грантового финансирования, а также показатели количества публикаций и индекса цитирования);
- показатели участия преподавателей и студентов в научной деятельности (в том числе в грантовых проектах);
- показатели коммерциализации исследований и разработок (число патентов, доходы от коммерциализации и т.п.);
- показатели связей с местным сообществом (количество мероприятий, проведенных для местного сообщества, субъективные оценки роли университета в жизни местного сообщества);
- показатели интернационализации (количество и доля иностранных студентов, число зарубежных преподавателей, число международных исследовательских проектов и международного финансирования, показатели интернациональной мобильности студентов, субъективная оценка вуза международным академическим сообществом);
- позиции вузов в национальных и международных рейтингах;
- показатели связей с выпускниками (количество участников ассоциаций выпускников, объем благотворительных взносов выпускников и т.п.);
- показатели обеспеченности ресурсами (обеспеченность компьютерами и доступом

в Интернет, оборудование аудиторий и лабораторий, показатели обновления библиотечных фондов, доступ к электронным библиотекам и т.п.);

- показатели удовлетворенности студентов и преподавателей инфраструктурой и сопутствующими услугами университетов;
- показатели экономической эффективности (снижение отдельных видов затрат, показатели финансовой устойчивости, диверсификация источников доходов и т.п.);
- ввод в действие определенных объектов (строительство зданий, открытие исследовательских центров и т.п.);
- социальные показатели (количество и доля студентов из определенных социальных или национальных групп, доступ к образованию студентов с ограниченными возможностями и т.п.);
- «процедурные» показатели (введение определенных процедур и правил системы оценки качества управления, внутренних правил и т.п.).

В стратегическом менеджменте университета важно обеспечить необходимый уровень эффективности, который может быть достигнут благодаря конкурентным преимуществам вуза.

Говоря об определении термина «показатель эффективности», следует отметить, что согласно отчету ЮНЕСКО «Показатели эффективности стратегического менеджмента в оценке и конкурентном сопоставлении исследовательского потенциала университетов» от 2005 г., до сих пор не существует единого определения понятия «показатели эффективности» [17].

Одно из определений, сделанное рабочей группой ОЭСР в сфере эффективности институционального менеджмента высшего образования, гласит, что «показатели эффективности — это сигналы, полученные из базы данных или данных опроса, отражающие необходимость выявления отклонений от нормативных или других предопределенных уровней деятельности» [18].

ЮНЕСКО придало прикладной характер этому определению, представив понятие показателей эффективности в сфере высшего образования как набор статистических показателей, отражающих меру степени, в которой вуз или образовательная программа функционирует в определенном качественном измерении. Они представляют собой качественное или количественное измерение продукта (в краткосрочной перспективе) или результата (более долгосрочные показатели результата или воздействия) системы или программы. Они позволяют вузам сопоставлять или сравнивать эффективность своей деятельности с другими вузами [19].

В качестве отправной точки разработки показателей эффективности необходимо отметить важность процесса стратегического планирования, оформленного в стратегический план, миссию и видение, которые затем переводятся в конкретные цели, задачи и мероприятия, имеющие под собой измеримые целевые индикаторы. Однако целью планирования является не только определение целей, а их достижение. Одним из средств определения факта достижения цели являются показатели эффективности, являющиеся неотъемлемым компонентом любого процесса планирования.

Интересен пример государственного университета Пенсильвании (США), который разработал наглядное пособие по определению системы необходимых показателей эффективности деятельности организации.

В государственном университете Пенсильвании ключевые показатели эффективности на уровне университета были определены на основе следующих критериев:

1. Отражает ли показатель достижение важного результата на уровне деятельности всего университета?
2. Ведут ли данные, связанные с показателем, к желаемому улучшению?
3. Отвечает ли показатель потребностям заинтересованных сторон университета?
4. Вызывает ли показатель доверие в глазах заинтересованных сторон?
5. Является ли показатель в достаточной мере понятным для широкой общественности и может ли быть доведен до ее сведения?
6. Понятно ли направление? Иначе говоря, будет ли желательным или нежелательным движение в данном направлении?
7. Оправдывается ли достижение цели объемом затраченных ресурсов с точки зрения доступности данных по показателю или их сбора для достижения общественного блага?
8. Возможно ли определение подразделений, ответственных за предоставление данных по показателю?
9. Сохранит ли показатель свою актуальность на протяжении многих лет?

Определив первоначальный набор показателей или индикаторов для всего вуза (верхнеуровневые индикаторы), их затем необходимо подразделить на показатели эффективности структурных подразделений (среднеуровневые индикаторы), которые будут способствовать достижению верхнеуровневых показателей [20].

В табл. 81 приведена система показателей эффективности государственного университета Пенсильвании на уровне всего университета, колледжей и кафедр.

Таблица 81

Система показателей эффективности государственного университета Пенсильвании (США)

Показатель	Структурное подразделение		
	Университет	Колледж	Кафедра
Цель	Повышение академического превосходства	Повышение академического превосходства	Повышение академического превосходства
Стратегический показатель эффективности	Качество подготовки поступающих студентов	Качество ППС	Качество курса или программы
Индикатор эффективности	Средние показатели вступительных тестов SAT/GRE	Количество публикаций в авторитетных журналах	Высокие средние баллы сертификационных экзаменов
Стратегии, процессы, мероприятия, целевые показатели	Проводить кампании по набору на базе школ	Продвигать кластерный наем	Определять цели обучения и план оценивания

В процессе планирования показатели эффективности оценивают через систему SMART. Университет Вирджинии (США) разработал собственное пособие по постановке цели, отвечающей пяти характеристикам SMART:

S – specific (конкретный). Чему отвечает достижение цели? Как и для чего будет достигнута цель?

M – measurable (измеримый). Каким образом будет измерено достижение цели или ее отсутствие?

A – achievable (достижимый). Достижима ли цель? Удавалось ли кому-либо достигать указанной цели? Имеются ли требуемые знания, компетенции и ресурсы для достижения цели? Бросает ли достижение цели разумный вызов без нанесения какого-либо ущерба?

R – results-focused (нацеленный на результат). Какова целесообразность достижения цели и в чем заключается результат?

T – time-bound (с обозначенным сроком). Каков срок достижения цели и не создает ли он ситуацию рабочего аврала [20]?

Говоря непосредственно о показателях эффективности стратегического менеджмента вуза, необходимо обратить внимание на показатели эффективности попечительского (управляющего) совета вуза в качестве органа, несущего первостепенную ответственность за общее, стратегическое управление вузом.

Деятельность Попечительского совета обусловлена во многом типом образовательного учреждения. Например, в американской системе высшего образования выделяются государственный и частный секторы, каждый со своей спецификой работы Попечительских советов. Важно заметить, что члены Попечительского совета имеют статус добровольцев, потому не должны получать за свою деятельность вознаграждения. Возмещаются только ежедневные расходы и расходы, связанные с официальными командировками. Работа совета является конфиденциальной, за исключением тех случаев, когда сам совет разрешает

открытую форму обсуждений. То есть информация, полученная членами Совета, комитета или другими лицами имеющими к ней официальный доступ, относящаяся к конфиденциальной работе, не может быть передана другому лицу без соответствующего разрешения совета [21].

Оценка деятельности Попечительского или Управляющего совета университета носит несколько специфический характер, поскольку основным видом оценки деятельности является анкетирование каждого его члена, то есть методом оценки деятельности совета является самооценка.

Чаще всего попечительский совет любого вуза несет ответственность за следующее:

- общее стратегическое управление вузом и финансовая поддержка;
- разработка программ развития и постановка целей;
- выборы и назначение президента (ректора), а также его отстранение (совет должен создавать атмосферу для привлечения и поддержки эффективного лидера);
- определение бюджета;
- управление связями с общественностью;
- сохранение автономии института;
- судебные функции (в том числе обеспечение согласования с федеральными законами, положениями и требованиями).

Д. Чет и соавторы отмечают пять наиболее ценных направлений работы попечителей:

- помощь в управлении (концентрация ресурсов, определение приоритетов);
- создание возможностей для открытой деятельности президента;
- поддержка экспериментирования;
- мониторинг прогресса;
- моделирование желаемых схем поведения [22].

Помимо профильных показателей эффективности, характерных для попечительских советов университетов, необходимо также отметить и ряд корпоративных показателей, общих для всех управляющих советов или правлений организаций

любой отрасли, прообразом которых является Попечительский совет вуза.

Одним из интересных примеров в данном отношении может служить британская компания Морган Эдвансед Материэл (Morgan Advanced Material), оказывающая содействие компаниям в целях высокоэкономичного и экологически безопасного производства товаров в сфере энергетики, электроники, транспорта, безопасности, здравоохранения и промышленности [23].

Совет директоров компании при определении ключевых показателей эффективности разделил их на две категории, одна из которых содержит финансовые, а другая — нефинансовые показатели. Ввиду того, что вузы и университеты являются некоммерческими структурами и не преследуют цели извлечения прибыли, в таблице 3 в качестве примера приведен перечень нефинансовых показателей, характерных в своем большинстве для любой организации.

Таблица 82

Нефинансовые показатели Морган Эдвансед Материэл в 2011 и 2012 гг.

KPI	2012	2011	Стратегическая цель
Годовое изменение стоимости услуг	8,5 %	8,2 %	Поддержание высокого качества услуг для наших клиентов. Ориентация на растущие рынки
Итоговые затраты на содержание персонала в % от объема продаж	30,4 %	29,2 %	Развитие культуры операционного превосходства и экономии затрат
Текущесть кадров	13,4 %	13,7 %	Подбор, удержание и развитие ценных кадров
Количество часов обучения на 1 сотрудника	15,1	13,3	Подбор, удержание и развитие ценных кадров
Частота простоев при – авариях (на 100 тыс. операционного превосходства и рабочих часов)	0,52	0,58	Подбор, удержание и развитие ценных кадров
Кол-во тонн CO2 на 1 млн фунтов дохода операционного превосходства и экономии затрат	403	411	Развитие культуры
Кол-во тонн отходов на 1 млн фунтов дохода операционного превосходства и экономии затрат	49	45	Развитие культуры

Как видно из табл. 82, большинство показателей может быть использовано в условиях университета для оценки эффективности работы Попечительского совета.

Таким образом, ключевые показатели эффективности непосредственной деятельности вуза и его Попечительского совета, осуществляющего стратегический менеджмент, находятся в тесной взаимосвязи, в то же время представляя различные понятия. Ключевые показатели эффективности деятельности вуза отражают достижение вузом каких-либо определенных производственных результатов. При этом ключевые показатели эффективности

стратегического менеджмента заключаются в определении верного стратегического направления деятельности и развития вуза, формулировке миссии, видении и подборе показателей эффективности деятельности вуза в целом.

Вуз должен рассматривать рейтинги и критерии оценки как инструмент сопоставления, планировать меры по совершенствованию своей деятельности и укреплению репутации, формируя партнерства с лучшими университетами, инвестируя средства в стратегические цели и мотивируя коллектив на их достижение, чем может обеспечить свою конкурентоспособность.

Гаврилюк В. В.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ТЮМЕНСКОМ РЕГИОНЕ

Современные тенденции в развитии российского образования — глобализации, с одной стороны, и регионализации, с другой стороны — имеют объективное основание в виде действительных различий становления и развития систем образования в разных регионах России. Если в советское время

эти различия игнорировались государственной образовательной политикой, наоборот, ее усилия были направлены на уничтожение этих различий, то сегодня стратегия в корне изменилась.

Задачи исследования регионализации систем образования требуют решения некоторых

принципиальных вопросов: каково влияние государственной образовательной политики на формирование системы образования региона; существовал ли особый социальный заказ для систем образования на уровне региона; можно ли говорить об отличии педагогических парадигм на уровне региона; как учитывались в различные периоды развития системы образования региона образовательные потребности населения и др.

Говоря о тенденциях регионализации в развитии современного российского образования, исходят из утвердившегося в социологии представления о нем как о системе, обладающей социально-пространственной общностью организации населения. Отличаясь своеобразием природных условий, сложившейся специализацией производства, определенным уровнем развития производительных сил, производственной инфраструктуры, регион в то же время характеризуется спецификой социальной структуры и инфраструктуры, а также образа жизни населения.

История становления специализации производства, специфики социальной структуры и инфраструктуры, образа жизни населения — ключ к пониманию особенностей современных российских регионов. Историю формирования Тюменского региона, в нынешнем его существовании, рассматривает Г. Ф. Куцев [410]. Еще в XVI веке территория нынешнего Тюменского региона стала притягивать три крупные этнические силы, три цивилизационных потока новой истории угорско-сибирские, тюркские и славянские. И сегодня, в этом регионе существует трехмерный слой этнического уклада — европейцы, тюрки, угры. Все остальные национальные группы лишь дополняют этническую мозаику. В XVIII — начале XIX вв. этот первый за Уральским хребтом регион, крупный и малозаселенный, стал территорией энергичного освоения крестьянами, представлявшего собой типичную картину евроазиатской колонизации, продвижения российского государства на восток. Одновременно сюда переселялись крупные религиозные общины, которые подвергались преследованиям в Центральной России.

Со второй половины XIX века и до начала 50-х гг. XX века регион стал принимать людей, которых власти ссылали сюда по политическим мотивам: дворяне-декабристы, революционеры-разночинцы, жертвы политических репрессий 1930–1950-х гг.

С середины 1950-х и до конца 1980-х гг. Тюменский регион стал местом притяжения мощных миграционных потоков из самых различных регионов СССР: молодежное добровольческое движение на ударные стройки, массовое направление молодых специалистов, организованный набор и самостоятельное переселение людей из трудоизбыточных регионов. Первоначально территория нынешней

Тюменской области была частью громадной Тобольской губернии, юрисдикция которой распространялась до Аляски включительно. Тобольск как административный центр губернии имел право принимать послов, чеканить монету, то есть по сути, становился второй столицей гигантского евразийского государства. Чрезмерная суверенизация богатого и обширного края была пресечена московской властью, и край остался в составе метрополии как типичная российская колония.

Советский период развития региона отмечен продолжительной нестабильностью в административном устройстве Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока. В 1920 году Западно-Сибирский район включал в себя Северный и Центральный Казахстан, Оренбургскую губернию. В схеме экономического районирования 1921 года, созданной для целей территориально-экономического управления, Западная Сибирь была разделена на Западно-Сибирский район в составе современных Тюменской и Омской областей и Кузнецко-Алтайский район. Фактически до конца 20-х гг. территория современной Тюменской области входила в Уральскую область с центром в Екатеринбурге, а остальная часть Западной и Восточной Сибири — в Сибирский край с центром в Иркутске. После упразднения Уральской области территория современной Тюменской области влилась в Омскую область. И, наконец, в 1944 году была образована Тюменская область в ее нынешних границах. Сегодня Тюменская область представляет собой экономически развитый полиэтнический регион.

Демографические особенности, развитие социальной инфраструктуры, особенности рынка труда, сосуществование разных культур на территории Тюменской области — все это объективные основания становления современной системы образования региона. Кроме того, процессы, происходящие сегодня в системе образования области, невозможно понять, если не учитывать историю становления, специфику истории формирования образовательного комплекса региона.

Освоение Сибири, Севера — всегда было государственной задачей России, и на разных этапах на первый план выходили разные аспекты этой задачи: от территориального, промышленного до культурного. Каждому этапу присущи свои особенности, ошибки и достижения, но некоторые тенденции устойчиво проявляются на всех этапах. Например, первые шаги культурного освоения были связаны с миссионерской деятельностью, со стремлением обратить «дикие» народы в «истинную» веру и привить им цивилизационные нормы, соответствующие уровню российской культуры. В годы нового промышленного освоения Тюменского Севера, начиная с 60-х, задачи культурного

освоения, по существу, не изменились. Ими все также были приобщение коренных северных народов к российской и мировой цивилизации, ценностям и нормам «советской культуры», образу жизни, профессиональным ориентирам. Новые поколения коренных северян, прошедшие через интернатскую систему образования и воспитания, отрывались от корней национальной культуры и образа жизнедеятельности, так и не усвоив культуру промышленную, пополняя группы маргиналов.

Другой характерной чертой культурного освоения, свойственной изменениям пришлого населения, было формирование общего особого нравственного и психологического климата преодоления, покорения и борьбы: с суровыми климатическими условиями, тяжелыми условиями труда, бытовой неустроенностью. Этот общий настрой породил два социальных характера, два типа, часто встречающихся и сегодня на Тюменском Севере. Один из них — социально активный, созидательный, обладающий высокой пассионарностью тип. Это люди, занятые обустройством среды и самосовершенствованием, чувствительные ко всему новому, для них карьерный рост — не самоцель, а: способ самовыражения. Другой, противоположный тип — это тип временщика, «покорителя» природы, который свое пребывание на Севере связывает только с собственными интересами (материальными, карьерного роста, самоутверждения и т.д.), не включая в свою систему ценностей природную и социальную среду. Отсюда поражающее воображение варварство по отношению

к природе, материальным ресурсам вообще, особый тип взаимоотношений в социуме.

Современный Тюменский регион, как мы уже отмечали выше, — это не только промышленный Север, но и аграрный Юг, не только пришлое, но и коренное и укоренившееся население, это различие культур, хозяйственных укладов, традиций, образа жизни.

Современные тенденции в развитии образования и воспитания в Тюменском регионе нельзя понять, если ограничиться периодом последних лет, хотя именно этот период и ознаменован принципиальными, качественными переменами. Особенности государственной политики в отношении этого региона, идеологические основания социального заказа образованию в разные периоды общественного развития преломляются по-разному через призму национально-культурных традиций, общественные ценности и потребности субъектов образовательного процесса.

История систематического образования в Тобольской губернии начинается с конца прошлого века. По переписи 1897 года в Тобольской губернии грамотность населения составила 11,3%, что было ниже общероссийского показателя в два раза [126, 166]. Необходимо отметить, что именно в годы, последовавшие за первой переписью населения, рост числа образовательных структур в губернии был наиболее быстрым, даже по сравнению с последующими годами советской власти. По материалам сборников «Обзор Тобольской губернии» воссоздана картина роста числа учреждений образования в 1892–1913 годах [10, 38–45] (табл. 83).

Таблица 83

Количество учебных заведений

Годы	Всего	В городах	В уездах	Средних	Низших	Начальных	Специальных
1892	588	65	493	5	34	516	3
1898	737	80	657	5	39	690	3
1906	1055	99	956	7	59	985	4
1913	1672	107	1555	11	24	1614	22

За два предреволюционных десятилетия численность учебных заведений увеличилась почти втрое, причем основной прирост — за счет появления новых начальных школ в уездах. Быстрый рост профессионального образования с 4 до 22 структур наблюдается в 1906–1913 годах. В целом, к 1913 году в 1672 учебных заведениях губернии обучалось 75504 человека, что составляло 37% детей школьного возраста. Количество средних школ было невелико — всего 11, из них: 7 гимназий, реальное, коммерческое, епархиальное женское училище и духовная семинария. Всего в учреждениях среднего образования в 1913 году обучалось 3350 человек, еще 900 человек учились в профессиональных

учебных заведениях, которые не давали среднего образования. В губернии не было ни одного высшего учебного заведения [126, 166].

Особенности государственной образовательной политики в отношении обширной и богатой губернии были определены низким общим образовательным уровнем населения, характерными чертами образа жизни. Отсюда — наибольший рост числа учреждений начального образования и начального и среднего профессионального образования. Требования общества к образованию и воспитанию новых поколений были связаны, прежде всего, с ликвидацией отставания уровня образования и культуры от европейской части

страны. Стратегия развития системы образования в этот период носила «догоняющий характер». Насколько в этой стратегии отражались запросы всего населения губернии, можно только предполагать. Вместе с тем наличие разных форм, направлений и уровней образования мало отличалось от общегосударственного подхода к народному образованию. В структуре среднего образования, как видно, отражались запросы как светского, так и духовного образования, существовали и некоторые возможности женского образования, правда, ограниченные и узконаправленные. Социальный заказ этого периода, по существу, игнорировал социокультурные различия населяющих губернию народов, не учитывал отличия сибирских народов от населения европейской части страны. Задачи просвещения и приобщения к «истинной» культуре были преобладающими. Особенно наглядно это проявляется в истории становления систематического государственного образования коренных северных этносов. История обучения детей коренных северных народов начинается с XVIII века. Первый опыт обучения детей северного народа — самоедов (ненцев) — относится к 1774 году. В Архангельской семинарии обучались несколько мальчиков-самоедов. Предполагалось посвятить их в священников и отправить служить в Мезенские тундры. Они добивались прекрасных успехов, ничуть не отставая от своих русских сверстников и, как писал учитель этих детей священник Николай Лебедев, только радовали своих учителей. Но до конца курса все они неожиданно умерли, причем причина осталась их учителям неизвестна: то ли пища им не подходила, то ли комнатная жизнь, не свойственная их народу, то ли тоска убила их, предполагал их учитель Н. Лебедев [166].

На территории нашего региона первые школы появились в 1844 году — Кондинская при монастыре и в 1846 — Обдорская при миссии. В этих школах учились вместе дети русских и северных народов. Обучение осуществлялось на русском языке. Детей-северян в этих школах было немного, в среднем по десять человек.

Уже в 60–70-е гг. деятельность миссионерских школ была подвергнута резкой и конструктивной критике. С. С. Шашков и И. М. Ядринцев — представители сибирского областничества — критиковали практику обучения детей коренных народов как неэффективную и даже вредную. Они предложили обучать детей на их родном языке, издать учебники на этих языках; привлекать учителей из местного населения, изменить содержание и методы обучения детей, привлекать местный понятный детям материал [166].

Если проанализировать современные подходы к организации обучения коренных северных народов, то ничего иного не предлагается и сегодня.

И сегодня эти принципы остаются актуальными для организации процесса обучения, а задачи — нерешенными.

С 1864 по 1882 гг. в Кондинской и Обдорской школах обучалось по 4–6 детей из числа коренных северян. В 1882 году Обдорская школа закрывается из-за отсутствия средств. В 1884 году открывается школа в Тобольском Знаменском монастыре, где число детей коренных северных национальностей также было невелико. Проверки деятельности миссионерских школ выявили многочисленные финансовые злоупотребления, показали, что ученики постоянно подвергаются унижениям и побоям, что их грамотность практически равна нулю. Ф. Ф. Кронгауз отмечает, что «миссионерские школы оказывали лишь очень незначительное влияние на повышение культурного уровня местного населения, которое, как правило, относилось резко отрицательно к этим школам» [166]. Неэффективность, резкое нарушение традиций и жизнедеятельности, неприятие местным населением деятельности миссионерских школ — такова оценка современников и исследователей более позднего периода [2, 37–38].

В советский период развитие образовательных систем на территории нынешнего Тюменского региона протекало неравномерно и во многом, как и прежде, определялось политическими и идеологическими установками государства. Сразу после установления советской власти задачи культурного строительства, ликвидации неграмотности и развития народного образования в регионе вошли в область приоритетных. В 1919 году были открыты первые музыкальные школы в Тюмени и Тобольске, в Тюмени — народный университет с естественно-научным и гуманитарным отделениями. Постепенно складывалась сеть профессионального образования, были открыты педагогический институт, ветеринарно-фельдшерская и сельскохозяйственная школы, трехгодичные педагогические курсы (Тобольск), учительская семинария (Ялуторовск), механико-техническое училище, институт народного образования, курсы по подготовке внешкольных работников и библиотекарей (Тюмень), курсы по подготовке учителей 1 и 2 ступени в Тюмени и Ишиме, и, кроме того, 7 разного рода технических курсов и учебных мастерских.

Одновременно с этой системой образовательных учреждений складывалась и другая, специфическая сеть — сеть учреждений обучения и перевоспитания детей-сирот, правонарушителей, детей-спецпереселенцев. Из 6 существовавших еще до революции сиропитательных заведений были созданы детские дома, кроме того, в селах Михайловке и Ершовке около Тобольска были созданы детские колонии, а в селе Дубровка — трудовая

коммуна для девочек. В тридцатые годы возникли и достаточно долго существовали как отдельные учебные заведения школы для детей-спецпереселенцев, основной задачей которых была социализация детей и молодежи в духе коммунистической идеологии, отрыв их от «враждебных» и вредных семейных традиций.

В 1920–1921 учебном году действовала 1241 школа первой ступени и 23 школы второй ступени, в которых обучалось примерно 66 тысяч детей, что составило 33 % детей школьного возраста. Но уже в следующем 1921–1922 учебном году произошел резкий спад культурно-просветительной работы. В этом учебном году как государственные, работали всего 607 школ первой и второй ступеней, остальные перешли на содержание населения. Четвертый губернский съезд Советов, состоявшийся в декабре 1921 года, констатировал, что состояние народного просвещения «близко к катастрофическому» [126]. Этот первый кризис образования в регионе был преодолен достаточно быстро — уже к 1923 году. В этом году начался новый значительный подъем в развитии системы образования. К концу 1923 года почти 54 % детей школьного возраста посещали школы первой и второй ступеней. Школы второй ступени развивались хуже и медленнее, чем школы первой ступени. Причины здесь были не столько материальные, сколько социальные. Из числа выпускников школ второй ступени в высшие учебные заведения поступали единицы, а профессии они никакой не давали. Большинству крестьянских и рабочих семей и самим учащимся такое образование казалось напрасной тратой времени. К 1924 году в школы второй ступени был введен профессиональный уклон, утвердившийся окончательно к 1927 году как педагогический или кооперативный, т.е. школы второй ступени развивались по пути сближения с техникумами. Запросы субъектов обучения, их реальные потребности отразились и в появлении семилетних школ крестьянской молодежи, в содержании обучения которых входили знания и опыт, необходимые в сельскохозяйственном производстве. К 1929 году в Ишимском образовательном округе их было 4, в Тобольском — 3, Тюменском — 5.

Двадцатые годы в нашем регионе, как и во всей образовательной практике Советской страны, были годами подъема, поиска новых форм и технологий, годами перестройки содержания образования. Новые парадигмы образования рождались из революционных идей свободного развития личности как условия общественной гармонии и передовой педагогической практики, смелого экспериментирования, поиска условий для воспитания гармоничной и свободной личности. Связь образования и культуры в эти годы выступала практическим основанием для организации

учебно-воспитательного процесса. Особенно четко эта связь проявляла себя в образовании детей, принадлежащих разным этносам, разным национальным культурам. В многонациональном регионе, которым всегда был Тюменский регион, поиск национально-культурных оснований образования оставался практической задачей. Именно эти годы стали годами развития и национального образования коренных северных народов, и национальных школ других народов, населяющих Тюменский регион. На территории нынешней Тюменской области к 1920 году проживало около 100 тыс. нерусского населения. Самая многочисленная группа (62 тыс. — татары, грамотность среди них составляла 15 %. Национальная школа в регионе формировалась, в основном, для детей этого этноса — работало 145 татарских школ. Другая «коренная» этническая группа — коренные северные народы, их численность составляла к тому времени 34 тыс. человек. Грамотность среди коренного населения была очень низка: манси — 5, 6 % грамотных; ханты — 5,2 %; ненцы — 0,6 %. Другие большие группы — украинцы (1 200 человек) и латыши (1 100 человек), отдельных национальных школ для них не было. На территории современных северных Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов было всего 17 школ, в которых обучались 585 учащихся, из них всего 16 человек ханты и ненцы. Обучение велось на русском языке.

Первые школы для коренных северян открылись в 1920–1921 году. К 1925–1926 учебному году их стало 19 с 274 учащимися, а к 1928–1929–30 с 480 учащимися. В 1926 году появилась первая мансийская школа — семилетка, а годом раньше — 4 школы-интерната. Грамотность среди населения манси составляла 40, 2 %; ханты — 8, 7 %; ненцев — 1 %. Ликвидация неграмотности и культурная работа среди коренного населения в этот период была предметом постоянной заботы органов власти. В Остяко-Вогульском национальном округе к 1936 году числилось 54 ликпункта, 56 школ для малограмотных, 30 школ для подростков, в которых обучались более 1400 неграмотных и 1200 малограмотных [126]. В 1931 году на территории северных округов действовала 91 школа, а в 1937–55. Учителей для северных школ готовили в Тобольском педагогическом техникуме и на Северном факультете в Ленинграде. В 1930 году ленинградскими учеными был создан первый хантыйский букварь на латинской основе «Ханты-книга». В 1932 году в Ленинграде состоялась I Всероссийская конференция по развитию языков и письменности народов Севера, утвердившая проект создания 14 национальных литературных языков Севера, в том числе ненецкого, мансийского, хантыйского. Опыт развития этих языков на основе латинского алфавита не принес

успеха, и в 1937 году было принято решение о переводе письменности северных народов на алфавит, основанный на русской графике.

Работа по просвещению коренных северных народов не ограничивалась расширением сети школ и формированием письменной основы их языков. В этот период идет активный поиск форм и содержания образования, соответствующих укладу жизнедеятельности, культуре коренных северных народов. Анализ опыта деятельности Тобольского Комитета Севера в сфере образования в 1925–1931 годах позволил уже тогда сформулировать основные принципы и подходы к организации обучения коренных северян:

- система обучения не должна отрывать детей от традиционного уклада хозяйственной деятельности;
- обучение должно соответствовать национальным традициям, национальной культуре;
- содержание обучения должно соответствовать жизненным потребностям северных народов [285].

Основной формой начального образования для коренных северян предполагалось сделать кочевую школу, которая могла бы реализовать заявленные принципы, не отрывая ребенка от семьи, естественных условий его жизни. Однако в действительности северная школа стала развиваться совсем в другом направлении — по пути создания школ-интернатов.

В 1940–1960 годы происходит постепенный, плавный рост числа образовательных учреждений и контингента обучаемых в них. Национальная школа уходит из числа приоритетных задач

и постепенно растворяется в общей единой и единообразной системе образования и воспитания. Исключение составляет система образования коренных северных народов, которая окончательно переходит на интернатский путь развития, все дальше отходит от принципов сохранения и развития национальной культуры через систему образования. Наиболее сильно пороки интернатской системы стали проявляться в период промышленного освоения, с начала шестидесятых годов, когда Тюменская область становится основным источником нефти и газа в России. Задачи развития нефтегазодобывающего комплекса оказались несоизмеримы с социальной миссией сохранения и развития этносов, населяющих территории. Для системы образования это стало подлинной трагедией, так как интернаты все больше удалялись от мест кочевания семей оленеводов. Сокращение числа пастбищ, мест для охоты и рыбной ловли вынуждало семьи северян все дальше продвигаться в еще необжитые районы, оставляя своих детей за сотни километров от дома в интернатах.

Принципиальным отличием в развитии образовательной системы региона в этот период был скачок к высшему профессиональному образованию. Регион в значительной мере обеспечивал себя специалистами массовых профессий. Рост числа учебных заведений и изменение их контингента отражены в следующей таблице, составленной на основе статистических данных, приведенных в сборнике документов «Из истории культурного строительства в Тюменской области» [126] (табл. 84).

Таблица 84

Учебные заведения и численность учащихся в Тюменской области

Учебные заведения, средние		Ссузы,	Вузы, студенты	Преподаватели, докт./канд. наук
учебный год	учащиеся школы	учащиеся		
1940–1941	1 776	20	4	
	205 700	6 479	1 602	
1945–1946	1 895	19	3	
	160 200	4 795	1 547	
1950–1951	1 950	22	4	
	197 900	6 820	2 363	
1955–1956	1 893	22	3	
	163 500	8 984	4 063	
1960–1961	1 935	20	4	
	215 300	9 428	4 011	
1964–1965	1 804	23	6	
	300 500	16 921	8 722	
1969–1970	1 622	25	6	
	286 800	22 669	20 821	
1974–1975	1 399	29	7	21 355
	282 800	25 600	25 300	47 614

Заметный рост числа учреждений высшего и среднего профессионального образования, формирование высококвалифицированных научно-педагогических коллективов не могли не сказаться на расширении номенклатуры специальностей и на формировании особой творческой атмосферы в педагогической среде.

Особенности социального заказа образованию в период промышленного освоения и формирования нефтегазового комплекса региона определялись спецификой самого процесса освоения: требовалось большое количество специалистов массовых профессий, которые смогли бы обеспечить потребности добычи и вообще производства углеводородного сырья и создать соответствующую инфраструктуру. Поэтому в структуре образования складывалась сеть учреждений, где наиболее развитыми были специальности, связанные с добычей и транспортировкой нефти и газа, строительством и энергетикой. Эти специальности пользовались большим спросом в регионе, они были престижны среди молодежи, быстро рос научный и преподавательский потенциал, связанный с этими профессиями. Вместе с тем формирование нефтегазового комплекса не сопровождалось соответствующим ростом социальной инфраструктуры, не учитывались и культурные запросы населения.

Период промышленного освоения резко изменил демографическую и социокультурную ситуацию в регионе. Огромные потоки мигрантов, в основном молодых людей разных национальностей, разного жизненного опыта, но с единым общим стремлением «покорить Тюменский Север, дать большую нефть Родине», определяли социальный и культурный облик региона в период освоения. Население региона состояло более, чем из 120 этнических групп, среди которых более 60 — достаточно большие по численности. Учесть образовательные потребности столь разнородного населения удавалось только благодаря отчетливо выраженному социальному заказу. В новых северных городах росли опорные пункты учреждений профессионального образования разного уровня, многие из которых позднее превращались в самостоятельные учебные заведения. Молодые люди, приехавшие на Тюменский Север с рабочей профессией или вообще без профессии, могли получить среднее специальное или высшее профессиональное образование, обучаясь заочно или на вечернем отделении вузов и ссузов областного центра, часто не покидая свой город.

Образовательная политика этого периода в регионе была направлена на развитие и укрепление системы профессионального образования, удовлетворение потребностей быстрорастущего населения региона в профессиональном обучении. Роста числа учреждений общего среднего образо-

вания в этот период не наблюдается (средний возраст жителей молодых северных городов области составлял 24–26 лет, а на юге области школьная инфраструктура к этому времени уже сложилась).

С завершением перехода к всеобщему среднему образованию в Тюменской области, как и во всей стране, начинается активный педагогический поиск эффективных средств обучения в массовой средней школе, связи начального профессионального образования и всеобщего среднего. Реформа 1984 года протекала в регионе с теми же характеристиками, что и в других регионах. В это время появился энтузиазм и наблюдался некоторый подъем в педагогической среде: увеличился прием на педагогические факультеты мужчин; появился общественно-педагогический клуб «Поиск» в г. Тюмени, подобные объединения в северных городах области; пресса стала уделять больше внимания педагогическому новаторству, передовому педагогическому опыту; приобрели популярность командировки учителей в города, где жили и работали педагоги-новаторы.

В восьмидесятые годы, когда энтузиазм первых молодежных отрядов покорителей Тюменского Севера был далеко позади и у них стали подрастать дети, оказалось, что социальная, в том числе и образовательная инфраструктура региона совершенно не удовлетворяют потребности населения. Это становилось очевидным из-за сравнительно высокого образовательного уровня населения Тюменской области. По данным переписи 1989 г. на 1 000 человек населения в возрасте: 15 лет и старше в области приходилось 593 человека с образованием на уровне или выше среднего, в том числе 248 человек со средним специальным и 101 человек с высшим образованием. В то же время 126 человек из тысячи имели образование ниже неполного среднего. В области, как и в России в целом, сохранялись различия между отдельными слоями и группами населения. В городах на 100 человек населения полное и неполное среднее образование имели 782 человека, в сельской местности — 680 человек, а высшее образование соответственно 134 и 60 человек.

В 1990–е г., когда изменения в российской системе образования были противоречивы и разнонаправленны, тенденции роста образовательного уровня населения тюменской области сохранились. Микрперепись 1994 года показала дальнейший рост уровня образованности населения Тюменской области. Более 60% населения указанной возрастной группы имели среднее образование, из них почти половина — среднее специальное. Следует отметить, что доля лиц со средним образованием в области была выше, чем в среднем по России. В определенной мере это связано с тем, что прирост населения области шел, в основном, за счет

миграции, вызванной большим количеством рабочих мест. Анализ состава мигрантов по уровню образования подтверждает этот вывод. Например, в 1993 и 1994 годах среди мигрантов в возрасте от 16 лет и старше, прибывших в область, лица со средним образованием составляли большинство — около 80%. Обращают на себя внимание цифры, характеризующие образовательный уровень молодежи в возрасте 20–24 лет. При сокращении по сравнению с 1989 годом доли лиц со средним специальным и средним общим образованием (78,4 против 81,1) возросла доля лиц с неполным средним образованием (9,7 против 7,9). В среднем по России доля лиц с неполным средним образованием в этой возрастной группе, по данным 1994 года, составила 9,4%, что тоже выше уровня 1989 года. Стоит заметить, что это очевидное и социально значимое проявление фактической отмены обязательности среднего образования.

Существовали различия в уровне образования по округам и югу области. В среднем по области высшее образование имели 9,3%. среди населения в Ямало-Ненецком автономном округе этот показатель составил 9,9%, на юге области — 9,4, а в Ханты-Мансийском округе — 9,0. В среднем по России 12,2% молодежи в возрасте 20–29 лет имели высшее образование, в нашей области этот показатель был ниже — 9,7%, хотя и несколько возрос, по сравнению с 1989 годом, когда составил 8,9%. В 1990–е гг. сохранялись значительные различия по этому показателю между севером и югом области. Если всего по области — 9,7, то в Ханты-Мансийском округе — 8,8, а Ямало-Ненецком — 8,2, в то время как на Юге области — 11,5% [219]. Такой существенный разрыв объясняется тем, что вузы в Тюменской области, в основном, были сосредоточены в областном центре, на юге области.

Образовательные реформы 1990–2000-х гг. были направлены на преодоление сложнейших и нерешенных проблем в образовательном комплексе региона. Обвальное разрушение идеологии как основания социального заказа и господствующей педагогической парадигмы выдвинуло образовательную политику и потребности самих субъектов образования в число важнейших, определяющих социальных оснований перестройки всего социального института образования.

Настоящие значительные перемены в развитии образовательных систем региона начались с 1992 года. К этому времени в Тюменской области сложилась разветвленная сеть образовательных учреждений от детских дошкольных до вузов. На начало 1993–1994 учебного года она объединяла 3697 образовательных учреждений с контингентом учащихся около 900 тыс. человек. Число общеобразовательных школ различных типов составило 1558, в них обучалось 542, тыс. учащихся.

В 70 профессионально-технических училищах насчитывалось 27,7 тыс. учащихся. Контингент 39 средних специальных учебных заведений составлял 30,2 тыс. и 10 вузов — 21,6 тыс. человек.

В 1990–е гг. отмечался, как и в целом по России, некоторый спад численности студентов и учащихся средних специальных учебных заведений, и к 1994 году установилась определенная тенденция роста числа студентов вузов и сокращение числа учащихся ссузов. В 1995–1996 учебном году на 10 000 человек населения приходилось 125 студентов и 90 учащихся техникумов [64, 137].

В чем же специфика, отличие проявления политических (в области образовательной политики), идеологических (как проявление социального заказа), национально-культурных, ценностных (педагогических парадигм) факторов и их связей с образовательными потребностями населения в Тюменском регионе?

К 1992 году массовая школа в России, в том числе и в Тюменском регионе, не различалась по региональному признаку. Массовая школа не учитывала исторические, национально-культурные, экономические и прочие условия своего существования в конкретном регионе, она продолжала оставаться единообразной, замкнутой и самодостаточной, оторванной и изолированной от нужд той территории, на которой она существует. Система образования в целом являлась внерегиональной в силу ведомственности своего устройства.

В 1990–е гг. ситуация кардинально изменилась. Системы образования в числе первых социальных институтов среагировали на политику регионализации. Властные органы, вырабатывая принципы региональной образовательной политики, стремились учесть как объективные характеристики народно-хозяйственного комплекса региона, так и специфику национально-культурной составляющей образовательного процесса. Значительную роль в регионализации процессов образования сыграл движение «снизу», инициатива самих образовательных учреждений, руководителей органов народного образования, творческая активность преподавательских коллективов и отдельных педагогов.

Основным направлением преобразований школьного обучения в этот период стало профилирование массовой школы и перевод ее в режим дифференцированного обучения. Развитие и дифференциация неэлитарного, массового образования в этот и в последующий период значительно отставало от преобразований школьного обучения для интеллектуально одаренных детей. Лишь в нескольких школах были открыты классы выравнивания, отношение к ним в педагогической среде сложилось неоднозначное, и они не прижились в массовой школе.

1992 год стал годом возрождения национальной школы, в Тюмени были открыты две татарские школы (правда, в дальнейшем их судьба сложилась неудачно — из-за отсутствия помещений и кадров они отказались от своего замысла). Открытие первых татарских национальных школ вызвало дискуссии не только в педагогической среде, но и ученых других специальностей, среди населения региона. Национальный состав Тюменской области сегодня включает более 130 народов и народностей, причем большие этнические группы распределены по 60 национальностям. Наиболее продуктивным оказался путь сохранения национальных школ для детей коренных народов Севера. Развитие национальной школы для малочисленных народов происходит на фоне как благоприятных, так и неблагоприятных условий. К числу первых следует отнести возникновение и существование национальных общественных объединений, филиалов научно-исследовательских учреждений в области национальных аспектов культуры, демократизацию организации всего школьного дела в целом. К осложняющим развитие национальной школы обстоятельствам следует отнести как общую неблагоприятную обстановку в финансовом и материально-техническом отношении, так и складывающуюся для народов Севера демографическую ситуацию. Однако, хотя и нужно учитывать возможности количественного уменьшения учащихся — представителей народов Севера, безусловной является необходимость сохранения национального уклада жизни северных народов, развития комплекса национального образования.

Другие перемены в развитии образовательных систем региона были связаны в этот период с формированием социально-педагогических комплексов, формированием интегративных взаимо-

действий между образовательными структурами разного уровня (школа – вуз; гимназия – колледж; колледж – вуз).

Сегодня в российском обществе все более крепнет понимание того, что человек является основным ресурсом устойчивого социально-экономического развития страны. Исследования развития человеческого потенциала включают факторы образования как одного из важнейших его показателей. Итоги последней переписи населения в России дают целостную картину образовательного уровня ее жителей. Программа Всероссийской переписи населения 2010 г. включала изучение темы образования и обучения населения и в разрезе регионов. Анализ статистических данных может быть основанием для выявления тенденций развития региональной системы образования. Анализ подготовлен Н. Ф. Меновой, Т. Б. Ивашкиной [193].

В 2010 году на юге Тюменской области проживало 1 064,6 тыс. человек в возрасте 15 лет и старше, указавших свое образование, что составляет 95,7 % от общей численности населения по региону, включая автономные северные округа. Не ответили на вопрос об образовании — 4,3 %. Статистика по уровню образования населения Тюменского региона почти не отличается от общероссийской, даже немного превышает среднероссийские показатели. Из числа указавших свой уровень образования, имели профессиональное образование 63,3 % (в России — 64,8 %) общее — 35,9 % (в России — 34,6 %) и не имели начального образования 0,8 % (в России — 0,6 %). Претерпела существенные изменения, по сравнению с данными переписи 2002 г., и структура образованности населения: процент лиц, имевших профессиональное образование увеличился, сократилась доля лиц с общим образованием, и не имевших начального образования (табл. 85).

Таблица 85

Распределение численности населения, указавшего образование, (в возрасте 15 лет и старше) по образованию в Тюменской области (без автономных округов), на дату переписи

Уровень образования	Численность населения – всего, тыс. человек		2010 в % к 2002
	2010	2002	
Население (в возрасте 15 лет и более), указавшее образование – всего	1 064,6	1 081,2	98,5
в том числе:			
профессиональное	673,7	622,4	108,2
высшее	227,3	148,1	153,5
в том числе послевузовское	6,3	2,3	2,7
неполное высшее	46,5	34,4	135,2
среднее	347,7	308,0	112,9
начальное	52,3	132,0	39,6
общее	382,1	443,6	86,1
среднее (полное)	176,8	181,7	97,3
основное (неполное среднее)	137,5	168,4	81,6
начальное	67,8	93,5	72,5
не имеют начального общего образования	8,7	15,1	57,7
из них			
неграмотные	5,0	9,1	54,5

По сравнению с переписью 2002 г., число лиц с высшим профессиональным образованием увеличилось на 53,5 %. Среди них 2,8 % имели послевузовское образование (в 2002 г. — 1,6 %). Численность лиц, имевших неполное высшее образование, увеличилась на 35,2 %, со средним профессиональным образованием — на 12,9 %, с начальным профессиональным образованием уменьшилась на 60,4 % (см. табл. 3).

Впервые по итогам переписи 2010 г. получена информация о численности специалистов по ступеням высшего профессионального образования и лиц, имевших ученую степень. Из общего числа лиц с высшим профессиональным образованием степень бакалавра имели 8,7 тыс. человек (3,9 %), специалиста (лица, получившие высшее профессиональное образование до 1995 г.) — 208,2 тыс. человек (94,2 %) и магистра — 4,1 тыс. человек (1,9 %). На дату переписи учтено 3 660 кандидатов наук (из них на долю мужчин приходилось 49,5 %, женщин — 50,5 %) и 657 докторов наук (из них мужчины — 61,5 %, женщины — 38,5 %). По возрасту среди кандидатов и докторов наук преобладали лица в трудоспособном возрасте соответственно 73,1 % и 54,8 %. В сравнении с переписью 2002 г. сократилась численность лиц, имевших общее образование: среднее (полное), основное (неполное среднее) и начальное на 2,7, 18,4 и 27,5 % соответственно.

Важнейшей тенденцией последних десятилетий следует считать рост численности лиц

с высшим профессиональным образованием, из них молодежь в возрасте 16–29 лет почти в два раза увеличила свой образовательный уровень. При этом важно, что с послевузовским образованием молодежи этого возраста было 3,3 %, а в 2002 г. — 1,6 %. Это свидетельствует о росте интеллектуального потенциала, о привлекательности высокоинтеллектуальных профессий, включая науку. Из других важнейших тенденций нужно отметить рост числа специалистов с неполным высшим (на 49,8 %), со средним профессиональным образованием (на 7,2 %) и уменьшение — с начальным профессиональным образованием (на 27,9 %). Популярность рабочих профессий в регионе падает и по сей день, хотя реальные рынки труда свидетельствуют об обратной тенденции.

Сокращение численности молодежи в возрасте 16–29 лет на 33,0 и 31,6 %, имевшей среднее полное и основное — неполное среднее общее образование, объясняется тем, что это — поколение родившихся в конце 1990-х гг., когда уровень рождаемости был самым низким за всю послевоенную историю. Следует отметить, что 1,7 % от общей численности населения в этом возрасте имели только начальное общее образование, а в 2002 г. — 2,0 %.

Перепись 2010 г. выявила отличия в уровне образования мужского и женского населения, в возрасте 15 лет и более, указавшего образование.

Таблица 86

Распределение численности населения, указавшего образование, (в возрасте 15 лет и более) по образованию и полу в Тюменской области (без автономных округов), на дату переписи

Уровень образования	Численность населения – всего, тыс. человек				2010 в % к 2002	
	мужчины		женщины		мужчины	женщины
	2010	2002	2010	2002		
Население (в возрасте 15 лет и более), указавшее образование – всего	487,1	497,9	577,5	583,3	97,8	99,0
в том числе:						
профессиональное	291,2	281,8	382,5	340,7	103,4	112,3
высшее	86,6	59,6	140,7	88,5	145,4	159,0
в том числе послевузовское	2,6	1,1	3,8	1,2	2,3	3,2
неполное высшее	20,9	15,1	25,6	19,3	138,2	132,9
среднее	152,3	129,4	195,4	178,6	117,7	109,4
начальное	31,5	77,7	20,8	54,3	40,5	38,3
общее	192,8	212,2	189,3	231,4	90,9	81,8
среднее (полное)	93,5	91,3	83,3	90,4	102,4	92,2
основное (неполное среднее)	72,5	83,3	64,9	85,1	87,1	76,3
начальное	26,8	37,6	41,1	56,0	71,3	73,3
не имеют начального общего образования	3,1	4,0	5,7	11,2	77,7	50,6
из них						
неграмотные	2,0	2,7	2,9	6,4	75,5	45,7

В сравнении с данными переписи 2002 г. численность мужчин с высшим профессиональным образованием увеличилась на 45,4 %. Отмечался рост числа мужчин с неполным высшим профессиональным образованием на 38,2 %, со средним — на 17,7 %. В 2,5 раза уменьшилась численность мужского населения, имевшего начальное профессиональное образование (см. табл. 86).

Увеличилась численность мужчин со средним (полным) образованием (на 2,4 %) и сократилось число, имевших основное (неполное среднее) и начальное общее образование, на 12,9 и 28,7 % соответственно. Численность мужчин, не имевших начального общего образования за межпереписной период сократилась на 22,3 %. В сравнении с данными переписи 2002 г. численность женщин, имевших высшее профессиональное образование, увеличилась на 59,0 %. Число лиц, имевших неполное высшее образование, увеличилось на 32,9 %, среднее профессиональное — на 9,4 % и сократилось с начальным профессиональным — на 61,7 %.

Уменьшилась численность женщин, имевших общее образование: среднее (полное), основное

(неполное среднее) и начальное соответственно на 7,8 %, 23,7 % и 26,7 %. Почти в 2 раза сократилось число женщин, не имевших начального общего образования (табл. 86).

Структура образованности мужского и женского населения имела различия. На дату переписи 59,8 % мужчин и 66,2 % женщин в возрасте 15 лет и более, из числа указавших образование имели профессиональное образование (высшее, неполное высшее, среднее и начальное) (в 2002 г. — 56,6 и 58,4 % соответственно). Почти 3,0 % мужского населения и 2,7 % женского, имевшего высшее профессиональное образование, указали наличие послевузовского (в 2002 г. соответственно 1,9 и 1,4 %).

Численность мужчин, имевших общее образование (среднее (полное), основное (неполное среднее) и начальное общее), составила 39,6 % (в 2002 г. — 42,6 %). Не имели начального общего образования 0,6 % мужского населения (в 2002 г. — 0,8 %).

Среди женщин имели общее образование 32,8 % (в 2002 г. — 39,7 %), не имели начального общего образования — 1,0 % (в 2002 г. — 1,9 %) (рис. 29).

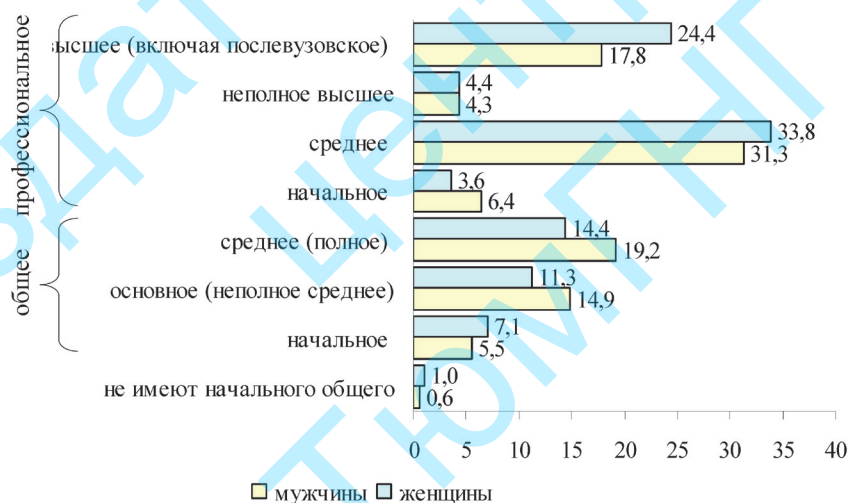

Рис. 29. Распределение численности населения (возрасте 15 лет и старше) по образованию и полу в Тюменской области (без автономных округов), в процентах к численности населения соответствующего возраста, указавшего образование, на дату переписи 2010 года

На дату Всероссийской переписи населения 2010 г. наибольшая доля лиц, имевших высшее профессиональное образование (включая послевузовское), отмечена в городских округах г. Тюмени — 29,4 % (от численности населения, указавшего образование) и г. Тобольска — 21,2 %, в муниципальных районах: Тюменском — 15,1 %, Уватском — 13,1 %, Казанском — 10,6 %. Наименьшая доля лиц с высшим профессиональным образованием (включая послевузовское) отмечена в Ялуторовском и Вагайском муниципальных

районах (7,2 и 7,3 % соответственно). Существенные изменения произошли в структуре образованности городского населения. На дату переписи 2010 г. 635,0 тыс. человек в возрасте 15 лет и старше указали образование, из них процент лиц, имевших профессиональное образование, составил 71,8 %, общее — 27,8 %, не имевших начального образования — 0,4 %. По сравнению с данными переписи 2002 г. доля лиц, имевших профессиональное образование, увеличилась на 8,5 % и сократилась доля лиц с общим

образованием и не имевших начального образования соответственно на 8,2 и 0,3 %.

По сравнению с переписью 2002 г. в городской местности число лиц с высшим профессиональным образованием увеличилось всего на 50,0%. Среди них 2,9% имели послевузовское образова-

ние (в 2002 г. — 1,7%). Численность лиц, имевших неполное высшее образование, увеличилась на 31,8%. Отмечался рост числа лиц со средним профессиональным образованием на 6,6% и сокращение числа лиц, имевших начальное профессиональное образование, в 3,3 раза (табл. 87).

Таблица 87

Распределение численности городского населения, указавшего образование, (в возрасте 15 лет и старше) по образованию и полу в Тюменской области (без автономных округов), на дату переписи

Уровень образования	Численность населения – всего, тыс. человек		2010 в % к 2002
	2010	2002	
Городское население (в возрасте 15 лет и более), указавшее образование – всего	635,0	661,1	96,1
в том числе:			
профессиональное	456,1	418,8	108,9
высшее	178,8	119,2	150,0
в том числе послевузовское	5,1	2,0	2,6
неполное высшее	37,7	28,6	131,8
среднее	220,3	206,6	106,6
начальное	19,2	64,2	29,9
общее	176,3	237,9	74,1
среднее (полное)	93,6	119,7	78,3
основное (неполное среднее)	57,6	83,8	68,7
начальное	25,1	34,4	73,0
не имеют начального общего образования	2,6	4,4	59,1
из них			
	1,3	2,4	54,2

Из общей численности лиц с высшим профессиональным образованием степень бакалавра имели 3,6%, специалиста — 94,5% и магистра — 2,0%.

На дату переписи 2010 г. 93,6% из общего числа кандидатов наук и 94,1% докторов наук проживали в городской местности. В сравнении с переписью 2002 г. уменьшилась численность лиц, имевших общее образование: среднее (полное), основное (неполное среднее) и начальное, на 21,7, 31,3 и 27,0% соответственно. В городской местности структура образованности мужского и женского населения претерпела существенные изменения.

В сравнении с данными переписи 2002 г. численность мужчин с высшим профессиональным образованием увеличилась на 42,5%. Отмечался рост числа мужчин с неполным высшим образованием на 34,5%, со средним профессиональным — на 12,2% и сокращение с начальным профессиональным образованием — в 3,2 раза.

Снизился процент мужского населения, имевшего общее образование: среднее (полное), основное (неполное среднее) и начальное на 17,9, 28,5 и 27,1% соответственно.

Среди городского женского населения, по сравнению с данными переписи 2002 г. увеличилось на 55,2% число лиц, имевших высшее образование, на 29,6% — неполное высшее образование,

на 2,4% — среднее профессиональное, сократилось в 3,4 раза число лиц с начальным профессиональным образованием.

Наблюдалось сокращение численности женщин, имевших общее образование: среднее (полное), основное (неполное среднее) и начальное, на 25,5, 34,1 и 27,0% соответственно.

На дату переписи 2010 г. 68,6% мужчин и 74,4% женщин в возрасте 15 лет и старше, из числа указавших образование имели профессиональное образование (в 2002 г. соответственно 61,4 и 64,9%).

Доля мужчин с высшим профессиональным образованием составила 24,2% от числа лиц, указавших образование (в 2002 г. — 16,1%), среди них 3,1% имели послевузовское образование. Снизилась в городской местности в сравнении с 2002 г. на 7,1% доля мужского населения, имевшего общее образование, составив на дату переписи 31,1%.

Как и в 2002 г., не имели начального общего образования 0,3% мужчин. Доля городского женского населения, имевшего высшее профессиональное образование, составила 31,4% (в 2002 г. — 19,4%). Среди них 2,8% лиц имели послевузовское образование (в 2002 г. — 1,4%). Среди женщин имели общее образование 25,1% (в 2002 г. — 34,1%), не имели начального общего образования — 0,5% (в 2002 г. — 0,9%) (рис. 30).

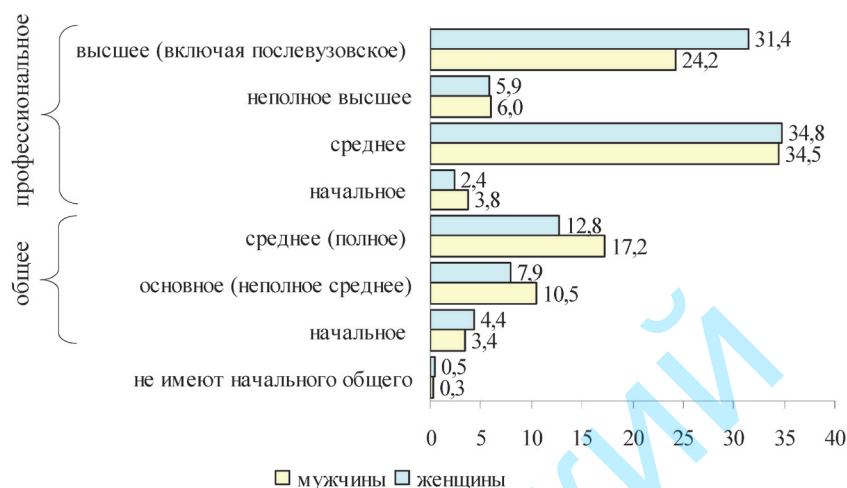

Рис. 30. Распределение численности городского населения (в возрасте 15 лет и старше) по образованию и полу в Тюменской области (без автономных округов), в процентах к численности населения соответствующего возраста, указавшего образование, на дату переписи 2010 года

Среди кандидатов наук мужчин насчитывалось 48,9 %, женщин — 51,1 %. В числе докторов наук преобладали мужчины (61,5 %), число женщин не превышало 38,5 %. Структура образованности сельского населения претерпела также

существенные изменения. На дату переписи из числа сельчан, указавших образование, процент лиц, имевших профессиональное образование, составил 50,7 %, общее — 47,9 % и не имевших начального образования — 1,4 % (табл. 38).

Таблица 88
Распределение численности сельского населения, указавшего образование, (в возрасте 15 лет и более) по образованию и полу в Тюменской области (без автономных округов), на дату переписи

Уровень образования	Численность населения – всего, тыс. человек		2010 в % к 2002
	2010	2002	
Сельское население (в возрасте 15 лет и более), указавшее образование – всего	429,6	420,1	102,3
в том числе:			
профессиональное	217,6	203,7	106,8
высшее	48,5	28,8	167,9
в том числе послевузовское	1,1	0,3	3,7
неполное высшее	8,7	5,7	152,5
среднее	127,4	101,3	125,8
начальное	33,1	67,8	48,7
общее	205,7	205,7	100,0
среднее (полное)	83,2	62,0	134,1
основное (неполное среднее)	79,9	84,6	94,5
начальное	42,7	59,1	72,2
не имеют начального общего образования	6,2	10,8	57,6
из них			
неграмотные	3,6	6,7	53,7

Регионализация образования в последние десятилетия заметно ослабевает. При перераспределении полномочий между центром и регионами последние все берут на себя функции прогнозирования и управления развитием высшего и среднего профессионального образования в связи с потребностями региональных рынков труда. Эти новые тенденции требуют разработки научно обоснованной региональной политики в сфере

профессионального образования. Такая политика призвана сохранять единство российского образовательного пространства. Для решения задач региона нужно использовать демографический, интеллектуальный и финансовый потенциал его для подготовки кадров специалистов массовых профессий, в первую очередь удовлетворяющих потребности реального сектора экономики региона и образовательные запросы его населения.

Гаврилюк Т. В.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ГОРОДСКОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ²⁹

Модернизационные процессы, происходящие в российской системе образования в настоящее время, полностью реорганизуют региональное социокультурное пространство, модифицируя структуру, направления развития и содержательные характеристики традиционных образовательных систем. Бурный темп и глубина осуществляемых на федеральном уровне реформ вызывают неоднозначную реакцию не только в преподавательской и академической среде, но и со стороны гражданского общества в целом. Переходный период, длящийся уже десять лет и связанный со вступлением России в Болонский процесс, породил чувство неуверенности и нестабильности у большинства индивидов и групп, включенных в образовательное пространство. Сегодня каждое высшее учебное заведение сталкивается с необходимостью разработки долгосрочной стратегии развития с учетом существующих критериев оценки эффективности образовательной деятельности. Зачастую реализация этих планов связана с масштабными структурными преобразованиями, укрупнением организационных подразделений, сокращением ряда специальностей и направлений подготовки, введением инновационных форм обучения и насильственным уничтожением уже сложившихся. Угроза закрытия вуза в случае несоответствия формальным требованиям заставляет управленческий аппарат сконцентрировать все усилия в данном направлении, забывая о главных функциях института образования. Преподавательский состав также пребывает в состоянии неопределенности ввиду противоречивости новых требований и возможных сокращений штата.

Все указанные проблемы характерны и для г. Тюмени, где на сегодняшний день три вуза в ходе проверки признаны неэффективными — Государственный аграрный университет Северного Зауралья (ГАУСЗ), Тюменская государственная академия культуры, искусств и социальных технологий (ТГАКИСТ) и Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права (ТГАМЭУП), причем уже официально объявлено о закрытии последнего. Аграрный университет и академия культуры являются единственными в регионе вузами, ведущими подготовку специалистов в соответ-

ствующих отраслях, поэтому неопределенность их судьбы сегодня является одной из острейших проблем тюменского образовательного пространства. Сохранение автономии учреждений, существующих направлений подготовки специалистов и компетентного кадрового состава — вот важнейшие цели этих вузов в настоящее время.

Рассмотрим проблемы регионального образования в сфере культуры и досуга, в г. Тюмени представленного деятельностью Тюменской государственной академии культуры, искусств и социальных технологий. Целью исследования является анализ положения вуза в культурно-образовательном пространстве региона и возможных траекторий его развития в сложившейся непростой ситуации. Эмпирическая база исследования представлена результатами контент-анализа нормативных документов, анкетного опроса и фокус-группового интервью. Опросы проводились в рамках гранта РГНФ «Профессиональный потенциал молодых преподавателей провинциальных вузов», выполняемого Тюменским государственным нефтегазовым университетом в 2012–2013 гг.

Культурное и образовательное пространство г. Тюмени

Прежде всего, следует обозначить основные характеристики регионального культурного и образовательного пространства в их связи с необходимостью сохранения художественного образования в Тюмени. Первостепенной является проблема культурного лага большинства городов российской провинции. Несмотря на «естественность» подобной тенденции социокультурной динамики [443], существенный разрыв между темпом развития духовной культуры регионов и прогрессом материальной сферы представляет серьезную проблему, нуждающуюся в социологическом осмыслении. Обращает на себя внимание не сам факт наличия этого разрыва, а его глубина и сохраняющиеся негативные тенденции динамики. Инновационный путь страны, базирующийся не на эксплуатации сырьевых запасов, а на формировании и реализации ее интеллектуального потенциала, требует преодоления ярко выраженного запаздывания в развитии провинциальных социальных институтов, связанных с наукой, искусством, досугом. Кроме того, внимания заслуживает не только институциональный, но и личностный аспект исследуемой проблемы — следует

²⁹ Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-03-00191а «Профессиональный потенциал молодых преподавателей провинциальных вузов»

выяснить содержание и направленность культурных потребностей социальных групп, составляющих фундамент духовного развития регионов. Это необходимо в силу того, что модернизация культурной инфраструктуры, активная образовательная политика в данной сфере не имеют смысла без наличия выраженной личностной интенции на включение в социокультурное пространство города со стороны большинства живущих в нем людей. Следовательно, представляется целесообразной достаточно широкая формулировка исследовательских задач: оценка функционального состояния культурной инфраструктуры города, выявление позиции ТГАКИСТ в сети взаимосвязей с другими культурными учреждениями, анализ корреляций между культурными запросами социальных групп и состоянием художественного образования в городе.

Объективные количественные показатели культурной инфраструктуры нашего города позволяют говорить о неравномерности развития различных ее сегментов: присутствует достаточно широкая библиотечная сеть (27 библиотек в черте города), пять театров, значительное количество комплексных культурно-досуговых учреждений — три дворца, шесть домов и пять центров культуры. В городе на сегодняшний день функционирует восемь крупных торгово-развлекательных

центров, восемь кинотеатров, цирк, филармония. Вместе с тем для среднего по размеру города, коим является Тюмень, явно недостаточно четырех музеев, причем из них два археолого-этнографических, два исторических (частные купеческие дома) и только один художественный (Музей изобразительных искусств). Примечательным также является тот факт, что открывшееся недавно заведение с названием «Галерея современного искусства» на деле оказалось художественным салоном.

Оценить приоритетность развития основных структурных компонентов в социокультурном пространстве города возможно путем исследования мемориального комплекса. Для решения этой задачи был проведен контент-анализ нормативного документа «Реестр объектов монументального искусства, установленных на территории города Тюмени (по состоянию на 12.02.2013 года)», представленный на сайте Департамента культуры Администрации г. Тюмени [500].

По итогам анализа содержание всех мемориальных объектов было сгруппировано в 22 категории, среди которых выделены восемь в сфере духовной культуры. В табл. 89 представлены количественные параметры выделенных групп мемориальных объектов, расположенные в порядке убывания.

Таблица 89

Тематика объектов монументального искусства, установленных на территории г. Тюмени

Тематика объектов	мемориальные, пояснительные доски	мемориалы, монументы, памятники	памятные знаки	итого
Война	78	16	34	128
Нефтегазовая отрасль	15	1	3	19
Политика (деятель партии)	12	2	3	17
Строительство	8	-	1	9
Медицина	8	-	-	8
Промышленность	3	1	2	6
Жертвы репрессий	1	-	4	5
Милиция	2	-	1	3
Спорт	2	-	-	2
Телевидение	2	-	-	2
Труд	-	1	1	2
Купечество	-	1	-	1
Экономика	1	-	-	1
Прочие	5	1	5	9
Культура	22	1	2	25
Наука	4	-	2	6
Образование	3	-	-	3
Религия	-	1	-	1
Искусство, в том числе:				
Поэты	3	-	-	-
Художники	2	-	-	-
Артисты	6	-	-	-
Писатели	3	-	-	-
Фольклористы	1	-	-	-

Таблица демонстрирует, какие события и личности в истории заслуживают быть увековеченными в памяти последующих поколений. Как и в любом российском городе, большинство мемориалов посвящено военным действиям, вторым по значимости пунктом следует нефтегазовое дело, составляющее основу экономики региона (19 памятных объектов). Также в пределах трех высших рангов находится сфера политики, представленная советскими партийными деятелями (17 мемориальных знаков). Внимание к сфере культуры отмечено 24 памятными досками и знаками, и только одним памятником религиозному деятелю. Согласно реестру, в городе нет ни одного памятника художнику, артисту, писателю, поэту или ученому, не связанному с нефтегазовой сферой. Для сравнения стоит отметить, что даже в соседнем малом городе Ялуторовск есть памятник А. С. Пушкину.

Вместе с тем управление культурной сферой города представлено тщательно разработанной системой показателей оценки ее состояния: «Ежемесячно, по результатам мониторинга, на совещаниях с территориальными органами управления культуры департаментом культуры оценивается динамика развития отрасли, определяются стратегические задачи по созданию условий для повышения востребованности населением услуг культуры, качества и доступности данных услуг [488]». Количественные параметры эффективности культурно-досуговой деятельности впечатляют: «Объем платных услуг населению в 2011 году превысил на 27 % показатель 2010 года. Рост объема внебюджетных доходов составил: по областным учреждениям — 13 %, по муниципальным учреждениям — 48 %. Расходы одного жителя на услуги культуры увеличились по итогам 2011 года на 20 % [488]». Кроме того, «организована работа по подготовке и проведению более 288 целевых мероприятий, в том числе:

- массовых — 14;
- национальных — более 57;
- спортивных — 10;
- духовно-нравственных и военно-патриотических — 30;
- по поддержке юных дарований и развитию творческой активности молодежи — 18;
- театрально-зрелищные международные, все-российские фестивали, конкурсы с участием профессиональных авторов, исполнителей и коллективов — 26;
- самодеятельного творчества и поддержки народных промыслов и ремесел — 12;
- музейных выставок — более 78;
- библиотечных — 11;
- иные — 32 [488]».

Несмотря на необходимость составления подобных отчетов, динамику культуры невозможно

оценить лишь путем подсчета баланса доходов и расходов учреждений и количества проводимых мероприятий. Как для исследования текущего состояния пространства культуры, так и для понимания перспектив и траекторий ее развития необходимо проведение комплексных социологических исследований, и прежде всего качественными методами, направленных на изучение культурного капитала и потенциала разных групп населения, их интересов, потребностей, установок, мотивов. Поэтому в рамках данной статьи предпринята попытка посредством эмпирического исследования осуществить оценку состояния культурной среды региона, выявить запрос на культурно-досуговую деятельность со стороны общества, определить позиции респондентов относительно необходимости сохранения художественного образования в Тюмени. В качестве исследуемой социальной группы выступила научная интеллигенция как общность, формирующая фундамент культуры, осуществляющая ее трансляцию и обновление. Особую роль в данном процессе играет молодежь, традиционно рассматриваемая как группа наиболее мобильная и склонная к инновационной активности. Ввиду этого целесообразность исследования мнения молодой интеллигенции обусловлена особенностями ее включения как в процесс общественного воспроизводства, так и преобразования социальных институтов культуры, значимостью ее деятельности для повышения уровня культурного развития региона и страны в целом.

Обратимся к анализу образовательной среды города как важнейшей составляющей пространства культуры. Для удобства ограничимся только сферой высшего образования, представляющей наибольший интерес с точки зрения целей нашего исследования. На сегодняшний день в городе функционирует четыре университета — ТюмГУ, ТюмГНГУ, ГАУСЗ, ТюмГАСУ, три академии — ТГАКИСТ, ТГАМЭУП, ТюмГМА, военный институт — ТВИИВ и восемь филиалов вузов других городов. Тюменский государственный университет (ТюмГУ) — классический вуз, имеющий большинство востребованных образовательных направлений. Тюменский государственный нефтегазовый университет (ТюмГНГУ) — крупнейший отраслевой вуз региона, в настоящее время переживающий период серьезной реорганизации, связанной с переориентацией на профильное обучение и научно-исследовательскую деятельность. Тюменский государственный архитектурно-строительный университет, аграрный университет и медицинская академия успешно обеспечивают город и регион специалистами соответствующего профиля. На территории города расположен также военный вуз — Тюменский военный институт инженерных войск (ТВИИВ)

ТГАКИСТ: история, стратегия развития и основные проблемы

Тюменская академия культуры имеет богатую историю. На официальном сайте вуза в качестве начального этапа на пути его становления рассматривается открытое в Тюмени в середине 1950-х гг. музыкальное училище, призванное восполнить нехватку профессиональных педагогов для музыкальных школ. После создания театрального и художественного отделений оно было переименовано в Тюменское училище искусств (12 февраля 1974 г.). Вместе с тем подобное видение собственного прошлого не совсем корректно, так как высшее и среднее художественное образование в Тюмени развивалось обособленно друг от друга. В 1970-х, когда общество ощутило потребность в высококвалифицированных специалистах в сфере культуры и искусства, в Тюмени был открыт учебно-консультационный пункт Челябинского государственного института культуры, явившийся прототипом будущей академии культуры. На тот момент (1972 г.) государство выделило 100 мест для заочного обучения студентов режиссуре, культурно-просветительной работе, организации художественной самодеятельности, дирижированию, исполнительскому искусству и библиотечному делу. Вместе с тем кадровый вопрос это до конца не решило. Спустя десятилетие, 13 июня 1983 г. учебно-консультационный пункт был преобразован в Тюменский филиал Челябинского государственного института культуры, а набор студентов был расширен до 200 человек ежегодно. С этого периода начался процесс оформления структурных подразделений, необходимый для превращения филиала в самостоятельное учебное заведение.

Тюменский государственный институт искусств и культуры (ТГИИК) как автономное образовательное учреждение был образован в сложный для страны период, когда, казалось бы, вопросы культуры должны были волновать государственную власть в последнюю очередь (18 января 1991 г.). Почти сразу же оформилась и структура вуза: были созданы факультеты организации досуга и художественного творчества, музыкально-педагогический, библиотечный. На момент аттестации в 1995 г. в институте культуры обучалось уже 1140 человек.

«Новейшая история» вуза ведет отсчет с 2006 г., когда он проходит комплексную оценку деятельности. В феврале 2007 г. вузу был присвоен новый статус и он был переименован в Тюменскую государственную академию культуры и искусств (ТГАКИ). В 2008 г. в связи с реализацией политической стратегии, направленной на создание многоуровневых образовательных комплексов, в состав вуза вошел Тюменский колледж искусств (бывшее училище искусств). В 2009 г. к названию было

добавлено словосочетание «социальные технологии», что отражало изменения в направлении развития образовательного учреждения. К этому моменту значительно расширился спектр реализуемых образовательных программ, внимание переключилось на востребованные социумом специальности социальной сферы — туризм, ресторанное дело, гостиничный бизнес, менеджмент в социальной и культурной сфере и т.п. На сегодняшний день учебная организационная структура вуза представлена пятью институтами (музыки, театра и хореографии; изобразительных искусств и музейных технологий; архитектуры, дизайна и визуальных искусств; сервиса и социально-культурных коммуникаций; интеллектуальных ресурсов и информационных технологий), колледжем и детской школой искусств, центром дополнительного профессионального образования [496].

Как видно из краткой истории вуза, его развитие имеет два направления, связанных со средним и высшим профессиональным образованием, которые слились воедино относительно недавно. Прослеживается четкая тенденция стратегии развития вуза, отвечающая запросам современной образовательной политики — *слияние, укрупнение, наращивание количественных показателей*, по динамике которых у нас и измеряют успех вводимых инноваций. После присоединения бывших ранее автономными структур СПО и открытия новых образовательных направлений, ориентированных на социальные технологии, академия значительно расширилась, существенно возрос набор студентов, в разы увеличилось число реализуемых образовательных программ. Академия весьма оптимистично оценивает свое текущее состояние: «Новое название вуза создает благоприятные условия для дальнейшего опережающего развития Тюменской государственной академии культуры, искусств и социальных технологий как многоуровневого образовательного учреждения, которое реализует образовательные программы в области культуры и искусства, а также программы, позволяющие наиболее полно учитывать и удовлетворять потребности Уральского и Западно-Сибирского регионов в широкой номенклатуре специалистов, владеющих управленческой стратегией и методами решения социальных проблем общества [496]».

Однако всегда ли «больше — значит лучше»? Пытаясь отвечать на вызовы времени, ориентируясь на модные менеджерские специальности и оптимизируя организационную структуру в соответствии с поставленными стратегическими задачами, вуз признан «неэффективным» в силу несоответствия определенным количественным параметрам (таким, как количество иностранных студентов, размер помещений и доходы от «образовательных услуг»). Главный вопрос

заключается в следующем: можно ли по одним и тем же критериям сравнивать эффективность подготовки художников и, скажем, буровиков? Очевидно, что в сфере искусства количество и качество подготовки специалистов обратно пропорциональны. Как пишет тюменский исследователь Г. Вершинин, «вузы искусств не бывают крупными... от парижской Эколь де Бозар до Красноярской академии музыки и танца — как правило, от 300 человек до 1–2 тысяч. Тенденция к разрастанию школ — генеральная. Объединение разнородных школ прослеживается только в Тюмени, в свете опыта Лондонского университета искусств — это опасное, возможно, и губительное деяние [54]». Согласимся с автором и в том, что в деле обучения представителей творческих профессий единственная модель — обучение у мастера, и если нет признанных мастеров, не представляется целесообразным и открытие новых специальностей. Художественное образование не может и не должно быть массовым, иначе объективно произойдет снижение уровня требований к абитуриентам и, как следствие, качества подготовки специалистов. Набор на прикладные специальности, такие как библиотечное дело, дизайн, менеджмент и другие, должен регулироваться социальным заказом и строиться по совершенно иной модели, нежели подготовка деятелей искусств.

Особого внимания заслуживают проблемы управления художественным вузом. Для понимания сути вопроса кратко охарактеризуем базовые аспекты менеджеристского дискурса. Несмотря на то, что осмысление сложившихся властных иерархий, распределения и делегирования полномочий, контроля и механизмов его реализации, функционирования бюрократических структур составляло основу социальной философии с момента ее зарождения, менеджмент в современном его понимании становится отдельной отраслью знания лишь в начале XX в. Социология также включается в процесс интерпретации его базовых идеологических посылов, получивших в настоящее время широкое распространение и применяющихся во всех крупных корпорациях независимо от направления их деятельности. В 1933 г. выходит книга «Корпорация и частная собственность» А. Берля и Г. Минса [426], в которой исследованы аспекты трансформаций капиталистических структур в связи с их переходом к акционерной форме собственности. Авторы выдвигают тезис, ставший впоследствии основой концепции менеджериализма и менеджериального общества, — отделение собственности на средства производства от реальных функций контроля в фирме, переходящих в руки наемных работников. Так начинается процесс становления нового элитарного слоя — менеджеров, цели и интересы которого

зачастую противоречили интересам старой буржуазной элиты. Ключевым аспектом управленческой деятельности у большинства современных адептов менеджериализма становится эффективность, понимаемая как продуктивность бизнеса, его результативность, действенность, измеряемая с помощью экономических показателей, прежде всего, прибыли. Еще одной важнейшей характеристикой является *универсальность* управленческих принципов относительно сферы деятельности организации: «эффективный менеджер» обладает компетенциями, дающими ему право выполнять свои должностные обязанности в любой организации — от управления государством до продажи овощей. Эти два основополагающих принципа позволяют говорить о менеджериализме как о предельно технократичной идеологии.

Сегодня «менеджмент образовательных услуг» — такое же привычное явление, как и управление, скажем, магазином. Однако, на наш взгляд, в настоящее время очевидно невозможность применения универсальной модели управления к вузам разной направленности и даже различным аспектам деятельности одного вуза (например, художественное и прикладное образование в социально-культурной сфере). Ориентация на экономические показатели (прибыль) и, соответственно, тотальная *коммерциализация* оказывает на современное российское образование столь же губительное влияние, как и в свое время на учреждения социальной работы, находящиеся сегодня не в самом благополучном состоянии. В современной научной литературе присутствует значительное количество публикаций, посвященных компетентностному подходу, гуманизации образования, воспитательной работе вузов, что свидетельствует о попытках внедрения инновационной модели, ориентированной «на человека». Однако позитивный в целом процесс упирается в стену бюрократических препятствий и пустой риторики, ведь главное, по-прежнему, — количественно измеряемая «эффективность», являющаяся важнейшей задачей управленцев. Вместе с тем новейшая идеология западного менеджериализма акцентирует внимание на сохранении моральной составляющей управленческой деятельности, заботящейся об общественных интересах. При этом возникает закономерный вопрос: могут ли быть этичными управленческие действия человека, мало знакомого со спецификой сферы, которую он контролирует? Кроме того, сомнения вызывает и этическая сторона тейлоризма, считающегося одной из основополагающих концепций современного менеджмента [333]. Следовательно, для реальной гуманизации и индивидуализации образования, без которой невозможна подготовка творческого профессионала, необходимо чтобы менеджмент

вуза также был полностью погружен в специфику той сферы, которой он управляет.

Упомянутый выше процесс коммерциализации является и одной из непосредственных причин стремления к расширению образовательных структур. Ориентация на получение материальной выгоды как главная цель деятельности — это сегодня не только проблема образования, но и искусства, экономическая функция которого выходит на передний план. В виде материальных артефактов искусство является рыночным актором наравне с прочими продуктами человеческой культуры, оно, становясь одним из видов капитала, служит средством получения дохода или накопления богатства, продуктом престижного потребления, позволяющим соответствовать статусным критериям избранной группы. Ориентация на интересы и вкусы потребителя во многом определяет сегодня творческий процесс, что в конечном счете приводит к размыванию границ между массовой и элитарной культурой, между китчем и искусством. Для молодого художника или поэта становится важным осознание своей «ценности на рынке», и процесс включения начинающего автора в культурное пространство невозможен без усвоения экономических моделей поведения и законов еще одной «сферы услуг», на сей раз лимитированной художественными вкусами и предпочтениями аудитории.

В сложившейся ситуации одной из важнейших функций художественного образования в регионах должна стать стратификационная функция — выделение в отдельную социальную категорию таких социальных слоев и групп, как творческая интеллигенция, богема. Подлинное развитие культуры невозможно представить без сложившейся культурной среды, и главная задача сегодня — сформировать это пространство в тюменском обществе, где существуют пока лишь несколько разрозненных художественных школ. Темой отдельного исследования могло бы стать отношение тюменцев к творчеству своих земляков: степень сформированности представлений, общая оценка, специфические интересы, особенности понимания и интерпретации произведений. Гипотетически этот интерес невысок в силу отсутствия соответствующей культурной среды, общего контекста, способного обеспечить взаимодействие заинтересованных людей. Профессиональное сообщество представителей творческих профессий могло бы стать тем компонентом гражданского общества, который оказал бы существенное влияние на формирование данной среды, привлек бы в этот круг не только творцов, но и активную аудиторию, прежде всего, молодежь. Первые попытки в академии культуры уже предпринимаются: например, уже несколько лет в ней действует кино клуб,

где демонстрируется интеллектуальное кино, однако одной подобной формы объединения явно недостаточно.

Несмотря на то, что на базе академии работает большое количество учебных творческих коллективов и студий, для воплощения представленной выше идеи в жизнь необходимо *налаживание сети контактов* с существующими в городе и за его пределами творческими группами, объединениями, другими художественными вузами. Представленный на сайте вуза список партнеров на сегодняшний день очень короток: государственный ансамбль танца «Зори Тюмени» (народный танец), команда «БЕРА» (спортивный и эстрадный танец), эстрадно-джазовый ансамбль «Grooning-jazz» (эстрадно-джазовое исполнительство) [496]. Причем все они были созданы либо на базе, либо при непосредственном участии вуза, то есть о реальных внешних партнерах на сегодняшний день академия не заявляет.

Отдельно стоит отметить и специфические *содержательные характеристики* художественного образования в Тюмени. Несмотря на декларирование инновационной модели развития, она воплотилась только в прикладных, но не в творческих специальностях. Провинциальный культурный лаг, к сожалению, сказывается и на направленности художественного образования, которое акцентирует внимание на традиционных направлениях — классической музыке, народном творчестве, эстраде. Наиболее востребованные формы художественного творчества (например, фотография) далеко не всегда находят отражение в образовательном процессе. Достаточно проанализировать список учебных коллективов, действующих на базе вуза, чтобы проиллюстрировать эту тенденцию: три хора, две группы академического вокала, камерный струнный оркестр, учебный театр, танцевальный ансамбль, две эстрадных группы и семь коллективов народного творчества [496]. На тему засила «народной» культуры в художественных вузах высказываются следующие точки зрения: «народное художественное творчество»..., развивающееся в вузах культуры, — российский, большевистский феномен. «Народные художественные промыслы» возрождены ... в 1930-е гг. в заботе о сохранении традиций в контексте радикальных перемен..., директивами заново создавали среду без корней, вроде тобольской кости; вместо иконы — появились шкатулки для безделушек, вместо коклюшек и кружев — роспись подносов и электрических чайников и т.п. Путь в тупик [54]».

Стремление реанимировать ушедшие культурные формы является характерной чертой эпохи постмодерна. Воссозданные художественные приемы и артефакты, оторванные от культурной традиции их породившей, превращаются

в «симулякры» (термин Ж. Бодрийяра [481]), «копии копии» или «подобия подобий», лишь отдаленно напоминающие оригинал. Современные формы псевдонародного творчества являются теми неаутентичными симуляциями, которые дают лишь смутное представление о существующих когда-то культурных феноменах. Невозможность воссоздания прежних культурных форм в новых социальных условиях подчеркивалась и в трудах классиков социологии. Например, К. Маркс, на фундаментальной теории которого базировалась советская идеология, пишет: «Разве тот взгляд на природу и общественные отношения, который лежит в основе греческой фантазии, ... возможен при наличии сельфакторов, железных дорог, локомотивов и электрического телеграфа? Куда уж тут Вулкану против Роберта и Со, Юпитеру против громоотвода и Гермесу против Credit Mobilier [181]».

Несмотря на то, что российская провинция еще не обладает ментальными характеристиками общества постмодерна, некоторые тенденции подобной формы социальной организации уже прослеживаются. Это происходит в силу того, что распространение симулякров — будь то материальные объекты (например, используемые для стилизации в дизайне) или формы творчества — есть прямое следствие развитого индустриализма, когда массовый рынок перенасыщается товарами и услугами и требуются идеи для создания новых производственных «ниш». А новое — это хорошо забытое старое. Поэтому в СССР для того, чтобы хоть как-то расширить канон соцреализма, было решено возродить народную культуру в художественных мастерских и училищах искусств. Однако народное творчество является специфическим феноменом, связанным с особой социальной средой общины и мифологизированным сознанием, оно анонимно, секреты его транслируются из поколения в поколения. Следовательно, пытаться воссоздать постепенно уходящую в небытие народную культуру в пределах вуза не представляется возможным и целесообразным. Вместо этого следует изучать и хранить ее произведения, а также обратить внимание на опыт ведущих художественных образовательных учреждений, поддерживать классические направления искусства и открывать новые специальности, которые востребованы обществом и способны обогатить культуру.

Молодая научная и творческая интеллигенция как субъект культурной деятельности

Вышеизложенные теоретические рассуждения следует верифицировать с использованием эмпирического материала. Главная задача этой части исследования — анализ культурных потребностей вузовской интеллигенции как социальной группы, способной претендовать на статус региональной

«культурной элиты», а также выявление мнения респондентов об основных направлениях и специфике развития художественного образования в г. Тюмени. В качестве респондентов выступили молодые преподаватели провинциальных вузов в возрасте до 35 лет. Основным методом исследования являлось фокусированное групповое интервью в ведущих вузах г. Тюмени — ТюмГНГУ (две группы респондентов — преподаватели технических и гуманитарных направлений), ТюмГМА и ТГАКИСТ (в последней интервью проходило по расширенному инструментарию). Кроме того, для подтверждения полученных в ходе интервью результатов были использованы данные массового опроса, проведенного методом анкетирования. Выборка имела целевой (направленный) характер — молодые ученые Уральского федерального округа, ее общий объем составил 208 человек. Учитывая узость такой социальной группы, как молодые ученые, указанный объем выборочной совокупности представляется достаточным для получения репрезентативных данных. В анкетировании приняли участие преподаватели ТГАКИСТ, ТГАМЭУП, ТюмГАСУ, ТюмГМА, ТюмГНГУ, ТюмГУ, УрГПУ (Уральский государственный педагогический университет), НГГУ (Нижевартовский государственный гуманитарный университет), ШГПИ (Шадринский государственный педагогический институт).

В ходе фокус-группового интервью респондентам было задано шесть вопросов, касающихся организации досуга, предпочитаемых видов и направлений искусства, предложено оценить культурную инфраструктуру г. Тюмени и содержание проводимых мероприятий, высказать мнение относительно необходимости сохранения и развития художественного образования в городе. Преподавателям академии культуры были заданы дополнительные вопросы о роли Тюмени в культурном пространстве страны и о возможностях развития культуры города, предлагалось оценить стратегию развития художественного образования и содержание управленческой деятельности в творческом вузе.

Анализ результатов эмпирического исследования целесообразно начать с выявления базовых содержательных характеристик культурного капитала молодых преподавателей провинциальных вузов, эмпирическими индикаторами которых являются:

- значимость деятельности по освоению и созданию культурных ценностей в сравнении с другими формами досуга;
- предпочтения в сфере потребления культурно-информационных продуктов;
- оценка деятельности учреждений культуры, регулярность и частота их посещения.

Респондентам был задан вопрос: «Чем Вы предпочитаете заниматься в свободное время?», предлагалось выбрать до пяти самых важных занятий. Анализ частотных распределений демонстрирует наибольшую значимость общения и профессионального самообразования среди видов досуга: около 50 % опрошенных преподавателей указывают в качестве главных занятий в свободное время «проводить время с семьей», «общаться с друзьями, знакомыми, компанией», «пополнять профессиональные знания, заниматься самообразованием». Также больше половины респондентов выбрали вариант ответа «бывать на природе, на даче». Около трети респондентов предпочитают активный отдых, спорт (35,6 %), чтение художественной литературы (31,3 %), подработку (26 %). Активности, связанной с посещением учреждений культуры, отводится не столь значимая роль — вариант ответа «посещать театр, музеи, филармонию» выбрали 20,7 % респондентов, развлекательные учреждения — рестораны и ночные клубы — привлекают лишь 4,8 %. В качестве источника информации и развлечения интеллектуальная молодежь отдает явное предпочтение Интернету (26,9 %) над телевидением (12 %). Общественная деятельность в свободное время интересует немногих (менее десятой части опрошенных преподавателей).

Результаты анализа данных фокус-группового интервью помогают понять природу подобной структуры досуга респондентов. При ответе на вопрос о том, как научная интеллигенция города организует свой досуг, а также в дальнейшем ходе беседы преподаватели всех тюменских вузов подчеркивали материальный аспект организации свободного времени — недостаточность денежных средств для посещения учреждений культуры:

«Если взять среднего преподавателя, я не думаю, что он может себе позволить разнообразить свой досуг».

«Может быть их и достаточно [учреждений — прим. авт.], но все равно упирается в копейку».

«Главная проблема: были бы деньги куда-то сходить»;

«Нефтяник может в «большой» слетать на выходные, а мы только в наш драматический»;

«На гастролирующие концерты, куда хотелось бы сходить, уже задумываешься о финансовой стороне»;

«Цена вопроса всегда убивает, неважно кто там приезжает — Мэнсон или Спиваков, хочется сходить».

Лишь один преподаватель высказался о возможностях приобщения к искусству, не требующих значительных материальных вложений:

«Есть кино-клубы бесплатные в институте культуры, куда можно сходить. Можно собраться

с друзьями — посмотреть фильм, вместе его обсудить, можно спектакль посмотреть онлайн... Не обязательно жить в городе, можно жить в деревне и быть высококультурным человеком».

Ключевой почти во всех интервью также стало высказывание: *«преподаватели такие же люди»*, подчеркивающее факт несущественного отличия форм досуга данной группы от предпочтений большинства. Кроме того, респонденты из Тюм-ГНГУ говорили о необходимости контроля над собственным поведением в общественных местах ввиду «публичности» профессии и особого общественного мнения, сложившихся стереотипов о репутации и культурных пристрастиях преподавателя. При этом опрошенные молодые преподаватели не ощущают себя особым сообществом, не уверены в адекватности применения понятия «интеллигенция» к их группе:

«Сложность в том, что всегда надо думать, в любом городе, в любой точке, что ты встретишь своих студентов и надо быть готовым, что они завтра могут тебя обсуждать»;

«Приходится думать о некоем образе, о некоей субординации».

«Если уж так далеко в философию пускаться, имидж преподавателя влияет, ему надо соответствовать, даже в «Гудвине», даже на киносеансе, громко не ржать»;

«Давайте реальную жизнь возьмем: женщина ведет у начальных классов, вечером стриптиз. Идет стереотип — если ты педагог, то сиди дома, никуда не выходи, ничего нельзя. Извините, она стриптиз не устроила детям на уроке»;

«Я человек, я педагог в пределах института, я не голая по городу хожу, я живу обычной жизнью. Я также имею право ходить в кафе, в кино, отдыхать, расслабляться»;

«Личность и работу путать не надо»;

«Интеллигентные люди отдыхают интеллигентно: ходят в Филармонию, в театры и т.д. Я думаю, что все остальное им не чуждо — и кафе, и дискотеки. Мне кажется, особо не отличаются»;

«Мы скованы в рамки, у нас стереотип — я педагог, я культурный, я никуда не хожу. Надо из себя это все убирать, и намного проще в этом плане будет»;

«Я очень активно ходила по клубам, будучи очень молодым преподавателем. Сейчас, я считаю, мне уже не по статусу. Мне говорят близкие, когда лицо становится узнаваемым в рамках города...».

Вместе с тем присутствуют единичные высказывания, в которых респонденты акцентируют внимание на самоидентификации в качестве представителей интеллектуальной элиты:

«Когда я жила на севере и приезжала сюда, я ходила до последнего в ночные клубы и очень активно вела такой образ жизни. Но это не говорит о том,

что я оттуда выползала на корячках в семь утра, то есть есть своя определенная группа людей, тусовка, в которой люди читают Шопенгауэра, я думаю, немногие из вас его читали»;

«Я не особо любитель посещения различных культурных заведений, даже кино, театр для меня, может быть, звучит высокомерно, кажутся чересчур примитивными. Для меня намного интереснее провести время: встретиться с друзьями, которые занимаются философией, теологией».

Относительно деятельности учреждений культуры респонденты высказывались неоднозначно. При ответе на вопрос: «Как вы оцениваете культурную инфраструктуру нашего города? Достаточно ли, на ваш взгляд, в Тюмени учреждений, отвечающих вашим культурным запросам?» большинство респондентов указали на достаточность количества учреждений в нашем городе:

«Если интересно человеку — он найдет себе занятие, развлечение»;

«Не хватает — поехал в Москву, посмотрел на что-то»;

«У нас все есть, но мы не все знаем»;

«Любые кафе, клубы, начиная от тематической вечеринки, заканчивая закрытым показом»;

«Инфраструктуры достаточно. Содержание, может быть, хромает».

Некоторые высказывания свидетельствуют об отсутствии заинтересованности в посещении учреждений, связанных с искусством, у жителей города и лично у респондента:

«Мне кажется, если бы у нас было большее количество известных театров, музеев, это не значит, что все люди бы туда постоянно ходили»;

«Смешной случай, не буду говорить фамилию того, кто мне это сказал. Обсуждали открытие нового театра, я говорю: «Часто будете туда ходить?», она говорит: «Я что, дура, туда ходить?»;

«Времени все равно нет туда ходить».

Лишь три высказывания демонстрируют негативную оценку состояния или пожелания относительно развития культурной инфраструктуры и со стороны держательной стороны культурной жизни города:

«Музеев у нас мало. Выставки отправляют, но все равно, бедновато»;

«Я очень люблю театр, если бы у нас в Тюмени была бы парочка московских театров или питерских, это было бы неплохо. Но не так уж это и ущемляет»;

«Все эти дворцы культуры ... они отданы сейчас под ярмарки шуб»;

«Очень мало выставок привозят интересных. Если привозили четыре картины да Винчи, то мне кажется, весь город сходил... мне бы хотелось, чтоб выставки делали чаще».

Обсуждение характеристик культурной среды г. Тюмени с преподавателями ТГАКИСТ велось по рас-

ширенному инструментарию. Как экспертам, участникам этой фокус-группы предлагалось оценить перспективы культурного развития Тюмени в ответах на вопросы: «Как вы считаете, может ли Тюмень стать одним из культурных центров России? Что этому препятствует?» и «Что могло бы сделать государство, общественность, высшая школа для того, чтобы художественная культура и искусство в Тюмени развивались более динамично?»

Первоначальной реакцией респондентов при ответе на вопрос о Тюмени как культурном центре стало выражение недоумения:

«Что значит «культурный центр»? Вообще, в принципе, ничего не препятствует, но это сколько же времени надо?»;

«Есть ли смысл в этом?»;

«Зачем выдумывать колесо? Когда есть Питер, и пусть будет дальше...».

Подобная реакция показательна сама по себе, она демонстрирует тот факт, что большинство молодых преподавателей академии культуры не задумывалось о соответствующем направлении развития города. Наблюдающаяся в развитых странах на новом этапе общественного развития тенденция к децентрализации и глокализации не имеет реального эквивалента в контексте развития культуры нашего региона. Далее в ходе интервью были высказаны предположения относительно «региональной ментальности», сковывающей сознание людей и препятствующей внедрению новшеств в культурной сфере. Также подчеркивалось, что превращение Тюмени в культурный центр могло бы иметь позитивное значение ввиду того, что «это придаст статуса нашему городу. При встрече с кем-то из Европы, той же самой Москвы и Санкт-Петербурга, говоря о том, что я из Тюмени, это бы звучало совершенно иначе. О нас бы не думали, что это город, где ходят бурые медведи, со временем бы изменилось отношение». Обращает на себя внимание вновь возникающая тенденция апелляции к имиджу и сложившимся в общественном сознании стереотипам, проявляющаяся и в ответах на предыдущие вопросы.

Второй вопрос, адресованный преподавателям ТГАКИСТ, имел целью изучение представлений об основных субъектах культуры в сознании респондентов, а также оценку степени их заинтересованности в реальных преобразованиях в сфере художественной культуры Тюмени. При этом беседа сразу же развернулась в сторону государственной поддержки и финансирования, что подтверждает ряд характерных высказываний:

«Деньги. Сейчас все к этому сводится»;

«Руководство, политика культурная»;

«Культурная политика — это опять программы, они, действительно, очень хорошие... Другое дело — как они исполняются»;

«Главный момент — финансирование. ... такие коллективы, как театр «Мимикрия», едут на «Минуту славы» ради того, чтобы заработать миллион и строить себе здание»;

«Нужны коллективы большие. Когда это превращается в систему, тогда кто-то заметит и выделит эти деньги»;

«Надо посадить именно на бюджетные ставки, коллектив на штатные ставки, мы уже сталкивались с этим — вот потом мы будем работать»;

«Настоящее искусство требует государственной поддержки».

Некоторые участники интервью акцентировали внимание на активности творческого субъекта, однако также в связи со стремлением получить от государства и властных структур материальную поддержку:

«Если их не дергать [чиновников — прим. авт.], не провоцировать, средства не появятся ...»;

«А деньги сами не появятся, они появляются тогда, когда проявляется активность: на десятый раз, может, не дадут, а на тридцатый, когда уже надоест»;

«В Тюмени мало людей амбициозных..., которые бы объединялись в творческие, как в Европе, квоты. Когда есть авангардные музыканты, художники, у которых вообще нет денег — они сами объединяются в движения какие-либо, они очень активны, пытаются самосоздаться, что-то делать. У нас в Тюмени: ну мы что-то сделали сами для себя и все»;

«Другое отношение: мы что-то сделали, мы сидим гордо ждем, когда на нас обратят внимание»;

«Великая сила халявы, извините за выражение, мы ждем, когда это все придет»;

«В Норвегии есть национальная программа по поддержке рок-групп, того, чего у нас вообще нет... У них национальная программа по поддержке тяжелого металла есть. У них государство поддерживает... нонконформистов, маргиналов нашим языком, о чем говорить — про нормальных, обычных художников, которых можно поддержать, а он должен себе подрамники ходить покупать»;

«Культура и искусство вынуждены зарабатывать не просто, чтобы съездить отдохнуть, а для того, чтобы купить эти подрамники».

Представленные высказывания свидетельствуют о неудовлетворенности респондентов состоянием финансирования сферы культуры и искусства, реальным исполнением государственных программ, содержательной стороной этих программ, не позволяющих развиваться некоторым направлениям современной художественной культуры. Очевидно, что респонденты рассматривают государство в качестве основного субъекта воспроизводства культуры, причем ограниченность подобной позиции респонденты видят лишь

в невозможности организованно объединиться и добиться от государства поддержки собственных проектов. Следовательно, в контексте регионального российского пространства еще рано говорить о становлении самоорганизующегося «культурного слоя» гражданского общества, способного инициировать новые направления развития культуры и искусства в условиях рыночных отношений. Этакратическое общество, по-прежнему руководствуясь сохранившимися в сознании установками советского времени, ожидает направленной культурной политики «сверху», учитывающей потребности и интересы творческих групп. Полученные результаты, к сожалению, не позволяют сделать прогноз относительно скорого формирования соответствующей культурной среды нашего города и превращения его в культурный центр, так как данный процесс невозможно представить без стремления творческой интеллигенции и интеллектуалов к самоорганизации, без включения в рыночные механизмы организации культурного пространства.

В заключение блока вопросов, касающихся общих характеристик состояния культуры города и культурного капитала рассматриваемой группы, респондентам также было предложено рассказать о предпочитаемых ими видах искусства. Некоторые высказывания демонстрируют ярко выраженную ориентацию на направления творчества, традиционно рассматривающиеся как часть элитарной культуры:

«Мне нравится живопись, я сама пробовала рисовать как-то, мало времени этому сейчас уделяю. Читать очень люблю. Как-то пробовала в актерскую школу ходить»;

«Театральное искусство, потому что оно у нас больше развито. Драматический театр, театр кукол и молодежный»;

«Может быть, если бы было больше времени и возможности, я бы занималась в театральной студии и в Филармонию ходила бы, чтобы послушать классическую музыку».

Иные же демонстрировали прямо противоположные вкусы, подчеркивая ориентацию на массовую культуру или сугубо профессиональные интересы, замещающие все остальные:

«Пока никто из студентов не видит, хоть что, хоть порно можно читать»;

«Я читаю научную литературу даже дома. Интереснее почитать про область исследования, которой ты занимаешься, чем как кто-то из актеров театра плеснул кислотой кому-то в лицо»;

«Человек стремится к простоте, ему так проще понимать. Если какая-то романтика запоет — что это, я не понимаю»;

«Когда на стоянку университета к третьему корпусу подъезжаю, то я «OPA GANGNAM STYLE»

[популярная песня китайского рэпера — прим. авт.] *потихише делаю. Например, чтобы, не дай бог, кто-нибудь не услышал, что я такую мутотень слушаю. Опять же, имидж играет роль, надо чтобы студенты думали, что мы Баха и Вивальди, или Чайковского слушаем*».

Результаты анкетного опроса свидетельствуют о том, что молодые преподаватели предпочитают самые массовые виды искусства — кино и музыку (порядка 55 % респондентов выбрали этот вариант ответа). В шкале средних значений оказались театр, литература, танец и художественное фото. Изобразительно искусство интересно менее 20 % респондентов, архитектура — 11,7 %.

Анализ данного блока вопросов демонстрирует, что структура досуга исследуемой совокупности незначительно отличается от распределения бюджета свободного времени других социальных групп. Сегодня в нашем городе нет «молодой интеллигенции», так как не выражена соответствующая идентичность респондентов. Наблюдается достаточно высокий уровень вовлеченности молодых преподавателей в культурное пространство города, стремление активно проводить свой досуг. Вместе с тем в его структуре явно доминирует семейный и дачный отдых над потребностью в посещении учреждений культуры, что респонденты связывают в том числе и с недостаточностью денежных средств для удовлетворения культурных потребностей. Предпочитаемые виды художественного творчества также не позволяют говорить об «элитарности» вкусов молодых преподавателей. Наблюдается широкий разброс оценок — от демонстрации приверженности китчевым образцам массовой культуры до противоположной тенденции к подчеркиванию «избранности», «исключительности» собственных интересов. Тем не менее основная часть молодых преподавателей не считают себя особым «культурным слоем» и не рассматривают собственный стиль жизни как отличный от жизни большинства. В качестве основного субъекта преобразований в сфере культуры респонденты рассматривают государство, недооценивая возможности самоорганизации научной и творческой молодежи.

Следующий блок вопросов посвящен изучению мнения молодых преподавателей относительно перспектив развития художественного образования в сложившихся социокультурных условиях. Для решения поставленной задачи вопросы соответствующего содержания были заданы респондентам из академии культуры, участники же остальных фокус-групп ответили лишь на наиболее общий вопрос: «Как вы считаете, нуждается ли Тюмень в художественном образовании?». Примечательно, что респонденты, даже в академии культуры, говорили о необходимости детского

художественного образования как о ступени в раскрытии таланта с целью последующего отъезда из города:

«Не все же могут уехать куда-то. Кто обнаружит этот талант, если не на месте, скажем Например, не в какой-то маленькой художественной школе?»;

«Конечно, нуждается. Регионального уровня, да и любого в художественном образовании, поскольку это возможность детишкам выехать»;

«Областной центр, который должен работать, даже каждому ребенку маленькому нужно показать что есть, а чего нет»;

«Пусть даже на 100, на 200, на 300 детишек, а то они вырастают — Дима Билан или Стас Михайлов... Если таких школ не будет, он так и останется коров пастись...»;

«Сейчас много маленьких школ открывают. Ребенка нужно развивать разносторонне. Каждый человек талантлив, нужно найти этот талант, нужно успеть в максимально раннем возрасте постараться. Для этого, конечно, должны быть разнообразные возможности».

О других ступенях художественного образования упомянул лишь один преподаватель:

«У нас есть региональные центры — Екатеринбург, где все это более развит. На уровне чиновников есть вопросы, потому что город 650 тыс. людей, а не город-миллионник... Они тоже говорят, что нуждаются в оркестрах, консерватории нет. Должно быть художественное образование».

В завершении обзора эмпирического материала сосредоточимся на специальных вопросах, заданных молодым преподавателям ТГАКИСТ. Один из них был связан с подробно рассмотренными в теоретической части проблемами менеджмента в творческом вузе. Респондентам были заданы вопросы: «Как, по вашему мнению, должно быть организовано управление художественным вузом? Эффективны ли в данном случае универсальные менеджерские принципы, или нужен иной подход?», не вызвавшие оживленной дискуссии, было очевидно, что многие участники беседы посчитали себя недостаточно компетентными, чтобы высказывать собственное мнение. Немногочисленные реплики имели характер рассуждений относительно риторического вопроса, демонстрировали неопределенность позиции респондентов. Данный факт свидетельствует о недостаточной осведомленности молодых преподавателей о процессе управления вузом, об отсутствии включенности в менеджерскую деятельность. Не выразили респонденты и значительной заинтересованности этим вопросом, что еще раз подтверждает сложившуюся диспозицию «власть-народ», которая отчетливо проявилась при анализе ответов на вопрос о субъектах культурных преобразований.

Менеджмент по-прежнему находится в сфере трансцендентного для молодых преподавателей, они не видят возможности влияния на управленческую сферу и, соответственно, не проявляют к ней существенного интереса.

Последние вопросы интервью, касающиеся стратегии развития профессиональной сферы респондентов, звучали следующим образом: «Нуждается ли художественное образование в Тюмени в инновациях? Может быть, необходимы новые специальности, профили обучения?». Первичной реакцией было высказывание, демонстрирующее некоторую усталость молодых преподавателей от непрерывного модернизационного процесса в сфере образования: «В инновациях всегда все нуждается не постоянно, не каждый день». Далее респонденты все же прокомментировали открытие новых специальностей, хотя был упомянут только «дизайн», среди перспективных направлений были названы анимация и кинематограф.

Таким образом, несмотря на то, что количественные показатели развития культурной среды нашего города демонстрируют непрерывную позитивную динамику, это не позволяет нам говорить об отсутствии реальных проблем в ее текущем состоянии и перспективах развития. Неустойчивая идентичность молодой научной и творческой интеллигенции, потребительское отношение к пространству культуры, пассивность и отсутствие самоорганизации существенно снижают ее креативный потенциал. Молодые преподаватели

сегодня не осознают себя в качестве группы, способной осуществлять культурные преобразования, в силу того что начало их профессиональной деятельности совпало с периодом реформ, когда государство взяло на себя ответственность за прогресс образования и культуры. Активная образовательная политика, направленная на директивное исполнение разнообразных нововведений, приводит к тому, что молодые интеллектуалы видят возможности реорганизации регионального культурного пространства только в донесении до власти собственных интересов. Иные пути улучшения культурной среды города не рассматриваются: в частности, не было даже упомянуто о роли высшей школы как агента социокультурных изменений. Поэтому, несмотря на некоторый всплеск гражданской политической активности в провинции в последний год (в Тюмени она была минимальной), осознание себя в качестве субъекта активной деятельности в сфере культуры придет к нашей молодежи, по всей видимости, не скоро.

Художественное образование в регионе, вне всяких сомнений, нуждается в сохранении, однако в рамках этого социального института на уровне специалистов высшей школы не имеется четких представлений о том, в каком направлении оно должно развиваться. Для формулировки окончательных выводов по данному вопросу, требуется проведение более масштабных исследований на всех уровнях художественного образования в Тюмени.

Ильдарханова Ф. А.

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Можно смело утверждать, что в долгосрочной перспективе в регионах выиграет тот, кто ускоренно разовьет сельскую местность и разовьет в ней численность населения.

В. В. Пациорковский [232]

Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан изучает социально-демографические процессы сельского пространства республики на уровне муниципальных образований. В республике проводится целенаправленная работа по модернизации и инновационному развитию сельского социума, социальному обустройству сельских территорий. Сегодня на селе

реализуются такие программы, как строительство фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП), осуществляющих медицинскую помощь в сельской местности, строительство сельских дорог с твердым покрытием, программа «Чистая вода», капитальный ремонт общеобразовательных школ, программа восстановления уличного освещения на селе и другие.

В республике стартовала программа обновления парка сельскохозяйственной техники. Программа рассчитана на три года и предусматривает возмещение сельхозпроизводителям 40 % стоимости закупленной сельскохозяйственной техники. Ежегодный бюджет программы составит порядка 2 млрд. рублей в год. С учетом софинансирования это позволит существенно обновить машинно-тракторный парк АПК республики.

Президент РТ Рустам Минниханов отметил, что за восемь лет более 9 тысяч сельских семей получили субсидии на улучшение жилищных условий, эта программа сработала в республике хорошо.

В федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 и на период до 2020 года» определены приоритеты развития села:

- диверсификация сельской экономики;
- улучшение жилищных условий сельского населения и обеспечение жильем молодых семей, молодых специалистов;
- развитие социальной и инженерной инфраструктуры в сельской местности;
- поддержка комплексной компактной застройки и благоустройства сельских поселений в рамках пилотных проектов;
- поддержка местных инициатив, направленных на улучшение условий жизнедеятельности сельского населения;
- формирование позитивного отношения к сельскому образу жизни;
- в социальной сфере — устойчивое развитие сельских территорий, в качестве неперемennого условия сохранения трудовых ресурсов, территориальной целостности страны;
- научное и кадровое обеспечение — в качестве важнейшего условия формирования инновационного агропромышленного комплекса.

Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан провел социально-демографические исследования сельского пространства в Дрожжановском [130] (юго-запад), Тетюшском [341] (юго-запад), Пестречинском (северо-запад), Кукморском (северо-восток) и Высокогорском (северо-запад) районах Республики Татарстан. Здесь мы имеем дело с подходом, который можно назвать «маленькая картинка для выяснения больших вопросов». На «срезе» ряда районов хорошо просматривается то общее, что присуще современному селу республики.

Социологические исследования, проведенные в этих муниципальных образованиях, убедительно показывают, что возрождение села во многом связано с укреплением чувства хозяина на своей земле. А земля — особый «производственный объект», она в буквальном смысле живая и требует к себе настоящего человеческого отношения.

Феномен кооперации среди сельского населения Республики Татарстан — отличительная черта сельских сообществ России.

Американские социологи села [425] в своих работах по изучению социальных сетей, социальных связей в локальных сообществах подчеркивают значимость интеракций между соседями и полагают, что данная единица коммуникации может являться формой социального капитала, измеряемого, прежде всего, тем, оставляем ли мы запасной ключ от своего дома соседям. Результаты опроса выявили, что межличностное взаимодействие в рамках института соседства на селе реализуется.

Анализ специфики совместного решения актуальных проблем в Дрожжановском муниципальном районе (по итогам опроса населения) подтвердил, что абсолютное большинство сельчан — 79,8 % — содействуют соседям, односельчанам. В ряде случаев инициатива помощи исходит от самих жителей — 2,5 % предлагают помощь сами; большая часть активизируется, когда их просят об этом — 69 %; помогают во всем 8,3 % опрошенных жителей.

Активной работой по реализации программы развития малого и среднего сектора сельскохозяйственного бизнеса характеризуется Кукморский муниципальный район. На территории района действует 42 семейные фермы, 23 из которых — высокотехнологичные, также в процессе строительства находятся еще 8 ферм (на 01.06.2013). Среди направлений сельскохозяйственного производства в малом секторе экономики абсолютным лидером является молочное производство — половина всех КФХ района, существенную долю составляет пчеловодство — 10 фермерских хозяйств, в небольших долях представлены птицеводство, коневодство, овцеводство.

Мотивация населения производить сельскохозяйственную продукцию определяется, по мнению глав сельских поселений, одним фактором — возможностью иметь дополнительный источник денежных средств. 17 % опрошенных экспертов отмечают, что мини-агробизнес составляет основной источник дохода населения района. Вовлеченность в сельскохозяйственную занятость ради самообеспечения продовольствием привлекает не более 1 % сельского населения Кукморского муниципального района. Агропроизводство в небольших объемах нерентабельно.

Конструирование агропространства в районе носит организованный характер, в 25-ти сельских поселениях отведено специализированное место на рынке для реализации сельхозпродукции, произведенной в ЛПХ. В своих предложениях по оптимизации сбора и реализации агропродукции главы сельских поселений выделили самостоятельную деятельность частных подворий на рынках

и скупку сельхозпродукции предприятиями переработки. Создание кооператива по сбору сельскохозяйственной продукции считают необходимым руководители чуть менее половины сельских поселений, поскольку налажена система скупки продукции КФХ конкретными предпринимателями.

Главными условиями повышения рождаемости на селе фермеры считают стабильную социально-экономическую обстановку в обществе (занятость населения, уровень зарплаты и т.д.), уверенность родителей в будущем детей, развитую социальную инфраструктуру на селе (дороги, школы, медицину). К причинам невысокой продолжительности жизни на селе сами фермеры относят нездоровый образ жизни (наличие вредных привычек). Выход из сложившейся демографической проблемы 2/3 опрошенных членов КФХ видят в обеспечении трудоспособного населения работой с достойной оплатой. Это подтверждает наличие таких девиантных форм поведения (не ставших абсолютной нормой на селе в Республике Татарстан), как алкоголизм, курение, выступающих для части сельчан формой проведения не просто досуга, но заменяющего ими весь образ жизни в целом.

Мотивация сельского жителя к созданию фермерского хозяйства определяет эффективность деятельности его организации: лидирующим фактором выступает желание сельчанина работать «на себя» (11 глав КФХ), 8 фермеров стремятся оставить ферму своим детям как наследство, уверенность в своих предпринимательских способностях выразили 8 человек.

КФХ Сафин И. И.

Село Аш-Бузи. Молочная ферма на 32 головы.

Сафин И. (село Аш-Бузи, Большесардекское сельское поселение) — пионер современного фермерского движения в Кукморском районе. Его родное село знаменито овощеводством (разведение лука). Приступил к сельскохозяйственному делу в начале 2000х, оформив в собственность семьи паевые земли в 12 га и закупив 5 коров. Взял кредит на 500 тыс. руб. По программе «Лизинг-грант» приобрел пилораму. В 2012 г. получил кредит в Россельхозбанке на «Строительство семейной молочной фермы на 24 головы КРС» в размере 2,9 млн. руб., воспользовался республиканской программой поддержки в 1 млн. руб. Коровник расширился до 32 голов. Ожидаемый надой молока — 160 тонн. Муниципальные власти способствовали проведению асфальтной дороги для подъезда к его ферме.

Ключевыми проблемами развития семейных ферм в муниципальных районах РТ является доступность человеческих и финансовых ресурсов, а также позитивный административный климат.

Селяне за последнее время начали заботиться о своей Малой Родине. Жители многих селений на

свои средства и своими силами ремонтируют улицы, мосты, строят церкви и мечети. Обратимся к опыту Дрожжановского муниципального района РТ.

Жители селения Большая Аксу Андрей Портнов — 20 000 рублей, Солтан Тазетдинов — 13 000 рублей выделили на благоустройство сельских дорог. На эти дела народом собрано 250 тысяч рублей, сельское поселение добавило 100 тысяч рублей. В Городищах построены на 3 млн. рублей два моста. Их строительство профинансировал меценат Николай Угаслов. Он также профинансировал строительство внутрисельских дорог в Городище и Матаки, на сумму 2 млн. 750 тысячи рублей. В этом году Николай Угаслов намеревается построить фонтан в районном центре.

Исследования, проведенные Центром семьи и демографии АН РТ, показывают, что в условиях модернизации общества наблюдается положительная палитра агросельской реальности; определены проблемы и пути решения. Самое главное — участие сельского населения в обновлении жизненного пространства села.

Активная позиция людей, их энергия, неравнодушие, желание создавать условия для достойной жизни в родном поселке, селе заслуживает уважения и поддержки. Население вправе реально влиять на то, что сегодня происходит в муниципальных образованиях, на своей улице, в своем доме и дворе.

Под деловой активностью населения следует понимать реализацию экономической инициативы наиболее активной части населения в пределах конкретного территориального образования, выраженной в форме малого, среднего, индивидуального, крестьянского (фермерского) предпринимательства, а также в форме общественных объединений и организаций.

Обратимся к опыту Высокогорского муниципального района. 1 декабря 2013 года состоялся местный референдум во всех сельских поселениях Высокогорского муниципального района. На референдуме рассматривался вопрос введения самообложения в 2014 году в размере 100 рублей с каждого совершеннолетнего жителя, зарегистрированного по месту жительства на территории сельского поселения, для направления полученных средств на решение вопросов местного значения. Из бюджета Республики Татарстан на каждый собранный рубль будет выделяться четыре рубля. В основном полученные средства планируется потратить на: щебенение и ограждение контейнерных площадок, установку уличного освещения, щебенение и ремонт дорог, замену ограждений кладбищ, ремонт родников. В каждом населенном пункте жители сами принимали решение, для каких целей использовать собранные средства.

В референдуме приняло участие 34 052 избирателя по всему району. Всего 90% избирателей дали согласие на введение самообложения, средства которого пойдут на решение вопросов местного значения.

По антикризисной программе самозанятости в районе организовали свою предпринимательскую деятельность и начали свое дело: 15 человек начали заниматься пчеловодством, 128 — разведением КРС, а также разведением гусей и птиц, розничной торговлей, оказанием сантехнических, транспортных услуг, ремонтом и пошивом одежды и другими видами деятельности. Дополнительно планируют организовать предпринимательскую деятельность 96 человек. На сегодняшний день по второму траншу бизнес-планы по откорму КРС составлены у 31 человека. Среди начинающих предпринимателей есть желающий осуществлять деятельность по искусственному осеменению коров населения. По программе самозанятости приобретено более 300 голов крупного рогатого скота.

Референдум по самообложению граждан состоялся в 658 поселениях Татарстана. В бюджеты поселений дополнительно поступило более 30 млн. рублей. К каждому рублю, вложенному жителями сельского поселения в общую кассу, республика добавляет четыре. Полученную таким образом сумму совет поселения волен тратить на собственные нужды — с согласия народа. Для местных сельских властей, у которых, как известно, полномочий куда больше, чем «налички», система самообложения очень серьезное подспорье в работе, из них республиканского бюджета выделено 300 млн. рублей. Из республиканского бюджета на поселенческий уровень поступила сумма четырехкратно превышающая собранную гражданами. 40,7% поселений, в которых прошли референдумы, решили направить деньги на ремонт и содержание дорог внутри населенных пунктов, в том числе мостов. 19% — на ремонт и содержание кладбищ. 17,5% — посчитали наиболее нужным благоустройство территории поселения, 12,3% — решить вопросы, связанные с водоснабжением, благоустройством родников, 4,4% направили средства на установку и реконструкцию памятников.

Рассматривая стратегию развития сельского социума на уровне муниципальных районов, нельзя не отметить роль органов местного самоуправления в развитии села.

Местное самоуправление представляет собой социальный феномен, целостную систему общественных отношений, связанных с территориальной самоорганизацией населения, самостоятельно решающего вопросы местного значения, в том числе вопросы обустройства и порядка функци-

онирования местной власти. Положение муниципальных образований, в отличие от субъектов федерации, замечательно тем, что автономия местных образований носит не законодательный, а лишь административный характер, но их административная автономия абсолютна, то есть органы местного самоуправления обладают полным набором управленческих функций. Местное самоуправление представляет собой ресурс общественного контроля над властью.

Республика Татарстан состоит из следующих административно-территориальных единиц — это 2 городских округа, 43 муниципальных района, 39 городских поселений, 872 сельских поселения — всего 956 муниципальных образований республики.

Местное самоуправление в настоящее время эволюционирует достаточно быстро. Его эволюция неотделима от изменения управления «сверху», из центра и снизу от широких демократизирующихся слоев населения [106].

«Принудительность свойственна большинству организованных коллективных единств», — декларирует известный социолог Питирим Сорокин, — «Общество свободных людей», обходящихся без принуждения, пока является большой редкостью». «Единственным отличительным признаком государства является суверенность государственной власти или первичность, самоуправомоченность последней» [311].

К «самоуправомоченности последней» мы и отнесем органы местного самоуправления. Каждый отдельный орган муниципальной власти выполняет свою определенную функцию: экономическую, социальную, экологическую, политическую, налогообложения и финансового контроля, охраны прав и свобод граждан, обеспечения законности и правопорядка.

Обратимся к данным, полученным в ходе социологического исследования, охватившего 24 республики (в том числе Татарстан), проведенного Тощенко Ж.Т., доктором философских наук, и Г.А. Цветковой по проблемам становления органов местного самоуправления [356].

Для органов местного самоуправления наиболее актуальными проблемами являются — организация экономической жизни (мнение 78% опрошенных), обеспечение общественного порядка (72%), поддержание здравоохранения (70%) и решение жилищных проблем (66%). Это достаточно рациональная, исполненная здравого смысла позиция. Она показывает верный вектор сосредоточения сил местного самоуправления на вопросах, которые являются предметом основного внимания органов народовластия, что подтверждает и мировой опыт. За исключением, пожалуй, одного: пока представители почти всех ветвей власти продолжают считать,

следуя традициям советских органов власти, одной из своих важнейших задач развитие и функционирование экономики. Конечно, забота об экономическом развитии города и района должна быть важнейшей задачей местных органов власти, но как эту задачу реализовать? Прямым директивным влиянием, как это было присуще советской системе управления, или косвенными методами, используя рычаги для создания условий эффективной деятельности муниципальной, частной и акционерной собственности?

Но реальность такова, констатируют авторы, что властные органы городов и районов не могут уйти из этой сферы. Более того, они испытывают давление как извне, так и изнутри за любые попытки не заниматься экономическими проблемами. Иначе говоря, местные органы власти находятся в парадоксальном положении: с точки зрения теории они должны уйти из сферы прямого директивного руководства экономикой, но с точки зрения реальностей нынешнего дня, они не могут этого сделать. На наш взгляд, многие экономически нерешенные проблемы имеют эту базу отсчета — с одной стороны, местные органы власти не должны заниматься этим, но с другой, в настоящей ситуации они обязаны.

Исследования, проведенные А.А. Хагуровым, показывают, что на районном уровне более 90% опрошенных тратили рабочее время на отчеты и другие работы с бумагами, в поселении этим занимаются более 80% [319]. На втором месте по затратам времени — участие во всякого рода заседаниях, собраниях (более 60%). Первоочередные заботы местных управленцев четко просматриваются в порядке их значимости при ответах на вопрос «На что в первую очередь расходовали бы финансовые средства, при их наличии?»:

- на ремонт дорог;
- на ремонт и благоустройство домов культуры;
- на спортивные сооружения, то есть на социальные нужды.

В ходе социологических исследований в муниципальных районах республики научные сотрудники активно сотрудничали с главами сельских поселений.

Местное самоуправление занимает особое место в демографическом механизме управления обществом и государством.

Генетически и функционально являясь институтом гражданского общества, местное самоуправление определяет баланс в отношениях между государственным управлением и самоорганизацией граждан. Отношение сельского населения к местной власти проявляется в его фактическом участии в различных организационно-правовых формах самоуправления муниципального района.

С передачей муниципальным органам власти политической и экономической самостоятельности в решении вопросов местного значения повысилась и ответственность должностных лиц и органов местного самоуправления за надлежащее исполнение полномочий в рамках их компетенции. Ведь от того, насколько эффективно они организуют свою деятельность, от принятых ими решений зависит благополучие этого муниципального образования, его жителей.

Обратимся к опыту Кукморского муниципального образования. Органы местного самоуправления Кукморского муниципального района прошли важный этап становления, этап самостоятельного принятия решений, несут большой груз ответственности за социально-экономическое развитие территории. В целях оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления Правительством Республики Татарстан и Главой Кукморского муниципального района ежегодно подписываются Соглашения. «О достижении планируемых значений индикаторов по оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления по повышению качества жизни населения в соответствии с переданными государственными полномочиями». Аналогичные соглашения заключены между главой района и всеми министерствами Республики.

Опыт работы.

Выступление председателя Туембашского сельского совета Гарипова Ильфата Фаритовича на сессии муниципального Совета Кукморского района 2013 г.

2012 г. был очень успешным для Туембашского сельского поселения. В этом году был выполнен большой объем работы на большие суммы и в 2013 г. с серьезными планами.

В сельском поселении, состоящем из 227 хозяйств, проживает 730 человек, из них: детей — 42, учащихся — 68, студентов — 28, пенсионеров — 215, трудоспособного населения — 392 (65 чел. работают в бюджетных учреждениях, 18 — в хозяйстве «Тойма», 31 — у индивидуальных предпринимателей, остальные живут результатами личного хозяйства).

В обеих деревнях живет трудолюбивый народ, основным занятием которого является изготовление валенок. Шерсть для них привозят из Башкирии, Удмуртии, Казахстана, а краски — из Индии и Китая. В 9 хозяйствах есть машины по обработке шерсти. Также налажен сбыт готовой продукции: большой объем товара уходит в Башкирию, Удмуртию, Свердловск и Пермь. В 2012 г. 1 хозяйство в среднем получило прибыль в размере 613 тыс.

Таким образом, для развития предпринимательства созданы благоприятные условия. В личных хозяйствах разведение скота является основным занятием. В сельском поселении насчитывается 218 голов крупного рогатого скота, из них 79 — дойные коровы. Но это еще не много, поскольку на 100 хозяйств приходится только 35 коров, а по району — 52. Во время Сабантуя мы награждаем те хозяйства, которые больше всего содержат скота. Например, сам я содержа 5 лошадей, 30 овец, теленка и быка. 8 хозяйств разводят пчел.

В 1 квартале 2012 г. в хозяйстве Рамзии Мутыгуллинной начала работать семейная ферма по выращиванию цыплят. В 2012 г. они вырастили 5000 цыплят, в 2013 г. планируют увеличить их численность и продать 10000 птиц. Они уже получили 200 тыс. руб. из 450 тыс. субсидии, выделяемых государством. Государство помогает тем людям, которые хотят работать. Только в 2012 г. на развитие хозяйств кредит получили 8 семей (на сумму 1 млн. 750 тыс. руб.). Начиная с 2006 г., подобным кредитом воспользовались 58 семей на сумму 12 млн. 367 тыс. руб., на которые были построены хозяйственные сооружения, закуплены скот и техника.

Благодаря трудолюбию наш народ живет в достатке: строит дома, обновляет хозяйственные постройки, ездит на хороших машинах. В поселении зарегистрировано 139 легковых автомобилей, 8 грузовых и 11 тракторов. Нет ни одной семьи, которая бы не имела возможности накормить, одеть ребенка, отправить его в школу, не знала бы как обогреть свой дом. Когда в дом приходит большая беда, на помощь приходит вся деревня. Например, в прошлом году мы обеспечили жильем многодетную семью, дом которых сгорел при пожаре.

Большую помощь поселению оказывают республика и район, только в последние годы по республиканским и районным программам:

- в селе Туембаш был проведен водопровод, общая стоимость проекта составила 10 млн. 600 тыс. руб.;
- между с. Челны и Туембаш построена плотина, куда была запущена рыба, привезенная из Арска. Были посажены деревья на 35 гектарах земли, которые сейчас украшают деревню. Стоимость проекта плотины — 9 млн. 800 тыс. руб.;
- в селе Туембаш на средства сельчан за полгода было построено и начало работать медресе. Стоимость строительства составила 700 тыс. руб. В медресе 9 классов, в которых религиозное обучение получают мужчины, женщины

и дети — всего 92 человека. Обучение ведут 5 преподавателей;

- в селе Туембаш заменены столбы и электропровода длиной 2 км.;
- на 4 км. дороги был положен камень, между двух сел построен новый мост;
- для расширения границ поселения были удовлетворены три заявления о выделении земли под постройку.

В деревнях сейчас нет таких людей, которые бы от безработицы выпивали, ссорились в семьях. Я считаю, что наш народ крепко стоит на ногах, потому что он трудолюбив, ведет здоровый образ жизни и обеспечен всеми необходимыми условиями жизни.

Из отчетов глав поселений, на которых побывали ученые-исследователи, видно, насколько многообразна их деятельность, насколько они взаимосвязаны с населением, с руководителями различных организаций, с районной властью. Проблема заключается в том, насколько органы местного самоуправления, точнее, лица, осуществляющие их функции, и население осознают необходимость активного взаимодействия друг с другом во имя общих целей, насколько они готовы к этому взаимодействию. Об этом хорошо свидетельствуют сходь, собрания граждан, где население высказывает насущные проблемы жизнедеятельности села.

Эффективность власти зависит от ее умения выстраивать взаимодействие с населением, получать его поддержку. Власть, чтобы быть эффективной в современных условиях, вынуждена брать на себя функцию стимулятора гражданского общества, привлекая население к принятию решений. Цивилизованное взаимодействие власти и населения должно строиться на основе партнерских отношений, с соблюдением прав и интересов всех участников партнерства.

Повышение качества жизни муниципальных сельских территорий зависит в первую очередь от активности самих жителей. Именно население решает, какие проблемы, проекты будут реализовываться и какие усилия необходимо приложить для развития родного села.

Обратимся к трудам П. Сорокина: «Жизнь в одном месте вызывает особый местный солидаризм, «местный патриотизм», особое коллективное единство, основанное на общности территории постоянного местопребывания».

Так живет современное село, его трудолюбивый, талантливый народ, который любит свою землю. На этой земле его корни, его предки. На этой земле растут их дети. Эта земля дала им силу, веру в лучшее.

Гаврилюк Т. В.

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Развитие агропромышленного комплекса обуславливает продовольственную безопасность России, но государство, вкладывая деньги в жизнедеятельность сельских территорий, в строительство объектов перерабатывающей промышленности, закупая сельскохозяйственную технику, племенной скот, недооценивает отношение к этим нововведениям самих сельских тружеников, мнения которых формирует их социальное самочувствие, которое напрямую сказывается на взаимодействии их с органами власти. С другой стороны на социальное самочувствие сельского населения влияет уровень и качество жизни, снижение которого есть результат слабой организации взаимодействия жителей сельских территорий и властных структур, работающих на селе, что в конечном итоге приводит к неэффективному развитию сельского хозяйства регионов России. По нашему глубокому убеждению, преобразования на селе должны проходить только после диагностики социального самочувствия сельских жителей с учетом их мнений и интересов.

Социологическое исследование, проведенное авторами в мае-июне 2013 г. среди сельского населения юга Тюменской области, ставило перед собой цель выявить основные факторы развития сельского хозяйства юга Тюменской области и успешной адаптации сельских жителей к новым условиям хозяйствования. Результаты данного социологического исследования сравнивались с результатами аналогичного исследования, проведенного в 1996 г., что позволило разработать модели повышения эффективности взаимодействия властных структур и сельского населения и механизмы их реализации с целью обеспечения высокого уровня и качества жизни сельчан.

Выбранный для исследования Тюменский регион определяется его уникальностью на протяжении всей истории России: в период отмены крепостного права здесь практически не было крепостных, в период «военного коммунизма» здесь были самые сильные крестьянские волнения, в период НЭПа сибирские крестьяне были одни из самых зажиточных, в период сталинской коллективизации именно сюда ссылали самых инициативных и работающих крестьян, а в послевоенный период впервые в истории России сельское хозяйство Тюменского региона стало убыточным [33]. И хотя в городских поселениях

Тюменского региона, являющегося одним из наиболее стабильных регионов России, регионом-донором, у большинства жителей достаточно высокий уровень жизни, в сельских поселениях ситуация несколько иная: уровень и качество жизни сельского населения недостаточно высоки, так как сельское хозяйство неэффективно. Поэтому и условия жизнедеятельности сельских жителей недостаточно комфортны, а уровень социального самочувствия невысок.

Авторское исследование было направлено на изучение социального благополучия и обеспеченности сельского населения объектами социальной инфраструктуры, отдельных элементов качества жизни, что позволило предложить комплекс мероприятий, направленных на улучшение социального самочувствия сельских жителей.

В настоящее время в полной мере не проработаны модели оказания конкретной помощи селу, нет методологии и методики определения эффективности поддержки товаропроизводителя, трудно оценить отдачу той или иной формы хозяйствования, поэтому в теоретическом и прикладном аспектах проблема улучшения социального самочувствия сельских жителей является дискуссионной [33]. По мнению Н. В. Дулиной и В. В. Токарева, в литературе четко не сформулированы понятия «социальное самочувствие» и «качество жизни». Определяя эти категории, эти авторы под качеством жизни понимают характеристику условий жизнедеятельности населения с акцентом на объективные показатели, трактуя социальное самочувствие как самочувствие самого индивида [101].

Представляется, что объективные показатели становятся основой субъективного мнения людей, как это происходит с категориями качества жизни и социального самочувствия. Социальное самочувствие сельского населения может являться индикатором эффективности взаимодействия властных структур и жителей в сельских территориях, на изучение характеристик которого и было направлено предпринятое социологическое исследование.

Авторский анализ подходов к социальному самочувствию позволил выделить критерии его оценки, коррелирующие с определением качества жизни. Как отмечает О. А. Асланова, большинство российских ученых при определении социального самочувствия используют эмоциональное

состояние, социальный оптимизм, физическое самочувствие, показатели материальной обеспеченности и социальной адаптации, в то время как зарубежные ученые-социологи выделяют компоненты личностного «счастья» и благополучия повседневности и быта в качестве измерительных оснований социального самочувствия [18].

При проведении социологического исследования Е.И. Головаха, Н.В. Паниной, А.П. Горбачик респонденты оценивали сферы жизнедеятельности личности, такие как «материальное благополучие», «личная безопасность», «политические условия жизнеобеспечения», «межличностные отношения», «самооценка своего образования и способностей», «состояние физического и психического здоровья», «обеспеченность жизненно необходимыми и престижными товарами», «уверенность в своих силах и в своем будущем», на основании которых ими был определен перечень объективных и субъективных индикаторов социального самочувствия [74].

Таким образом, социальное самочувствие можно представить как субъективно-ценностное определение личностью своего состояния в различных областях своей жизнедеятельности, каждая из которых характеризуется специфическими критериями, показателями и индикаторами, перечень которых достаточно объемный, поэтому охватить их все в рамках одного исследования представляется проблематичным. Целесообразно использовать только те показатели, которые оказывают особое влияние на социальное самочувствие сельского населения. Именно поэтому авторы выбрали некоторые элементы качества и уровня жизни сельского населения, в частности доходы, обеспеченность образовательными, медицинскими, социальными услугами, которые в той или иной мере воздействуют на социальное самочувствие людей.

На первом этапе в процессе исследования была выявлена и обоснована проблема исследования: низкая социальная, политическая и экономическая активность сельского населения обуславливается неэффективностью регулирования отношений в социально-экономической сфере, отсутствием результативности субъектно-субъектных и субъектно-объектных взаимодействий властных структур и сельского населения, что способствует снижению уровня и качества жизни сельчан.

В качестве объекта предпринятого социологического исследования было выбрано сельское население юга Тюменской области; предмет обозначен следующим образом: основные элементы жизнедеятельности сельского населения юга Тюменской области и властных структур разного уровня; цель сформулирована как обоснование направлений повышения эффективности взаимодействия властных органов и сельского населения и механизмов их реализации для решения социальных,

социально-экономических и социально-политических проблем на сельских территориях юга Тюменской области.

В рамках поставленной цели решались следующие задачи:

1. Анализ социально-экономической и политической ситуации на сельских территориях юга Тюменской области и особенностей трудовых отношений на селе;
2. Исследование социальной сферы сельских территорий и качества жизни сельского населения Тюменской области,
3. Выявление основных факторов взаимодействия власти и сельского населения на сельских территориях области.
4. Разработка моделей взаимодействия властных структур и сельского населения и механизмов их реализации с целью обеспечения высокого уровня и качества жизни сельчан.

Авторами была выдвинута гипотеза исследования: для повышения эффективности сельскохозяйственного производства, оптимизации социальных, социально-экономических и социально-политических процессов, повышения уровня и качества жизни сельских жителей, улучшения их социального самочувствия необходима разработка и внедрение эффективной модели взаимодействия органов власти и сельского населения и механизмы ее реализации в сельских территориях.

В процессе проведения социологического исследования было проведено анкетирование сельского населения юга Тюменской области и экспертный опрос, вторичный анализ документов аналогичного исследования в 1996 году, что позволило провести сравнительный анализ результатов исследования, на основе которого были построены модели и механизмы и сформулирован перечень рекомендаций властным структурам всех уровней и форм власти.

В экспертном опросе участвовали представители органов государственной власти и местного самоуправления, предприятий и учреждений, общественных и научных организаций. Около половины количества сельских жителей, принявших участие в опросе, находятся в возрасте от 46 лет и старше, что является косвенным свидетельством нежелания молодежи жить и работать на селе. Подавляющее большинство молодых людей уезжают в город на заработки и уже не возвращаются на постоянное проживание в село, что свидетельствует о невысокой привлекательности жизнедеятельности в сельских территориях.

Менее половины опрошенных сельчан (36,9%) имеют среднее специальное образование, 33,2% жителей закончили высшее учебное заведение или в настоящее время обучается в вузе. Представляется, что это немалый потенциал для изменения социально-экономической ситуации на селе к лучшему,

главное — изменить их социальное самочувствие, повысить социальную активность.

Материальное положение сельских жителей и уровень их доходов во многом определяют их социальное самочувствие, уровень их социальной

активности, готовность их к взаимодействию с властными структурами для решения проблем сельских территорий.

На рис. 31 представлен доход сельских жителей.

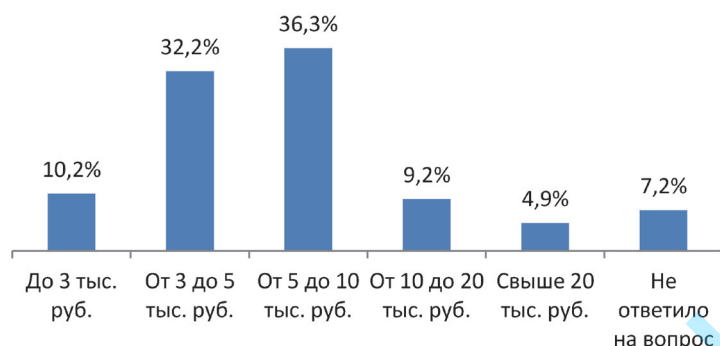

Рис. 31. Доход сельских жителей юга Тюменского региона (в % к числу опрошенных)

Подавляющее большинство респондентов имеет доход ниже 20 тысяч рублей, что демонстрирует низкий уровень доходов крестьян. Официальный прожиточный минимум жителя составляет 7 970 руб. (2013 г.), и при сравнении становится ясно, что многие из сельчан находятся за чертой бедности. Согласно статистике, к крайне бедным семьям относятся 90,3% жителей, проживающих в сельской местности юга Тюменской области.

В процессе проведения исследования авторы сравнили реальные доходы населения с субъективной оценкой ими своего материального положения. Действительно, только 13,2% респондентов считают себя высокообеспеченными. Но интересен

факт, что к обеспеченной категории людей себя относят больше половины (52,8%) селян, причем и некоторые сельские жители с низким уровнем дохода. Только каждый третий считает себя необеспеченным, то есть, находящимися за чертой бедности. Но, несмотря на то, что крестьяне в большинстве своем не относят себя к «бедным», проведенное авторское исследование демонстрирует обратное, а именно, низкий уровень материального обеспечения сельского населения [157].

Большинство респондентов (76,9%) являются коренными жителями, то есть, родились и выросли в сельской местности. Социальный статус опрошенных представлен в табл. 90.

Таблица 90

Социальный статус респондентов	
Место работы респондентов	% к числу опрошенных
Работники колхозов и сельскохозяйственных кооперативов	11,2
Работники акционерных обществ различного типа	34,5
Фермеры (владельцы крестьянских хозяйств)	2,1
Представители местных органов самоуправления унитарных предприятий	7,2
Специалисты сфер образования, здравоохранения и культуры	24,4
Специалисты других отраслей экономики	11,2
Безработные	5,5

Таким образом, каждый третий сельский житель работает в сельскохозяйственных акционерных обществах различного типа, 11,2% респондентов трудятся в колхозах и сельскохозяйственных кооперативах, 2,1% являются владельцами фермерских хозяйств.

В анкетировании приняли участие 35,6% специалистов учреждений и организаций социальной

инфраструктуры на селе, а также 5,5% безработных. 40,7% опрошенных имеют стаж работы в агропромышленном секторе свыше 20 лет, еще 36,7% — более 10 лет.

Статусные характеристики респондентов в 2013 г. почти идентичны с характеристиками сельских жителей в 1996 г. (табл. 91 и 92).

Таблица 91

Статусные характеристики респондентов в 1996 году	
Статусные характеристики	Среднее значение по массиву респондентов
Возраст респондентов	41,6 года
Время проживания в сельской местности	19,5 года
Количество членов семьи	3,8 человека
Среднемесячный заработок	401,7 тыс. рублей
Средний доход на одного члена семьи	215,1 тыс. рублей

Согласно статистическим данным, величина прожиточного минимума (определенная по методике Минтруда) составила на конец 1996 года 379 тыс. руб. на человека [506]. То есть, фактически абсолютное большинство сельских жителей Тюменского

региона в 1996 году жили за чертой бедности. Проведенное исследование показало, что, несмотря на прошедшие 17 лет, проблемы на селе остались те же. По социальному статусу состав опрошенных выглядел следующим образом:

Таблица 92

Социальный состав опрошенных

Социальный статус опрошенных	% к числу опрошенных
1. Колхозники, рабочие совхоза	29
2. Работники акционерных обществ и члены товариществ	37,6
3. Дипломированные работники сельского хозяйства	14,9
4. Специалисты сельского хозяйства со средним образованием	18,5

В выборочной совокупности опроса 1996 г. было 49,1 % мужчин и 50,9 % женщин, респондентов со средним специальным образованием — 20,5 %, с общим средним образованием — 54,6 %, неполным средним — 10,0 %.

Сравнительный анализ социально-демографических характеристик респондентов в 2013 и 1996 гг. показал, что состав респондентов практически не изменился. Наибольший процент респондентов в исследовании 1996 года работал в акционерных обществах и товариществах (37,6 %), в 2013 г. их количество осталось практически таким же.

Не изменился и половозрастной состав респондентов. Они не «помолодели», что еще раз свидетельствует о непривлекательности сельскохозяйственного труда для молодежи.

Только один из показателей социально-статусных характеристик изменился и в лучшую сторону. Если в 1996 г. больше половины опрошенных (54,6 %) имели только среднее образование, то в настоящее время их количество значительно

снизилось (20,0 %), а основная масса респондентов имеет среднее специальное (39,6 %) и высшее (не полное высшее) образование (22,4 %) [158].

В качестве экспертов в исследовании приняли участие представители (ведущие специалисты и руководители различного уровня) районных администраций, руководители сельскохозяйственных предприятий, руководители и специалисты Департамента агропромышленного комплекса Тюменской области, депутаты Тюменской областной Думы и ученые, занимающиеся проблемами аграрного сектора, — всего 101 человек. Все эксперты имеют высшее образование, 23,8 % из них имеют ученую степень доктора или кандидата наук.

В первую очередь в процессе проведения авторского социологического исследования были изучены и проанализированы проблемы, препятствующие развитию крестьянского (фермерского) хозяйства, эффективное решение которых напрямую воздействует на формирование социального самочувствия сельского населения (рис. 32).

Рис. 32. Проблемы в сельских территориях (в % от числа опрошенных)

В 1996 г. среди наиболее важных проблем, препятствующих развитию новых форм хозяйствования, занимала проблема отсутствия первоначального капитала для самостоятельного хозяйствования на земле, в то время как в 2013 году, несмотря на достаточную важность этой проблемы, на первое место выходит проблема недостаточного обеспечения сельхозтехникой, технологиями, стройматериалами, то есть фактически нехватки средств, так как реформирование организационных форм хозяйствования на селе требует огромных капиталовложений, что подтверждают от ответы респондентов и экспертов.

Таким образом, одной из важнейших проблем в 1996 и в 2013 гг., стоящих перед сельскими товаропроизводителями всех форм собственности, является недостаток средств для развития агропромышленного комплекса. Производителям сельскохозяйственной продукции приходится брать кредиты в банках, так как государство сократило инвестиции сельское хозяйство, что обусловило убыточность большинства отраслей сельскохозяйственного производства и обеспечило недостаток собственных оборотных средств. А кредитные ставки высоки, ориентированы на коммерческих товаропроизводителей, таких как торгово-посреднические, либо, в меньшей степени, промышленные предприятия. Сельскохозяйственная отрасль с замедленным оборотом капитала не может обеспечить покрытие таких кредитных ставок.

Реформирование плановой экономики в 1996 г. привело к разрушению установившейся системы организации потоков сельскохозяйственной продукции от производителя к потребителю, материально-технических средств сельскохозяйственного назначения от изготовителей к сельскохозяйственным производителям. Продовольственный рынок еще только начинал формироваться, а централизованно-плановое распределение и обмен уже не удовлетворяли потребностям сельского населения, ценовой механизм и основанные на нем экономические связи между потребителями и отраслями были разрушены.

Поэтому респонденты в 1996 году оценили остроту проблемы с реализацией продукции достаточно высоко. Но и в 2013 г. опрошенные сельские жители проблему сбыта сельскохозяйственной продукции, ставят на 3-е место.

Мнение экспертов практически созвучно мнению сельских жителей. В качестве основной причины, из-за которой не развиваются фермерские хозяйства, а значит и ухудшается социальное самочувствие сельчан, они называют отсутствие у сельских товаропроизводителей первоначальных средств для развития своего бизнеса, высокие ставки по кредитам. Эксперты отмечают особую

важность проблемы, связанной с отсутствием на селе квалифицированных специалистов, но сельчане считают ее не особо значимой. При этом наблюдается парадокс в мнениях экспертов: несмотря на важность кадровой политики, отмеченную экспертами в своих ответах, такая проблема, как отсутствие опыта ведения хозяйства и необходимость получения специальных знаний, уже не получает должного внимания экспертов, хотя напрашивается вывод: для эффективного кадрового обеспечения сельскохозяйственного производства необходимо обучение сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Таким образом, необходимо отметить, что проблемы, остро стоящие перед селом в конце 1990-х гг. прошлого века, не потеряли свою актуальность и сегодня, спустя 15 лет.

Другой стороной оценки ситуации на селе является заинтересованность самих сельских жителей в улучшении своих условий труда и быта, в ощущении себя как активных участников происходящих в деревне аграрных преобразований. И как результат появления этой заинтересованности — улучшение социального самочувствия сельского населения.

Поэтому респондентам в 2015 году были заданы вопросы, которые касались причин их низкой социально-экономической активности и тех мероприятий, с помощью которых проявлять себя в качестве полновластных хозяев на земле (рис. 33).

Почти всех сельских жителей, принявших участие в опросе, волнует, прежде всего, низкий уровень их дохода. Созвучна этой проблеме и проблема, связанная с низким уровнем и качеством жизни в деревне. Эту проблему респонденты ставят на 2-е место.

Резкое сокращение количества образовательных, медицинских учреждений на селе и отсутствие во многих селах социально-бытовых услуг не способствуют повышению качества жизни в сельской местности, а если к этому прибавить объективно тяжелые условия сельскохозяйственного труда (сезонность, большая доля немеханизированного труда, отсутствие комфортных рабочих мест, погодные условия и т.д.), то становится понятным мнение сельчан, считающих, что они должны иметь социальные гарантии, которые им должно представлять государство, и в первую очередь — это гарантия сохранения их права на работу.

Страх потери работы присутствует у 35,5% респондентов. Таким образом, несмотря на неудовлетворенность качества жизни на селе, на тяжелые условия труда, сельские жители хотят трудиться, их даже не очень расстраивает отсутствие развитой производственной и непроизводственной инфраструктуры.

Рис. 33. Проблемы, препятствующие повышению социально-экономической активности сельских жителей (в % к числу опрошенных)

Таким образом, низкие доходы в семье и низкий, зачастую ниже прожиточного уровня, уровень заработной платы является наиболее важной проблемой, которая заставляет людей «плыть по течению», не проявлять активности и инициативы прежде всего, потому, что они не верят в возможность успешного хозяйствования на земле. Мнение экспертов по этому вопросу представлено в табл. 93.

Таблица 93

Основные проблемы, мешающие повышению социально-экономической активности сельских жителей (в % к числу опрошенных)

Проблемы	% к числу опрошенных	Рейтинг
Низкий уровень доходов	49,5	1
Низкая оплата труда	22,8	2
Тяжелые условия сельскохозяйственного труда	13,9	4
Неэффективность социальных гарантий	7,9	8
Потенциальная безработица	8,9	6 – 7
Реальная безработица	8,9	6 – 7
Низкий уровень и качество жизни	18,8	3
Отсутствие на селе развитой производительной и непроизводительной инфраструктуры	10,9	5

Эксперты, как и сельские жители, считают, что плохое материальное положение крестьян — это и есть основная причина отсутствия у них активности и инициативности. Кроме того, пассивная жизненная позиция присутствует у сельских жителей, по мнению экспертов, и из-за реального положения дел в социальной инфраструктуре села, не позволяющей повысить им уровень и качество своей жизни.

А вот проблемы, связанные с реальной или потенциальной безработицей, которые большинство опрошенных селян называют в числе наиболее важных, у экспертов не вызывают опасений. Видимо, они считают, что именно страх потерять работу

и должен стать стимулом к повышению социально-экономической активности сельских товаропроизводителей.

Низкий уровень и качество жизни, по мнению всех экспертов за исключением представителей работников местных администраций является одной из главных проблем, вызывающих инертность, пассивность и безынициативность сельских товаропроизводителей. Авторы данного исследования считают, что такое мнение экспертов достаточно объективно, так как в силу отсутствия комфортных условий жизнедеятельности на селе наиболее активная масса населения, и особенно молодежь, уезжает или уже давно уехала из деревни, остались,

как правило, те, кто не может позволить себе переезд или те, кому уже все равно, где и как жить.

В связи с этим для органов власти, принимающих решения в сфере аграрных преобразований, важно и мнение сельских жителей о том, при помощи каких стимулов можно заинтересовать сельских товаропроизводителей работать эффективнее (рис. 34).

Почти все опрошенные селяне говорят о необходимости материальной заинтересованности,

но только 20,9% из них считают, что этого можно достигнуть при условии самостоятельного хозяйствования на земле. Удивителен и тот факт, что в людях, несмотря на все аграрные преобразования, зачастую с огромными перегибами и последствиями, не «убили» таких важных стимулов, как энтузиазм, работа по идейным соображениям, вера в то, что следующие аграрные реформы дадут им другую, более комфортную жизнь.

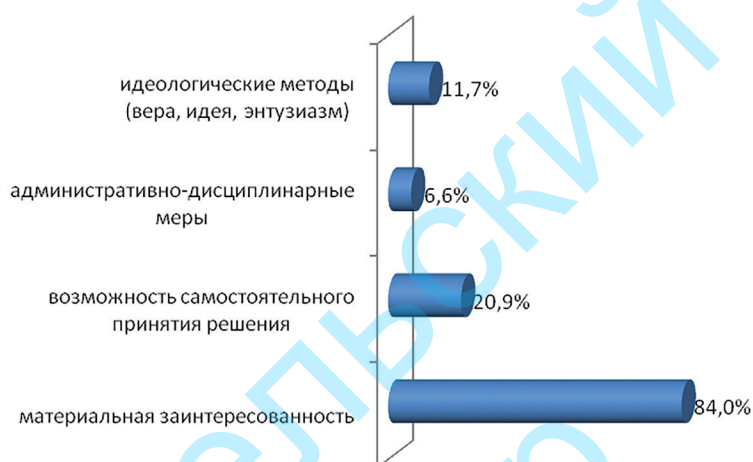

Рис. 34. Методы заинтересованности крестьян в эффективной работе (в % к числу опрошенных)

Сравнительный анализ исследования 2013 г. с аналогичными результатами 1996 г. показал

идентичность методов заинтересованности сельских жителей (табл. 94).

Таблица 94

**Мотивация более производительного труда в 1996 г.
(в % к числу опрошенных)**

Мотивация более производительного труда	% к числу опрошенных
1. Материальная заинтересованность	82,8
2. Административно-дисциплинарные меры	2,3
3. Идеологические методы (вера, идея)	2,0
4. Возможность самостоятельно принимать решения	12,3
5. Другое	0,6

В 1996 г. у сельских жителей основным стимулом к повышению производительности труда являлась материальная заинтересованность. А вот энтузиазма и веры в те годы у сельских товаропроизводителей было намного меньше. В связи с этим позитивен тот факт, что за последние 15 лет в деревне появилось поколение, желающее самостоятельно работать на земле.

Таким образом, как и в 1996 в 2013 г. сельские жители верят в свое будущее только в том случае, если будет решена проблема с повышением уровня их дохода, если они будут материально заинтересованы жить и работать на селе. Только тогда улучшится их социальное самочувствие, и они будут готовы к сотрудничеству с властными структурами и совместному решению проблем на селе.

Одним из важнейших аспектов социологического исследования являлось изучение условий жизнедеятельности респондентов, в том числе и сравнительный их анализ с 1996 г.

Условия работы называют плохими 38,1% опрошенных селян в 1996 г., этот процент в 2013 г. составил 16,2%. Можно констатировать, что введение новых форм хозяйствования почти более чем в два раза улучшило условия работы. Более того, свидетельством изменения в лучшую сторону условий труда является и тот факт, что в 1996 г. хорошими условия труда считали только 4,9% опрошенных, а в 2013 году их уже стало 28,4%.

Таким образом, введение новых форм хозяйствования внесло в жизнь и работу селян значительные положительные изменения.

Следующий срез ответов респондентов касался уровня их жизни. Представлялось важным посмотреть, как изменились условия жизни в оценках респондентов за период с 1996 по 2013 гг.

В 1996 г. условия жизни оценивали как хорошие 8,0 % респондентов. Плохими называли

условия своей жизни 45,1 % респондентов. Этот процент достаточно показателен для того, чтобы утверждать, что условия жизни на селе были достаточно плохими. В 2013 г. аналогичный опрос был проведен по различным элементам условий жизни (табл. 95).

Таблица 95

Оценка респондентами условий жизни на селе (в % к числу опрошенных)

Условия жизни	Хорошие	Нормальные	Плохие	Затрудняюсь ответить
Материальное положение	13,1	53,0	31,3	2,6
Возможность заработка	9,3	38,3	44,6	7,9
Карьерный рост	8,5	37,4	44,6	13,3
Питание	26,4	61,7	9,5	2,3
Жилищно-коммунальное обслуживание	11,7	45,5	38,4	4,6
Торговое обслуживание	13,9	68,8	20,2	5,0
Бытовое обслуживание	10,3	45,5	38,0	6,2
Социальное обслуживание (пенсии, пособие)	10,8	46,3	31,5	11,4
Образование детей	14,4	54,9	24,3	6,4
Досуг	8,5	39,4	44,4	7,7
Культурное развитие	8,8	38,8	41,7	10,7
Безопасность жизни	9,6	49,6	30,7	10,0
Жизненные перспективы	10,5	35,3	38,1	16,1

Наибольшее недовольство у сельских жителей вызывают следующие элементы их жизнедеятельности:

- невозможность зарабатывать больше денег;
- отсутствие карьерного роста;
- плохая организация досуга;
- недостаточное культурное развитие;

- отсутствие жизненных перспектив.

Более всего сельские жители удовлетворены питанием, торговым обслуживанием, условиями для образования детей.

Эксперты тоже оценивали отдельные элементы условий жизнедеятельности сельских жителей (табл. 96).

Таблица 96

Оценка экспертами существующих условий жизни на селе (в % к числу опрошенных)

Условия	Хорошие	Нормальные	Плохие	Затрудняюсь ответить
Материальное положение	9,3	26,8	61,9	2,1
Возможность заработка	7,4	27,7	60,6	4,3
Возможность повысить квалификацию	6,4	40,4	47,9	3,3
Условия сельскохозяйственного труда	14,9	43,6	36,2	3,3
Жилищно-коммунальное обслуживание	9,7	39,8	44,1	6,5
Торговое обслуживание	17,5	55,7	24,7	2,1
Бытовое обслуживание	8,5	41,5	44,7	5,3
Социальное обслуживание	17,2	50,5	28,0	4,3
Медицинское обслуживание	6,3	40,0	49,5	4,2
Транспортное обслуживание	8,6	28,0	59,1	4,3
Воспитание и образование детей	6,2	42,7	47,9	3,1
Условия для отдыха и проведения досуга	4,2	32,3	60,4	3,1
Безопасность жизни	9,9	47,3	31,9	11,0

Почти все эксперты считают, что ни один из элементов жизнедеятельности селян не может быть оценен как хороший. Исключение составляют только торговое обслуживание (хорошим его считает 17,5 % экспертов), социальное обслу-

живание (17,2 %), и, как ни парадоксально, 14,9 % экспертов отмечают хорошие условия сельскохозяйственного труда, что прямо противоположно мнению самих сельских тружеников.

Совпадает мнение экспертов с мнением сель-

ских жителей о том, что материальное положение крестьян нельзя назвать ни хорошим, ни удовлетворительным. Также они оценивают негативно условия для отдыха на селе.

Только 9,9 % экспертов считают, что на селе есть все условия для обеспечения безопасности жизни людей, остальные признают полное отсутствие условий для обеспечения личной безопасности.

Для целей авторского исследования представляет особый интерес и мнение экспертов относительно того, какие проблемы наиболее важны на современном этапе развития сельского сектора для обеспечения комфортности проживания и снятия напряженности на селе, а также улучшения их социального самочувствия.

Оценка экспертами наиболее важных проблем, требующих первоочередного решения, дает основание утверждать, что основными проблемами являются низкий уровень заработной платы, алкоголизм, и то, что основная масса сельских жителей находится за чертой бедности (табл. 97).

Наименее важная проблема, на взгляд экспертов, это отсутствие условий для отдыха, также они не считают, что нужно беспокоиться из-за высокого

уровня преступности в сельской местности, и у них не вызывает никакого волнения и уровень транспортного обслуживания, в том числе и дороги.

Интересно, что только на 7-е место эксперты поставили проблему, связанную с низким уровнем медицинского обслуживания, а на 6-е — некачественное образование в сельских школах.

Таким образом, эксперты так или иначе считают приоритетными проблемы, напрямую связанные с производством, а не с социальным развитием села. Видимо, без решения вопросов повышения материального благосостояния селян, обеспечения их рабочими местами, улучшения условий их труда невозможно и решение других проблем, имеющих место в деревне.

С другой стороны, эксперты не очень волнует безынициативность, пассивность сельских жителей, так как они понимают, что от самих селян мало что зависит в решении тех или иных проблем, хотя такая социально значимая проблема, как алкоголизм, процветающий на селе, является, по мнению экспертов и самих сельских жителей, одной из наиболее важных, требующих принятия первоочередных мер.

Таблица 97

Оценка экспертами проблем, существующих в сельской местности

Проблемы	% к числу опрошенных	Рейтинг
Низкая зарплата	57,3	1
Бедность	29,6	3
Алкоголизм	32,2	2
Безработица	25,3	4
Тяжелый физический труд	14,3	5
Пассивность селян	10,0	9
Отсутствие необходимой медицинской помощи	10,7	7
Отсутствие центров досуга и отдыха	5,7	13
Некачественное образование в сельских школах	11,3	6
Отсутствие развития транспортной системы	8,3	11
Наркомания	10,4	8
Преступность	7,8	12
Некомфортные условия проживания и быта	9,3	10

Эксперты также оценили, какие проблемы для повышения комфортности условий жизнедеятель-

ности сельских жителей надо решать в первую очередь (табл. 98).

Таблица 98

Рейтинг первоочередности решения проблем (в % к числу опрошенных)

Проблемы	% к числу опрошенных	Рейтинг
Материальное положение	54,1	1
Возможность заработка	46,8	2
Возможность повышения квалификации	9,6	7
Условия сельскохозяйственного труда	14,9	4
ЖКХ	8,6	7
Торговое обслуживание	1,4	13
Бытовое обслуживание	2,9	10

Проблемы	% к числу опрошенных	Рейтинг
Социальное обеспечение	6,7	9
Медицинское обеспечение	11,8	5
Транспортное обеспечение	2,7	11-12
Воспитание и образование детей	17,3	3
Условия для досуга и отдыха	2,7	11-12
Безопасность жизни	9,7	6

В числе первоочередных проблем, требующих, по мнению экспертов, незамедлительного решения, стоят улучшение материального положения сельских жителей, поиск вариантов дополнительных заработков для них и обеспечение достойного уровня образования их детей.

Интересно, что хотя большинство экспертов оценили как неудовлетворительные условия для отдыха и досуга, тем не менее в разряд перво-

очередных эта проблема не попала. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что необходимо сначала повысить уровень доходов сельских жителей и обеспечить их детям качественное образование, и только потом решать другие проблемы.

Таким образом, закономерно, что больше половины опрошенных сельских жителей вынуждены искать дополнительный заработок (табл. 99).

Таблица 99

Необходимость в дополнительном заработке

Вариант ответа	% к числу опрошенных
Достаточно доходов от основной деятельности	28,7
Вынуждены искать дополнительный источник дохода	53,2
Вынуждены сменить вид деятельности	10,3
Затрудняюсь ответить	7,7

Надо отметить, что ситуация по сравнению с 1996 г. изменилась незначительно. В 1996 г. в дополнительном заработке нуждались 68,8% респондентов, а 16% хотели сменить вид деятельности. Однако количество респондентов, кто удовлетворен своим доходом, увеличилось практически вдвое, что позволяет говорить некотором улучшении положения в сельскохозяйственном производстве, хотя все-таки большей половине селян (53,2%) основных доходов не хватает.

Один из главных критериев решения социально-экономических проблем села — степень

соответствия параметров развития его социальной сферы образа жизни городским стандартам. Уровень социального самочувствия базируется на условиях быта селян. Только при наличии комфортных условий проживания возможна эффективная реализация жизнедеятельности в сельских территориях социально активными сельскими жителями.

Условия быта были представлены шестью видами: водопровод, канализация, центральное отопление, горячая вода, ванна, душ, газовая плита (электрплита) (рис. 35).

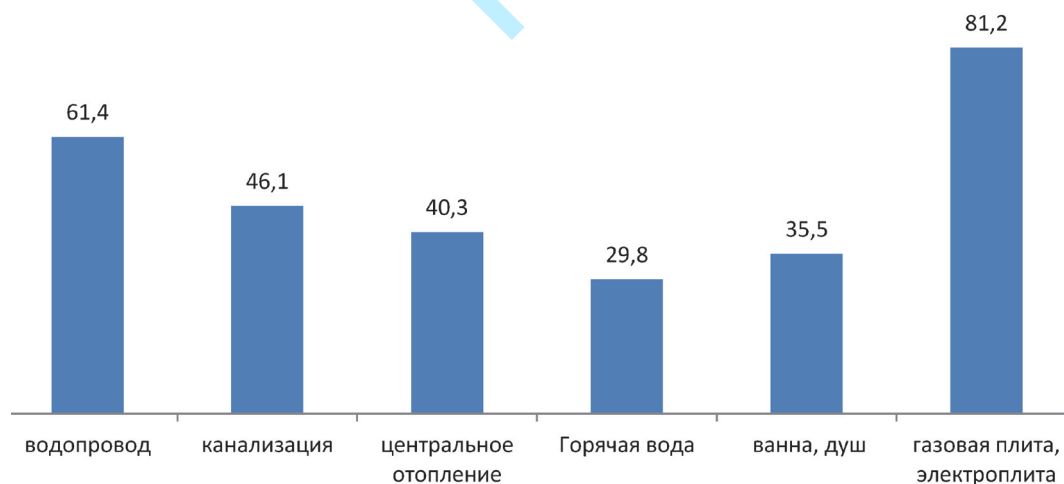

Рис. 35. Условия быта респондентов (в % к числу опрошенных)

Водопровод имеют лишь 61,4 % селян. Подсоединены к канализационной системе всего 46,4 % респондентов. Центральное отопление имеют 40,3 % респондентов. Горячее водоснабжение есть у 29,8 % сельских жителей, а ванну и душ имеют 35,5 % опрошенных селян, газовую (электро-) плиту — 81,2 %. Возникает вопрос: какое социальное самочувствие может быть у сельских жителей в таких условиях проживания? И для того, чтобы

коренным образом изменить ситуацию к лучшему, в первую очередь необходимы средства для создания комфортных условий проживания сельчан, и только после этого они будут способны эффективно участвовать в развитии агропромышленного комплекса России. Кроме того, на социальное самочувствие сельского населения России влияет наличие и развитие социальной инфраструктуры села (рис. 36).

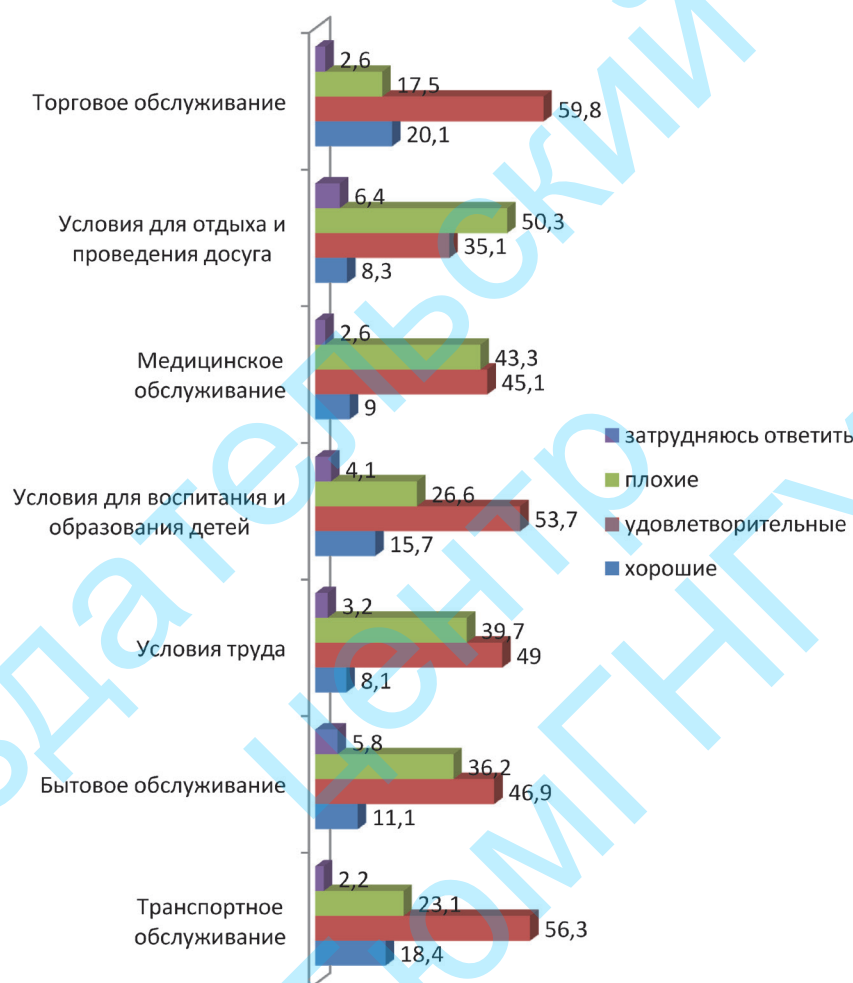

Рис. 36. Оценка видов социальной инфраструктуры села (в % к числу опрошенных)

Подавляющее большинство респондентов оценили качество функционирования имеющихся видов социальной инфраструктуры как удовлетворительное, за исключением условий для отдыха и проведения досуга, в отношении этого вида более 50 % высказались за оценку «плохое качество». Естественно, что социальное самочувствие будет неважным в таких условиях функционирования социальной инфраструктуры, но для развития ее требуются немалые деньги. Необходимо ощутимое вмешательство государства в жизнедеятельность сельских территорий в виде значительных денежных инвестиций.

Социальное самочувствие основывается на определении личностью своего состояния в различных областях жизнедеятельности и формируется

во взаимодействиях с другими людьми, поэтому особое значение при его формировании приобретает взаимодействие с представителями властных структур, от которых зависит вклад государства в развитие сельских территорий и сельскохозяйственного производства. Результаты проведенного исследования показали, что около половины респондентов (41,8 %) уже полностью потеряли веру не только в себя, но и в поддержку государства. Они никогда не обращались в органы власти любого уровня, несмотря на имеющиеся у них проблемы. Среди другой половины сельских жителей больше всего обращаются в органы местного самоуправления (38,2 %), в районные органы власти (25,1 %) (рис. 37).

Рис. 37. Обращения в органы власти и общественные организации (в % к числу опрошенных)

Почти никто из опрошенных не верит тем людям, которых они сами и выбирали, потому и обращались к ним считанные единицы. Чем выше уровень законодательной власти, тем меньше рассчитывают на его представителей сельские жители.

Обращаясь во властные структуры и общественные организации, респонденты, прежде всего, пытались решить бытовые проблемы (33,5%), получить ссуду или кредит (31,3%) или с вопросами трудоустройства (30,7%). А, например, помощи в решении проблемы, связанной с получением образования для детей, просили только 12,6% сельских жителей.

Однако достаточно часто обращения не давали положительных результатов. 31,7% респондентов отметили, что обращение за помощью ничего не дало, еще 33,9% решили благодаря помощи властных структур свои проблемы лишь частично, только 14,3% получили поддержку органов власти, обратившись к ним за помощью.

Экспертный опрос относительно взаимодействия органов власти и сельского населения состоял из нескольких блоков, которые в той или иной мере воздействуют на уровень социального самочувствия сельчан. Во-первых, экспертам было предложено дать оценку существующей законодательной базе агропромышленного сектора экономики.

Почти все эксперты отмечают недостаточность и противоречивость законов и нормативно-правовых актов, касающихся сельскохозяйственного производства. Особенно их не устраивает федеральный уровень. Меньше нареканий высказывают эксперты к законодательным актам, принятым на уровне Тюменской области.

Обосновывая свою негативную оценку законодательной базы сельского хозяйства, эксперты приводят следующие аргументы:

- конечные цели всех программ не направлены на изменение реальных показателей, только частичное изменение и только за счет инфляционных факторов (например, увеличить ВВП на такой-то% к такому-то году, хотя инфляция сама это делает);
- давно известно, что в России в целом, и в Тюменской области в частности, количество законов обратно пропорционально их исполнению;
- федеральный уровень — нужна долгосрочная целевая программа с разбивкой по годам (как в Китае);
- региональный уровень — в нашей области администрация в пределах ее возможностей делает все для развития села, хотя и не всегда достаточно;
- минимальная защищенность сельских жителей со стороны государства и на региональном уровне;
- законодательные базы несовершенны. Имеются противоречия в социально-экономическом развитии на федеральном и региональном уровне;
- в настоящее время вся законодательная база претерпевает изменения в связи с вступлением России в ВТО;
- региональные законодательные акты более приближены к населению;
- законодательная база существует, но законы не работают;
- законодательная база есть, нужны финансовые средства для ее реализации.

Следующий блок касается наиболее приемлемых форм взаимодействия органов власти с сельским населением. Несмотря на введение электронного правительства, абсолютное большинство экспертов (87,1%) подчеркивают важность личных

встреч представителей властных структур с крестьянами. В то же время 43,6% не отрицают и эффективность информационного воздействия селян с органами власти посредством Интернета (электронные обращения). Пожалуй, это две основные формы взаимодействия властных структур с сельским населением.

Другими формами, которые, по мнению экспертов, могут быть эффективными для успешного диалога органов управления всех уровней, являются следующие:

- личные встречи;
- сход граждан, референдум;
- отчеты властей всех уровней перед населением;
- мониторинг мнений сельского населения;
- проведение семинаров;
- интернет-приемные, опросы через Интернет, социологический опрос, поддержание социальной активности населения и общественных организаций;
- народный контроль над конкретными программами и объектами;
- комплексная поддержка отраслей сельскохозяйственного производства;
- организация совместных рабочих групп;
- СМИ.

Далее эксперты оценивали, на каком уровне власти (федеральном, региональном или местном)

можно решать наиболее насущные проблемы села (табл. 100).

Именно государству, по мнению экспертов (82,2%), принадлежит право законодательного обеспечения агропромышленного комплекса, еще 50,5% считают, что законодательная база во многом зависит и от региона.

Государство также должно отвечать за низкий уровень доходов сельских жителей (так считает 56,4% экспертов), за их социальное обеспечение, за безработицу в деревне как реальную, так и потенциальную, за безопасность на сельских территориях.

Прерогативой органов местного самоуправления, на взгляд экспертов, должно являться решение вопросов, связанных с торговым и бытовым обслуживанием в сельской местности, с организацией досуга и культурного развития сельского населения. Они могут повлиять и на решение проблемы низкого уровня производственной и непроизводственной инфраструктуры на селе, на организацию медицинского обслуживания и должны наравне со всеми ветвями власти отвечать за безопасность сельского населения.

Интересно, что практически все проблемы, имеющиеся на селе, должны и могут, по мнению экспертов, решать, прежде всего, региональные органы управления.

Таблица 100

**Уровни власти, на которых должны решаться проблемы сельского населения
(в % к числу опрошенных)**

	Федеральные	Региональные	Местное самоуправление
Законодательное обеспечение сельскохозяйственной деятельности	82,2	50,5	25,7
Организация рынка сельскохозяйственного производства	37,6	71,3	33,7
Организация инфраструктуры сельского хозяйства	35,6	65,3	41,6
Социальное обеспечение сельских жителей	47,5	65,3	31,7
Бытовое обслуживание сельского населения	6,9	25,7	80,2
Доходы сельских жителей	56,4	68,3	40,6
Организация отдыха и досуга на селе	3,0	50,5	68,3
Культурное развитие сельского населения	6,9	58,4	58,4
Медицинское обслуживание	30,7	80,2	41,6
Торговое обслуживание	4,0	54,5	61,4
Организация транспортной сети	25,7	68,3	43,6
Безработица на селе	56,4	58,4	37,6
Кадровый потенциал	39,6	69,3	24,8
Образование		66,3	
Безопасность сельских жителей	48,5	46,5	58,4

За региональным уровнем государственно-го управления, прежде всего, решение таких проблем, как организация рынка сельскохозяйственной продукции, организация медицинско-

го обслуживания в сельской местности, обеспечение села профессиональными кадрами, обеспечение полноценного образования и многое другое.

Все эксперты независимо от своей ведомственной принадлежности считают, что на местном уровне должны решаться вопросы, связанные с повседневной жизнедеятельностью населения, а именно: проблемы жилищно-коммунального и бытового обслуживания, обеспечение торгового обслуживания и организация досуга и отдыха сельских жителей.

Также на местные органы самоуправления эксперты возлагают обязанность по обеспечению безопасности населения.

Оценив формы взаимодействия органов управления с сельским населением, разграничив полномочия уровней власти, эксперты также отметили, что сельские жители должны принимать участие в решении своих проблем. Более того, 47,5 % экспертов (а это почти половина опрошенных)

убеждены, что и сами сельские жители могут влиять на изменение сложившейся ситуации на селе.

Оценивая различные формы влияния сельчан на управленческие решения относительно элементов их жизнедеятельности, эксперты отдают приоритет формам, связанным с гражданской активностью крестьян: участию в выборах, обращению в органы власти с предложениями, гражданской и профессиональной ответственностью сельчан за свои действия (табл. 101).

Не считают эффективным эксперты обращение к религии или церкви, всего 19,8 % экспертов считают, что нужны акции протеста, с помощью которых сельское население сможет изменить свою жизнь к лучшему. Каждый третий эксперт видит возможность влияния сельчан на властные структуры посредством средств массовой информации.

Таблица 101

Формы влияния сельского населения на изменение ситуации на селе в лучшую сторону

Формы участия сельчан в жизнедеятельности села	% к числу опрошенных
Участие в выборах	57,4
Исполнение своих гражданских и профессиональных обязанностей	43,6
Исполнение законов	33,7
Обращение к церкви, религии	7,9
Акции протеста	19,8
Обращение к СМИ	29,7
Обращение в органы власти с предложениями	50,5
Другое	9,9

Анализ мнений экспертов по направлениям организации эффективного взаимодействия властных структур и сельского населения с целью повышения уровня и качества жизнедеятельности на селе позволил выявить основные мероприятия, среди которых преобладают такие, как введение реальных закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию; снижение цен на энергоносители; поддержка сельских предпринимателей; выполнение депутатами всех уровней власти всех обязательств, которые озвучивались перед выборами; участие сельских жителей в выборах главы района, села, депутатов всех уровней власти; проведение местных референдумов.

Примечательно, что эксперты в основном называют экономические и политические факторы повышения эффективности взаимодействия властных структур и сельского населения, считая, что социальная стабильность сельских территорий в первую очередь зависит от условий труда и материальной обеспеченности сельских жителей.

Таким образом, для реализации улучшения уровня и качества жизни на селе со стороны органов власти необходимо в первую очередь обеспечить разделение властных полномочий для решения проблем в сельской местности, при котором было бы исключено дублирование функций

различными уровнями власти, передача основных законодательных и исполнительных функций управления соответствующему уровню власти с единством прав и обязанностей, что даст возможность повысить эффективность взаимодействия властных структур разного уровня и сельского населения (рис. 39). На федеральном уровне основная задача этого взаимодействия заключается в создании и продвижении нормативно-законодательной базы сельского хозяйства и в формировании его бюджета. На региональном уровне механизм взаимодействия должен привести к обеспечению реализации нормативно-законодательной базы сельского хозяйства и распределению его бюджета.

Реализацию основных функций организации взаимодействия власти и сельчан берет на себя третий уровень, на котором сельские районные органы власти, органы самоуправления и социальные и благотворительные фонды обеспечивают экономическую, социальную и политическую безопасность сельского населения, эффективное взаимодействие с ним через специальные формы, такие как электронное правительство, участие в управлении сельскими территориями, что приведет к эффективности функционирования агропромышленного комплекса, к повышению уровня и качества жизни сельчан.

ЦЕЛИ	СУБЪЕКТЫ	ИНСТРУМЕНТЫ
Законодательное обеспечение жизнедеятельности на сельских территориях	Государственная дума, Федеральное правительство	Нормативно-законодательная база сельского хозяйства
Обеспечение экономической, политической и социальной стабильности жизнедеятельности сельского населения	Областная дума, Правительство Субъекта Российской Федерации	Долгосрочная целевая программа развития сельского хозяйства, формирование бюджета сельского хозяйства
Организация безопасности сельского населения	Сельские районные органы власти, органы самоуправления, социальные и благотворительные фонды	Комплекс мероприятий по развитию производственной и социальной инфраструктур сельских территорий

Рис. 38. Модель реализации взаимодействия властных структур и сельского населения по уровням власти

Предпринятое авторами социологическое исследование социального самочувствия людей в аграрном секторе юга Тюменской области, в процессе которого были выявлены основные проблемы сельского населения и пути их решения, может стать базисом разработки моделей улучшения социального самочувствия различных социально-демографических и соци-

ально-профессиональных групп сельских жителей, выявления основных тенденций дальнейшего развития их жизнедеятельности на основе организации эффективного взаимодействия действующих в сельских территориях властных структур и сельского населения, что в полной мере может воздействовать на развитие агропромышленного комплекса России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь / Пер. с англ. — Казань, 1997.
2. Аблажей А. М. Миссионерские школы в районах Обского Севера во второй половине XIX–начале XX в. // Материалы областной научной конференции: Исторический опыт народного образования Тюменского края. Тюмень, 1992.
3. Аверинцев С. С. Архетип // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. — М.: Сов. энциклопедия, 1991. — Т. 1.
4. Айпин Е. Ханты, или Звезда Утренней Зари. — М., 1990.
5. Алгадьева Т. М. Традиционное мировоззрение в системе духовной культуры коренных народов Севера: дис. ... канд. социол. наук. Тюмень, 2006. — 198 с.
6. Алиев В. Вырождение России: кто виноват и что делать? — Н. Новгород: Кварц, 2006.
7. Алпатова В. В. Принципы и механизмы реализации государственно-конфессиональной политики в современной России: на примере Уральского региона: автореф. дис. ... канд. полит. наук. — М., 2008. — 22 с.
8. Амбарцумов А. А. Конкурентоспособность товаров на потребительских рынках. — М., 1999.
9. Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза: 1922–1991. — М.: Наука, 1993.
10. Андреев О. П., Арабский А. К., Крамар В. С., Силин А. Н. Система менеджмента вахтового метода работы предприятия в условиях Крайнего Севера. — М.: Недра, 2009. — 175 с.
11. Антонов А. И. Микросоциология семьи: методология исследования структур и процессов. — М.: Мысль, 1987.
12. Антонов А. И. Эволюция норм детности и типов демографического поведения / Детность семьи. — М.: Грааль, 1986.
13. Антонов А. И., Борисов В. А. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики. — М.: Ключ-С, 2006.
14. Антонов А. И., Борисов В. А. Кризис семьи и пути его преодоления: научный доклад. — М., 1990.
15. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. — М.: Изд-во МГУ, 1996.
16. Арсаланов Р. К. Экономическая оценка традиционных промыслов коренных малочисленных народов севера Ханты-Мансийского автономного округа Югры // Проблемы современной экономики. — 2010. — № 4. — С. 288–291.
17. Артюхов А. В. Семейная структура у коренных малочисленных народов Ямала / Под ред. А. Н. Силина. — Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 1997. — 162 с.
18. Асланова О. А. Социальное самочувствие: измерительный инструментальный, показатели и социальные критерии // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 2. — С. 59–63.
19. Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта. — М., 1991. Т. 3.
20. Бабичев И. В. Субъекты местного самоуправления и их взаимодействие. — М.: Изд. дом «Восточный рубеж», 2000.
21. Баженова Е. С. 1300000000 население Китая: стратегия развития и демографической политики. — М., 2010.
22. Байгонакова Г. А. Интерактивная доска SMART BOARD как средство формирования информационной компетентности преподавателя вуза / Г. А. Байгонакова // Фундаментальные науки и образование. I международная научно-практическая конференция (Бийск, 29 января–1 февраля 2012) / Алтайская гос. Акад. образования им. В. М. Шукшина. — Бийск: Изд-во ФГБОУ ВПО «АГАО», 2012. — С. 354–358.
23. Байгонакова Г. А. Развитие профессионально-педагогической компетенции преподавателя вуза в условиях новых информационных технологий / Г. А. Байгонакова // Уровневая подготовка специалистов: государственные и международные стандарты инженерного образования: сборник трудов научно-методической конференции / Томский политехнический университет. — Томск: Изд-во ТПУ (10–11 марта), 2011. — С. 215–217.
24. Байгонакова Г. А. Формирование информационной компетентности студента посредством работы на интерактивной доске SMART Board / Г. А. Байгонакова // Вестник молодых ученых Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. — С. 9–13.
25. Бакштановский В. И. Городские профессионалы: Ценности и Бердяев Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. — М., 1990.
26. Бакштановский В. И. Городские профессионалы: Ценности и правила игры среднего класса. — Тюмень, 1999.
27. Бао Шифэн. Сравнение реформ в России и Китае // Китайские политологи о характере и результатах перестройки в России в «эпоху Ельцина». Экспресс-информация Института Дальнего Востока РАН. — 2000. — № 4. — С. 15–19.

28. Барзилов С. И., Наумов С. Ю. Российская провинция как политический феномен. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004.
29. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М., 1990.
30. Басилов В. Н. Аждарха // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. — М.: Сов. энциклопедия, 1991. — Т. 1.
31. Басилов В. Н. Албасты // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. — М.: Сов. энциклопедия, 1991. — Т. 1.
32. Басилов В. Н. Тюркоязычных народов мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. — М.: Сов. энциклопедия, 1992. — Т. 2.
33. Белова В. А., Бондарская Г. А., Дарский Л. Е. Современные проблемы и перспективы рождаемости / Методология демографического прогноза / Отв. ред. А. Г. Волков. — М.: Наука, 1988.
34. Белоножко М. Л., Барбаков О. М. Социальное самочувствие сельского населения северного региона России // Фундаментальные исследования. — 2013. — № 10. Часть 11. — С. 2534–2538.
35. Бердяев Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. — М., 1990.
36. Бидерманн Г. Энциклопедия символов: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. Свенцицкой И. С. — М.: Республика, 1996. — 335 с.
37. Болен Д. Ш. Боги в каждом мужчине. Архетипы, управляющие жизнью мужчин / Перев. с англ. — М.: ООО Издательский дом «София», 2005. — 304 с.
38. Большая советская энциклопедия. — М. 2000.
39. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. — М.: «Мысль» 1983. — 206 с.
40. Бондарь Н. С. Муниципальное право Российской Федерации: учебник для вузов — М.: Издательство Юрайт, 2013. — 721 с.
41. Борисов В. А. Перспективы рождаемости. — М., 1976.
42. Борисов В. А. Демография. — М., 2003.
43. Борисов В. А. Воспроизводство населения как предмет демографической науки / Воспроизводство населения и демографические процессы в СССР. — М.: Наука, 1987.
44. Борисов В. А. Рождаемость: социологические и демографические аспекты. — М.: Наука, 1988.
45. Борисов В. А., Синельников А. Б. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. — М.: НИИ семьи Минсоцзащиты России, 1996.
46. Боровская М. А. Ректоры ждут мониторинга эффективных вузов // STRE. 2013. — 21 января.
47. Буртный К. П. Место и роль казачества в военной политике России: традиции и современность (на историческом опыте казачества Урала): автореф. дис. ... канд. полит. наук. — М., 1998. — 20 с.
48. Бусыгин А. В. Предпринимательство: учебное пособие. — М., 2000.
49. Валлерстайн И. Общество и его типы / Анализ мировых систем и ситуаций в современном мире. — СПб: Университетская книга, 2001.
50. Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). — СПб., 1999. — 480 с.
51. Вейнберг Б. П. О положении центра поверхности России от начала княжества Московского до настоящего времени с 1916 по 1913 гг. // Известия Рус. геогр. общества. 1915. Т. 15. Вып. 6.
52. Великие поэты. Т. 16: Блок. Стихи о Прекрасной даме. Издательство: Комсомольская правда, 2012.
53. Вендина О. Москва этническая: грозит ли городу геттоизация? // Демоскоп weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». — 2004. — 19 ноября.
54. Вернадский Г. В. История России. Киевская Русь. — М., 1996.
55. Вершинин Г. В. Об особенностях художественного образования и проблемах его развития в мире, России и Тюменском регионе // Тюменское отделение Союза дизайнеров России. Режим доступа: <http://art-design.tyumen.ru/publication/publikation.php?m=20> (дата обращения: 30.03.2013).
56. Византизм и славянство. Великий спор. — М.: Изд-во Эксмо-Пресс, 2001.
57. Витковская Г. С. Вынужденные мигранты из новых независимых государств на российском рынке труда [Текст] / Г. С. Витковская // Миграция и рынки труда в постсоветской России. — М.: Моск. Центр Карнеги, 1998. — Вып. 25. — С. 30–69.
58. Виханский О. С., Наумов // О. С. Виханский, А. И. Наумов. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Экономика, 2006. — 670 с.
59. Вишневский А. Г. Миграция и демографическая безопасность России [Текст] / А. Г. Вишневский // Миграция и безопасность России. — М.: Интердикт+, 2000. — С. 32–46.
60. Вишневский А. Г. Новая роль миграции в демографическом развитии России // Общество и культура. Аналитика. / А. Г. Вишневский [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1752#top.
61. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Студент 90-х — социокультурная динамика // Социологические исследования. — 2000. — № 12.
62. Вишневский А. Г. Русский или прусский? — М.: АСТ, 2005.

62. Волох В. А. Концепция государственной миграционной политики РФ: реалии и перспективы / В. А. Волох [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/210720>. Воронцова Л., Филатов С. Татарстанское евразийство: евроислам плюс европравославие // Дружба народов.— 1998.— № 8.
63. Воронцов В. «Основы религиозных культур и светской этики»: опыт школ Удмуртии // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В. А. Тишкова и В. В. Степанова.— М.: ИЭА РАН, 2011.— С. 237–241.
64. Высшие и средние специальные учебные заведения Тюменской области (1991/92–1995/96) учебный год).— Тюмень: Обл.гос. ком.стат., 1995.— 111 с.
65. Вьюгин М. Уральская религиозная рекреация. УРПЦ свои взгляды на туристический образ России [Электронный ресурс] // НГ-Религии.— 2010.— 25 июня. URL: http://www.ng.ru/regions/2010-06-25/1_ural.html (дата обращения: 12.09.2014).
66. Гаврилюк В. В. Трикоз Н. А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) // Социологические исследования.— 2002.— № 1.
67. Генон Р. Царь мира // Генон Р. Кризис современного мира / Рене Генон.— М.: Эксмо, 2008.— С. 715–782.
68. Геодемографическая инфраструктура села: локальное измерение. Пестречинский муниципальный район Республики Татарстан (социологический анализ): монография // Под ред. Ф. А. Ильдархановой.— Казань: «Отечество».— 2012.— 424 с.
69. Гидденс Э. Социология и модерн / Контексты современности — 1.— Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2000.
70. Главацкая Е. М. (2008) Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования // Уральский исторический вестник.— № 4. С. 76–82.
71. Гладышев А. Г., Иванов В. Н., Иванов А. В. Социальное управление: теория и методология.— М.: Муниципальный мир, 2004.
72. Голенкова З. Т., Горшков М. К. Материалы социологического форума.— Тюмень, 2013.
73. Голенкова З. Т., Игитхайяна Е. Д. Поли- и монозаятые в российском обществе: социально-структурный анализ // Экономическая социология.— 2004.— № 5.
74. Головаха Е. В., Панина Н. В., Горбачик А. П. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС. Теория и методы самочувствия // Социология: 4М.— 1998.— № 10.— С. 58–66.
75. Голубков Е. П. Маркетинговые исследования: теория, методология и практика. Издание 2-е.— М.: Финпресс, 2000.— 464 с.
76. Гольдберг Т. С., Жирова Л. А. Становление гражданского общества в Тюменском регионе / Тюменская область: общество и наука.— Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2005.— С. 511–533.
77. Горбунов А. С. Проблемы и пути совершенствования социально-экономического развития коренных народов севера в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре // Бизнес в законе.— 2010.— № 3.— С. 349–351.
78. Горобец Г. Г., Кузнецов П. В., Фоминых А. К. Бартер и неплатежи как отражение новой формы организации промышленности в России в 90-е годы [Электронный ресурс] // Сетевые формы межфирменной кооперации: стратегические вызовы и конкурентные преимущества новых организаций XXI века: материалы конференции. ЭСМ. Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология. Менеджмент». 2004. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16210494.html> (дата обращения: 12.09.2014).
79. Государственная политика вывода России из демографического кризиса / Под общ. ред. С. С. Сулакшина.— М., 2007.
80. Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)». Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313/ КонсультантПлюс. Официальный ресурс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/?frame=1 (дата обращения: 15.02. 2015 г.)
81. Граждане оценивают местное самоуправление-2005. Аналитический отчет по результатам исследования/ Исследовательская группа ЦИР-КОН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/fc5/041004.pdf> (дата обращения 10.10.2013)
82. Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии.— М., 1993.
83. Гундаров И. А. Демографическая катастрофа в России: Причины и пути преодоления. Почему вымирают русские.— М.: АСТ, 2004.
84. Гэлбрейт Дж. К., Меньшиков С. Капитализм, социализм, существование.— М.: Прогресс, 1988.
85. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4.— М., 1998.
86. Данилевский И. В. Структуры коллективного бессознательного: Квантовоподобная социальная реальность.— М.: «Эдиториал УРСС», 2005.— 374 с.

87. Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии. — М.: Праксис, 2003.
88. Дахин А. В. Архетипические корни провинциальной культуры // Провинциальная ментальность в России в прошлом и будущем. — Самара: Изд-во Самарского ун-та, 1994.
89. Деев М. Е. Анализ результатов ЕГЭ по математике в Республике Алтай в 2013 году / М. Е. Деев // Информация и образование: границы коммуникаций (INFO'14): сб. науч. тр.: под ред. А. А. Темербековой. — Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. — № 6. — С. 303–306.
90. Деев М. Е. Математические олимпиады школьников как средство повышения интереса к предмету / М. Е. Деев // Информация и образование: границы коммуникаций (INFO'11): сб. науч. тр.: под ред. А. А. Темербековой. — Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2011. — № 3 (11). — С. 230–233.
91. Демографическое развитие Ханты-Мансийского автономного округа: ситуация, прогноз, политика / Под ред. Л. Л. Рыбаковского и А. В. Филипенко. М. — Ханты-Мансийск, 2002.
92. Деев М. Е. Методы решения олимпиадных задач на доказательство / М. Е. Деев // Информация и образование: границы коммуникаций (INFO'13): сб. науч. тр.: под ред. А. А. Темербековой. — Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2013. — № 5. — С. 343–345.
93. Деев М. Е. Нестандартные задачи как средство формирования творческих способностей обучающихся / М. Е. Деев // Творческая личность: технологии и методики ее развития: сб. статей в двух томах. — Оренбург, 2013. — Т. 1.
94. Демография и статистика населения. — М.: Финансы и статистика, 2006. — 688 с.
95. Денисов Ю. П. Почему россияне не приемлют золотой середины, или об умеренности в политике // Политические исследования. — 1996. — № 1.
96. Динамика ценностей населения реформируемой России: / Отв. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. — М.: Эдиториал УРСС, 1996. — 224 с.
97. Дмитриев А. В. Миграция: конфликтное измерение. — М.: Альфа-М, 2006. — 432 с.
98. Добренев В. И., Кравченко А. И. Методы социологического исследования. — М.: ИНФРА-М, 2004. — 768 с.
99. Дорошин Б. А. Космогонические мотивы русской народной сказки «Царевна-Лягушка» // Семиотика художественной культуры: Образ России в межкультурной коммуникации. Материалы международной научно-практической конференции 22 мая 2009 г. — Кемерово — Санкт-Петербург: ОАО «Кемеровский полиграфический комбинат, 2009. — С. 406–413.
100. Дорошин Б. А. Основные архетипы социальной элиты в мифологических представлениях народов Поволжья // Вестник Поволжской академии государственной службы. — 2010. — № 2 (23). — С. 209–217.
101. Дулина Н. В., Токарев В. В. Социальное самочувствие населения как один из критериев оценки деятельности региональной власти // Социокультурные основания стратегии развития регионов России: материалы всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». — Смоленск: Универсум, 2009. — С. 89–95.
102. Дусь Ю. П. Миграция специалистов и научных кадров в мировом хозяйстве. — Новосибирск: Наука, 2006. — 268 с.
103. Европейская Хартия о местном самоуправлении ETS № 122 (Страсбург, 15 октября 1985 г.) #base.garant.ru > Европейская хартия.
104. Ежегодный отчет Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа — Югры о результатах деятельности Правительства Ханты-Мансийского автономного округа за 2011 г. от 31 марта 2012 г. URL: <http://lb.znate.ru/docs/index—176119.html>.
105. Еремкина Т. А. «Китайский регион» в социокультурном измерении: проблемы семьи и общества. — Чита, 2009.
106. Ершов А. Н. Социальные ресурсы местного самоуправления. Казань: ГУП «Идель-Пресс», 2001. — 320 с.
107. Жарникова С. В. Золотая нить. — Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2003. — 221 с.
108. Жданов Ю. А. Солнечное сплетение Евразии. — Ростов-на-Дону, 1998.
109. Журнал «Муниципальная Россия». — Издатель: АНО «Центр прикладных исследований местного самоуправления» / Под ред. В. Н. Панкращенко. — «Типография Момент», 2014. — № 1–8.
110. Заельская С. А. Культурная жизнь Южного Урала в условиях реформирования общественных отношений: дис. ... канд. ист. наук. — Оренбург, 2003. — 214 с.
111. Зайончковская Ж. А. Прогноз миграции населения // Социологический журнал. — 1995. — № 3. — С. 22–27.
112. Зайончковская Ж., Мкртчян Н. Москва и миграция // Демоскоп weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». — 2004. — 19 ноября. 2009. — 14–19 сентября.
113. Замятина Н. Ю. Стратегия создания образов Российской Федерации и региональная идеология («Почвеннический» контекст) // Общественные науки и современность. — 2006. — № 6. — С. 94–108.

- Зайончковская Ж.А. Миграционные связи России после распада СССР [Текст] / Ж. А. Зайончковская // Программа по исследованию миграций.— М., 1994.— Вып. 5.
114. Захаров С.В. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки.— 2005.— № 3.
115. Захарова О.Д. Эволюция рождаемости в России в XX веке.— М.: ИСПИ РАН, 1993.
116. Зверева Н.В., Медков В.М. Народонаселение: прошлое, настоящее, будущее.— М.: Наука, 1987.
117. Зеленина Т.Р. Социальное управление детской рождаемостью в постсоветской России: Автореф. ... дисс. к.с. н. М., 2001.
118. Зиновьев А. Запад.— М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2007.
119. Зоркая Н. Православие в безрелигиозном обществе // Вестник общественного мнения. Апрель–июнь 2009.— № 2.
120. Иванов В.В. Русалки // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев.— М.: Сов. энциклопедия, 1992.— Т. 2.
121. Иванов В.В., Топоров В.Н. Велес // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев.— М.: Сов. энциклопедия, 1991.— Т. 1.
122. Иванов В.В., Топоров В.Н. Вилы // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев.— М.: Сов. энциклопедия, 1991.— Т. 1.
123. Иванов В.В., Топоров В.Н. Волкодлак // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев.— М.: Сов. энциклопедия, 1991.— Т. 1.
124. Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов.— М.: Наука, 1974.— 342 с.
125. Иванов В.Н., Патрушев В.И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления.— М.: Экономика, 2001.
126. Из истории культурного строительства в Тюменской области. Сб. документов Илимбетова А.Ф. Отражение культа медведя в мифологии и народных традициях башкир // Актуальные проблемы истории, языка и культуры Башкортостана: Сборник научных трудов молодых ученых ИИЯЛ УНЦ РАН.— Уфа, 2008.— III выпуск.— С. 107–119.
127. Илимбетова А.Ф. Отражение культа медведя в мифологии и народных традициях башкир // Актуальные проблемы истории, языка и культуры Башкортостана: Сборник научных трудов молодых ученых ИИЯЛ УНЦ РАН.— Уфа, 2008.— III выпуск.— С. 107–119.
128. Индекс социальных настроений / Официальный сайт Левада-Центра. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/obnovlennaya-metodika-izmereniya-indeksa-sotsialnykh-nastroenii-isn> (дата обращения: 28.02.2015 г.)
129. Индексы социального самочувствия/ Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/178/> (дата обращения: 28.02.2015 г.)
130. Инновационные тенденции развития сельского социума: Дрожжановский муниципальный район Республики Татарстан (социологический ракурс) Монография // Под ред. Ф.А. Ильдархановой.— Казань: «Отечество»,— 2014.— 528 с.
131. Инюшкин Н.М. Провинциальная культура: природа, типология и феномены.— Саранск, 2005.
132. Ионцев В.А. Глобализация мирового хозяйства и национальные интересы России.— М.: МГУ, ТЕИС, 2002.— 636 с.
133. Ионцев В., Ивахнюк И. Россия в мировых миграционных потоках: особенности и тенденции последнего десятилетия (1992–2001 гг.) // Мир в зеркале международной миграции.— М.: МАКС Пресс, 2002.— С. 38–89.
134. Исламшина Т.Г., Хамзина Г.Р. Изменения российского общества: поколенческая перспектива // Российское общество 2010-х годов: связь времен и поколений: монография / науч. ред. О.А. Максимова.— Казань, 2014.— С. 5–30.
135. История СССР с древнейших времен до наших дней.— В 12 т.— М., 1966.
136. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Стат. сб. в 10-ти частях. Ч.4 Образовательный уровень населения в Тюменской области. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области.— Т., 2012.— 353 с.
137. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: В 11 т. / т. 3 Образование / Федеральная служба государственной статистики — М.: ИИЦ «Статистика России», 2012.— 1291 с.
138. Каган М.С. Москва — Петербург — провинция: «двустильность России — ее историческая судьба и уникальный шанс // Российская провинция. 1993. № 1.
139. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001.
140. Казакова Г.М. Формирование «уральской ветви» российской культуры: теоретико-методологические подходы к изучению // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные науки. Вып. 17.— 2006.— С. 229–232.

141. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Весенние праздники. — М.: Издательство «Наука», 1977. — 357 с.
142. Кант И. Сочинения. В 6-ти т. — М., 1968. Т. 4. Ч.1.
143. Киреевский И. В. Деятельность XIX века //Европеец. — М., 1989.
144. Кириллова Р. М. Мифопоэтика в поэзии Михаила Петрова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. — Ижевск, 2006. — 181 с.
145. Киричук С. М. От местного управления к местному самоуправлению. — Тюмень: «Вектор Бук», 2005.
146. Киричук С. М. Управление муниципальным образованием: Учебное пособие. — СПб.: Изд-во СЗАГС, 2008. — 480 с.
147. Киричук С. М., Силин А. Н. Особенности туризма в северных регионах // Вестник Совета Федерации, 2013. — № 6–7(115–116). — С. 83–87.
148. Киричук С. М., Силин А. Н. Российский Север: экономическая роль и социальная ситуация // Вестник Челябинского гос-го университета. Философия. Социология. Культурология. Вып. 34, 2014. — № 24(353). — С. 10–12.
149. Киселева Г. П. Демографическая политика в СССР // Демографическая политика в современном мире. — М.: Наука, 1989.
150. Климов И. ЖКХ: физика черных дыр. Как аппетиты жилищно-коммунальной сферы разрушают ощущение стабильности и подрывают рейтинги/ Фонд Общественное мнение. 05 июля 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fom.ru/blogs/10055> (дата обращения 10.10.2013)
151. Клулт М. А. Экономическое измерение демографической динамики. / М. А. Клулт. — Л.: Изд. ЛГУ, 1990. — С. 35–39.
152. Коган Л. Н. Духовный потенциал провинции вчера и сегодня //Социологические исследования. — 1997. — № 4
153. Козин В. В. Ландшафтное районирование Ханты-Мансийского автономного округа. — Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2001. — 40 с.
154. Комментарий к Конституции РФ / Под ред. В. Д. Зорькина. — М.: Норма, 2011.
155. Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / Под ред. И. В. Бабичева, Е. С. Шугриной. — М.: Норма, 2011.
156. Конев Ю. М. Регионы как объект федерального управления. — Тюмень: «Вектор Бук», 2003.
157. Конев Ю. М., Белоножко М. Л., Барбаков О. М. Аграрная реформа: эволюция или революция? // Аналитический вестник. — 2011. — № 3.
158. Конев Ю. М., Белоножко М. Л., Барбаков О. М. Социально-экономическое развитие села: реалии и прогнозы / Ю. М. Конев, М. Л. Белоножко, О. М. Барбаков. — Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. — 217 с.
159. Конституция Российской Федерации. [эл. ресурс] — Режим доступа: pravo.gov.ru > Конституция РФ.
160. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ 13 июня 2012 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/70188244/>.
161. Концепция математического образования Российской Федерации [эл. ресурс] Режим доступа: <http://pravo.gov.ru:8080/page.aspx?81743> (дата обращения: 27.09.14).
162. Коренное население Северной Америки в современном мире. — М., 1990.
163. Кортунув С. В. Национальная идентичность: постижение смысла / С. В. Кортунув. — М.: Аспект Пресс, 2009.
164. Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам — М.: Ладога-100, 2003. — 352 с.
165. Кремер Н. Ш. Теория вероятностей и математическая статистика: Учебник для вузов. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. — 543 с.
166. Кронгауз Ф. Ф. К истории советской школы на Крайнем Севере. — М.: 1949.
167. Куликов А. А. Космическая мифология древних славян. — СПб.: Издательство «Лексикон», 2001. — 256 с.
168. Курамин В. П. Тюменский «Госплан Союза ССР». — М.: СоюзДизайн, 2011. — 416 с.
169. Лебедева Н. М. Социально-психологические закономерности аккультурации этнических групп [Текст] / Н. М. Лебедева // Этническая психология и общество. — М.: Старый сад, 1997. — С. 271–289.
170. Люхтерхандт Г. Региональные элиты на среднем Урале: исторические корни и региональные тенденции // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе / ред. А. Ю. Мельвиль. — М.: МОНФ, 1999. — 280 с.
171. Майничева А. Ю. Диаспоры и проблема «третьего поколения переселенцев» в Сибири // Этносоциальные процессы в Сибири. — Новосибирск: Сибирское Научное Издательство, 2006. — Вып. 7. — С. 67–71.
172. Максимова О. А. Самоидентификация и коллективная память поколений современного российского общества // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. — 2014. — Т. 156, кн. 6. — С. 246–252.

173. Малакшинова Н.Ш. Сельское поселение: культурные запросы и проблемы их удовлетворения в условиях трансформации российского общества (на материалах Республики Бурятия). Автореферат дисс. . канд. соц. наук. Улан-Удэ, 2011.
174. Малькова В.К. Мобилизация этнических сообществ в современной России.— М. ИЭА РАН, 2011.
175. Малькова В.К. Москва — многокультурный мегаполис.— М., ИЭА РАН. 2004.
176. Малькова В.К. Новое этнопространство современной Москвы // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 235.— М.: ИЭА РАН, 2014.— 107 с.
177. Малькова В.К. Полиэтническая Москва в начале нового тысячелетия. Как видит и показывает ее столичная пресса.— М. ИЭА РАН, 2007.
178. Малькова В.К. Полиэтническая Москва 2011–2012 гг. Тревожные звонки в информационном пространстве / Исследования по прикладной и неотложной этнологии.— 2012.— № 233.
179. Малькова В.К. Этнические аспекты журналистики: Из опыта анализа российской прессы.— М., 2004.
180. Мангейм К. Очерки социологии знания. Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции.— М., 2000.
181. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.— 2-е изд.— Т. 46. Ч. 1.— С. 47–48.
182. Мартынова М.Ю. Миграционные процессы и повседневная культура москвичей / Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности. Под ред. М.Ю. Мартыновой и Н.М. Лебедевой.— М., РУДН, 2007.
183. Мархинин В.В. Местное самоуправление в межэтнических сообществах.— Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000.
184. Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтнические браки: состояние, динамика, проблемные ситуации.— Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998.
185. Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтническое сообщество. Состояние, динамика, взаимодействие культур.— Новосибирск: Наука, 1996.
186. Мархинин В.В., Удалова И.В. Российско-евразийский характер межэтнических отношений в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2010. Т. 8, вып. 4. С.106–111.
187. Мархинин В.В., Удалова И.В. Традиционное хозяйство народов Севера и нефтегазовый комплекс (социологическое исследование в Ханты-Мансийском автономном округе).— Новосибирск: Наука, 2002.— 256 с.
188. Мархинин В.В., Удалова И.В. Этнос в ситуации выбора будущего (по материалам социологического исследования образа жизни хантов, ненцев, манси Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа).— Новосибирск: Наука, 1993.— 205 с.
189. Мархинин В.В., Удалова И.В. Югра как регион Евразии: социологические исследования межконфессиональных отношений // Народы Евразии: культура и общество: Четвертый Международный Евразийский научный форум: Тезисы докладов и сообщений.— Астана: 2005.
190. Масионис Дж. Социология. 9-е изд.— М., 2004.
191. Массей Д. Синтетическая теория международной миграции // Мир в зеркале международной миграции.— М.: МАКС Пресс, 2002.— С. 161–175.
192. Медведский Р.И., Силин А.Н. Охрана окружающей среды при освоении газовых месторождений Севера Тюменской области.— М.: ВНИИЭ Газпром, 1978.— 132 с.
193. Менова Н.Ф., Ивашкина Т.Б. Образование населения в Тюменской области в кн. Профессиональный потенциал молодых преподавателей провинциальных вузов. Коллективная монография. / Под. ред. Гаврилюк В.В. Вестник ТОГИРРО, NS2(26), 2012.— Тюмень: ТОГИРРО, 2012.— 182 с.
194. Метелев С.Е. Международная трудовая миграция и развитие российской экономики.— М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2006.— 271 с.
195. Мелетинский Е.М. Герой // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев.— М.: Сов. энциклопедия, 1991.— Т. 1.— С. 294–297.
196. Миграция и безопасность в России.— М.: Интердиалект+, 2000.— 341 с.
197. Миграция и национальная безопасность.— М.: МАКС Пресс, 2003.— 148 с.
198. Мид М. Культура и мир детства.— М.: Наука, 1988.
199. Миссия «одинокое венгра» (Воспоминания друзей и коллег о Еве Шмидт).— М.: ИКАР, 2004.— 184 с.
200. Мир России — Евразия.— М., 1995.
201. Модернизационный путь развития сельской территории: Высокогорский муниципальный район Республики Татарстан. Монография // Под ред. Ф.А. Ильдархановой.— Казань: «Отчество»,— 2014.— 608 с.
202. Москвичев Ю.А. Повышение эффективности деятельности вуза — комплексный подход // Образование в информационную эпоху.— Ярославль, 2001.
203. Мохначев С.А. Современные тенденции развития управлению конкурентоспособностью вуза // Маркетинг в России и за рубежом.— 2008.— № 1.

204. Мукомель В. И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // «Мир России». — 2011. — № 1. — С. 34–50.
205. Мусина Р. Н. Этноконфессиональные процессы в городах РТ: тенденции развития в постсоветский период // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. 5. — Казань, 2011. — С. 326–346.
206. Мы и планета. Цифры и факты. — М.: Политиздат, 1982.
207. Намруева Л. В. О роли библиотек в сохранении культурного наследия (на примере Республики Калмыкия) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. — 2014. — № 1. — С. 88–94.
208. Намруева Л. В. Этнокультурные потребности населения как основа этнокультурной политики региона // Этнокультурная политика в мультиэтническом регионе Российской Федерации (на примере Республики Калмыкия) / Е. А. Гунаев, М. Б. Марзаева, Л. В. Намруева — Элиста: КИГИ РАН, 2014. — 191 с.
209. Нарбут Н. П., Троцук И. В. Ценностные ориентации студенческой молодежи в трансформирующемся обществе // Вестник РУДН. Серия «Социология». — 2008. — № 4.
210. Нарбут Н. П., Троцук И. В. Ценностные ориентации студенческой молодежи России и КНР: региональный срез (на примере Гуанчжоу и Майкопа, Республика Адыгея) // Вестник РУДН. Серия «Социология». — 2009. — № 4.
211. Население и инфраструктура Кукморского муниципального района Республики Татарстан: конструирование локального социума: монография // Под ред. Ф. А. Ильдархановой. — Казань: «Отечество». — 2013. — 466 с.
212. Население России 2003–2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад. — М.: Наука, 2006. — 356 с.
213. Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад. — М., Изд. дом ГУ ВШЭ, 2011.
214. Национальный доклад о состоянии и развитии системы образования Республики Казахстан — Астана: НЦОСО, 2014. — 292 с.
215. Неклюдов С. Ю. Тенгри // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. — М.: Сов. энциклопедия, 1992. — Т. 2.
216. Неформальная занятость в России / И. С. Маслова, Т. А. Бараненкова, Е. С. Кубишин; [Рос. акад. наук, Ин-т экономики]. — М.: Наука, 2007.
217. Николаева Н. А., Сафронов В. А. Истоки славянской и евразийской мифологии. — М.: Белый волк, 1999. — 312 с.
218. Об итогах всероссийской переписи населения 2010 года // Российская газета. — 2011. — 22 декабря.
219. Образовательный уровень населения Тюменской области (по данным микропереписи 1994 года). — Тюмень: Обл.ком.стат., 1995. — 80 с.
220. Общественное мнение — 2009. — М.: Левада-Центр, 2009.
221. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: Азбуковник, 1997.
222. Осинский И. И., Чепак О. А. Современная сельская интеллигенция: облик, ценности (на материалах республики Бурятия) // Интеллигенция и идеалы российского общества. Сб. статей / М.: РГГУ Социологический факультет. — 730 с.
223. Основы Европейской Хартии местного самоуправления. — М. 2000.
224. От идей к профессиональному парламентаризму. Научные редакторы: В. В. Бакушев, С. М. Киричук. — М.: Изд-во «Граница», 2012. — 150 с.
225. Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / Под ред. Л. П. Репиной. — М.: Кругъ, 2010.
226. Орлова И. Б. Демографическое благополучие России. — М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2001.
227. Основы социального управления: Учебное пособие для вузов / Под ред. проф. В. Н. Иванова. — М.: Высшая школа, 2001. — С. 92–104.
228. Павленко В. А. Рынок труда, занятость и безработица. — М.: МГУ, 2004.
229. Павленко В. Н. Аккультурационные стратегии и модели трансформации идентичности у мигрантов // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследования и практической работы. — М.: Смысл, 2001. — 288 с.
230. Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. — М., 1998.
231. Панкова Н. В. Особенности формирования государственной политики в сфере образования / Проблемы науки и образования // Проблемы современной экономики. — 2007. — № 4(24).
232. Пациорковский В. В. Модернизация домохозяйств — важнейшая задача инновационного, технологического и демографического развития России. Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник, вып. 7, часть 1. — 2012.
233. Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Город в пространстве культуры и в процессе урбанизации: методологические аспекты // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. — М., 1999.
234. Петров В. Н. Иноэтнические мигранты и принимающее общество. Особенности проблемного взаимодействия // Социологические исследования. — 2005. — № 9. — С. 74–82.
235. Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. — М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. — 463 с.

236. Пивоварова Э. Уроки хозяйственной реформы в КНР // Российский экономический журнал.— 1997.— № 5–6.
237. Пири Р. Северный полюс.— М.: Мысль, 1981.— 599 с.
238. Пирогов С. В. Социология города.— М., 2004.
239. Плюснин Ю. М. Малые города России.— М.: Общ. фонд, 2000.
240. Поколение в социокультурном контексте XX века / Отв. ред. Н. А. Хренов.— М.: Наука, 2005.
241. Попков Ю. В., Костюк В. Г. Социокультурно-ориентированная национальная политика: сущность, реалии и возможности в современной России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: философия. Т. 10. Вып. 2.— 2012.— С. 102–109.
242. Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Национальная политика и социокультурный подход // Знание. Понимание. Умение.— 2012.— № 3.— С. 99–105.
243. Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Целевые ориентиры региональных моделей государственной национальной политики [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2013 № 2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_18/6269-popkov-tyugashev.html
244. Понпер К. Открытое общество и его враги.— М., 1992. Т. 2.
245. Послания старца Филофея / Музей истории российских... museumreforms.ru/content/poslaniya-starca-filofeya
246. Почагина О. В. Семья в Китае: новые формы — иные ценности // Отечественные записки.— 2008.— № 3.
247. Пребишч П. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? — М., 1992.
248. Предварительные итоги Всероссийской переписи 2010 года. Ст. сборник.— М.: ИИЦ Статистика, 2011. Режим доступа / <http://www.gks.ru>
249. Пригожин А. И. Современная социология организаций / А. И. Пригожин.— М.: Фирма «Интерпракс», 1995.
250. Проект новой программы социал-демократической рабочей партии Швеции. Реферативный сборник.— М., ИНИОН, 1990.
251. Пурьгине-паз // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев.— М.: Сов. энциклопедия, 1992.— Т. 2.
252. Путин В. Россия: Национальный вопрос // Независимая газета.— 2012.— 23 января.
253. Распоряжение Правительства РФ (в ред. от 29.05.2014 № 913-р), consultant.ru
254. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2012: Стат. Сб. / Росстат.— М., 2012.— 990 с.
255. Республика Калмыкия. Статистический ежегодник. 2012. Стат. сб. / Калмыкиятат.— Элиста, 2012.— 299 с.
256. Римащевская Н. М. Русский крест / Н. М. Римащевская // Природа.— 1999.— № 6.— С. 18–22.
257. Ритцер Дж. Современные социологические теории.— СПб: Питер, 2002.
258. Романов В. Н. Анализ финансового состояния организации.— М., 2001.
259. Ромодановский К. Труд иностранцев — под четкий контроль. Выступление на «круглом столе» в Государственной Думе РФ 18 января 2008 года. / К. Ромодановский [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://fms.gov.ru/press/publications/news_detail.php?ID=6282.
260. Ромодановский К. О. «Въезжаем в Новый год» // «Российская газета» от 28.12.14. / К. Ромодановский [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.rg.ru/interviews/2992.html>. дата обращения 21.01.2015.
261. Россия в ИТ-рейтингах // TAdviser. Государство. Бизнес. ИТ. Официальный портал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 15.02.2015 г.)
262. Россия в цифрах. Краткий стат. сборник.— М.: Росстат, 2014.
263. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн.— М., 1993.
264. Росстат. Демографический прогноз до 2030 г. [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/index.html#.
265. Роулз Дж. Теория справедливости.— Новосибирск, 1995.
266. Руссо Ж. Ж. О причинах неравенства // Антология мировой философии: В 4 т.— М., 1970. Т. 2.— С. 560–567.
267. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси.— М.: Наука, 1987.— 783 с.
268. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян.— М.: Наука, 1994.— 608 с.
269. Рыбаковский Л. Л. Демографическое будущее России и миграционные процессы // Социологические исследования.— 2005.— № 3.— С. 72–73.
270. Рыбаковский Л. Л. Демографические вызовы: что ожидает Россию? — М.: Экон-информ, 2012.
271. Рыжова С. В. Особенности этноконфессиональной идентичности русских Татарстана // Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробизева.— М., 2013.
272. Рязанцев С. Новая концепция регулирования миграции в России / С. Рязанцев [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document234490.phtml>.

273. Рязанцев И.П., Халиков М.С. Экономическая социология (региональный аспект): Учебное пособие. — М.: МАКС Пресс, 2003.
274. Садыкова Х.Н. Базовые ценности молодежи: межпоколенческий подход // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2010. — № 1.
275. Садыкова Х.Н. Междисциплинарный подход к классификации поколений // Вестник Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева. — 2010. — № 4. — С. 201–203.
276. Садыкова Х.Н. Поколенческие изменения ценностных ориентаций: методика и результаты исследования // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2013. — № 1.
277. Салмин А.М. Религия, плюрализм и генезис политической культуры Запада // Ретроспективная и сравнительная политология. — М., 1991. Вып. 1.
278. Самохвалов В.П. Психоаналитический словарь и работа с символами сновидений и фантазий. — Симферополь: СОНАТ, 1999. — 184 с.
279. Санджиев Н.Д. Формирование этнокультурного пространства Республики Калмыкия. — М.: «Воскресенье», 2007. — 144 с.
280. Самуэлс Э. Юнг и постъюнгианцы. Курс юнгианского психоанализа. Пер. с англ. — М.: ЧеРо, 1997. — 416 с.
281. Саракеева Э.А. Демографическая политика КНР и модель взаимоотношений детей и родителей в посттрадиционном китайском обществе // Гуманитарные исследования. — 2010. — № 3.
282. Святловский Е.Е. О центрографическом методе в экономической географии // Известия гос. геогр. общества. 1930. Т. 62. Вып. 13.
283. Север и Арктика в пространственном развитии России. — М. — Апатиты-Сыктывкар: Изд-во КНЦ РАН, 2010. — 213 с.
284. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. — Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. — 72 с.
285. Семашко А.Н., Мартынова Е.П. Опыт деятельности Тобольского комитета Севера в сфере образования / Материалы областной научной конференции. Тюмень, 1992. — С. 71–92.
286. Семенов В.С. О путях прогрессивного развития российского общества и цивилизации в XXI веке // Вопросы философии. — 2007. — № 4. — С. 94–113.
287. Силин А.Н. Межрегиональное использование человеческих ресурсов на Крайнем Севере // Социологические исследования. — 2011. — № 9. — С. 41–47.
288. Силин А.Н. Нефтегазовый Север: социальная ситуация и технологии ее регулирования. — М.: Инфра-М, 2013. — 251 с.
289. Силин А.Н. Общественное здоровье на Крайнем Севере // Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации. Вып. 12. — М.: Совет Федерации, 2010. — С. 15–18.
290. Силин А.Н. О нетрадиционных формах организации труда на Крайнем Севере. / Социологические исследования. — 1987. — № 4. — С. 76–78.
291. Силин А.Н. Социально-демографическая ситуация в Тюменской области // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2010. — № 3(26). — С. 52–55.
292. Силин А.Н. Некоторые вопросы охраны природной среды в связи с освоением газовых ресурсов Тюменского Севера // Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук, 1975. — № 11. Вып. 3.
293. Силин А.Н. Социальное доверие северян: уровень и тенденции его изменения // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика, 2014. — № 2(41). — С. 67–69.
294. Силин А.Н., Ермаков С.А. Вахта на Севере: управление в нефтяной компании. Монография. — Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013. — 137 с.
295. Силин А.Н., Ермаков С.А. Управление бизнес-процессами нефтегазовой компании в условиях вахтовой организации труда // Нефть, газ и бизнес. — № 12. — 2012. — С. 54–58.
296. Силин А.Н. Кабанов А.О. Социальная защита работающих и пенсионеров в социологической оценке городских северян (на примере городов Новый Уренгой, Надым, Ноябрьск Ямало-Ненецкого округа) // Региональная социология в России. Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Маркина. Институт социологии РАН. — М.: Экслибрис-пресс, 2007. — С. 243–251.
297. Силин А.Н. Некоторые вопросы охраны природной среды в связи с освоением газовых ресурсов Тюменского Севера // Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук, 1975. — № 11. Вып. 3.
298. Силин А.Н. Нефтегазовый Север: социальная ситуация и технологии ее регулирования. — М.: Инфра-М, 2013. — 251 с.
299. Силин А.Н. Общественное здоровье на Крайнем Севере // Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации. Вып. 12. — М.: Совет Федерации, 2010. — С. 15–18.
300. Силин А.Н. Социально-демографическая ситуация в Тюменской области // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2010. — № 3(26). — С. 52–55.
301. Силин А.Н. Социальное доверие северян: уровень и тенденции его изменения // Известия

- высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика, 2014. — № 2(41). — С. 67–69.
302. Силин А. Н. Кабанов А. О. Социальная защита работающих и пенсионеров в социологической оценке городских северян (на примере городов Новый Уренгой, Надым, Ноябрьск Ямало-Ненецкого округа) // Региональная социология в России. Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Маркина. Институт социологии РАН. — М.: Экслибрис-пресс, 2007. — С. 243–251.
303. Симон Г. Мертвый хватает живого. Основы политической культуры России // Общественные науки и современность. — 1996. — № 6.
304. Скачкова Г. К. Статистические данные по народному просвещению края конца XIX–начала XX века (по материалам сборников «Обзор Тюменской губернии» // Материалы научной конференции. Тюмень, 1993. — С. 38–45.
305. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. / А. Смит. — М.: Изд-во Социально-экономическая литература, 1962.
306. Совершенствование стратегического менеджмента в высших учебных заведениях республики Казахстан // Аналитический обзор — Астана, 2013.
307. Соловкина И. В. Ресурсное обеспечение обучающихся в процессе формирования графической культуры / И. В. Соловкина // Информация и образование: границы коммуникаций INFO'14: сб. науч. тр. по материалам международной научно-практической конференции (8–12 июля). — Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. — № 6 (14). — С. 77–80.
308. Соловьев Э. Г. Местное управление. Социологическая энциклопедия. — М.: Мысль, 2003.
309. Соловьева Л. А. Текстовые задачи в школьном курсе математики и методические особенности их решения / Л. А. Соловьева // Актуальные вопросы математического образования: сб. науч. тр. — Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2013. — № 2. — С. 28–31.
310. Соловьева Л. А. Электронный учебник как средство обучения / Л. А. Соловьева // Информация и образование: границы коммуникаций INFO-10: сб. науч. тр. — Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. — № 2 (10).
311. Сорокин П. А. Система социологии, — Москва: Астрель, 2008. — 447 с.
312. Сосновских Е. Г. Культурно-религиозное возрождение мусульманских сообществ в 1985–1997 гг. (на материалах Челябинской области) // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные науки. Вып. 1. Т. 14. — 2014. — С. 47–50.
313. Социал-демократия в конце 80-х гг. Научно-аналитический обзор. ИНИОН. — М., 1990. — С. 11–12.
314. Социальное положение и уровень жизни населения России. — М.: Росстат, 2006. — 505 с.
315. Социальные неравенства и социальная политика в современной России / [Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова]; Ин-т социологии РАН. — М.: Наука, 2008.
316. Социальные проблемы трудовой занятости в Российской Федерации. — М.: ИС РАН, 2009.
317. Социальная стратификация российского общества / отв. ред. З. Т. Голенкова. — М.: Издательство «Летний сад», 2003.
318. Социокультурный подход в регулировании межэтнических взаимодействий / Под ред. Ю. В. Попкова и В. Г. Костюка. — Новосибирск: ООО Издательский дом «Манускрипт», 2013. — 272 с.
319. Социология русского села: монография / А. А. Хагуров, — 3-е издание, перераб. и доп. — Москва, 2012. — 91 с.
320. Справка «Об итогах деятельности Министерства в сфере культуры и архивного дела за 2013 г.» // Материалы коллегии Министерства культуры Республики Калмыкия по вопросу «Об итогах деятельности в сфере культуры и архивного дела за 2013 г. и перспективах развития на 2014 г.».
321. Статистический бюллетень «Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. — М.: Росстат, 1998. — 2002, 2006, 2011, 2012 гг.
322. Статистический ежегодник (1990–2010): Стат. сб. в 4-х частях. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. — Тюмень, 2011.
323. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. — М.: Академический проект, 2001. — 991 с.
324. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (2012) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=139350>.
325. Стокер П. Работа иностранцев: Обзор международной миграции рабочей силы. — М.: Academia, 1996. — 326 с.
326. Сулян В. Б. Миграция и некоторые аспекты экономической безопасности // Миграция и безопасность в России. — М.: Интердиалект+, 2000. — 341 с.
327. Сурина И. А. Ценностные ориентации как предмет социологического исследования. — М., 1996.
328. Сухов А. Н., Трыканова С. А. Миграция в Европе и ее последствия. — М.: Флинта: МПСИ, 2008. — 216 с. Толстова Ю. Н. Математико-статистиче-

- ские модели в социологии (математическая статистика для социологов)/Ю.Н. Толстова; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. — 243 с.
329. Татаркин А.И., Перевалов В., Юрпалов С.Ю. Уральский экономический район как источник развития экономики России // Экономическая наука современной России. — 1999. — № 1 (5). — С. 39–53.
330. Татары и ислам в регионах Российской Федерации: религиозное возрождение и этничность / рук. проекта и отв. ред. Р.Н. Мусина. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Издательство «Артифакт», 2014. — 328 с.
331. Татары и Татарстан. Справочник. — Казань, 1993.
332. Татары Тюменской области: история и современность — Тюмень: Вектор Бук, 2011. — 310 с.
333. Тейлор Ф. Менеджмент. М.: Контроллинг, 1992.
334. Темербекова А.А. Ведущие тенденции, принципы и педагогические условия эффективного формирования информационной компетентности учителя / А.А. Темербекова // Академический учебник Academic handbook: Podręcznik akademicki. Redakcja naukowa. — Польша, 2011. — S. 236–245.
335. Темербекова А.А. Методика обучения математике: учебное пособие // А.А. Темербекова, И.В. Чугунова, Г.А. Байгонакова. — СПб.: Лань, 2015. — 512 с.
336. Темербекова А.А. Обучение в режиме интерактивности: опыт и перспективы / Г.А. Байгонакова, А.А. Темербекова // Вестник ТГПУ. — Томск. 2012. — 8(123). — С. 106–108.
337. Темербекова А.А. Профессиональное образование в России: интерактивный диалог как средство развития творческого потенциала будущего учителя / А.А. Темербекова, Г.А. Байгонакова // Освіта та розвиток обдарованої особистості. — 2013. — № 10 (17). — С. 50–55.
338. Темербекова А.А. Формирование информационной компетентности учителя в региональной системе дополнительного профессионального образования / А.А. Темербекова: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. — М.: Изд-во МГПУ, 2009. — 42 с.
339. Темербекова А.А. Формирование графической культуры обучающихся методом интерактивного диалога // И.В. Чугунова, А.А. Темербекова, Г.А. Байгонакова: Монография. — Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2012. — 195 с.
340. Темербекова А.А. Формирование профессиональных качеств специалистов-математиков в региональной образовательной среде Республики Алтай / Г.А. Байгонакова, А.А. Темербекова // Труды Международной научно-практической конференции «Развитие науки, образования и культуры независимого Казахстана в условиях глобальных вызовов современности», посвященной 70-летию Южно-казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова. — Том 3. — Шымкент: ЮКГУ им. М. Ауэзова. — 2013. — С. 269–271.
341. Тетюшское муниципальное образование в демографическом ракурсе (География. Население. Хозяйство) — Казань: Отечество, 2011. — 112 с.
342. Тишков В.А. Российская полиэтничность в мировом контексте // Вестник российской нации. — 2013. — № 5.
343. Тишков В.А. Федеральная власть и законодательный ресурс этнокультурного развития // Вестник российской нации. — 2011. — № 4–5.
344. Тишков В. Через 10–15 лет город будут населять другие москвичи / Известия (Москва). — 2002. — 18 июня.
345. Тишков В.А. Этническая политика России на современном этапе // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 7–9.
346. Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология. Политические функции этничности. — М.: Изд-во МГУ, 2011.
347. Ткачева Н.А. Миграционная политика и национальные интересы России // Гуманитарные стратегии российских трансформаций: материалы международной научно-практической конференции. — Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2008. — Т. 2. — С. 96–103.
348. Ткачева Н.А. Миграционная политика региона: социальное измерение. — Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2011. — 156 с.
349. Ткачева Н.А., Белоножко М.Л. Миграционная политика и безопасность личности, общества и государства. — Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. — 228 с.
350. Ткаченко Н.Н. Демографическая правовая политика в контексте национальной безопасности России. — Ростов-н/Д., 2009.
351. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. 4 т. Т. 3. — М.: Советская энциклопедия, 1940.
352. Топоров В.Н. Брахма // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. — М.: Сов. энциклопедия, 1991. — Т. 1.
353. Топоров В.Н. Лебедь // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. — М.: Сов. энциклопедия, 1992. — Т. 2.
354. Тоффлер А. Третья волна. — М.: АСТ, 2010.

355. Тоффлер А. Футурошок. — СПб: Лань, 1997.
356. Тощенко Ж. Т., Цветкова Г. А. Изменились ли проблемы местного самоуправления за последние 10 лет? // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 78–87.
357. Тощенко Ж. Т., Цветкова Г. А. Местное самоуправление: проблемы становления (опыт социального анализа) // Социологические исследования. — 1997. — № 6 — С. 109–119.
358. Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве. — М.: Academia, 2009. — 432 с.
359. Третьякова И. В. Конкурентоспособность современного образования // Образование в информационную эпоху: сб. науч. статей. — Ярославль, 2001.
360. Труд и занятость России. — М.: Росстат, 2013.
361. Тургенев И. С. Отцы и дети. — М., 1980.
362. Тюгашев Е. А., Выдрина Г. А., Попков Ю. В. Этноконфессиональные процессы в современной Югре. — Новосибирск: Нонпарель, 2004. — 224 с.
363. Тюменская область в цифрах: крат. стат. сб. в 4-х частях. Ч. 2, 3, 4 / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. — Т., 2001. — С. 17–18, С. 18–19, С. 17–18.
364. Удалова И. В., Мархинин В. В., Выдрина Г. А. Динамика межэтнических отношений в Югре (по материалам социологических исследований 1991–2009 гг. в Ханты-Мансийском автономном округе). — Новосибирск: Сибирское Научное Изд-во, 2010. 176 с.
365. Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=136553> (дата обращения 10.10.2014)
366. Устинова О. В. Научные подходы к трактовке понятия «воспроизводство населения» // Омский научный вестник. — 2014. — № 1(125). — С. 40–43.
367. Устинова О. В. Репродуктивное поведение жителей Уральского федерального округа. / В сб. Здоровый образ жизни российской молодежи. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 5-летию программы утверждения и сохранения Трезвости в России «Трезвость — воля народа!». — Тюмень, 2014. — С. 245–251.
368. Устинова О. В., Артюхов А. В. Влияние ценностных ориентаций граждан на их репродуктивное поведение / О. В. Устинова, А. В. Артюхов // Социология. Экономика. Политика. Известия высших учебных заведений. — 2012. — № 4. — С. 56–59.
369. Устинова О. В., Осипова Л. Б. Семья — основной институт воспроизводства населения (на примере юга Тюменской области) // Вестник Казанского государственного технического университета им. А. Н. Туполева. — 2013. — № 2. — С. 204–206.
370. Устинова О. В., Пивоварова И. В. Преодоление кризиса института семьи в России // Социология. Экономика. Политика. Известия высших учебных заведений. — 2014. — № 1. — С. 78–82.
371. Устинова О. В., Пилипенко Л. М. Брачность в России: тенденции и перспективы. [Электронный ресурс] / О. В. Устинова, Л. М. Пилипенко. // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 6. — С. 1595. Режим доступа: <http://www.science-education.ru>.
372. Ушкалов И. Г. Интеллектуальная эмиграция и безопасность / Миграция и безопасность в России [Текст] / И. Г. Ушкалов. — М.: Интердиалект+, 2000. — С. 143–183.
373. Фарахутдинов Ш. Ф., Родина В. Н., Устинова О. В. Отношение россиян к институту брак. // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 6. — С. 1599. Режим доступа: <http://www.science-education.ru>.
374. Фарукишин М. Политическое представительство этнических групп // Вестник российской нации. — 2011. — № 4–5.
375. Фатхутдинов Р. А. Управление конкурентоспособностью вуза // Высшее образование в России. — 2006. — № 9.
376. Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. — М.: Наука, 1984. — 214 с.
377. Рыбаковский Л. Л. Современная миграционная политика России в контексте ее национальных интересов / Л. Л. Рыбаковский // Бюджетная система Российской Федерации. Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. — 2012. — № 6(449). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2012/VSF_NEW2012_02221002/VSF_NEW201202221002_p_002.htm.
378. Федеральная миграционная служба России. Оф. сайт ФМС России. — <http://www.fms.gov.ru>; официальный сайт ФМС России. / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.fms.gov.ru/press/publications/news_detail.php?ID=9792.
379. Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» (2013). [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf>.

380. Федеральный Закон о национально-культурной автономии принят Государственной Думой 22 мая 1996 г. № 74. — ФЗ. // <http://www.sovetnic.ru/documents>
381. Федорова М. В. Славяне, мордва и анты (к вопросу о языковых связях) // Стерх. Религия. Культура. — 1993. — № 1 (3).
382. Федотова М. Ф., Шойко И. С. Современная миграционная политика Российской Федерации // Право и безопасность. — № 2 (35). — 2010. — / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: // http://dpr.ru/pravo/pravo_31_7.htm. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06 октября 2003 г. № ФЗ-131.
383. Филипенко А. В. Демографическое развитие Ханты-Мансийского автономного округа: проблемы и перспективы. Ханты-Мансийск, 2002.
384. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. — 1990. — № 3.
385. Хайруллина Н. Г. Межэтнические отношения в полиэтничном российском регионе: социологическое измерение. // Вестник Казанского государственного технического университета им. А. Н. Туполева. — 2013. Т. 69. — № 1. — С. 182–184.
386. Хайруллина Н. Г. Межэтнические отношения в Тюменской области: социальное самочувствие граждан // Социосфера. — 2014. — № 3. — С. 113–118.
387. Хайруллина Н. Г. Социодиагностика этнокультурной ситуации в северном регионе. — Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2000. — 466 с.
388. Хайруллина Н. Г. Татары Тюменской области: история и современность [Текст] / Хайруллина Н. Г., Фарахутдинов Ш. Ф., Тычинских З. А., Садыков К. С., Сагидуллин М. А., Ташкалова В. С., Халитова Г. Н., Насибуллин Р. М. — Тюмень: Вектор Бук, 2011. — 310 с.
389. Хайруллина Н. Г. Управление персоналом на предприятиях сервиса и туризма, учебное пособие, электронное издание. — ФГУП НТЦ «Информрегистр», 2013. — № 29876
390. Хайруллина Н. Г., Алгадьева Т. М. Традиционное мировоззрение в этнокультуре ханты и манси // Социологические исследования. — 2007. — № 7. — С. 31–34.
391. Хайруллина Н. Г., Балюк Н. А. Реконструкция традиционного природопользования обских угров. — Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2006. — 222 с.
392. Хайруллина Н. Г., Воробьев Е. М. Межэтнические отношения в Тюменской области: динамика и тенденции. — Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. — 196 с.
393. Хайруллина Н. Г., Воробьев Е. М. Межэтнические отношения в Тюменской области: динамика и тенденции Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. — 196 с.
394. Хайруллина Н. Г., Садыкова Х. Н. Межпоколенческая организация современного общества: региональный анализ // Российское общество 2010-х годов: связь времен и поколений: монография / науч. ред. О. А. Максимова. Казань, 2014. — С. 76–86.
395. Халкечев М. Н. Рождаемость и репродуктивные установки молодежи Карачаево-Черкессии // Социологические исследования. — 2005. — № 8. — С. 64–73.
396. Хамзина Г. Р., Козенко Р. В. Трансценция как фактор темпоральности изменений российского общества // Вестник КГТУ им. А. Н. Туполева. — 2003. — № 3.
397. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер с англ. А. Башкирова. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — 635 с.
398. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
399. Харамзин Т. Г. Традиционное природопользование как элемент культуры малочисленных народов Тюменского Севера: автореф. дис. ... канд. социол. наук. — Тюмень, 2003. — 35 с.
400. Хореев Б. С. Проблема депопуляции в России // Обострение демографического кризиса и современное положение населения России / Под ред. Б. С. Хореева, Л. В. Иванковой. — М., 2000.
401. Хотко С. Х. История Черкесии в средние века и новое время. — 2-е изд., доп. и перераб. — СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2002. — 976 с.
402. Царевна-Лягушка // Сказки: Кн. 1 / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ю. Г. Крыглова. — М.: Сов. Россия, 1988. — (Б-ка русского фольклора; Т. 2). — С. 383–386.
403. Цой Л. Вечный конфликт поколений: проблемы и перспективы его разрешения. [эл. ресурс] — Режим доступа: <http://www.klubok.net/article2060.html> (09 Марта, 2006 г)
404. Цукор А. Золотой век Пима. — Сургут: Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 1997. — 144 с.
405. Чаадаев П. Я. Философические письма. www.yabloko.ru/Themes/History/Chaadaev1.html
406. Чугунова И. В. Организационно-педагогические условия формирования графической культуры старшеклассников: автореф. дис. канд. пед. наук. — Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. — 23 с.
407. Чугунова И. В. Роль графической культуры в профессиональной подготовке студентов / И. В. Чугунова, А. А. Темербекова // Проблемы формирования и развития философской и педагогической культуры специалиста: мат-лы международной конференции (24 октября) /

- Под ред. В.А. Дмитриенко, А.А. Степанова.— Томск: Изд-во ТГПУ, 2004.— С. 246–248.
408. *Шабалина Н.М.* Развитие центров народных художественных ремесел русского населения на Южном Урале: автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Челябинск, 2004.— 27 с.
409. *Шалин В.* Толерантность: культурная норма и политическая необходимость.— Издатель Lap Lambert Akademik Publishing GmbH&Co.KG 2011.
410. *Шафранов-Куцев Г.Ф.* Университет и регион.— Тюмень: изд-во ТюмГУ, 1997–224 с.
411. *Шесталов Ю.* Есть ли история у нашего Севера? // Он же. Крик журавля.— Свердловск, 1990.
412. *Шилз Э.* Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы.— М., 1972.
413. *Шиняк Г.И.* Работники культуры в социально-профессиональной структуре регионального сельского сообщества России: положение и институциональные механизмы воспроизводства. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. социол. наук.— Ростов-на-Дону, 2013.
414. *Штомпка П.* Социология социальных изменений.— М.: Аспект Пресс, 1996.
415. *Щекин Г.В.* Теория социального управления.— Киев: МАУП, 1996.
416. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное исследование цивилизаций.— М., 1999.
417. *Элиаде М.* Космос и история. Избранные работы. Пер. с англ. и фр. Общ. ред. И.Р. Григулевича, М.Л. Гаспарова.— М.: Прогресс, 1987.— 311 с.
418. *Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения. / Пер. с англ. Отв. ред. В.Я. Петрухин.— М.: Ладомир, 1999.— 488 с.
419. *Элиаде М.* Шаманизм: архаические техники экстаза. / Пер. с англ. К. Богуцкий, В. Трилис.— Киев: София, 1998.— 384 с.
420. Этносоциальные процессы в Сибири: Тематич. сб. / Под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск, 1996–2014. Вып. 1–10.
421. *Ягудина О.В.* Роль старообрядчества в общественно-религиозной жизни Оренбургского и Уральского казачества (вторая половина XIX–начало XX в.) // Вестник ОГУ.— 2012.— № 5.— С. 121–126.
422. *Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э.* Государственная политика вывода России из демографического кризиса.— М.: Экономика, 2007.
423. *Ярков А.П.* Ислам и миграция в жизни регионального сообщества / Серия «Мониторинг современной этноконфессиональной ситуации в Тюменской области».— Вып. 3.— Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2006.
424. *Abyzov S.S., Bobin N.E., Kudryashov B.B.,* 1979. Microbiological studies of a glacier in Central Antarctica. *Izv. AN SSSR. Ser. Biol.*, No. 6, 828–836.
425. *Anil Rupasingha, Stephan J. Goetz, David Freshwater* The production of social capital in US counties// *The journal of Socio-Economics* 35(2006)83–101.
426. *Berle A., Means J.* Corporation and Private Property. N.Y., 1933.
427. *Brushkov A.V., Griva G.I., Karnaukhov N.N., Melnikov V.P., Repin V.E., Sukhovei Yu. G., Milova-nov V.I., Filin V.A.,* 2010. A strain of *Bacillus* sp. bacteria, with immunomodulatory and geronto-protective activity. Patent 2413760 RF. Claim 2009116228/10. Claimed on 29.04.09, published on 10.11.10, Bull. 24.
428. *Eberstadt N.* Russia's Peacetime Demographic Crisis: Dimensions, Causes, Implications, 2010. pp: 240.
429. *Eisenstadt S.N.* From Generation To Generation. Age Groups And Social Structure.— London. 1964.
430. *Eisenstadt S.N.* Tradition, Change, and Modernity.— New York, Sydney, Toronto: John Wiley, 1973.
431. *Fedorets A.A.* 2004. Drop clusters. *Letters to ZhTF* 79 (8), 457–459.
432. *Frank A.G.* Capitalism and Underdevelopment in Latin America. N. Y., 1969.
433. *Festini M., Martino M.* Twenty five years of the one child family policy in China // *Journal of Epidemiology and Community Health.*— 2004.— Vol.58.— № 5.
434. *Friedmann E.I.* 1994. Permafrost as microbial habitat, in: D.A. Gilichinsky (Ed.), *Viable Microorganisms in Permafrost.* Russian Academy of Sciences, Puschino, pp. 21–26.
435. *Istomin V.A., Yakushev V.S.,* 1992. Natural Gas Hydrates. Nedra, Moscow, 236 pp.
436. *Hechter M.* Internal Colonialism: the Celtic fringe in British national development, 1536–1966. L., 1975.
437. *Huntington S. Ph.* The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs.* 1993. Vol. 72. № 3. P. 22–49.
438. *Horowitz N.H., Cameron R.E., Hubbard J.S.,* 1972. Microbiology of the dry valleys of Antarctica. *Science* 176, 242–245.
439. *Cai Y.* China's below-replacement fertility: Government policy or socioeconomic development? // *Population and Development Review.*— 2010.— Vol.36.— № 3.
440. *Cardoso F., Faletto E.* Dependency and Development in Latin America. Berkeley, 1969;
441. *Mead M.* Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap.— N.Y., 1970.
442. *Morgan* Advanced Material start page [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.morgana dvancedmaterials.com>. 13.12.2013.

443. Ogburn W.F. On Culture and Social Change: Select-ed Papers. Edited by Otis Dudley Duncan. Univ. of Chicago Press, 1964.
444. Performance Indicators for Assessing and Bench-marking Research Capacities in Universities. // [Электронный ресурс] //Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0015/001529/152960e.pdf>. 11.12.2013.
445. Jay Barney. Concepts, Management and Com-petitive Advantage. // [Электронный ресурс] //Режим доступа: <http://www.pearsonhighered.com/educator/product/Concepts-Strategic-Management-and-Competitive-Advantage3E/9780136094944.page>. 20.11.2013.
446. Melnikov V.P., Nesterov A.N., Podenko L.S., Reshet-nikov A.M., Shalamov V.V. Metastable states of gas hydrates at pressures below the «ice-hydrate-gas» equilibrium. Earth Cryosphere (Kriosfera Zemli) XV (4), 2011, 69–71.
447. Melnikov V.P. , Nesterov A.N., Reshetnikov A.M., Istomin V.A. 2011a. Metastable states during dis-sociation of carbon dioxide hydrates below 273 K. Chemical Engineering Science 66, 73–77.
448. Melnikov V.P. , Nesterov A.N., Reshetnikov A.M., Istomin V.A., Kwon V.G. 2010. Stability and growth of gas hydrates below the ice-hydrate-gas equi-librium line on the P-T phase diagram. Chemical Engineering Science 65, 906–914.
449. Melnikov V.P. , Rogov V.V., Kurchatova A.N., Brush-kov A.V., Griva G.I., 2011c. Distribution of microor-ganizms in frozen ground. Earth Cryosphere (Kri-osfera Zemli) XV (4), 75–78.
450. Melnikov V.P. , Melnikova A.A., Anikin G.V., Ivan-ov K.S., Spasennikova K.A. 2014. Building on perma-frost: engineering solutions for energy efficiency. Earth Cryosphere (Kriosfera Zemli) XVIII (3), 82–91 .
451. Results-based management in UNDP [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://web.undp.org/evaluation>. 11.12.2013.
452. Riley N. China's Population: New Trends and Chal-lenges.— Washington, 2004.
453. Settles B., Sheng X., Zang Y., Zhao J. The One Child Pol-icy and Its Impact on Chinese Families.— N.Y., 2008.
454. Silin A.N. Experience of sociological of shift-based method in the North of Tyumen region // Contem-porary issues long-distance commute work in the extractive Industries and other sectors. Sympo-sium 8–10 Jule 2013.— Wien: University of Vienna. 2013.— P. 65.
455. Sievert S., Zakharov, S. Klingholz R. Disappearing world power. Berlin: Berlin Institute for Population and Development, 2011. pp: 145. Shumsky P.A., 1955. Fundamentals of Structural Ice Studies. Изд. АН СССР, Moscow, 124 pp. 12. Shvetsov P.F., Dostovalov B.N. (Eds.), 1959. Fundamentals of Cry-ology. Изд. АН СССР, Moscow, 459 pp.
456. Sumgin M.I. Permafrost in the USSR Territory. Far East Geophysical Observatory, Vladivostok, 1927.— 134 pp.
457. Tabatoni P., Davies J., Barblan A. Strategic Manage-ment and Universities' Institutional Development. The European University Association. 2000.
458. Toynbec A. Civilization on Trial and the World and the West. Cleveland and New York, 1963.
459. Tsytoich M.A., 1973. Pure and Applied Mechanics of Cryotic Soils. Vysshaya Shkola, Moscow, 448 pp.
460. Ustinova O.V. Deformation of values system as a reason of demographic crisis in Russia. Scopus. // Life Sci J 2014. 11(8s). p. 465–468.
461. Ustinova O.V. An Investigation into the Motives Be-hind the Reproductiv Conduct of the Ural Federal District Scopus. // World Applied Sciences Journal 2014. 31(5). p. 910–914.
462. Ustinova O.V., Khairullina N.G. Family and marriage values devaluation as the reason of decrease in birth rate. Scopus. // Life Sci J 2014. 11(8s). p.469–472.
463. Vasilchuk Yu. K., Badu Yu. B., et al., 2004. Permaforst conditions at the Kharasavey gas-condensate field, in: Cryosphere of Oil-and-Gas Bearing Provinces, Proc. Intern. Conf., Book of Abstracts, pp. 31.
464. White T.L. Engineering for extreme environments, in: Pipeline and Gs Technology, HartEnergy Pub-lishing, Houston, 2008.
465. White T.L. Gas pipelines in regions of permafrost: from science to practice, in: Cryosphere of Oil-and-Gas Bearing Provinces, Proc. Intern. Conf., Book of Abstracts, 2004. pp. 25.
466. White T. The Origins of China's Birth Planning Poli-cy.— Cambridge, 1994.
467. Yakushev V.S., Perlova E.V., Makhonina N.A., 2005. Metastable (relic) gas hydrates: distribution, re-sources, and economic prospects. Kriosfera Zem-li IX (1), 68–72.
468. Analytic quality glossary [Электронный ре-сурс]. Режим доступа: <http://www.qualityresearchinternational.com>. 12.12.2013. Innovation Insights [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.psu.edu/president/pia/innovation/insights>. 12.12.2013.
469. Worldwide Governance Indicators. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.asp> (дата обращения 01.09.2014)
470. Worldwide Governance Indicators. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/pdf/va.pdf> (дата обращения 15.10.2014)

471. Worldwide Governance Indicators. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/pdf/pv.pdf> (дата обращения 10.09.2014)
472. Worldwide Governance Indicators. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/pdf/ge.pdf> (дата обращения 10.09.2014)
473. Worldwide Governance Indicators. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/pdf/rq.pdf> (дата обращения 12.09.2014)
474. Worldwide Governance Indicators. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/pdf/rl.pdf> (дата обращения 12.09.2014)
475. Worldwide Governance Indicators. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/pdf/cc.pdf> (дата обращения 10.10.2014)
476. World Justice Project Rule of Law Index. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index/> (дата обращения 25.08.2014)
477. Writing S.M.A.R.T. Goals [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hr.virginia.edu/uploads/documents/media/Writing_SMART_Goals.pdf 12.12.2013.
478. The Global Information Technology Report 2014. Rewards and Risks of Big Data / World Economic Forum. Editors: Beñat Bilbao-Osorio, Soumitra Dutta, and Bruno Lanvin.— Geneva, Switzerland, 2014.— 369 p.
479. Антонов А.И. Снижение репродуктивных установок и ориентаций российского населения до 2009 года. [Электронный ресурс] // Демографические исследования.— 2008.— № 7. Режим доступа: URL: <http://www.demographia.ru>.
480. Богоявленский Д.Д. Перепись 2010: этнический срез / Д.Д. Богоявленский [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/demo/perepis_2010_etnicheskij_srez_2013-04-28.htm.
481. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции // Портал Lib.ru — Современная литература. Режим доступа: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml (дата обращения: 30.03.2013).
482. Веракса А. Обзор деятельности попечительских советов в западных университетах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.schoolcitizen.ru>. 13.12.2013
483. В мечетях Татарстана обучается 15 000 человек // <http://dumrt.ru/node/9983> (дата обращения: 15.08.2014).
484. Глоссарий.ру. [Эл. ресурс] — Режим доступа http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RRu.ogr;t:!!lttuxyo л
485. Заседание совета по межнациональным отношениям (2012). [Электронный ресурс]. URL: <http://президент.рф/новости/16292>.
486. Заседание Совета по межнациональным отношениям 22 октября 2013 года, Уфа [Электронный ресурс]. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/19475/print>.
487. В тюменском «ФедералПресс-центре» обсудили профилактику экстремизма. 04.07.2013. http://uralpolit.ru/news/press_center/press_club/1372936173-v-tyumenskom-federalpress-tsentre-obsudili-profilaktiku-ekstremizma
488. Информация о реализации культурной политики в Тюменской области по итогам 2011 года // Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. Режим доступа: http://www.admtyumen.ru/ogv_ru/gov/administrative/culture_department/directions/more.htm?id=10926301@cmsArticle (дата обращения: 30.03.2013).
489. Информация с сайта «Введенское кладбище» (по мотивам Ю. Рябины). // <http://poklon.ru/interest/vvedenskoe-kladbishhe/>
490. Использование показателей результатов деятельности в стратегическом планировании вузов. [Электронный ресурс].— Режим доступа: www.econ.msu.ru. 14.12.2013.
491. К 2050 году численность населения может снизиться до 110 млн. человек / Электронная версия бюллетеня «Население и общество» 17.08.2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru>.
492. Население Ханты-Мансийского автономного округа 2012. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
493. Межнациональные отношения в Тюменской области. http://www.admtyumen.ru/ogv_ru/gov/administrative/nation_committee/directions/more.htm?id=10552288@cmsArticle
494. Московская Гильдия рестораторов // <http://menu.ru/>
495. Отчет ЮНЕСКО «Показатели эффективности стратегического менеджмента в оценке и конкурентном сопоставлении исследовательского потенциала университетов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.edu.gov.kz. 2005 г.
496. Официальный сайт Тюменской государственной академии культуры, искусств и социальных технологий. [Эл. ресурс] Режим доступа: <http://www.tsiac.ru/> (дата обращения: 30.03.2013).
497. Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля

- 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» и подпункта «и» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70186210/> (дата обращения 10.10.2014)
498. Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)» (с изменениями и дополнениями)/ ГАРАНТ. Информационно-правовой портал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/184120/> (дата обращения: 15.02. 2015 г.)
499. Путин предупредил о демографическом кризисе /Интернет газета Pronovosti.ru. 22.06.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pronovosti.ru/archives/182921>.
500. Реестр объектов монументального искусства, установленных на территории города Тюмени (по состоянию на 12.02.2013 года) // Департамент культуры Администрации г. Тюмени. Режим доступа: cultura.tyumen-city.ru/files/download/240_293.doc (дата обращения: 30.03.2013).
501. Росстат об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: <http://www.rg/2011/12/16/stat/html> (дата обращения 20.08.2012).
502. Росстат. Официальный сайт. Численность населения по отдельным возрастным группам (на начало года). [эл. ресурс] — Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn3.htm
503. Росстат. Официальный сайт. Распределение населения по возрастным группам (на 1 января). [эл. ресурс] — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_16/Main.htm
504. Современная демографическая ситуация в РФ //Официальный сайт Росстата РФ. Режим доступа: www.gks.ru
505. Статья 25 Конституции КНР 1982 года // URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution/constitution_ch1.
506. Уровень жизни населения в 1996 году. //Федеральный портал PROTOWN.RU/ <http://www.protown.ru/information/hide/3086.html>.
507. Учебные заведения Татарстанской митрополии РПЦ // <http://www.kazan-mitropolia.ru/vs/> (дата обращения: 23.08.2014).
508. URL: <http://www.rg/2011/12/16/stat/html> (дата обращения 20.08.2012).
509. URL: <http://dumrt.ru/ru/node/13863> (дата обращения: 11.06.2014).
510. URL:<http://tatarstan-mitropolia.ru/media/telekanaly/?ID=44274> (дата обращения: 13.05.2014).
511. [Rudocs.exdat.com/docs/](http://rudocs.exdat.com/docs/)
512. alasharshop.ru; rayan.ru;
513. sudba.info>[musulmanskie magaziny-v-moskve/](http://musulmanskie-magaziny-v-moskve/).
514. yaseen-hijab.ru
515. <http://a-a-ah.ru/city/moscow/drinkfood/etnickitchen> http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/
516. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/
517. www.yell.ru; restoran.ru
518. resto.ru
519. <http://traveltipz.ru/trips/restaurants-rating/tyumen-russia-647?restkitchen=152>
520. school52.tyumen-edu.ru
521. readik.ru/school/region72/str1_90_72_22740_1.php
522. <http://www.etnos72.ru/>
523. <http://www.fms.gov.ru/>
524. [эл. ресурс] — Режим доступа: lenta.ru; <http://meta.kz/novosti/russia/770165>
525. <http://www.pwc.com/us/en/cities-of-opportunity/2014/assets/cities-of-opportunity-2014.pdf>
526. http://4ege.ru/materials_podgotovka/2797-perevod-ballo-v-ege-v-ocenki.html

Научное издание

РОССИЯ – ТЮМЕНЬ: ВЕКТОРЫ ЕВРАЗИЙСКОГО РАЗВИТИЯ

Коллективная монография

Авторы:

Байгонакова Галия Аманболдыновна	Максимова Ольга Александровна
Барбаков Олег Михайлович	Малькова Вера Константиновна
Белоножко Марина Львовна	Мархинин Василий Васильевич
Гаврилюк Вера Владимировна	Мельников Владимир Павлович
Гаврилюк Татьяна Владимировна	Мусина Розалинда Нуриевна
Грошева Ирина Александровна	Намруева Людмила Васильевна
Грошев Игорь Львович	Попков Юрий Владимирович
Голенкова Зинаида Тихоновна	Садыкова Хадия Нургалиевна
Дорошин Борис Анатольевич	Силин Анатолий Николаевич
Игитханян Елена Давидовна	Темербекова Альбина Алексеевна
Игнатова Елена Васильевна	Ткачева Нина Александровна
Ильдарханова Флюра Амировна	Троцук Ирина Владимировна
Исламшина Таслима Гайсеевна	Удалова Ираида Викторовна
Конев Юрий Михайлович	Устинова Оксана Вячеславовна
Киричук Степан Михайлович	Хайруллина Нурсафа Гафуровна
Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна,	Хамзина Гузель Рашитовна
Левашов Виктор Константинович	Шалин Виктор Викторович
Шеломенцева Валентина Павловна	

Редактор *Д. В. Борисенко*

Дизайн обложки *А. В. Клеменко*

Подписано в печать 05.05.2015. Формат 60х90 1/8. Печ. л. 40,5.

Тираж 500 экз. Заказ № 229.

Библиотечно-издательский комплекс
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего профессионального образования
«Тюменский государственный нефтегазовый университет».

625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.

Типография библиотечно-издательского комплекса.
625039, Тюмень, ул. Киевская, 52.